МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2025 **№ 96**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

16+

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences;
Merlin Aude, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain);
Funk Dmitry A., Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской истории – ответственный секретарь; **Молодин Вячеслав Иванович**, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович,** д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд)**; Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), Senior Lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Rumyantsev Peter P., PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**;**
Ryndina Olga M., Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University;
Troizkiy Eugeniy F., Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan);
Shilovsky Mikhail V., Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Грива И.П. Международные подходы к изучению российской мягкой силы: анализ современных исследований 5
Гузельбаева И.А. Фактор культурной пропаганды в провале антиалкогольной политики периода перестройки в Татарской АССР 10
Зиновьев В.П., Харусь О.А. Панорама общественной жизни Новониколаевска в цифрах и фактах (1895 – февраль 1917 г.) 17
Лойко О.Т., Глушкова Л.В. Томская духовная семинария как объект локальной истории 23
Милевский О.А. Яков Стефанович в 1878–1879 гг.: невыученные уроки «Чигиринского дела» 34
Моисеев В.В. Импортозамещение: история и современность 43
Никулин Д.О. Деятельность Бердского волостного правления по обеспечению мобилизации в годы Первой мировой войны 52
Рябкова О.В. К вопросу развития предприятий сельского хозяйства в Ямало-Ненецком национальном округе в 1938–1945 гг. на примере работы Салехардского молочно-овощного совхоза 60
Саевская М.А. Дискуссия о природе земского самоуправления в русской консервативной мысли второй половины XIX – начала XX в. 68
Семенов Ю.В. Этнический состав и особенности дислокации воинских формирований в Тургайской области по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года 75
Степнов А.О., Некрылов С.А., Ковалев А.Е. Эпидемия холеры, общественное мнение и экспертное медицинское знание в Сибири (1891–1892 гг.) 80
Шерстова Л.И., Деньгина О.В. Организация землепользования переселенцев Бельской и Казачинской волостей Енисейского уезда Енисейской губернии в период проведения аграрной реформы П.А. Столыпина 89
Шорохова И.В. Карельское отделение общества «СССР–Финляндия» в системе советской культурной дипломатии 1960-х гг.: от межкультурного диалога к межкультурной коммуникации 96
Элтеко Ю.В. От войны к миру: становление Енисейского губернского партийного комитета РКП(б) 108

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Горбачев А.С., Тимошенко А.Г. Роль Европейской внешнеполитической службы в обеспечении Общей внешней политики и политики безопасности Европейского Союза 115
Давыдов С.А. К вопросу о роли войны в становлении вождества 125
Savkovich E.V., Volchkov N.A. Nuclear energy in Russian-Saudi relations 135
Синегубов С.Н., Шилов С.П., Кудрявцев Н.В. Значение донесений немецких военно-морских атташе в Лондоне и Петербурге для формирования морской политики Германии в 1904–1912 гг. 142
Шумаков А.А. Эволюция радикального афроамериканского аболиционизма в первой трети XIX в. 154

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Быстрюков В.Ю. Скифы и гунны в русской истории: евразийский взгляд 163
Фадеева О.Р. Анализ материалов периодического издания «Нефтяник Приполярья» как метод восстановления истории города Губкинского в начале 1990-х гг. 172

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Griva I.P. International approaches to the study of Russian soft power: an analysis of modern research 5
Guzelbaeva I.A. Factor of cultural propaganda in the failure of the anti-alcohol policy of the period of Perestroika in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic 10
Zinoviev V.P., Kharus O.A. Panorama of the public life of Novonikolaevsk in figures and facts (1895 – February 1917) 17
Loyko O.T., Glushkova L.V. Tomsk Theological Seminary as an object of local history 23
Milevsky O.A. Yakov Stefanovich in 1878–1879: unlearned lessons of the “Chigirin affair” 34
Moiseev V.V. Import substitution: History and Present 43
Nikulin D.O. The activities of the Berdsk volost administration on the mobilization during the First World War 52
Ryabkova O.V. The issue of development of agricultural enterprises in the Yamal-Nenets national district in 1938–1945 in the context of the work of the Salekhard dairy and vegetable state farm 60
Saevskaya M.A. The discussion on the nature of Zemstvo self-government in Russian conservative theories in the second half of the 19th and early 20th centuries 68
Semenov Yu.V. Ethnic composition and features of the deployment of military formations in the Turgai region according to the results of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897 75
Stepnov A.O., Nekrylov S.A., Kovalev A.E. The Cholera Epidemic, Public Opinion and Expert Medical Knowledge in Siberia (1891–1892) 80
Sherstova L.I., Dengina O.V. Organization of land use of settlers of the Belsky and Kazachinsky volosts of the Yenisei district of the Yenisei province during the period of P.A. Stolypin's agrarian reform 89
Shorokhova I.V. Karelian branch of the society “USSR-Finland” in the soviet cultural diplomacy system of the 1960s: from intercultural dialogue to intercultural communication 96
Elteko Yu.V. From War to Peace: Formation of the Yenisei Provincial Party Committee of the RCP(b**)** 108

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Gorbachev A.S., Timoshenko A.G. The role of the European External Action Service in Implementation of The Common Foreign and Security Policy of the European Union 115
Davydov S.A. On the role of war in the formation of chiefdom 125
Savkovich E.V., Volchkov N.A. Nuclear energy in Russian-Saudi relations 135
Sinegubov S.N., Shilov S.P., Kudryavtsev N.V. The significance of the German navigation attashes’ reports from London and Petersburg for the formation of Germany's marine policy in 1904–1912 142
Shumakov A.A. The evolution of radical African-American Abolitionism in the first third of the XIX century 154

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Bystryukov V.Yu. Scythians and Huns in Russian History: a Eurasian View 163
Fadeeva O.R. Analysis of the Materials of the Periodical Neftyanik Pripolyarya as a Method for Reconstructing the History of the City of Gubkinsky in the Early 1990s 172

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Жилякова Н.В., Морев В.А. «Много, очень много жалоб»: томская журналистика о проблемах почтовой службы и телеграфной связи в конце XIX – начале XX в. 180

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Зиновьева В.И., Раитина М.Ю., Покровская Е.М., Пустоварова А.О. Обратная связь в образовательном пространстве вуза как форма управления рисками студентов (на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУРа)) 189

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Томилов Н.А. Всероссийская научная конференция «Советское этнографическое североведение в диалогах со временем» о развитии этнографических научных центров российского сибиреведения 198

Комлева Е.В. Города Сибири в Новое время в дискурсе современных исторических исследований (по итогам конференции «Города Сибири в Новое время: экономическое и социокультурное измерения», Новосибирск, 18–19 марта 2025 г.) 202

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Zhilyakova N.V., Morev V.A. “There are many, many complaints”: Tomsk journalism about the problems of the postal service and telegraphic communications in the late 19th and early 20th centuries 180

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Zinovieva V.I., Raitina M.Y., Pokrovskaya E.M., Pustovarova A.O. Feedback in the university educational environment as a form of students’ risk management (on the example of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR)) 189

SCIENTIFIC LIFE

Tomilov N.A. All-Russian scientific conference “Soviet ethnographic Northern Studies in dialogues with time” about the development of ethnographic research centers of Russian Siberian studies 198

Komleva E.V. Cities of Siberia in New Times in the Discourse of Modern Historical Research (based on the results of the conference “Cities of Siberia in Modern Times: Economic and Socio-cultural dimensions”, Novosibirsk, March 18–19, 2025 202

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья
УДК 327; 94(47)
doi: 10.17223/19988613/96/1

Международные подходы к изучению российской мягкой силы: анализ современных исследований

Иван Павлович Грива

Томский государственный университет, Томск, Россия, Hryvaivan19@mail.ru

Аннотация. Обобщаются подходы зарубежных исследователей к изучению российской мягкой силы, акцентируется внимание на эволюции советских методов, цифровых технологиях, визуальных нарративах и управлении алгоритмами. Анализ выявляет как преемственность, так и новые формы дезинформации, адаптированные к современной медиасреде.
Ключевые слова: российская мягкая сила, цифровые медиа, визуальные нарративы, информационные операции, новые медиа

Для цитирования: Грива И.П. Международные подходы к изучению российской мягкой силы: анализ современных исследований // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 5–9. doi: 10.17223/19988613/96/1

Original article

International approaches to the study of Russian soft power: an analysis of modern research

Ivan P. Griva

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Hryvaivan19@mail.ru

Abstract. The topic of Russian propaganda holds a central place in the modern international academic discourse, particularly after 2014 and the onset of the Special Military Operation in 2022. At the same time, the Russian academic landscape still offers relatively few systematic studies focused on how Western researchers analyze the country's information strategies. Yet it is precisely in Western contexts where a stable narrative has emerged: Russian soft power is increasingly perceived not as a tool of public diplomacy, but as a threat to democratic order and information sovereignty. Contemporary Western scholars describe Russian propaganda as a complex, adaptive phenomenon combining the legacy of Soviet "active measures" with the technological capabilities of the digital age. Key areas of focus include visual narratives, algorithmic manipulation, and the use of platforms such as Telegram that allow a high degree of anonymity. Digital transformation is interpreted not as an auxiliary feature, but as a core element of Russia's strategic communication aimed at constructing an alternative worldview. Researchers highlight the continuity between Soviet-era influence techniques and current post-Soviet strategies. Practices such as discrediting opponents, staging leaks, using third-party dissemination (source laundering), and semantic reframing are still in use – adapted to the algorithmic logic of digital platforms. These tactics are difficult to detect and highly effective in the fragmented landscape of modern media consumption. Additionally, scholars point to the ideological layer of Russia's communication efforts, notably the rhetoric of "civilizational resistance," historical archetypes, and the use of mythologized symbols within the framework of "geopolitical mysticism." Analyzing Western academic literature on Russian propaganda is valuable not only for scholarly purposes, but also for practical insight. It helps to understand how Russian influence is perceived abroad, which techniques are seen as most vulnerable or effective, and what strategies might be employed in return. Such knowledge is crucial for developing resilient communication policies and for navigating the complex landscape of global narrative competition.
Keywords: Russian soft power, digital media, visual narratives, information operations, new media

For citation: Griva, I.P. (2025) International approaches to the study of Russian soft power: an analysis of modern research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 5–9. doi: 10.17223/19988613/96/1

© И.П. Грива, 2025

Актуальность темы обусловлена не только возрастающим интересом к информационно-психологическим операциям в контексте глобального противостояния нарративов, но и тем, что в отечественной научной литературе системный анализ западных интерпретаций российской пропаганды остается сравнительно редким. При этом именно в зарубежной академической среде, а также в среде политических оппонентов России формируется устойчивая рамка восприятия ее внешнеполитической и медийной активности. К выводам советологов и идеологических критиков СССР конца XX в. сегодня присоединяются современные аналитики, стремящиеся представить российское влияние как угрозу мировому порядку, используя для этого как научные инструменты, так и медиатехнологии. Изучение их оценок не только помогает понять структуру обвинительной аргументации, но и позволяет критически осмыслить те аспекты российской мягкой силы, которые воспринимаются за рубежом как наиболее эффективные. Это знание важно не столько для зеркального ответа, сколько для повышения устойчивости национального информационного пространства и формирования стратегически выверенной внешней коммуникации.

Российская пропаганда стала объектом пристального внимания международного научного сообщества, особенно после событий 2014 г. и начала специальной военной операции в 2022 г. Исследователи концентрируются на выявлении устойчивых черт, переходящих из советской эпохи, и на анализе инновационных инструментов, появившихся в цифровую эру. Наиболее актуальными стали сравнительные исследования, основанные на сопоставлении «традиционных» методов и новых форм воздействия мягкой силы на внутреннюю и внешнюю аудиторию, включая алгоритмические манипуляции и визуальные нарративы [1]. Одно из центральных направлений в изучении российской пропаганды (именно так называют мягкую силу иностранные исследователи) – исследование преемственности между советскими информационными операциями и современными российскими стратегиями воздействия. Как показывают Р. Горбик, Я. Примаченко, Д. Орлова, несмотря на трансформацию медиасреды, многие приемы, зафиксированные в методических пособиях КГБ времен холодной войны, сохранились и адаптировались к цифровой эпохе. В частности, «остаются актуальными такие элементы, как инсценированные утечки, фальсификация источников, дезинформация через подставные каналы, использование третьих сторон для “отмывки” информации (так называемый source laundering), а также широкое применение негатива и недостоверных сведений как главных характеристик российского стиля пропаганды» [1]. Исследователи пишут, что советская практика «активных мероприятий» (active measures), включавшая дезинформацию, агентуру влияния, публикацию подложных документов и манипуляции средствами массовой информации, в современной России трансформировалась в гибридную модель, сочетающую традиционные элементы с высокотехнологичными средствами. Примером этому служит кампания Secondary Infektion, осуществлявшаяся через подставные аккаунты и площадки в западных странах с целью подрыва доверия к международным институтам и дискредитации Украины. Подобные информационные атаки сочетали тактику «разделяй и властвуй» с многоканальной подачей – от соцсетей до англоязычных псевдоаналитических платформ.

Анализ исторических источников, в том числе советских дипломатических документов 1920–1930-х гг., выявляет устойчивую структуру пропагандистских действий, основанных на создании образа внешнего врага, стратегической манипуляции национальными меньшинствами и попытках влияния на внутриполитическую ситуацию в соседних государствах (например, в Польше и Румынии) через информационное давление. Современная российская пропаганда унаследовала от советской не только методы, но и идеологические принципы: борьбу за интерпретацию истории, легитимацию политических решений через культурно-исторические нарративы и жесткую вертикаль контроля над информацией. Однако постсоветская практика демонстрирует также новые элементы: коммерциализацию пропагандистской деятельности, участие частных подрядчиков (например, так называемой «фабрики троллей»), активное внедрение алгоритмов в дистрибуцию контента, а также использование псевдоакадемических структур и анонимных Telegram-каналов в качестве каналов влияния. Таким образом, наблюдается не столько разрыв, сколько эволюция инструментов – от централизованного советского подхода к децентрализованной, сетевой и адаптивной системе, отвечающей требованиям современной цифровой войны.

Особый интерес в изучении российской мягкой силы вызывает визуальная составляющая информационного воздействия, обладающая высокой степенью эмоционального влияния и психологической суггестии. Как отмечают У. Тайзен и соавт. [2], визуальные медиа – от мемов до инфографики – играют критически важную роль в формировании политических установок и восприятия конфликта. Их исследование, базирующееся на обработке данных более чем 900 аккаунтов российских военных блогеров в Telegram, продемонстрировало почти 9 000-процентный рост количества постов и более чем 5 000-процентный рост публикаций изображений в преддверии начала специальной военной операции на Украине [2]. Подобная активизация трактуется как преднамеренная информационно-психологическая подготовка аудитории к конфликту, пишут исследователи, где визуальные паттерны служат ключевым триггером коллективной мобилизации. Проанализированные изображения демонстрируют устойчивое использование трех типов визуального воздействия: 1) усиление чувства принадлежности и «внутригрупповой солидарности»; 2) дегуманизация противника (например, посредством образов нацистов, карателей, чудовищ); 3) создание когнитивной и эпистемологической неуверенности. Последний тип особенно важен, поскольку он способствует подрыву доверия к официальным источникам информации, создавая у аудитории ощущение, что «правды нет вовсе». Такие

изображения зачастую преподносятся в формате мемов или шаблонных коллажей, обладающих высокой степенью воспроизводимости и адаптивности. Российский визуальный контент тиражируется через Telegram, что особенно важно в условиях, когда другие платформы (в частности, запрещенная на территории РФ организация Meta) частично недоступны в России.

Эффективность визуальной российской пропаганды объясняется также особенностями восприятия изображений: визуальная информация требует меньше когнитивных усилий для обработки, чем текст, и быстрее вызывает эмоциональный отклик. В условиях современного медиапотребления, основанного на фрагментарности и скорости, это делает визуальные паттерны особенно результативными средствами манипуляции восприятием. Визуальные нарративы становятся не только иллюстрацией политического конфликта, но и активным инструментом формирования идентичностей и политических позиций.

Таким образом, визуальная составляющая российской мягкой силы, по оценке иностранных исследователей, – это не вспомогательный элемент, а центральная часть стратегической коммуникации, направленной на управление массовым сознанием в условиях конфликта.

Цифровая трансформация российской мягкой силы сопровождается активной адаптацией к алгоритмической логике платформ и поисковых систем, что свидетельствует о глубокой технологической эволюции методов информационного воздействия в России. Как показали Э.М. Уильямс и К.М. Карли, российская публичная дипломатия и связанные с ней структуры применяют комплексные стратегии управления результатами поисковых запросов, включая так называемые link schemes – сеть низкокачественных сайтов, массово генерирующих обратные ссылки на аналитические ресурсы российского толка [3]. Цель подобного влияния – обеспечить доминирование российского нарратива в результатах поисковых выдач по чувствительным ключевым словам: НАТО, «вторжение в Украину», «биолаборатории», «санкции против России» и др. При этом создаются экспертность и академический авторитет у ресурсов, имеющих реальную исследовательскую ценность. Такие сайты создаются для независимых аналитических центров и публикуют тексты на английском языке, ориентируясь на западную аудиторию. В ряде случаев исследователи зафиксировали пересечение ссылочных сетей с американскими и европейскими аналитическими сайтами, что затрудняет мгновенное выявление пророссийского происхождения контента. Хотя алгоритмы Google, согласно авторам исследования, частично распознают и ограничивают распространение таких доменов, эффективность этих контрмер остается неполной. Более того, аналогичные стратегии успешно реализуются в менее защищенных поисковых системах и через встроенные алгоритмы рекомендаций социальных платформ, особенно Telegram и VK. Таким образом, формируется параллельная инфраструктура информационного воздействия, способная подменять результаты поиска и влиять на контекст восприятия событий.

Алгоритмическое влияния с российское стороны дополняется тактикой семантической работы с понятиями: например, изменение терминов «армия РФ» на «миротворцы», «вторжение» на «операция», «террористы» на «ополченцы». Эти приемы не только устанавливают истину, но и обеспечивают устойчивость в цифровом ландшафте через адаптацию под правила платформ. В условиях увеличивающегося влияния алгоритмов на медиапотребление российская мягкая сила демонстрирует высокий уровень технологической гибкости, стратегически осваивая принципы SEO-оптимизации, автоматизированного контент-производства и цифрового позиционирования. Это превращает цифровую среду в поле постоянной конкуренции за внимание пользователя и контроль над интерпретацией действительности.

Отдельное внимание стоит уделить тому, как иностранные исследователи анализируют применение российской мягкой силы в социальной сети Telegram. Telegram занимает особое место в экосистеме современной российской мягкой силы как одна из немногих платформ, не ограниченных государственными запретами, обладающая высокой степенью анонимности, децентрализации и гибкости в распространении контента. В этих условиях российские прокремлевские акторы активно используют Telegram-каналы как канал политической коммуникации и мобилизации.

Исследования Н. Ванетика и соат. [4] направлены на разработку инструментов выявления таких информационных операций с помощью методов машинного обучения и лингвистического анализа. Авторы предложили корпус сообщений в Telegram на русском языке, связанный со специальной военной операцией на Украине, и провели бинарную аннотацию постов с классификацией на влиятельные и нейтральные. С использованием методов глубокого обучения, в частности fine-tuning моделей на архитектуре BERT, были достигнуты показатели точности выше 96% при работе с подтвержденными источниками. Такой результат демонстрирует высокую эффективность применения NLP-инструментов для обнаружения латентных признаков пропаганды, включая использование эмоционально окрашенной лексики, упрощенных бинарных оппозиций («свои / чужие»), апелляций к страху, славе или исторической справедливости. Особое внимание в исследовании уделяется тематическому моделированию: анализируемые тексты классифицируются по типам риторических стратегий (например, демонизация врага, героизация армии, оправдание насилия). Такая сегментация позволяет точечно отслеживать динамику пропагандистских тактик в зависимости от политического или военного контекста – от мобилизационных призывов до кампаний по разоблачения Запада или украинского руководства.

Важно отметить, что Telegram становится площадкой как для централизованно курируемых, так и для «ситуативно скоординированных» информационных кампаний. «Наличие обширной экосистемы анонимных и полуанонимных каналов, включая так называемые “сливные бачки”, создает благоприятную среду для распространения нарративов, которые трудно

напрямую отнести к государству, но которые повторяют стратегические интересы России», – пишут исследователи [4]. Это порождает вызов не только технического, но и правового характера, так как сложнее выстраивать регуляторные механизмы против контента с неясной институциональной принадлежностью. Таким образом, Telegram представляет собой гибридную медиаплатформу, где взаимодействуют государственные, квазигосударственные и частные информационные игроки. Исследования с применением ИИ-инструментов становятся ключом к распознаванию этой сложной архитектуры и вскрытию логики функционирования цифровой дипломатии.

Помимо технической стороны российской мягкой силы, исследовали уделяют внимание идеологической составляющей. Фундаментальным измерением современной российской мягкой силы является ее идеологическая основа, опирающаяся не только на политическую прагматику, но и на глубинные символические коды, мифологемы и архетипические образы. Одной из наиболее концептуально разработанных категорий в этом контексте выступает «геополитический мистицизм», предложенный В. Мосийчуком [5]. Под этим термином автор понимает использование сакрализированных исторических, культурных и метафизических элементов в целях легитимации политических решений, мобилизации масс и объяснения внешнеполитических действий. Центральным элементом этой концепции выступает евразийство – идеология, активно возрожденная в постсоветский период и особенно разработанная в работах Александра Дугина. Евразийство утверждает особую «цивилизационную миссию» России как центра самостоятельного, наднационального и антизападного мира. Согласно этой логике, Россия является не просто государством, а воплощает собой сакральный геополитический субъект, призванный спасти человечество от деградации либерального Запада. Такая идеологическая рамка позволяет формировать нарративы внешней политики как борьбы за высшие ценности, «цивилизационного сопротивления» или «культурной самобытности». Мосийчук подчеркивает, что в арсенале российской мягкой силы активно используются мифологические символы: от образов «Третьего Рима» до сакрализированных сюжетов о Великой Отечественной войне и «русском мире». Эти символы не только структурируют историческую память, но и вплетаются в современный политический дискурс. Пропаганда не просто информирует – она формирует реальность, где Россия изображается как «осажденная крепость», окруженная врагами, но несущая миссию возрождения мировой справедливости, считает исследователь [5]. Геополитический мистицизм предлагает не только образ врага, но и образ «святой войны», в которой участие оправдано не столько рациональными интересами, сколько «духовным предназначением». Кроме того, культурно-мифологические нарративы обеспечивают устойчивость пропагандистских конструктов в долгосрочной перспективе. Они воспроизводятся через образование, художественную литературу, кино и массовую культуру, тем самым превращаясь в глубинные коды коллективного сознания. Современные цифровые технологии позволяют усилить эти нарративы через визуальные медиа и алгоритмическое распространение, что делает геополитический мистицизм особенно эффективным инструментом в арсенале информационной войны.

Современные международные исследования российской мягкой силы представляют собой междисциплинарную область, охватывающую политологию, лингвистику, когнитивную психологию и цифровую аналитику. Российская мягкая сила рассматривается иностранными исследователями США, Британии, Польши как системный феномен, с высокой скоростью адаптирующийся к изменяющейся медиасреде, но сохраняющий неизменной свою цель – эффективное влияние на восприятие и поведение через стратегическое конструирование реальности.

Обобщая подходы зарубежных исследователей к изучению российской мягкой силы, можно прийти к следующим выводам:

1) преемственность советских и постсоветских пропагандистских практик является ключевым направлением исследований, демонстрируя сохранение и адаптацию классических приемов дезинформации, агентурного влияния и идеологического контроля в условиях цифровой медиасреды. Современная российская мягкая сила эволюционировала из централизованной модели в сетевую, децентрализованную и высокотехнологичную систему;

2) информационно-психологическое воздействие на аудиторию усилилось за счет активного использования визуальных паттернов, обладающих высокой эмоциональной суггестией. Визуальные нарративы, включая мемы, инфографику и образы героизации, становятся неотъемлемой частью стратегической коммуникации, способствуя формированию групповой идентичности и мобилизации общественного мнения;

3) алгоритмическая адаптация и манипуляция поисковыми системами и платформами представляют собой качественно новую форму цифрового воздействия. Использование тактик SEO-оптимизации, генерации ссылочных сетей и семантического подменивания терминов свидетельствует о высоком уровне технологической зрелости российской мягкой силы;

4) Telegram как инструмент децентрализованной мягкой силы занимает особое место в информационной экосистеме России. Исследования показывают, что платформу используют как для централизованных кампаний, так и для ситуативных сетевых операций, опирающихся на анонимные каналы. Применение методов NLP и машинного обучения позволяет выявлять ключевые риторические стратегии и динамику нарративов;

5) идеологическая составляющая российской мягкой силы формируется на основе сакрализированных и мифологических концептов, в частности «геополитического мистицизма». Евразийские идеи и нарративы «цивилизационного сопротивления» играют фундаментальную роль в легитимации внешнеполитической активности и обеспечивают устойчивость пропагандистского дискурса в долгосрочной перспективе;

6) цифровая трансформация российской мягкой силы демонстрирует не просто адаптацию к новым условиям,

а создание автономной инфраструктуры информационного воздействия. Эта инфраструктура сочетает когнитивные, технологические и символические ресурсы, направленные на формирование альтернативной картины мира, отличной от западных стандартов интерпретации;

7) интердисциплинарный подход к изучению российской мягкой силы – с привлечением политологии, медиалингвистики, социологии, информационных технологий и визуальных исследований – оказывается необходимым для адекватного понимания её природы, функций и трансформаций в условиях глобального конфликта нарративов.

В заключение необходимо подчеркнуть, что для успешного противостояния с противником необходимо знать его представления об уровне нашего влияния для успешного противостояния с ним.

Список источников

1. Horbyk R., Prymachenko Y., Orlova D. The transformation of propaganda: The continuities and discontinuities of information operations, from Soviet to Russian active measures // Nordic Journal of Media Studies. 2023. Vol. 5 (1). P. 68–94. doi: 10.2478/njms-2023-0005
2. Theisen W., Yankoski M., Hook K., Verdeja E., Scheirer W., Weninger T. Visual narratives and political instability: A case study of visual media prior to the Russia-Ukraine conflict // Information, Communication & Society. 2025. Vol. 28 (4). P. 512–538. doi: 10.1080/1369118X.2025.2492577
3. Williams E.M., Carley K.M. Search engine manipulation to spread pro-Kremlin propaganda // HKS Misinformation Review. 2023. 16 Feb. URL: https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/search-engine-manipulation-to-spread-pro-kremlin-propaganda/ (accessed: 01.05.2025).
4. Vanetik N., Litvak M., Reviakin E., Tyamanova M. Propaganda Detection in Russian Telegram Posts in the Scope of the Russian Invasion of Ukraine // Proceedings of the 14th International Conference on Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP 2023), Varna, Bulgaria, 4–6 Sep. 2023. P. 1162–1170. doi: 10.26615/978-954-452-092-2_123
5. Mosiichuk V. Geopolitical Mysticism as Ideological Basis of Geopolitical Russian Propaganda // SSRN. 2023. URL: https://ssrn.com/abstract= 4428458 (accessed: 01.05.2025).

References

1. Horbyk, R., Prymachenko, Y. & Orlova, D. (2023) The transformation of propaganda: The continuities and discontinuities of information operations, from Soviet to Russian active measures. *Nordic Journal of Media Studies*. 5(1). pp. 68–94. DOI: 10.2478/njms-2023-0005
2. Theisen, W., Yankoski, M., Hook, K., Verdeja, E., Scheirer, W. & Weninger, T. (2025) Visual narratives and political instability: A case study of visual media prior to the Russia-Ukraine conflict. *Information, Communication & Society*. 28(4). pp. 512–538. DOI: 10.1080/1369118X.2025.2492577
3. Williams, E.M. & Carley, K.M. (2023) Search engine manipulation to spread pro-Kremlin propaganda. *HKS Misinformation Review*. 16th February. [Online] Available from: https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/search-engine-manipulation-to-spread-pro-kremlin-propaganda/ (Accessed: 1st May 2025).
4. Vanetik, N., Litvak, M., Reviakin, E. & Tyamanova, M. (2023) Propaganda Detection in Russian Telegram Posts in the Scope of the Russian Invasion of Ukraine. *Proc. of the 14th International Conference on Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP 2023)*. Varna, Bulgaria. September 4–6, 2023. pp. 1162–1170. DOI: 10.26615/978-954-452-092-2_123
5. Mosiichuk, V. (2023) *Geopolitical Mysticism as Ideological Basis of Geopolitical Russian Propaganda*. [Online] Available from: https://ssrn.com/abstract= 4428458 (Accessed: 1st May 2025).

***Сведения об авторе*:**
Грива Иван Павлович – аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Hryvaivan19@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Griva Ivan P. – PhD Graduate Student of the Faculty of Historical and Political Studies of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Hryvaivan19@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025*; принята к публикации 01.08.2025*

The article was submitted 15.05.2025*; accepted for publication 01.08.2025*

Научная статья
УДК 94(470)
doi: 10.17223/19988613/96/2

Фактор культурной пропаганды в провале антиалкогольной политики периода перестройки в Татарской АССР

Ирина Александровна Гузельбаева

Казанский государственный аграрный университет,
Казань, Россия, i.gizelbaeva@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается процесс антиалкогольной пропаганды и ее реализации в Татарской АССР в рамках социальной реформы периода перестройки (1985–1991). Комплексное использование источников позволило рассмотреть провал антиалкогольной пропаганды в культурном пространстве ТАССР как составную часть идеологического кризиса позднесоветского времени. Делается вывод, что неэффективность антиалкогольной кампании во многом была связана с несоответствием мер, реализуемых в культуре и идеологии, запросам позднесоветского общества.

Ключевые слова: перестройка, гласность, антиалкогольная пропаганда, Татарская АССР, позднесоветское общество

Для цитирования: Гузельбаева И.А. Фактор культурной пропаганды в провале антиалкогольной политики периода перестройки в Татарской АССР // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 10–16. doi: 10.17223/19988613/96/2

Original article

Factor of cultural propaganda in the failure of the anti-alcohol policy of the period of Perestroika in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic

Irina A. Guzelbaeva

Kazan State Agrarian university,
Kazan, Russian Federation, i.gizelbaeva@yandex.ru

Abstract. The article discusses anti-alcohol campaign during 1985-1987 in TASSR. The main purpose of the article is to determine the reasons of ineffective party-government propaganda, which has been realized by mass media and culture. The sources of the article have different origin. The main materials were obtained through the study of the documents of the State Archive of the Republic of Tatarstan (SA RT). A significant addition is the information from the printed media: urban and republican periodicals. The materials from authors' interviews with cultural figures of the republic of Tatarstan allowed to illustrate considered events through the history of everyday life. A brief analysis of scientific and journalistic domestic and foreign literature, which reflects various aspects of the anti-alcohol campaign during Perestroika, was conducted. The ambiguous assessments of this reform and its consequences are revealed. The article discusses the plans and work of main party and government departments, which were in charge of controlling and implementing anti-alcohol propaganda in culture. Among the main measures carried out by cultural institutions and creative unions the following are mentioned: lectures, demonstrations of thematic films in educational institutions and places of mass recreation of citizens; staging of plays and satirical miniatures in the city theaters of the republic; cultural activities of agitation brigades in districts; creation of sobriety clubs at the houses of culture; holding thematic art exhibitions, etc. The author came to the conclusion about twofold consequences of the reform. On the one hand, people started to drink less alcohol. On the other hand, moonshining was spreading, the number of speculations in wine and vodka products was increasing. The materials of authors' interviews with cultural figures of the republic allowed us to identify negative attitude of a part of the population to the anti-alcohol campaign. Literary figures (A. Ostudin, A. Bik-Bulatov, A. Khairov), actors (M. Merkushin) mentioned cases of circumvention of anti-alcohol measures by citizens. These representatives of the creative intelligentsia negatively assessed this given reform. The author concludes that anti-alcohol propaganda conveyed by mass media and culture was ineffective. The main reasons for the failure of the implemented measures were: unconvincing agitation, lack of sufficient conditions for non-alcoholic recreations of citizens, and finally, weak impact of the campaign in the context of the general ideological crisis of the late Soviet period.

Keywords: perestroika, party-state policy, anti-alcohol propaganda, Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, late Soviet society

For citation: Guzelbaeva, I.A. (2025) Factor of cultural propaganda in the failure of the anti-alcohol policy of the period of Perestroika in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 10–16. doi: 10.17223/19988613/96/2

© И.А. Гузельбаева, 2025

Изучение процессов трансформации позднего советского общества является сегодня актуальной темой социально-гуманитарных исследований. Высокий интерес к периоду перестройки (1985–1991) в современной исторической науке можно связать с необходимостью формирования новой научной парадигмы по отношению к политическим событиям страны конца XX – начала XXI в. Выстраиваемый в современной науке поликаузальный подход подразумевает учет совокупности факторов, влияющих на развитие исторических событий [1]. Культурные и идеологические процессы не должны занимать в этом списке последнее место. Отражение данных процессов в источниках письменного и устного происхождения способствует многостороннему изучению проблемы: выявлению инструментов культуры, через которые осуществлялась пропаганда в ТАССР посредством официальных каналов (СМИ, партийно-государственные ведомства и подотчетные им организации); анализу общественного восприятия реформы. Данное исследование опирается на документы Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ), материалы проведенного автором интервьюирования с представителями творческой интеллигенции, а также материалы региональной периодической печати.

Период перестройки (1985–1991) стал завершающим этапом советской истории, изучение которого открывает перспективы исследования причин распада СССР и его последствий. В ряду масштабных социальных преобразований перестройки находится антиалкогольная кампания (1985–1987), которая предусматривала не только сокращение выпуска алкогольных напитков, числа мест продажи, ограничение времени продажи, но и пропагандистскую работу культурных учреждений. Очерчивая границы понятия «антиалкогольная пропаганда», обозначим, что исследуем ее в качестве составляющей части антиалкогольной кампании рассматриваемого периода. Антиалкогольная пропаганда включала в себя комплекс мер, направленных на формирование отрицательного общественного отношения к алкоголю и пьянству. Особое место в реализации пропаганды занимали учреждения культуры и средства массовой информации. Ведение антиалкогольной пропаганды средствами культуры являлось задачей ведомств, связанных с реализацией культурной и идеологической политики. В то же время антиалкогольная пропаганда стала одним из значимых элементов социального реформирования.

Ключевые положения антиалкогольной кампании содержались в постановлении ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», постановлении Совета министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения», Указе Президиума Верховного Совета «Об усилении борьбы с пьянством» [2].

В исторической науке дискуссионным остается вопрос о сущности мер и причинах провала антиалкогольной кампании в период перестройки. Автор полагает, что изучение роли культурной пропаганды может дополнить представления о причинах ее завершения и внести ясность в этот вопрос. Более того, в предшествующих работах практически отсутствует анализ восприятия реформы обществом или его отдельными группами. Именно изучение роли культуры, привлечение материалов интервью свидетелей тех времен может помочь найти ключ к изучению личностного отношения людей к этому вопросу, что и упускалось ранее из вида. Необходимость обращения к значимости культуры в провале антиалкогольной кампании становится особенно очевидной при более подробном рассмотрении существующих исследований на эту тему.

Начальное осмысление антиалкогольных мер периода перестройки совпадает с исследуемым периодом. Незамедлительным было появление научно-публицистических статей на данном этапе (см., напр. [3]). Публикуются работы агитационного характера (см., напр. [4]). Более полное рассмотрение антиалкогольной кампании периода перестройки представлено уже в работах 1990–2000-х гг. Примечательно, что данная проблема и ряд ее аспектов раскрываются в работах медицинской направленности [5, 6]. Так, доктор медицинских наук А.В. Немцов дает классификацию болезней, связанных с высоким уровнем потребления алкоголя, анализирует данные о смертности, соотнося их с проводимыми в советское время антиалкогольными мерами, рассматривая проблему с 1950-х гг. [6]. Полученные данные позволили автору сделать вывод о наличии масштабной социальной проблемы – большого потребления алкоголя как одного из факторов высокой смертности к середине 1980-х гг. в СССР.

Ряд авторов, рассматривающих перестроечную антиалкогольную политику, концентрируются на анализе демографической статистики (показатели смертности, продолжительности жизни, уровня потребления алкоголя и т.п.) [7]. Однако рассмотрение этих данных не позволяет сделать однозначный вывод об эффективности и всесторонних последствиях антиалкогольной реформы. Спорным является, например, выявление зависимости уровня смертности от употребления алкоголя, так как определение причин сердечно-сосудистых и других заболеваний проблематично.

Некоторые зарубежные исследователи делают акцент на экономическом контексте антиалкогольной реформы, а также ее финансовых последствиях. Так, Дж. Блэйни, М. Гфеллер подчеркивают, что к последствиям антиалкогольной кампании относятся снижение государственных доходов и финансовый упадок, что препятствовало проведению рыночной реформы и стабилизации экономического положения страны [8].

Широкую палитру исследовательских подходов к анализу и оценке антиалкогольной кампании М.С. Горбачёва в среде российских и зарубежных ученых в 1990-х гг. представляет Т. Рейтан в статье «Операция не удалась, но пациент выжил. Различные оценки последней антиалкогольной кампании Советского Союза» [9]. Он определяет различия оценок по рассмотренным критериям проводимой кампании и утверждает, что общее представление о кампании затруднительно при комплексном и многофакторном подходе, а определение успехов или неудач антиалкогольной политики возможно по разным критериям [9. С. 255].

Хотя проведены серьезные исследования хода и результатов антиалкогольной кампании с точки зрения

экономических, демографических, медицинских и других факторов, роль культурной пропаганды в этой кампании остается почти незамеченной. В современной исторической науке практически отсутствуют крупные работы, исследующие фактор культурной пропаганды в антиалкогольной кампании периода перестройки. Однако стоит учитывать масштабность именно культурной пропаганды в антиалкогольной кампании. Поэтому необходимость изучения этого фактора как одной из причин провала кампании представляется нам на сегодняшний момент актуальной задачей.

В современной отечественной науке наблюдается тенденция исследования сущности, развития и причин сворачивания антиалкогольной политики в отдельных регионах бывшего СССР. Антиалкогольная кампания рассмотрена на материалах Урала [10], Башкирии [11], Тамбовской области [12], дальневосточного региона [13]. При этом отсутствуют работы, посвященные рассмотрению данного вопроса в Татарской АССР (ТССР, Республике Татарстан). По этой причине было принято решение провести анализ роли культурных учреждений ТАССР в антиалкогольной пропаганде, что будет способствовать уточнению причин провала данной политики в стране в целом.

В советское время культура наряду с другими своими функциями (адаптивная, коммуникативная, нормативная и др.) играла особую роль в трансляции идеологического курса. Поэтому в процессе реализации антиалкогольной политики культура становится важным инструментом антиалкогольной пропаганды. Пропаганда была нацелена на укоренение в общественном сознании определенных идей, в данном случае идеи здорового образа жизни. Культура и искусство предоставляют пропаганде обширный полигон для маневра информацией: театр, кино, литература, изобразительное искусство и т.д. Таким образом, правомерно рассматривать культурную пропаганду как часть антиалкогольной политики.

Татарская АССР осуществляла реализацию общесоюзных антиалкогольных мер, в том числе разворачивая соответствующую пропаганду, используя СМИ и учреждения культуры. На момент перестройки Татарская АССР, находясь в составе СССР, характеризовалась многонациональным составом: татары, русские, чуваши, удмурты, мордва, марийцы и др. Однако в данном исследовании не рассматриваются национальная, религиозная специфика региона и ее влияние на проблему, так как в период перестройки она не являлась доминирующей в социокультурном пространстве. Выявление степени влияния национальных и религиозных особенностей общества требует отдельных социологических и культурологических исследований.

ТАССР, как и другие субъекты страны, вобрала в себя характерные черты времени: зависимость от решений центра по большинству административных вопросов; культурное и идеологическое следование союзным тенденциям и т.д. Подтверждение нашим словам о масштабности культурной пропаганды будет получено при ***классификации инструментов*** культуры, через которые осуществлялась пропаганда в республике.

В рамках плана мероприятий по антиалкогольной пропаганде средствами кинематографа в Татарской АССР (1985–1990) указано объединение усилий следующих государственных ведомств: Госкомитета ТАССР по кинофикации, Татарской конторы кинопроката, министерств юстиции, здравоохранения, культуры, внутренних дел, просвещения Татарской АССР, Татарского обкома ВЛКСМ, Татоблсовпрофа, Правления Татарской республиканской организации общества «Знание» [14. Л. 91–92]. Данные ведомства контролировали реализацию соответствующих мер, вели организационно-методическую работу.

Также осуществлялось сотрудничество Министерства просвещения ТАССР и Татарского республиканского управления профтехобразования: проводился контроль работы киноустановок по нравственно-правовой и антиалкогольной пропаганде среди учащихся школ и ПТУ республики.

Показ кинофильмов в качестве пропаганды здорового образа жизни и антиалкогольной программы шел среди рабочих и водительского состава Обкома профсоюза автомобильных и шоссейных дорог.

Межведомственный план мероприятий по антиалкогольной политике средствами кино в Татарской АССР на 1985–1990 гг. включал в себя рекомендации по научно-просветительской и популяризаторской деятельности: «В городах и районах республики провести семинары, научно-практические конференции на тему “О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма” (г. Казань, Высокогорский район, г. Чистополь, г. Нижнекамск, г. Мамадыш). Исполнители: министерства культуры, здравоохранения, юстиции, внутренних дел ТАССР, Госкомитет ТАССР по кинофикации, Правление Татарской организации общества “Знание”, Межсоюзный Дом самодеятельного творчества Татоблсовпрофа» [14. Л. 95].

В соответствии с межведомственным планом Казанская студия телевидения была ответственна за регулярное использование фильмов антиалкогольной тематики под рубрикой «Горькая хроника» в кинотеатрах, клубах, ДК, а в летний период – на туристических базах, площадках, в спортивных и пионерских лагерях и других местах массового отдыха населения [14. Л. 97].

Промежуточные итоги использования средств кинематографа отразились в отчетной документации по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Председатель Госкомитета ТАССР по кинофикации Р.Х. Ногманов указывает о проделанной работе в учреждениях кинофикации республики: «В соответствии с письмом Госкино РСФСР в октябре 1986 г. в киносети республики проведен тематический показ фильмов под девизом “Трезвость – норма жизни”. В ходе показа интенсивно использовались художественные и документальные фильмы нравственно-правовой тематики из фонда Таткинопроката и его отделений, а также документальный фильм “Пьянству – бой” – фильм-лауреат Всесоюзного смотра-конкурса самодеятельных студий страны, снятый киностудией НГДУ “Альметьевнефть”» [15. Л. 134–136.]. В рамках работы по борьбе с пьян-

ством и алкоголизмом учреждения госкиносети ТАССР провели тематические показы в городах Брежневе, Зеленодольске, Альметьевске, Нижнекамске, а также в Тетюшском, Агрызском, Лениногорском, Актанышском районах Татарии [16].

Творческие союзы, учреждения культуры и искусства республики вели активную работу по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Архивные материалы свидетельствуют о пополнении репертуара театров и концертных коллективов республики произведениями, бичующими пьянство и алкоголизм. Так, в Альметьевском драмтеатре была осуществлена постановка пьесы Ш. Шагалиева «Пожар» о разрушительном влиянии увлечения алкоголем на человеческие судьбы. В Мензелинском драмтеатре шла работа над спектаклем «Беда» по пьесе С. Шакурова, глубоко раскрывающей механизм падения человеческой личности под пагубным влиянием алкоголя. 1 апреля в Доме актера Казани традиционный вечер сатиры и юмора был проведен под девизом «Пьянству – бой» [17. Л. 44].

Пропагандистская работа велась не только театрами, но и средствами изобразительного искусства и на эстраде. «В программы выступлений эстрадных коллективов включены такие тематические сатирические миниатюры, как “История одной любви” Ф. Шафигуллина, “Свет не угадал” Б. Бронштейна, публицистика в стихах Ю. Тихонова – Лениногорского поэта. Молодежной секцией Союза художников Татарии были организованы тематические экспозиции сатирических рисунков в Центральном парке культуры и отдыха им. М. Горького в г. Казани» [17. Л. 44].

Также антиалкогольная пропаганда разворачивалась в периодических изданиях республики. В отчетном документе Татарского обкома КПСС «О работе Зеленодольской городской партийной организации по реализации постановления ЦК КПСС от 7 мая 1985 года “О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма” в 1985 г.» приводятся сведения о регулярной публикации материалов по борьбе с правонарушениями, пьянством, тунеядством, стяжательством на страницах газет «Зеленодольская правда», «Идел Ягы», в многотиражках «Горьковец», «Зеленодольский строитель» под рубриками «Человек и закон», «Из зала суда», «Пьянству бой» [18. Л. 50].

Систематическая работа по разъяснению намеченных партией мер по преодолению пьянства и алкоголизма, укреплению трудовой дисциплины велась в ДК «Строитель». «Здесь работает кинолекторий “Социалистический образ жизни и молодежь”, работает клуб трезвости “Барьер”, филиалы организованы в плавательном бассейне, на базе отдыха “Факел”, и создана агитплощадка микрорайонов. В рабочих общежитиях с агитпрограммами выступает агитационно-художественная бригада. В Айшинском культурно-спортивном комплексе Зеленодольского района совместно с обществом “Трезвости” комиссией по борьбе с пьянством и алкоголизмом исполкома Айшинского сельского Совета создан и активно работает клуб “Хрусталь”. Девиз клуба “Пьянству бой – владей собой!” В клубе силами общественности читаются лекции, проводятся устные журналы, зрительские конференции, организуются коллективные просмотры фильмов» [19. Л. 26].

В реализации антиалкогольной пропаганды были задействованы творческие союзы и культурные организации республики: «Худсовет Минкультуры ТАССР дополняет репертуар Татгосфилармонии сатирическими произведениями, Союз художников ТАССР проводит выставку сатирической графики “Бой пьянству и тунеядству”, проводятся тематические показы фильмов. Уже в июле 1985 г. прошел республиканский месячник под девизом “Трезвость – норма жизни”, в ходе которого было проведено 3 990 сеансов, обслужено свыше 366 зрителей» [20. Л. 11]. Рассмотренная пропагандистская деятельность по воплощению в жизнь постановлений «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения» позволяет сделать вывод о ***масштабной вовлеченности культурных учреждений ТАССР*** в процесс реализации программы.

Однако архивные материалы предоставляют не только информацию, отражающую положительные результаты антиалкогольной кампании – снижение продаж и потребления алкоголя, уменьшение числа разводов [20. Л. 145], но и сведения о недостатках проводимой работы. Среди негативных тенденций выделяют: распространение самогоноварения (вследствие чего – повышение показателей продажи сахара), рост числа ДТП по вине нетрезвых водителей, увеличение фактов хищения винно-водочных изделий и спирта, случаи спекуляции винно-водочными изделиями и т.п. [20. Л. 15–23]. Из этого следует, что, несмотря на все усилия, пропаганда не достигла желаемого эффекта и даже зачастую приводила к противоположным последствиям.

Для понимания причин такого результата антиалкогольной пропаганды обратимся к источникам личного происхождения: воспоминаниям, интервью, которые стали важным дополнением к материалам архивных документов. Особый интерес представляют воспоминания творческой интеллигенции, которая была непосредственно вовлечена в культурное и идеологическое пространство. В данной статье материалы проведенного автором интервьюирования впервые вводятся в научный оборот. Анализ индивидуальных воспоминаний об антиалкогольной кампании расширяет представления о ее ходе и результатах, а также позволяет уточнить причины столь противоречивого эффекта и восприятия данной антиалкогольной реформы.

Журналист, поэт Айрат Бик-Булатов, вспоминая данный период, раскрывает историю повседневности глазами ребенка: «Я был маловат, но, естественно, я помню огромные очереди за водкой, хвост из магазина тянулся далеко на улицу. Мои были непьющие, но в очередях все стояли, и мы, дети, тоже. Водка была как валюта, потом припрятывалась в квартире в укромное место до момента, когда понадобится в качестве расчетной единицы» [21].

Поэт Алексей Игоревич Остудин характеризует антиалкогольную кампанию как антинародную политику: «На первом этапе было ограничение: продавали

алкоголь с 11:00, затем уже стали только с 14:00 до 18:00, подняли цены на водку. Но меньше пить люди не стали. На следующем этапе вводят талоны, сокращают количество точек продаж. Эти точки было видно с самолета, от них шли огромные очереди. Были в этих очередях драки. Знакомая, работавшая в скорой помощи, говорила, что в челюстно-лицевое отделение класть было некуда» [22].

Актер Михаил Алексеевич Меркушин вспоминает: «Я застал запрет на алкоголь. Помнится, что многие окружающие восприняли это как личную обиду, переживали. Был в этот период на одной свадьбе. Эта свадьба очень запомнилась. Было много людей, но на столе не было водки. Стояли самовары и чайнички. А в них – коньяк, вино. Все ушли веселые» [23].

Писатель Адель Ревович Хаиров также упоминает о пропаганде безалкогольных праздников и общественной реакции на данные меры: «Помню, широко освещали в СМИ комсомольские свадьбы с лимонадом. Но это вызывало только ухмылки. К тому же раздражение народа росло. Горбачёва, а вместе с ним и советскую власть, просто проклинали. Думаю, что через несколько лет эта недобрая память о сухом законе и его родителе подточила колосс под названием СССР. Люди выкручивались, как могли. Самогон варили даже из карамелек, из детского питания, воровали эссенцию с кондитерской фабрики “Заря”, пили стеклоочистители, технический спирт. Помню, как весной я приехал на дачу в Нижний Услон, и сосед из местных пригласил меня на свадьбу. В избе на большом столе равномерно были навалены кучки пакетиков с названием “Летний сад”, это была ароматизированная жидкость на спирту, видимо, для протирания кожи. Гости надкусывали пакетики с края и выливали содержимое в стаканы. Я тоже немного выпил – вкус специфический. Потом от меня три дня тащило этим “садом”. И спрашивается, зачем надо было так измываться над своим народом?» [24].

Личные воспоминания респондентов явно контрастируют с публикациями СМИ данного периода. Так, в газете «Вечерняя Казань» в статье «А свадьба пела и плясала» появляется описание безалкогольной свадьбы: «На этой свадьбе многое было необычным. Например, вместо традиционного шампанского гости и молодые наполняли бокалы… лимонадом, а вместо застольного “Горько!” на сей раз звучало “Сладко!”… Изменить устоявшийся ритуал бракосочетания в “трезвую” сторону – так решили виновники торжества начальник цеха и мастер завода “Стройдеталь” треста “Татгражданстрой” Ильдар Гиматдинов и Тамара Держунина, а также их товарищи из комитета ВЛКСМ. Долго пела и плясала эта свадьба. И хотя не было на ней горячительных напитков, зато ее веселья, радости и улыбок хватило бы на добрых две свадьбы…» [25. С. 1]. Статьи газеты стремятся многогранно вести антиалкогольную пропаганду, публикуя соответствующие материалы в рубрике «Трезвость – норма жизни», освещая проблему женского алкоголизма, привлекая медицинские оценки, рассматривая зарубежный опыт пропагандистской деятельности и ее результаты [26. С. 2].

Широко распространяемая в СМИ и произведениях культуры антиалкогольная пропаганда, однако, не оказывала желаемого воздействия.

Анализ рассмотренных источников личного происхождения позволяет сделать заключение о господствующем неприязненном, ироничном отношении части граждан к проводимой пропаганде. Такое отношение проясняет механизм провала культурной антиалкогольной пропаганды, которая не достигла намеченного результата. Поэтому к 1987–1988 гг. антиалкогольные меры постепенно сворачиваются, происходит увеличение объемов официальных продаж алкогольной продукции [27. Л. 4].

На основании рассмотренных источников можно утверждать, что культурная политика и ее реализация в Татарской АССР полноценно воплощали общесоюзные партийно-государственные преобразования. Ярким примером стала пропагандистская работа культурных учреждений и коллективов в рамках проводимой в период перестройки антиалкогольной кампании. Однако реализация культурной антиалкогольной пропаганды затруднялась по ряду причин. Анализ рассмотренных материалов позволяет сделать вывод о причинах несостоятельности культурной пропаганды в ходе перестроечной борьбы «с пьянством и алкоголизмом». Медленное решение проблем отмечается как в архивных документах (отчеты, справки) в виде декларации отрицательных результатов вследствие незначительных мер, так и в воспоминаниях очевидцев. Среди причин неэффективности пропаганды, которая велась силами культуры и СМИ, можно выделить:

1) неубедительность приводимых примеров;

2) «топорность» агитации;

3) недостаточность мер по созданию условий для безалкогольного досуга;

4) безрезультатность воздействия идеологии в поздний советский период.

В совокупности наличие обозначенных черт антиалкогольной пропаганды объясняется тем, что создание продуктов культурной пропаганды осуществлялось представителями творческой интеллигенции, которые не воспринимали пропагандируемые идеалы как свои собственные. Отсюда следует, что контекст рассматриваемой проблемы невозможен без учета такого значительно влияющего на ход общественной жизни фактора, как характер связи власти и интеллигенции.

Способ взаимодействия власти и творческой интеллигенции в последние советские десятилетия зачастую обозначают как «коадаптация в условиях коррекции советской идеологической парадигмы» [28. С. 141]. Существовавшая двойственность общественного регулирования, в том числе сферы культуры, выражалась ***в приспособлении*** к системе, но не всегда – ***в исполнении декларируемых норм.*** Именно это и обусловливало неэффективность воздействия создаваемых в последние советские десятилетия продуктов пропаганды и, как следствие, повлияло на провал антиалкогольной реформы.

Критическое отношение к проводимым мерам можно связать с усилением социально-экономической напряженности периода перестройки, а также общей ситуацией идеологического кризиса. Именно поэтому провал

антиалкогольной пропаганды нельзя рассматривать безотносительно структурного идеологического кризиса, в котором находилось позднесоветское общество. Антиалкогольная пропаганда стала составляющей идеологической парадигмы в период перестройки.

Несмотря на то, что культурные учреждения сыграли весомую роль в проводимой социальной реформе, вышеобозначенные факторы обусловили противоречивые результаты антиалкогольной пропаганды. Несоответствие идеологии динамично развивающимся политическим, социально-экономическим условиям не только стало одной из причин провала антиалкогольной пропаганды, но и повлекло за собой дальнейшие трансформации советского общества.

Список источников

1. Величко С.А. Перестройка в СССР (1985–1991 гг.) в отечественной и зарубежной историографии // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308, № 1. С. 199–205.
2. О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения : указ Президиума ВС РСФСР от 16.05.1985 № 398-XI (с изм. и доп., внесенными указом Президиума ВС РСФСР от 05.06.1987) // Ведомости ВС РСФСР. 1987. № 24. Ст. 839) // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. 2022. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_12693.htm (дата обращения: 08.08.2022).
3. Заиграев Г.Г. Борьба с алкоголизмом: проблемы, пути решения. М.: Мысль, 1986. 155 с.
4. Шевердин С.Н. Со злом бороться эффективно: роль прессы в искоренении пьянства : заметки журналиста. М.: Мысль, 1985. 80 с.
5. Немцов А.В. Алкогольная ситуация в России М.: Фонд «Здоровье и окружающая среда», 1995. 134 с.
6. Немцов А.В. Алкогольная история России: Новейший период. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 320 с.
7. Simpura J., Levin B., Mustonen H. Russian drinking in the 1990's: patterns and trends in international comparison // Demystifying Russian Drinking : Research Report / J. Simpura, B.M. Levin (eds.) National Research and Development Centre for Welfare and Health. 1997. №. 85. 1997. P. 79–107.
8. Blaney J., Gfoeller M. Lessons from the failure of perestroika // Political Science Quarterly. 1993. Vol. 10 (3). P. 481–496.
9. Reitan T.C. The operation failed, but the patient survived. Varying assessments of the Soviet Union's last anti-alcohol campaign // Communist and Post-Communist Studies. 2001. Vol. 34 (2). P. 241–260.
10. Богданов А.В., Богданова Ю.С. Антиалкогольные кампании в 1920–1930-е гг. и во второй половине 1980-х гг.: сравнительный анализ (на материалах Челябинской области) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 2, № 2. С. 107–111.
11. Исянгулов Ш.Н. Борьба с пьянством в годы «застоя» и антиалкогольная кампания в эпоху перестройки в Башкирской АССР // Актуальные проблемы истории, языка и культуры Башкортостана: сб. науч. тр. молодых ученых ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа : Гилем, 2007. С. 103–112.
12. Ковзик Г.О., Магсумов Т.А. Антиалкогольная кампания 1985–1987 гг. в СССР (по материалам Тамбовской Области) // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2014. Т. 3, № 7. С. 62–67.
13. Ващук А.С., Крушанова Л.А. Антиалкогольная политика в СССР в годы перестройки и её последствия в дальневосточном регионе // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 94–108.
14. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. П-15. Оп. 13. Д. 320а.
15. ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 14. Д. 499.
16. Гузельбаева И.А. Власть и творческая (художественная) интеллигенция в период «перестройки» (на материалах архивов Республики Татарстан) // Фундаментальные исследования. 2014. № 11, ч. 8. С. 1831–1834.
17. ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 14. Д. 492.
18. ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 13. Д. 281в.
19. ГА РТ. Ф. Р-7237. Оп. 2. Д. 2329.
20. ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 13. Д. 281б.
21. Из интервью с А.Ш. Бик-Булатовым. Казань, 21 июня 2019 г. // Личный архив автора.
22. Из интервью с А.И. Остудиным. Казань, 17 августа 2019 г. // Личный архив автора.
23. Из интервью с М.А. Меркушиным. Казань, 8 июля 2015 г. // Личный архив автора.
24. Из интервью с А.Р. Хаировым. Казань, 4 июля 2019 г. // Личный архив автора.
25. А свадьба пела и плясала // Вечерняя Казань. 1986. № 10.
26. Поход за трезвость по-американски // Вечерняя Казань. 1989. № 233.
27. ГА РТ Ф. 15. Оп. 15. Д. 283.
28. Никонова С.И. Власть и советская интеллигенция: особенности каодаптации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета 2008. № 5 (24). С. 140–143.

References

1. Velichko, S.A. (2005) Perestroyka v SSSR (1985–1991 gg.) v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii [Perestroika in the USSR (1985–1991) in Russian and Foreign Historiography]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 308(1). pp. 199–205.
2. Supreme Soviet of the RSFSR. (1985) O merakh po usileniyu bor'by protiv p'yanstva i alkogolizma, iskoreneniyu samogonovareniya : ukaz Prezidiuma VS RSFSR ot 16.05.1985 № 398-XI (s izm. i dop., vnesennymi ukazom Prezidiuma VS RSFSR ot 05.06.1987) [On Measures to Strengthen the Fight Against Drunkenness and Alcoholism, and to Eradicate Home-Brewing: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated May 16, 1985, No. 398-XI (as amended by the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated June 5, 1987)]. *Vedomosti VS RSFSR*. 24. Col. 839. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_12693.htm (Accessed: 8th August 2022).
3. Zaigraev, G.G. (1986) *Bor'ba s alkogolizmom: problemy, puti resheniya* [The Fight Against Alcoholism: Problems, Solutions]. Moscow: Mysl'.
4. Sheverdin, S.N. (1985) *So zlom borot'sya effektivno: rol' pressy v iskorenenii p'yanstva: zametki zhurnalista* [Fighting Evil Effectively: The Role of the Press in the Eradication of Drunkenness: A Journalist's Notes]. Moscow: Mysl'.
5. Nemtsov, A.V. (1995) *Alkogol'naya situatsiya v Rossii* [The Alcohol Situation in Russia]. Moscow: Fond "Zdorov'e i okruzhayushchaya sreda."
6. Nemtsov, A.V. (2009) *Alkogol'naya istoriya Rossii: Noveyshiy period* [Alcohol History of Russia: The Modern Period]. Moscow: LIBROKOM.
7. Simpura, J., Levin, B. & Mustonen, H. (1997) Russian drinking in the 1990's: patterns and trends in international comparison. In: Simpura, J. & Levin, B. (eds) *Demystifying Russian Drinking: Research Report*. National Research and Development Centre for Welfare and Health. Vol. 85. pp. 79–107.
8. Blaney, J. & Gfoeller, M. (1993) Lessons from the failure of perestroika. *Political Science Quarterly*. 10(3). pp. 481–496.
9. Reitan, T.C. (2001) The operation failed, but the patient survived. Varying assessments of the Soviet Union's last anti-alcohol campaign. *Communist and Post-Communist Studies*. 34(2). pp. 241–260.
10. Bogdanov, A.V. & Bogdanova, Yu.S. (2017) Antialkogol'nye kampanii v 1920–1930-e gg. i vo vtoroy polovine 1980-kh gg.: sravnitel'nyy analiz (na materialakh Chelyabinskoy oblasti) [Anti-Alcohol Campaigns in the 1920s–1930s and in the Second Half of the 1980s: A Comparative Analysis (Based on Materials from the Chelyabinsk Region)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2(2). pp. 107–111.

11. Isyangulov, Sh.N. (2007) Bor'ba s p'yanstvom v gody “zastoya” i antialkogol'naya kampaniya v epokhu perestroyki v Bashkirskoy ASSR [The Fight Against Drunkenness During the "Era of Stagnation" and the Anti-Alcohol Campaign of the Perestroika Era in the Bashkir ASSR]. *Aktual'nye problemy istorii, yazyka i kul'tury Bashkortostana* [Topical Problems of History, Language and Culture of Bashkortostan]. Ufa: Gilem. pp. 103–112.
12. Kovzik, G.O. & Magsumov, T.A. (2014) Antialkogol'naya kampaniya 1985–1987 gg. v SSSR (po materialam Tambovskoy Oblasti) [The Anti-Alcohol Campaign of 1985–1987 in the USSR (Based on Materials from the Tambov Region)]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire*. 3(7). pp. 62–67.
13. Vashchuk, A.S. & Krushanova, L.A. (2014) Antialkogol'naya politika v SSSR v gody perestroyki i ee posledstviya v dal'nevostochnom regione [Anti-Alcohol Policy in the USSR During Perestroika and Its Consequences in the Far Eastern Region]. *Rossiya i ATR*. 4. pp. 94–108.
14. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund P-15. List 13. File 320a.
15. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund P-15. List 14. File 499.
16. Guzelbaeva, I.A. (2014) Vlast' i tvorcheskaya (khudozhestvennaya) intelligentsiya v period “perestroyki” (na materialakh arkhivov Respubliki Ta-tarstan) [The Government and the Creative (Artistic) Intelligentsia During "Perestroika" (Based on Materials from the Archives of the Republic of Tatarstan)]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 11(8). pp. 1831–1834.
17. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund P-15. List 14. File 492.
18. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund P-15. List 13. File 281v.
19. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund R-7237. List 2. File 2329.
20. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund P-15. List 13. File 281b.
21. Bik-Bulatov, A.Sh. (2019) *Iz interv'yu s A.Sh. Bik-Bulatovym. Kazan', 21 iyunya 2019 g.* [Interview with A.Sh. Bik-Bulatov. Kazan, June 21, 2019]. From the author's personal archive.
22. Ostudin, A.I. (2019) *Iz interv'yu s A.I. Ostudinym. Kazan', 17 avgusta 2019 g.* [Interview with A.I. Ostudin. Kazan, August 17, 2019]. From the author's personal archive.
23. Merkushin, M.A. (2015) *Iz interv'yu s M.A. Merkushinym. Kazan', 8 iyulya 2015 g.* [Interview with M.A. Merkushin. Kazan, July 8, 2015]. From the author's personal archive.
24. Khairov, A.R. (2019) *Iz interv'yu s A.R. Khairovym. Kazan', 4 iyulya 2019 g.* [Interview with A.R. Khairov. Kazan, July 4, 2019]. From the author's personal archive.
25. *Vechernyaya Kazan'*. (1986) A svad'ba pela i plyasala [And the Wedding Sang and Danced]. 10.
26. *Vechernyaya Kazan'*. (1989) Pokhod za trezvost' po-amerikanski [The American Way Sobriety March]. 233.
27. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 15. List 15. File 283.
28. Nikonova, S.I. (2008) Vlast' i sovetskaya intelligentsiya: osobennosti kaodaptatsii [The Government and the Soviet Intelligentsia: Features of Co-Adaptation]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. 5(24). pp. 140–143.

***Сведения об авторе*:**
Гузельбаева Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и права Казанского государственного аграрного университета (Казань, Россия). E-mail: i.gizelbaeva@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Guzelbaeva Irina A. – Candidate of Science in History, Department of Philosophy and Law, Kazan State Agrarian university (Kazan, Russian Federation). E-mail: i.gizelbaeva@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.08.2022; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 24.08.2022; accepted for publication 01.08.2025

Научная статья
УДК 94(570)
doi: 10.17223/19988613/96/3

Панорама общественной жизни Новониколаевска в цифрах и фактах (1895 – февраль 1917 г.)

Василий Павлович Зиновьев[1], Ольга Анатольевна Харусь[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] vpz@tsu.ru
[2] olga.kharus@mail.ru

Аннотация. Рассматривается статистика общественной жизни Новониколаевска в 1895 – феврале 1917 г., составленная главным образом на основе опубликованных хроник общественного движения. Приводятся цифры и факты, характеризующие организационные формы и масштабы общественного движения: легальные общества, отделы политических партий, местные печатные издания, акты пропаганды и агитации, массовые выступления. Основные тенденции и своеобразие социально-политических процессов в городе представлены в контексте особенностей его статуса как безуездного провинциального центра, а также в динамике экономического развития.
Ключевые слова: Новониколаевск, общественные организации, партии, политические акции

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030), проект № 2.3.4.25 ИГ.

Для цитирования: Зиновьев В.П., Харусь О.А. Панорама общественной жизни Новониколаевска в цифрах и фактах (1895 – февраль 1917 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 17–22. doi: 10.17223/19988613/96/3

Original article

Panorama of the public life of Novonikolaevsk in figures and facts (1895 – February 1917)

Vasily P. Zinoviev[1], Olga A. Kharus[2]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] vpz@tsu.ru
[2] olga.kharus@mail.ru

Abstract. Novonikolaevsk did not have a long history and administrative status of at least a county seat. It emerged in 1894 as an industrial, commercial and transport hub in Tomsk region during the construction of the Siberian Railway and became a place of increased concentration of employees, entrepreneurs and hired workers. Novonikolaevsk grew up at the intersection of the navigable Ob River and the Siberian Railway. The main occupation of its inhabitants was the transshipment and processing of Altai products – bread, butter, meat, timber, fish from the Baraba lakes. The social life of Novonikolaevsk was different from an ordinary Russian city on the scale of a county center, since workers from mills, sawmills, printing houses, a state-owned biscuit factory, porters and railway station loaders, dray drivers, shop clerks were the main workers. Entrepreneurs could not choose merchant certificates and differed in appearance and morals from the "dirty" shopkeepers. Enterprises were built using steam and electric motors, steam locomotives, steamships and factories smoked. The social life of Novorokolaevsk was much more intense than in an ordinary Russian city on the scale of a county center. Various subjects related to the manifestations of social activity of the city's population in the late 19th and early 20th centuries were highlighted in the works of experts on the history of the socio-political movement in Siberia, but they did not conduct a quantitative analysis. The authors of this article have set themselves the goal of forming a holistic view of the scale, dynamics and features of the social movement in Novonikolaevsk in the late XIX – early XX century. based on a generalization and quantitative analysis of the facts available to historians. To achieve this goal, the materials of the chronicle of the socio-political life of Tomsk province compiled by the authors were used, supplemented by some information from an essay on the history of charity in Tomsk province, and recent monographs. In total, 241 facts indicating the presence of socio-political activity, including 48 public organizations, 125 public actions, 68 facts of agitation and propaganda through the distribution of illegal publications, leaflets and newspapers, were recorded in Novonikolaevsk in 1894 - February 1917 (Table 1). Of the 48 public organizations, 10 were philanthropic, 8 – leisure, 3 – scientific and educational, 18 – economic, 8 – political, 1 – sober. For a city without travel, this is an outstanding indicator. For comparison, it can be noted that there were at least a hundred public associations of various purposes in Tomsk province, about 72 in Barnaul, 20 in Biysk, 15 in Mariinsk, and no more than 5-10 organizations

© В.П. Зиновьев, О.А. Харусь, 2025

in other county towns. Thus, non-political forms of social activity were the main ones, they formed the skills of social organization in the leisure, philanthropic, and economic spheres of city life. The Socialists and Black Hundreds were the most politically active; the liberal movement remained unformed until 1917
Keywords: Novonikolaevsk, public organizations, parties, political actions

Acknowledgements: The study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030), project № 2.3.4.25 ИГ.

For citation: Zinoviev, V.P., Kharus, O.A. (2025) Panorama of the public life of Novonikolaevsk in figures and facts (1895 – February 1917). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 17–22. doi: 10.17223/19988613/96/3

Безуездный город Новониколаевск, в отличие от уездных центров сибирских губерний и областей, не имел длительной истории, он возник 1894 г. как рабочий поселок при строительстве гигантского по тем временам технического сооружения – моста через реку Обь. Удачное месторасположение нового поселения влекло к пересечению водного и железного путей торговцев, промышленников, рабочий люд для перевалки сибирского сырья с пароходов и барж в вагоны. Капиталистический город рос, сбрасывая путы кабинетского землевладения, он был нужен для развития экономики юга Томской губернии – Алтая, богатого хлебом, скотом, лесом.

Сибирский торгово-промышленный ежегодник на 1914–1915 гг. нарисовал оптимистическую картину динамично развивающегося города: площадь под 5 142 строениями составляла 1 115 десятин, всего городских земель – 7 951 десятина, жителей в 1896 г. 5 000, в 1913 г. – 86 419, бюджет города в 1905 г. – 82 578 руб., в 1913 г. – 1 140 635 руб., строятся в основном каменные здания, для чего работает три кирпичных завода, есть телефон, телеграф, электростанция для освещения, шесть паровых мельниц, четыре мыловаренных, кожевенный, два пивоваренных, винокуренный, военный сухарный заводы, ряд механических мастерских, две лесопилки, казенный винный склад, склады земледельческих машин, лесоматериалов, масла, зерна, жировых товаров. Грузооборот городских пристаней 18 млн пудов, железнодорожной станции – 30 млн пудов, в том числе зерна – 10 млн пудов, мяса и жиров – 1 млн пудов, масла – 70 тыс. пудов, оборот скотобойни почти 40 тыс. голов скота в год. Деловая жизнь финансировалась четырьмя российскими банками (оборот только Государственного банка составил в Новониколаевске 85,5 млн руб. в год), двумя агентствами земельных банков, Обществом взаимного кредита, десятками агентств торговых компаний. Отмечалось, что «город быстро идет по пути благоустройства» [1. С. 337–339].

В Новониколаевске действовали 33 начальных училища, городское четырехклассное училище, женское высшее начальное училище, церковно-приходская школа, две железнодорожных школы, реальное училище, женская прогимназия, женская и мужская гимназии, учительская семинария, старообрядческое и магометанское училища. Город имел пять библиотек, пять типографий, городскую больницу, семь православных храмов, один католический, молельные дома старообрядцев, лютеран, магометан, иудеев [1. С. 337–340].

Общественная жизнь Новониколаевска была намного интенсивней, нежели в обычном городе России масштаба уездного центра. Дореволюционная история Новониколаевска не обойдена вниманием историков, краеведов. Различные сюжеты, связанные с проявлениями социальной активности населения города в конце XIX – начале XX в., получили освещение в работах специалистов по истории общественно-политического движения в Сибири [2–7]. Не претендуя на сколько-нибудь существенное приращение зафиксированных к настоящему времени в научных публикациях сведений об общественной жизни в этом городе Томской губернии, авторы данной статьи поставили перед собой цель сформировать целостное представление о масштабах, динамике и особенностях общественного движения в Новониколаевске в конце XIX – начале XX в. на основе обобщения и количественного анализа имеющихся в распоряжении историков фактов. Для реализации этой цели были использованы материалы составленной авторами хроники общественно-политической жизни Томской губернии [8], дополненные некоторыми сведениями из очерка истории благотворительности в Томской губернии [9], монографий Е.А. Дегальцевой [10] и Г.М. Запорожченко [11].

Всего в Новониколаевске за 1894 – февраль 1917 г. учтен 241 факт, свидетельствующий о проявлениях общественно-политической активности горожан, в том числе 48 общественных организаций, 125 публичных акций, 68 фактов агитации и пропаганды путем распространения нелегальных изданий – листков и газет (таблица). Из 48 общественных организаций 10 были филантропическими, 8 – досуговыми, 3 – научно-просветительскими, 18 – экономическими, 8 – политическими, 1 – трезвенная. Для безуездного города это выдающийся показатель. Для сравнения можно заметить, что в губернском Томске было не менее сотни общественных объединений разного назначения, в Барнауле – около 72, Бийске – 20, Мариинске – 15, в прочих уездных городах – не более 5–10 организаций [8, 12]. Эти сведения явно неполные: многие общества на стадии формирования не регистрировались или запрещались, нелегальные организации часто не оставляли документальных следов.

До Первой русской революции в Новониколаевске создавались в основном благотворительные и досуговые организации (8), такие как Вольное пожарное общество, Общество попечения о начальном образовании (1897), Музыкальное драматическое общество (1902), Общество любителей конского бега и скачек, Собрание служащих станции Обь, Обской отдел Алтайского общества сельского хозяйства (1903). Две массовые акции в 1895–1896 гг. провели железнодорож-

ники – строители и работники Сибирской железной дороги, требуя повышения заработной платы. Первые признаки активности проявили социал-демократы, организовав в 1902 г. пропагандистский кружок.

Статистика общественной жизни Новониколаевска, 1895 – февраль 1917 г.

Годы	Общественные организации						Публичные акты				Акты агитации	
	Филантропические	Досуговые	Научно-просветит.	Экономические	Трезвенные	Политические	Стачки, волнения	Демонстрации	Собрания	Требования	Листовки	Газеты
1895							1					
1896							1					
1897	2											
1899									1			
1902		1				1 сд						
1903		3	1				1					
1904									1			
1905					1	3 сд, 1 ср	7	2	3			
1906				2			3		4			
1907				1		1 сд	7		2		50 сд	7 сд
1908				7		1 срн			2		1 сд	2 ср
1909	5	1					1					
1910	1	1		1							1 срн	
1911						1 ср	9			3		
1912				4			7		7			
1913	1	1	2				11		3	1		
1914				1			4			5	1 срн	1 срн
1915		1	0	1			5		3	1	1 сд	
1916	1			1			1		25	2	1 срн	1 срн
1917									1	1	2 с	
Итого	10	8	3	18	1	8	58	2	52	13	57	11

Примечание. сд – социал-демократы, ср – социалисты-революционеры, срн – Союз русского народа, с – социалисты.

В период и после Первой русской революции количество политических организаций в городе выросло до восьми [1. С. 337–339]. В 1905 г. были созданы Обская группа РСДРП, группа ПСР, Смешанный комитет по перевозке войск на железной дороге и боевая дружина, в 1907 г. – комитет РСДРП. В 1907 г. социал-демократы организовали нелегальную типографию, издававшую газеты «Обской рабочий», «Солдатский листок», полусотню листовок. В период с 1905 по 1907 г. работники Новониколаевска 17 раз устраивали забастовки, преимущественно с экономическими требованиями. Это были рабочие станции Обь, лесопильного завода, типографий, мельниц, приказчики магазинов, извозчики. В городе проходили общепрофессиональные и общегородские первомайские стачки приказчиков, типографских рабочих и железнодорожников. Горожане активно участвовали во всеобщей октябрьской стачке 1905 г., выходили на 2 массовые демонстрации, провели 9 массовых собраний с требованиями демократических свобод и улучшения экономического положения. В феврале 1908 г. в городе появилось отделение Союза русского народа.

При наличии организаций революционно-демократического и правомонархического флангов общественно-политического движения в Новониколаевске сравнительно слабо было представлено «центристское» направление. Предпринятая местными либералами попытка создать отдел конституционно-демократической партии оказалась безуспешной. Воспользовавшись отъездом в Петербург имевшего на то разрешение В.А. Горохова, местная администрация отказалась санкционировать учреждение отдела в Новониколаевске [14. 1906. № 2. Стб. 117; № 7. Стб. 502]. В результате имевшиеся в городе члены кадетской партии остались организационно не объединенными и сколько-нибудь заметной активности на политическом поприще не проявляли. Однако сам факт их присутствия в общественно-политическом пространстве города подтверждается результатами избирательных кампаний. На выборах в I Государственную думу выдвинутый томским губернским бюро Партии народной свободы в качестве кандидата В.А. Горохов получил поддержку горожан и был избран выборщиком [15; 16. С. 100]. В ходе избирательной кампании в III Государственную думу городские выборщики Новониколаевска поддержали список «группы прогрессивных избирателей», составленный при активном участии кадетов Томска и включавший имена таких лидеров губернской организации, как Н.В. Некрасов и И.А. Малиновский [17. С. 82].

Новониколаевск стремительно рос, что обусловливало повышение объемов переработки и перевалки хлеба, грузов по железной дороге, увеличивалась численность рабочих, повышалась их организованность. В 1908–1913 гг. рабочие бастовали 28 раз. После революции в городе активизировались легальные организации, развернули деятельность еще 13 экономических ассоциаций – потребительские и производственные кооперативы, профессиональные союзы, общества взаимопомощи, 12 благотворительных и досуговых обществ, 3 научно-просветительных общества.

Накануне Первой мировой войны Новониколаевск имел полный набор общественных организаций круп-

ного российского города – Вольное пожарное общество, Общество попечения о начальном образовании (1897), Музыкальное драматическое общество (1902), Общество любителей конского бега и скачек, Собрание служащих станции Обь, Обской отдел Алтайского общества сельского хозяйства (1903), Богородице-Казанское общество трезвости, общество взаимопомощи приказчиков, союз учителей, профсоюз рабочих железнодорожного депо, отделение Всероссийского почтово-телеграфного союза, трудовые артели портных, кузнецов, слесарей, столяров, общество «Патронат» покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения, Общество попечения о народном образовании, общество «Ясли», отдел Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Ново-Николаевского реального училища, Магометанское общество, Общество поощрения коннозаводства, Общество правильной охоты, Общество спасания на водах, городское потребительское общество «Экономия», общество потребителей Союза русского народа, Николаевское страховое общество, нелегальные профсоюзы грузчиков, приказчиков, латышский кружок самообразования, кружок саморазвития служащих телеграфа, отдел Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам, ссудосберегательная касса рабочих и служащих кабинетского лесопильного завода, Военно-промышленный комитет, отделение Союза городов. Вряд ли это полный список.

Политическая палитра города сохраняла определившееся ранее своеобразие: резко выраженные правое и левое крылья и невнятный центр. Социал-демократы, имевшие прочные корни среди железнодорожников и городских рабочих, несмотря на постоянные репрессии, сохраняли свое влияние и оформленную организацию, издавали временами нелегальные листовки и газеты (59 номеров), организуя для этого свои типографии или используя легальные. Слабее выглядели, судя по статистике, социалисты-революционеры (2 номера). Либералы действовали через легальные организации, войдя, в частности, в состав руководства местных отделов Общества изучения Сибири. В списке учредителей новониколаевского отдела Общества изучения Сибири значились кадеты Г.И. Жерновков, Н.П. Литвинов и А.А. Станкеев. В декабре 1912 г. на собрании учредителей Г.И. Жерновков был избран председателем комитета, а Н.П. Литвинов – товарищем председателя [18. Л. 1–3, 8], либералы вошли в руководство Сибиртета. Осенью 1914 г. решение о присоединении к Всероссийскому союзу городов и формировании местных комитетов приняли городские думы Тюмени, Томска, Барнаула, Мариинска, Тайги, Боготола, Новониколаевска (новониколаевская дума первая выделила из своих средств взнос в 1 тыс. руб.). В новониколаевском комитете Всероссийского союза городов работали кадеты А.А. Станкеев и Г.И. Жерновков (председатель комитета) [19]. Одним из руководителей новониколаевского отдела Сибиртета был кадет Г.И. Жерновков [20. С. 140]. Дополнительные выборы своих представителей в Западносибирском областном комитете [21. Л. 167; 22. Л. 148], увеличение численности членов комитета в результате реорганизации до 93 человек позволили подключиться к его работе многим кадетам из других городов Западной Сибири. В 1916 г. в состав комитета были введены кадеты И.П. Лаптев, С.И. Кадыш, А.А. Скороходов (Омск), С.И. Колокольников, П.И. Никольский, Н.И. Беседных, Ф.Э. Станевич (Тюмень), Г.И. Жерновков, А.А Станкеев (Новониколаевск), К.Д. Даниель (Ишим), М.Ф. Врачинский, Г.П. Шубский (Курган) [23. Л. 124–125]. В Новониколаевске председателем ВПК был либерал Н.И. Пименов [24]. Либеральные периодические издания часто закрывали, поэтому существование новониколаевских газет было весьма ненадежным. Так, наиболее «долгоиграющая» газета «Народная летопись», издававшаяся с 1906 г. Николаем Павловичем Литвиновым, в 1907–1909 гг. называлась «Обь», с 1909 по 1912 гг. – «Обская жизнь», с 1912 по 1917 гг. – «Алтайское дело», при этом в январе–августе 1913 г. она называлась «Сибирская новь», в 1917 г. – «Свободная Сибирь». Газета «Сибирский коммерсант», первый номер которой вышел 1 января 1910 г., в октябре того же года стала «Обским вестником», а с 1912 г. по январь 1913 г. выходила под названием «Голос Оби». Всего в Новониколаевске до революции 1917 г. издавались газеты 19 названий [25].

Оживились монархические организации. Отделение Союза русского народа выпускало листовки против социалистов, евреев и поляков, организовывало антиалкогольное движение вместе со священниками православной церкви. «Союзники» открыли общество взаимного страхования, потребительский кооператив, организовали празднование 100-летней годовщины войны 1812 г., 300-летия Дома Романовых, устраивали публичные лекции с целью популяризации монархических идей и программных требований. С началом Первой мировой войны их активность явным образом сместилась на сбор пожертвований на военные нужды, а также на организацию помощи раненым и увечным солдатам. Впрочем, и политические вопросы не исчезли из повестки новониколаевского отдела СРН, руководство которого обращалось с письмами в министерства страны с выражением озабоченности по поводу распространения «противогосударственных» настроений и предложениями отказаться от созыва Государственной думы. По мере обострения обстановки на фронте и нарастания общенационального кризиса политическая тональность в выступлениях местных «союзников» усиливалась: распространялись воззвания с призывом к объединению всех монархистов для воскресения России, а в адрес правительства направлялись телеграммы с призывом не заключать мир с Германией.

Между тем градус оппозиционности в настроениях большинства горожан, испытавших патриотический подъем в начале войны, довольно быстро возрастал. В Новониколаевске 8 раз бастовали рабочие, требуя повышения оплаты труда, произошло 2 бунта солдаток в 1915 и 1916 гг. Это были наиболее сильные в губернии выступления работниц и домохозяек. Монархические настроения, по мнению сотрудников губернского жандармского управления, в феврале 1917 г. уступили место «росту симпатий городского населения к социал-демократам». В Новониколаевске распространялись

листовки Военно-социалистического союза, образованного ссыльными социалистами в Томске, с призывом к свержению самодержавия и передаче власти рабочим [26. С. 180]. В марте губернские власти не оказали заметного сопротивления революционерам.

Таким образом, количественный анализ фактов, связанных с проявлениями социальной активности горожан, позволяет определить основные тенденции в развитии общественного движения. Вместе с тем очевидно, что подобная методика не является самодостаточной. Выявленные на основе ее применения закономерности с необходимостью должны дополняться анализом обусловивших их конкретно-исторических причин. Кроме того, нельзя не учитывать разнообразие проявлений общественной жизни, множество нюансов, переплетение судеб людей, являвшихся участниками событий и процессов, фиксируемых на языке цифр. Предложенный в статье формализованный вариант исторической реконструкции общественной жизни, безусловно, упрощает представление о реальных событиях. Однако его значимость определяется возможностью концентрации внимания исследователей на ключевых проявлениях социальной активности населения Новониколаевска в их взаимосвязи с общим историческим контекстом, с одной стороны, и локальными особенностями города – с другой.

Список источников

1. Сибирский торгово-промышленный ежегодник, 1914–1915 гг. Петроград : Изд. Д.Р. Юнга, 1915. [1957] с.
2. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конкц XIX – начало XX в.) / ред. А.П. Окладников. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1978. 296 с.
3. Новосибирск. 100 лет. События. Люди / ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1993. 472 с.
4. Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX – начале XX в. : энцикл. словарь / под ред. М.В. Шиловского. Новосибирск: Параллель, 2019. 498 с.
5. Zinovyev V.P., Zinovyeva V.I., Fominykh S.F. Charitable Associations of Tomsk Province in 1844–1917 // Bylye Gody. 2018. Vol. 47 (1). P. 208–216. doi: 10.13187/bg.2018.1.208
6. Zinovyev V.P., Zinovyeva V.I., Sulyak S.S. Leisure Societies of the Tomsk Province in 1865–1919 // Bylye Gody. 2019. Vol. 51 (1). P. 272–283. doi: 10.13187/bg.2019.1.272 65
7. Зиновьев В.П., Суляк С.Г. Научные и технические общества Томской губернии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. 2020. Т. 65, вып. 3. С. 904–920.
8. Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. // Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. : в 3 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 1: 1880 – февраль 1917. С. 51–383.
9. Благотворительные учреждения Томской губернии : очерк / сост. по распоряжению Томского губернатора С. Соболевым. Томск : Губернская тип., 1895. 50, III, 75 с.
10. Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Бийск : Изд-во Алт. гос. тех. ун-та, 2002. 287 с.
11. Запорожченко Г.М. Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX в. Поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления. Новосибирск : Сибпринт, 2015. 540 с.
12. Зиновьев В.П. Статистика общественной жизни уездного города России на примере Барнаула во второй половине XIX века – в 1916 году // Актуальные вопросы истории Сибири : Тринадцатые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина : сб. науч. ст. / под ред. В.А. Скубневского, Д.С. Боброва. Барнаул : Азбука, 2021. С. 59–65.
13. Барнаул. Летопись города – хронология, события, факты. Барнаул : АРТ, 2007. 628 с.
14. Вестник партии народной свободы.
15. Сибирская жизнь. 1906. 13 мая; 14 мая.
16. Сибирские вопросы. 1906. № 1.
17. Родионов Ю.П. Хроника избирательных кампаний в III и IV Государственные думы в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск : Том. гос. ун-т, 1995, С. 77–96.
18. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 38. Оп. 1. Д. 117.
19. Алтайское дело. 1916. 1 окт.; 13 нояб.
20. Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. 170 с.
21. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 127. Оп. 1. Д. 2982.
22. Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 551.
23. Личный состав Западносибирского областного комитета ВСГ // Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 172. Оп. 1. Д. 350.
24. Алтайское дело. 1916. 13 янв.
25. Косых Е.Н., Яковенко А.В. Повременная печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г. : сводный указатель периодических и продолжающихся изданий. Томск : Ветер, 1911. 376 с. (Историко-краеведческий архив; вып. 4.)
26. Томск : история города от основания до наших дней. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 464 с.

References

1. Yung, D.R. (1915) *Sibirskiy torgovo-promyshlennyy ezhegodnik, 1914–1915 gg.* [Siberian Commercial and Industrial Yearbook, 1914–1915]. Petrograd: D.R. Yung.
2. Goryushkin, L.M., Bochanova, G.A. & Tseplyaev, L.N. (1978) *Novosibirsk v istoricheskom proshlom (konkts XIX – nachalo XX v.)* [Novosibirsk in the Historical Past (Late 19th – Early 20th Century)]. Novosibirsk: Nauka.
3. Goryushkin, L.M. (ed.) (1993) *Novosibirsk. 100 let. Sobytiya. Lyudi* [Novosibirsk. 100 Years. Events. People]. Novosibirsk: Nauka.
4. Shilovskiy, M.V. (ed.) (2019) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.: entsiklopedicheskiy slovar'* [Socio-Political Life of Siberia in the Late 19th – Early 20th Century: Encyclopedic Dictionary]. Novosibirsk: Parallel'.
5. Zinoviev V.P., Zinovieva V.I. & Fominykh S.F. (2018) Charitable Associations of Tomsk Province in 1844–1917. *Bylye Gody*. 47(1). pp. 208–216. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2018.1.208
6. Zinoviev, V.P., Zinovieva, V.I. & Sulyak, S.S. (2019) Leisure Societies of the Tomsk Province in 1865–1919. *Bylye Gody*. 51(1). pp. 272–283. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2019.1.272 65
7. Zinoviev, V.P. & Sulyak, S.G. (2020) Nauchnye i tekhnicheskie obshchestva Tomskoy gubernii [Scientific and Technical Societies of Tomsk Province]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 65(3). pp. 904–920.

8. Zinoviev, V.P. & Kharus, O.A. (2013) Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg. [Socio-Political Life of Tomsk Province in 1880–1919]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.: v 3 t.* [Socio-Political Life of Tomsk Province in 1880–1919: in 3 vols]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 51–383.
9. Sobolev, S. (1895) *Blagotvoritel'nye uchrezhdeniya Tomskoy gubernii* [Charitable Institutions of Tomsk Province: An Essay]. Tomsk: Gubernskaya tip.
10. Degaltseva, E.A. (2002) *Obshchestvennye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoy Sibiri (1861–1917 gg.)* [Public Non-Political Organizations of Western Siberia (1861–1917)]. Biysk: Altai State Technical University.
11. Zaporozhchenko, G.M. (2015) *Gorodskaya potrebitel'skaya kooperatsiya v Sibiri v nachale XX v. Poisk identichnosti i opyt grazhdanskogo samo-upravleniya* [Urban Consumer Cooperation in Siberia in the Early 20th Century. The Search for Identity and the Experience of Civil Self-Government]. Novosibirsk: Sibprint.
12. Zinoviev, V.P. (2021) Statistika obshchestvennoy zhizni uezdnogo goroda Rossii na primere Barnaula vo vtoroy polovine XIX veka – v 1916 godu [Statistics of Public Life in a Russian Uyezd Town Based on the Example of Barnaul from the Second Half of the 19th Century to 1916]. In: Skubnevskiy, V.A. & Bobrov, D.S. (eds) *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* [Topical Issues of Siberian History]. Barnaul: Azbuka. pp. 59–65.
13. Skubnevskiy, V.A. (ed.) (2007) *Barnaul. Letopis' goroda – khronologiya, sobytiya, fakty* [Barnaul. A Chronicle of the City – Chronology, Events, Facts]. Barnaul: ART.
14. *Vestnik partii narodnoy svobody*.
15. *Sibirskaya zhizn'*. (1906). 13th May; 14th May.
16. *Sibirskie voprosy*. (1906) 1.
17. Rodionov, Yu.P. (1995) Khronika izbiratel'nykh kampaniy v III i IV Gosudarstvennye dumy v Sibiri [Chronicle of Election Campaigns for the Third and Fourth State Dumas in Siberia]. In: Zinoviev, V.P. (ed.) *Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895–1917 gg.* [Materials for a Chronicle of the Social Movement in Siberia in 1895–1917]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 77–96.
18. The State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund 38. List 1. File 117.
19. *Altayskoe delo*. (1916a) 1st October; 13th November.
20. Mosina, I.G. (1978) *Formirovanie burzhuazii v politicheskuyu silu v Sibiri* [The Formation of the Bourgeoisie as a Political Force in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
21. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 127. List 1. File 2982.
22. The State Archive of the Tyumen Region (GATyumO). Fund 2. List 1. File 551.
23. The State Archive of the Omsk Region (GAOO). *Lichnyy sostav Zapadnosibirskogo oblastnogo komiteta VSG* [Personnel of the West Siberian Regional Committee of the All-Russian Union of Towns]. Fund 172. List 1. File 350.
24. *Altayskoe delo*. (1916b) 13th January.
25. Kosykh, E.N. & Yakovenko, A.V. (1911) *Povremennaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 g.: svodnyy ukazatel' periodicheskikh i prodolzhayushchikhsya izdaniy* [The Periodical Press of Siberia (Second Half of the 19th Century – February 1917): A Consolidated Index of Periodicals and Serials]. Tomsk: Veter.
26. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2004) *Tomsk: istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dney* [Tomsk: The History of the City from its Foundation to the Present Day]. Tomsk: Tomsk State University.

***Сведения об авторах*:**
Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vpz@tsu.ru
Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olga.kharus@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Zinoviev Vasily P. – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru
Kharus Olga A. – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of History and Documentation at the Faculty of Historical and Political Sciences of the National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga.kharus@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.06.2025; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 22.06.2025; accepted for publication 01.08.2025

Научная статья
УДК 27-756:94(571.16)
doi: 10.17223/19988613/96/4

Томская духовная семинария как объект локальной истории

Ольга Тимофеевна Лойко[1], Людмила Владимировна Глушкова[2]

[1] Томский политехнический университет, Томск, Россия
[2] Томская духовная семинария, Томск, Россия
[1] olgaloyko@tpu.ru
[2] lvg-51@mail.ru

Аннотация. На основе научных публикаций, исторических источников и архивных документов представлен процесс становления и развития Томской духовной семинарии как объекта локальной истории Томска. Выделены основные исторические этапы развития Томской духовной семинарии. Дана информация о выпускниках семинарии, внесших значительный вклад в развитие социально-культурной жизни города: профессоре К. Завадовском, М.Б. Шатилове. Рассмотрены результаты совместной научной и просветительской работы Томской духовной семинарии с администрацией области и города, Советом ректоров вузов Томска.
Ключевые слова: Томская духовная семинария, локальная история, духовное просвещение, образование

Для цитирования: Лойко О.Т., Глушкова Л.В. Томская духовная семинария как объект локальной истории // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 23–33. doi: 10.17223/19988613/96/4

Original article

Tomsk Theological Seminary as an object of local history

Olga T. Loyko[1], Lyudmila V. Glushkova[2]

[1] Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation
[2] Tomsk Theological Seminary, Tomsk, Russian Federation
[1] olgaloyko@tpu.ru
[2] lvg-51@mail.ru

Abstract Based on scientific publications, historical sources and archival documents, the article presents the process of formation and development of Tomsk Theological Seminary (TTS) as an object of the local history of Tomsk. The purpose of the article is to analyze the role and significance of Tomsk Theological Seminary in the cultural life of the city. The methods used in this research are archival-historical, comparative, and analytical.

The analysis of scientific publications and archival documents made it possible to trace the history of the formation and development of TTS, its connection and interaction with the universities of the city in historical and modern contexts. It is noted that the high status of teaching and training of seminary graduates allowed Metropolitan Makarius Nevsky to take the initiative to open the Theological Academy in Tomsk in 1896.

The results of the study include the identification of the main historical stages in the development of TTS. The first one covers the years 1858–1899 reflecting the formation of the theological school since its opening. The second stage began in May 1899 with the consecration of the new building of TTS in honor of St. Innocent of Irkutsk and ended with its closure in 1918. The ensuing years brought forth such names of new martyrs from among the teachers and graduates of TTS as Metropolitan Agafangel (1854–1920), Archimandrite Prokopiy (1877–1937), Priest Innocent Kikin (1878–1937). The year 1992 marks the beginning of the third stage, when classes at TTS were resumed.

The article mentions the activities of the first vice-rectors of the Seminary in its third period – Archpriest Leonid Kharaim (Archimandrite Silouan) (1945–2011) and Archpriest, Candidate of Theology Oleg Bezrukikh. The process of training clergy in Tomsk in the Soviet period, when the seminary was closed, is sometimes referred to as “Pivovarov’s stoke room”. Therefore, the spiritual and creative activity of Archpriest, Candidate of Theology Alexander Pivovarov is also described. Information is given about the graduates of the Seminary who made a significant contribution to the development of the socio-cultural life of the city: Professor K. Zavadovsky, M.B. Shatilov and others.

The final part of the paper highlights the contribution of the seminary students and teachers to the development of education and enlightenment of the citizens of Tomsk, and their role in social life: work with deaf and hard of hearing people, children and youth. It provides some statistics on the dynamics of the educational processes in TTS from the moment of resumption of classes to the present and the publication activity of TTS students and teachers. The article also presents the results of joint academic work of Tomsk Theological Seminary with the Administration of the region and the city, and with the Council of Rectors of Tomsk universities.
Keywords: Tomsk Theological Seminary, local history, spiritual enlightenment, education

© О.Т. Лойко, Л.В. Глушкова, 2025

For citation: Loyko, O.T., Glushkova, L.V. (2025) Tomsk Theological Seminary as an object of local history. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 23–33. doi: 10.17223/19988613/96/4

Неотъемлемой частью бытия человечества является образование, значимость которого постоянно растет вне зависимости от политического строя, экономической и культурной ситуации в стране. В.О. Ключевский отмечал, что «образование дает человеку ясный взгляд на вещи, на других и на себя, на свои отношения к ним, на обязанности, поднимает силы души и тела» [1. С. 229]. Именно поэтому изучение истории учебных заведений в контексте локальной истории остается темой актуальной и востребованной. История возникновения и развития духовных школ в России – предмет пристального внимания многих исследователей, среди которых особо выделяется работа П.Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры». Опубликованная в 1896 г. работа не утратила своей научной ценности и по сей день. Причин этому как минимум три. Во-первых, образование представлено как важнейшая составляющая исторического развития России. Во-вторых, в тесной связи с различными, зачастую противоречивыми, тенденциями экономического и социально-культурного бытия государства. Наконец, в-третьих, информационная насыщенность труда П.Н. Милюкова не противоречит занимательности изложения, что позволяет включить это исследование в золотой фонд общественно-исторической мысли. Отметим, что именно он первым дал развернутую характеристику значимости духовного образования, указав на особую роль Русской Православной Церкви в распространении образования. Судьба епархиальных школ – пишет П.Н. Милюков, – «устроенных вследствие предписания Духовного Регламента, регулировалась не только государством, а местным преосвященным» [2. С. 250]. Ученики духовных школ не принуждались к учению такими насильственными мерами, как это бывало в светских школах, и процент бросивших учебу был несколько меньше. Именно епархиальные школы, как отмечает П.Н. Милюков, «дожили до того времени, когда началось превращение их в семинарии» [2. С. 251].

В советский период исследование истории духовного образования не принадлежало к числу актуальных тем, как и проблема духовности в целом. Своеобразный научный ренессанс начался в постперестроечной России, причем одновременно на глобальном и локальном уровнях. Это неслучайно и полностью вписывается в контекст историко-культурных исследований перестроечной России. К числу наиболее значимых научных текстов, характеризующих образовательную и просветительскую деятельность профессоров Томского университета, следует отнести статью О.А. Харусь, в которой дан глубокий содержательный анализ религиозных и политических взглядов Д.Н. Беликова, И.В. Михайловского П.А. Прокошева [3]. Одним из первых приступил к научному анализу роли и значения духовного образования профессор А.И. Осипов, отметив, что «основная проблема современных духовных школ – острый недостаток духовных руководителей… Очевидный акцент сделан на научную подготовку преподавательских и богословских кадров. Вопрос же вопросов – духовное воспитание будущих пастырей и педагогов – остается, как и прежде, открытым. Главная причина этого – “яко оскуде преподобный” (Пс. 11:2). Но понятно, что школа, питающаяся лишь “умовым”, по выражению свт. Феофана (Говорова), богословием и не воспитывающая своих питомцев на началах святоотеческого опыта духовной жизни, не может принести иных плодов, кроме тех, которые были» [4].

Одновременно в исторический дискурс включаются новые исследователи. В 1998 г. защищена диссертация А.В. Сушко «Духовные семинарии в пореформенной России, 1861–1864 гг.». [5], в 2011 г. – М.А. Адамова «Повседневная жизнь учащихся духовных семинарий Русской Православной Церкви в XVIII – начале XX вв.» [6]. История становления и развития духовных семинарий анализируется в работах Э. Бурнашева, Л. Нечаевой, Д. Оруджева, Н. Глаголина, А. Дьяконова, Т. Костюковой, протоиереев Б. Пивоварова, М. Фаста, Т. Смокотина, Е. Морозова. «В начале 90-х гг. XX в. Церковь получила, наконец, свободу и смогла приступить к выполнению одной из своих основных функций – духовному просвещению» [7. С. 54]. Именно в это время духовное образование выступает «инструментом подготовки будущих кадров» [8. С. 198].

С началом третьего тысячелетия ведется интенсивная исследовательская работа по изучению истории духовного образования в Томске. В 2018 г. Митрополитом Томским и Асиновским Ростиславом (Девятовым) опубликован «Биографический словарь преподавателей и наставников Томской духовной семинарии (1858–1920)» [9]. По своему содержанию работа является не столько библиографическим компендиумом, сколько картиной широкой панорамы, отражающей роль и значение семинарии в духовной жизни Томска. «Используя широкий круг источников, большей частью впервые вводимых в научный оборот, автор подготовил 230 биографических очерков о ректорах, инспекторах, преподавателях и наставниках Томской духовной семинарии и тем самым внес существенный вклад в изучение истории Церкви и истории Томска» [10. С. 7]. С 2015 г. начинается издание трудов Томской духовной семинарии. Авторы – студенты и преподаватели семинарии – особое внимание уделяют прошлому и современному состоянию духовного образования в Сибири и в Томске. Одновременно отметим, что до настоящего времени нет общего представления о роли и месте Томской духовной семинарии в культурной и духовной жизни города.

В настоящей статье авторы на основе публикаций, документальных материалов архивов Томской области, текущего архива Томской духовной семинарии, воспоминаний современников предлагают рассмотреть Томскую духовную семинарию как объект локальной истории и представить основные этапы ее становления.

Первый этап относится к 1858–1899 гг. Именно в этот период происходит становление духовной школы. Второй период охватывает время с мая 1899 г. – открытия нового здания ТДС с домовой церковью в честь святителя Иннокентия Иркутского – и до закрытия семинарии в 1918 г. Третий период начинается с 1992 г., когда по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (Ридигера) возобновляются занятия в Томской духовной семинарии. Авторы статьи не претендует на окончательность предложенной периодизации, рассматривая ее лишь как способ выстраивания логики изложения материала.

Идея создания в Томске семинарии принадлежала первому епископу Томскому и Енисейскому Агапиту (Вознесенский Семен Саввич, 1793–1854), который с 1834 по 1841 г. возглавлял вновь образованную епархию. Епископ Агапит – выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, по ее окончании был ректором духовных семинарий в Туле, Астрахани, Тамбове, Чернигове. Как человек образованный, имевший опыт устроения духовных школ, он понимал, что Сибирь нуждается в подготовленных духовных пастырях. Однако сложности создания новой губернии, географическая удаленность от центра не позволили реализовать задуманное.

В 1858 г. епископ Томский и Енисейский Парфений (Попов Петр Тихонович, 1811–1873) добился открытия в Томске духовной семинарии. В этом же году обер-прокурор Священного Синода уведомил епископа Парфения о выделении на содержание семинарии 9 тысяч 54 руб. 95 коп. серебром из духовно-учебных капиталов. Был утвержден штат семинарии с указанием всех статей расходов. Ректору и восьми наставникам по – 321 руб. 75 коп. каждому; преподавателю иконописания – 200 руб.; преподавателю местного языка – 130 руб.; инспектору и эконому по 171 руб. 60 коп.; библиотекарю – 100 руб. 10 коп.; лекарю – 143 руб.; трем письмоводителям по 85 руб. 80 коп. На содержание 60 воспитанников – по 57 руб. 80 коп. на каждого. На библиотеку определялось 114 руб. 20 коп., на канцелярию 71 руб. 40 коп., на больницу и медикаменты – 171 руб. 40 коп., содержание семинарского дома – 1 071 руб. 40 коп. [11].

Торжественное открытие ТДС совершилось в 1858 г. Вот как описывается это историческое событие. Утром 21 сентября в кафедральном соборе Его Преосвященством Преосвященнейшим Парфением, епископом Томским и Енисейским, была совершена Божественная литургия, во время которой на ектеньях также присовокуплены были моления о благодатном просвещении питомцев нового заведения. Старшие воспитанники семинарии были посвящены в стихарь и приобщены Его Преосвященством Святых Таин. Ректор семинарии архимандрит Вениамин (Благонравов Василий Антонович, 1825–1892) произнес назидательное слово на текст «Жатвы много, а делателей мало, молитесь убо Господину жатвы, яко да возведет делателей на жатву свою» [12. С. 11].

Одновременно составляется библиотека семинарии. Первые книги были получены в дар от епископа Парфения. Это были собственноручное письмо св. Дмитрия Ростовского в футляре за стеклом, рукописи и книги (общим числом 18). Были и другие жертвователи. Так, например, коллежский асессор Василий Беляев неоднократно передавал в библиотеку семинарии книги. Передавая в дар книги, он просил «не обременяться никаким формальным извещением о принятии этих книг, ограничусь только причислением их в каталоги семинарской библиотеки от имени единого от земнородных грешников Василия Беляева» [12. С. 14].

Первый набор состоял из 60 человек, обучавшихся на трех отделениях: низшем, среднем и высшем. Учебный план включал 26 предметов, таких как Священное Писание Ветхого и Нового Завета, богословие: основное, догматическое и нравственное, философия, логика, психология, церковно-библейская история, церковная русская история, история старообрядческого раскола, гомилетика, литургика, патристика, иностранные языки. Преподаватели Томской духовной семинарии имели высшее богословское образование. Семинаристы находились под постоянным духовным попечением. Инспектор семинарии ежемесячно составлял донесение не только об успеваемости, но и о поведении учащихся. Если в самом донесении дается общая характеристика учащихся, то на обороте инспектор оставлял особые замечания, отмечая какие именно качества замечены за тем или иным воспитанником. Так, например, некоторые из учащихся «вели себя очень хорошо», один отличался «примерной скромностью и послушанием», об одном сказано, он «терпеливо переносил причиненные ему от других обиды».

В течение первых лет семинария не имела собственного здания, занятия проходили в арендованных помещениях. Первоначально для семинарии было арендовано здание на углу Магистратской улицы и Приюто-Духовского переулка (сегодня это перекресток ул. Розы Люксембург и пер. Совпартшкольного).

В 1867 г. Томская духовная семинария готовилась к своему преобразованию по новому уставу. Именно в это время начинаются интенсивные поиски места для строительства нового здания. Первоначально планировалось выделение места под постройку семинарских зданий в районе Ерлыковской церкви. В донесении члена Учебного Комитета при Святейшем Синоде, действительного статского советника Керского от 20 июля 1876 г. по делу о постройке новых зданий для Томской семинарии отмечено: при «осмотре оказалось, что место это годилось бы, быть может, для монастыря или для тюремного замка, но никак не для семинарии». Основными недостатками, по мнению Керского, были отдаленность от центра города и неблагоприятные экологические условия: подверженность ветрам, близость кладбища и глубокие «зловонные овраги, куда свозятся из города массы навоза, нечистоты из выгребных ям и где, по словам местных жителей, свалены в разное время тысячи (голов) палого скота» [13. Л. 1 об.].

Потребность в новом помещении была острой, и в 1878 г. было получено предписание на начало строительства нового здания. «Правление Томской духовной семинарии честь имеет поставить в известность относительно того, что по определению Святейшего Синода от 20/30 января 1878 г. разрешено

построить новое здание для Томской духовной семинарии на уступаемом для сего Томским Алексиевским монастырем месте». В выписке указано: «Что касается ходатайства начальника Томского Алексиевского монастыря об освобождении сего монастыря от ежегодного взноса 150 руб. на нужды учебных заведений Томской епархии, что хозяйственное Управление, ввиду безвозмездной уступки монастырем в принадлежащей оному рощи места в количестве 13,394 кв. сажень под постройку новых семинарских зданий, полагаю возможным освободить монастырь от упомянутого взноса 150 руб.» [13. Л. 8]. Семинария получила удобное место в центре города, как отмечает Керский, «непосредственно за оградой Алексиевского мужского монастыря, где ныне живет архиерей, через один квартал от лучшей улицы города, неподалеку от соборной площади, где предполагается вновь строить архиерейский дом, и от городских рынков, и от всех учебных заведений, с которыми духовная семинария в интересах учебно-воспитательных должна поддерживать связь» [14]. Несмотря на принятое решение о строительстве здания, семинария продолжала оставаться «скиталицей» и в 1882 г. переселилась на улицу Монастырскую (сейчас ул. Крылова) [14]. Это создавало серьезные проблемы, но не сказывалось на качестве семинарской жизни.

В 1883 г. Томская семинария отмечала свой первый юбилей – 25 лет со дня начала занятий. Преподаватель Томской духовной семинарии В.В. Плотников подготовил подробную статью: «Акт по случаю двадцатипятилетия (1858–1883) Томской духовной семинарии». Он писал, что за четверть века существования семинарии число воспитанников увеличилось с 60 в 1858 г. до 131 в 1883 г. Несмотря на отдаленность от университетских центров, сложные климатические и материальные условия, «будущее семинарии, без сомнения, гораздо отрадней настоящего. Кроме выполнения прямой ее задачи – приготовления юношей на служение церкви Божией в пределах Томской и Енисейской епархий, ее ожидает и новая миссия – доставлять студентов для Сибирского университета, будущих просвещенных деятелей» [15. С. 23].

Благодарная память томичей сохранила имена двух выпускников из числа первых воспитанников Томской духовной семинарии – епископа Иннокентия (Солодчин Иван Васильевич, 1842–1919) и архимандрита Ионы (Изосимов Илья Ионович, 1838–1908), которые служили в Томском Богородице-Алексиевском монастыре. Епископ Иннокентий, будучи настоятелем монастыря (1890–1899) вел большую просветительскую работу в Томской епархии: в июне 1898 г. за заслуги в развитии школьного дела он был награжден от Святейшего Синода Библией, «выдаваемой ревнующим о наставлении детей в вере и благочестии» [16. С. 169]. Архимандрит Иона был благочинным Томского Богородице-Алексиевского монастыря с 1899 по 1908 г. Под его руководством решались вопросы о представительстве духовенства в Государственной думе, в результате чего профессор Томского Императорского университета протоиерей Дмитрий Беликов был избран в Государственный Совет [17. Л. 6].

Количественные и качественные изменения в статусе и значимости ТДС вновь поставили вопрос о необходимости собственного здания. Доводы в пользу нового семинарского помещения архиепископ Макарий (Невский; Парвицкий Михаил Андреевич, 1835–1926) изложил в своем обращении к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву, зарегистрированному за № 4907 от 13 октября 1893 г., с просьбой ускорить решение дела о строительстве зданий Томской духовной семинарии. «В настоящее время нужда в постройке новых семинарских зданий особенно настоятельна. Наемные здания, в которых помещается ныне Томская духовная семинария, по размерам своим совершенно не удовлетворяют насущным гигиеническим требованиям. Классы и спальни, – говорится в письме, – перегружены. Нередко воспитанникам приходится отказывать в общежитии. Сами здания настолько ветхие, что их стены в зимнее время промерзают, из-за чего ученики часто болеют» [18. С. 96].

Усилиями архиепископа Макария, общественности города 3 ноября 1899 г. Томская духовная семинария обрела новый адрес по улице Никитинской. Именно в этот период устанавливаются тесные связи семинарии с Томским Императорским университетом. Как известно, выпускники духовных семинарий не имели права продолжать обучения в университетах Российской империи. Исключение составляли лишь два университета, которые могли после дополнительных испытаний принимать выпускников духовных семинарий, – Томский и Юрьевский.

В Томске в силу его отдаленности от центра, малочисленности выпускников гимназий принимали семинаристов. В первой половине XIX в. они поступали в университет на общих основаниях с гимназистами. Курс обучения в духовной семинарии (I–IV общие классы и V–VI – богословские) был короче гимназического. К зачислению в университет допускались лица, окончившие четырехлетний курс. Так, в год открытия Томского Императорского университета (1888) в число студентов были приняты 72 человека, из которых половину составили выпускники гимназий и семинарии. В 1906 г. на имя руководства юридического факультета было направлено прошение окончивших четыре общеобразовательных класса Томской духовной семинарии, в котором 44 семинариста 4-го класса, 5 – 5-го и один – 6-го обращались с просьбой допустить их «к проверочным (в тексте – поверочным) испытаниям по русскому и латинскому языкам, а окончившие IV общеобразовательные классы, согласно циркулярному распоряжению г-на Министра Народного Просвещения от 30 июня с.г., с дополнительными экзаменами по математике, физике и одному из новых языков». «В настоящее время мы имеем честь просить вас… допустить нас к испытаниям при Университете по русскому и латинскому языкам» [18]. 33 выпускника ТДС обращаются с просьбой о допуске их к испытаниям наряду с окончившими VI класс. В обоснование своей просьбы они указывают, что «воспитанники Семинарии, окончившие VI классов и окончившие IV общеобразовательных класса, в вопросе о приеме семинаристов в Университет между собой ничем не

отличаются. Ведь пятый и шестой классы Духовных Семинарий носят узкоспециальный характер. Эти классы не только не увеличивают ни на одну йоту познаний семинаристов в математике, физике и новым языкам, но и во всем другом, в смысле общего образования и подготовки к Университету, не дают семинаристу ничего» [13. Л. 13 об.]. Вторая причина, побудившая обратиться с прошением, еще более серьезна. Все «соискатели» попали в исключительное положение: «Томская Семинария была 13 марта 1906 г. закрыта, и переводные и выпускные экзамены в ней состоялись настоящей осенью. Только в самое последнее время мы смогли запастись соответствующими правами и документами и обратиться к г-ну директору мужской гимназии с запросом, когда семинаристам (будут – в тексте пропуск) даны дополнительные экзамены. Ответ был – не ранее весны следующего года. Теперь нам, стремящимся в Университет, остается, по-видимому, одно – это стать вольнослушателями» [13. Л. 13 об.]. Положение вольнослушателей просителей не устраивает, так как «семинаристы – народ по преимуществу вынужденный добывать средства существования, во-первых, одни из нас, избегая воинской повинности, должны поступить учителями, псаломщиками и т.д., и таким образом уехать из города Томска, другие же с той же целью остаются в Семинарии или выходят из нее только на время. При этом многим, весьма вероятно, не удастся достигнуть этой цели, и они будут взяты в солдаты» [13. Л. 13 об.]. Не все успешно прошли испытания, о результатах которых в Государственном архиве Томской области хранятся листы с оценками по «здаваемым» (так в документе) предметам.

Несмотря на сложности отношений Томского университета и ТДС, эти связи продолжали развиваться. В 1917 г. был опубликован «Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования», где представлены данные о составе абитуриентов. За это время на медицинский факультет поступил 3 181 абитуриент. Из них гимназисты составили 1 079 человек, семинаристы – 2 013, реалисты – 73 человека. На юридический факультет – 1 840 абитуриентов: 905 человек составили гимназисты, 847 – семинаристы, 79 – реалисты. 60% от общего числа закончивших университет составили семинаристы. В их числе – известные ученые Сибири: К.Н. Завадовский – один из выдающихся врачей-неврологов, П.И. Чистяков – офтальмолог, И.Н. Осипов – педиатр [19].

Последние упоминания о Томской семинарии в документах Томской духовной консистории датируются октябрем 1918 г. [13. Л. 8–11]. В марте 1920 г. семинарский комплекс был реквизирован, и его помещения заняли военные училища – пехотное, артиллерийское, связи; сад был вырублен, речку Игуменку пустили под землю, в тоннель. Как и вся страна, Томск погрузился в активно-созидательную жизнь во имя великой коммунистической идеи, которая на долгие 70 лет стала временем государственного атеизма.

Гонения на церковь породили сонм новомучеников, среди которых были и преподаватели и выпускники ТДС. Один их них – выпускник 1897 г., архиепископ Одесский и Херсонский Прокопий (Титов Петр Семенович, 1877–1937), после многочисленных арестов был расстрелян в 1937 г. [20].

Священноисповедник митрополит Агафангел (Преображенский Александр Лаврентьевич, 1854–1928) исполнял обязанности инспектора Томской духовной семинарии в 1886–1888 гг., после рукоположения во епископа служил в различных епархиях Русской Православной Церкви. В 1922 г., когда Патриарх Тихон был арестован, владыка Агафангел был вторым кандидатом в Патриаршие местоблюстители. За исповедничество православной веры он был обвинен в антисоветской деятельности, арестован и сослан в с. Колпашево Нарымского края [21].

Епископ Бийский и Уссурийский Тарасий (Ливанов Иван Алексеевич, 1877–1933), выпускник ТДС 1898 г., закончив Казанскую духовную академию, служил в Томских храмах, был Смотрителем духовного училища. После революции активно боролся с обновленческим расколом. В 1932 г. назначен епископом Бийским. Неоднократно арестовывался и в 1933 г. был расстрелян в Новосибирске [22].

Священник Иннокентий Кикин (Кикин Иннокентий Арсентьевич, 1878–1937) окончил ТДС по высшему разряду в 1899 г. Был обвинен по статье 58-10-8-11 Уголовного кодекса РСФСР якобы за активную контрреволюционную работу, группируя вокруг себя недовольные и кулацкие элементы. 28 июля 1937 г. он был арестован. 1 октября 1937 года тройка управления НКВД по Западно-Сибирскому краю приговорила протоиерея Николая Ермолова и пресвитера Иннокентия Кикина к расстрелу с конфискацией имущества. Они были расстреляны 26 октября 1937 года в Новосибирске и погребены в общей безвестной могиле [23]. В 1958 г. постановление тройки НКВД в отношении протоиерея Николая Ермолова и священника Иннокентия Кикина было отменено и дело из-за отсутствия состава преступления прекращено. В 2002 г. определением Святейшего Патриарха и Священного Синода Русской Православной Церкви они были причислены к лику святых новомучеников и исповедников Российских [24].

Репрессиям подвергались и выпускники семинарии, связавшие свою деятельность с культурной жизнью города. Один из них – Михаил Бонифатьевич Шатилов. Выпускник 1904 г., он был инициатором создания краеведческого музея Томска, который возглавлял с 1922 по 1933 г. Замечательный ученый-этнограф, он приложил много сил для организации этнографических экспедиций в Нарымский край, на р. Вах и собрал большие коллекции материалов для Томского краеведческого музея. Сейчас музей носит его имя. В 1937 г. Шатилов был обвинен к принадлежности к организации «Белогвардейский заговор» и расстрелян, в 1959 г. реабилитирован [25].

Архивные источники, отчеты и публикации, воспоминания очевидцев демонстрируют богатейшую историческую и культурную палитру, показывая, что развитие духовного образование не подлежит тотальному запрету. Процессы образования, в том числе и духовного, идут, как правило, «вопреки». И именно это не позволяет прервать богатейшую ткань культурного

топоса, подтверждением чему служит «Пивоваровская кочегарка» [26], которая, несмотря на запреты и гонения властей, подготавливала православных пастырей в Томске. С июня 1968 г. настоятелем Петропавловского собора Томска стал протоиерей Александр Пивоваров (Пивоваров Александр Иванович, 1939–2006), который проявлял особую заботу о будущих пастырях. Нехватка священников сказывалась постоянно. Отец Александр ездил в Московскую духовную семинарию во время приемных экзаменов. Не поступивших в семинарию юношей приглашал к себе на приход, где они работали кочегарами, сторожами и дворниками. Сутки работали, потом отдыхали и учились. Они изучали Церковный Устав, Литургику, Священное Писание, пели и читали на церковно-славянском языке. Богослужебную практику проходили в соборе, – все были пономарями, чтецами, певцами. Подготовленных ребят протоиерей Александр представлял правящему архиерею. Достойных после испытания рукополагали в священный сан и посылали служить на приходы. Чтобы избавиться от «кочегарки», власти Томска подключили храм к центральному отоплению [27]. «Пивоваровская кочегарка» стала своеобразным подпольным учебным заведением и мостиком к возрождению семинарии.

Советский режим был на излете, и постепенно церковь смогла чаще обращаться к народу со словами утешения и помощи. В 1988 г. празднование 1000-летия Крещения Руси вылилось за стены церковной ограды, и ее голос был услышан. В эти же годы настоятелем Петропавловского собора Томска был назначен протоиерей Леонид Хараим, в монашестве архимандрит Силуан (1945–2011). Опытный преподаватель, окончивший Ростовский государственный университет, он был хорошо встречен руководством и интеллигенцией города [28]. Благочинный храмов Томской области протоирей Леонид Хараим и клирик Петропавловского собора протоиерей Олег Безруких читали курсы лекций в крестильном храме собора, в университетах. Совместно с учеными вузов публиковались работы, объединенные общим названием: «Культура России: прошлое, настоящее, будущее» [29], начала работу приходская школа для взрослых, о которой в Вестнике РХД писал Никита Струве [30].

Отправной точкой новой истории Томской духовной семинарии стал 1991 год, когда состоялся первый визит Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (Ридигер Алексей Михайлович, 1929–2008) в Томск. К этому времени в городе уже сложились достаточно устойчивые традиции взаимоотношений православной церкви и общества. Именно эти события подготовили почву для возрождения Томской духовной семинарии.

Богослужения, встречи с преподавателями воскресных школ, пресс-конференции позволили Патриарху подвести итоги визита, и, выступая перед народными депутатами и руководителями Новосибирской области, Святейший Патриарх Алексий II отмечал: «…мы пока не имеем кадров, чтобы заполнить все возвращаемые приходы... В Томске будет возрождена духовная семинария, которая будет выпускать из своих стен священнослужителей, пастырей, которые будут продолжать духовное просвещение народа» [31]. Получив благословение Патриарха, в Томске начинается подготовка к открытию семинарии. В августе 1992 г. в газете «Томские православные ведомости» в разделе «Хроника Томского благочиния» была размещена информация: «10 августа под председательством протоиерея Леонида Хараима прошло первое заседание преподавательской корпорации Томской духовной семинарии» [32]. 11 августа 1992 г. Святейший Синод Русской Православной Церкви рассмотрел прошение Преосвященного епископа Новосибирского и Барнаульского Тихона (Емельянов Леонид Григорьевич) об открытии в Томске учебного заведения для подготовки православных священнослужителей. Синод принял постановление «…благословить открыть первый класс Духовной семинарии в г. Томске» [33. Л. 45]. В сентябре 1992 г. в крестильном храме Петропавловского собора Томска прошли вступительные экзамены. Абитуриенты писали сочинение, проходили собеседование. В своем отчете о вступительных экзаменах епископ Тихон писал: «…в сентябре 1992 г. открыт I класс Томской духовной семинарии. Было принято 16 учащихся на общее отделение и 6 – в регентский класс» [34. Л. 1]. Учебный процесс осуществляли 14 преподавателей: 6 священников и 8 преподавателей томских вузов. Обучение в семинарии продолжалось в течение 4 лет, переход на пятилетний срок обучения произошел в 1998 г. [35].

Таким образом, после более чем 70-летнего перерыва совершилось второе рождение Томской духовной семинарии. 10 октября 1992 г. в помещении Научно-технической библиотеки Томского политехнического института собрались преподаватели и студенты первого набора ТДС (рис. 1).

Город был един в своем желании помочь: вложили свою лепту и томское духовенство, и Совет ректоров вузов города, и областная и городская администрации. Семинария сразу сумела занять достойное место среди вузов Томска. Научная библиотека университета возвратила часть сохранившихся дореволюционных семинарских книжных фондов, многие ведущие специалисты вузов города наряду со священниками томских храмов стали первыми преподавателями вновь открывшегося духовного учебного заведения.

Первые годы обустройства возрожденной семинарии напоминали начало ее исторического пути. Она вновь была «скиталицей». Проректор протоиерей Олег Безруких писал: «Студенты первого набора жили и учились на втором этаже деревянного церковного дома на улице Алтайской, 47» на территории Петропавловского собора [36]. В 1994 г. семинария переехала в переданное Церкви бывшее здание арестантских рот, расположенное рядом с храмом святого благоверного князя Александра Невского, ставшего на несколько лет семинарским храмом [37].

Знаменательным событием для города и особенно для воспитанников ТДС стало обретение мощей святого праведного старца Феодора Кузьмича 5 июля 1995 г. Именно семинаристы с 10 утра и до полуночи с молитвой и верой очищали от многолетней грязи и мусора место захоронения старца на территории Богородице-Алексиевского мужского монастыря. Очевидец событий журналист Татьяна Веснина писала, что бла-

гочинный томских храмов протоиерей Леонид поддерживал и одобрял нелегкую работу воспитанников: «Обретение святых мощей сняло с города позор кощунства, которое допустили наши предки, но главное – теперь томская земля обрела своего духовного покровителя» [38. С. 46]. День обретения мощей стал ежегодным праздником не только томичей, но и многочисленных гостей города.

Рис. 1. 1992 год, 10 октября, Научно-техническая библиотека Томского политехнического института. 1 ряд, сидят (слева направо): Ольга Тимофеевна Лойко, канд. филос. наук, доцент ТПИ; Людмила Александровна Томилова, канд. психол. наук, доцент ТГУ; протоиерей Олег Безруких; Людмила Георгиевна Сухотина, д-р ист. наук, профессор ТГУ; протоиерей Леонид Хараим, проректор Томской духовной семинарии; Людмила Семеновна Сысоева, д-р филос. наук, профессор ТГПИ; протоиерей Александр Семенов, клирик Иркутской епархии; монах Сергий (Маслаков), клирик Томского благочиния. 2 ряд, стоят: протодиакон Владимир Марков, клирик собора Петра и Павла; Ирина Викторовна Киселева, журналист; Людмила Владимировна Слесаренко, начальник городского департамента культуры; Ольга Николаевна Бахтина, канд. филол. наук, доцент ТГУ; Нина Поликарповна Фаст – канд. геогр. наук, доцент ТГУ, Ольга Гнип, Ульяна Меньщикова, Маргарита Багинская, учащиеся ТДС (регентское отделение); Ольга Александровна Гончарова, канд. ист. наук, доцент Горно-Алтайского университета; Любовь Николаевна Проскурина, корректор издательства ТГУ; Екатерина Алексеевна Кирсанова, канд. ист. наук, доцент ТГУ; Еманова Людмила Николаевна, иконописец собора Петра и Павла (Томск); Марина Сергеевна Черкасова, канд. ист. наук, доцент Волгоградского университета; Людмила Александровна Гончарова, старший библиотекарь НТБ. 3 ряд, стоят: учащиеся ТДС (пастырское отделение) Юрий Брусов, Андрей Гусев, Александр Соловьев, Дмитрий Ганин, Андрей Красиков; Владимир Георгиевич Томилов, канд. филос. наук, доцент ТГУ, Галина Ильинична Ермолаева, канд. филос. наук, доцент Томского медицинского института

11 июля 1996 г. при епископе Сергии (Соколове) состоялся первый выпуск томских семинаристов. Православная газета, издаваемая в Томске, писала: «…Двадцать выпускников семинарии – четырнадцать студентов очного и шесть заочников» получили дипломы» [39. Л. 2]. С 1999 по 2020 г. семинарию возглавлял митрополит Томский и Асиновский Ростислав (Девятов Сергей Николаевич) [40], с 16 июля 2020 г. ректор архимандрит Иосиф (Еременко Иосиф Борисович), кандидат богословия, доцент [41]. В 2002 г. томская духовная школа разместилась в восстановленных при поддержке губернатора области В.М. Кресса просторных корпусах на проспекте Ленина, 82, рядом с Богоявленским кафедральным собором.

В семинарии обучались студенты из различных епархий РПЦ. В первые годы это были абитуриенты из близлежащий областей. Позднее, когда семинарии были открыты в соседних епархиях, основной контингент абитуриентов представляет Томскую, Красноярскую, Иркутскую епархии.

Анализ годовых отчетов семинарии позволяет показать изменения, происшедшие за 30 лет, в количественном и качественном составе студентов и преподавателей. Преподавательский состав включает в себя штатных и внештатных педагогов, священников Томской епархии, а также приглашенных преподавателей, таких как профессор Санкт-Петербургской духовной академии протоиерей Владимир Мустафин, профессор Московской духовной академии Алексей Ильич Осипов, профессор Сретенской духовной семинарии протоиерей Максим Козлов, профессор Томского политехнического университета Юрий Сергеевич Нехорошев.

Приведем некоторые сведения о количестве «учащих» и «учащихся» семинарии с 1992 по 2023 г. (таблица).

В 2012 г. по рейтингу, составляемому Учебным комитетом Русской Православной Церкви, Томская семинария занимала 5-е место среди всех семинарий России, позднее этот рейтинг значительно снизился, что привело к закрытию Регентской школы 1 марта

2017 г. [35. С. 338]. В семинарии осталось только пастырское отделение с дневной и заочной формами обучения; это привело к значительному сокращению количества студентов.

В настоящее время Томская духовная семинария ведет подготовку по программам «Подготовка служителей и религиозного персонала религиозных организаций» и «Теология», подтвержденным лицензиями, уровень образования «бакалавриат». Введение программы «Теология» позволило семинарии в 2023 г. увеличить количество студентов. Наряду с российскими абитуриентами в семинарию поступили 9 иностранных студентов из Пакистана и Кении. В 2023 г. в семинарии на двух отделениях обучается 177 студентов.

Сведения о количестве студентов и преподавателей с 1992 по 2023 г.

Годы	Количество обучающихся					Количество выпускников				Преподаватели (количественный и качественный состав)		
	Пастырское отделение	Регентское отделение	Псаломщические курсы	Сектор заочного обучения	Всего	Пастырское отделение	Регентское отделение	Псаломщические курсы	Сектор заочного отделения	Профессора	Кандидаты богословия / кандидаты наук	Всего
1992	16	6	–	–	22	–	–	–	–	–	3	14
1993	30	6	5	32	73	–	–	–	–	–	3	14
1996	28	11	5	19	63	14	4		6		7	37
2003	79	21	–	193	293	29	–	–	–	2	6	43
2004	79	14	8	125	226	11	5	2	18	4	6	40
2008	64	9	13	219	305	12	5	1	29	3	9	42
2011	61	11	9	199	280	14	3	2	26	4	9	43
2012	47	13	–	181	231	8	3	2	12	4	9	44
2015	37	3	11	229	280	8	3	1	14	6	8	46
2017	37	13	–	204	254	8	3	2	12	6	8	44
2020	27	–	–	146	173	7	–	–	25	4	14	41
2021	16	–	–	159	175	6	–	–	12	4	15	40
2022	37	–	–	115	152	9	–	–	15	4	17	43
2023	60	–	–	117	177	–	–	–	–	4	15	39

Примечание. Составлено по данным текущего архива Томской духовной семинарии.

Студенты ТДС уже на семинарской скамье духовно окормляли прихожан. В 2005 г. студент Евгений Морозов (ныне священник, клирик Московской епархии) начал изучать русский жестовый язык и переводить службы для глухих и слабослышащих людей. Этот проект вышел далеко за пределы Томска. Студенты осуществляли сурдоперевод богослужений в Томске, Северске, Колпашеве, Самаре, Москве, Новосибирске. 25 сентября 2016 г. в храме Всех святых в земле Российской просиявших в Новокосино Святейшим Патриархом Кириллом совершена первая Божественная литургия с сурдопереводом с участием сурдопереводчиков выпускников ТДС иерея Евгения Морозова и Сергея Попова. В настоящее время в Богоявленском кафедральном соборе Томска иерей Вячеслав Кабанин проводит службы для глухих и слабослышащих прихожан.

В рамках одной статьи сложно охватить все интереснейшие события, которые проходили и проходят в семинарии. Студенты учатся, совершают паломнические поездки, участвуют в богослужениях. Двенадцать выпускников ТДС служат архиереями Русской Православной Церкви.

Попечением ректора Томской духовной семинарии при поддержке администрации Томской области и города, Совета ректоров вузов Томска проходят ежегодные Кирилло-Мефодиевские чтения и научные конференции, ведется издательская деятельность, публикуются статьи и монографии преподавателей и студентов. Ежегодно издаются «Труды Томской духовной семинарии». С 2022 г. публикуется научный журнал «Томский богословский вестник: Теология. Право. Экономика» под редакцией ректора ТДС архимандрита Иосифа (Еременко). На протяжении 165 лет своей истории Томская духовная семинария продолжает лучшие традиции духовного образования и просвещения в Сибири в тесном содружестве с университетским сообществом города.

Список источников

1. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. М.: Мысль. 1990. Т. 9: Материалы разных лет. 445 с.
2. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. М. : Прогресс-Культура, 1994. Т. 2, ч. 2. 496 с.
3. Харусь О.А. Христианство и либерализм: синтез ценностей в мировоззренческих и политических практиках либералов Сибири в начале XX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 97–104. doi: 10.17223/19988613/79/12
4. Осипов А.И. Московская духовная академия: образование богословское и духовное // Осипов Алексей Ильич. Профессор Московской Духовной Академии. URL: https://alexey-osipov.ru/books-and-publications/doklady/moskovskaya-dukhovnaya-akademiya-obrazovanie-bogoslovskoe-i-dukhovnoe/ (дата обращения: 03.07.2023).
5. Сушко А.В. Духовные семинарии в пореформенной России, 1861–1884 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1989. 26 с.
6. Адамов М.А. Повседневная жизнь учащихся духовных семинарий Русской Православной Церкви в XVIII – начале XX веков : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2011. 28 с.
7. Конюхов Д.А. Православное образование в России после 1917 г. и в СССР // Человек и образование. 2011. № 2 (27). С. 50–54.

8. Костюкова Т.А., Иванов И. (диакон). Становление духовного образования в России (XVIII – нач. XX в.) // Труды Томской духовной семинарии. Томск : Изд-во Том. духовной семинарии, 2020. Сб. 5. С. 198–207.
9. Ростислав (Девятов; митрополит). Биографический словарь преподавателей и наставников Томской духовной семинарии (1858–1920). Томск : Изд-во Том. духовной семинарии, 2018. 352 с.
10. Дмитриенко Н.М. Библиографический дискурс в церковно-исторических исследованиях // Ростислав (Девятов; митрополит). Биографический словарь преподавателей и наставников Томской духовной семинарии (1858–1920). Томск : Изд-во Том. духовной семинарии, 2018. С. 4–7.
11. Дело об открытии Томской семинарии // Материалы для истории Томской Духовной Семинарии : (очерки по местным архивным материалам). Томск : Том. духовная семинария, 1858. С. 3.
12. Мисюрев А.А. Краткий историко-статистический очерк Томской епархии. Томск : Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1897. 76 с. URL: https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-407/?ysclid=lnflywsoq49820216 (дата обращения: 03.07.2023).
13. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 10. Д. 119.
14. Каратаева А.Г., Старикова Г.Н. Духовная семинария // Томск от А до Я : краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во НТЛ, 2005. С. 107–108.
15. Плотников В.В. Акт по случаю двадцатипятилетия (1858–1883 гг.) Томской духовной семинарии, 21 сентября 1883 года : статья преподавателя Томской духовной семинарии В.В. Плотникова. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000576664 (дата обращения: 03.07.2023).
16. Силуан (Вьюров; игумен). Настоятели Томского Богородице-Алексиевского монастыря из числа выпускников Томской Духовной семинарии // Духовное образование в Сибири: история и современность : материалы конф. Томск : Д-принт, 2008. С. 164–185.
17. ГАТО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 134.
18. Ростислав (Девятов; митрополит). История построения зданий Томской духовной семинарии // Труды Томской семинарии. Томск : Изд-во Том. духовной семинарии, 2015. Вып. 3. С. 5–102.
19. Краткий исторический очерк Томского университета: за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск : Типолит. Сиб. т-ва печатного дела, 1917. 544 с. URL: https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-7641/?ysclid=lnfmwidk4a303704419 (дата обращения: 03.07.2023).
20. Выписка из протокола заседания тройки при Народном Комиссаре Внутренних Дел УзССР от 28 октября 1937 г. // Соловки : энциклопедия. URL: https://www.solovki.ca/new_saints_12/12_09.ph (дата обращения: 28.06.2023).
21. Преображенский Александр Лаврентьевич (Митрополит Агафангел) // Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». URL: https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/preobrazhenskij-aleksandr-lavrentevich (дата обращения: 28.06.2023).
22. Епископ Бийский Тарасий (Ливанов Иван Алексеевич) // Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». URL: https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/livanov-ivan-alekseevich/ (дата обращения: 28.06.2023).
23. Кикин Иннокентий Арсеньевич // Древо : открытая православная энциклопедия. URL: https://drevo-info.ru/articles/13673254.html (дата обращения: 23.08.2023).
24. Искитимская епархия. URL: https://iskitimeparhia.ru/news/252-12.html (дата обращения: 05.09.2023)
25. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Михаил Бонифатьевич Шатилов: революционер и музеевед // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 31. С. 211–227. doi: 10.17223/22220836/31/22
26. Фаст М.В. (иерей). От старой семинарии – к новой // Духовное образование в Сибири: история и современность : материалы конф. Томск : Том. духовная семинария, 2009. С. 201–206.
27. Сайт памяти протоиерея Александра Пивоварова. URL: http://www.a-pivovarov.ru/ (дата обращения: 12.09.2023).
28. Чухно Т.А., Глушкова Л.В. Служение архимандрита Силуана (Хараима) (1945–1911 гг.) // Труды Томской духовной семинарии. Томск : Изд-во Том. духовной семинарии, 2022. Сб. 7. С. 301–334.
29. Православие и Россия: прошлое, настоящее, будущее : Материалы Духовно-исторических чтений / под ред. Л.М. Хараима, О.Т. Лойко. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. 288 с.
30. Струве Н.А. О посещении Томска // Вестник русского христианского движения. 1993. № 167. С. 118–123.
31. Возродить духовность и нравственность : Выступление Святейшего патриарха Алексия II перед народными депутатами и руководителями Новосибирской области // Ваш посредник. Спец. выпуск. 1991. № 11. С. 2.
32. Томские епархиальные ведомости. 1992. № 8 (19). С. 1. URL: https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-40649/?ysclid=lnfp7cn9gs969162732 (дата обращения: 12.09.2023).
33. Архив Благочиния церквей Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.
34. Текущий архив Томской духовной семинарии (ТДС). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.
35. Глушкова Л.В. ТДС – Томская духовная семинария – старейшее духовно-образовательное учреждение Русской Православной Церкви (1992–2022 гг.) // Труды Томской духовной семинарии. Томск : Изд-во Том. духовной семинарии, 2022. Сб. 7. С. 334–395.
36. Безруких О. (протоиерей). Десять лет возрожденной семинарии // Томские епархиальные ведомости. 2003. № 1 (1). С. 4.
37. Лойко О.Т. Возвращение к истокам. Воспоминания преподавателя Томской духовной семинарии о годах ее возрождения // Томские Епархиальные ведомости. 2018. № 9 (218). С. 8.
38. Веснина Т.Л. И воссияла радуга над святыми мощами // Православие и Россия: канун третьего тысячелетия : Материалы Духовно-исторических чтений / под ред. Л.М. Хараима, О.Т. Лойко. Томск : Изд-во ТПУ, 2000. С. 44–46.
39. Томские православные ведомости. 1996. № 7 (49).
40. Документы текущего делопроизводства Томской духовной семинарии. Личное дело митрополита Ростислава (Девятова).
41. Документы текущего делопроизводства Томской духовной семинарии. Личное дело архимандрита Иосифа (Еременко).

References

1. Klyuchevsky, V.O. (1990) *Sochineniya* [Works]. Vol. 9. Moscow: Mysl'.
2. Milyukov, P.N. (1994) *Ocherki po istorii russkoy kul'tury* [Essays on the History of Russian Culture]. Vol. 2(2). Moscow: Progress-Kul'tura.
3. Kharus, O.A. (2022) Christianity and Liberalism: The synthesis of values in philosophy and political practices of the Siberian liberals in the early 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 97–104. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/79/12
4. Osipov, A.I. (n.d.) *Moskovskaya dukhovnaya akademiya: obrazovanie bogoslovskoe i dukhovnoe* [Moscow Theological Academy: Theological and Spiritual Education]. [Online] Available from: https://alexey-osipov.ru/books-and-publications/doklady/moskovskaya-dukhovnaya-akademiya-obrazovanie-bogoslovskoe-i-dukhovnoe/ (Accessed 3rd July 2023).
5. Sushko, A.V. (1989) *Dukhovnye seminarii v poreformennoy Rossii, 1861–1884 gg.* [Theological seminaries in post-reform Russia, 1861–1884]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
6. Adamov, M.A. (2011) *Povsednevnaya zhizn' uchashchikhsya dukhovnykh seminariy Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v XVIII – nachale XX vekov* [The daily life of students in theological seminaries of the Russian Orthodox Church in the 18th – early 20th century]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

7. Konyukhov, D.A. (2011) Pravoslavnoe obrazovanie v Rossii posle 1917 g i v SSSR [Orthodox education in Russia after 1917 and in the USSR]. *Chelovek i obrazovanie*. 2(27). pp. 50–54.
8. Kostyukova, T.A. & Ivanov, I. (2020) Stanovlenie dukhovnogo obrazovaniya v Rossii (XVIII – nach. XX v.) [The Formation of Theological Education in Russia (18th – Early 20th Century)]. *Trudy Tomskoy dukhovnoy seminarii*. 5. pp. 198–207.
9. Devyatov, R. (2018) *Biograficheskiy slovar' prepodavateley i nastavnikov Tomskoy dukhovnoy seminarii (1858–1920)* [Biographical Dictionary of Teachers and Mentors of the Tomsk Theological Seminary (1858–1920)]. Tomsk: Tomsk Theological Seminary.
10. Dmitrienko, N.M. (2018) Bibliograficheskiy diskurs v tserkovno-istoricheskikh issledovaniyakh [Bibliographic discourse in church historical research]. In: Devyatov, R. (2018) *Biograficheskiy slovar' prepodavateley i nastavnikov Tomskoy dukhovnoy seminarii (1858–1920)* [Biographical Dictionary of Teachers and Mentors of the Tomsk Theological Seminary (1858–1920)]. Tomsk: Tomsk Theological Seminary. pp. 4–7.
11. Anon. (1858) Delo ob otkrytii Tomskoy seminarii [The case of the opening of the Tomsk Seminary]. In: *Materialy dlya istorii Tomskoy Dukhovnoy Seminarii (Ocherki po mestnym arkhivnym materialam)* [Materials for the history of the Tomsk Theological Seminary (Essays on local archival materials)]. Tomsk: Tomsk Theological Seminary. p. 3.
12. Misyurev, A.A. (1897) *Kratkiy istoriko-statisticheskiy ocherk Tomskoy eparkhii* [A Brief Historical and Statistical Outline of the Tomsk Diocese]. Tomsk: [s.n.]. [Online] Available from: https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-407/?ysclid=lnflywsoq49820216 (Accessed: 3rd July 2023).
13. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 102. List 10. File 119.
14. Karataeva, A.G. & Starikova, G.N. (2005) Dukhovnaya seminariya [Theological Seminary]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Tomsk ot A do Ya. Kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z: A Concise City Encyclopedia]. Tomsk: NTL. pp. 107–108.
15. Plotnikov, V.V. (1883) *Akt po sluchayu dvadtsatipyatiletiya (1858-1883 g.) Tomskoy dukhovnoy seminarii, 21 sentyabrya 1883 goda: stat'ya prepodavatelya Tomskoy dukhovnoy seminarii V.V. Plotnikova* [Act on the occasion of the twenty-fifth anniversary (1858–1883) of the Tomsk Theological Seminary, September 21, 1883: Article by the teacher of the Tomsk Theological Seminary V.V. Plotnikov]. [Online] Available from: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000576664 (Accessed: 3rd July 2023).
16. Vyurov, S. (2008). Nastoyateli Tomskogo Bogoroditse-Aleksievskogo monastyrya iz chisla vypusknikov Tomskoy Dukhovnoy seminarii [Superiors of the Tomsk Theotokos-Alexis Monastery from Among the Graduates of the Tomsk Theological Seminary]. In: *Dukhovnoe obrazovanie v Sibiri: istoriya i sovremennost* [Theological Education in Siberia: History and Present]. Proc. of the Conference. Tomsk: D-print. pp. 164–185.
17. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 175. List 1. File 134.
18. Devyatov, R. (2015) Istoriya postroeniya zdaniy Tomskoy dukhovnoy seminarii [The History of the Construction of the Buildings of the Tomsk Theological Seminary]. *Trudy Tomskoy seminarii.* 3. pp. 5–102.
19. Anon. (1917) *Kratkiy istoricheskiy ocherk Tomskogo universiteta: za pervye 25 let ego sushchestvovaniya (1888–1913 g.g.)* [A Brief Historical Outline of Tomsk University: For the First 25 Years of Its Existence (1888–1913)]. Tomsk: Sib. t-vo pechatnogo dela. [Online] Available from: https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-7641/?ysclid=lnfmwidk4a303704419 (Accessed: 3rd July 2023).
20. The People's Commissar of Internal Affairs of the Uzbek SSR. (1937) *Vypiska iz protokola zasedaniya troyki pri Narodnom Kommisare Vnutrennikh Del UzSSR ot 28 oktyabrya 1937 g.* [Extract from the Minutes of the Meeting of the Troika under the People's Commissar of Internal Affairs of the Uzbek SSR dated October 28, 1937]. [Online] Available from: https://www.solovki.ca/new_saints_12/12_09.ph (Accessed: 28th June 2023).
21. Anon. (n.d.) Preobrazhenskiy Aleksandr Lavrent'evich (Mitropolit Agafangel). In: *Memorial'nyy muzey "Sledstvennaya tyur'ma NKVD"* [Memorial Museum "NKVD Investigative Prison"]. [Online] Available from: https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/ preobrazhenskij-aleksandr-lavrentevich (Accessed: 28th June 2023).
22. Anon. (n.d.) Episkop Biyskiy Tarasiy (Livanov Ivan Alekseevich) [Bishop of Biysk Tarasy (Livanov Ivan Alekseevich)]. In: *Memorial'nyy muzey "Sledstvennaya tyur'ma NKVD"* [Memorial Museum "NKVD Investigative Prison"]. [Online] Available from: https://nkvd.tomsk.ru/researches/ passional/livanov-ivan-alekseevich/ (Accessed: 28th June 2023).
23. Anon. (n.d.) Kikin Innokentiy Arsen'evich. In: *Drevo: otkrytaya pravoslavnaya entsiklopediya* [Drevo: Open Orthodox Encyclopedia]. [Online] Available from: https://drevo-info.ru/articles/13673254.html (Accessed: 23rd August 2023).
24. *Iskitim Diocese*. [Online]. Available from: https://iskitimeparhia.ru/news/252-12.html (Accessed: 5th September 2023).
25. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2018) Mikhail Bonifatievitch Shatilov as a revolutionist and museum scientist. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 31. p. 211–227. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/31/22
26. Fast, M.V. (2009) Ot staroy seminarii – k novoy [From the old seminary to the new]. In: *Dukhovnoe obrazovanie v Sibiri: istoriya i sovremennost* [Theological Education in Siberia: History and Present]. Proc. of the Conference. Tomsk: Tomsk Theological Seminary. pp. 201–206.
27. *Memorial Website of Archpriest Alexander Pivovarov*. [Online] Available from: http://www.a-pivovarov.ru/ (Accessed: 12th September 2023).
28. Chukhno, T.A. & Glushkova, L.V. (2022) Sluzhenie arkhimandrita Siluana (Kharaima) (1945–1911 gg.) [The ministry of Archimandrite Silouan (Kharaim) (1945–1911)]. *Trudy Tomskoy dukhovnoy seminarii.* 7. pp. 301–334.
29. Kharaim, L.M. & Loyko, O.T. (eds) (1998) *Pravoslavie i Rossiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Orthodoxy and Russia: Past, Present, Future]. Tomsk: NTL.
30. Struve, N.A. (1993) O poseshchenii Tomska [On Visiting Tomsk]. *Vestnik russkogo hristianskogo dvizheniya*. 167. pp. 118–123.
31. His Holiness Patriarch Alexy II. (1991) Vozrodit' dukhovnost' i nravstvennost' : Vystuplenie Svyateyshego patriarkha Aleksiya II pered narodnymi deputatami i rukovoditelyami Novosibirskoy oblasti [To Revive Spirituality and Morality: Speech by His Holiness Patriarch Alexy II before the People's Deputies and Leaders of the Novosibirsk Region]. *Vash posrednik*. Special issue. 11. p. 2.
32. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1992) 8(19). p. 1. [Online] Available from: https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-40649/?ysclid=lnfp7cn9gs969162732 (Accessed: 12th September 2023).
33. The Archive of the Deanery of the Churches of the Tomsk Region. Fund 1. List 1. File 2.
34. The Current Archive of the Tomsk Theological Seminary (TDS). Fund 1. List 1. File 3.
35. Glushkova, L.V. (2022) TDS – Tomskaya dukhovnaya seminariya – stareyshee dukhovno-obrazovatel'noe uchrezhdenie Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi (1992 – 2022 gg.) [TTS – Tomsk Theological Seminary – the oldest theological and educational institution of the Russian Orthodox Church (1992–2022)]. *Trudy Tomskoy dukhovnoy seminarii.* 7. pp. 334–395.
36. Bezrukikh, O. (2003) Desyat' let vozrozhdennoy seminarii [Ten years of the reborn seminary]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti.* 1(1). p. 4.
37. Loyko, O.T. (2018) Vozvrashchenie k istokam. Vospominaniya prepodavatelya Tomskoy dukhovnoy seminarii o godakh ee vozrozhdeniya [Return to the Origins. Memoirs of a Teacher of the Tomsk Theological Seminary about the Years of Its Revival]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 9(218). p. 8.
38. Vesnina, T.L. (2000) I vossiyala raduga nad svyatymi moshchami [And a rainbow shone over the holy relics]. In: Kharaim, L.M. & Loyko, O.T. (eds) *Pravoslavie i Rossiya: kanun tret'ego tysyacheletiya* [Orthodoxy and Russia: The Eve of the Third Millennium]. Tomsk: TPU. pp. 44–46.
39. *Tomskie pravoslavnye vedomosti*. (1996) 7(49).
40. The Current Archive of the Tomsk Theological Seminary (TDS). *Personal File of Metropolitan Rostislav (Devyatov)*.
41. The Current Archive of the Tomsk Theological Seminary (TDS). *Personal File of Archimandrite Iosif (Eremenko)*.

***Сведения об авторах*:**
Лойко Ольга Тимофеевна – доктор философских наук, профессор Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: olgaloyko@tpu.ru
Глушкова Людмила Владимировна – старший преподаватель Томской духовной семинарии (Томск, Россия) E-mail: lvg-51@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Loyko Olga T. – Doctor of Philosophy, Professor, School of Basic Engineering Training, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olgaloyko@tpu.ru
Glushkova Ludmila V. – Senior Lecturer, Tomsk Theological Seminary (Tomsk, Russian Federation) E-mail: lvg-51@ mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 26.10.2023; accepted for publication 01.08.2025

Научная статья
УДК 94(47).082
doi: 10.17223/19988613/96/5

Яков Стефанович в 1878–1879 гг.: невыученные уроки «Чигиринского дела»

Олег Анатольевич Милевский

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия, olegmilevsky@mail.ru

Аннотация. Рассматривается революционная активность Якова Стефановича в 1878–1879 гг. На основе изучения источников исследуется его деятельность по созданию в России «народно-революционной организации», выясняется его роль в расколе «Земли и воли» и создании народнической организации «Черный передел». На основе анализа ситуации вокруг «Черного передела» осенью–зимой 1879 г делается вывод о том, что попытка реализации на практике идеи Стефановича, почерпнутой из чигиринского опыта, оказалась утопичной, что стало одной из важных причин дальнейшего упадка этой организации.
Ключевые слова: революционное движение, народничество, «Чигиринское дело», «народно-революционная организация», «Земля и воля», «Черный передел»

Для цитирования: Милевский О.А. Яков Стефанович в 1878–1879 гг.: невыученные уроки «Чигиринского дела» // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 34–42. doi: 10.17223/19988613/96/5

Original article

Yakov Stefanovich in 1878–1879: unlearned lessons of the “Chigirin affair”

Oleg A. Milevsky

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation, olegmilevsky@mail.ru

Abstract. The article on the basis of a large complex of sources reconstructs the period of life of the narodnik revolutionary, main initiator of the "Chigirin plot" Y. Stefanovich in 1878-1879.

The purpose of the article is to study in detail Stefanovich's activity, analyze his doctrinal views and reveal his role in the processes of transformation of program and tactical constructions of Russian revolutionary-narodniks organizations of the late 1870s.

The paper examines the revolutionary biography of Stefanovich after the failure of the "Chigirin affair", the arrest and then the escape of its main organizers from the Kiev prison castle on the night of May 26-27, 1878. Much attention is paid to Stefanovich's stay in Geneva, where he collaborated in the journal of the Bakunist narodniks called "Commune". His activity in Russia in July-August 1879 during the period of the aggravated ideological and theoretical crisis in "Land and Liberty" is studied in detail. Based on the surviving testimonies of the participants of those events, the author shows that Stefanovich's popularity among the supporters of the old apolitical "Land and Liberty" and his desire to realize his ideas at any cost played an important role in the split of "Land and Liberty".

In August 1879, being one of the leaders of the new Narodnik organization "Black Repartition", Stefanovich and his associates tried to repeat the Chigirin attempt in practice, but failed in the implementation of these plans. In turn, the failure of this endeavor and the arrests that have started led to the mass emigration in early 1880 of the leading core of the Black Repartition, including Stefanovich, and the actual shutdown of the organization of the Black Repartition.

In conclusion, the unlearned lessons of the "Chigirin affair" and the mythologized notions about the revolutionary potential of these places, replicated mainly by Stefanovich, played a cruel joke with the supporters of the "Black Repartition". By all means, holding to the idea of creating a "people's revolutionary organization" based on Stefanovich's models, the "Black Repartitionists" proved to be untenable both theoretically and practically. Trapped in the "utopia of Stefanovich", they de-facto passed into historical oblivion, having failed to realize their plans for work in the countryside.
Keywords: Revolutionary movement, Narodnichestvo, “Chigirin affair”, “People's Revolutionary Organization”, “Land and Liberty”, “Black Repartition”

For citation: Milevsky, O.A. (2025) Yakov Stefanovich in 1878–1879: unlearned lessons of the “Chigirin affair”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 34–42. doi: 10.17223/19988613/96/5

© О.А. Милевский, 2025

Период конца 1870-х гг. во многом оказался судьбоносным для дальнейшего развития российского освободительного движения. Это было время ожесточенных дискуссий о магистральных путях русской революции, где сталкивались две противоборствующие точки зрения. Первую из них представляли ортодоксальные «землевольцы»-деревенщики, стоявшие преимущественно на бакунистских позициях. Вторую олицетворяли революционеры-политики, делавшие ставку на террор. Центром политического движения первоначально являлся Киев, где в 1878 г. начал активно действовать «Исполнительный комитет русской социально-революционной партии», созданный Валерианом Осинским [1].

Важную роль в процессах, происходивших в российском революционном лагере на переломном его этапе в 1878–1879 гг., играл Яков Васильевич Стефанович. Фигура Стефановича ранее уже привлекала внимание историков [2. С. 138–140, 145–148; 3], но представляется, что его участие в событиях указанного периода нуждается в дополнительном уточнении. Поэтому целью данной статьи стало детальное изучение деятельности Стефановича в рассматриваемый период времени – анализ его доктринальных взглядов и выявление его роли в процессах трансформации программно-тактических построений российских революционно-народнических организаций конца 1870-х гг.

Широко известным революционной России имя Стефановича стало в связи с организованным им в 1876–1877 г. «Чигиринским заговором». Сегодня фактическая канва этого «детища» Стефановича хорошо изучена [2; 4. С. 120–198], и нет смысла останавливаться на нем подробно. Стоит только напомнить, что это была попытка народников-бунтарей использовать ситуацию с аграрными беспорядками, продолжавшимися с начала 1870-х гг. в Чигиринском уезде Киевской губернии [5, 6], чтобы поднять крестьян на открытое выступление против власти при помощи подложного царского манифеста. Организатором этого рискованного и циничного плана «монархической мистификации» выступил Стефанович, а помогали ему Л.Г. Дейч и И.В. Бохановский. Следует отметить, что это дело, несмотря на его явную авантюрность, оказалось самым удачным из всех начинаний бунтарей-бакунистов. Стефанович и его друзья, выступавшие в обличье «царских комиссаров», смогли за 1876–1877 гг. объединить в созданной ими «Тайной дружине» до 1 150 крестьян [7. С. 77], а само крестьянское восстание планировалось начать 1 октября 1877 г. [8. Л. 2].

Однако этот грандиозный проект реализовать так и не удалось. Власти смогли раскрыть это революционное предприятие. 31 августа 1877 г. в Киеве они арестовали одного из «царских комиссаров» Бохановского [9. Л. 50], а далее благодаря его оплошности (удалось перехватить переданную им через уголовного на волю записку и ключ от квартиры на Ивановской улице [8. Л. 2 об.]) жандармы вышли на след Стефановича и Дейча. В результате 3 сентября 1877 г. в деревне Талалаевке, в имении Н.А. Полетики, под именами Дмитрия Лашкевича и Евгения Санина [9. Л. 117] полицейским удалось задержать Стефановича и Дейча.

Эти аресты положили начало громкому «Чигиринскому делу». Оно быстро обрело известность среди широкого круга революционеров и вызвало в их рядах жаркие дискуссии [4. С. 198–225]. Фигура Стефановича как идейного вдохновителя этого крайне спорного с точки зрения тогдашней революционной этики предприятия сразу же выдвинулась на первые роли в революционном лагере. Ругали его или им восхищались, но в тогдашних радикальных кругах все говорили о нем и его детище. Очевидец тех событий С.М. Кравчинский совершенно справедливо написал в очерке о нем: «В описываемое время Стефанович был в апогее своей славы» [10. С. 368].

Еще больший ореол значительности «чигиринцы» обрели после удачно устроенного им силами «кружка Осинского» побега из Киевского тюремного замка. Все подробности его организации (побег состоялся в ночь с 26 на 27 мая 1878 г. – *О.М.*) М.Ф. Фроленко весьма детально описал в своих воспоминаниях [11].

Находясь в тюрьме и имея регулярное сообщение с волей, организованное Осинским, Стефанович перенес на бумагу историю подготовки «Чигиринского заговора». Там же он, по-видимому, начинает всерьез размышлять об «уроках Чигирина», делает первые наброски своих мыслей по поводу создания народно-революционной организации и передает их на волю. По крайней мере после ареста Осинского 24 января 1879 г. и обыска на его квартире жандармы обнаружили небольшой чемодан, в котором находились нелегальные издания в количестве 81 штуки [12. С. 96]. Среди них оказалась и рукопись «под названием “Дело о волнении Чигиринских крестьян 1875 г. по поводу введения люстрационных актов” на 64 страницах, заключающая в себе отчет заседания Киевской соединенной палаты за июнь 1875 г., дополненный примечаниями автора; часть второго экземпляра той же рукописи на 12 листах; рукопись под названием “Чигиринское дело, крестьянское общество, тайная дружина, опыт революционно-народной организации” на 44 страницах, заключающая подробное изложение от имени государственного преступника Стефановича действий его при образовании в среде крестьян нескольких волостей Чигиринского уезда тайного общества с целью восстания и организации этого общества» [1. С. 434].

При этом, как отмечали дознаватели, «у Бойкова (под этим именем скрывался Осинский. – *О.М.*) при обыске найден этот отчет (имеются в виду записки Стефановича о Чигиринском деле. – *О.М.*), готовый в рукописи для печатания, на почтовой бумаге переписанный отличным почерком и не оконченный набело» [13. Л. 22 об.]. Это и дает возможность с большой долей вероятности предположить, что первоначально Стефанович о «Чигиринском заговоре» написал в киевской тюрьме, а не позднее для «Черного передела», и тогда же передал Осинскому. Осинский его переписал своим отличным почерком и готовил к изданию в нелегальной типографии в Киеве. Если бы эту рукопись Стефанович писал уже за границей, то как она могла попасть в руки Осинского, ранее уже арестованного? Да и после побега Стефановича из тюрьмы Осинский больше с ним не виделся.

В своих воспоминаниях и размышлениях о «Чигиринском деле» Стефанович после описания ситуации, сложившейся в Чигиринском уезде на конец 1875 г., отмечал, что он «задался целью, прежде всего внести в этот тупой протест революционный элемент... на значительно уже подготовленной почве… задумал создать революционную организацию, на знамени которой были бы начертаны желания народа – “Земля и воля”» [14. С. 146]. Но надеяться на это можно было, только «руководствуясь следующим началом: приноравливаться в своем образе действий к характеру крестьянского миросозерцания, не вносить ничего такого, что переворачивало бы вверх дном те основы, с которыми сжился и к которым привык народ» [14. С. 147], иначе говоря, обратиться к традиционно присущей «народному монархизму» вере в доброго и справедливого царя! Из дальнейших описаний Стефановича видно, что в таком ключе он и начал действовать, постепенно готовя для чигиринских крестьян «царскую легенду». В дальнейшем это вылилось в создание «Тайной дружины», состоящей из местных крестьян.

Анализируя дальнейший характер работы с крестьянами-дружинниками, Стефанович указывал и на слабости такой формы тайного общества, в том числе и недостаточное участие революционеров во внутреннем устройстве созданной ими организации. По его мнению, «единственным средством направлять внутреннюю жизнь Общества представлялось поселением в местах, где существовала Дружина, нескольких интеллигентных революционеров в качестве простых дружинников» [14. С. 206]. Помимо этого, при быстро численно возраставшей организации причинами ее уязвимости им признавались слабость конспирации и болтливость некоторых ее членов, излишняя тяга к алкоголю отдельных дружинников, «для чего пришлось ввести обязательным ограниченное употребление водки» и даже рассматривалась идея об «уничтожении шинков», а также вражда отдельных личностей между собой, вызванная в том числе «честолюбием и корыстолюбием атамана» (в его роли выступал Ефим Олейник. – *О.М.*) [14. С. 206–208].

Однако видимые трудности и неурядицы при устроении этого дела и в конечном счете его провал не смутили Стефановича. В жизненности своих идей его убеждали и беседы в тюрьме с некоторыми «дружинниками», в частности с одним из самых активных, его он называет К. (имеется в виду Кузьма Прудкой. – *О.М.*). Стефанович указывал: «Узнав в тюрьме, что за народ идет много “образованных” людей из панов, слыша о выстрелах в Трепова, Котляревского, об убийстве Гейкинга, заключенные дружинники говаривали: “Не теперь, так в четверг буде і на нашій вулиці праздник”. На мои расспросы, каково настроение масс в настоящее время, К. отвечал, что все притихло, присмирело, но, прибавлял он, и застывшую смолу ничего не стоит зажечь» [14. С. 213].

Подобные беседы окончательно убедили Стефановича в правильности выбранного им пути, и он задумал повторить попытку. После побега «чигиринцы» решили на время уехать за границу. Для Стефановича эта поездка представлялась особенно важной. В заграничном далеке он хотел спокойно осмыслить и обобщить для возможного дальнейшего использования чигиринский опыт. Путь за границу лежал через Санкт-Петербург. В столице беглецы пробыли около месяца [10. С. 370]. Время пребывания Стефановича в Северной Пальмире стало для него «зенитом славы». Оно в основном оказалось наполненным рассказами о «Чигиринском деле» и теоретическим спорами, которые нисколько не поколебали Стефановича в его idee-fixe – создании «народно-революционной организации». Более того, он убедился, что для части народнического лагеря стал непререкаемым авторитетом как знаток крестьянской психологии и искушенный революционный практик.

В июле 1878 г. беглецы окончательно определились относительно своих ближайших планов. Решено было отправиться в Швейцарию. Через границу группу, куда кроме трех «чигиринцев» входил также И.Я. Павловский, переправлял А.Я. Зунделевич [15. С. 155], «державший границу» для «землевольцев». Как вспоминал впоследствии Дейч, во время этого путешествия у нас «с ним происходили горячие споры относительно революционной деятельности в России» [16. С. 127].

Переход через границу благодаря ловкости Зунделевича проблем не вызвал. И уже в конце июля троица друзей оказалась в «мекке» тогдашней эмиграции – Женеве [17. С. 88]. Там друзья разделились. Стефанович и Дейч, имевшие поручение к Д.А. Клеменцу от Кравчинского, отправились к последнему в горы. Вскоре они оказались в нескольких часах езды от Женевы в горном шале над долиной Роны в кантоне Валлис. Их встретила теплая компания русских революционеров, среди которых кроме Клеменца и его возлюбленной А.М. Эпштейн находилась давняя близкая подруга «чигиринцев» В.И. Засулич, а также их общая знакомая М.А. Тургенева и доктор И.И. Добровольский с супругой. «Чигиринцы» привезли для новых друзей «приветы» из России, а для Клеменца – письма от Кравчинского [17. С. 92], и рассказали о его плане покушения на шефа жандармов Н.В. Мезенцова [17. С. 89].

После выполнения этого поручения и небольшого отдыха в Альпах Стефанович, как и остальные, активно включился в общественную жизнь народнической эмиграции. В это время в Женеве уже выходил журнал «Община» [18. С. 5], служивший органом сторонников бакунизма. Клеменц играл важную роль в его редакции [19. С. 68]. Он являлся автором «Объявления» об издании «Общины» (15 января 1877 г.), ставшего фактическим обоснованием теоретической платформы журнала [20. С. 150–151]. В этом «Объявлении» с поправкой на изменившиеся реалии Клеменц писал, что «организация протестующих сил народа, возбуждение протестов, агитация против злоупотреблений должны идти в деятельности социалистической партии рука об руку с пропагандою», но главное – надо готовить «боевую организацию и борцов для революции» [20. С. 151]. А это уже было в чем-то созвучно и идеям Стефановича о создании «народно-революционной организации».

Поэтому вполне естественно, что подробности «Чигиринского дела» очень интересовали всех лиц, группирующихся вокруг «Общины». К работе в изда-

нии активно подключился и Стефанович. Первоначально он совместно с друзьями по побегу, а также Засулич и Кравчинским выступил с письмом-опровержением в редакцию «Общины» по поводу действий бланкистского издания «Набат» (20 октября 1878 г.).

Этот печатный орган приписывал все акты политического террора в России, начиная с выстрела в Трепова и кончая убийством Мезенцова, действиям централистской организации, органом которой это издание выступало [21. С. 1]. В открытом письме его авторы указывали на ложность подобных заявлений, а в заключение прямо отмежевывались от «Набата», указывая, что участники этих акций «ни к какому “Обществу народного освобождения” не принадлежали» и что «у русских социалистов-революционеров ни с издателями “Набата”, ни с теориями, которые они проводят, ничего общего быть не может» [21. С. 1].

И все же главное внимание Стефанович в Швейцарии уделял продвижению в широкие массы российских революционеров чигиринского опыта, тем более что ему было прекрасно известно об эффекте, произведенном этим предприятием в народническом лагере. Об этом свидетельствовала и землевольческая периодика.

Немало места уделил «Чигиринскому заговору» в своей передовой статье в № 1 «Земли и воли» (25 октября 1878 г.) Кравчинский. При всей двойственности оценок этого дела, звучавших в этой статье, свое обращение к подобной практике Кравчинский заключал словами, весьма красноречиво свидетельствующими о знаковости чигиринских событий для революционеров-народников: «Делу этому подобно делу Засулич суждено быть одним из поворотных пунктов в истории русской революции. Как дело Засулич разом изменило характер нашей борьбы с правительством, так это дело изменит характер нашей деятельности в среде народа» [22. С. 77].

Естественно, что такое внимание ведущего российского революционного органа не могло не греть душу честолюбивого и амбициозного Стефановича. Все свои мысли и идеи по этому поводу он и озвучил на страницах «Общины» в концептуальной статье.

Начал ее Стефанович с краткого экскурса в историю народнического движения с начала 1870-х гг. Далее он сформулировал причины охлаждения к деятельности в народе и переноса действий революционеров в другие сферы. По его мнению, они крылись в следующем. Во-первых, незнание собственного народа, а также и то, что «наши приемы пропаганды социализма, средства нашего практического образа действий заимствованы нами из Запада». Из первого вытекало и второе – то, что «при постановке очень широко задачи наших действий мы столкнулись с умственной и нравственной стороной русского народа; столкнулись – и нашли в ней преграду, о которую большая часть наших усилий должна была разбиться. Мы увидели, что русский мужик полон всевозможных предрассудков». Стефанович имел в виду его крайнюю религиозность, веру «в доброго царя», домашний деспотизм и т.п. [23. С. 34].

По его мысли, революционеры должны в своей работе среди селян особенно учитывать экономическую сторону вопроса, а именно то, что «русский мужик исключительно земледелец» и в отношении его к земле и коренится «основной дух народа, задатки того или другого будущего». Все эти мысли автор подкреплял традиционными для классического народничества рассуждениями о природе общины, подавая дело таким образом, что «экономический принцип общины – это уничтожение права наследственности в землевладении, а уничтожение права наследства – основная формула социализма» [23. С. 34]. Поэтому отсутствие принципа наследственности земли в Великороссии и является «здоровым основанием для возможности развития в жизни русского народа социалистических форм». Вот это-то начало, по его мнению, и «не обратило на себя нашего главного внимания» [23. С. 34].

Далее на основе выкладок и цитат из разных источников он анализировал проблемы общины и сравнивал ситуацию в Великороссии и Малороссии, отмечая при этом, что хотя в Малороссии общинное земледелие в настоящее время незначительно, но исторически малороссы тоже тяготеют к «общинному духу». Таким образом, резюмировал он в классическом бакунистском духе, «…великорусская и малорусская народности хранят в себе здоровые, жизненные основы дальнейшего развития социально-экономических форм в духе принципов, искони лежащих в основах их быта. Задерживающим началом в этом отношении являются материальная необеспеченность и гнет государства» [23. С. 36]. Исходя из подобного теоретического посыла, он так формулировал революционно-народные требования: «I) Переход всех земель частной собственности в собственность народных общин, каковы они есть в настоящее время. II) Самостоятельность мира, или громады в отправлении всеми общественными функциями, т.е. уничтожение государства» [23. С. 36].

Подведя под свою концепцию создания народно-революционной организации научно-экономический базис, далее Стефанович переходил к революционной конкретике. На основе своего опыта «хождения в народ» он утверждал, что убедился в ненависти крестьян-малороссов к дворянам (панам), чиновникам, различным податям, налогам и т.п. То есть ко всему, что является государственным началом. На основе этого он формулировал следующий вопрос и тут же давал ответ: «Что же после этого выражает народная вера в царя? Это мираж, который рассеется с первым общенародным движением, как и было с Людовиком XVI в Великую Французскую революцию» [23. С. 36].

По мысли Стефановича, простому народу сложно будет самоорганизовываться для борьбы против государства и его слуг за «землю» и «волю». И в таком случае помощь народу социалистов из привилегированных классов должна главным образом оказываться при создании народно-революционной организации [23. С. 37]. Стефанович так сформулировал цель подобной организации сил: «Выдвигая на первый план дело организации во имя созданных самой народной жизнью идеалов, нам кажется, мы тем уже определяем и характер самой организации. Цель ее – практическое осуществление этих желаний, поэтому она должна быть всегда готова к бою» [23. С. 37].

При этом организационная деятельность не сможет быть успешной без знаний местных особенностей народной жизни, и только «приспосабливаясь к ним в своих приемах, мы станем на твердую почву как организаторы крестьянства» [23. С. 37]. В свою очередь, действия революционеров должны быть направлены на постепенное изживание тормозящих дело элементов: «…в сектах религиозный элемент должен вытесняться революционным, подобному тому как в чигиринской “Тайной Дружине” ход организации направлялся так, чтобы значение царя и надежды на него рушились окончательно» [23. С. 37]. Также, по мнению Стефановича, необходимо делать ставку на наиболее выдающихся личностей в народе. Подобные люди более всего способны воспринять идеи революционеров и сблизиться с ними. Исходя из опыта общения с таким фигурами из крестьянской среды, Стефанович заключал, что «в них найдем мы проводников наших мыслей в массе народа, – они являются посредниками между массой и нами» [23. С. 37].

Присущую ему убежденность в том, что чигиринский опыт далеко не закончен, Стефанович сформулировал следующим образом: «Нет сомнения, что народной организации, прежде чем стать могучей, грозной силой, придется пережить много крушений». Но! «Своим участием в жизни организации крестьянин убедится наглядно в необходимости солидарности, узнает на деле всю ее силу и значение. Боевая постановка организации приучает его к мысли о неизбежности революционных путей для осуществления своих желаний... Таким образом, на разрушенных организациях не замедлят вырастать новые по почину уже самих крестьян, подобно тому как у нас на развалинах разгромленных кружков продолжают создаваться новые» [23. С. 37].

Мелким или локальным бунтам он также придавал важное значение, полагая, что «наиболее действительный способ воздействия на людей вообще, в каком бы то ни было направлении, есть путь живого примера» [23. С. 37]. По его мысли, такой способ действий «предпочтительнее перед устной или книжной пропагандой» [23. С. 37]. Поэтому, как полагал Стефанович, нужно максимально активно использовать стихийно вспыхивавшие бунты и всемерно помогать им, расширяя их и придавая им силу в боевом отношении [23. С. 38].

Таким образом, главные цели народных организаций в настоящем, по мысли Стефановича, заключались в следующем: «разрушение государственной централизации, уничтожение частной поземельной собственности, свободная группировка народных масс во имя их интересов, какие присущи им в настоящее время» [23. С. 38]. А далее, как он считал, уже «последующий ход жизни, с устранением гнетущих искусственно созданных влияний, выдвинет на очередь свои практические задачи. Тогда явятся поборники более всестороннего проведения в жизнь идей социализма... Мы же должны стараться достигнуть того, что представляет нам возможным наше время» [23. С. 38].

В концепции «народно-революционной организации», как ее понимал Стефанович, нашли отражение не только идеи М.А. Бакунина и анархистской «пропаганды действием», но и наблюдения за практиками борьбы аграриев других регионов мира, в первую очередь Ирландии. Возможно, именно из знакомства в библиотеках Швейцарии с информацией об аграрных выступлениях в Ирландии Стефанович, размышляя о способах «пропаганды действием», кроме традиционных указаний на организацию крестьянских бунтов особенно выделял именно факты аграрного терроризма: «Мы не станем изображать разнообразных видов деятельности в той градации, какую, по-нашему, они должны иметь по степени их полезности делу организации народных сил. Упомянем только, что такие факты, как убийства особенно вредных шпионов, шеф ли то или просто становой пристав, возымели бы еще большее значение при организациях в крестьянстве» [23. С. 38].

Несомненно, эта статья не прошла незамеченной как в эмигрантских, так и в российских радикальных кругах. Тем более что журнал «Община» с этой статьей попал в Россию в самый разгар ожесточенных дискуссий «Земли и воли» о дальнейших путях движения. В рассматриваемый период в этой крупнейшей тогда народнической организации все активнее заявляло о себе политическое крыло, и «деревенщикам» в отстаивании своей позиции приходилось ох как нелегко! Особенно ситуация обострилась после неудачного покушения 2 апреля 1879 г. «землевольца» А.К. Соловьева на Александра II.

В воздухе серьезно запахло расколом, и среди «землевольцев» заговорили о необходимости созыва съезда. А пока страсти по выбору дальнейших путей движения кипели как в России, так и за границей. Каждый выход периодического органа «Земли и воли» вызывал среди эмигрантов бурное обсуждение. А обсуждать было что! Это был переходный момент для народнического движения, что и сказывалось на характере издания. Л.А. Тихомиров (тогда один из редакторов «Земли и воли». – *О.М.*) отмечал, что публицистика организации отражала путаницу, мешанину во взглядах [24. С. 88], и это так, ведь шел поиск новых путей в революционном движении. Следует отметить, что направление издания в то время отнюдь не во всем совпадало с мыслями Стефановича и его окружения. Особенно раздражало их «заигрывание» ряда публицистов-«землевольцев», того же Клеменца, с либералами на почве выдвижения чисто политических требований [25. С. 19].

Можно сказать, что за это время вокруг Стефановича в Швейцарии сложилась небольшая, но весьма сплоченная группа лиц, куда также входили Дейч и Засулич. Конечно, Стефанович рвался в Россию, где, как он небезосновательно полагал, его имя и идеи могли многое решить при выработке тактики и стратегии борьбы революционной партией в новых условиях, сложившихся после выстрела Соловьева.

Съезд «Земли и воли» состоялся в Воронеже с 18 по 21 июня 1879 г [26. С. 249; 27; 28. С. 286–292]. К его открытию «группа Стефановича» прибыть в Россию не успела, но ее влияние незримо ощущалось во всей атмосфере съезда. На «фактор Стефановича» прямо указывал Дейч: «Влияние Стефановича в то время было

велико не только среди народников, но и террористов: все предполагали, что, стоя во главе сравнительно обширной организации, обладавшей некоторым опытом, материальными средствами, связями и пр., ему удастся создать еще более обширное предприятие и не на основе ложного манифеста» [29. Л. 13]. Не зря на третьем заседании съезда Стефановича заочно избрали членом организации [30. С. 429].

Как известно, Воронежский съезд, несмотря на уход с него одного из лидеров «деревенщиков» Г.В. Плеханова, закончился компромиссом [31. С. 184–188]. Однако, как справедливо отмечал Н.А. Троицкий, «достигнутый компромисс не удовлетворял ни одну из сторон. Фактически съезд не только не устранил фракционную борьбу, но, напротив, усилил ее, поскольку он, с одной стороны, подтвердил старую программу и тактику, а с другой стороны, санкционировал внутри общества ядро новой организации со своей программой и тактикой, собственным руководством, печатным органом и материальными средствами» [26. С. 252].

И, конечно, решения съезда не устроили Стефановича, когда он, а также Дейч, Засулич, Г.Ф. Чернявская, О.С. Любатович и Ф.Н. Юрковский [2. С. 146] прибыли в конце июня 1879 г. из-за границы [15. С. 153]. Он сразу же принялся вербовать среди «землевольцев» сторонников своих идей и планов [28. С. 293]. Неудивительно, что ситуация внутри организации начала быстро меняться уже в июле, и вскоре от былого стремления к компромиссу не осталась и следа. В такой ситуации как раз и сказывались, с одной стороны, популярность имени Стефановича, а с другой – его стремление к реализации собственных целей, которые в реалиях вредили хрупкому единству «Земли и воли».

Вскоре напряженная обстановка в «Земле и воле» дошла до того, что «хозяйка» землевольческой типографии М.К. Крылова отказалась печатать статьи сторонников нового политического направления [30. С. 429–430]. Угроза раскола становилась реальностью. Однако Стефанович с этим не считался. Наоборот! Он чувствовал себя в родной стихии, ибо исповедовал принцип «цель оправдывает средства». Очень точно эту черту его характера подметил Кравчинский: «При благоприятных обстоятельствах такие люди делаются творцами истории. Он обладает в высшей степени редкой способностью управлять массами, что и обнаружилось в Чигиринском деле. Но он не из тех, которые неуклонно идут к цели, подобно пушечному ядру, опрокидывая и сокрушая все на пути. Нет, он предпочитает действовать скрытно, он уступает, когда это нужно, но с тем, чтоб при первом удобном случае наверстать свое» [10. С. 371].

Тем более что он не был кровно связан с «Землей и волей», он ее не создавал, как арестованный уже тогда М.А. Натансон, и не пестовал, как А.Д. Михайлов. Поэтому возможный разрыв его не пугал. Он тогда свято верил в возможность продолжения «чигиринского проекта» на новых основаниях. Да, казалось, и ситуация ему благоволила. По-прежнему неспокойно было в Киевской губернии, где продолжались локальные беспорядки среди крестьян. Достаточно назвать волнения весной–летом 1879 г. бывших крестьян-чиншевиков в Бердичевском и Сквирском уездах [32. С. 331]. По-прежнему весьма взрывоопасной оставалась обстановка и в Чигиринском уезде. А по жандармским сообщениям, Стефанович и Дейч по возвращении в Россию провели некоторое время в Киеве и Одессе, а затем только направились в столицу [33. Л. 116]. Так что они имели достаточно информации о тамошних событиях и, естественно, держали ее в уме.

В такой ситуации землевольцам-«деревенщикам» казалась вполне вероятной возможность повторения чигиринской попытки, но уже на других условиях и без использования «царской мистификации», а по рецептам, приведенным в статье Стефановича в «Общине». Надежды на успех они, естественно, связывали в первую очередь с именем Стефановича, чьи возможности ими явно преувеличивались. Да и сам он свято верил в «свою звезду». Так что теперь разрыв с «политиками» «деревенщиков» не смущал.

Как отмечал непосредственный участник тех событий О.В. Аптекман, «заграничные товарищи, на которых “деревенщина” возлагала свои надежды, – люди с революционным прошлым и опытностью, – Яков Стефанович, Дейч, Аксельрод и В. Засулич, – тоже встали в оппозицию к террористической деятельности. Разрыв был неизбежен» [34. С. 374]. Этому есть и другие подтверждения очевидцев тех дней, в частности Н.А. Морозова, отмечавшего, что именно «Стефанович, тотчас же присоединившийся к группе народников, сильно способствовал потом распадению “Земли и воли”. Он был очень честолюбив» [30. С. 429].

Думается, что в своей ставке на раскол Стефанович кроме преувеличенного представления о возможностях повторения чигиринской попытки также очень рассчитывал на свою известность в народнической среде, равно как и на популярность «первой террористки» Засулич, для привлечения на свою сторону новых членов. Кстати, именно ее потеря оказалась наиболее болезненной для «политиков», на нее они возлагали особые надежды. Но, как вспоминал Морозов, «она была чрезвычайно дружна со Стефановичем и Дейчем и, перейдя вместе с ними к нашим противникам, вдруг окружила их особенным ореолом в глазах благоговевшей перед ней учащийся молодежи» [30. С. 429].

О первостепенной роли Стефановича в окончательном расколе «Земли и воли» свидетельствовал и М.Р. Попов: «Не подвернись Стефанович с надеждами его на то, что в Чигирине вновь возможно будет сорганизовать крестьянство, не прибегая к мистификациям с царскими манифестами, то, вероятно, я остался бы и продолжал мою революционную деятельность со старыми товарищами» [35. С. 198].

Так что в сложившейся ситуации все попытки части «землевольцев» сохранить единство организации оказывались обреченными на провал. К началу августа 1879 г. обе стороны – и «террористы-политики», и «деревенщики» – чувствовали в себе силы, чтобы двигаться в разных направлениях. В такой ситуации 15 августа 1879 г. в Санкт-Петербурге на последнем собрании «Земли и воли» было принято решение о разделе организации. В состав комиссии по разделу вошли шесть

человек: Тихомиров, А.Д. Михайлов и Зунделевич от «политиков», Г.Н. Преображенский, Попов и Стефанович от «деревенщиков [26. С. 252]. В результате дальше народники пошли разными дорогами: «политики» стали называться «Народной волей», а сторонники деятельности в деревне – «Черным переделом».

На первом этапе существования «Черного передела», осенью 1879 г., члены этой организации были преисполнены оптимистических планов. Вот как оценивал первоначальный расклад сил Аптекман. В своих воспоминаниях он прямо указывал, что основную надежду «чернопередельцы» связывали именно с проектом Стефановича: «На первых порах надежда улыбалась нам: в наших рядах уже находились с самого основания “Черного передела” Стефанович и Дейч, испытанные практики-организаторы. Они действительно задумали среди чигиринцев новое дело, на иных основах, чем старое. Мы все ожили. Раз, – думали, мы, – за это возьмутся такие люди, как Стефанович и Дейч, успех обеспечен: мы обоснуемся в деревне, заложим фундамент, а молодежь и другие живые силы, глядя на нас, пойдут за нами» [34. С. 385].

Эта же стратегия озвучивалась и в № 1 издания «Черного передела» (8 декабря 1879 г.). Так, в передовице «От редакции» декларировалось следующее: «Ближайшею задачею нашею… должна быть организация… той народно-боевой партии, о значении которой мы уже говорили. Если мы этого не сделаем, если мы к этому не подготовим народ, революционное движение, как всякое стихийное движение, может пройти грозою через всю Россию, не принеся народу ничего существенного» [14. С. 139]. Фактически это было повторение мыслей, ранее высказанных Стефановичем в журнале «Община».

Вообще орган «Черного передела» в самом начале стал буквально рупором идей Стефановича. Так, большую часть № 1 этого издания занимала статья Стефановича «“Чигиринское дело”. Крестьянское общество “Тайная дружина” (опыт революционно-народной организации)». Да это и неудивительно, ведь ведущие позиции в редакции занимали все те же – Стефанович и Дейч [34. С. 387].

Однако дальнейшие события показали, что ставка на повтор попытки «*a la* Чигирин» не сработала. Рекогносцировка в Чигиринский уезд провалилась, революционеры вернулись ни с чем. Они сообщали, что «военное положение создало… в Чигирине такую обстановку, в которой сам черт ноги сломает» [34. С. 386]. Это стало первым тревожным звонком для организации. Как с горечью отмечал Аптекман, «наши грандиозные планы рушились, лопались, как мыльные пузыри. Неудавшаяся попытка Стефановича создать в Чигирине новую организацию, полное отсутствие у нас в то время людей, способных обосноваться в деревне, подрезали тот народнический сук, на котором мы сидели до сих пор» [34. С. 386].

Все это происходило на фоне активных действий «Народной воли». Напомню, что 19 ноября 1879 г. народовольцы произвели взрыв царского поезда под Москвой. В свою очередь, наступательная деятельность этой организации привлекала к ней внимание народнической молодежи и уводила ее от «Черного передела». Так, Дейч, находившийся в то время на юге России, прямо сетовал, что «в Одессе с молодежью «тихо», что ощущается крайний недостаток в работниках» [34. С. 388]. Этот факт стал еще одним свидетельством того, что в изменившихся условиях в конце 1879 – начале 1880 гг. Стефанович и его окружение оказались и теоретическими, и практическими «революционными банкротами». Как справедливо подметил участник народнического, а затем и эсеровского движения Е.А. Серебряков в оценке «Чигиринского дела», «подлог мог иметь значение лишь один раз, пока не открыт, повторение же всегда неудачно» [36. С. 21].

В результате в январе 1880 г. в условиях начавшихся арестов в столице начался отъезд за границу главных деятелей «Черного передела». Почти одновременно разными путями Россию покинули Дейч, Плеханов, Засулич и Стефанович. Аптекман так описывал свои чувства, когда провожал с Варшавского вокзала Стефановича: «Недавно только прощался с Плехановым, а теперь проводил Стефановича. Лучшие люди ушли… а с уходом этих людей с таким именем, с таким прошлым, как у Стефановича, Засулич, Дейча и Плеханова, – душа отлетела от общества, от осиротелого “Черного передела”. И началась уже агония, смерть казалась неминуемой» [34. С. 402–403].

Об идейно-теоретическом и организационном кризисе «Черного передела» свидетельствовала и его печать. Так № 2 «Черного передела» (сентябрь 1880 г.) также оказался наполнен материалами по истории «Чигиринского заговора» (это было продолжение очерка из № 1.– *О.М.*). Хотя в заключение этих очерков редакция и поместила следующую заметку: «Помещая на страницах нашего журнала рассказ о “Чигиринском деле”, мы вовсе не думаем пропагандировать тех средств, какие в нем практиковались. По нашему мнению, дело имеет значение как чрезвычайно важный опыт создания революционной организации среди народа; в этом отношении оно заслуживает особенного внимания русских социалистов и главным образом теперь, когда события грозят увлечь чуть не все революционные силы в борьбу, имеющую очень мало общего с вопросом экономической революции в России (имеется в виду политическая борьба “Народной воли” – *О.М.*). Мы думаем, что этот рассказ должен служить ответом скептикам, сомневающимся в возможности создания революционной организации среди народа и серьезного отношения с его стороны к этой организации» [14. С. 214].

И хотя редакция публично отмежевывалась от «понятия об авторитарном знамени и об агитации во имя идеализированного царя» [14. С. 215], становилось совершенно очевидным, что, обращаясь в качестве примера к чигиринскому опыту, чернопередельцы печатно декларировали тот факт, что реально они ничего другого в настоящий момент своим сторонникам в России предложить не могут.

Очень показательна в этом плане реакция на редакционную политику «Черного передела» члена ИК «Народной воли» Морозова, с иронией писавшего товарищам из-за границы 13 декабря 1880 г.: «На 2-м номере

(«Черного передела». – *О.М.*) уже очень заметно западничество: половина о заграничных делах. О русских делах – враки, а потом это свое несчастное Чигиринское дело которое они без конца… (слово неразборчиво). Скажи им, пожалуйста, что молодежь ждет в № 3 (Чигиринское дело) – драму, а в 4-м номере Чигиринское дело в стихах» [37. С. 308].

В заключение хотелось бы отметить, что невыученные «уроки Чигирина» и мифологизированные представления о революционном потенциале этих мест, тиражируемые преимущественно Стефановичем, сыграли злую шутку со сторонниками революционно-народнической организации «Черный передел». Всеми силами держась за не оправдавшую себя идею создания «народно-революционной организации» по лекалам Стефановича, «чернопередельцы» фактически оказались несостоятельными как в теоретическом, так и в практическом плане. Уверовав в «утопию Стефановича», они де-факто ушли в историческое небытие, мало что сделав в реальности.

Список источников

1. Милевский О.А. Ступени на эшафот. Жизнь и судьба Валериана Осинского, идеолога русского политического террора. СПб. : Алетейя, 2023. 560 с.
2. Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С.130–150.
3. Милевский О.А., Терехова С.А. На пути к «Чигиринскому заговору»: ранняя революционная деятельность Я.В. Стефановича // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (66). С. 72–90.
4. Терехова С.А. Революционеры-народники и идея «народного монархизма» (на примере «Чигиринского заговора» : дис. … канд. ист. наук. Сургут, 2016. 276 с.
5. Терехова С.А. К вопросу об истоках «Чигиринского заговора»: крестьянское движение в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 94–99.
6. Мауль В.Я. Волнения крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии в 1870-е гг. (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития : материалы всерос. науч. конф. Ростов н/Д : Foundation, 2015. С. 123–128.
7. Дейч Л.Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда // Исторический архив. 1921. Вып. 1. С. 73–79.
8. Центральний державний історичний архів України (ЦДІА України). Ф. 274. Оп. 1. Д. 157.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 473.
10. Степняк-Кравчинский С.М. Собрание сочинений : в 2 т. М. : Худож. лит., 1987. Т. 1. 575 с.
11. Фроленко М.Ф. Побег Дейча, Стефановича и Бохановского. М.: Изд- во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1924. 16 с.
12. Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. 254 с.
13. ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Д. 115.
14. Памятники агитационной литературы. М. –Петроград : Гос.изд- во, 1923. Т. 1: «Черный передел»: орган социалистов- федералистов 1880–1881 гг. 355 с.
15. Кан Г.С. Аарон Зунделевич: от раввинского училища к «Народной воле» // Архив еврейской истории / гл. ред. О.В. Будницкий. М. ; Бостон ; СПб. : Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. Т. 12. С. 128–229.
16. Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. М. : Изд-во «Девятого января» Транпосекции, 1924. 360 с.
17. Дейч Л.Г. Один из последних семидесятников // Голос минувшего. 1914. № 6. С. 86–110.
18. Дейч Л.Г. Русская революционная эмиграция 70-х годов. Петроград : Госиздат, 1920. 86 с.
19. Вахрушев И.С. Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873–1886 гг. Саратов : Изд- во Саратов. ун-та, 1980. 232 с.
20. Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц» : опыт интеллектуальной биографии. М. : Полит. энцикл., 2017. 695 с.
21. Бохановский Ив., Дейч Л., Засулич В., Кравчинский С., Стефанович Я. Необходимое разъяснение (рисьмо в редакцию) // Община : социально-революционное обозрение (Женева). 1878. № 8-9. С. 1.
22. Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов н/Д : Донская речь, 1907. 312 с.
23. Стефанович Я. Наши задачи на селе (письмо в «Общину») // Община : социально-революционное обозрение (Женева). 1879. № 8-9. С. 33–38.
24. Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М. :Academia, 2011. 560 с.
25. Дейч Л.Г. Дмитрий Александрович Клеменц. Петроград : Госиздат, 1921. 40 с.
26. Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 372 с.
27. Твардовская В.А. Кризис «Земли и воли» в конце 70-х годов // История СССР. 1959. № 4. С. 60–74.
28. Ткаченко П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля». М. : Высш. школа, 1961. 296 с
29. Российская национальная библиотека. Архив Дома Плеханова (РНБ АДП). Ф. 1097. Оп. 1. Д. 126. .
30. Морозов Н.А. Повести моей жизни. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. 2. 702 с.
31. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания : в 2 т. М. : Мысль, 1964. Т. 1. 439 с.
32. Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. : сб. док. / под ред. П.А. Зайончковского. М. : Соцэкгиз, 1968. 612 с.
33. ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1877. Д. 262. Ч. 2.
34. Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Петроград : Колос, 1924. 460 с.
35. Попов М.Р. Записки землевольца. М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. 513 с.
36. Серебряков Е.А. Очерк из истории «Земли и воли». СПб. : Свободный труд, 1906. 60 с.
37. Из истории «Земли и воли» и «Народной воли»: споры о тактике : сб. док. / отв. ред. В.Н. Гинев. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2012. 752 с.

References

1. Milevskiy, O.A. (2023) *Stupeni na eshafot. Zhizn' i sud'ba Valeriana Osinskogo, ideologa russkogo politicheskogo terrora* [Steps to the Scaffold. The Life and Fate of Valerian Osinsky, Ideologist of Russian Political Terror]. St. Petersburg: Aleteyya.
2. Pelevin. Yu.A. (2014) Yuzhnye buntari i “Chigirinskiy zagovor” [Southern Rebels and the "Chyhyryn Conspiracy"]. *Rossiyskaya istoriya.* 1. pp.130–150.
3. Milevskiy, O.A. & Terekhova, S.A. (2020) Na puti k “Chigirinskomu zagovoru”: rannyaya revolyutsionnaya deyatel'nost' Ya.V. Stefanovicha [On the Path to the "Chyhyryn Conspiracy": The Early Revolutionary Activity of Ya.V. Stefanovich]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3(66). pp. 72–90.
4. Terekhova, S.A. (2016) *Revolyutsionery-narodniki i ideya “narodnogo monarkhizma” (na primere “Chigirinskogo zagovora”)* [The Narodnik Revolutionaries and the Idea of "Popular Monarchism" (a case study of the "Chyhyryn Conspiracy"]. History Cand. Diss. Surgut.
5. Terekhova, S.A. (2013) K voprosu ob istokakh “Chigirinskogo zagovora”: krest'yanskoe dvizhenie v Chigirinskom uezde Kievskoy gubernii v nachale 70-kh gg. XIX v. [On the Origins of the "Chyhyryn Conspiracy": The Peasant Movement in Chyhyryn Uyezd of Kiev Province in the Early 1870s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4(25). pp. 94–99.

6. Maul, V.Ya. (2015) Volneniya krest'yan Chigirinskogo uezda Kievskoy gubernii v 1870-e gg. (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Rossiyskoy Federatsii) [Peasant Unrest in Chyhyryn Uyezd of Kiev Province in the 1870s (Based on Materials from the State Archive of the Russian Federation)]. *Arkhivy i arkhivnoe delo na Yuge Rossii: istoriya, sovremennost', perspektivy razvitiya* [Archives and Archival Studies in the South of Russia: History, Modernity, Development Prospects]. Proc. of the Conference. Rostov on Don: Foundation. pp. 123–128.
7. Deich, L.G. (1921) Zagovor sredi krest'yan Chigirinskogo uezda [Conspiracy Among the Peasants of Chyhyryn Uyezd]. *Istoricheskiy arkhiv*. 1. pp. 73–79.
8. The Central State Historical Archive of Ukraine (TsDIA Ukrainy). Fund 274. List 1. File 157.
9. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 112. List 1. File 473.
10. Stepnyak-Kravchinskiy, S.M. (1987) *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Collected Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozh. lit.
11. Frolenko, M.F. (1924) *Pobeg Deycha, Stefanovicha i Bokhanovskogo* [The Escape of Deich, Stefanovich, and Bokhanovsky]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuz. o-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
12. Novitskiy, V.D. (1991) *Iz vospominaniy zhandarma* [From the Memoirs of a Gendarme]. Moscow: Moscow State University.
13. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 164. File 115.
14. Anon. (1923) *Pamyatniki agitatsionnoy literatury* [Book Monuments of Agitational Literature]. Vol. 1. Moscow; Petrograd: Gos.izd-vo.
15. Kan, G.S. (2022) Aaron Zundelevich: ot ravvinskogo uchilishcha k "Narodnoy vole" [Aron Zundelevich: From Rabbinical School to "Narodnaya Volya"]. In: Budnitskiy, O.V. (ed.) *Arkhiv evreyskoy istorii* [Archive of Jewish History]. Vol. 2. Moscow; Boston; St. Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossika. pp. 128–229.
16. Deich, L.G. (1924) *16 let v Sibiri* [16 Years in Siberia]. Moscow: Izd-vo "Devyatogo yanvarya" Tranposektsii.
17. Deich, L.G. (1914) Odin iz poslednikh semidesyatnikov [One of the Last of the Seventiers]. *Golos minuvshego*. 6. pp. 86–110.
18. Deich, L.G. (1920) *Russkaya revolyutsionnaya emigratsiya 70-kh godov* [Russian Revolutionary Emigration of the 1870s]. Petrograd: Gosizdat.
19. Vakhrushev, I.S. (1980) *Ocherki istorii russkoy revolyutsionno-demokraticheskoy pechati 1873–1886 gg.* [Essays on the History of the Russian Revolutionary-Democratic Press 1873–1886]. Saratov: Saratov State University.
20. Milevskiy, O.A. & Panchenko, A.B. (2017) *"Bespokoynyy Klements": opyt intellektual'noy biografii* ["The Restless Klements": An Experiment in Intellectual Biography]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
21. Bokhanovskiy, Iv., Deich, L., Zasulich, V., Kravchinskiy, S. & Stefanovich, Ya. (1878) Neobkhodimoe raz"yasnenie (ris'mo v redaktsiyu) [Necessary Clarification (Letter to the Editor]. *Obshchina: sotsial'no-revolyutsionnoe obozrenie (Zheneva)*. 8-9. pp. 1.
22. Anon. (1907) *Revolyutsionnaya zhurnalistika semidesyatykh godov* [Revolutionary Journalism of the Seventies]. Rostov on Don: Donskaya rech'.
23. Stefanovich, Ya. (1879) Nashi zadachi na sele (pis'mo v "Obshchinu") [Our Tasks in the Village (Letter to "Obshchina")]. *Obshchina: sotsial'no-revolyutsionnoe obozrenie (Zheneva)*. 8-9. pp. 33–38.
24. Repnikov, A.V. & Milevskiy, O.A. (2011) *Dve zhizni L'va Tikhomirova* [The Two Lives of Lev Tikhomirov]. Moscow: Academia.
25. Deich, L.G. (1921) *Dmitriy Aleksandrovich Klements*. Petrograd: Gosizdat.
26. Troitskiy, N.A. (2002) *Krestonostsy sotsializma* [Crusaders of Socialism]. Saratov: Saratov State University.
27. Tvardovskaya, V.A. (1959) Krizis "Zemli i voli" v kontse 70-kh godov [The Crisis of "Zemlya i Volya" in the Late 1870s]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 60–74.
28. Tkachenko, P.S. (1961) *Revolyutsionnaya narodnicheskaya organizatsiya "Zemlya i volya"* [The Revolutionary Narodnik Organization "Zemlya i Volya"]. Moscow: Vysshaya shkola.
29. The Russian National Library. The Plekhanov House Archive (RNB ADP). Fund 1097. List 1. File 126.
30. Morozov, N.A. (1961) *Povesti moey zhizni* [Tales of My Life]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
31. Figner, V.N. (1964) *Zapechatlennyy trud. Vospominaniya: v 2 t.* [Labor Perfected. Memoirs: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
32. Zayonchkovskiy, P.A. (ed.) (1968) *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1870–1880 gg.* [The Peasant Movement in Russia in 1870–1880]. Moscow: Sotsekgiz.
33. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. File 262. Part 2.
34. Aptekman, O.V. (1924) *Obshchestvo "Zemlya i volya" 70-kh gg. po lichnym vospominaniyam* [The "Zemlya i Volya" Society of the 1870s from Personal Memoirs]. Petrograd: Kolos.
35. Popov, M.R. (1933) *Zapiski zemlevol'tsa* [Notes of a Zemlevolets]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuz. o-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
36. Serebryakov, E.A. (1906) *Ocherk iz istorii "Zemli i voli"* [An Essay from the History of "Zemlya i Volya"]. St. Petersburg: Svobodnyy trud.
37. Ginev, V.N. (ed.) (2021) *Iz istorii "Zemli i voli" i "Narodnoy voli": spory o taktike* [From the History of "Zemlya i Volya" and "Narodnaya Volya": Disputes over Tactics]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo.

***Сведения об авторе*:**
Милевский Олег Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Россия). E-mail: olegmilevsky@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Milevsky Oleg A. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Historical Research, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: olegmilevsky@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 23.10.2023; accepted for publication 01.08.2025

Научная статья
УДК 328; 94
doi: 10.17223/19988613/96/6

Импортозамещение: история и современность

Владимир Викторович Моисеев

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
Белгород, Россия, din_prof@mail.ru

Аннотация. Проблема импортозамещения получила сегодня дополнительную актуальность и новые импульсы к реализации в связи с событиями на Украине. Представлена историческая ретроспектива замещения импорта в России в XIX–XXI вв. Советская индустриализация, сыгравшая важнейшую роль в развитии экономики, превратила отсталую страну в индустриально-аграрную державу, доведя импорт до 1%. Автор не только показывает критическую зависимость основных отраслей экономики современной России от импорта, но и анализирует многократные попытки руководства Российской Федерации решить эту важнейшую проблему.
Ключевые слова: импортозамещение, санкции, исторический опыт, проблемы и перспективы

Для цитирования: Моисеев В.В. Импортозамещение: история и современность // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 43–51. doi: 10.17223/19988613/96/6

Original article

Import substitution: history and present

Vladimir V. Moiseev

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,
Belgorod, Russian Federation, din_prof@mail.ru

Abstract. In recent years, a significant part of the scientific literature published both in the Russian Federation and abroad is devoted to the problems of import substitution of goods and technologies in modern Russia. The issues of reducing import dependence were studied in monographs, dissertations, and scientific articles.

On the basis of the study, the author found that the sanctions imposed by Western countries after the annexation of Crimea to Russia increased significantly after February 24, 2022, with the start of a military special operation in Ukraine. At the time of writing, the US and the EU have already adopted seven packages of anti-Russian sanctions aimed at weakening our economy. Under these conditions, the implementation of state programs to replace imports with domestic products is of particular relevance and practical significance. Money from the state budget has been allocated for their implementation. President V. Putin and Prime Minister M. Mishustin supervise the implementation of state import substitution programs, attaching great importance to this work. Thus, on March 1, 2022, Russian President Vladimir Putin called for the activation of existing import substitution tools in order to counter sanctions. On the same day, Russian Prime Minister Mikhail Mishustin reported that the government, on behalf of the president, had taken a number of decisions to support the development of domestic production and import substitution processes. On March 10, 2022, Russian President Vladimir Putin again paid attention to the problems of implementing state import substitution programs.

The study of the historical experience of import substitution, its creative use in modern conditions has not only a great cognitive, but also a certain practical importance for public administration in the context of a tough anti-Russian sanctions policy of unfriendly states.

Using the example of import substitution in the aircraft industry, where a critical situation has arisen after the introduction of a ban on components for the assembly of airliners, the author shows that the production of civil aircraft in our country has practically stopped. The author analyzed the main reasons that led to problems in the domestic aviation industry, the automotive industry, and other sectors of the economy, offered evidence-based recommendations for correcting the current situation, taking into account the creative use of historical experience.
Keywords: import substitution, sanctions, historical experience, problems and prospects

For citation: Moiseev, V.V. (2025) Import substitution: History and Present. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 43–51. doi: 10.17223/19988613/96/6

© В.В. Моисеев, 2025

В российском государстве импортные товары использовались с незапамятных времен благодаря развитию купечества и международной торговли. Исконно русские товары (пенька, мед, воск, пушнина и др.) обменивались с пользой на заморские украшения, яства, шелковые и иные ткани и т.д. Если же ввоз иностранной продукции сдерживал развитие отечественного производства, государство применяло ряд инструментов, позволяющих реализовывать импортозамещающую политику, в том числе посредством введения высоких импортных пошлин и формирования перечней продукции, которую запрещено ввозить в страну.

Отметим, что запретительные меры стали широко применять в России примерно с конца XVII в., когда появилась необходимость защитить отечественного производителя. Так, в 1723 г. Петр I пришел к выводу, что главной причиной торможения отечественного производства, несмотря на рост мануфактур в стране, был ввоз товаров из-за рубежа. Поэтому в 1724 г. с целью защиты отечественного производителя был издан таможенный тариф протекционистского характера. На товары, которые изготавливались в России в достаточном количестве (парусина, очищенный воск, крахмал, поташ, купорос, скипидарное масло, тафта, иглы, пергамент и др.) была установлена ввозная пошлина в размере 75% [1].

О значении таможенного регулирования в развитии отечественного производства известным российским ученым Д.И. Менделеевым в 1891 г. был написан специальный трактат. В нем содержится идея о протекционизме как временной мере для создания собственного промышленного производства для замещения импортных товаров [2].

Идеи ученого-химика были воплощены в жизнь успешным российским реформатором С.Ю. Витте. Политика протекционизма, проводимая в XIX в., предусматривала увеличение таможенных пошлин на ввозимые в страну товары, тем самым ограничивая импорт и создавая условия для отечественных предприятий. Реформы С.Ю. Витте, осуществленные в России в 1892–1903 гг., позволили в короткий исторический срок значительно сократить отставание отечественной промышленности от развитых стран Запада. Иногда в научных статьях эти реформы называют индустриализацией царской России, «золотым десятилетием» русской промышленности. В результате успешно осуществленной экономической политики и реформ С.Ю. Витте всего за десятилетие добыча нефти выросла в 2,9 раза, выплавка чугуна – в 3,7 раза, стали – в 7,2 раза, производство паровозов – в 10 раз [3]. В 1890–1914 гг. в империалистической России значительно возросли объемы производства машин и оборудования. Эти реформы позволили царской экономике совершить колоссальный рывок в сторону развития собственного производства (почти в два раза) и уменьшения зависимости от импорта [4. С. 195].

Таким образом, индустриализация, начатая в России в конце XIX в. и проводившаяся с целью ликвидации отставания в экономическом развитии, в итоге позволила за 20 лет удвоить промышленное производство. В этот исторический период значительно выросли все экономические показатели Российской империи, а рубль стал свободно конвертируемой и стабильной валютой, которую охотно принимали в Европе и других странах мира.

С проблемами замещения импортных товаров и технологий молодая Советская республика, пришедшая на смену империалистической России, столкнулась с первых дней своего существования, когда оказалась в окружении недружественных государств и была вынуждена за импорт промышленных товаров расплачиваться драгоценностями бывшей царской казны и церкви [5. С. 1278]. Разумеется, такой невыгодный обмен не мог продолжаться долго, и политическое руководство страны искало способы импортозамещения. К тому же санкции коллективного Запада, действовавшие в тот исторический период, устанавливали запрет на поставку в Советскую Россию важнейших технологий и товаров двойного назначения. В этих условиях государство сделало ставку на тотальное замещение импорта собственным промышленным производством, взяв курс на индустриализацию в декабре 1925 г. на XIV съезде ВКП(б). По мнению Иосифа Сталина, имевшего слабое представление о макроэкономике по причине отсутствия базового экономического образования, индустриализация должна была преодолеть тотальную зависимость от импорта и создать собственную индустриальную базу для строительства социализма в СССР.

Довоенная индустриализация предусматривала (и это нашло отражение в первых пятилетних планах) ликвидацию технико-экономической отсталости СССР и достижение экономической независимости от капиталистического окружения, создание мощного оборонно-промышленного потенциала, развитие комплекса новых базовых отраслей промышленности – металлургической, машиностроительной, топливной, энергетической, химической, автомобильной и др.

Здесь уместно отметить, что в отличие от царской России, которая проводила модернизацию своей экономики при финансовой и технологической поддержке ведущих стран Запада, СССР мог рассчитывать только на собственные силы. Подсчитано, что в конце XIX – начале XX в. в экономику царской России было проинвестировано более 2 млрд руб., в том числе США – 178 млн, Бельгией – 382 млн, Германией – 442 млн, Великобританией – 507 млн, Францией – 732 млн [3].

Правительство царской России путем заключения займов и концессий на основные отрасли промышленности активно использовало зарубежные финансы и технологические новации [3].

Совершенно иными были источники индустриализации и замещения импорта в 30-е гг. XX в. Надежды на иностранные инвестиции рухнули после завершения работы Генуэзской конференции (весна 1922 г.), когда попытка нормализовать политические и торгово-экономические отношения между Россией и Западом, разорванные в 1917 г., не увенчалась успехом.

Между тем масштаб преобразований в промышленности, строительстве, на транспорте, создание новых отраслей экономики, а также осуществление продекларированной социальной политики требовали огромных

финансовых и материальных ресурсов. Нечто подобное переживает сегодня российское политическое руководство, организуя импортозамещение одновременно практически во всех основных отраслях отечественной экономики, где зависимость от импорта достигает порой до 90%. Доступ к зарубежным высоким технологиям и дешевым кредитам в связи с санкциями надолго закрыт: США и Евросоюз запретили инвестиции в российскую экономику. При этом сотни миллиардов отечественных валютных резервов заморожены, а на реализацию российского золота наложен жесточайший запрет.

Может ли сегодня в преодолении создавшихся трудностей и проблем оказать помощь исторический опыт? Положительный ответ очевиден.

Когда приток иностранных инвестиций был остановлен, ставка была сделана на внутренние ресурсы, прежде всего внутренние займы. Основная их тяжесть легла на долю крестьян из-за введения так называемого «добавочного налога», который с годами только рос. Так, в 1927 г. займы у крестьян составили 1 млрд руб., а в 1935 г. – уже 17 млрд руб. Эта мера привела к обеднению населения. Вторым источником получения финансовых ресурсов для индустриализации был экспорт хлеба. Наибольшую прибыль этот источник принес в 1930 г. – 883 млн руб. [6].

Средства на создание новых отраслей народного хозяйства и строительство промышленных предприятий шли также от продажи сырья: нефти, леса, золота, пушнины, реализации музейных и церковных сокровищ. Это был третий источник денег.

Четвертым источником стала эмиссия (печатание) большого объема бумажных денег. Четырехкратное увеличение денежной массы, не обеспеченной товарами, привело к инфляции, росту цен и ухудшению экономического положения населения [6].

Пятым источником, обеспечившим успешную индустриализацию и избавление страны от тотальной зависимости от импорта, стала повсеместная экономия средств, помноженная на трудовой энтузиазм трудящихся масс. Экономия касалась как расходования финансовых средств и материалов при строительстве предприятий, так и зарплаты рабочих и служащих. Низкие зарплаты компенсировались широкой агитацией и пропагандой правильности избранного курса, необходимости потерпеть и «затянуть пояса». Сталин подчеркивал в публичных выступлениях мысль о том, что Советскому Союзу надлежит за 10 лет преодолеть такой трудный путь развития экономики, какой ведущие страны мира преодолели за 100 лет, иначе нас сомнут [6]. История подтвердила сталинские предостережения (они были публично произнесены И.В. Сталиным 4 февраля 1931 г.): всего через одно десятилетие фашистская Германия при поддержке некоторых европейских государств попыталась уничтожить нашу страну.

Следует признать, что советские пропаганда и агитация оказались весьма действенными: за низкую зарплату, в тяжелых условиях, практически при полном отсутствии строительной техники советские люди показывали чудеса трудового героизма и энтузиазма. Об этом красноречиво свидетельствует стахановское движение. Как известно, начало данному движению положил шахтер Алексей Григорьевич Стаханов. Он работал забойщиком в шахте «Центральная Ирмино» г. Кадиевка (ныне – Стаханов) и в ночь с 30 на 31 августа 1935 г. при поддержке товарищей из шахтерской бригады добыл за 5 часов с помощью отбойного молотка 107 т угля, перевыполнив установленную норму (7 т) на 100 т, или в 15 раз!

Получив поддержку партии и правительства, стахановское движение охватило практически всю территорию СССР. Так, в металлургии сталевар Мариупольского металлургического завода Макар Мазай, ставший в ряды стахановского движения, значительно увеличил выплавку стали в мартеновских печах. Машинист Донецкой железной дороги Петр Кривонос вдвое увеличил скорость груженого состава. В сельском хозяйстве стахановское движение подхватили передовики колхозного труда Прасковья Ангелина, Константин Борин, Мария Демченко [7].

Благодаря стахановскому движению и социалистическому соревнованию при хорошей организаторской и идеологической работе партии и эффективном государственном управлении накануне войны стране удалось создать невиданную ранее индустриальную базу и военно-промышленный потенциал, уйти от импортной зависимости.

Нельзя не отметить, что темпы роста производительности труда в этот исторический период были рекордными. Соответственно, невиданными ранее темпами росли объемы промышленной продукции. Так, выплавка чугуна и стали за годы первых двух довоенных пятилеток возросла в 4 раза (на 439 и 412% соответственно), производство электроэнергии увеличилась на 724%. За десятилетие, с 1928 по 1937 г., продукция станкостроения выросла на рекордные 2 425%. Максимальный рост валового объема промышленной продукции в годы первых пятилеток был зафиксирован в автомобилестроении: за 10 лет он составил 25 000% [8]. Объясняется этот факт, достойный Книги Гиннеса, тем, что отсчет велся от нескольких единиц, т.е. от низкой статистической базы. Однако данный рекорд свидетельствует, что в годы первых пятилеток за короткий исторический срок практически с нуля в СССР были созданы новые отрасли народного хозяйства: станкостроение, авиастроение, автомобилестроение, химическая, фармацевтическая и др.

Только в годы первой пятилетки (самой трудной) были построены и введены в эксплуатацию такие гигантские предприятия, как Запорожсталь, Днепрогэс, Магнитогорский и Новокузнецкий металлургические комбинаты, Уральский завод тяжелого машиностроения, Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторные заводы, Горьковский автомобильный завод и др.

В материалах XVII конференции ВКП(б) (январь 1932 г.), на которой рассматривались вопросы второго пятилетнего плана, содержится важное в историческом плане утверждение о том, что, продолжая успешную промышленную политику, в том числе по отказу от импорта, государство сможет обеспечить себе «экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от

превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства» [9. С. 41]. Оценивая итоги первой пятилетки, Сталин оценил достигнутые успехи как создание «основ индустриализации» [10].

В ходе второй пятилетки мощным рычагом для роста производительности труда явилось хорошо организованное социалистическое соревнование со взятием повышенных обязательств коллективами и отдельными трудящимися, торжественным подведением итогов, награждением (моральным и материальным поощрением) победителей. Благодаря этим и другим факторам производительность труда по сравнению с 1933 г. возросла к 1937 г. почти вдвое, точнее – на 82%.

Результаты второй пятилетки были еще более грандиозными, чем первой: было сооружено 4 500 новых предприятий, в 3 раза больше, чем по предыдущему плану. В 1933–1937 гг. были построены такие гиганты советской индустрии, как Криворожский, Новолипецкий, Новотульский металлургические заводы и др.

К концу второй пятилетки СССР вышел на первое место в Европе и второе место в мире по машиностроению и тракторостроению, а также по добыче железной руды, на второе место в Европе и третье место в мире по прокату стали, на первое место в мире по сельскохозяйственному машиностроению. Благодаря индустриализации резко возросла техническая вооруженность отечественного сельского хозяйства. Вместо деревянных плугов, сох, косуль и деревянных борон, которые использовали крестьяне при царской власти, на селе уже в 1937 г. насчитывалось 454,5 тыс. тракторов, 128,8 тыс. комбайнов, более 126 тыс. молотилок и 144,5 тыс. грузовых автомобилей [11]. Такими рекордами можно гордиться и сегодня, воспитывая подрастающее поколение на этих фактах героического труда во славу Родины.

Уже к 1936 г. импортные товары составляли менее 1% от производимой в стране промышленной продукции [12]. Для сравнения: зависимость современной России от западных технологий и комплектующих в ряде отраслей составляет сегодня от 70 до 90% (таблица).

Из таблицы следует, что импортозависимость современной России очень высока и граничит с реальной угрозой национальной безопасности. Она практически не изменилась с начала введения санкций после присоединения Крыма к России и событий на Донбассе. Сегодня товары повседневного спроса обеспечиваются за счет импорта на 80%, микроэлектроника – почти на 90%, автозапчасти – также на 90%. Даже одежда и обувь, менее сложные в производстве, чем высокоточные ракеты «Циркон» и космические корабли типа «Прогресс», поступают в основном из-за рубежа, занимая на нашем рынке более 80% [13].

Импортозависимость отдельных отраслей российской экономики

Отрасль экономики	Зависимость от импорта, %	
	2014 г.	2022 г.
Легкая промышленность	70–90	70–90
Фармацевтика и медицинская промышленность	70–80	70–80
Тяжелое машиностроение	60–80	60–80
Радиоэлектронная промышленность	80–90	80–90
Станкостроение	90	90

Примечание. Составлено по: [13. С. 14].

Таким образом, в ведущих секторах российской экономики доля импорта превышает допустимые пределы обеспечения национальной и экономической безопасности страны. Наша страна импортирует строительную и сельскохозяйственную технику, другие машины и промышленное оборудование, металлорежущие станки, самолеты, автомобили и тракторы, компьютеры, телевизоры и телефоны, медицинские приборы и лекарства, мясо и молочные продукты, одежду и обувь и много другое. Следствие этого – сильнейшая экономическая зависимость России от других стран, в частности от Евросоюза и США.

Очевидно, что капиталистическая Россия сохраняет критическую зависимость от импортных товаров, несмотря на сотни миллиардов и триллионы рублей, выделенных из госбюджета на решение проблем импортозамещения с начала этого века. Будет ли кто-то из управленцев привлечен к ответственности за неэффективно потраченные народные деньги, вопрос, конечно, риторический. Наша некогда мощная промышленная держава располагает экономикой, которая по номинальному ВВП находится во втором десятке стран после Южной Кореи, а ее вклад в мировую экономику не превышает 2%.

Антироссийские санкции начиная с 2014 г. (после присоединения Крыма к России) были направлены на ослабление многих секторов нашей экономики. Санкции, введенные недружественными странами с началом специальной военной операции на Украине по ее демилитаризации и денацификации, вызвали новую волну ограничений и препятствий на пути к новейшим технологиям и современным товарам из-за рубежа. Наибольший акцент в санкциях коллективного Запада был сделан на нефтяную и газовую отрасли экономики, благодаря которым почти наполовину наполняется государственный бюджет, финансируется военно-промышленный комплекс, вкладываются инвестиции в социальную сферу нашей страны. Ряд санкционных пакетов содержал меры, направленные на ослабление российской банковской системы. Об этом свидетельствуют замораживание почти половины международных (золотовалютных) резервов, отключение ведущих банков нашей страны от платежной системы SWIFT и отказ в их кредитовании банками США, Евросоюза и других стран.

Антироссийские санкции имеют цель оказать экономическое давление на Россию за счет ограничения экономического сотрудничества с нашей страной, поставки товаров, технологий и комплектующих, в том числе по заключенным и оплаченным контрактам, что значительно осложнило выпуск промышленной продукции отечественными предприятиями.

Важно подчеркнуть, что каждый раз, когда вводятся экономические санкции Запада или резко падает курс рубля по отношению к доллару и евро, правительство и президент обращаются к проблемам импортозамещения как панацее. Так, значительное повышение внимания к проблемам импортозамещения наблюдалось в России после девальвации рубля, произошедшей в 1998 г., когда объем импорта вынужденно сократился на 20% (до $74 млрд) [14].

Таким образом, масштабная девальвация национальной валюты и связанное с ней снижение импорта стали важным фактором импортозамещения и экономического роста в кризис 1998 г. По оценке ряда экономистов, рост ВВП и промышленного производства в России в 1999 году на 25% был обязан процессу импортозамещения. В дальнейшем импортозамещение продолжилось, но на протяжении почти десятилетия было уже менее интенсивным.

Дополнительный импульс замещению импорта дал экономический кризис 2008–2009 гг., сопровождавшийся значительным падением курса рубля и ограничением импорта западных товаров и технологий. Замена импорта в посткризисный период привела к ощутимым положительным сдвигам: произошла активная замена отдельных видов импортной пищевой продукции, например мяса, подсолнечного масла, сахара, а также автомобилей; импорт автомашин заменяется их сборкой в Калининграде, Калуге и других городах России, создается так называемое отверточное производство. Рост российского производства железнодорожных вагонов, компонентов для авиационной и ракетной техники привел к постепенному сворачиванию их импорта из Украины.

В 2009 г. В. Путин, будучи главой правительства, заявил, что программы импортозамещения действуют во многих отраслях реального сектора экономики, прежде всего там, где у России имеются очевидные конкурентные преимущества: доступное сырье, многолетние традиции и опыт. Цель импортозамещения, по мнению национального лидера, – это не закрытие внутреннего рынка и консервация отсталости, а, наоборот, создание по-настоящему конкурентоспособных новых производств, выпускающих качественные и востребованные потребительские товары. В 2014 г. санкции коллективного Запада и сокращение экспорта технологий и товаров в Россию в ответ на присоединение Крыма, масштабная девальвация рубля по отношению к евро и доллару способствовали новому повышению внимания к актуальным проблемам импортозамещения в нашей экономике.

15 апреля 2014 г. федеральное правительство принимает постановление по развитию промышленности и повышению ее конкурентоспособности. В опубликованном документе ставилась задача принять меры к безусловному выполнению к 2020 г. таких важнейших подпрограмм, как «Ускоренное развитие оборонно-промышленного комплекса», «Тяжелое машиностроение», «Транспортное машиностроение» и др. [15]. Президент России В. Путин в Послании Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. поставил задачу стимулирования импортозамещения и содействия ускоренному развитию несырьевых компаний. «Так называемые санкции и внешние ограничения – это стимул для более эффективного, ускоренного достижения поставленных целей, – заявил глава государства. – Нам многое нужно сделать – создать новые технологии и конкурентную продукцию, сформировать дополнительный запас прочности в промышленности, финансовой системе, в подготовке современных кадров» [15]. Это была ответная мера, направленная на повышение устойчивости российской экономики в условиях нестабильного курса рубля и внешнеполитических санкций, усиление экономической безопасности страны за счет снижения зависимости от импорта. История подтвердила актуальность реализации этих задач, сформулированных национальным лидером.

Во исполнение указаний главы государства правительство разрабатывает и утверждает целый ряд новых отраслевых планов, рассчитанных на замещение импорта в среднесрочной перспективе. Особое внимание уделяется избавлению от импорта в стратегических секторах экономики, включая оборонно-промышленный комплекс. Так, в 2014 г. правительством была принята программа поддержки инвестиционных проектов, реализуемых в России на основе замещения импорта и создания инвестиционных продуктов, соответствующих мировому уровню. Эта программа предусматривала кредитование на льготных и долгосрочных условиях таких секторов экономики, как машиностроение, связь и телекоммуникации, энергетика, а также обрабатывающая промышленность, химическое производство и сельское хозяйство. Чтобы быть включенным в эту программу, заявленный проект должен был пройти жесткий отборочный конкурс.

6 мая 2015 г. Минпромторг России утвердил 19 планов импортозамещения по ведущим отраслям промышленности [16]. Планы включали 2 059 проектов в таких ключевых отраслях экономики, как цветная металлургия, тяжелое машиностроение, судостроение, станкостроение, автомобильная промышленность и др. [17]. Для поддержки этих и других отраслей промышленности Минпромторгом РФ были разработаны субсидии, которые утверждались соответствующим постановлением правительства. Так, для тяжелого машиностроения, станкостроения и металлургии осуществлялось субсидирование процентной ставки по кредитам (Постановление Правительства РФ от 21.01.2014 № 42); авиастроительной отрасли выделялись субсидии на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам и уплату лизинговых платежей на техническое перевооружение (Постановление Правительства РФ от 16.02.2008 № 91) и т.д. [18].

Разумеется, эти и другие меры, предпринятые в 2014–2015 и в последующие годы, сыграли положительную роль в снижении импортозависимости нашей страны. За период с 2014 по 2022 г. в России было реализовано более 1,5 тыс. проектов по импортозамещению технологий, товаров и комплектующих, имеющих важное значение для повышения безопасности национальной экономики [18].

Все годы с начала введения массовых антироссийских санкций недружественными государствами пре-

зидент и правительство контролировали ход реализации программ импортозамещения. Особое внимание уделялось ликвидации зависимости от импорта в оборонно-промышленном комплексе (ОПК). Так, 19 сентября 2019 г. президент В. Путин указал на ошибки в планах импортозамещения в оборонно-промышленном комплексе. Он настоял на безусловном выполнения важнейших заданий государственного оборонного заказа, от которых зависит успех в перевооружении армии и флота [19].

27 марта 2020 г. был утверждён состав Правительственной комиссии по импортозамещению, которая отслеживала ход замещения импорта и анализировала возникающие проблемы в этой сфере [20].

Новый этап импортозамещения в России начался после введения новых санкций в связи с началом спецоперации и резкого сокращения импорта с началом событий на Украине. Президентом и правительством были приняты дополнительные меры по реализации программ и планов импортозамещения, утверждены дополнительные правительственные задания по импортозамещению для каждого вида промышленности до 2024 г. и на более длительные сроки [21].

Одновременно увеличивалась доля государственного финансирования для стимулирования создания российских аналогов импортного высокотехнологичного оборудования и комплектующих. Впервые в истории отечественной экономики только на один проект по созданию IT-программ высокой сложности государство обязалось выделять до 5 млрд руб. И это не случайная мера, а закономерная, вызванная чрезвычайными обстоятельствами. Несмотря на то, что попытки развития отечественного IT-сектора начались еще в 2010 г. с открытия широко разрекламированного Инновационного центра «Сколково», уровень зависимости от импорта сегодня достигает 90% [21].

Положительным примером избавления от импортной зависимости в российской IT-индустрии может служить деятельность компания «Ростелеком». Получив дополнительное финансирование из госбюджета на IT-программы, эта развитая отечественная компания сумела в короткий срок снизить зависимость от импорта как в области оборудования, так и в отношении программного обеспечения [21].

Огромной проблемой в IT-отрасли российской экономики продолжает оставаться отток профессиональных кадров за рубеж, который отрицательно сказывается как на импортозамещении, так и на цифровой трансформации социально-экономического развития современной России. Зарубежные гиганты (Google, Microsoft и др.) успешно переманивают способных российских «айтишников» огромными зарплатами, которые государственные учреждения и многие отечественные компании обеспечить пока не могут. Достаточно сказать, что только в известной компании Microsoft Б. Гейтса пятая часть всего персонала – выходцы из России [13. С. 214].

Таким образом, в новых исторических условиях руководство РФ предпринимает ряд адекватных мер по снижению импортозависимости экономики от товаров и технологий, чтобы минимизировать ущерб от западных санкций и стимулировать развитие собственного производства.

Здесь следует отметить, что процесс импортозамещения долгий и непростой, требует колоссальных финансовых и иных затрат. Он связан со строительством новых предприятий для выпуска тех комплектующих, без которых невозможно производство полностью отечественных станков и механизмов, современных автомобилей и авиалайнеров, с подготовкой инженерно-конструкторских и других кадров, обладающих необходимыми компетенциями и другими важными проблемами.

Известно, что после ухода с российского рынка целого ряда иностранных поставщиков практически остановили производство из-за отсутствия комплектующих многие автомобильные заводы, прекращена сборка отечественных среднемагистральных самолетов МС-21 (не имеет отечественного двигателя) и Sukhoi Superjet 100, который более чем наполовину состоит из иностранных деталей и комплектующих, включая авионику (из Франции), систему управления и жизнеобеспечения (из Германии), колеса и тормозную систему (из США) и т.д. Без импортных комплектующих в современной России производится только одна модель гражданского самолета – ИЛ-96-400 М. Эта модель – модернизированный вариант советского ИЛ-96, спроектированного в конструкторском бюро знаменитого Ильюшина в конце 1980-х гг. В настоящее время его модернизированную версию выпускает Воронежский авиазавод в количестве… всего двух самолетов в год. Для сравнения: только одна американская компания Boeing в начале 2000-х гг. производила более 600 авиалайнеров подобного типа в год.

Для того чтобы выиграть время, необходимое для реализации утвержденных государственных планов по замещению импорта, в нашей стране выработаны и действуют временные меры с целью возобновить остановленное производство. Так, впервые в истории в России заработала так называемая «биржа импортозамещения», которая помогает предпринимателям найти достойный аналог санкционным товарам через третьи страны: Китай, Индию, Турцию и некоторые другие дружественные или нейтральные государства. Минпромторг в помощь российским бизнес-структурам в начале мая 2022 г. опубликовал перечень товаров для параллельного импорта. В него вошли товары и материалы сотен иностранных брендов, включая товары народного потребления. Государственная Дума приняла закон, освобождающий бизнесменов, занимающимся параллельным импортом, от уголовной и административной ответственности.

В итоге за время действия разрешения в страну уже поступило импортных товаров на $2 млрд долларов по 130 позициям, – такие данные привел глава Минпромторга Д. Мантуров (ныне вице-премьер правительства РФ) на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2022 г. [22]. После того как Д. Мантурова повысили в статусе с министра до вице-премьера, он заявил 15 августа, что объем параллельного импорта за полтора месяца достиг $6,5 млрд, а к концу 2022 г. будет доведен до $16 млрд. [23].

Следует подчеркнуть, что параллельный импорт – это не истинное замещение импорта, а ввоз в страну без разрешения правообладателя импортных товаров, технологий и комплектующих. И рассматривать его нужно как временную меру в процессе реализации государственной политики замещения импорта отечественным производством. Таков должен быть путь в российской экономике для обеспечения национального и экономического суверенитета.

Итоги проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Из-за допущенных ошибок в определении стратегии развития наша страна значительно отстала в экономическом и социальном плане от ведущих стран мира, а наша экономика, более чем наполовину зависимая от импорта, сегодня переживает не лучшие времена.

2. С ужесточением западных санкций в 2022 г. проблемы импортозамещения встали с новой силой, приобрели дополнительную актуальность после начала специальной военной операции на Украине по ее демилитаризации и денацификации. Импортозамещение в России ставит перед собой определенные задачи, главные из которых: повышение устойчивости экономики в условиях санкций; развитие собственного промышленного производства и создание новых высоких технологий и инновационных продуктов; сохранение и увеличение промышленного и оборонного потенциала, наполнение внутреннего рынка отечественной продукцией и др.

3. Благодаря реализации государственной политики импортозамещения, собственным разработкам и инновациям Россия уже в меньшей степени зависит от западных технологий, а отечественные товары стали составлять более серьезную конкуренцию западным компаниям.

4. Для преодоления санкционного давления, минимизации импортной зависимости Российская Федерация может творчески использовать советский опыт, накопленный нашей страной и народом в различные исторические периоды, в том числе в период масштабной индустриализации, успешно осуществленной в сравнительно короткий срок.

Автор выражает твердую уверенность в том, что будут найдены адекватные ответы на западные санкции, тотальное ограничение импорта технологий, товаров и необходимых комплектующих для выпуска современной продукции, нужной россиянам. Более чем тысячелетняя история нашей страны подтверждает непреложный факт: сложные внешние условия дают сильный импульс к решительным действиям, которые будут способствовать экономическому и социальному развитию России.

Список источников

1. Таможенный тариф во времена Петра Первого : [по материалам книги К. Лодыженского «История русского таможенного тарифа» (1886)] // Альта-Софт. URL: https://www.alta.ru/articles/70392/ (дата обращения: 23.07.2022).
2. Барсукова С.Ю. Условия эффективного протекционизма. Размышления С.Ю. Витте и Д.И. Менделеева // Публикации ВШЭ. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/efuoly0e2w/direct/62649259.pdf (дата обращения: 23.07.2022).
3. Реформы Витте // История России. URL: https://istoriarusi.ru/imper/reformi-vitte.html (дата обращения: 23.07.2022).
4. Моисеев В.В. История государственного управления России : учебник для вузов. 4 е изд., испр. и доп. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2018. 629 с.
5. Строганов А.О., Жилина Л.Н. К истории вопроса об импортозамещении в России // Фундаментальные исследования. 2015. № 12-6. С. 1278–1282. URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39772 (дата обращения: 23.07.2022).
6. Юрченко А. Финансирование индустриализации в СССР. Где брали деньги? // InvestFuture. 2019. URL: URL: https://investfuture.ru/news/id/finansirovanie-industrializacii-v-sssr-gde-brali-dengi (дата обращения: 23.07.2022).
7. Стахановское движение. Справка // РИА Новости. 2009. URL: https://ria.ru/20091217/200567929.html (дата обращения: 23.07.2022).
8. СССР в цифрах в 1967 году : краткий стат. сб. М. : Статистика, 1968. 169 с. URL: http://elib.shpl.ru/nodes/23905#mode/inspect/page/54/zoom/4 (дата обращения: 23.07.2022).
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., испр. и доп. М. : Политиздат, 1984. 446 с.
10. Лельчук В.С. Индустриализация СССР в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) // Libmonster. URL: https://libmonster.ru/m/articles/view/ (дата обращения: 23.07.2022).
11. 2-я сталинская пятилетка : [из книги «Наша Великая Родина» (1949)] // Назад в СССР. URL: https://back-in-ussr.com/2016/02/2-ya-stalinskaya-pyatiletka.html (дата обращения: 24.07.2022).
12. Моисеев В.В. Импортозамещение в экономике России. 2-е изд., испр. и доп. М. : Директ-Медиа, 2022. 304 с.
13. Сваровски Е. У России есть достаточный потенциал, чтобы проводить активную политику импортозамещения // Единая Россия. 2014. URL: https://moscow.er.ru/activity/news/u-rossii-est-dostatochnyj-potencial-chtoby-provodit-aktivnuyu-politiku-importozamesheniya (дата обращения: 03.08.2022).
14. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» : постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 328 // Правительство России. 2014. http://static.government.ru/media/files/1gqVAlrW8Nw.pdf (дата обращения: 03.08.2022).
15. О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства : Послание Президента Российской Федерации от 04.12.2014 // Президент России. 2014. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39443 (дата обращения: 03.08.2022).
16. Минпромторг России утвердил 19 планов импортозамещения по ведущим отраслям промышленности // Администрация Санкт-Петербурга. 2015. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_industrial_and_trade/news/64819/ (дата обращения: 03.08.2022).
17. Субсидии Минпромторга РФ для поддержки разных отраслей промышленности // Решение-верное.рф. 2014. URL: https://xn----dtbhaacat8bfloi8h.xn--p1ai/subsidy-all-industrials (дата обращения: 02.08.2022).
18. Мищенко Т. Поддержали отечественного производителя. Что такое импортозамещение, как оно проходит в России // Совкомбанк. URL: https://sovcombank.ru/blog/umnii-potrebitel/podderzhali-otechestvennogo-proizvoditelya-chto-takoe-importozameschenie-kak-ono-prohodit-v-rossii (дата обращения: 03.08.2022).
19. Путин потребовал исправить ошибки в импортозамещении в оборонке // РБК. 2019. URL: https://www.rbc.ru/politics/19/09/2019/5d83b5609a794763f9158cf4 (дата обращения: 02.08.2022).
20. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.03.2020. № 756-р // Правительство России. 2020. URL: http://static.government.ru/media/files/8NTDEZbZWyGZWxHhtOd3JE010rVgEaHv.pdf (дата обращения: 03.08.2022).

21. Кузнецов И. Импортозамещение в России в 2022 году: поддержка и нововведения // MB Finance. https://mbfinance.ru/investitsii/prognozy-i-analitika/03-08-2022-importozameshhenie-v-rossii-v-2022-godu-podderzhka-i-novovvedeniya/ (дата обращения: 03.08.2022).
22. Мантуров: через параллельный импорт в Россию поставлено продукции на $2 млрд // Рамблер / личные финансы. 2022. URL: https://finance.rambler.ru/business/48844306/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 03.08.2022).
23. Кеффер Л. Объем параллельного импорта достиг $6,5 млрд // Коммерсантъ. 2022. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5513211 (дата обращения: 15.08.2022).

References

1. Alta.ru. (2019) *Tamozhennyy tarif vo vremena Petra Pervogo : [po materialam knigi K. Lodyzhenskogo "Istoriya russkogo tamozhennogo tarifa" (1886)]* [The Customs Tariff in the Time of Peter the Great: [based on materials from K. Lodyzhensky's book "History of the Russian Customs Tariff" (1886)]]. [Online] Available from: https://www.alta.ru/articles/70392/ (Accessed: 23rd July 2022).
2. Barsukova, S.Yu. (2022) *Usloviya effektivnogo protektsionizma. Razmyshleniya S.Yu. Vitte i D.I. Mendeleeva* [Conditions for effective protectionism. Reflections of S.Yu. Witte and D.I. Mendeleev]. [Online] Available from: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/efuoly0e2w/direct/62649259.pdf (Accessed: 23rd July 2022).
3. Anon. (2022) *Reformy Vitte* [Witte's reforms]. [Online] Available from: https://istoriarusi.ru/imper/reformi-vitte.html (Accessed: 23rd July 2022).
4. Moiseev, V.V. (2018) *Istoriya gosudarstvennogo upravleniya Rossii* [History of Public Administration in Russia]. 4th ed. Moscow; Berlin: Direct-Media.
5. Stroganov, A.O. & Zhilina, L.N. (2015) K istorii voprosa ob importozameshchenii v Rossii [On the history of import substitution in Russia]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 12-6. pp. 1278–1282. [Online] Available from: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39772 (Accessed: 23rd July 2022).
6. Yurchenko, A. (2019) *Finansirovanie industrializatsii v SSSR. Gde brali den'gi?* [Financing industrialization in the USSR. Where did they take the money?]. [Online] Available from: https://investfuture.ru/news/id/finansirovanie-industrializacii-v-sssr-gde-brali-dengi (Accessed: 23rd July 2022).
7. RIA Novosti. (2009) *Stakhanovskoe dvizhenie. Spravka* [The Stakhanovite Movement. Background Information]. [Online] Available from: https://ria.ru/20091217/200567929.html (Accessed: 23rd July 2022).
8. USSR. (1968) *SSSR v tsifrakh v 1967 godu* [USSR in numbers in 1967]. Moscow: Statistika. [Online] Available from: http://elib.shpl.ru/nodes/23905#mode/inspect/page/54/zoom/4 (Accessed: 23rd July 2022).
9. CPSU. (1984) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986)* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences, and plenums of the Central Committee (1898–1986). 9th ed. Moscow: Politizdat.
10. Lelchuk, V.S. (2017) *Industrializatsiya SSSR v gody vtoroy pyatiletki (1933–1937 gg.)* [Industrialization of the USSR during the Second Five-Year Plan (1933–1937)]. [Online] Available from: https://libmonster.ru/m/articles/view/https://libmonster.ru/m/articles/view/ (Accessed: 23rd July 2022).
11. Anon. (n.d.) *2-ya stalinskaya pyatiletka: [iz knigi "Nasha Velikaya Rodina" (1949)]* [The 2nd Stalinist Five-Year Plan: [from the book "Our Great Motherland" (1949)]]. [Online] Available from: https://back-in-ussr.com/2016/02/2-ya-stalinskaya-pyatiletka.html (Accessed: 24th July 2022).
12. Moiseev, V.V. (2022) *Importozameshchenie v ekonomike Rossii* [Import Substitution in the Russian Economy]. 2nd ed. Moscow: Direkt-Media.
13. Swarovski, E. (2014) *Rossii est' dostatochnyy potentsial, chtoby provodit' aktivnuyu politiku importozameshcheniya* [Russia has sufficient potential to pursue an active policy of import substitution]. [Online] Available from: https://moscow.er.ru/activity/news/u-rossii-est-dostatochnyj-potencial-chtoby-provodit-aktivnuyu-politiku-importozamesheniya (Accessed: 3rd August 2022).
14. Russian Federation. (2014) *Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Razvitie promyshlennosti i povyshenie ee konkurentosposobnosti": postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 328* [Decree No. 328 of the Government of the Russian Federation dated April 15, 2014, On Approval of the State Program of the Russian Federation "Industrial Development and Increasing Its Competitiveness"]. [Online] Available from: http://static.government.ru/media/files/1gqVAlrW8Nw.pdf (Accessed: 3rd August 2022).
15. Russian Federation. (2014) *O polozhenii v strane i osnovnykh napravleniyakh vnutrenney i vneshney politiki gosudarstva: Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 04.12.2014* [Message of the President of the Russian Federation dated December 4, 2014, On the situation in the country and the main directions of the domestic and foreign policy of the state]. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39443 (Accessed: 3rd August 2022).
16. Administration of St. Petersburg. (2015) *Minpromtorg Rossii utverdil 19 planov importozameshcheniya po vedushchim otraslyam promyshlennosti* [The Russian Ministry of Industry and Trade approved 19 import substitution plans for the leading industries]. [Online] Available from: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_industrial_and_trade/news/64819/ (Accessed: 3rd August 2022).
17. Reshenie-vernoe.rf. (2014) *Subsidii Minpromtorga RF dlya podderzhki raznykh otrasley promyshlennosti* [Subsidies of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation to support various industries]. [Online] Available from: https://xn----dtbhaacat8bfloi8h.xn--p1ai/subsidy-all-industrials (Accessed: 3rd August 2022).
18. Mishchenko, T. (2022) *Podderzhali otechestvennogo proizvoditelya. Chto takoe importozameshchenie, kak ono prokhodit v Rossii* [Supporting Domestic Producers: What Import Substitution Is and How It Is Happening in Russia]. [Online] Available from: https://sovcombank.ru/blog/umnii-potrebitel/podderzhali-otechestvennogo-proizvoditelya-chto-takoe-importozameschenie-kak-ono-prohodit-v-rossii (Accessed: 3rd August 2022).
19. *RBK*. (2019) Putin potreboval ispravit' oshibki v importozameshchenii v oboronke [Putin Demands Correction of Mistakes in Import Substitution in the Defense Sector]. 19th September. [Online] Available from: https://www. rbc.ru/politics/19/09/2019/5d83b5609a794763f9158cf4 (Accessed: 3rd August 2022).
20. Russian Federation. (2020) *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 27.03.2020. № 756-r* [Order No. 756-r of the Government of the Russian Federation of March 27, 2020]. [Online] Available from: http://static.government.ru/media/files/ 8NTDEZbZWyGZWxHhtOd3JE010rVgEaHv.pdf (Accessed: 3rd August 2022).
21. Kuznetsov, I. (2022) *Importozameshchenie v Rossii v 2022 godu: podderzhka i novovvedeniya* [Import substitution in Russia in 2022: Support and innovations]. [Online] Available from: https://mbfinance.ru/investitsii/prognozy-i-analitika/03-08-2022-importozameshhenie-v-rossii-v-2022-godu-podderzhka-i-novovvedeniya/ (Accessed: 3rd August 2022).
22. Rambler.ru. (2022) *Manturov: cherez parallel'nyy import v Rossiyu postavleno produktsii na $2 mlrd* [Manturov: Goods Worth $2 Billion Supplied to Russia via Parallel Import]. [Online] Available from: https://finance.rambler.ru/business/48844306/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Accessed: 3rd August 2022).
23. Keffer, L. (2022) *Ob"em parallel'nogo importa dostig $6,5 mlrd* [The volume of parallel imports reached $6.5 billion]. [Online] Available from: https://news.mail.ru/economics/52615623/?frommail=1 (Accessed: 15th August 2022).

***Сведения об авторе*:**
Моисеев Владимир Викторович – доктор исторических наук, доцент, действительный член (академик) Российской академии естественных наук, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова (Белгород, Россия). E-mail: din_prof@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Moiseev Vladimir V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Full Member (Academician) of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov (Belgorod, Russian Federation). E-mail: din_prof@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.08.2022; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 04.08.2022; accepted for publication 01.08.2025

Научная статья
УДК 94(57):352:355.24
doi: 10.17223/19988613/96/7

Деятельность Бердского волостного правления по обеспечению мобилизации в годы Первой мировой войны

Даниил Олегович Никулин

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия, nikdanya@mail.ru

Аннотация. Выявлены основные аспекты деятельности Бердского волостного правления по обеспечению мобилизации в годы Первой мировой войны, дана оценка качества и значения его деятельности, охарактеризованы основные затруднения и препятствия, с которыми волостному правлению пришлось столкнуться. Эти затруднения и препятствия были обусловлены как неоптимальной готовностью волостного правления к выполнению задач, так и противоречиями в нуждах тех, с кем ему приходилось взаимодействовать. Установлено, что волостные правления являлись важным звеном в механизме призыва новобранцев и ратников ополчения на военную службу.
Ключевые слова: Первая мировая война, Бердское волостное правление, мобилизация

Для цитирования: Никулин Д.О. Деятельность Бердского волостного правления по обеспечению мобилизации в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 52–59. doi: 10.17223/19988613/96/7

Original article

The activities of the Berdsk volost administration on the mobilization during the First World War

Daniil O. Nikulin

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, nikdanya@mail.ru

Abstract. The article deals with the activities of the Berdsk volost administration on the mobilization during the First World War. In the last decade, the interest of Russian scholars to the First World War has significantly increased. While in the Soviet times, historians studied the war with ideological bias, the recent jubilee of the war motivated modern researches to study it more thoroughly and objectively. While these studies sufficiently concern the everyday life of the rear, the activities of the administration are mostly examined on the example of cities. The actions of volost administrations, however, is touched upon rarely and on local cases.

The article deals with the actions The Berdsk volost administration had to undertake to fulfill its duties on the mobilization. These actions, with the exclusion of providing the families of conscripts with pension, can be divided into three categories: informing the village elders of the mobilization waves, supplying conscripts with transport so that they can arrive at their destinations without delay, and accommodating prisoners of war. In its duties, the volost administration had to deal with numerous obstacles, such as illiteracy of the most of the population, the tension between the population and the military needs, the unreliability of military personnel with whom the administration had to work. With the waves of mobilizations rapidly beginning to call for recruits prematurely, and also accept 2nd-rank militia soldiers who did not expect to go to war in normal conditions, the task became even more difficult. The author concludes that the administration's duties, while seemingly limited in the grand scheme of things, were nevertheless an important link in the general mechanism of preparing the reinforcements for the front. Although it did not play any role in the actual training or important decisions, it was the administration that brought these orders to the attention of the population and provided training for the personnel of the battalion depots.
Keywords: the First World War, Berdsk volost administration, mobilization

For citation: Nikulin, D.O. (2025) The activities of the Berdsk volost administration on the mobilization during the First World War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 52–59. doi: 10.17223/19988613/96/7

© Д.О. Никулин, 2025

История Первой мировой войны долгое время оставалась недостаточно и однобоко изученной в отечественной историографии: подчеркивался ее империалистический характер, любые протесты в ее ходе, включая погромы алкогольных магазинов, воспринимались как осознанный классовый протест, преувеличивалась роль большевиков. Минувшее десятилетие, на которое пришлись столетние юбилеи со дня как начала, так и окончания войны, ознаменовалось ростом внимания исследователей к истории войны, ее разностороннему и беспристрастному изучению. Тем не менее остаются отдельные сюжеты, которые были затронуты лишь в региональном аспекте и в недостаточном объеме.

Один из таких сюжетов – деятельность волостных правлений в годы войны. В то время как в историографии в настоящее время широко освещены благотворительность и экономическое состояние городов России, волостные правления в некоторой степени остались в тени, хотя их вклад в общее дело был очень важным, пусть и небольшим.

Хотя в историографии в настоящее время хорошо изучен вопрос военнопленных солдат Центральных держав на территории Российской империи, роли волостных правлений в их размещении уделено немного внимания, при этом деятельность земств освещена в достаточной мере [1–3]. Связывает военнопленных с деятельностью волостных правлений и старшин лишь факт использования их для сельскохозяйственных работ, который был рассмотрен рядом исследователей на локальных примерах [4–6]. Достаточно полно освещена в историографии также деятельность волостных правлений по обеспечению пособием семей мобилизованных, но другие стороны их деятельности все же оставались вне тщательного рассмотрения [7–12]. Заслуживает упоминания и монография К.В. Самохина, в которой волостные правления хотя и не рассматриваются сами по себе, но показания их членов, собранные в ходе опросов, используются как источник по изучению вопроса влияния мобилизации на крестьянство [13]. Таким образом, не все аспекты деятельности волостных правлений рассмотрены в достаточной мере, и вопрос заслуживает дальнейшего исследования.

В первую очередь в годы войны волостные правления являлись связующим звеном между подчиненными им старостами и вышестоящими губернатором, уездным исправником и уездным по воинской повинности присутствием. Указанные вышестоящие лица и учреждения периодически, в случае необходимости, ставили перед волостным правлением задачи, которые нужно было передать старостам. Эти задачи главным образом можно разделить на четыре категории: доведение до старост сведений о предстоящих призывах; предоставление подвод для перевозки новобранцев и ратников ополчения; размещение военнопленных; передача семьям призванных положенного пособия. В настоящей статье мы остановимся на первых трех обязанностях волостных правлений, так как четвертой будет посвящена отдельная публикация. Цель статьи – дать характеристику деятельности волостного правления, его роли в мобилизации, затруднений, с которыми правлению приходилось сталкиваться, и причин этих затруднений. В качестве источника использована документация Бердского волостного правления из Государственного архива Томской области; для проверки отдельной содержащейся в ней информации привлечены Свод законов Российской империи и Свод военных постановлений 1869 г.

Деятельность в ходе призыва новобранцев и ратников ополчения была ключевой и наиболее напряженной частью работы волостных правлений. Получив соответствующие распоряжения, правление инструктировало старост сел и деревень волости направить новобранцев к указанной дате в волостное село Бердское для отбытия воинской повинности [14. Л. 45–47]. Кроме того, старосты должны были составить именные списки потенциальных ратников ополчения, имевших семью [14. Л. 113]. В соответствии с предписанием от 27 декабря 1914 г. новобранцы имели возможность приобретать теплые вещи по установленным ценам и, наоборот, получать компенсацию за вещи, приносимые ими при призыве. Самой дешевой вещью был носовой платок (9 коп.), самыми дорогими – полушубок и пара сапог (по 7 руб. 50 коп.) [14. Л. 112].

6 апреля 1915 г. в волостное правление пришло распоряжение о призыве новобранцев 1916 г. – досрочном, с отступлением от норм Устава по воинской повинности. В случае сомнений в пригодности к призыву возраст призываемого с 15 апреля по 10 мая определялся в уездном присутствии по внешним признакам. Прошения об отсрочках для получения образования и о желании отбыть воинскую повинность были ограничены – их можно было подавать до 1 мая. Те, кто получил отсрочку в 1914 г., теперь попадали в список под литерой Е. Исключением были те, кому отсрочка было предоставлена по болезни и телесным недостаткам [14. Л. 155].

13 апреля волостное правление выразило озабоченность тем, что в селениях находится много неприписанного населения, т.е. недавних переселенцев, не сумевших закрепить за собой земледельческий участок или так или иначе официально устроиться среди старожилов. Старостам сел и деревень было поручено проверить документы у всех крестьян от 20 до 43 лет и определить, подлежат ли они призыву и являлись ли на сборный пункт. Особенное внимание нужно было обратить на ратников ополчения 1-го разряда. Не являвшихся по мобилизации нужно было направлять в волостное правление, а оттуда – к воинскому начальнику. В ходе проверок имели место и курьезные случаи [14. Л. 275]. Так, 17 мая 1915 г. А.И. Ручкин написал в правление, что его сын Тимофей умер в возрасте одного года в с. Бердском [14. Л. 283]. А. Варфоломеева рассказала, что у нее было два сына Андрея, один из которых умер в возрасте 19 или 20 лет, другому же на момент сообщения было 18 лет. Правление запросило у причта информацию о точной дате рождения выжившего Андрея [14. Л. 382].

29 июля 1915 г. полицейский урядник с. Бердского, исполняя поручение пристава 10-го стана, устанавливал возраст и место приписки В.К. Цылипоткина. Его мать предоставила свою семейную пятилетнюю книж-

ку, в которой Василий не был записан. В другом документе было указано, что ему 16 лет; на словах же его родственники утверждали, что ему 19–20 лет. Отец Василия проживал в с. Бердском уже 22 года, так что Василий должен был быть крещен там же. Что касается биографии Василия, то он пытался стать рабочим, работал только поденно, а не штатно, и вскоре вернулся жить к родителям [14. Л. 409].

Кормовые деньги для новобранцев составляли 25 коп. / день. Новобранцы могли добираться до мест назначения на поезде вместо подвод, если цена была не дороже найма подводы. Ходатайства по семейным льготам не принимались [15. Л. 59]. На получение 25 коп. суточных право имели: раненые и увечные, прошедшие осмотр, ожидающие назначения пенсии и ушедшие в длительный отпуск. Не имели на него права уволенные без пенсии, а также получившие отпуск по недомоганию, не связанному с военной службой. Для получения суточного пособия нужно было подать заявление и подтверждающие статус документы [16. Л. 46 об.].

Тем временем призыв продолжался. В ходе набора от 3 августа 1915 г. по волости было призвано 205 новобранцев досрочного призыва 1917 г. [15. Л. 74]. 12 августа 1915 г. продолжился призыв ратников ополчения 1-го разряда. Ранее не служившие, имевшие образование, а также те, кто в прошлый призыв по той или иной причине не явился, отправлялись в армию на общих основаниях. Те, кого по той или иной причине освободили от призыва в прошлый призыв, оставались свободны [17. Л. 1].

В ходе работы волостное правление запрашивало информацию о призыве из других волостей: так, Ново-Локтевское волостное правление написало Бердскому, что отправило 40 ратников призыва 1898 и 1899 гг., родившихся в 1896 г. новобранцев – 156 [17. Л. 12]. Николаевское волостное правление отправило 157 новобранцев и 64 ратников ополчения призывов 1916 г. 1899 и 1898 гг. соответственно [17. Л. 13]. Егорьевское волостное правление отправило 90 чел., родившихся в 1896 г. Ратников призывов 1898 и 1899 гг. было отправлено 9 [17. Л. 16]. Тулинское волостное правление отправило 108 ратников ополчения [17. Л. 19]. Тот факт, что волостные правления, очевидно, осуществляли схожую деятельность, доказывает репрезентативность примера Бердского волостного правления.

29 августа 1915 г. волостное по воинской повинности присутствие отправило правлению сообщение о призыве ратников ополчения 2-го разряда возрастов 1916–1912 гг. 5 сентября было объявлено первым днем этой мобилизации. Призыв расширился: помимо прочих, явиться должны были служившие и освобожденные от службы по здоровью уже в армии, а также семейные. Учащиеся все еще получали свою отсрочку [18. Л. 1]. 30 августа было предписано сообщить лицам, составляющим списки по метрическим книгам, о ст. 125 Устава воинской повинности [18. Л. 4; 19. Т. 4. С. 34]. Согласно этой статье, составление метрических книг возлагалось на духовенство; в частности, метрические книги о православных составляли священники и настоятели. Таким образом, предписание было напоминанием духовенству о его обязанностях. В сентябре было указано выдавать ратникам ополчения 2-го разряда свидетельства, что им можно бесплатно пользоваться подводами [18. Л. 5]. Всего в ходе этого призыва ратников ополчения 2-го разряда было призвано: Бердская волость – 193 чел., Елбанская волость – 70 чел. (из них 62 причисленных), Легостаевская волость – 96 чел., Егорьевская волость – 47 чел., Медведская волость – 175 чел., Новолоктевская волость – 120 чел., Тулинская волость – 99 чел., Николаевская волость – 80 или 140 чел [18. Л. 15]. Судя по показателям из Елбанской волости, проблема непричисленного населения была решена, и его представители стали успешно отправляться в армию.

В ходе набора от 30 октября 1915 г. были призваны ратники ополчения 2-го разряда двух следующих возрастов (1910 и 1911 гг. призыва; показатели населенных пунктов Бердской волости см. в табл. 1.) [20. Л. 1]. Льготы по семейному положению окончательно отменялись, по-прежнему учитывались льготы священнослужителей, а также окончивших ряд учебных заведений, прежде всего духовных [18. Л. 4; 19. Т. 4. С. 19–20; 20. Л. 4].

Таблица 1

Призыв ратников ополчения 2-го разряда в Бердской волости от 30 октября 1915 г.

Населенный пункт	Численность
Бердское	18
Ельцовка	4
Сосновка	4
Мильтюш	5
Улыбина	6
Ивановка	2
Морозова	2
Тальменское	6
Черноречкина	4
Койново	5
Шипунова	4
Дятлева	10
Всего	70

Примечание. Составлено по: [20. Л. 7–20].

1 февраля 1916 г. состоялся призыв всех оставшихся непризванными ратников ополчения 2-го разряда 1916–1908 гг. призыва. Отдельно было обозначены меннониты – их призывали в санитары [21. Л. 1]. Части этой категории – ратников ополчения 2-го разряда 1908–1909 гг. – в волости было призвано 50 чел. [21. Л. 19].

Волостные правления занимались также мобилизацией лошадей. Так, очередная мобилизация признанных годными для войны лошадей состоялась 12 июня 1916 г. К 17 июня лошадей волости нужно было отправить в Новониколаевск [22. Л. 5]. Согласно телеграмме от 21 мая 1916 г., цены за коней были следующими: верховой – 216 руб., для транспортировки орудий и ящиков – 216 руб., для запряжки обоза 1-го разряда – 180 руб., для обоза 2-го разряда – 96 руб. [22. Л. 21]. Таким образом, наиболее важные из тягловых коней сравнялись в цене с «боевыми».

8 июля 1916 г. предписано было призвать всех ратников ополчения 2-го разряда 1916–1901 гг., кроме тех, кому исполнилось 44 года до первого дня призыва [23.

Л. 1]. 10 июля 1916 г. Барнаульским по воинской повинности присутствием было указано волостным правлениям на то, что отсрочки полагаются только согласно ст.ст. 61 и 63 Устава, т.е. до достижения 22–28 лет от роду либо до завершения образования в ряде учебных заведений [18. Л. 4; 19. Т. 4. С. 13–17; 23. Л. 6]. По мобилизации от 25 августа 1916 г. ратников ополчения 2-го разряда Бердской волости 1916–1903 гг. призыва было призвано 113 чел. [23. Л. 21]., т.е. в 1,5 раза больше, чем в прошлом октябре.

20 сентября 1916 г. состоялся призыв всех оставшихся непризванными ратников ополчения 1-го разряда (1916–1894 гг. призыва) и части ратников ополчения 2-го разряда (1916–1900 гг. призыва) [24. Л. 13]. Из Бердской волости было призвано ратников ополчения 1-го разряда – 109, ратников ополчения 2-го разряда – 89 [24. Л. 17, 19]. 25 октября 1916 г. состоялся призыв всех оставшихся непризванными ратников ополчения 2-го разряда (1916–1896 гг. призыва), включая всех, кто попал в этот разряд при увольнении из войск [25. Л. 16]. Мобилизовано было 94 чел. [25. Л. 26]. Таким образом, единожды достигнув численности около 100, в последующих наборах число призванных оставалось приблизительно стабильным.

Важной частью деятельности волостных правлений было предоставление подвод для транспортировки мобилизованных в города. Эта функция не была для них новой: так, 13 ноября 1913 г. томский губернатор написал барнаульскому уездному исправнику, что в декабре из Барнаула в Новониколаевск будет отправлено около полутора тысяч новобранцев. Исправнику было указано подготовить для них ночлег и продовольствие, обеспечить их беспрепятственное перемещение по уезду и поставить на станциях подводы от местных крестьян [26. Л. 1]. Разумеется, с началом войны волостным правлениям пришлось этим заниматься значительно чаще, так как кроме мобилизованных перевозить приходилось и военнопленных.

4 ноября 1914 г. барнаульское уездное полицейское управление сообщило Бердскому волостному правлению, что команда новобранцев из Барнаульского уезда едет из Барнаула в Новониколаевск. Волостному старшине было указано лично сопровождать ее по селениям своей волости [26. Л. 1]. Первая команда из 250 призванных направлялась в расположение 17-го Сибирского стрелкового запасного батальона в Новониколаевске в сопровождении пяти нижних чинов. Было запланировано четыре ночевки [26. Л. 2]. Вторая команда из 500 призванных направлялась в тот же батальон в сопровождении восьми нижних чинов и офицера. Было запланировано четыре ночевки [26. Л. 3].

В случае ненадлежащего исполнения поручений волостным старшинам и старостам приходилось отчитываться о его причинах. Так, согласно объяснительной от волостного старшины, 10 октября из Бийска в Новониколаевск шел конвой военнопленных: семь офицеров и 601 солдат при 40 конвойных. В пути маршрут был изменен; из 200 одноконных подвод не явилось 19, на хозяев недостающих подвод было наложено административное наказание. Сам же волостной старшина раздавал деньги нуждающимся и поэтому не присутствовал при транспортировке пленных [26. Л. 48].

Решения о том, каким образом будет организован провоз призванных, принимались в том числе сельским обществом. 23 декабря 1914 г. на Бердском волостном сходе было принято решение о распределении сумм за провоз ратников, новобранцев и пленных. Решено было 966 руб. из полученных за провоз от с. Койновского до с. Бердского средств выдать старосте с. Койновского В.М. Степакину, остальные же 1 103 руб. 70 коп. раздать старостам по числу людей, перевезенных каждым селением [26. Л. 40–40 об.].

В конечном счете было перевезено множество новобранцев. Согласно сообщению старосте от волостного правления от 18 декабря, 23 ноября было перевезено 508 чел. на 126 подводах, 28 и 29 ноября – 608 ратников ополчения на 152 подводах, 28 ноября – 450 чел. на 153 подводах; 26 ноября была перевезена команда ратников ополчения Бийского уезда (1 000 чел. на 251 подводе). 29 и 30 ноября были перевезены новобранцы Бийского уезда (807 чел. на 201 подводе). Таким образом, за пять дней в конце ноября было перевезено 3 373 чел. К 23 декабря старостам было поручено составить списки для раздела денег [26. Л. 66–67].

Перевозки требовались не только мобилизованным и военнопленным. 12 декабря 1914 г. губернатор сообщил исправнику, что Командующий войсками округа приказал перевезти на подводах в Барнаул 624-ю дружину Государственного ополчения в числе 18 офицеров, 990 ратников и 46 обозных лошадей. Для этого нужно было собрать в Бийске подводы [27. Л. 77 об.]. 6 января 1915 г. волостным правлениям поручено было 6, 9, 11, 16 и 18 января оказать содействие идущим по тракту до Новониколаевска партиям лошадей, сопровождаемым нижними чинами [27. Л. 25]. 1 апреля заведующий перевозками войск по железной дороге запросил подводы для раненых [27. Л. 108].

В силу того, что запасные батальоны, в которых проходило обучение мобилизованных перед отправкой на фронт, размещались в городах, преимущественно крупных, сельская местность была в целом освобождена от необходимости обеспечивать размещение нижних чинов. Тем не менее столкнуться с этой обязанностью волостным правлениям все же пришлось – применительно к военнопленным. Проблема размещения военнопленных вызвала особенно напряженные дискуссии между разными задействованными лицами. 28 июля 1914 г. бердский волостной старшина получил телеграмму от уездного исправника, в которой значилось, что томский губернатор планирует разместить 500 «военнообязанных пленных» и 250 ратников ополчения в волости на основании ст. 569 Устава земских повинностей с обеспечением их помещениями, освещением и дровами [28. Л. 1]. Согласно ст. 569, сельские управления действительно должны были предоставлять для размещения обывательские дома и общественные здания, получая за это квартирный оклад [19. Т. 4. С. 217]. Согласно ответу от старшины от 30 июля, квартиры пленным было намечено устроить в домах жителей, по 3–6 чел. на дом. При этом

обыватели отказывались обеспечивать пленных едой, светом и теплом [28. Л. 2].

1 октября 1914 г. Бердское отделение Новониколаевского переселенческого склада написало в волостное правление, что складское помещение, в котором могли бы быть размещены военнопленные, занято их товаром, и нужно сначала забрать товар во избежание порчи либо, в случае спешки, прийти туда и составить опись [28. Л. 6а].

13 ноября Бердский волостной старшина получил телеграмму от исправника о том, что пленные в количестве 545 чел. уже в пути, и нужно безотлагательно отвести и оборудовать для них помещения [28. Л. 8]. 14 ноября исправник указал не занимать помещения училищ [28. Л. 9]. Между тем в с. Бердском можно было разместить не более 750 чел. [28. Л. 10].

18 ноября 1914 г. Новониколаевский уездный воинский начальник пересылал сообщение от волостного старшины, в соответствии с которым в с. Бердском было размещено 300 военнопленных. Жители села утверждали, что не имеют денег на дрова и керосин, и просили для этой цели о предоставлении аванса из платы за квартиры. В свою очередь, волостное правление запросило для этого аванса кредит. Кроме того, для приготовления пищи имелось помещение, но не было котлов [28. Л. 12]. 4 декабря томский губернатор предложил обязанности по заготовке дров для приготовления пищи для военнопленных возложить на волостное правление [28. Л. 25]. Это предложение оказалось действенным: 17 декабря дрова были заготовлены, о чем один из старост доложил правлению [28. Л. 26].

Тем не менее затруднения продолжались. 27 ноября 1914 г. представитель торгового дома «Горохов» попросил не занимать его библиотеку под постой военнопленных. Предлогом для этого отказа был тот факт, что соответствующий конкретный приказ исходил от волостного правления, а не Командующего войсками округа генерала от кавалерии Е.О. Шмита, как того требовали правила [28. Л. 14]. 1 декабря 1914 г. заведующий военнопленными в с. Бердском, офицер в чине прапорщика, запросил немедленно устроить нары в вышеуказанной библиотеке, чтобы 4 декабря разместить в ней австро-венгерских военнопленных; в случае неисполнения просьбы он пригрозил донести штабу округа. Тогда же правление снова попросило о размещении владельца торгового дома «Горохов» [28. Л. 16]. 2 декабря прапорщик вновь написал волостному правлению, попросив предложить владельцу здания устроить в нем нары в два яруса, в случае же отказа сделать это средствами общества и взыскать с владельца торгового дома компенсацию при выдаче квартирных денег [28. Л. 17]. Прапорщик также написал отдельно правлению, спросив, почему задерживается устройство нар в здании библиотеки. Очевидно, он считал, что задержка была вызвана отказом владельца дома изготовить нары, хотя тот вовсе не хотел пускать пленных [28. Л. 18]. Также в ноябре заведующий военнопленными сообщил, что квартира канцелярии находится далеко от места размещения военнопленных, и попросил отвести под нее квартиру в доме Кунцова или другую в том же районе, потребовав также камин и самовар с посудой [28. Л. 19]. Исход этого длительного спора стал известен из документа от 26 декабря 1914 г., в котором уездный исправник предписывал волостному правлению освободить от постоя библиотеку торгового дома «Горохов», так как здание нужно было для заседаний окружного суда [28. Л. 20]. Таким образом, заведующий военнопленными прапорщик одержал верх, но ненадолго: военнопленных вскоре переселили.

Впрочем, деятельность заведующего не ограничивалась спором с торговым домом: 2 декабря он потребовал от волостного правления устроить в селе кухню, которую нужно было снабдить семью котлами на 860 чел. с завода «Труд», которые могли быть уступлены сельскому обществу с удержанием. Кроме того, нужны были прочая посуда, ведра, тазы и прочие необходимые вещи. Прапорщик также требовал от сельского общества предоставлять дрова в количестве одной сажени однополенных дров на 10 чел., ссылаясь на ст. 611 книги XX Свода военных постановлений, «Внутреннее хозяйство в частях войск» [28. Л. 28]. Но ст. 611 книги XX Свода регламентирует совсем другой вопрос, а именно правила транспортировки в воинскую часть повозки с припасами [29. С. 142]. Не касаются довольствия военнопленных топливом и соответствующие статьи в других книгах Части пятой Свода – XVIII и XIX, причем в книге XVIII такая статья вовсе отсутствует, а в книге XIX касается вопроса… компенсации раввинам, принимающим присягу у нижних чинов иудейского вероисповедания [30; 31. С. 137]. В книге XX все же затрагивается вопрос получения войсками дров, но не применительно к военнопленным, и о какой-либо обязанности сельского общества речи также не идет. Возможно, прапорщик попытался обмануть волостное правление, рассчитывая на незнание им военного законодательства, и совершенно точно можно утверждать, что он указал неверное основание для своего запроса.

19 ноября томский губернатор предложил уездному исправнику найти в Барнауле помещения для военнопленных славян, исключая школы. В крайнем случае было указано разместить пленных в деревнях рядом с железной дорогой. За прокорм пленных полагался кормовой оклад. Исправник же написал волостному старшине, что в Барнауле не хватает помещений, в связи с чем и направил пленных в дома в деревнях по 2–3 чел. на дом. Старшине предписывалось узнать, какие селения близки к железной дороге (табл. 2) [28. Л. 31].

23 января 1915 г. исправник затребовал у волостного правления дополнительные сведения о том, на каком расстоянии каждое селение находится от города и волости, а также почтовой и железнодорожной станций. Было указано запросить у всех сельских обществ приговор схода по вопросу размещения военнопленных. Пленных полагалось размещать по 2–3 на дом, довольствовать продовольствием и привлекать к работам [28. Л. 41]. 25 января правление передало это сообщение старостам (табл. 3). Сельские сходы нужно было провести до 28 января [28. Л. 42].

В надлежащий срок все сельские сходы постановили отказать в приеме военнопленных. В качестве при-

чин были указаны отсутствие свободных домов, куда можно было бы заселить пленных, не стесняя хозяев, и тот факт, что жители сел были земледельцами, с весны по осень занятыми на полевых работах, а старики, старухи и дети не могли готовить еду для пленных. Кроме того, жители сами испытывали затруднения с наличием мяса, питаясь главным образом только хлебом и чаем [28. Л. 43].

Таблица 2

Селения Бердской волости, находящиеся вблизи железной дороги

№	Названия	Число домов	Число пленных	Расстояние от ж/д, верст	Название ближайшей станции
1	Дер. Морозова	82	172	2	Бердская
2	Село Тальменское	132	305	2	Бердская
3	Дер. Черноречкина	57	138	0,5	Бердская
4	Село Койновское	41	97	0,5	Ургун
5	Дер. Шипунова	51	123	0,5	Ургун
	Итого	393	835		

Примечание. Составлено по: [28. Л. 31 об.].

Таблица 3

Селения Бердской волости, находящиеся вблизи железной дороги, с учетом расстояний до почтовых станций и волостного правления

Названия селений	Расстояние в верстах до:				
	Барнаула	Новониколаевска	волостного правления	почтовой станции (Бердск)	ж/д станции
Морозова	178	42	12	12	4
Тальменское	174	46	18	18	8
Черноречкина	165	55	25	25	17
Койновское	160	60	80	30	15
Шипунова	157	63	33	33	12

Примечание. Составлено по: [28. Л. 43 об.].

Таблица 4

Селения Бердской волости, находящиеся поблизости рек, с учетом расстояний до почтовых станций и волостного правления

Названия селений	Число дворов	Дворов только с женщинами	Кол-во пленных	Расстояние от селения до:				Согласие
				Барнаула	волостного правления	почты (Бердск)	пристани (Бердск)	
Ельцовка	154	60	196	197	7	7	7	Только славян.
Сосновка	102	68	69	204	14	14	14	
Мильтюш	229	128	137	190	18	18	18	
Улыбина	140	89	114	180	26	26	26	
Итого	625	345	516	–				

Примечание. Составлено по: [28. Л. 66 об. –67].

Тем не менее 16 февраля 1915 г. исправник вновь передал волостному старшине распоряжение об отводе помещений. Как и ранее, пленных полагалось разместить по 2–3 чел. на дом. От постоя освобождались лишь те дома, где из жильцов фактически оставались только женщины. Довольствие было определено инструкцией Командующего округом. Во избежание ропота против игнорирования решений сельского схода правлению было предписано разъяснить необходимость этого шага. Согласно плану, в дер. Морозовой нужно было разместить 200 чел., с. Тальменском – 400, дер. Черноречкиной – 250, с. Койновском – 300, дер. Шипуновой – 150 [28. Л. 44]. 22 февраля старшина передал это распоряжение старостам [28. Л. 45]. В тот же день исправник предложил старшине предоставить ему информацию о селениях, находящихся вблизи рек, указав расстояние (не далее 50 верст) до ближайшей пристани, Барнаула, волостного правления, почты (табл. 4). Условия расселения пленных оставались прежними [28. Л. 65].

В отличие от предыдущего опроса, сходы попавших в новый список поселений поспешили принять пленных. Ельцовский сельский сход 2 марта согласился принять 196 пленных, по 1–4 чел. на дом [28. Л. 68]. 1 марта дер. Сосновка выразила готовность принять 69 чел., указывая, что не может принять больше из-за падежа скота от воспаления легких [28. Л. 75]. 2 марта согласилась принять пленных дер. Мильтюш [28. Л. 80]. Деревня Улыбина 2 марта согласилась принять 114 чел., преимущественно австрийцев (вероятно, здесь имелись в виду подданные Австро-Венгрии, среди которых было много этнических славян) [28. Л. 86]. Интересно, что ранее, 27–28 января, дер. Ельцовка, Дятлева, Иваново и Улыбина отказались принять пленных [28. Л. 95, 98, 100, 101], в то время как Сосновка согласилась принять лишь 18 чел. пленных, рассчитывая приспособить их к крестьянскому труду [28. Л. 96]. Лишь дер. Мильтюш согласилась принять 150 чел. пленных, включая военный караул [28. Л. 97].

Таким образом, вклад волостных правлений в общее дело имел определенную важность: они выступали посредниками между вышестоящими органами власти и крестьянским населением, как военнообязанным, так и гражданским. Именно волостным правлениям выпадала незавидная роль посредника в разногласиях по

таким вопросам, как размещение в селениях военнопленных против решения сельских сходов или спор заведующего военнопленными с владельцем торгового дома. Тем не менее, как показывает опыт деятельности правления по предоставлению подвод для мобилизованных, частично оно само было ответственно за недоработки по мобилизации. Отправка мобилизованных к воинскому начальнику и обеспечение транспорта для призванных позволяли оперативно начать процесс подготовки пополнений для действующей армии, роль которых с учетом больших потерь на фронте сложно переоценить. Кроме того, поддержка военных властей через размещение военнопленных в деревнях также сыграла важную роль, предоставив властям городов возможность передать больше своих собственных помещений под размещение призванных нижних чинов. Говоря об общем вкладе тыла, стоит отметить, что деятельность волостных правлений была обязательной, в отличие от различных добровольных инициатив, таких как благотворительность, и потому более стабильной. Работа волостных правлений была относительно несложна, но имела огромную важность.

Список источников

1. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М. : АИРО-XXI, 2014. 432 с.
2. Первая мировая война и военно-мобилизационные мероприятия в Среднем Поволжье и Центральном Черноземье / под ред. М.М. Есиковой, П.С. Кабытова, К.В. Самохина. М. : Новый хронограф, 2015. 288 с.
3. Зиновьев В.П., Фоминых С.Ф. Сибирь как стратегический ресурс России в период Первой мировой войны // Русин. 2014. № 3. С. 48–61.
4. Дулатов Б.К. Пребывание австро-венгерских военнопленных и беженцев в Поволжье в контексте экономических и политических процессов в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Волгоградской области) // Русин. 2019. № 57. С. 349–373.
5. Миронова Е.В. Первая мировая война и Лаишевский уезд // Научный Татарстан. 2021. № 1. С. 61–68.
6. Ничков Е.А. Военнопленные первой мировой войны в Курганском уезде // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 5. С. 84–90.
7. Грудина А.Д. Государственная помощь семьям нижних чинов российской армии в годы Первой мировой войны : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Брянск, 2019. 24 с.
8. Грудина А.Д. «Закон о пайках» и особенности его реализации в России на начальном этапе Первой мировой войны // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2019. № 1. С. 156–162.
9. Павлова И.П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. СПб., 2004. 40 с.
10. Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. № 2. С. 147–162.
11. Степанов К.А. Ростовское городское по призрению семейств воинских нижних чинов попечительство // История и культура Ростовской земли : материалы науч. конф. 8–10 ноября 2012 г. Ростов, 2013. С. 349–372.
12. Западная Сибирь в мировых войнах XX века / Ю.П. Горелов, О.В. Гусева, И.А. Еремин, Н.Д. Ростов. Барнаул : Алт. Дом печати, 2014. Кн. 1: Западная Сибирь в Первой мировой войне. 238 с.
13. Самохин К.В. Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). СПб. : Нестор, 2004. 122 с.
14. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 62. Оп. 1. Д. 281.
15. ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 288.
16. ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 312.
17. ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 290.
18. ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 291.
19. Свод законов Российской империи : изд. неофиц. : в 5 кн. / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб. : Деятель, 1912. Кн. 2. 1795 с.
20. ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 292.
21. ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 321.
22. ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 335.
23. ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 315.
24. ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 316.
25. ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 318.
26. ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 249.
27. ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 283.
28. ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 262.
29. Свод военных постановлений 1869 года. СПб. : Гос. тип., 1907. Кн. XX: Внутреннее хозяйство частей войск. 208 с.
30. Свод военных постановлений 1869 года. СПб. : Гос. тип., 1910. Кн. XVIII: Заготовление и постройки по военному ведомству. 50 с.
31. Свод военных постановлений 1869 года. СПб. : Гос. тип., 1910. Кн. XIX: Довольствие войск. 269 с.

References

1. Belova, I.B. (2014) *Vynuzhdennye migranty: bezhentsy i voennoplennye Pervoy mirovoy voyny v Rossii. 1914–1925 gg.* [Forced Migrants: Refugees and Prisoners of War of the First World War in Russia. 1914–1925]. Moscow: AIRO-XXI.
2. Esikova, M.M., Kabytov, P.S. & Samokhin, K.V. (eds) (2015) *Pervaya mirovaya voyna i voenno-mobilizatsionnye meropriyatiya v Srednem Povolzh'e i Tsentral'nom Chernozem'e* [The First World War and Military Mobilization Measures in the Middle Volga and Central Black Earth Regions]. Moscow: Novyy khronograf.
3. Zinoviev, V.P. & Fominykh, S.F. (2014) Siberia as a Strategic Resource of Russia during the First World War. *Rusin*. 3. pp. 48–61. (In Russian).
4. Dulatov, B.K. (2019) Austro-Hungarian prisoners of war and refugees in the Volga region in the context of the economic and political processes during WWI (based on the materials of the State Archive of Volgograd Region). *Rusin*. 57. pp. 349–373. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/57/19
5. Mironova, E.V. (2021) Pervaya mirovaya voyna i Laishevskiy uezd [The First World War and Laishevsky Uyezd]. *Nauchnyy Tatarstan*. 1. pp. 61–68.
6. Nichkov, E.A. (2014) Voennoplennye pervoy mirovoy voyny v Kurganskom uezde [Prisoners of War of the First World War in Kurgan Uyezd]. *Vestnik VolGU. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 5. pp. 84–90.
7. Grudina, A.D. (2019) *Gosudarstvennaya pomoshch' sem'yam nizhnikh chinov rossiyskoy armii v gody Pervoy mirovoy voyny* [State Aid to Families of Lower Ranks of the Russian Army during the First World War]. Abstract of History Cand. Diss. Bryansk.
8. Grudina, A.D. (2019) “Zakon o paykakh” i osobennosti ego realizatsii v Rossii na nachal'nom etape Pervoy mirovoy voyny [The “Ration Law” and its Implementation in Russia at the Initial Stage of the First World War]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya*. 1. pp. 156–162.
9. Pavlova, I.P. (2004) *Sotsial'noe popechenie v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [Social Welfare in Russia in the Late 19th – Early 20th Century]. Abstract of History Dr. Diss. St. Petersburg.

10. Pushkareva, N.L. & Shcherbinin, P.P. (2005) Organizatsiya prizreniya semey nizhnikh chinov v gody Pervoy mirovoy voyny [The Organization of Care for Families of Lower Ranks during the First World War]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 2. pp. 147–162.
11. Stepanov, K.A. (2013) Rostovskoe gorodskoe po prizreniyu semeystv voinskikh nizhnikh chinov popechitel'stvo [The Rostov City Guardianship for the Care of Families of Lower Military Ranks]. *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli* [History and Culture of the Rostov Land]. Proc. of the Conference. November 8–10, 2012. Rostov. pp. 349–372.
12. Gorelov, Yu.P., Guseva, O.V., Eremin, I.A. & Rostov, N.D. (2014) *Zapadnaya Sibir' v mirovykh voynakh XX veka* [Western Siberia in the World Wars of the 20th Century]. Vol. 1. Barnaul: Alt. Dom pechati.
13. Samokhin, K.V. (2004) *Tambovskoe krest'yanstvo v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – fevral' 1917 gg.)* [The Tambov Peasantry during the First World War (1914 – February 1917). St. Petersburg: Nestor.
14. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 62. List 1. File 281.
15. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 62. List 1. File 288.
16. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 62. List 1. File 312.
17. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 62. List 1. File 290.
18. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 62. List 1. File 291.
19. Mordukhay-Boltovskiy, I.D. (1912) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 2. St. Petersburg: Deyatel'.
20. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 62. List 1. File 292.
21. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 62. List 1. File 321.
22. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 62. List 1. File 335.
23. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 62. List 1. File 315.
24. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 62. List 1. File 316.
25. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 62. List 1. File 318.
26. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 62. List 1. File 249.
27. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 62. List 1. File 283.
28. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 62. List 1. File 262.
29. Russian Empire. (1907) *Svod voennykh postanovleniy 1869 goda* [Code of Military Regulations of 1869]. Vol. 20. St. Petersburg: Gos. tip.
30. Russian Empire. (1910a) *Svod voennykh postanovleniy 1869 goda* [Code of Military Regulations of 1869]. Vol. 18. St. Petersburg: Gos. tip.
31. Russian Empire. (1910b) *Svod voennykh postanovleniy 1869 goda* [Code of Military Regulations of 1869]. Vol. 19. St. Petersburg: Gos. tip.

***Сведения об авторе*:**
Никулин Даниил Олегович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: nikdanya@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Nikulin Daniil O. – Candidate of Historical Sciences, Researcher of Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nikdanya@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 10.10.2022; accepted for publication 01.08.2025

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/19988613/96/8

К вопросу развития предприятий сельского хозяйства в Ямало-Ненецком национальном округе в 1938–1945 гг. на примере работы Салехардского молочно-овощного совхоза

Ольга Викторовна Рябкова

Государственное автономное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», Салехард, Россия, E-mail: ryabkova.olga2016@yandex.ru

Аннотация. На материалах о деятельности Салехардского молочно-овощного совхоза рассматриваются вопросы истории становления и развития сельского хозяйства в условиях Крайнего Севера. Хронологические рамки исследования охватывают предвоенные годы и период Великой Отечественной войны. В статье обобщены данные из отчетной документации совхоза о производственной деятельности, кадровой политике и организации социалистического соревнования, участии работников предприятия в патриотических кампаниях по поддержке РККА и семей фронтовиков.
Ключевые слова: СССР, Ямал, Крайний Север, совхоз, полярное земледелие, животноводство

Для цитирования: Рябкова О.В. К вопросу развития предприятий сельского хозяйства в Ямало-Ненецком национальном округе в 1938–1945 гг. на примере работы Салехардского молочно-овощного совхоза // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 60–67. doi: 10.17223/19988613/96/8

Original article

The issue of development of agricultural enterprises in the Yamal-Nenets national district in 1938–1945 in the context of the work of the Salekhard dairy and vegetable state farm

Olga V. Ryabkova

Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District, Salekhard, Russian Federation, ryabkova.olga2016@yandex.ru

Abstract. The objective of the publication presented is to study the history of the formation and development of agriculture in the Far North of the USSR based on materials on the activities of the Salekhard dairy and vegetable state farm. The source base for this publication was the data provided by the State Archives of the Yamal-Nenets Autonomous District and the State Archives of the Russian Federation. The chronological framework of the study covers the pre-war years and the period of the Great Patriotic War. This enterprise was engaged in the production and supply of vegetables, meat and milk for the residents of the city of Salekhard, and also sold pedigreed and scrub cattle to the collective farms of the Yamal-Nenets National District.

The mobilization model for the development of Russian society was applied as the methodological basis. The study involved general scientific methods, namely, analysis and synthesis, deduction and induction, and also used special historical methods, like comparative historical and chronological approaches.

Working with archival materials revealed the information about the activities of the state farm during the study period in regards to organizing the production of food and feed products in the Far North; ways to provide personnel capable of engaging in polar agriculture and animal husbandry in severe climatic conditions; the volume of sown areas and gross productivity of various agricultural crops; the success of production leaders, including in the Union Socialist Competition.

Based on the results of the study, the author concluded that in the period under review, the work of the state farm was aimed at developing two specific sectors of agriculture – vegetable growing and livestock. The organization and operation of the state farm was complicated, with annual losses. The development of virgin lands allocated to the state farm was an expensive and rather labor-intensive undertaking. The Salekhard state farm was considered a rather large-scale enterprise in the region, obtaining its own material base. Apartments and houses were given to the staff, and during the war years, a sewing workshop and dining room were set up on the state farm territory. However, working conditions remained heavy. Despite all the difficulties, the personnel of the state farm actively participated in the socialist competition; the enterprise was twice awarded the Red Banner of the All-Union Central Council of Trade Unions and the People's Commissariat of State Farms.
Keywords: USSR, Yamal, Far North, polar agriculture, animal husbandry

© О.В. Рябкова, 2025

For citation: Ryabkova, O.V. (2025) The issue of development of agricultural enterprises in the Yamal-Nenets national district in 1938–1945 in the context of the work of the Salekhard dairy and vegetable state farm. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 60–67. doi: 10.17223/19988613/96/8

Одной из актуальных проблем современной российской науки является вопрос развития сельскохозяйственных предприятий и продовольственной безопасности в Российской Федерации [1–5], изучение советского опыта управления сельским хозяйством [6], в том числе обеспечение продовольствием населения Советского Союза [7, 8], в частности до и во время Великой Отечественной войны [9].

Проблемы развития в СССР в 1938–1942 гг. сельского хозяйства, являвшегося важнейшей отраслью страны, обеспечивающей население продовольствием и производящей сырье для пищевой промышленности, решались в рамках третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР [10]. Согласно проекту плана, советские совхозы должны были стать высокорентабельными и высокопродуктивными предприятиями [10. С. 67].

В Ямало-Ненецком национальном округе на начало третьей пятилетки активно реализовывалась колхозная политика и было начато развитие совхозных предприятий. Значимым сельскохозяйственным предприятием региона был Салехардский молочно-овощной совхоз, расположенный в окружном центре – Салехарде, самом крупном населенном пункте региона. В городе находились органы власти, а также рыбоконсервный комбинат, который являлся крупнейшим предприятием рыбной промышленности национального округа, научные учреждения, например ветеринарная оленеводческая и сельхозопытная станции, а также средние профессиональные образовательные учреждения – зооветеринарный техникум, национальное педагогическое училище. Общая численность населения города на 1939 г. составляла 12 764 человека, всего в округе проживало 45 840 человек [11. С. 41].

В годы второй пятилетки на базе бывшего подсобного хозяйства Ямальского окружного интегрального союза Главного управления Северного Морского пути при СНК СССР 1 октября 1936 г. был образован молочно-овощной совхоз. В 1938 г. предприятие было передано под руководство управления совхозов Народного комиссариата земледелия РСФСР, с начала 1940 г. совхоз вошел в систему Омского союза зернового треста Наркомата сельского хозяйства РСФСР.

Статья посвящена истории развития сельского хозяйства в Ямало-Ненецком национальном округе до и во время Великой Отечественной войны. Цель настоящей публикации – рассмотреть особенности развития и функционирования сельского хозяйства региона на примере одного из наиболее успешных совхозов округа – Салехардского молочно-овощного совхоза.

Тема истории совхоза ранее рассматривалась в контексте исследований по истории региона [12], а также в работах, посвященных полярному земледелию [13–15]. В то же время следует отметить, что немалый объем информации о работе предприятия не был введен в научный оборот.

Основными историческими источниками для настоящего исследования выступили материалы Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа (ГА ЯНАО). В частности, в фонде № 74 выявлена отчетная документация о производственной деятельности предприятия в направлениях полярного земледелия и животноводства, экономических показателях производственной деятельности, кадровой политике и организации социалистического соревнования, участии работников предприятия в патриотических компаниях по поддержке Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) и семей фронтовиков.

В качестве дополнительных источников информации были задействованы протоколы совместного рассмотрения Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов (ВЦСПС) и Наркоматом совхозов СССР результатов социалистического соревнования совхозов за 1942 и первый квартал 1943 г., сохранившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Салехардский молочно-овощной совхоз, как отмечалось выше, был создан в г. Салехарде, на широте Полярного круга, в зоне распространения вечной мерзлоты. Ближайшая железнодорожная станция находилась в 1 800 км от совхоза (г. Тюмень). Ближайшим речным портом являлась Салехардская пристань Нижне-Иртышского речного пароходства (НИРП), расположенная на расстоянии 1,2 км от совхоза. Путь от Омска до Салехарда на пароходе составлял около десяти дней.

Доставка корреспонденции в совхоз из области осуществлялась почтой, в зимнее время так называемой «веревочкой» – на почтовых лошадях. От Салехарда до Тобольска письма шли 14–15 суток. Почтовое сообщение бесперебойно работало осенью–зимой ориентировочно с 5–10 октября по 5–10 декабря, а весной с 5–10 апреля; с 5 по 10 июня возможность доставлять корреспонденцию была ограниченной, по этой причине информация передавалась по радиосвязи. Еще одним способом доставки сообщений и грузов было авиасообщение: с 10 июня по 1 октября и с 15 декабря по 5 апреля работала Обская авиалиния. Путь от Салехарда до Тюмени на самолете в летнее время составлял 8 летных часов, с остановками до Тюмени можно было доехать за один день. Зимой с остановками этот путь преодолевался за 2 дня [16. Л. 6].

Основной целью организации совхоза в Салехарде было создание сельскохозяйственной базы для полного обеспечения трудящихся города и его окрестностей молоком, мясом, овощами и картофелем, что получило особую актуальность на фоне сокращения завоза этих продуктов в конце 3-й пятилетки в 1942 г. Для достижения указанной цели перед совхозом были поставлены конкретные производственные задачи, а именно: на предприятии должно было быть начато разведение и улучшение крупнорогатого скота и свиней для после-

дующего распространения молодняка в колхозах округа, а также создана полноценная кормовая база для животных на фоне наличия большого количества естественных лугов и пастбищ рядом с городом. Кроме того, перед совхозом ставилась задача организовать сортоиспытание овощей в условиях Крайнего Севера, а также организовать выращивание и последующее размножение семенного материала.

Значение предприятия для города было велико, производимые молоко и овощи поставлялись в детские учреждениях (ясли, детские сады, школы) [17. Л. 115]. Однако организация работы совхоза с точки зрения финансовой рентабельности проходила трудно, ежегодно совхоз имел убытки: в 1937 г. – 138 тыс. руб., в 1938 г. – 109 тыс., в 1939 г. – 97 тыс., в 1940 г. – 22 тыс., в 1941 г. – 40 тыс. руб. [17. Л. 115].

Салехардский молочно-овощной совхоз имел собственную социально-культурную и бытовую инфраструктуру. На территории совхоза к 1941 г. было построено семь жилых домов общей жилой площадью 800 кв. м, в ведомственном жилье проживали 86 семей (183 человека), а остальные 97 семей проживали в городских домах и квартирах (личных и арендованных предприятием для своих сотрудников). Кроме того, в совхозе был оборудован Красный уголок на 100 человек, имелся магазин городского потребительского общества [17. Л. 89 об.].

В летнее время рабочие совхоза выезжали на поля, расположенные в 10–30 км города. На пастбищах в трех местах имелись летние полевые станы, в двух местах устанавливались палатки, на сенокосных угодьях станов не имелось, рабочие жили в шалашах. Сообщение с рабочими, выехавшими на полевые работы, производилось с помощью весельных лодок и катеров [17. Л. 89].

В годы войны для работников совхоза строились новые дома, к концу 1945 г. построен 31 жилой дом, общая жилая площадь составила 2 460 кв. метров, все работники были обеспечены жилой площадью из расчета 7 кв. м на человека. Кроме того, были организованы постоянно работающая столовая и пошивочная мастерская для производства одежды и обуви. Большинство работников совхоза имели подсобное хозяйство, а пять человек держали домашний скот. Однако материально-бытовое положение людей в целом оставалось неудовлетворительным: в частности, достаточно плохо было организовано снабжение одеждой и обувью. В 1945 г. по ордерам предприятию было выдано всего 1,78 м ткани для пошива одежды на одного рабочего, обувь была также в дефиците: брезентовых и кожаных ботинок, а также валенок было выдано по одной паре на десять рабочих. Общественное питание, организованное в совхозной столовой, было дорогим и не всегда доступным, так как совхозу было разрешено реализовывать продукцию только по себестоимости, в результате обеды стоили от 4 до 5 руб. [18. Л. 32].

Основное место в хозяйственной деятельности совхоза до 1940-х гг. занимало животноводство. История выращивания и использования лошадей и крупного рогатого скота в регионе имела более долгую историю по сравнению с полярным земледелием. Лучшей породой молочного скота для округа на то время считалась тагильская, также завозили холмогорскую. Всего в совхозе на 1941 г. имелось 337 голов, из них коров и быков – 133 головы, нетелей – 75, телят 1940 г. рождения – 28, телят 1941 г. рождения – 98. Также в совхозе было 100 свиноматок и 85 лошадей [16. Л. 21].

Для выращивания и прокорма животных совхоз располагал сенокосными угодьями. За предприятием было закреплено около 10 тыс. га, из которых использовалось 600–700 га. Сенокосные участки были расположены вверх по притокам Оби и находились в 30–35 км от Салехарда. Пастбищные угодья были расположены в пойме Оби и на ее берегах в 7 км от совхоза. Около 75 га полезной площади этих угодий составлял остров Татарский. Выпас скота производился в 5 км от совхоза на р. Полуй, на о. Пашерский, который по хозяйственным условиям был ближе и удобнее расположен к совхозу, поэтому там паслись взрослые особи [16. Л. 9].

Зимовка животных длилась в среднем 290–300 дней; так, в 1940–1941 гг. она началась 10 сентября и закончилась 10 июля, основная часть животных была перевезена 5–6 июля. К зимовке предприятие готовилось заранее: силами совхоза заготавливались сено и силос, а также закупались мороженый картофель и репа – 60 и 22,5 т соответственно. Природные условия усложняли развитие животноводства в совхозе; так, в 1941 г. пастбищное содержание скота проходило с осложнениями, поскольку луга находились под водой из-за начавшегося половодья. Как следствие, летом приходилось подкармливать скот [16. Л. 17].

Сдача произведенного мяса и молока Салехардским совхозом производилась через кооперацию: надои молока за 1941 г. составили 2 986 ц в год, из них 2 486 было сдано государству, а мяса 359 ц (в живом весе). Средний удой на одну фуражную корову составлял 2 890 кг молока при плане 2 800 кг в год [16. Л. 22]. Общие объемы поставок молока к концу 1942 г. выросли до 5 385,74 ц. Кроме того, в этот год началась продажа животных в колхозы округа, было продано 12 быков холмогорской породы и 20 телок и нетелей [17. Л. 90].

В совхозе были свои передовики производства в животноводческой отрасли, двухсотники: работавшие с лошадьми И.Н. Валов, В.Ф. Малюгин и доярки Л.П. Боброва, В.Ф. Наумова, Е.Ф. Ульянова, которые в два раза перевыполняли квартальные планы надоев молока. Стахановцы бригады обслуживания молочного скота – В.А. Архипов, С.И. Крюкова, К.Ф. Баева, Е.Ф. Ульянова, В.Ф. Наумова, С.П. Оськина, М.Я. Степанова, М.Д. Доровских [16. Л. 23], Е.Н. Сабурова, П.Е. Валова [16. Л. 24]. Стахановцы бригады, обслуживавшей молодняк крупнорогатого скота – Х.Ф. Карнау, В.Р. Мелехина, Е.А. Кошукова, Е.А. Никанина, Л.П. Боброва, Ш.Г. Гафуров, З. Абубакиров, обеспечили сохранение всех телят и получили в среднем 600 г привеса на каждую голову при плане в 550 г. К.С. Попова, У.С. Шешкуннова – стахановцы, обеспечившие выполнение плана сдачи свиного мяса и получившие приплод поросят по 15 голов на свиноматку [16. Л. 24].

Вторым направлением работы Салехардского совхоза было полярное земледелие. Насколько успешной была работа в этой области до 1941 г., можно понять,

сравнив его производственные показали с показателями других предприятий, действовавших в Мурманской области и Якутской АССР, которые также занимались растениеводством на Крайнем Севере. В 1938 г. (третий год функционирования предприятия) Салехардский совхоз получил валовый урожай в 90 ц картофеля, что было больше итогов третьего года работы овощных предприятий Мурманской области и Якутской АССР (табл. 1) [16. Л. 6].

Следует отметить, что посевы овощей в открытом и закрытом грунте в плановом порядке стали производиться лишь с 1938 г. Так, за три предвоенных года общая посевная площадь предприятия выросла с 2 га пашни до 105 га (табл. 2) [16. Л. 7].

Таблица 1

Сравнение объемов производимого картофеля среди совхозов, занимавшихся полярным земледелием на Крайнем Севере СССР

Наименование хозяйства	Место нахождение	Урожай картофеля с га за годы				Средняя за первый год работы
		1938	1939	1940	1941	
Салехардский совхоз	ЯННО	90	54	62	55	66,5
Совхоз «Ударник»	ЯАССР	20,4	20,3	28	10,2	22,9
Совхоз «Ленинец»		8,9	15,9	30,4	–	18,4
Совхоз «Пятилетка»		52	24,3	19,5	–	32,2
Совхоз «Индустрия» (создан в 1930 г.)	Мурманская обл.	52	24,6	70,8	89,7	59,2

Примечание. Составлено по: [16. Л. 15].

Таблица 2

Посевные площади совхоза

Годы	1937	1938	1939	1940	1941
Всего, га	2	25	67	105	105
Занято посевами, га	2	25	67	75	70
Парники, рамы	172	290	600	600	600
Теплицы, кв. м.	32	90	224	224	224

Примечание. Составлено по: [16. Л. 7].

Таблица 3

Температура почвы посевных земель Салехардского совхоза

Глубина в сантиметрах	Высокое место в градусах	Низкое место в градусах
20	14,5	3,5
40	12,5	2,0
60	10,5	1,0
100	6,5	0

Примечание. Составлено по: [16. Л. 7].

Рост общей площади посевных площадей совхоза был связан с распоряжением овощного управления Наркомата земледелия РСФСР от 1939 г. В соответствии с данным документом производственное направление Салехардского совхоза было изменено, он стал позиционироваться как специализированное овощное хозяйство [16. Л. 7]. Для того чтобы понять, насколько трудной была работа по освоению земли в условиях Крайнего Севера, обратимся к характеристике почвенных условий совхоза, представленной в документе «Отчет совхоза за 1941 г.» [16. Л. 24]. Согласно информации, представленной в источнике, центральная усадьба была расположена между реками Шайтанка и Полуй (приток Оби). Окружающая местность являлась типичной для этой территории, но защищенной от северных и западных уральских ветров. Растительность окружающей тундры по своему составу была бедной, состояла из карликовой березы, лишайников, кустов ивняка и низкорослых елей.

Почвы посевных площадей совхоза, расположенные между Полуем и Шайтанкой на возвышенных местах, характеризовались наличием супеси и наносных песков, а на низких местах – островками с тяжелой глиной и суглинком. При этом поля находились в зоне распространения вечной мерзлоты, почва оттаивала на глубину от 1 до 2 метров, участки совхоза имели юго-восточную экспозицию (табл. 3). Все земли совхоза, еще будучи невспаханными, содержали большое количество торфяных кислот, вредно действующих на корни растений. Эта особенность почвы требовала обязательного внесения извести или древесной золы, а также навоза до 100–120 т / га. Кроме того, для получения высоких урожаев в такие почвы надо было вносить минеральные удобрения (калийная соль, преципитат, селитра и др.) [16. Л. 8].

Климатические особенности Салехарда, расположенного на Полярном круге, формировали особые условия для развития растениеводства. Северное лето порождало короткий вегетационный период произрастания сельскохозяйственных растений, в среднем он длился 90 дней, временами от 50 до 124 дней. Колебания температуры в сельскохозяйственный сезон, вечная мерзлота и постоянные северные ветра усложняли сельскохозяйственную работу. Кроме того, в летнее время был избыток дневного света, а зимой – недостаток, что влияло на работу в растениеводстве. Средняя длина светового дня в Салехарде с июня по сентябрь составляет 19 часов, при этом с 12 июня по 3 июля солнце не заходит, но в осенне-зимний период, с ноября по февраль, ярко выражен дефицит солнечного света. Эти осо-

бенности делали невозможным выращивание в теплицах требовательных к свету культур [16. Л. 10].

Начало посевной в совхозе приходилось на 10–15 июня, а начало уборочной компании – ориентировочно на 5 сентября [16. Л. 9]. Весной, перед началом сезона, не редкостью были весенне-летние ветра, которые сопровождались снегом и слякотью. Например, в 1938 г. снег выпал 8 июня, а холодная погода стояла до 15 июля. Для того чтобы не упустить сроки посева, совхоз вынужден был произвести высадку картофеля в дождливый день в холодную почву. Закрытые посевные площади совхоза нередко заносились снегом, в результате молодые растения от недостатка света и понижения температуры гибли. Поэтому во избежание производственного риска высадка культур в парниках (особенно огурцов) в Салехарде производится не раньше первой половины июня [16. Л. 11].

Перечисленные условия влияли на работу предприятия, кроме того, совхоз ежегодно имел убытки, так как освоение новых земель и превращение тундры в пахотную почву требовало значительных трудовых и материальных ресурсов. На освоение одного гектара земли совхозом тратилось от 3–3,5 тыс. руб. [16. Л. 11]. По этой причине овощи, выращенные совхозом на первых порах, имели высокую стоимость, однако со временем затраты на растениеводство все-таки снижались. Чтобы понять, какие сельскохозяйственные культуры производились Салехардским совхозом, обратимся к отчетной документации предприятия. Так, в 1941 г. совхозом были произведены посевы следующих культур: на открытом грунте – горох, капуста, картофель, лук, морковь, овес на сено, редис, редька, репа, свекла, ячмень; на закрытом грунте – томаты и огурцы, рассада лука, редис, салат и укроп (табл. 4) [16. Л. 12, 13].

Для проведения сева было организовано три бригады в количестве 100 человек. Бригады были разбиты на звенья, за которыми закреплялись посевные участки и отдельные культуры на весь сезон. Бригады и звенья соревновались между собой. После окончания сева полевые работы были приняты от бригад специальной комиссией, которая не отметила нарушений агротехники. Для обеспечения плана выхода продукции под посевы весной 1941 г. бригадами было внесено 6 773 т навоза и 120 т золы [16. Л. 13].

Таблица 4

Полная характеристика посевов совхоза за 1941 г.

Тип грунта	Ед. изм.	Посевная площадь		% плана	Сроки сева	
		План	Вып.		Начало	Конец
Открытый грунт	Гектары	70	70	100	31,05	31,05
Картофель		15	15	100	3,06	6,06
Ячмень		3	3	100	1,06	6,06
Репа		10	10	100	31,5	14,06
Вико-овес на сено		40	40	100	31,05	1,06
Морковь		0,3	0,3	100	14,06	14,06
Горох		0,3	0,3	100	14,06	14,06
Лук севок		0,2	0,2	100	11,06	14,06
Лук перо		0,3	0,3	100	14,06	14,06
Свекла		0,2	0,2	100	14,06	14,06
Редька		0,3	0,3	100	10,06	13,06
Редис		0,3	0,3	100	10,06	13,06
Капуста		0,2	0,2	100	25,06	25,06
Теплицы	Метры	244	244	100		
Помидоры		128	128	100	20,06	
Огурцы		64	64	100	15,03	
Лук-рассада		32	32	100	01,01	
Парники	Рамы	600	600	100		
Огурцы		500	400	80	01,06	5,06
Лук		110	170	154	25,05	1,02,
Салат		10	10	100	22,05	22,05
Укроп		10	10	100	22,05	22,05
Редис		10	10	100	25,05	25,05

Примечание. Составлено по: [16. Л. 12–13].

Бригада, работавшая на закрытом грунте, выполнила план производства овощей в теплицах на 102%, а бригада, выращивавшая картофель на семенном участке, – на 111% [16. Л. 24]. Общий валовый объем урожая в 1941 г. составил 2 060 ц продукции (табл. 5) [17. Л. 90].

Кроме практической работы в совхозе проводились опыты по производству ячменя, силосованию кормов в условиях Крайнего Севера, выращиванию и сохранению телят, раздою племенных и беспородных коров, эффективному использованию пастбищ, строительству временных построек и использованию снега для утепления животноводческих построек, выращиванию поросят и получению высокого приплода от свиноматок, выращиванию романовских овец, освоению тундровых земель [17. Л. 90].

В годы войны, как и во всех отраслях экономики региона, в совхозе произошло перераспределение производственных сил в связи с мобилизацией населения в РККА. Каждый работник совхоза был на счету, так как это был не просто рабочий сельского хозяйства, а специалист, имеющий знания и опыт работы в условиях Крайнего Севера. Для того чтобы найти замену ушедшим на фронт, совхозом совместно с городскими

школами была начата работа по внедрению сельскохозяйственных дисциплин, для неработающей молодежи были организованы курсы доярок и телятниц, для работников совхоза – курсы бригадиров животноводства и полеводства [17. Л. 104]. К 1 января 1943 г в совхозе работали 183 человека: 32 мужчины, 127 женщин, 24 подростка. Стахановцами были 54 человека, ударниками –67 человек, участниками ВСХВ – 30 человек [17. Л. 104], два человека награждены большой серебряной медалью и один – малой. Знаком «Отличник социалистического соревнования» Наркоматом совхозов СССР были награждены 15 человек [17. Л. 89 об].

Таблица 5

Характеристика сбора урожая в совхозе в 1941 г.

Название культуры	Теплицы			Парники			Открытый грунт			Всего
	Площадь, кв. м	Валовый выход, ц	Урожай с ед. пл.	Площадь, рам	Валовый выход, ц	Урожай с ед. пл.	Площадь. посева, га	Валовый выход, ц	Урожай с ед. пл.	Валовый выход, ц
Огурцы	64	7	11	400	19	4,8	0	0	0	26
Лук-перо	33	13,1	40	50	5	10	0,2	15	76	33,32
Помидоры	96	5,04	5,2	0	0	0	0	0	0	5,04
Салат	0	0	0	60	3,71	6	0	0	0	9,71
Укроп	0	0	0	20	1,17	5,8	0	0	0	1,17
Редис	0	0	0	70	5,47	8,5	0,3	16	53	21,98
Капуста	0	0	0	0	0	0	0,2	20	100	20
Редька	0	0	0	0	0	0	0,3	2	6,6	2,02
Свёкла	0	0	0	0	0	0	0,2	1	8,3	1,66
Морковь	0	0	0	0	0	0	0,3	7	24	7,16
Горох	0	0	0	0	0	0	0,3	Не дозрел, использовали на силос		
Овес на сено	0	0	0	0	0	0	40	685	22,1	885
Репа	0	0	0	0	0	0	10	204	20,4	204
Ячмень	0	0	0	0	0	0	3	24	8	25
Лук-севок	0	0	0	0	0	0	0,2	1	50	1
Картофель	0	0	0	0	0	0	15	55	55	824
Всего	192	25,14		600	34,35	8,4	70	2000		2060

Примечание. Составлено по: [16. Л. 15].

В годы войны работники совхоза активно участвовали в движении помощи фронту. В 1941 г. ими были переданы в фонд обороны страны отчисления в размере однодневного заработка – 11 180 руб., внесено наличных 5 191 руб., облигаций займов – 42 250 руб. В фонд постройки эскадрильи «Омский комсомолец» передано 882 руб., в фонд раненых – 1 194 руб., отправлено четыре новогодних посылки на сумму 629 руб., куплено билетов денежно-вещевой лотереи на 10 325 руб. Кроме того, работники совхоза собирали для солдат теплую одежду [17. Л. 116].

В 1942 г. суммы средств, а также количество патриотических кампаний, в которых участвовали работники, значительно выросли: всего было внесено в фонд обороны 27 445 руб. наличными и 19 700 руб. облигациями, труженики совхоза собирали деньги на именную боевую технику – танковые колонны и танки «Жен фронтовиков», «Омский тракторист», МОПР, «Омский колхозник», самолет «Омский комсомолец», штурмовик «Советская интеллигенция» [17. Л. 106]. Общая сумма подписки по военному займу в совхозе составила 52 000 руб., а по подписке на лотерею 7 500 руб. Кроме финансовой помощи работники предприятия оказывали помощь семьям красноармейцев. В 1942 г. силами работников совхоза была организована доставка 300 куб. м дров, а также организована покупка одежды и обуви для детей красноармейцев [17. Л. 106]. В 1945 г. на предприятии работала 31 семья фронтовиков и 11 участников Великой Отечественной войны, им была оказана адресная помощь: куплено пять жилых домов, отремонтировано 20 квартир, переданы деньги (4 100 руб.), а также выдавались продукты – мясо, рыба, овощи [18. Л. 32].

Как уже отмечалось ранее, работники Салехардского совхоза активно участвовали в социалистическом соревновании. По итогам соревнования за 1942 г. предприятие получило Красное Знамя и премию в размере 45 тыс. руб. от ВЦСПС и Наркомата совхозов СССР [19. Л. 71]. Повторно выиграть соревнование совхозу удалось в первом квартале 1943 г., за что предприятие получило вторую премию (9 тыс. руб.) и Красное Знамя ВЦСПС и Наркомата совхозов [20. Л. 85]. Успехи совхоза освещались в местной прессе [21. С. 2]. В 1945 г. отличниками соцсоревнования, получившими значки Наркомата совхозов, стали 14 человек, а похвальные листы были вручены трем работникам. После войны, в 1946 г., 32 работника были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [22. Л. 11, 12]. В совхозе на 1 января 1946 г. трудились 168 человек [23. Л. 32], то есть награждены были 19% тружеников предприятия.

Работа предприятия до и в годы войны была направлена на развитие двух отраслей сельского хозяйства: овощеводства и животноводства. Организация и функционирование совхоза проходили трудно, с ежегодными убытками. Природно-климатические условия региона не были благоприятными для развития растениеводства, полярное земледелие являлось новой отраслью для сельского хозяйства региона. По этой причине освоение целинных земель, выделенных совхозу, было дорогостоящим и достаточно затратным мероприятием. В отличие от регионов, в которых растениеводство было традиционным видом хозяйственной деятельности населения, в Ямало-Ненецком округе история массового выращивания сельскохозяйственных культур началась лишь в 1930–1940-е гг. Соответ-

ственно, в первую очередь работников совхоза необходимо было обучить как теории, так и практике выращивания растений в условиях Крайнего Севера. Начавшаяся война усугубила проблему кадров совхоза, на фронт уходили опытные работники.

Вторым направлением деятельности совхоза было животноводство. В отличие от полярного земледелия, у салехардцев было больше опыта в выращивании домашнего скота. Однако работа в данном направлении также требовала специальных навыков и умений, в частности животноводческие бригады должны были освоить методы организации подкормки скота, его сохранения и выращивания в условиях Крайнего Севера. В совхозе имелось свое поголовье крупного рогатого скота, которое состояло как из коров тагильской и холмогорской породы, так и беспородных особей.

Салехардский совхоз был достаточно крупным предприятием региона, имел собственную материальную базу. Работникам предоставлялись квартиры и жилые дома, в годы войны на территории совхоза были организованы пошивочная мастерская и столовая. Однако условия труда оставались тяжелыми, труженики совхоза плохо снабжались рабочей одеждой и обувью, летом на полевых станах люди жили в палатках и шалашах.

Несмотря на все трудности, работники совхоза активно участвовали в социалистическом соревновании, предприятие дважды удостаивалось Красного Знамении ВЦСПС и Наркомата совхозов СССР. После войны медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» были награждены 168 работников совхоза.

Список источников

1. Тронина М.В., Черданцев В.П., Подгородецких А.Р. Сельскохозяйственные потребительские кооперативы – путь к достижению продовольственной безопасности // Теория и практика мировой науки. 2022. № 2. С. 34–36.
2. Соргутов И.В. Стратегии поведения предприятий АПК в отношении импорта в условиях санкциональной экономики // Russian Economic Bulletin. 2022. Т. 5. № 1. С. 319–322.
3. Овакимян А.Е Конкурентоспособность сельского хозяйства как механизм обеспечения экономической безопасности // Modern Economy Success. 2022. № 1. С. 74–83.
4. Шевченко И.В., Широв П.Н., Коробейникова М.С. Продовольственная безопасность регионов – надежная платформа Российской экономики // Экономика: теория и практика. 2022. № 1 (65). С. 3–14.
5. Бражник М.В. Совершенствование управления агропромышленным комплексом СССР и РСФСР в период 1989–1990 годов // Проблемы современной экономики. 2011. № 2. С. 369–373.
6. Кузин В.Н. К постановке проблемы продовольственной безопасности в СССР: историко-правовой аспект // Вестник Поволжской академии Государственной службы. 2009. № 2. С. 32–40.
7. Андреенков С.Н. Колхозно-совхозная система СССР в 1946–1964 гг. в современной отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета История. 2019. № 58. С. 5–11.
8. Шутьков А.А. Продовольственная политика в годы Великой Отечественной войны: проблемы, решения (к 75-летию со дня победы над фашисткой Германией) // Продовольственная политика и безопасность. 2020. № 1. С. 9–17.
9. Корнилов Г.Г. и др. Население Ямала в XX веке: историко демографический анализ. Екатеринбург : АМБ, 2013. 360 с.
10. История Ямала / под ред. К.И. Зубкова. Екатеринбург : Баско, 2010. Т. II: Ямал современный; кн. 1: У истоков модернизации. 386 с.
11. Морозов Ю. Ямал: грань веков и тысячелетий : популярный иллюстративный очерк истории края с древнейших времён. Салехард : Артвид ; СПб. : Рус. Коллекция, 2000. 654 с.
12. Алексеева Л.В Становление полярного земледелия в СССР (на материалах Ямала) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2017. № 2. С. 3–10.
13. Молчанова А.Д. Полярный земледелец. М. : Агробизнесцентр, 2005. 188 с.
14. Патрикеев Н.Б. Ямальская нива : из истории земледелия на Обском Севере. Тюмень : Вектор Бук, 2009. 96 с.
15. Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942). М. : Госполитиздат, 1939. 238 с.
16. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (ГА ЯНАО). Ф. 74. Оп. 1. Д. 23.
17. ГА ЯНАО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 25.
18. ГА ЯНАО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 33.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 26. Д. 93
20. ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 26. Д. 96.
21. Наръяна Нгэрм (Красный Север). 1943. 6 июня.
22. ГА ЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 81г.
23. ГА ЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33.

References

1. Tronina, M.V., Cherdantsev, V.P. & Podgorodetskikh, A.R. (2022) Sel'skokhozyaystvennye potrebitel'skie kooperativy – put' k dostizheniyu prodovol'stvennoy bezopasnosti [Agricultural Consumer Cooperatives – The Path to Achieving Food Security]. *Teoriya i praktika mirovoy nauki*. 2. pp. 34–36.
2. Sorgutov, I.V. (2022) Strategii povedeniya predpriyatiy APK v otnoshenii importa v usloviyakh sanktsional'noy ekonomiki [Strategies of Agribusiness Enterprises Regarding Imports in the Conditions of a Sanctioned Economy]. *Russian Economic Bulletin*. 5(1). pp. 319–322.
3. Ovakimyan, A.E (2022) Konkurentosposobnost' sel'skogo khozyaystva kak mekhanizm obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti [Competitiveness of Agriculture as a Mechanism for Ensuring Economic Security]. *Modern Economy Success*. 1. pp. 74–83.
4. Shevchenko, I.V., Shirov, P.N. & Korobeynikova, M.S. (2022) Prodovol'stvennaya bezopasnost' regionov – nadezhnaya platforma Rossiyskoy ekonomi-ki [Food Security of the Regions – A Reliable Platform of the Russian Economy]. *Ekonomika: teoriya i praktika*. 1(65). pp. 3–14.
5. Brazhnik, M.V. (2011) Sovershenstvovanie upravleniya agropromyshlennym kompleksom SSSR i RSFSR v period 1989–1990 godov [Improvement of Management of the Agro-Industrial Complex of the USSR and the RSFSR in the Period 1989–1990]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 2. pp. 369–373.
6. Kuzin, V.N. (2009) K postanovke problemy prodovol'stvennoy bezopasnosti v SSSR: istoriko-pravovoy aspekt [On the Formulation of the Problem of Food Security in the USSR: Historical and Legal Aspect]. *Vestnik Povolzhskoy akademii Gosudarstvennoy sluzhby*. 2. pp. 32–40.
7. Andreenkov, S.N. (2019) The Kolkhoz-Sovkhoz System of the USSR in 1946–1964 in Modern Russian Historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 58. pp. 5–11. (In Russian).

8. Shutkov, A.A. (2020) Prodovol'stvennaya politika v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: problemy, resheniya (k 75-letiyu so dnya pobedy nad fashistkoy Germaniey) [Food Policy during the Great Patriotic War: Problems, Solutions (on the 75th Anniversary of the Victory over Nazi Germany)]. *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost'*. 1. pp. 9–17.
9. Kornilov, G.G. et al. (2013) *Naselenie Yamala v XX veke: istoriko demograficheskiy analiz* [The Population of Yamal in the 20th Century: A Historical and Demographic Analysis]. Ekaterinburg: AMB.
10. Zubkov, K.I. (ed.) (2010) *Istoriya Yamala* [History of Yamal]. Vol. 2. Ekaterinburg: Basko.
11. Morozov, Yu. (2000) *Yamal: gran' vekov i tysyacheletiy: populyarnyy illyustrativnyy ocherk istorii kraya s drevneyshikh vremen* [Yamal: The Edge of Centuries and Millenniums: A Popular Illustrated Essay on the History of the Region from Ancient Times]. Salekhard: Artvid; St. Petersburg: Russkaya Kollektsiya.
12. Alekseeva, L.V. (2017) Stanovlenie polyarnogo zemledeliya v SSSR (na materialakh Yamala) [The Formation of Polar Agriculture in the USSR (based on materials from Yamal)]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 3–10.
13. Molchanova, A.D. (2005) *Polyarnyy zemledelets* [The Polar Farmer]. Moscow: Agrobiznestsentr.
14. Patrikeev, N.B. (2009) *Yamal'skaya niva: iz istorii zemledeliya na Obskom Severe* [The Yamal Field: From the History of Agriculture in the Ob North]. Tyumen: Vektor Buk.
15. USSR. (1939) *Tretiy pyatiletniy plan razvitiya narodnogo khozyaystva SSSR (1938–1942)* [The Third Five-Year Plan for the Development of the National Economy of the USSR (1938–1942)]. Moscow: Gospolitizdat.
16. The State Archive of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 74. List 1. File 23.
17. The State Archive of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 74. List 1. File 25.
18. The State Archive of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 74. List 1. File 33.
19. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5451. List 26. File 93
20. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5451. List 26. File 96.
21. *Nar"yana Ngerm (Krasnyy Sever)*. (1943) 6th June.
22. The State Archive of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 3. List 1. File 81g.
23. The State Archive of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 3. List 1. File 33.

***Сведения об авторе*:**
Рябкова Ольга Викторовна – младший научный сотрудник сектора истории и археологии Государственного автономного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики» (Салехард, Россия). E-mail: ryabkova.olga2016@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Ryabkova Olga V. – Junior Researcher of the Sector of History and Archeology of the Research Department of the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District (Salekhard, Russia), E-mail: ryabkova.olga2016@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.10.2022; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 19.10.2022; accepted for publication 01.08.2025

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/19988613/96/9

Дискуссия о природе земского самоуправления в русской консервативной мысли второй половины XIX – начала XX в.

Мария Александровна Саевская

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Москва, Россия, masha-saevskaya@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются основные концепции земского самоуправления в Российской империи, сложившиеся в рамках консервативной социально-политической мысли. Выделяется два основных взгляда на природу местного самоуправления: славянофильский и охранительно-государственный.
Ключевые слова: земство, местное самоуправление, славянофилы, государственники

Для цитирования: Саевская М.А. Дискуссия о природе земского самоуправления в русской консервативной мысли второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 68–74. doi: 10.17223/19988613/96/9

Original article

The discussion on the nature of Zemstvo self-government in Russian conservative theories in the second half of the 19th and early 20th centuries

Maria A. Saevskaya

Moscow Financial and Industrial University Synergy,
Moscow, Russian Federation, masha-saevskaya@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study is to consider the basic concepts of zemstvo self-government in the Russian Empire, which have developed within the framework of conservative socio-political thought. The sources for the research were the works of Russian conservative thinkers, scientific and journalistic articles, government documents, memoirs, diaries and letters. The question of the origin of the zemstvo and the nature of local self-government was directly related to the path that the new Russian zemstvo was to take, established by the "Regulations on Provincial and County Zemstvo Institutions" on January 1, 1864. In this sense, it was not only an ideological question, but also a practical one. Most Slavophiles (K.S. Aksakov, I.D. Belyaev, S.F. Sharapov, V.N. Leshkov, etc.) focused on protecting local life from excessive state interference rather than on limiting local self-government to economic needs. Their opponents, on the contrary, believed that the zemstvo self-government should be placed under stricter government control. In the view of the Slavophiles, a free, self-governing community that had existed in the Russian lands from time immemorial was supposed to be the prototype of the revival of zemstvo self-government in Russia. The Slavophiles called on the authorities to give the right to develop freely to local self-government, which in turn should refer to its historical origins - conciliarity, the ability to self-organize and at the same time loyalty to the autocracy. The self-governing zemstvo community and the autocratic power, according to the Slavophiles, could exist in a sense apart from each other, but at the same time, have common goals and objectives. According to the opinion of the "state guardians" (A.D. Pazukhin, M.N. Katkov, K.N. Leontiev, etc.) the concept of zemstvo self-government, independent from the state, has put a threat of creating a "state within the state", especially in the context of growing contradictions between the government and society. In the view of the guardians, the people's communities did not exist and could not exist separately from the state, but were its elements and as a whole part of the state organism. In their opinion, the zemstvo self-government should have been a part of the general state administration, integrated into the system of state institutions and solving local tasks, the circle of which should be outlined by the central government. The author comes to the conclusion that the historically grounded and deeply thought-out concept of the Slavophiles collided with the political reality of its time, in which it was not possible to fully embody the zemstvo ideals.
Keywords: zemstvo, local self-government, Slavophiles, statesmen

For citation: Saevskaya, M.A. (2025) The discussion on the nature of Zemstvo self-government in Russian conservative theories in the second half of the 19th and early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 68–74. doi: 10.17223/19988613/96/9

© М.А. Саевская, 2025

В российской политической дискуссии вопрос о происхождении земства и природе местного самоуправления вообще был непосредственно связан с тем путем, по которому должно было пойти новое российское земство, учрежденное «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» 1 января 1864 г. В этом смысле это был вопрос не только идейный, но и практический. И здесь следует отметить, что и накануне введения «Положения», и после существовало несколько как либеральных, так и консервативных концепций земского самоуправления. Классические западные теории, общественная и государственная, перенятые отечественными, в большинстве своем либеральными, учеными, несколько иначе отражались в мысли консервативной.

Общественная теория изначально предполагает отсутствие соподчинения органов местного самоуправления, их отдельное от администрации существование, но при этом нахождение в строгих рамках определенной для них компетенции, касающейся местных вопросов. Государственная же теория встраивает местную власть в систему общего управления, соответственно, дает самоуправлению место в правительственной иерархии и предоставляет ему больше прав [1. С. 68]. Однако консервативные мыслители обе эти концепции видели несколько иначе. На общественную теорию больше всего похоже учение славянофилов, однако большинство из них делало акцент не на ограничении местного самоуправления хозяйственными нуждами, а на ограничении его от государственного вмешательства. Их оппоненты, напротив, считали, что земское самоуправление должно быть поставлено под более жесткий правительственный контроль. Таким образом, либеральные теории в русской консервативной мысли как бы «переворачивались», и большую свободу земство приобретало, не участвуя во власти прямо (эта идея была в целом консерваторам несвойственна), а как раз наоборот, отделившись от власти, но оставив за собой право собственно местного самоуправления. Эту концепцию мыслители-славянофилы связывали с такими ключевыми для русской истории понятиями, как «власть» и «земля».

Представления о «земле» и «власти» как о двух, по сути своей, самобытных началах русской политической жизни, наверное, ранее всего появляются в работах А.С. Хомякова, К.С. Аксакова, В.Н. Лешкова, И.Д. Беляева, Ю.Ф. Самарина.

Надо сказать, что славянофилы были не только философами и не просто авторами уникальной социально-политической концепции, но и историками, глубоко изучавшими отечественное прошлое. Свободная, самоуправляющаяся община, искони существовавшая в русских землях, стала для них прообразом возрождения земского самоуправления в России. Власть должна была дать право свободно развиваться местной жизни, которая, в свою очередь, призвана была обратиться к своим истокам – соборности, общинности, способности к самоорганизации и при этом верности самодержавию. Потом время внесет коррективы в этот немного идеализированный образ земства, но изначально именно земские учреждения были для славянофилов основой для развития России на исконно русских или даже, скорее, православно-славянских началах.

Развитие общинности в русском народе, по мнению В.Н. Лешкова, превратило русское этнографическое единство в земское. Именно древняя земская община – вервь – имела право управлять «всеми лицами, принадлежащими к месту поселения» [2. С. 134]. Община подчинила себе все вопросы, связанные с поземельным владением, а также «*первое управление по земскому устройству*» [2. С. 165]. Земская община «сообщала членам права, зато налагала на них обязанности и делала их своими гражданами» [2. С. 167]. В концепции Лешкова земская община на ранних этапах развития Руси заменяла собой государство. Земство же стало «основою и почвою для Русского государства» [2. С. 172]. Собственно, и первые князья появились благодаря тому, что их пригласила земская община, страдавшая от внутреннего «размирья» и внешней угрозы, которая решилась «во имя общего чувства пригласить в Русь князей-варягов» [2. С. 174]. К.С. Аксаков писал о начале русской государственности: «Земля, чтобы спасти себя, свою земскую жизнь, решается призвать на защиту Государство» [3. С. 300].

По мнению другого славянофила А.С. Хомякова, русская власть была даже изначально чужда русской «земле», так как была пришлой и инокультурной. А.С. Хомяков писал: «Князья пришли из области скандинавской (какой бы сами крови они ни были) с дружиною чуждою и немалочисленною… Как бы ни была эта дружина близка по своему происхождению и обычаям к славянам, как бы ни пополнялась она впоследствии местными стихиями, она была по своему коренному значению и положению в обществе чужда Земле и основана на иных началах, чем туземные общины, к которым она не принадлежала, хотя и охраняла их мир внутренний и внешний» [4. С. 381]. Итак, земля, община, народ остаются жить в своей самобытности, не смешиваются со своими наемными властителями [4. С. 388].

Собственно, ту же мысль развивал и К.С. Аксаков, который писал: «Славяне не образуют из себя Государство, они призывают его; они не из себя избирают Князя, а ищут его за морем; таким образом, они не смешивают Земли с Государством, прибегая к последнему как к необходимости для сохранения первой» [3. С. 300–301].

Наиболее подробное и научное обоснование славянофильской теории содержится в работе И.Д. Беляева, написанной по поручению другого известного славянофильского мыслителя Ю.Ф. Самарина. И.Д. Беляев писал: «Новгородский мир, приглашая Варяжских князей, естественно желал сохранить неприкосновенными все свои старые порядки». Беляев особо подчеркивает тот факт, что приглашенным князьям даже не разрешали жить в самом городе, в Новгороде, так как там было «гнездо славянства и главного народного веча, выражавшего верховную власть народа». Князья с их дружинниками жили в пригороде [5. С. 16]. По мнению И.Д. Беляева, скандинавские князья не слились со славянскими племенами, не «ославянились», в то время как славянские племена не приняли «образ жизни и общественный строй Скандинавов» и не отка-

зались «от всей своей прежней жизни». И несмотря на то, что «в княжую дружину стала уже поступать вольница и из Славян и разных финских племен», дружина нисколько не сблизилась с земщиной [5. С. 39].

В славянофильских текстах «туземная» славянская общинная земская жизнь противопоставляется жизни русских князей и дружинников, т.е. началу государственному. По мнению А.С. Хомякова, земская община, «покоясь на старине и предании», жила традицией, гармонией и внутренним единством, в то время как государственное начало, не имея в себе органического единства и жизни, искало внешние формы во всяких иноземных веяниях [4. С. 388].

Долгое время земские и государственные структуры существовали почти параллельно. По утверждению Беляева, в земские выборы не вмешивались «ни князь, ни его служители и не имели права вмешиваться; это было дело чисто одной земщины, и притом дело, искони ей принадлежавшее, вытекшее из самой жизни Русского общества, а не дарованное князем» [5. С. 55]. И.Д. Беляев отмечает, что «выбору подлежали лучшие люди общества, излюбленные избирателями, а право избрания принадлежало всем действительным членам общества, домохозяевам». Выборному от земств князь не мог отказать в должности, «обида» земских выборных властей в сильной земщине «никогда не сходила даром ни князю, ни его слугам», в целом же «земщина во всех городах Руси твердо стояла за свои права» [5. С. 56].

И все-таки, по общему мнению славянофилов, конфликты не сделались основой русской государственности. К.С. Аксаков писал: «Все Европейские государства основаны завоеванием. Вражда есть начало их. Власть явилась там неприязненною и вооруженною и *насильственно* утвердилась у покоренных народов… Русское Государство, напротив, было основано не завоеванием, а *добровольным призванием* власти. Поэтому не вражда, а мир и согласие есть его начало» [3. С. 305]. По мнению К.С. Аксакова, в России не было ни западной демократии, ни западной аристократии [3. С. 310]. Мыслитель подчеркивал именно русский союз «земли» и «власти», а не противостояние, «как это было у других народов» [3. С. 301].

По мнению другого славянофила И.В. Киреевского, начала древней Руси также были отличны от оснований государственности европейской, так как «там государственность из насилий завоевания», а в России – «из естественного развития народного быта» [6. С. 220]. В.Н. Лешков писал: «Русский народ не знал такой внутренней борьбы, которая составляла бы задачу его истории; русский народ мирно и сам собою вырабатывал свое народное единство» [2. С. 132–133].

Противопоставление и единство «земли» (земщины, земского самоуправления) и «власти» (дружины, князя, государства) стало в основе славянофильской концепции происхождения русской государственности. По утверждению И.Д. Беляева, разделение самоуправляющейся «земщины» и княжеской власти остается и после татарского нашествия [5. С. 58].

Земское и государственное начала проходят через всю русскую историю. К.С. Аксаков писал: «Но как скоро община призвала государство, не уничтожая себя и не переходя в государство, – так в основу русской исторической жизни должны были лечь два начала; они и легли; мы видим их сквозь всю историю русскую; община имеет даже свое собственное постоянное наименование: земля. И сквозь все проходят земля и государство, всюду являются как действующие силы (долго дружественно) в русской истории… Государство с землей в союзе любви. Нигде государство с землей не смешивается...» [3. С. 338].

Возвышение Москвы также не привело к резкой перемене отношений земли и власти, так как изменения совершались не насилием, а «естественным требованием жизни». Да и само «единодержавие устроилось в северо-восточной Руси главным образом волею земщин разных княжеств, находивших для себя лучшим жить под властию Московского князя, нежели иметь своих князей» [5. С. 69].

Особое значение приобретает земщина со времен правления Ивана IV. А.С. Хомяков подчеркивает порядок введения выборных должностей в Московском государстве, отмечая, что именно при первом русском царе вводится «земская исправа». Хомяков пишет про Ивана IV и реформы первых лет его царствования: «Государю полюбился голос народа, и новые уставные грамоты дали всем городам и волостям право избирать старост, целовальников или присяжных для суда по делам гражданским и уголовным вместе с царскими наместниками. В то же время земская исправа была поручена сотским и пятидесятникам, избранным также вольным выбором сельской общины. Так был восстановлен древний Русский обычай, в то время измененный почти везде, за исключением Пскова и широкой области Новгородской» [4. С. 226]. Таким образом, А.С. Хомяков показывает связь вечевых традиций Новгорода и Пскова с новой московской системой выборных должностей.

Первым серьезным ударом по земскому самоуправлению стало издание Соборного Уложения 1648 г., в котором ни одна статья не обеспечивала юридически значение земщины в государственных делах. В вопросах же судебных выборные от общества старосты и целовальники со своим земским дьяком больше не присутствовали, в то время как суд был «предоставлен решительно одним воеводам и приказным людям» [5. С. 99]. По мнению И.Д. Беляева, «с изданием Соборного Уложения отменено не только юридическое значение всей земщины целой России, но и значение местных земщин» [5. С. 98]. Главной причиной падения земщины при царе Алексее Михайловиче Беляев считал отделение интересов дворянства от интересов остальной земщины, т.е. остальных сословий. Бояре, боровшиеся за свои земские права при Иване IV и объединившиеся с остальной земщиною в годы смуты, нашли «более выгодным и удобным окончательно обратиться в служилых людей нового государя и повелевать земщиною от царского имени» [5. С. 106].

При Петре I «выборное право осталось только за дворянами и купцами, а не за всеми классами земщины, следовательно, в земщину внесено гибельное начало разделения на классы с правами и классы без прав» [5. С. 113]. Кроме того, выборные ландраты,

ландрихтеры и бурмистры, хотя и были выбираемыми из земщины, в сущности, были чиновниками правительства и отвечали перед ним, а не перед своим обществом [5. С. 116]. После правления Петра I «тянулась та же история реформ, все более и более уничтожавшая значение земщины» [5. С. 109]. Попытки возродить земщину при Екатерине II привели только к началам возрождения выборности, но новая земщина опять же была разбита на сословия с противоречащими друг другу интересами и потому была лишена законных органов, при посредстве которых сословия могли бы соединяться и сноситься друг с другом. Реформы Екатерины «только на время поуспокоили общество, предоставя ему некоторую свободу и небольшую долю местного самоуправления» [5. С. 127].

Некоторые попытки объединить сословия в земщину предпринимались и после правления Екатерины II, однако принципиальным стало лишь положение 19 февраля 1861 г., освобождавшее крестьян из-под власти помещиков. Кроме того, по мнению И.Д. Беляева, уже «в самом положении 19 февраля 1861 года выступили на первый план общинное и выборное начало», так как крестьяне «составляли по делам хозяйственным сельские общества, а для ближайшего управления и суда соединялись в волости». Наконец, положением 1 января 1864 г. о земских учреждениях земству было дано «довольно простора к сближению сословий друг с другом в общей деятельности» и восстанавливалось «значение забытой у прежних правительств земщины» [5. С. 135].

История земского самоуправления, обрисованная славянофилами, неизбежно вела к выводу о том, что новые земские органы должны быть также отдельны от государственных учреждений. С.Ф. Шарапов писал: «Вопрос ставится так: есть ли земство орган государства, точнее, входит ли оно в систему собственно государственной жизни или представляет нечто, от государства отличное, свою собственную систему, с государством не совпадающую, нечто, живущее самостоятельною жизнью?

Иными словами: быть или не быть самоуправлению, ибо всякое смешение функций самоуправления, дела земского, с “делом Государевым”, по нашему глубокому убеждению, являет лишь лжесамоуправление, точно так, как всякое оформленное и узаконенное (вне мнения и ходатайства) вмешательство земщины в “дело Государево” явило бы лишь лжесамодержавие» [7. С. 38–39].

Как было замечено выше, славянофилы были своеобразными представителями так называемой общественной теории самоуправления. По мнению ряда исследователей, именно под влиянием теоретических, да и практических разработок славянофилов было разработано основное «Положение о губернских уездных и земских учреждениях» 1864 г. Согласно этому документу, «земские учреждения признавались установлениями не государственными, а общественными, преследующими свои особые, *местные* общественно-хозяйственные цели» [8. С. 152].

Значение разработок славянофилов для земской реформы подчеркивает Е.С. Баразгова. Она замечает, что «земская идеология по большей мере базировалась на принципах славянофильской интерпретации ценности и назначения местного самоуправления» [9. С. 88]. Исследователь справедливо отмечает, что славянофилы, с одной стороны, «являлись верными сторонниками сохранения монархического управления в России», а с другой – «уверенно отстаивали позиции земств» [9. С. 89].

С другой стороны, по мнению современного ученого В.В. Куликова, основной причиной определенной «изоляции» новых учреждений местного самоуправления от системы государственного управления стало «столкновение различных социальных и политических интересов при разработке и проведении в жизнь земской реформы» [10. С. 62]. Противников же самодержавия такое положение устраивало, в том числе и потому, что оно «давало возможность молодым общественным силам сплотиться на поле хозяйственно-культурной работы» [10. С. 62].

В действительности у истоков земской реформы 1864 г. и дальнейших проектов по преобразованию земских учреждений стояло противоборство различных теорий и концепций.

В то время как славянофилы придерживались общественной теории, многие западники настаивали на аргументации государственников, по мнению которых, «именно государство способствовало преодолению сословной и местной раздробленности и формированию в национальном сознании идеи ценности единства и целостности общества в решении проблем страны и каждого ее гражданина» [9. С. 88]. Так, например, по мнению известного западника А.Д. Градовского, «мысль обосновать систему самоуправления при помощи идеи “местности”, имеющей свои интересы, отличные от интересов государственных, является весьма привлекательною, но едва ли приложимою к практическому решению вопросов» [11. С. 360]. Невозможным, по мнению Градовского, разграничение местных и государственных интересов было не только потому, что трудно определить компетенцию исключительно местных органов, но и потому, что в действительности государственная власть распространяется на всю территорию страны. Кроме того, такие вопросы местного значения, как народное образование, здравоохранение, обеспечение народа продовольствием и безопасность, являлись в той же мере интересами и общегосударственными [11. С. 360].

Государственная теория местного самоуправления не была либеральной или консервативной, а точнее, ее разработки велись в обоих направлениях. Если либералы считали, что включение земств в систему государственной власти должно было «поднять» земства до уровня государственного представительства, то консерваторы-охранители стремились к тому, чтобы встроить земское самоуправление в систему общей государственной администрации.

А. Матюхин пишет: «Славянофильская традиция проблематики общественной самоорганизации, самоуправления и народного представительства существенно отличалась от подходов “государственников” – представителей крайне правого крыла в русском консерватизме – М.Н. Каткова, К.Н. Леонтьева, К.П. По-

бедоносцева и др. <…> Согласно политической линии “государственников”, общество и его составляющие являются изначально не самостоятельными социальными единицами, а элементами государства в целом и государственного управления» [12].

Идеи «государственников» вошли в проект земской реформы, в котором было указано: «Единство государственного управления, сила и целостность государственной власти не могут уступать потребностям местного интереса, как бы важны и законны они ни были. Земское управление есть только особый орган одной и той же государственной власти и от нее получает свои права и полномочия» [13. С. 356].

В статье, написанной видным государственным деятелем того времени П.А. Валуевым или по его заказу в 1863 г., также было указано, что, «создавая земские учреждения, правительство не может создавать status in statu (государство в государстве), не может поставить эти учреждения вне государства, не может изъять их из тех условий, которым подчиняется вся государственная территория, и от того общего направления, которое устанавливается потребностями всего государства» [14. С. 22]. Рассуждая о том, какие дела могли бы входить исключительно в компетенцию местных учреждений, Валуев утверждает, что таких дел нет и быть не может. Даже государственные дороги, по его мнению, имеют общегосударственное значение, и потому нельзя лишать центральную власть права «принудительных распоряжений к необходимому исправлению их» [14. С. 24].

Косвенно в полемику со славянофилами вступил в 1881 г. и известный консервативный публицист М.Н. Катков. Признавая, что «в давние, очень давние времена, когда Россия как государство была почти вся впереди, города призывали к себе князей-дружинников, главным образом для внешней обороны, продолжая управляться своими властями по заведенному порядку», Катков утверждал, что «между теми временами и нынешней Россией легла многовековая история». И после того как отдельные племена и населения слились в один народ, «Русская земля есть русское государство, а русское государство есть Русская земля» [15. С. 57]. Из этого тезиса, по логике публициста, следует нивелирование самостоятельности таких явлений, важнейших для славянофилов, как «земля» и «государство». Всякая действующая власть среди народа, по мнению Каткова, должна «восходить к одной Верховной власти, к одному государственному началу, ему подчиняться и от него иметь силу» [15. С. 60].

Следовательно, «необходимо так организовать местные управления, чтобы они были продолжением государства». М.Н. Катков писал: «Требуется, чтобы государство – от центра до мельчайших местных обществ, городских и сельских – составляло один организм, в котором не должно быть и тени разновластия или антагонизма государства с землей, как у нас выражаются, чтобы они не были двумя лагерями, чтобы между ними в принципе не могло возникать никаких счетов или спора о правах и интересах. Необходимо, чтобы местное управление, даже самое мелкое, было живой частью государства, проводником его идеи, исполнителем его задач» [15. С. 60].

Выступил критиком славянофильской концепции земского самоуправления и К. Леонтьев, бывший цензором брошюры И.С. Аксакова «Взгляд назад». В своем отзыве на брошюру Леонтьев отмечал, что, несмотря на критику конституционных проектов славянофилами, государство в их теории представляет собой «некий чрезвычайно оригинальный союз земских, в высшей степени демократических, республик с государем во главе; государем, положим, самодержавным в принципе, но лишенным почти всяких органов для исполнения его царской воли» [16. С. 102]. Не без влияния Леонтьева аксаковская брошюра была запрещена.

1980-е годы в целом стали временем определенного ограничения земской самостоятельности, чему немало способствовало нараставшее противостояние власти и земства. В докладе министра внутренних дел Д.А. Толстого Александру III, в частности, отмечалось, что «земские и городские учреждения должны быть введены в общий строй государственных установлений», а «лежащие в основе сих учреждений начала общественного самоуправления должны быть заменены началом государственного управления через посредство и при содействии представителей местного населения» [17. С. 137–138]. Однако ни усиление роли дворянства, ни введение административного надзора над земствами, очевидно, не могли привести к идеальным отношениям «земли» и «власти».

Радикальную антиземскую позицию занял В.А. Грингмут, новый редактор консервативных «Московских ведомостей». Он писал: «Можно сколько угодно усиливать, например, власть губернаторов, действующих от имени Государя Императора; но если эта *власть* обречена на постоянные столкновения с далеко не фиктивной демократической *властью* наших земств, действующих от имени “общества” и публично шельмующих неугодных им губернаторов, то при этих условиях о плодотворной, гармонической деятельности местной администрации не может быть и речи. Двух властей в России быть не может: в ней неограниченно должна господствовать лишь одна власть, власть Самодержавного Государя» [18. С. 182].

Подводя итоги, следует отметить, что в русской консервативной, преимущественно славянофильской, мысли, была разработана теория земского самоуправления как исторически сложившегося в условиях русского самодержавия права народа на свободную общинную жизнь и собственные выборные органы. Во многом именно эта концепция была положена в основу земской реформы 1864 г. С другой стороны, идеи изначальной взаимной обособленности и добровольного единения «земли» и «власти» вызвали неприятие консерваторов-охранителей, которые считали, что такое понимание местного самоуправления может повредить политическому единству и государственной целостности Российской империи. Исторически обоснованная и глубоко продуманная концепция славянофилов столкнулась с политической реальностью своего времени, в которой невозможно было в полной мере воплотить земские идеалы.

Список источников

1. Ярцев А.А. Западные теории государственного и общественного самоуправления и опыт их практической реализации в дореволюционной отечественной мысли // Место западных идей в российском общественном и правовом сознании : сб. науч. ст. Калининград : Балт. фед. ун-т им. И. Канта, 2016. С. 68–79.
2. Лешков В.Н. Русский народ и государство. М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. 688 с.
3. Аксаков К.С. Государство и народ. М. : Ин-т русской цивилизации, 2009. 608 с.
4. Хомяков А.С. Всемирная задача России. М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. 784 с.
5. Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М. : Тип. О-ва распространения полезных книг, 1905. 135 с.
6. Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М. : Ин-т русской цивилизации, 2007. 448 с.
7. Шарапов С.Ф. Россия будущего. М. : Ин-т русской цивилизации, 2011. 720 с.
8. Абрамов В.Ф. Теория местного самоуправления на отечественной почве // Полис. 1998. № 4. С. 152–155.
9. Баразгова Е.С. К истории местного самоуправления в России: эволюция отечественных теорий // Вопросы управления. 2017. Вып. 48. С. 85–93.
10. Куликов В.В. Становление и развитие земского самоуправления, вторая половина XIX – начало XX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук. М, 2003. 461 с.
11. Корнаухова Н.В. Государственная теория местного самоуправления А.Д. Градовского // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 8. С. 357–361.
12. Матюхин А. Традиция «государственников» в русском консерватизме // Обозреватель – Observer. 2005. № 9 (188). URL: https://www.militaryarticle.vibrokatok.by/obozrevatel/2005-obozrevatel/13625-tradicija-gosudarstvennikov-v-russkom (дата обращения: 16.09.2019).
13. Материалы по земскому общественному устройству : положение о земских учреждениях : в 2 т. СПб. : Изд. Хоз. деп. М-ва внутр. дел, 1886. Т. 2. 576 с.
14. Верещагин А.Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты) М. : Междунар. отношения, 2002. 192 с.
15. Катков М.Н. Истинные задачи комиссии для пересмотра учреждений губернского и уездного управления. Самоуправление в Англии и России // Земская идея в истории социально-политической мысли России : антология : в 2 т. / под ред. А.Ю. Шутова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. Т. 2: Земская идея: от проектов к первым результатам (1864–1890). С. 53–60.
16. Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М. : СигналЪ, 1999. 172 с.
17. Боровая М.А. А.Д. Пазухин. Общественно-политические взгляды и государственная деятельность : дис. … канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 177 с.
18. Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. 544 с.

References

1. Yartsev, A.A. (2016) Zapadnye teorii gosudarstvennogo i obshchestvennogo samoupravleniya i opyt ikh prakticheskoy realizatsii v dorevolyutsionnoy otechestvennoy mysli [Western Theories of State and Public Self-Government and the Experience of Their Practical Implementation in Pre-Revolutionary Russian Thought]. In: *Mesto zapadnykh idey v rossiyskom obshchestvennom i pravovom soznanii* [The Place of Western Ideas in Russian Social and Legal Consciousness]. Kalinigrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. pp. 68–79.
2. Leshkov, V.N. (2010) *Russkiy narod i gosudarstvo* [The Russian People and the State]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
3. Aksakov, K.S. (2009) *Gosudarstvo i narod* [State and People]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
4. Khomyakov, A.S. (2008) *Vsemirnaya zadacha Rossii* [The World Task of Russia]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
5. Belyaev, I.D. (1905) *Sud'by zemshchiny i vybornogo nachala na Rusi* [The Fate of the Zemshchina and the Elective Principle in Rus']. Moscow: Tip. O-va rasprostraneniya poleznykh knig.
6. Kireevskiy, I.V. (2007) *Dukhovnye osnovy russkoy zhizni* [The Spiritual Foundations of Russian Life]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
7. Sharapov, S.F. (2011) *Rossiya budushchego* [Russia of the Future]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
8. Abramov, V.F. (1998) Teoriya mestnogo samoupravleniya na otechestvennoy pochve [The Theory of Local Self-Government on Russian Soil]. *Polis*. 4. pp. 152–155.
9. Barazgova, E.S. (2017) K istorii mestnogo samoupravleniya v Rossii: evolyutsiya otechestvennykh teoriy [On the History of Local Self-Government in Russia: The Evolution of National Theories]. *Voprosy upravleniya*. 48. pp. 85–93.
10. Kulikov, V.V. (2003) *Stanovlenie i razvitie zemskogo samoupravleniya, vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.* [Formation and Development of Zemstvo Self-Government, Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Law Dr. Diss. Moscow.
11. Kornaukhova, N.V. (2009) Gosudarstvennaya teoriya mestnogo samoupravleniya A.D. Gradovskogo [The State Theory of Local Self-Government by A.D. Gradovsky]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 8. pp. 357–361.
12. Matyukhin, A. (2005) Traditsiya “gosudarstvennikov” v russkom konservatizme [The Tradition of the “Statists” in Russian Conservatism]. *Obozrevatel' – Observer*. 9(188). [Online] Available from: https://www.militaryarticle.vibrokatok.by/obozrevatel/2005-obozrevatel/13625-tradicija-gosudarstvennikov-v-russkom (Accessed: 16th September 2019).
13. Russian Empire. (1886) *Materialy po zemskomu obshchestvennomu ustroystvu: polozhenie o zemskikh uchrezhdeniyakh* [Materials on Zemstvo Public Structure: Regulations on Zemstvo Institutions]. Vol. 2. St. Petersburg: Economic Department of the Ministry of Internal Affairs.
14. Vereshchagin, A.N. (2002) *Zemskiy vopros v Rossii (politiko-pravovye aspekty)* [The Zemstvo Question in Russia (Political and Legal Aspects)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
15. Katkov, M.N. (2014) Istinnye zadachi komissii dlya peresmotra uchrezhdeniy gubernskogo i uezdnogo upravleniya. Samoupravlenie v Anglii i Rossii [The True Tasks of the Commission for the Revision of Provincial and Uyezd Administration Institutions. Self-Government in England and Russia]. In: Shutov, A.Yu. (ed.) *Zemskaya ideya v istorii sotsial'no-politicheskoy mysli Rossii* [The Zemstvo Idea in the History of Russian Socio-Political Thought]. Vol. 2. Moscow: Moscow University. pp. 53–60.
16. Repnikov, A.V. (1999) *Konservativnaya kontseptsiya rossiyskoy gosudarstvennosti* [The Conservative Conception of Russian Statehood]. Moscow: Signal.
17. Borovaya, M.A. (2004) *A.D. Pazukhin. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady i gosudarstvennaya deyatel'nost'* [A.D. Pazukhin. Socio-Political Views and State Activity]. History Cand. Diss. Cheboksary.
18. Gringmut, V.A. (2008) *Ob"edinyaytes', lyudi russkie!* [Unite, Russian People!]. Moscow: Institute of Russian Civilization.

***Сведения об авторе*:**
Саевская Мария Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Москва, Россия). E-mail: masha-saevskaya@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Saevskaya Maria A. – PhD of Political Sciences, Associate Professor of the Department Fundamental legal and social and humanitarian disciplines Moscow Financial and Industrial University Synergy (Moscow, Russian Federation). E-mail: masha-saevskaya@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.07.2022; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 12.07.2022; accepted for publication 01.08.2025

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/19988613/96/10

Этнический состав и особенности дислокации воинских формирований в Тургайской области по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года

Юрий Владимирович Семенов

Томский государственный университет. Томск, Россия, semen_sbp@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается национальный состав вооруженных сил и казачьих войск Российской империи в Тургайской области по результатам Первой всеобщей переписи населения 1897 года для выявления зависимости дислокации, мест проживания, несения военной службы воинских соединений от их национального состава и особенностей местного населения. Этот типичный «инородческий» регион империи (Зауральская Киргизская Степь) позволяет наметить общие принципы и возможные ошибки в размещении войск в подобных регионах среднеазиатской части Российской империи.
Ключевые слова: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года, вооруженные силы, войсковые казаки, Тургайская область, инородцы

Для цитирования: Семенов Ю.В. Этнический состав и особенности дислокации воинских формирований в Тургайской области по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 75–79. doi: 10.17223/19988613/96/10

Original article

Ethnic composition and features of the deployment of military formations in the Turgai region according to the results of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897

Yuri V. Semenov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, semen_sbp@rambler.ru

Abstract. This article continues the study of the ethnic and national composition of the Armed Forces and Cossack formations of the Russian Empire based on the results of the First All-Russian Population Census in 1897. The purpose of this study is to show the ethnic composition of the armed forces and Cossack troops of the Russian Empire in the Turgai region; an attempt to identify patterns and causal relationships in the deployment of troops, their national composition, taking into account the socio-political qualities and mental characteristics of the local population. In addition, the task is not only to show a possible management system for national policy in the military sphere of tsarist Russia, but also to analyze the causes of its emergence using the example of the Asian region of the state. According to a brief historical and geographical information about Turgai region, it is located in the Aral-Caspian lowland and borders on Orenburg province, Syr Darya and Ural regions. The region, like the Ural Region, was formed in 1868 on the territory of the Orenburg Kyrgyz Region (formerly the Trans-Ural Kyrgyz Steppe) after it was divided into two regions. The climate is continental, and the northern part of the region is quite suitable for agriculture. So, at the time of the regional census, the population of the region in the number of 453,416 people had an ethnic composition of 25 nationalities, in which, Russians (including Little Russians and Belarusians) – 7.71%, Kyrgyz (Kazakhs) - 90.63%, Tatars – 0.71%, Mordvins and Cheremis – 0.47%, Bashkirs – 0.35%. Formations of the armed forces and Cossack units formed a part of the troops of the Kazan Military District and were in very small numbers. The situation in the Turgai region, in the counties bordering the Central Asian regions, in the field of national relations and the historical memory of the population was not easy - Kazakhs, who made up the absolute majority of the population, lived on these lands, which caused tension in national relations. In our case, the territory of the region was considered by St. Petersburg as extremely unstable and dangerous. However, the composition of the deployed troops did not correspond in any way to the current situation, as shown by the national uprising of 1916.
Keywords: The first general population census of the Russian Empire in 1897, armed forces, military Cossacks, Turgai region, foreigners

For citation: Semenov, Yu.V. (2025) Ethnic composition and features of the deployment of military formations in the Turgai region according to the results of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 75–79. doi: 10.17223/19988613/96/10

© Ю.В. Семенов, 2025

Анализ данных, полученных по материалам переписи 1897 г., позволяет в полной мере оценить зависимость национального состава армейских и казачьих частей на территории Тургайской области от их дислокации в соответствии с планами стратегического развертывания и мобилизации Генерального штаба Российской империи и оперативными планами объединений в азиатской России.

Тургайская область, входящая в состав Степного генерал-губернаторства, по краткой историко-географической справке о ней, находится в Арало-Каспийской низменности и граничит с Оренбургской губернией, Сыр-Дарьинской и Уральской областями. Область, как и Уральская, образована в 1868 г. на территории Области Оренбургских киргизов (ранее Зауральская Киргизская Степь) после раздела ее на две области. Климат континентальный, северная часть области пригодна для земледелия (будущая «целина»), богата полезными ископаемыми – уголь, нефть, металлы.

Тургайская область, как, впрочем, и большинство областей Степного края, в прошлом была частью Джучиева улуса, население которого составляли в основном различные тюркские племена, составившие позднее «киргиз-казачьи» орды. Под ними подразумевались названные русскими при завоевании этого края именем другого народа – киргизами, однако впоследствии в ходе беспрерывной войны, чтобы не путать их с казаками, последние стали называть их «киргиз-казаками», а еще позже – киргиз-кайсаками (кайсак-киргизами), сейчас – казахами. В XV в. они разделились на три рода (жуза) – Старший, Средний и Младший. К 30-м гг. XVIII в. положение казахов было критическим – Старший жуз был практически завоеван Джунгарским царством, к тому времени достигшим своего могущества, Средний и Младший жузы подвергались уничтожающему давлению с трех сторон: сибирских казаков, уже построивших «Ишимскую линию» (Оренбург и Орск), Курган, Ишим и Омск с регулярными полками в гарнизонах; джунгарцев во главе с Верховным правителем Царства Галдан-Цыреном; башкир – самых непримиримых их врагов. Это заставило Младший и Средний жузы в 1732 г. подписать договор о признании русского подданства и получить жалованную грамоту; пусть формально, но это считается присоединением к Российской империи [1. С. 322–335].

Население области в 1897 г. составляло 453 416 человек и состояло из 25 национальностей, однако для общей картины имеют значение русские (в том числе малорусы и белорусы) – 7,71%, киргизы (казахи) – 90,63%, татары – 0,71%, мордва и черемисы – 0,47%, башкиры – 0,35%; что составляет 99,88% всего населения [2. С. IX–X].

Татары не разделены на сибирских, казанских и бухарских, поэтому они все внесены в местное население. Коренные жители Тургайской области, киргизы (казахи), башкиры и татары занимались преимущественно животноводством [3. С. 131–136]. Бóльшую часть пришлого населения составляли великороссы. Они обеспечивали основную часть занятых во всех сферах хозяйства области за исключением животноводства, в котором абсолютно преобладали киргиз-кайсаки, и торговли, в которой преобладали татары. Также особенностью населения Тургайской области было присутствие значительного числа финнов (мордвы и черемисов) среди крестьян и казаков. В имперские сословия перешли только 0,15% казахов, из них 131 чел. относился к родовой аристократии Степи, что не нарушало традиций кочевого населения. Татары и башкиры, наоборот, практически все вышли из сословия инородцев [3. С. 131–136].

Представленная ниже таблица есть распределенные количественные показатели по рассматриваемым мной категориям:

– **по вооруженным силам:** общее количество населения по губерниям, количество самодеятельного («ведущего самостоятельное хозяйство») мужского (в вооруженных силах) населения, члены их семейств обоих полов, процентное соотношение для сравнительного анализа-показателя доли вооруженных сил от общего самодеятельного населения губернии;

– **по войсковым казакам:** казачье население мужского и женского пола, общее количество казачьего населения (в казачестве в «боевую» численность на то время учитывались только мужчины служивых возрастов и категорий) и процентное соотношение для сравнительного анализа-показателя доли казачьего населения не от самодеятельного мужского населения, а от общего населения губернии (так как в таблицах не указывались самодеятельные войсковые казаки, а только мужское и женское население, т.е. вычислить число казаков служилых возрастов не представляется возможным).

Данные по вооруженным силам взяты из таблицы XXII Тургайского областного тома переписи «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании знания родного языка» [2. С. 68–89]; данные по войсковым казакам взяты из таблицы XXIV «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям» [2. С. 94–99]. И по вооруженным силам, и по войсковым казакам все цифры выбираются по национальностям, которые присутствуют в графах: «вооруженные силы» – таблицы XXII, «войсковые казаки» – таблицы XXIV (в том числе члены семей и женский пол казачьего населения). Сравнительный анализ-показатель доступен для каждой национальности по обоим видам военного населения и членов семей как внутри любой группы, так и в общих губернских показателях. Доля арифметических ошибок и ошибок форматирования самой переписи достаточна велика, поэтому основные расчеты делаются только по таблицам XXII и XXIV областного тома.

Показатели состояния населения Российской империи по всем параметрам, в частности по национальному (этническому) составу и размещению вооруженных формирований и казачьих войск в 1897–1905 гг., полностью достоверны, что и подтверждается постоянно проводимыми мной при работе с архивными источниками сравнительными проверками количественных показателей из разных источников (например, ежегодные Всеподданнейшие отчеты Морского и Военного министерств на имя Императора Всероссийского).

Этнический состав войск Тургайской области по переписи 1897 г. по родному языку, чел.

Округа, города и национальный состав (по знанию родного языка и группам языков)		Все население	Самодеятельное мужское население	Из них вооруженные силы и формирования (в том числе казаки)								
				Военнослужащие				Войсковые казаки				
				Военно-служащие	Члены семейства	Военнослужащие, % от самодеятельного мужского населения	Военнослужащие, % от всего населения и по национальностям	Казачье население, в том числе			Казачье население, % от всего населения	Казачье население, % по национальностям
				муж.	обоих полов			муж.	жен.	всего		
По области в целом:		453 416	88 711	571	70	0,64	0,14	545	297	842	0,19	
Русские, в том числе	Великорусский	30 438	6 707	363	61	5,41	63,57	428	239	667	2,19	79,2
	Малорусский	4 588	836	4	1	0,48	0,70	5	2	7	0,15	0,8
Польский		101	92	79		85,87	13,84					
Литовско-латышские		7	4	3		75,00	0,53					
Немецкий		60	18	1	1	5,56	0,18					
Финские (мордва и черемисы, остальные)		2 224	489	84		17,18	14,71	4	4	8	0,36	1,0
Турецко-татарские (татары, башкиры, киргизы и остальные)		415 628	80 527	37	7	0,05	6,48	108	52	160	0,04	19,0

Примечание. Подсчет по: [2. С. 69–89; 84–99].

Тургайская область является наименьшей по количеству как воинских частей, так и казачьих формирований во всей Российской империи. Состав и дислокация вооруженных сил на территории Тургайской области по состоянию на 1897 г. по отчету военного ведомства России были таковы: всего в области насчитывался 571 военнослужащий, членов их семей – 70 чел., что составляло соответственно 0,64% от самодеятельного мужского населения и 0,14% от общего населения области. По местам основной дислокации, составу и предназначению войска располагались так:

1. Кустанайский уезд и город Кустанай – Управление войсками Тургайской области, Кустанайская местная команда – 76 чел. при одном офицере, Оренбургская инженерная дистанция.

2. Актюбинский уезд и город Актюбинск – Актюбинская местная команда до 100 чел. при одном офицере, Карабутакская местная команда – 76 чел. при одлном офицере.

3. Иргизский уезд – Иргизская местная команда – 76 чел. при одном офицере, 1-я полусотня 2-й Оренбургской отдельной казачьей сотни.

4. Тургайский уезд – Тургайская местная команда – 76 чел. при одном офицере, 2-я полусотня 2-й Оренбургской отдельной казачьей сотни [4].

О примерной численности воинских формирований можно судить по их средней штатной численности: отдельная казачья сотня – до 141 человека при пяти офицерах; численность местных команд указана выше. Кроме управлений области и Войска с подразделениями обеспечения (оружейные мастерские, склады, больницы, лазареты и пр.) в уездах имелись управления уездного воинского начальника общим штатом 77 чел. при 14 офицерах и местные команды с указанной выше численностью [5. С. 108].

Национальный состав вооруженных формирований на территории области весьма типичен для «пограничных» губерний округа: 63,6% великорусские, 13,8% поляки, 14,7% финская группа, 6,48% в основном киргизы, остальные этносы не набирают даже одного процента. Отметить можно отсутствие евреев как в вооруженных силах, так и в населении – всего 58 чел. по итогам переписи, причем все иудейского вероисповедания. По национальному составу семей военнослужащих великорусские составляли 87,1%, киргизы и татары – 10%. Вероятнее всего, исходя из малого числа и национального состава (70 чел. всего и 61 чел. великорусские), это члены семей младшего и среднего командного (офицерского) состава.

На территории Тургайской области проживали и служили 545 человек войсковых казаков и 247 членов семей, что составляло 0,19% от общего населения, однако это число было сравнимо с численностью частей и подразделений казачьих частей в области. Своих казачьих поселений на территории области практически не было, за редким исключением нескольких станиц и хуторов на границе с Оренбургской губернией. Так, в Кустанайском и Актюбинском уездах располагались станицы и хутора войсковых казаков Оренбургского казачьего войска (с подчинением Орскому и Троицкому отделам войска) – к примеру, станицы Кирилловская и Ахтубинская, Кустанайская. Все действующие казачьи части – две полусотни 2-й отдельной сотни Оренбургского казачьего войска – были разбросаны по двум уездам области.

Национальный состав казачьего населения области практически не отличался от состава в самом Оренбургском войске: 79,22% великорусские, 19% турецко-татарские (75% татары, остальные киргизы (казахи)) [6. С. 102]. Те же пропорции касаются и членов казачьих семей, но вот количество указывает, что казаки, служившие в отдельной сотне Оренбургского войска, были с семьями. Например, в Иргизском уезде размещалась 1-я полусотня 2-й Оренбургской казачьей сотни – приблизительно 70–75 казаков [1. С. 40–56]. В переписи по уезду и городу Иргиз войсковых казаков числится 85 мужчин и 18 женщин; в Тургайском уезде и городе размещалась 2-я полусотня 2-й Орен-

бургской казачьей сотни – приблизительно 65–70 казаков; в переписи по уезду и городу Тургай войсковых казаков числилось 91 мужчин и 74 женщины. А вот в Актюбинском уезде и городе Актюбинске находилось войсковых казаков 147 мужчин и 71 женщина, в Кустанайском уезде и городе – мужчин 239, женщин 200, но воинских частей в уезде нет, значит это казачьи станицы Оренбургского казачьего войска – Ахтубинская и Кустанайская. У казаков полусотен члены семей практически все русские, а у «местных станичников» – 25% татары и киргизы.

В условиях подавляющего количественного превосходства местного населения – кайсак-киргизов, национальный состав вооруженных сил и казаков был подобран в основном из титульных этносов, однако численность вооруженных формирований была слишком ограничена, они предназначались только для исполнения военно-полицейских функций и наблюдения за Степью. В этом, на мой взгляд, и была ошибка руководства Степного генерал-губернаторства и местных (областных) властей: недостаточное понимание роли казачества в обустройстве и защите государства; чрезмерные и несоответствующие традиционному образу жизни казахов обязанности, уступки кочевых и в том числе казачьих земель крестьянам-переселенцам из центральной России; недостаточное комплектование и расселение казачьих войск, в первую очередь Семиреченского и Уральского. Первые результаты ошибок проявились в 1916 г.: в Тургайской области, где не было создано казачьих структур, казахи, возмущенные указом о привлечении их к тыловым работам в прифронтовых районах и межэтническими трениями, подняли восстание [2. С. IX; 7. С. 4]. Данные просчеты в размещении, количестве войск и казаков в самой области, огрехи переселенческой политики, расселение казачьих станиц из пределов войска, а также, на мой взгляд, самое важное – административное «бесказачье» устройство области в отличие от Семиречья, где была создана вместе с Семиреченским казачьим войском «казачья чересполосица», и привели к последующим событиям 1916–1917 гг., известных как Тургайское восстание под руководством Имангельды Иманова. Неудачное национально-административное устройство области позволило восставшим даже создать псевдогосударственное образование со своими административными органами самоуправления, налоговой системой, с пусть не очень хорошо вооруженной, но многочисленной «армией» (до 60 тыс. чел.). В 1917 г., после Октябрьской революции, был ненадолго захвачен г. Тургай, и в 1918 г. отряды И. Иманова вошли в состав Красной Армии [7. С. 10]. Зверства в отношении русскоязычного населения, особенно со стороны восставших джихадистов, и уничтожение ряда населенных пунктов правительственными войсками при наведении порядка по окончании активных боевых действий не принесли ни «освобождения» казахам, ни спокойствия русским. Именно в этот период показала свою эффективность система смешанного национального комплектования вооруженных сил, когда разные по национальности военнослужащие, забыв исторические обиды народов, объединялись, чтобы выжить самим и своим семьям, защитить русскоязычное население от враждебного инородческого окружения.

Список источников

1. Памятная книжка Тургайской области на 1899 год. Оренбург : Тип. П.Н. Жаринова, 1899. 586 с.
2. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года : в 89 т. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. Т. 87 : Тургайская область. [4], XII, 103 с.
3. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Азиатской России по данным переписи 1897 г. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2024. 210 с.
4. Краткое расписание сухопутных войск : исправлено на 1-е мая 1896 г. СПб. : Воен. тип., 1896. IV, 132 с.
5. Сборник расчетных ведомостей сумм, потребных по интендантской смете на денежное довольствие частей войск, управлений и заведений : сб. сост. по Главному Интендантскому управлению согласно св. шт. изд. 1885 г. и приказов по военному ведомству до № 340 (включ.) 1891 г. СПб. : Тип. «Общественная польза», 1892. 333 с.
6. Мациевский Г.О. Политическая жизнь российского казачества: история становления, основные источники и тенденции развития (конец 1980-х – конец 2000-х гг.) : дис. … д-ра ист. наук. Армавир, 2013. 508 с.
7. Артёмов И.В. Резня русских в Средней Азии: сто лет спустя // Вопросы национализма. 2016. № 2 (26). С. 3–10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reznya-russkih-v-sredney-azii-sto-let-spustya (дата обращения: 16.03.2025).

References

1. Turgay Regional Committee of Statistics. (1899) *Pamyatnaya knizhka Turgayskoy oblasti na 1899 god* [Memorial Book of the Turgai Oblast for 1899]. Orenburg: P.N. Zharinov.
2. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda* [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897]. Vol. 87. St. Petersburg: [s.n.].
3. Zinoviev, V.P. (2024) *Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Aziatskoy Rossii po dannym perepisi 1897 g.* [Interethnic Division of Labor in Asiatic Russia According to the 1897 Census Data]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Russian Empire. (1896) *Kratkoe raspisanie sukhoputnykh voysk: ispravleno na 1-e maya 1896 g.* [Short Schedule of Land Forces: Corrected as of May 1, 1896]. St. Petersburg: Voen. tip.
5. Russian Empire. (1892) *Sbornik raschetnykh vedomostey summ, potrebnykh po intendantskoy smete na denezhnoe dovol'stvie chastey voysk, upravleniy i zavedeniy: sb. sost. po Glavnomu Intendantskomu upravleniyu soglasno sv. sht. izd. 1885 g. i prikazov po voennomu vedomstvu do № 340 (vklyuch.) 1891 g.* [Collection of Calculation Sheets of Sums Required According to the Intendance Estimate for the Monetary Allowance of Military Units, Administrations, and Establishments: Collection Compiled by the Main Intendance Administration According to the Code of States, 1885 Edition, and Orders of the Military Department up to No. 340 (Inclusive) of 1891]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
6. Matsievskiy, G.O. (2013) *Politicheskaya zhizn' rossiyskogo kazachestva: istoriya stanovleniya, osnovnye istochniki i tendentsii razvitiya (konets 1980-kh – konets 2000-kh gg.)* [The Political Life of the Russian Cossacks: History of Formation, Main Sources, and Development Trends (Late 1980s – Late 2000s)]. History Dr. Diss. Armavir.
7. Artemov, I.V. (2016) Reznya russkikh v Sredney Azii: sto let spustya [The Massacre of Russians in Central Asia: One Hundred Years Later]. *Voprosy natsionalizma*. 2(26). pp. 3–10.

***Сведения об авторе*:**
Семенов Юрий Владимирович – соискатель кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Росси). E-mail: semen_sbp@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Semenov Yuri V. – Candidate of the Degree of Candidate of Historical Sciences of the Department of Russian History Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: semen_sbp@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.06.2025; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 11.06.2025; accepted for publication 01.08.2025

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/96/11

Эпидемия холеры, общественное мнение и экспертное медицинское знание в Сибири (1891–1892 гг.)

Алексей Олегович Степнов[1], Сергей Александрович Некрылов[2], Александр Евгеньевич Ковалев[3]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[3] Сибирский (Томский) центр изучения искусственного интеллекта и цифровых технологий, Томск, Россия
[1] brothe.numb1@gmail.com
[2] medicinahistory@yandex.ru
[3] kovalev-aleksandr02@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования общественного мнения в Сибири во время эпидемии холеры 1892 г. Применяется новый метод, связанный с использованием автоматизированных систем распознавания и анализа оцифрованных текстов правительственной, частной и церковной периодики Сибири. Делается вывод о доминировании в общественном мнении «жесткой» стратегии ответа на эпидемию, вполне резонировавшей с настроениями властей. Представители интеллектуального суперменьшинства сибирского социума – местные профессора-медики – оказались в оппозиции к таким подходам, не став союзниками ни власти, ни общества.
Ключевые слова: эпидемия холеры 1892 г., Сибирь, медицина, институты знания, общественное мнение

Благодарности: Исследование осуществлено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-01149, https://www.rscf.ru/project/23-78-01149/

Для цитирования: Степнов А.О., Некрылов С.А., Ковалев А.Е. Эпидемия холеры, общественное мнение и экспертное медицинское знание в Сибири (1891–1892 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 80–88. doi: 10.17223/19988613/96/11

Original article

The Cholera Epidemic, Public Opinion and Expert Medical Knowledge in Siberia (1891–1892)

Alexei O. Stepnov[1], Sergei A. Nekrylov[2], Alexandr E. Kovalev[3]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[3] Siberian (Tomsk) Center for the Study of Artificial Intelligence and Digital Technologies, Tomsk, Russian Federation
[1] brothe.numb1@gmail.com
[2] medicinahistory@yandex.ru
[3] kovalev-aleksandr02@mail.ru

Abstract. The article examines public opinion in Siberia during the cholera epidemic of 1892, which was part of the fifth cholera pandemic. In Russian history, it was preceded by a famine that began in 1891 and became a strong destabilizing factor in the socio-political life of the country. In historiography, the high mortality rate of those years was explained by the cholera epidemic. It is thereby often the assessment of the socio-political consequences of the famine. Meanwhile, the authorities' response to the epidemic caused no less criticism in public circles than the famine. Cholera in all countries contributed to the increase in socio-political tension. Russia was no exception. A series of riots and rebellions swept it in 1892. The socio-political situation in Siberia at that time remains unstudied. Meanwhile, the organization of health care was even worse than in the European part of Russia. By the end of the 19th century, various social forces emerged in the region that used the press to promote their views. To study public opinion in the region and the strategies for responding to the epidemic that prevailed in Siberian society, a new method was used that had not been previously used, at least in Russian historiography: a study of digitized newspapers using automated text recognition and analysis systems. Government, private, and church newspapers published in the region were selected as sources for the study. Five groups of words-marker were identified: linked with the disease, “soft” and “hard”, individual and collective approaches to responding to the challenge of the epidemic. The frequency of their use in all newspaper issues for 1891–1892 was determined. Then, the mutual arrangement of the disease marker words, on the one hand, and the marker words of other groups on the other hand, was determined. The conducted research allowed us to draw a conclusion about the absolute dominance of the “hard” and collective approaches to the response to the cholera epidemic of 1892 in Siberia. This trend resonated with the mood of the authorities. The role of the intellectual super-minority in the region – Tomsk

© А.О. Степнов, С.А. Некрылов, А.Е. Ковалев, 2025

medical professors – is especially assessed. On the contrary, they took a more reserved position in assessing the social nature of the epidemic and never became a reliable ally of the authorities.
Keywords: cholera epidemic 1892, Siberia, medicine, knowledge institutions, public opinion

Acknowledgements: The study was carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 23-78-01149, https://www.rscf.ru/project/23-78-01149/

For citation: Stepnov, A.O., Nekrylov, S.A., Kovalev, A.E. (2025) The Cholera Epidemic, Public Opinion and Expert Medical Knowledge in Siberia (1891–1892). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 80–88. doi: 10.17223/19988613/96/11

Голод в Российской империи 1891–1892 гг. дестабилизировал обстановку в стране. О. Файджес оценивает его как рубежный этап, обнаруживший недееспособность представителей государственного аппарата, непреодолимые сложности в коммуникации между обществом и властью, положившие начало Российской революции, воспринимаемой историком как единый и длительный процесс [1]. Последовавшая за голодом эпидемия холеры была частью пятой холерной пандемии. Пришла она в России с юга (от Баку и Астрахани – в первую очередь вверх по Волге) и охватила обширные территории, прежде всего Поволжья, наиболее пострадавшего от этой болезни.

Эпидемия холеры 1892 г. в литературе редко оценивается с политической точки зрения. Напротив, для исследователей она служит своего рода естественным объяснением многочисленных жертв начала 1890-х гг.: в отличие от голода ее труднее представить рукотворной, усилия правительства в данном нарративе не могли сыграть какой-либо роли в противостоянии со стихийным явлением. Вместе с тем для современников эта эпидемия определенно имела политический окрас. По России в 1892 г. прокатилась серия холерных бунтов, население в разных частях империи убивало врачей под влиянием пропаганды революционеров, воспользовавшихся трагедией. Распространялись слухи о направленном на сокращение населения заговоре правительства и врачей. Конечности трупов холерных больных, перевозившихся по городским улицам, порой еще судорожно двигались. Среди наблюдателей это создавало мрачное впечатление: многие были убеждены, что хоронить везли еще живых людей.

О точном количестве жертв событий 1891–1892 гг. (и отчасти последующих годов, когда эпидемия пошла на спад) судить затруднительно. Еще сложнее разделить жертв по причинам смерти: от холеры или голода. Это создает предпосылки для спекуляций. Усиливающаяся социальная, политическая и этническая ксенофобия – одно из важных последствий многих эпидемий.

Государство в период эпидемии холеры 1892 г. оказалось в трудном положении, став мишенью для критики при оценке несовершенств в системе организации защиты народного здравия в империи. В рассматриваемый период водопровод и канализация в российских городах все еще оставались редким явлением. Между тем в условиях динамичного развития торговли и промышленности усиливались экологические проблемы, ключевым звеном в которых стало загрязнение водоемов, откуда часто черпалась питьевая вода, – именно она считалась одним из главных источников заражения холерой. Представления о гигиене среди большинства населения находились на самом примитивном, архаичном уровне, в то время как эффективную систему борьбы с последствиями эпидемий (развитая сеть медицинских учреждений, медицинское просвещение, широкое производство действующих вакцин и лекарственных препаратов) организовать было сложно. Достаточно сказать, что в 1880 г. численность врачей на 100 тыс. населения в Российской империи составляла 1,6. Страна уступала по этому показателю Австрии, Великобритании, Франции, Германии и значительно – США [2. С. 772]. Хотя по абсолютным показателям число врачей тогда превосходило, например, Австрию, это превосходство нивелировалось с учетом обширных территорий и демографического превосходства. Показатели смертности от холеры в 1892 г. доходили до 50–70% [3. С. 33].

Сибирь в конце XIX в. выделялась даже на общероссийском фоне. В регионе отсутствовала земская медицина. При этом развитие медицины городских самоуправлений шло медленнее по сравнению с земской, доля частной медицины была ничтожной [4. С. 235–236]. Образ врача и в особенности ученого-медика – профессора открытого в 1888 г. в составе одного медицинского факультета Императорского Томского университета – приобретал в этом контексте особую социальную роль. Представители медицинского сообщества Сибири имели альтернативы при выборе стратегий своей мысли и действия во время эпидемии – от союзника до врага местной, центральной и верховной власти. Делать этот выбор было непросто в условиях информационного нагнетания, радикализации общественного мнения, которое поставлено в центр нашего исследования.

То, что во время столкновения с эпидемией информация стала стратегическим ресурсом, понимали и высшие чиновники империи. В июне 1892 г. Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел (МВД) напомнило сибирским губернаторам, что «сведения о заболеваниях холерой в различных местностях» должны печататься в местных повременных изданиях только с их особого разрешения [5. Л. 5]. На то были свои основания. Чиновники МВД неоднократно сообщали, что «различные листки в тех или других губерниях как бы соперничают между собой в сообщении разного рода известий, которые причиняют положительный вред, усиливая тревожное настроение общества; весьма часто случается, что редакторы столичных изданий по поводу каких-либо обнародованных ими слухов приводят в свое оправдание, что все это появилось уже прежде в какой-либо провинциальной газете, и подобные ссылки оказываются по большей части основательными». И далее: «При таком

положении дела не всегда удобно сдерживать в должных границах известную часть печати, когда для другой цензура служит своего рода ограждением» [5. Л. 6].

Таким образом, общественное мнение в условиях эпидемии – фактор, оказывающийся едва ли не более важным, чем способность или неспособность правительства и медицины эффективно противостоять инфекции. В дореволюционной России традиционно было принято разделять понятия «народ» и «общество». Последние, представители образованных слоев, главные поставщики и потребители материалов периодической печати, участники общественных дискуссий и члены гражданского сообщества, однако, зачастую чутко реагировали на настроения в народе. Те слухи и настроения, которые распространялись в широких кругах по преимуществу безграмотного населения, действительно нередко циркулировали и в печати. Играли свою роль их сенсационность, потенциал в деле критики власти. Разгоравшаяся во время эпидемий ксенофобия – весомая карта в игре, в которой традиционное для русской интеллигенции чувство вины перед народом сходилось с веским поводом напомнить власти о ее порочной, а временами и преступной недееспособности.

Исследование общественного мнения в ту или иную эпоху – извечная проблема исторических наук. Даже при ссылках на репрезентативные источники остаются сомнения в достоверности выводов о социальных настроениях. Изучение массовых источников не всегда подвластно даже коллективу историков, да и качество таких исследований (речь прежде всего о субъективной роли конкретного исследователя, который легко может утомиться, листая бесчисленные номера газет (может многое не заметить, многое интерпретировать произвольно)) зачастую вызывает скепсис. Цифровые технологии позволяют отчасти смягчить названную проблему. Наше исследование стало возможным при сочетании двух обстоятельств – осуществления масштабного проекта оцифровки сибирских периодических изданий с применением технологии автоматического распознавания текста и наличия механизмов исследования этих текстов посредством заранее заданных алгоритмов.

Исследование общественных настроений через способы репрезентации эпидемии холеры в довольно больших массивах правительственной, частной и церковной печати в период 1891–1892 гг. (хотя холера пришла в Россию в 1892 г., повторим, это была только часть пандемии, – приближение болезни обсуждалось заранее, тем более что эта была не первая холерная эпидемия в истории России) приблизило нас к ответу на основной вопрос нашей статьи: какие стратегии ответа на эпидемию превалировали в сибирском социуме и какие последствия это имело или могло иметь для региона.

Источниковая база – все выпуски периодических изданий, которые можно подразделить на три группы: правительственные (Томские губернские ведомости (ТГВ) [6], Енисейские губернские ведомости (ЕГВ) [7]), частные («Восточное обозрение» (ВО) [8], «Сибирский вестник» (СВ) [9]) и церковные (Тобольские епархиальные ведомости (ТобЕВ) [10], Томские епархиальные ведомости (ТомЕВ) [11], Енисейские епархиальные ведомости (ЕЕВ) [12], Иркутские епархиальные ведомости (ИЕВ) [13]). Губернские ведомости в Сибири воспринимались неоднозначно: кто-то видел в них вторичную периодику, не обладавшую оригинальностью, указывалось на их официозность, однако к началу 1890-х гг. они приобрели свои типологические черты, организационные и содержательные особенности в системе правительственной и провинциальной печати. Сегодня это важный источник, отражающий общественную жизнь сибирского края рубежа XIX–XX вв. [14. С. 594]. «Восточное обозрение» и «Сибирский вестник» – ведущие частные газеты Сибири своего времени. Подчеркивалось, что на страницах «Восточного обозрения», детища сибирских областников, отстаивалось самостоятельное внутреннее развитие Сибири [15. С. 157]. «Сибирский вестник» в этом смысле с одобрения местных властей изначально создавался как противовес «Восточному обозрению», а также «Сибирской газете» и газете «Сибирь» [15. 170–172]. К 1880–1890-м гг. завершился процесс складывания епархиальной периодики в Сибири и стране в целом [16. С. 166–167]. Подобранная группа периодики, таким образом, представляет собой достаточное разнообразие всего общественного спектра Сибири начала 1890-х гг., что позволяет репрезентативно выявить основные тенденции в рамках поставленной проблемы.

Особо следует остановиться на методе. В первую очередь для работы с распознанными текстами периодических изданий были выделены слова-маркеры, обозначающие эпидемию (заболевания): «холера», «эпидемия», «заболевание», «болезнь», «инфекция», «зараза», «заражение», «поражение», «занос». Некоторые из этих слов отсылают нас к болезням в целом, а не конкретно к холере. Данное допущение компенсируется тем, что в 1891–1892 гг. холера все-таки была главным заболеванием, которое волновало российское и мировое сообщество. Слова-маркеры эпидемии отбирались из вокабуляра трудов врачей и ученых-медиков, причем предпочтение отдавалось именно сибирским. Это, к примеру, работы томских профессоров А.И. Судакова [17] и М.Г. Курлова [18], брошюры прозектора по кафедре анатомии Томского университета С.М. Чугунова [19], врачей В.С. Пирусского [20] и П.П. Еланцева [21] и др., некоторые другие материалы из медицинской периодики и газет.

Та же цель (выбрать слова, которыми, говоря о холере и сопутствовавших ей явлениях, пользовались сами современники) преследовалась при подборе иных групп слов-маркеров, обозначающих то, что мы, быть может, несколько вольно назвали «мягким» («ассенизация», «иммунизация», «профилактика») и «жестким» («контагионизм», «карантин», «дезинфекция», «изоляция», «надзор», «кордон») подходами (стратегиями) ответа на эпидемию. Нетрудно заметить, что если слова-маркеры «мягкого» подхода апеллируют к нерадикальным способам ответа, то «жесткого» – к более решительным мерам, которые бывают востребованными в периоды эпидемий. Для «мягких» стратегий более характерны поиски индивидуальных причин и источников инфекционного заболевания, уклонение

от конструирования коллективных виновников (политических, социальных или этнических групп). Напротив, к «жестким» стратегиям примыкает коллективный подход, оперирующий групповыми идентичностями. Поэтому дополнительно отобраны слова-маркеры индивидуального («утомление», «усталость», «истощение», «слабость», «упадок», «предрасположение», «влажность», «болото») и коллективного («беднота», «низы», «окраина», «рабочие», «люмпен», «иммигранты», «арестанты», «каторжники») подходов к вопросам о социальной природе заболевания. Эта природа, соответственно, интерпретируется либо как естественное явление, в котором трудно отыскать виновных и ответственных (та самая концепция, в русле которой эпидемия холеры 1892 г. гораздо труднее, чем голод, связывается с политикой и действиями правительства, о чем сказано в начале статьи; такая концепция как бы легитимизирует и смягчает последствия эпидемии как неизбежные и обусловленные не злонамеренным действием (или бездействием), а естественным порядком вещей), либо как культурная, сконструированная ситуация, источник которой – та или иная группа людей.

Отсылка к группам неслучайна. Холера – непростая болезнь, трудно совместимая с человеческим достоинством. В отличие, к примеру, от туберкулеза, сифилиса, чумы, она не нашла тонкого эстетического воплощения в произведениях искусства и литературы. Больше того, в разных странах в XIX в. холера воспринималась как болезнь чужеродная, к которой особо склонны низшие классы. Эпидемии холеры нередко казались современникам плебейскими. Холерные эпидемии традиционно усиливали напряженность в городах, а невосприимчивость богатых жителей к этой болезни представлялась закономерной. Традиционны здесь и отсылки к пришлому населению (сезонные рабочие, переселенцы, иммигранты, заключенные (арестанты, каторжники)), селившемуся, как правило, в не самых благополучных районах. Это усиливало недоверие даже внутри сообществ низших слоев (пришлые и местные-старожилы). Возникавшая на этом фоне конспирология, порой перетекавшая в мятежи и бунты, закономерна. Ф. Сноуден называет это «холерным террором» [22. С. 264–269], и это явление было характерно отнюдь не только для России XIX в.

В период холерных эпидемий конца XIX – начала XX в. в России рабочие, иммигранты, моряки были наиболее подвержены заболеванию [23. С. 56]. В Сибири возникновение эпидемии холеры в 1892 г. также сопровождалось движением населения – прибытием переселенцев, внутренним движением населения Сибири. Власть была растеряна. Попытки умиротворить население санитарным просвещением редко приносили плоды. Полицейские органы в 1892 г. находились в полной готовности подавлять беспорядки в городах самыми жесткими методами.

Написанные по нормам дореволюционной орфографии тексты газет распознавались специальной программой. Поскольку качество сканирования газет неидеально, как и сами разработки в отношении оптического распознавания символов, были исправлены ошибки, автоматизация которых возможна. Например, если союз «и» распознавался как буква «н» или буква «п», производилась проверка наличия пробелов справа и слева от букв «н» или «п». Если они присутствовали, то можно считать, что подразумевался союз «и». Также была произведена замена буквы «ѣ» на букву «е», а из всех слов, которые заканчивались на букву «ъ», с конца эта буква была удалена.

После автоматической очистки текстов сохранялись проблемы в ряде слов, которые могли быть связаны, например, с пропущенной буквой после проведения оптического распознавания символов или с естественными причинами. Так, слово «изоляция» может быть написано, как «изоляции» (его ненормальная форма), «изляция» (пропуск букв), «изаляция» (ошибка в слове). Преобразование каждого слова в большом количестве текстов при помощи инструментов для лемматизации и исправления ошибок может занять крайне много времени. В связи с этим был разработан альтернативный подход: искомое слово сравнивалось со всеми другими словами при помощи схожестей Жаккара и Левенштейна. Если по ряду правил, основанных на схожестях, слово обнаруживалось в тексте, его расположение в тексте записывалось и сохранялось. С использованием текущей системы распознавания текста суммарное ненормированное количество обнаруженных слов-маркеров эпидемии (заболеваний) составило 5 665 (среднее количество слов-маркеров категории – 629 (количество обнаруженных слов-маркеров, поделенное на количество уникальных слов-маркеров категории (в данном случае уникальных слов-маркеров 9)), «мягких» подходов – 27 (среднее количество слов-маркеров категории – 9), «жестких» – 1 258 (среднее количество слов-маркеров категории – 209), индивидуального – 1 415 (среднее количество слов-маркеров категории – 177), коллективного – 4 996 (среднее количество слов-маркеров категории – 624).

Суть примененного метода – в выявлении степени близости слов-маркеров различных групп, и на основании этого – оценки доминирующих стратегий ответа на эпидемию. После обнаружения в текстах всех необходимых слов (отобранных слов-маркеров) производился расчет, насколько далеко (по количеству слов) другие маркеры находятся от маркеров заболеваний (были произведены расчеты для дальности в 5, 15, 30 и 50 слов). Затем полученные значения нормировались на общее количество упоминаний каждого маркера. Так, если слово «рабочие» суммарно упоминалось 188 раз на расстоянии до 15 слов от маркера заболеваний, а суммарно это слово упоминалось 3 760 раз, то процент упоминаний такого слова на расстоянии не более 15 слов от маркера заболеваний составляет 0,05, в то время как у слова «болото» при упоминании на том же расстоянии всего 39 раз, процент упоминаний составляет 0,09.

Итак, на рис. 1 показаны результаты исследования встречаемости слов-маркеров каждой выделенной нами группы, нормированные на количество слов в каждом конкретном исследуемом периодическом издании. Например, во всех номерах за 1891–1892 гг. газеты «Сибирский вестник» 0,11% всех употребляемых слов составили слова-маркеры заболеваний (эпидемии), в Томских губернских ведомостях – 0,07 % и т.д.

Встречаемость слов-маркеров заболевания более высокая в случае с частными периодическими изданиями (СВ и ВО), в правительственной печати этот показатель ниже, как и в церковной, за исключением Тобольских и Томских епархиальных ведомостей. Это объяснимо – эпидемия холеры двигалась с запада на восток по речным и наземным путям (через туркестанские области на юге – затем в Акмолинскую область и далее по Сибири, а также с северо-запада – с Камы (с партиями переселенцев и арестантов)), и первые губернии, которые встретились с эпидемией в 1892 г. – это Тобольская и Томская.

Встречаемость слов-маркеров «жесткого» и коллективного подходов выше, чем мягкого и индивидуального. Особо выделяется «Восточное обозрение» – лидер по встречаемости слов-маркеров «жесткого» и коллективного подходов. Известная областническая тенденция этого издания во многом объясняет такой результат – критика политики центра, связанной с развитием средств коммуникации в Сибири. Проникновение эпидемий – неизбежное следствие такой политики. Выделяются по рассматриваемому показателю церковные периодические издания: невелика в них встречаемость слов-маркеров «мягкого» и индивидуального, «жесткого» и коллективного подходов. Епархиальные ведомости, таким образом, занимали более нейтральную позицию, правительственная печать – среднее положение. Важно, однако, заметить, что на рис. 1 даны общие показатели по группам изолированно – пока без анализа их близости, взаиморасположения в текстах.

По всем изданиям среди слов-маркеров заболевания (рис. 2) выше встречаемость таких нейтральных по смысловой окраске, как «болезнь» (от 0,022% в ЕГВ до 0,11% в ТомЕВ) и «холера» (от 0,0019 до 0,038% в СВ), чем более эмоциональных («занос», «поражение» и др.).

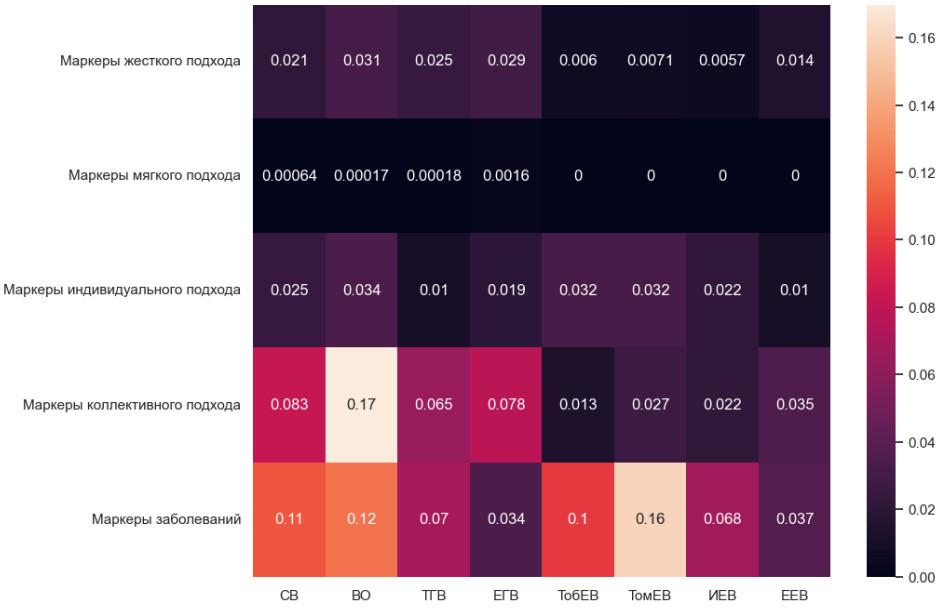

Рис. 1. Тепловая карта по проценту обнаруженных маркеров

Рис. 2. Тепловая карта по проценту маркеров заболеваний

Выявленные результаты показали, что некоторые уникальные слова-маркеры («утомление», «слабость», «упадок») могут встречаться часто на расстоянии до 15 слов от слов-маркеров заболевания (табл. 1). Однако это может быть связано просто с описанием симптомов заболевания рядом. Слово «рабочие» (маркер коллективного подхода) встречается рядом с маркером заболевания значительно чаще, но на большем расстоянии – 188 на расстоянии до 15 слов, 339 до 30 и 518 до 50 (табл. 2).

Таблица 1

Суммарные (слева и справа) и относительные (в среднем) показатели упоминаний слов-маркеров заболеваний на разных расстояниях (от 5 до 50 слов слева и справа) от слов-маркеров «мягкого» и индивидуального подходов

Слова-маркеры	5 слов		15 слов		30 слов		50 слов	
	Сумм.	Отн. (не в %)	Сумм.	Отн. (не в %)	Сумм.	Отн. (не в %)	Сумм.	Отн. (не в %)
Слова-маркеры «мягкого» подхода								
Ассенизация	3	0,18	10	0,625	16	1,0	24	1,5
Иммунизация	0	0	0	0	0	0	0	0
Профилактика	3	0,27	5	0,45	6	0,54	7	0,63
Всего	6	0,45	15	1,075	22	1,54	31	2,13
Слова-маркеры индивидуального подхода								
Утомление	3	0,02	14	0,12	24	0,20	42	0,36
Усталость	0	0	4	0,05	7	0,09	16	0,21
Истощение	5	0,05	9	0,09	13	0,13	24	0,24
Слабость	7	0,04	21	0,13	31	0,20	44	0,28
Упадок	11	0,05	27	0,14	42	0,22	64	0,34
Предрасположенность	3	3,0	4	4,0	5	5,0	5	5,0
Влажность	4	0,01	12	0,03	24	0,06	50	0,14
Болото	17	0,04	39	0,09	77	0,18	105	0,25
Всего	50	3,21	130	4,65	223	6,08	350	6,82

Таблица 2

Суммарные (слева и справа) и относительные (в среднем) показатели упоминаний слов-маркеров заболеваний на разных расстояниях (от 5 до 50 слов слева и справа) от слов-маркеров «жесткого» и коллективного подходов

Слова-маркеры	5 слов		15 слов		30 слов		50 слов	
	Сумм.	Отн. (не в %)	Сумм.	Отн. (не в %)	Сумм.	Отн. (не в %)	Сумм.	Отн. (не в %)
Слова-маркеры «жесткого» подхода»								
Контагионизм	0	0	0	0	0	0	0	0
Карантин	32	0,23	100	0,74	184	1,36	251	1,8
Дезинфекция	20	0,12	69	0,425	127	0,78	194	1,19
Изоляция	3	0,21	6	0,428	9	0,64	11	0,78
Надзор	26	0,02	89	0,097	180	0,19	255	0,27
Кордон	5	0,16	8	0,26	12	0,40	17	0,56
Всего	86	0,74	272	1,95	512	3,37	728	4,6
Слова-маркеры коллективного подхода								
Беднота	3	0,02	5	0,03	7	0,05	10	0,07
Низы	0	0	2	0,03	8	0,12	14	0,21
Окраина	7	0,01	23	0,059	45	0,11	76	0,19
Рабочие	74	0,02	188	0,05	339	0,10	518	0,15
Люмпен	0	0	0	0	0	0	0	0
Иммигранты	0	0	0	0	0	0	0	0
Арестанты	30	0,03	76	0,08	128	0,14	189	0,2
Каторжники	1	0,01	1	0,01	1	0,01	1	0,01
Всего	115	0,09	295	0,259	528	0,53	808	0,83

Некоторые из отобранных слов-маркеров не встречались почти нигде, например слова «иммунизация» и «контагионизм». Вероятно, это связано с тем, что слова-маркеры мы отбирали из трудов (хотя и ориентированных на широкую публику), написанных медиками, в том числе учеными, и данные термины более характерны для научных работ. Отсутствие в результатах контекстуальных упоминаний слова «иммигранты» является, следует это признать, упущением авторов, сделанным при отборе слов-маркеров: учитывая сибирский контекст конца XIX в., следовало бы заменить его словом «переселенцы». Однако исследование переселенческого фактора (взаимоотношения переселенцев и старожилов) в социальных последствиях эпидемии – проблема для отдельного исследования, к которой можно обратиться, используя и апробированные в нашей статье методы.

Но главный вывод в другом. При всех нюансах и несовершенствах исследование показало заметный перевес слов-маркеров «жесткого» и коллективного подходов над «мягким» и индивидуальным. Из таблиц с данными видно, что на расстоянии до 5 слов от слов-маркеров заболеваний суммарное упоминание слов-маркеров «жесткого» подхода больше, чем слов-маркеров «мягкого» подхода, в 14,3 раза; до 15 слов – в 18,1 раза; до 30 слов – в 23,3 раза, до 50 слов – в 23,5 раза. Хотя то обстоятельство, что этот разрыв увеличивается по мере отдаления от слов-маркеров заболевания, и оставляет известные сомнения (высок риск «вторжения» иных контекстов), все же преобладание «жестко-

го» подхода налицо. Соответствующее превосходство слов-маркеров коллективного подхода над индивидуальным составляет: до 5, 15 и 50 слов – в 2,3 раза, до 30 слов – в 2,4 раза. Распределение слов-маркеров из разных групп по конкретным изданиям (см. рис. 1) позволяет сделать выводы и о том, что маркеры «жесткого» и коллективного подходов преобладали в частной и правительственной печати. В епархиальных ведомостях слова-маркеры «мягкого» подхода вообще отсутствует. Ясно, что церковная печать оказалась менее вовлеченной как в оценки социального характера эпидемии, так и в общественно-политические вопросы в целом. Это должно скорректировать дальнейшие исследования проблемы в аспекте подбора конкретных изданий.

Упоминание слов-маркеров «жесткого» подхода только увеличивается при отдалении от слов-маркеров заболевания: «карантин» в 8 раз чаще упоминается на расстоянии до 50 слов, чем до 5, «дезинфекция» – в 9,7 раза, «изоляция» – в 3,7 разаа; «надзор» – в 9,8 раза; «кордон» – в 3,4 раза. При всем скепсисе, который может возникнуть при ознакомлении с такими результатами, возникает все же вопрос: а с каким контекстом еще могли быть связаны эти уникальные слова-маркеры из группы «жесткого» подхода в разгар эпидемии холеры в Сибири даже на расстоянии до 50 слов?

Другой аспект, на котором следует акцентировать внимание, состоит в том, каким именно образом применяются слова-маркеры «жесткого» и коллективного подходов вблизи слов-маркеров заболеваний. Очевидно, что это может быть и осуждение, связанное с такими мерами и оценками природы эпидемии. Так, к примеру, А.И. Судаков в 1894 г. отмечал: «Как бы то ни было, однако ж в настоящее время в борьбе против холерных эпидемий меры дезинфекции применяются всюду. В каждом современном докладе о холере приходится читать о “строжайшем” применении мер дезинфекции, о расходах на карболовую кислоту, сулему и проч., и проч.; но во всех подобного рода докладах ни единого слова обыкновенно не приходится слышать о результатах действия этих мер. Полезное действие мер дезинфекции при холере считается, по-видимому, вне всякого сомнения» [17. С. 117]. Заметим, что у А.И. Судакова, как и у его коллег-медиков, такие сомнения были.

Отмечалось, что в Томске меры дезинфекции в 1892 г. производились с большими «усердием и тщательностью», чем в других, «за неимением к тому свободных рук», городах Сибири – Тобольске, Омске, Барнауле. Между тем данные о смертности на 1 000 населения не особо разнились в этих городах (21,8 в Томске, 23,1 в Тобольске, 22,6 в Омске, 21 в Барнауле) [17. С. 118]. Такое рвение в Томске объяснялось наличием здесь студентов-медиков, которым можно было поручить дезинфекционные меры. Слова-маркеры «арестанты» (рядом с «переселенцами») использовались в работе и М.Г. Курлова: «…6 июля [1892 г.] эпидемия [холеры] достигла Перми и отсюда вместе с партиями переселенцев и арестантов прошла в пределы Тобольской и Томской губерний…» [18. С. 6]. Однако каких-либо негативных коннотаций и контекста с признаками конструирования этих социальных групп как нежелательных в регионе в текстах Курлова не обнаруживается.

С другой стороны, здесь мы ссылаемся на большей частью научные труды. Газетная публицистика имеет свои законы. Важно подчеркнуть, что в выборе «жестких» стратегий ответа на эпидемии власть была движима скорее страхом, чем непримиримостью. Вероятно, в появлении в информационной сфере Сибири 1891–1892 гг. превалирующих мотивов «жесткого» и коллективно окрашенного социального ответа на эпидемии страх сыграл неменьшую роль. Все же страх – это предпосылка для насилия и ксенофобии, которые в Сибири, в условиях колоссального разнообразия этносов и социальных групп, вероятнее всего, имели бы разрушительные последствия.

Кажется, лучшей опоры для власти, чем суждения профессоров М.Г. Курлова и А.И. Судакова – проповедников альтернативных ответов на вызов эпидемии, найти было трудно. Но власть не распознавала их в качестве своих союзников. Департамент полиции охотно собирал доносительские по своему характеру студенческие документы, в которых обличалась «неограниченная власть» ректора Томского университета А.И. Судакова (занимал эту должность в 1892–1894 гг., а затем в 1895–1903 гг.). Характерно, что студенты сетовали на то, что А.И. Судаков как ректор был лицом, назначенным Министерством народного просвещения, а не избранным коллегией профессоров, не забывая при этом критиковать его педагогические навыки, а также на то, что он заслужил свое положение «полной угодливостью перед начальством» [24. Л. 1]. Документ очень напоминает обличительные характеристики старой профессуры, составлявшиеся уже в советское время – в 1920–1930-е гг. Департамент полиции, однако, предпочитал «негласным путем» проверять эти сведения, притом что со стороны имперской власти обвинение в «угодливости перед начальством» должно было выглядеть абсурдным. М.Г. Курлов на фоне событий Первой русской революции стал первым избранным ректором Томского университета. Тогда это считалось победой над властью, но уже в советские годы было заявлено, что М.Г. Курлов якобы был до революции связан с националистами и черносотенцами. Ни А.И. Судаков, ни М.Г. Курлов никогда не принадлежали к влиятельной группе либеральной профессуры, не были они «своими» и для власти. Их идентичность оказалась особой. Все это только подчеркивает запутанность, доходящую до абсурда, социально-политической системы поздней Российской империи.

Страху обыкновенно принято противопоставлять спокойствие. И это та черта, которая проявляется в текстах представителей в высшей степени немногочисленной первой когорты профессоров Сибири. В 1892 г. они – суперменьшинство в регионе, и вместе с тем их оценки эпидемии, основанные на уклонении от любых форм конструирования социальных или этнических групп – виновников эпидемии (хотя, конечно, холеру всегда кто-то приносил), на осуждении карантинно-дезинфекционных мер властей, на стремлении

к улучшению условий жизни (прежде всего меры по ассенизации почв) в низинных частях городов (именно там обыкновенно начинались эпидемии и наблюдалась наивысшая смертность), – это известная оппозиция властному и, как мы выяснили, вероятнее всего, и общественному дискурсу

Список источников

1. Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution: 1891–1924. New York : Penguin Books, 1998. 923 p.
2. Статистическое приложение. Основные показатели развития России сравнительно с другими странами в XIX–XX вв. // Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 тт. 2-е изд., испр. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. Т. 3 С. 749–801.
3. Смирнова Е.М., Ерегина Н.Т. «Карантины чуть не взбунтовали 16 губерний»: власть, врачи и общественность России в борьбе с эпидемиями холеры (XIX – начало XX века) // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 33–48.
4. Поддубный М.В., Егорышева И.В., Блохина Н.Н., Гончарова С.Г. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.) / под ред. Р.У. Хабриева. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2014. 248 с.
5. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 3272.
6. Томские губернские ведомости. Томск, 1891–1892.
7. Енисейские губернские ведомости. Красноярск, 1891–1892.
8. Восточное обозрение : газета литературная и политическая. Иркутск, 1891–1892.
9. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск, 1891–1892.
10. Тобольские епархиальные ведомости. Тобольск, 1891–1892.
11. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1891–1892.
12. Енисейские епархиальные ведомости. Красноярск, 1891–1892.
13. Иркутские епархиальные ведомости. Иркутск, 1891–1892.
14. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 622 с.
15. Жилякова Н.В., Есипова В.А., Шевцов В.В. «Секретно. Конфиденциально»: цензурная история журналистики Томской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2022. 374 с.
16. Нетужилов К.Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 268 с.
17. Судаков А.И. Холерная эпидемия в Томске летом 1892 года. Томск : Типо-лит. П.И. Макушина, 1894. 135 с.
18. Курлов М.Г. Общий обзор холерной эпидемии // Труды Томского общества естествоиспытателей и врачей. Год четвертый. Томск : Типо-лит. П.И. Макушина, 1894. С. 1–17.
19. Чугунов С.М. Холера. Томск : Тип. М. Ф. Картамышевой, 1892. 26 с.
20. Пирусский В.С. Какая болезнь холера, откуда она берется и как от нее остерегаются. Томск : Тип. губернского правления, 1893. 24 с.
21. Еланцев П.П. Общий обзор холерной эпидемии Томской губернии в 1892 году // Труды Томского общества естествоиспытателей и врачей. Год четвертый. Томск : Типо-лит. П.И. Макушина, 1894. С. 18–60.
22. Сноуден Ф. Эпидемии и общество: от Черной смерти до новейших вирусов. М. : Альпина нон-фикшн, 2023. 620 с.
23. Ковалев М.В., Шешнев А.С. Факторы развития и распространения холерных заболеваний в Саратове (конец XIX – начало XX века) // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2017. № 1. С. 55–62.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 230 (д. 1902). Д. 1002.

References

1. Figes, O. (1998) *A People's Tragedy: The Russian Revolution: 1891–1924*. New York: Penguin Books.
2. Mironov, B.N. (2018) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 tt.* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity: in 3 vols]. 2nd ed. Vol. 3. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 749–801.
3. Smirnova, E.M. & Eregina, N.T. (2021) “Karantiny chut' ne vzbuntovali 16 guberniy”: vlast', vrachi i obshchestvennost' Rossii v bor'be s epidemiyami kholery (XIX – nachalo XX veka) [“Quarantines Nearly Caused a Revolt in 16 Provinces”: The Government, Doctors, and the Public in Russia’s Fight Against Cholera Epidemics (19th – Early 20th Century)]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2(68). pp. 33–48.
4. Poddubnyy, M.V., Egorysheva, I.V., Blokhina, N.N. & Goncharova, S.G. (2014) *Istoriya zdravookhraneniya dorevolyutsionnoy Rossii (konets XVI – nachalo XX v.)* [History of Healthcare in Prerevolutionary Russia (Late 16th – Early 20th Century)]. Moscow: GEOTAR-Media.
5. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 2. File 3272.
6. *Tomskie gubernskie vedomosti*. Tomsk. 1891–1892.
7. *Eniseyskie gubernskie vedomosti*. Krasnoyarsk. 1891–1892.
8. *Vostochnoe obozrenie: gazeta literaturnaya i politicheskaya*. Irkutsk. 1891–1892.
9. *Sibirskiy vestnik politiki, literatury i obshchestvennoy zhizni*. Tomsk. 1891–1892.
10. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. Tobolsk. 1891–1892.
11. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. Tomsk. 1891–1892.
12. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. Krasnoyarsk. 1891–1892.
13. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. Irkutsk. 1891–1892.
14. Shevtsov, V.V. (2016) *Pravitel'stvennaya periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Government Periodical Press in Siberia (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Zhilyakova, N.V., Esipova, V.A. & Shevtsov, V.V. (2022) *“Sekretno. Konfidentsial'no”: tsenzurnaya istoriya zhurnalistiki Tomskoy gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [“Secret. Confidential”: The Censorship History of Journalism in Tomsk Province (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Netuzhilov, K.E. (2007) *Tserkovnaya periodicheskaya pechat' v Rossii XIX stoletiya* [Church Periodical Press in Russia in the 19th Century]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
17. Sudakov, A.I. (1894) *Kholernaya epidemiya v Tomske letom 1892 goda* [The Cholera Epidemic in Tomsk in the Summer of 1892]. Tomsk: P.I. Makushin.
18. Kurlov, M.G. (1894) Obshchiy obzor kholernoy epidemii [General Review of the Cholera Epidemic]. In: *Trudy Tomskogo obshchestva estestvoispytateley i vrachey* [Proceedings of the Tomsk Society of Naturalists and Physicians]. Fourth Year.. Tomsk: P.I. Makushin. pp. 1–17.
19. Chugunov, S.M. (1892) *Kholera* [Cholera]. Tomsk: M.F. Kartamysheva.
20. Pirusskiy, V.S. (1893) *Kakaya bolezn' kholera, otkuda ona beretsya i kak ot nee osteregayutsya* [What Kind of Disease Cholera Is, Where It Comes From and How to Guard Against It]. Tomsk: Tip. gubernskogo pravleniya.
21. Elantsev, P.P. (1894) Obshchiy obzor kholernoy epidemii Tomskoy gubernii v 1892 godu [General Review of the Cholera Epidemic in Tomsk Province in 1892]. In: *Trudy Tomskogo obshchestva estestvoispytateley i vrachey* [Proceedings of the Tomsk Society of Naturalists and Physicians]. Fourth Year.. Tomsk: P.I. Makushin. pp. 18–60.

22. Snowden, F.M. (2023) *Epidemii i obshchestvo: ot Chernoy smerti do noveyshikh virusov* [Epidemics and Society: From the Black Death to the Present]. Translated from English. Moscow: Al'pina non-fikshn.
23. Kovalev, M.V. & Sheshnev, A.S. (2017) Faktory razvitiya i rasprostraneniya kholernykh zabolevaniy v Saratove (konets XIX – nachalo XX veka) [Factors of Development and Spread of Cholera Diseases in Saratov (Late 19th – Early 20th Century)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya*. 1. pp. 55–62.
24. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 230 (d. 1902). File 1002.

***Сведения об авторах*:**
Степнов Алексей Олегович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории, старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: brothe.numb1@gmail.com
Некрылов Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: medicinahistory@yandex.ru
Ковалев Александр Евгеньевич – специалист Сибирского (Томского) центра изучения искусственного интеллекта и цифровых технологий (Томск, Россия). E-mail: kovalev-aleksandr02@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Stepnov Alexei O. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Russian history, Senior Researcher at the Laboratory of Social and Anthropological Research of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: brothe.numb1@gmail.com
Nekrylov Sergei A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: medicinahistory@yandex.ru
Kovalev Aleksandr E. – Specialist at the Siberian (Tomsk) Center for the Study of Artificial Intelligence and Digital Technologies (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kovalev-aleksandr02@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.05.2025; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 07.05.2025; accepted for publication 01.08.2025

Научная статья
УДК 332.3:304 (571.51)
doi: 10.17223/19988613/96/12

Организация землепользования переселенцев Бельской и Казачинской волостей Енисейского уезда Енисейской губернии в период проведения аграрной реформы П.А. Столыпина

Людмила Ивановна Шерстова[1], Ольга Владимировна Деньгина[2]

[1] Томский государственный университет, Томск, Россия
[2] Восточно-Сибирский техникум туризма и сервиса, Красноярск, Россия
[1] Sherstova58@mail.ru
[2] dengolga@yandex.ru

Аннотация. На примере Бельской и Казачинской волостей Енисейского уезда Енисейской губернии ставится проблема аграрной колонизации начала XX в. в лесной и болотистой местности, мало пригодной для продуктивного земледелия. Дается анализ практик переселенцев по адаптации в новом природном и социальном окружении. Делается вывод, что главными проблемами в ходе адаптации были трудности в расчистке от леса участков, неурожаи, недостаток средств для обустройства. Поэтому большинство переселенцев предпочитало общинную форму землепользования хуторам и отрубам.
Ключевые слова: колонизационный фонд, переселенцы, землеустройство, хутор, отруб, Енисейская губерния

Для цитирования: Шерстова Л.И., Деньгина О.В. Организация землепользования переселенцев Бельской и Казачинской волостей Енисейского уезда Енисейской губернии в период проведения аграрной реформы П.А. Столыпина // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 89–95. doi: 10.17223/19988613/96/12

Original article

Organization of land use of settlers of the Belsky and Kazachinsky volosts of the Yenisei district of the Yenisei province during the period of P.A. Stolypin's agrarian reform

Lyudmila I. Sherstova[1], Olga V. Dengina[2]

[1] Tomsk State University, Tomsk. Russian Federation
[2] East Siberian College of Tourism and Service, Krasnoyarsk, Russian Federation
[1] Sherstova58@mail.ru
[2] dengolga@yandex.ru

Abstract. The northern regions of the Yenisei province were unsuitable for agriculture. The preparation of resettlement sites began here later than in the southern counties of the province. Initially, the settlers settled in the areas more favorable for agriculture - Achinsk, Krasnoyarsk, Minusinsk, Kansky. By 1908, officials of the Resettlement Administration were forced to look for vacant land in remote northern counties. The Yenisei district was considered the coldest and meagre in terms of harvests in the Yenisei province. A feature of the colonization fund of the Belsky and Kazachansky volosts in the Yenisei district of the Yenisei province was the forest and swampy nature of the area. The land relations of the old-timers became more complicated due to their excessive use of land, and the allocation and cutting of plots for settlers became more complicated. The resettlement administration of the Yenisei province decided to seize the surplus lands of the old-timers on the basis of the law of June 13, 1893 and the formation of resettlement plots on these lands. Some land managers assumed that such an order would lead to conflicts with local residents. In addition, limiting the size of old-timers' lands to 15-20 desyatinas will ruin their farms. The issue of providing lands favorable for agriculture in the right size has become the most important for the settlers. They had to take additional use of uninhabited resettlement areas where there was no water. The land claims of the settlers for the expansion of land shares were satisfied. Most of the settlers preferred a communal form of land use to farms and cuttings. The main problems during the adaptation were difficulties in clearing forest plots, crop failures, and lack of funds for landscaping. In the northern territories, new settlers needed financial support from the state to a greater extent than in the southern territories. The organization of land use in the Belskaya and Kazachinskaya volosts of the Yenisei district of the Yenisei province revealed significant difficulties in the activities of land managers and the settlement of migrants.
Keywords: colonization fund, settlers, land use planning, farm, cut, Yenisei province

© Л.И. Шерстова, О.В. Деньгина, 2025

For citation: Sherstova, L.I., Dengina, O.V. (2025) Organization of land use of settlers of the Belsky and Kazachinsky volosts of the Yenisei district of the Yenisei province during the period of P.A. Stolypin's agrarian reform. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 89–95. doi: 10.17223/19988613/96/12

Актуальность темы обусловлена слабой изученностью проблемы землепользования переселенцев Бельской и Казачинской волостей Енисейского уезда в период проведения аграрной реформы П.А. Столыпина, так как эти северные районы в меньшей степени были пригодны для земледелия по сравнению с южными уездами Енисейской губернии, и землеустроительные работы здесь начались позже. Это привело к определенным особенностям организации переселенческого движения, что и нашло отражение в данном исследовании. Поэтому целью исследования является анализ процесса реализации землеустроительной политики начала XX в. в Бельской и Казачинской волостях Енисейского уезда Енисейской губернии, а также выявление практик адаптации переселенцев к непривычному социальному и природному окружению.

Источниками исследования послужили делопроизводственные материалы и учетная документация, представленные материалами Государственного архива Красноярского края (ГАКК). Нами были использованы следующие фонды: 160 «Енисейская губернская казенная палата»; 645 «Заведующий водворением переселенцев в Кемчуго-Кетском подрайоне чиновник особых поручений переселенческого управления»; 262 «Заведующий переселением и землеустройством в Енисейской губернии»; 401 «Управление земледелия и госимуществ Енисейской губернии»; 595 «Енисейское губернское управление».

Переселенческая и землеустроительная политика была основой аграрной реформы П.А. Столыпина. В работах современных авторов о переселенческом движении в Енисейской губернии существенным пробелом является отсутствие исследований, раскрывающих конкретные факты и условия хозяйственного обустройства и адаптации переселенцев. На региональном уровне большинство работ посвящено изучению переселений в южные территории Енисейской губернии, истории возникновения населенных пунктов и органов местного управления, бытовой стороне жизни старожилов, а также взаимоотношениям инородцев и старожилов. Остаются малоизученными особенности проведения землеустроительной и переселенческой политики П.А. Столыпина в притаежных, северных районах губернии.

Территориальные рамки исследования – Бельская и Казачинская волости Енисейского уезда Енисейской губернии, которые власти не использовали в колонизационных целях до 1908 г. из-за сурового климата и лесного, болотистого характера местности.

Переселенческое движение первоначально распространялось на наиболее благоприятные для земледелия территории – Ачинский, Красноярский, Минусинский и Канский уезды. Новоселы расселялись на землях вдоль железной дороги, к югу и северу от нее. Наиболее привлекательным для переселений был Минусинский уезд, который уже к концу XIX в. являлся самым освоенным земледельческим регионом Сибири. Архивные документы свидетельствуют, что большинство столыпинских переселенцев стремилось поселиться именно в данном уезде. Желающие стали прибывать в уезд в начале реформы – с 1906 г., и именно этот район губернии стал ведущим по количеству хуторов и отрубов среди старожилов. Переселенцы Минусинского уезда значительно реже стремились к внутринадельному размежеванию [1. С. 20–22]. Землеустройство в данном уезде осложнялось скотоводческим характером хозяйства коренного населения – хакасов, земельные наделы которых были сокращены в полтора раза. В целом исследователи отмечают относительно мирный характер землеустройства в уезде [2].

К 1908 г. перед чиновниками Переселенческого управления встала задача изыскания свободных казенных земель в северных и удаленных от железных дорог уездах Енисейской губернии. Климат Енисейского уезда исследователи описывали как имеющий суровый характер: «…в Енисейском округе, даже в южной его части, зима продолжительна, от пяти до пяти с половиной месяцев, лето – три и три с половиной месяца, остальное приходится на весну и осень; здесь осень продолжительнее весны, ибо нередко осенние заморозки начинаются еще в конце августа». Данный уезд считался самым холодным, северным, скудным по урожайности из уездов губернии по результатам статистических исследований начала XX в. [3. С. 6].

На протяжении XVII–XIX вв. менялось хозяйственное и политическое значение Енисейского уезда. К концу XVIII в. Енисейский старожильческий район становится «периферийной зоной русского расселения». Причиной утраты роли центра старожильческого района стала его неспособность обеспечить потребности населения региона в хлебе. В это же время в губернии начались освоение Хакасско-Минусинской котловины, благоприятной для земледелия, и переселение жителей с северных в приграничные районы, а также смещение транспортной инфраструктуры на юг, к Красноярску.

Основные проблемы освоения территорий Бельской и Казачинской волостей Енисейского уезда в ходе аграрной реформы П.А. Столыпина были в повестке совещания под председательством заведующего переселением и землеустройством в Енисейской губернии В.Ю. Григорьева в феврале 1908 г. На совещании обсуждались результаты обследования южной части Кетского таежного района Енисейского уезда, поскольку землеотводные работы постепенно смещались с юга губернии на север из-за занятости большей части земель. Участниками совещания были производители работ землеотводных партий.

Проблемами Кетского таежного района Бельской волости назывались «неустроенность» его для переселений и необходимость проведения мелиоративных работ. Производитель работ Н.Б. Благовещенский заявил, что земельные отношения местных жителей

в этом районе очень запутанные, и из-за существующей у них чересполосицы выделение и нарезка переселенческих участков почти невозможны. Выступивший за ним заведующий землеотводными работами в Енисейской губернии князь Н.А. Хованский напомнил о существовании закона от 13 июня 1893 г., который допускал обход фактического землепользования крестьян на основе переписи населения. На основании этой переписи выявлялись излишки земли, часть из которых могла изыматься по соглашению с крестьянами или по решению производителя работ. Против применения данного закона выступили землеустроители Н.Б. Благовещинский, Л.Н. Кремнер, Н.Н. Волков, Д.А. Грудинец. В целом выступающие считали, что такой порядок землеустройства приведет к конфликтам с местными жителями, так как ни одно селение не пожелает добровольно передать земли под переселенческие участки. Было заявлено, что несколько волостей Енисейского уезда, за исключением Казачинской волости, вынуждены дополнительно закупать хлеб для своих нужд, а ограничение размеров наделов 15–20 десятинами приведет к разорению старожилов. По итогам совещания был намечен план работ, в который входило выяснение форм землепользования и величины земельной нормы в хозяйствах местных жителей. [4. Л. 43, 116, 132–135].

На основании п. 10 «Положения о поземельном устройстве крестьян и инородцев на казенных землях Сибирских губерний и областей» 1910 г. на переселенческих участках общего пользования за каждой семьей зачислялись земельные доли по количеству членов семьи мужского пола по норме «не выше 15 десятин удобной земли». Хуторские и отрубные участки зачислялись по одному участку за каждой семьей независимо от количества человек [5].

Чиновники особых поручений Переселенческого управления, заведующие Кемско-Ангарским и Кемчуго-Кетским подрайонами в Енисейской губернии готовили для Енисейской казенной палаты справку (протокол) о водворении на определенный участок переселенцев. В справке указывались дата водворения, количество семей, количество лиц мужского и женского пола, а также названия мест, из которых прибыли новоселы [6. Л. 20]. В документе также были отражены периоды льгот по платежам государственной оброчной подати и губернской земской повинности с выделенной земли в течение десяти лет: первые пять лет – полное освобождение от платежа, следующие пять лет – взимание сборов в половинном размере [7. Л. 7–10, 58]. Мигранты, прибывающие на новое место жительства по Переселенческому свидетельству, пользовались такой льготой, как отсрочка по воинской повинности [8. Л. 21]. На переселенцев без необходимых документов данная льгота не распространялась. При переезде на другой участок или возвращении на родину крестьянин должен был представить подписку об отказе от земельных долей в данной местности и указать свои причины.

Однако, несмотря на предоставляемые государством льготы и преференции, часть новоселов, прибывших из центральных районов России, с трудом «приживалась» на новых землях, так как они не имели навыков жизни и ведения хозяйства в таежной болотистой местности. Кроме того, оказалось, что «миф» об обилии земли в Сибири не соответствует сложившейся ситуации: наиболее пригодный для земледелия степной и лесостепной пояс уже в начале XX в. был плотно заселен аборигенными народами и русскими старожилами. Следствием несовпадения ожиданий и реальности стало стремление переселенцев покинуть территорию Енисейского уезда.

Наиболее распространенной причиной, указанной в отказных записках тех, кто принял решение уехать на родину или на другие переселенческие участки, являлись «неблагоприятные и неподходящие условия для жизни» [9. Л. 25, 40; 10. Л. 33; 11. Л. 107; 12. Л. 87; 13. Л. 185; 14. Л. 8]. В качестве других причин отъезда указывались: обилие гнуса, «неимение средств и сил», трудности полевых работ, суровый климат, плохие урожаи, смерть близких на родине, отказ в дополнительной ссуде, смерть главы семьи, «нездоровье семьи, которому вредит климат», «вследствие раздора, возникшего между однообщественниками», призыв на службу мужа или сыновей в годы Первой мировой войны, а также желание жить с родственниками, «отсутствие собственных средств и постоянного заработка» [15. Л. 49; 16. Л. 20; 17. Л. 101].

О быте переселенцев можно судить по описанию заведующего Кемчуго-Кетским подрайоном. К примеру, хозяйство переселенца Каримова на участке «Куренный» заключалось в избе, бане, телеге и сохе. «Ни лощади, ни коровы не имеется. Получил ссуды 165 рублей, с 1 ноября получает продовольствие по 1 пуду на едока в месяц. Его жалоба на то, что семья его болеет из-за недоедания, является голословной. Это выяснилось при посещении участка фельдшером Пировского пункта. Весной переселенцам будут выданы семена, а озимых посевов он не производил, хотя ему была выдана денежная ссуда. Все ссуды он уже получил. Но я ходатайствую за выдачу ссуды в 40 рублей на покупку лошади, так как он сам не сможет заработать на ее покупку», – так писал в отчете чиновник Переселенческого управления [18. Л. 62–63].

В материалах заведующего переселением и землеустройством прошения крестьян и переписка по их проверке занимают значительную часть документации. Как правило, после проверки заведующего подрайоном ситуация, описанная в прошениях переселенцев, подтверждалась. Причины бедственного положения сами крестьяне видели в суровом климате и, как следствие, неурожае зерновых. Переселенцы также понимали, что часть вины лежит на чиновниках, которые не подготовили для них участки своевременно.

Кстати, незнание или непонимание причин недовольства переселенцев наделами в таежной и болотистой местности Енисейского уезда привело к новым неудачам в использовании этих территорий для земледелия уже в советский период. Так как многие наделы, определенные для переселенцев по столыпинской аграрной реформе, оказались незаселенными, советские власти решили их использовать для новой волны переселенцев, возникшей в результате голода в Поволжье в 1920-е гг.

Вопрос обеспеченности землями, пригодными для земледелия, в нужном размере становился самым насущным для местных органов власти. Прибывшие на участок «Величкино» из Казанской губернии 47 семей обратились в июле 1921 г. к председателю землеустроительной комиссии с прошением передать им в пользование запасной участок «Водораздельный», который из-за отсутствия воды на нем не заселялся. Переселенцы поставили условие властям: если этот участок не передадут им в пользование, то они уедут [19. С. 15].

Такая ситуация была следствием того, что как царские, так и советские чиновники часто формально подходили к решению вопросов переселенцев и затягивали принятие решений. Однако новоселам часто удавалось добиваться успехов в борьбе за свои права, и со временем их земельные претензии на расширение долей были удовлетворены.

Важным элементом аграрной реформы П.А. Столыпина был курс правительства на поддержку единоличного землепользования, закрепленный циркулярами заведующего переселением и землеустройством Енисейской губернии. Например, в циркуляре от 16 марта 1909 г. сообщалось, что ссуды, предназначенные для упорядочения внутринадельного землепользования, «испрашивались» не на ту цель. Они должны были быть направлены на решение вопросов перехода семей к подворному землепользованию, расселения общества на отдельные поселки и хутора, раздела полевой земли на отруба, отвода к одним местам чересполосных участков отдельных домохозяйств, а также на передел общинных земель в целях перехода к многопольному хозяйству либо для покрытия расходов по найму землемеров. Поэтому крестьянские начальники должны лично путем осмотра убедиться в целесообразности выдачи ссуды и дать свое заключение. Затем это заключение прилагалось к ходатайству крестьян о выдаче ссуды и передавалось в губернские или областные крестьянские учреждения. Крестьянские ходатайства на выдачу ссуд составлялись решением (приговором) сельского схода не менее двух третей голосов. Выделенные деньги могли быть использованы для оплаты услуг частных землемеров на основе нотариально заверенного договора. При этом работников, подводы и необходимые материалы крестьяне должны были предоставлять сами [20. Л. 1–4].

В «Разъяснении заведующего переселением и землеустройством об основаниях, порядке и условиях производства внутринадельного размежевания переселенческих участков» объяснялось, что размежевание производится на основе ст. 18 «Правил о переселении на казенные земли». Размежевание могло производиться в виде хутора, отруба, нескольких общин и смешанных видов межевания: хутора и отруба, отруба и общины, нескольких общин. Заведующий пояснял, что под хутором понимается отдельное домохозяйство, получающее все угодья в один отруб, семья которого постоянно проживает на отведенном месте. Под отрубом понимается отвод отдельному домохозяйству, продолжающему жить в деревне, пахотных и сенокосных угодий в одном, двух или трех участках, а выгон для скота и лесной надел являются общими [21. С. 26–27].

После занятия на переселенческом участке всех долей и истечения льгот по оброчной подати заведующий водворением вместе с податным инспектором составляли акт о включении переселенческого поселка в общую «погубернскую раскладку». Этот факт означал признание поселка старожильческим. С этого времени крестьяне приобретали права на распоряжение надельной землей и могли принимать новых членов в свое общество. В циркуляре Министерства внутренних дел и Главного управления землеустройства и земледелия «О порядке заготовления переселенческого фонда за Уралом» № 221 от 23 февраля 1911 г. главноуправляющий ГУЗиЗ сделал акцент на стремлении сибирских переселенцев к единоличному хозяйству, к «освобождению от тягостных для земледелия общинных порядков». Поэтому задача государства, согласно циркуляру, состоит в том, чтобы «стать на путь создания и укрепления частной собственности» и рассмотреть возможность перехода к новому порядку в 1911 г. Весной 1912 г. появился следующий циркуляр МВД и ГУЗиЗ губернаторам, в котором речь шла о необходимости содействия внутринадельному разделу земель сибирских старожилов и переселенческого населения. [22. Л. 33, 118].

Обследование переселенческих участков зафиксировало крестьянские жалобы на недостаток земель для покосов и распашки пашни: на подготовку почвы у них уходило около трех месяцев, старую землю требовалось перепахивать три раза, а новую – два раза. Ряд запасных и незаселенных участков находился в пользовании крестьян близлежащих сельских обществ. К примеру, участок «Водораздельный» находился в совместном пользовании жителей участков «Величкино», «Тины» и «Церковный Бор». Безводный и незаселенный участок «Штехровский» также был передан в пользование переселенцам с участков «Церковный Бор» и «Левкин». Земли безводного участка «Качаев» были разделены между переселенцами с участков «Усков» и «Покровский». Площадь посевов пустующего участка «Скакун» была зарегистрирована на переселенцев из поселка Долгова. Запасной участок «Харитонов» разрабатывался переселенцами участка «Абрамовского». Земли запасного и пустовавшего участка «Быстровка» использовали под пашню переселенцы участка «Вараковский», а на участке «Лиственный» находились пашни крестьян переселенческого участка «Верхне-Менделевского». Некоторые переселенческие участки, по мнению жителей, были непригодны для земледелия и подходили только под сенокосы или были заболоченными. С трудностями в разработке почвы столкнулись переселенцы участка «Петровка» Бельской волости, которые просили перевести их на другие участки, так как им приходилось жить в землянках. В карточках обследования зафиксировано несколько поселений, часть жителей которых поддерживала отрубные и хуторские формы ведения хозяйства. Так, только около 15 домохозяйств из 47 на участке «Ускова», где образовалась деревня Ново-Алексеевская, заявляли о своем желании иметь

отрубные хозяйства, три домохозяйства участка «Медвежий» деревни Богдановки Казачинской волости желали бы иметь хутора, а несколько домохозяйств деревни Ново-Николаевской участка «Бернасовский» Пировской волости также высказывали подобные намерения. Жители деревни Ново-Алексеевка переселенческого участка «Тюльковка» сообщили, что у них была коммуна, но распалась, так как они не получили специально отведенной земли и не имели места под пашню и покосы. Крестьяне переселенческого участка «Паровой» объяснили, почему у них нет желания выходить на выселок: южная часть участка, куда можно выйти, не обеспечена водой [23. Л. 15–16, 19–28, 117–119, 124–125, 134–135, 140–141, 156–157, 236–237].

Однако значительная часть переселенцев высказалась против образования артелей, отрубов и хуторов, а также выхода на выселки. Они называли единственным желательным способом землепользования общинный тип, что было связано как с общинными традициями переселенцев районов исхода, так и с трудностями, а иногда и невозможностью ведения хозяйства отдельными семьями из-за необходимости использования колоссального физического труда для обработки земли в таежно-болотистой местности.

Приведенный материал позволяет заключить, что в Енисейском уезде в ходе реформы П.А. Столыпина началось освоение земель, относящихся к категориям «весьма трудные для заселения», такие как Кемчуго-Кетский подрайон, и «трудные», как Енисейско-Ангарский район. Включение этих территорий в колонизационный фонд началось позже, чем в остальных уездах, что было вызвано растущим потоком переселенцев из Европейской России и отсутствием свободных земель в более климатически благоприятных территориях губернии, имеющих более развитую инфраструктуру.

Формирование колонизационного фонда в Енисейском уезде происходило в период с 1908 по 1910 г. Первые столыпинские переселенцы появились на исследуемых территориях только в 1909 г. Землепользование переселенцев Бельской и Казачинской волостей имело свои особенности: подготовка переселенческих участков в условиях притаежных территорий требовала от землеустроителей большого объема мелиоративных работ; формированию переселенческих участков препятствовали участки местных жителей, так как их земли были расположены чересполосицей; суровые природно-климатические условия притаежных территорий сводили усилия земледельцев-переселенцев к минимальным результатам. Несмотря на усилия Переселенческого управления по внедрению отрубов и хуторов в систему землепользования Бельской и Казачинской волостей, большинство переселенческих хозяйств предпочитало привычную общинную форму, которая актуализировалась и стала одной из практик адаптации в непривычных ландшафтах и суровом климате таежной Сибири.

Однако неблагоприятные для земледелия климатические условия и неурожаи становились причинами возвращения части переселенцев на родину или их переезда в соседние уезды губернии. В северных территориях новоселы в большей степени нуждались в финансовой поддержке государства. Причинами бедственного положения были и действия чиновников, которые своевременно не подготовили переселенческие участки и задерживали выдачу ссуд нуждающимся. Организация землепользования на исследуемых территориях выявила существенные трудности в деятельности землеустроителей и обустройстве переселенцев., которые, однако, не были в полной мере учтены советскими органами власти в ходе переселений в таежную Сибирь в 1920–1930-е гг.

Список источников

1. Воронов И.И. Крестьянское переселение и землеустройство в Минусинском уезде на рубеже XIX–XX вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2004. 24 с.
2. Хоменко Д.Ю. Землеустроительная реформа у хакасов Енисейской губернии вначале XX в. //Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов II Всерос. молодежной науч. конф. Новосибирск, 2012. С. 155–161.
3. Естественные и производительные силы губернии и экономическая деятельность населения // Памятная книжка Енисейской губернии. Красноярск,1909.
4. Журнал Совещания по вопросу о программе сельскохозяйственной деятельности Главного управления Землеустройства и Земледелия в Енисейской губернии, проходившего 24 октября 1907 // Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 262. Оп. 1. Д. 163. 267 л.
5. Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев на казенных землях Сибирских губерний и областей // Программа реформ П.А. Столыпина : документы и материалы : в 2 т. / под общ. ред. П.А. Пожигайло. М. : Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. Т. 2. URL: http://www.hrono.ru/libris/stolypin/stpn2_26.html (дата обращения: 25.03.2024).
6. Материалы о приписке переселенцев к Казачинской волости Енисейского уезда // ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2115. 62 л.
7. Материалы о приписке переселенцев к Бельской волости // ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2177. 61 л.
8. Дело о заселении переселенческого участка Усть-Бушуйского Бельской волости Енисейского уезда // ГАКК. Ф. 645. Оп. 1. Д. 1. 162 л.
9. Материалы о приписке переселенцев к Казачинской волости Енисейского уезда // ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2502. 193 л.
10. Материалы о приписке переселенцев к Казачинской волости Енисейского уезда // ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2327. 96 л.
11. Материалы о приписке переселенцев к Казачинской волости Енисейского уезда // ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2243. 187 л.
12. Материалы о приписке переселенцев к Казачинской волости Енисейского уезда // ГАКК. Ф. 160. Оп.1. Д. 2167. 325 л.
13. Материалы о приписке переселенцев к Казачинской волости Енисейского уезда // ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2232. 422 л.
14. Материалы о приписке переселенцев к Казачинской волости Енисейского уезда // ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2628. 76 л.
15. Материалы о приписке переселенцев к Казачинской волости // ГАКК. Ф. 160. Оп 1. Д. 2398. 103 л.
16. Материалы о приписке переселенцев к Казачинской волости Енисейского уезда // ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2343. 136. л.
17. Материалы о приписке переселенцев к Казачинской волости Енисейского уезда // ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2235. 159 л.
18. Документы о заселении переселенческого участка Куренный Бельской волости Енисейского уезда и организации переселенцами самостоятельного сельского общества под названием «Куренная Ошма»; о зачислении на участок переселенцев и исключении их оттуда; о выделении переселенцам денежных пособий для поднятия хозяйства; о предоставлении сведений заведующему переселением и землеустройством Енисейской губернии о переселенческом участке Куренном // ГАКК. Ф. 645. Оп. 1. Д. 3. 288 л.

19. Шнейдер А.Р. Население Приенисейского края. Красноярск : Бюро краеведения при Средн.-Сиб. отд. Русск. географич. о-ва, 1928. 22 с.
20. Докладные записки по вопросам внутринадельных размежеваний переселенческих участков. 1909–1911 // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 164. 167 л.
21. Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 588 с.
22. Циркуляры Министерства внутренних дел и ГУЗиЗ, Енисейского губернатора. Инструкции // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 185. 168 л.
23. Карточки обследования переселенческих участков по Пировской, Казачинской и Бельской волостям по данным сельскохозяйственной переписи 1920 г. // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 159. 259 л.

References

1. Voronov, I.I. (2004) *Krest'yanskoe pereselenie i zemleustroystvo v Minusinskom uezde na rubezhe XIX–XX vv.* [Peasant Resettlement and Land Management in the Minusinsk District at the Turn of the 20th Century]. Abstract of History Cand. Diss. Krasnoyarsk.
2. Khomenko, D.Yu. (2012) Zemleustroitel'naya reforma u khakasov Eniseyskoy gubernii vnachale XX v. [Land Management Reform Among the Khakas of the Yenisei Province in the Early 20th Century]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical Problems of Historical Research: Young Scholars' Perspective]. Proc. of the Second Conference. Novosibirsk. pp. 155–161.
3. Yenisei Province. (1909) Estestvennye i proizvoditel'nye sily gubernii i ekonomicheskaya deyatel'nost' naseleniya [Natural and Productive Forces of the Province and the Economic Activity of the Population]. In: *Pamyatnaya knizhka Eniseyskoy gubernii* [Pamyatnaya knizhka of the Yenisei Province]. Krasnoyarsk: [s.n.].
4. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). (1907) *Zhurnal Soveshchaniya po voprosu o programme sel'skokhozyaystvennoy deyatel'nosti Glavnogo upravleniya Zemleustroystva i Zemledeliya v Eniseyskoy gubernii, prokhodivshego 24 oktyabrya 1907* [Journal of the Meeting on the Program of Agricultural Activities of the Main Administration of Land Management and Agriculture in the Yenisei Province, Held on October 24, 1907]. Fund 262. List 1. File 163.
5. Pozhigailo, P.A. (ed.) (2002) *Programma reform P.A. Stolypina: dokumenty i materialy: v 2 t.* [The Program of Reforms by P.A. Stolypin: Documents and Materials: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN. [Online] Available from: http://www.hrono.ru/libris/stolypin/stpn2_26.html (Accessed: 25th March 2024).
6. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Materialy o pripiske pereselentsev k Kazachinskoy volosti Eniseyskogo uezda* [Materials on the Registration of Settlers to the Kazachinsk Volost of the Yenisei District]. Fund 160. List 1. File 2115.
7. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Materialy o pripiske pereselentsev k Bel'skoy volosti* [Materials on the Registration of Settlers to the Belskaya Volost]. Fund 160. List 1. File 2177.
8. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Delo o zaselenii pereselencheskogo uchastka Ust'-Bushuyskogo Bel'skoy volosti Eniseyskogo uezda* [File on the Settlement of the Ust-Bushuysky Resettlement Plot of the Belskaya Volost of the Yenisei District]. Fund 645. List 1. File 1.
9. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Materialy o pripiske pereselentsev k Kazachinskoy volosti Eniseyskogo uezda* [Materials on the Registration of Settlers to the Kazachinsk Volost of the Yenisei District]. Fund 160. List 1. File 2502.
10. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Materialy o pripiske pereselentsev k Kazachinskoy volosti Eniseyskogo uezda* [Materials on the Registration of Settlers to the Kazachinsk Volost of the Yenisei District]. Fund 160. List 1. File 2327.
11. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Materialy o pripiske pereselentsev k Kazachinskoy volosti Eniseyskogo uezda* [Materials on the Registration of Settlers to the Kazachinsk Volost of the Yenisei District]. Fund 160. List 1. File 2243.
12. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Materialy o pripiske pereselentsev k Kazachinskoy volosti Eniseyskogo uezda* [Materials on the Registration of Settlers to the Kazachinsk Volost of the Yenisei District]. Fund 160. List1. File 2167.
13. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Materialy o pripiske pereselentsev k Kazachinskoy volosti Eniseyskogo uezda* [Materials on the Registration of Settlers to the Kazachinsk Volost of the Yenisei District]. Fund 160. List 1. File 2232.
14. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Materialy o pripiske pereselentsev k Kazachinskoy volosti Eniseyskogo uezda* [Materials on the Registration of Settlers to the Kazachinsk Volost of the Yenisei District]. Fund 160. List 1. File 2628.
15. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Materialy o pripiske pereselentsev k Kazachinskoy volosti Eniseyskogo uezda* [Materials on the Registration of Settlers to the Kazachinsk Volost of the Yenisei District]. Fund 160. Op 1. File 2398.
16. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Materialy o pripiske pereselentsev k Kazachinskoy volosti Eniseyskogo uezda* [Materials on the Registration of Settlers to the Kazachinsk Volost of the Yenisei District]. Fund 160. List 1. File 2343.
17. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Materialy o pripiske pereselentsev k Kazachinskoy volosti Eniseyskogo uezda* [Materials on the Registration of Settlers to the Kazachinsk Volost of the Yenisei District]. Fund 160. List 1. File 2235.
18. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Dokumenty o zaselenii pereselencheskogo uchastka Kurennyy Bel'skoy volosti Eniseyskogo uezda i organizatsii pereselentsami samostoyatel'nogo sel'skogo obshchestva pod nazvaniem "Kurennaya Oshma"; o zachislenii na uchastok pereselentsev i isklyuchenii ikh ottuda; o vydelenii pereselentsam denezhnykh posobiy dlya podnyatiya khozyaystva; o predostavlenii svedeniy zaveduyushchemu pereseleniem i zemleustroystvom Eniseyskoy gubernii o pereselencheskom uchastke Kurennom* [Documents on the Settlement of the Kurenny Resettlement Plot of the Belskaya Volost of the Yenisei District and the Organization by the Settlers of an Independent Rural Society Called "Kurennaya Oshma"; on the Enrollment of Settlers to the Plot and Their Exclusion from There; on the Allocation of Financial Allowances to Settlers for the Development of Their Households; on the Provision of Information to the Head of Resettlement and Land Management of the Yenisei Province about the Kurenny Resettlement Plot]. Fund 645. List 1. File 3.
19. Shneider, A.R. (1928) *Naselenie Prieniseyskogo kraya* [The Population of the Yenisei Region]. Krasnoyarsk: Bureau of Local Lore at the Middle Siberian Department of the Russian Geographical Society.
20. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Dokladnye zapiski po voprosam vnutrinadel'nykh razmezhevaniy pereselencheskikh uchastkov. 1909–1911* [Memoranda on Issues of Intra-Allotment Demarcation of Resettlement Plots. 1909–1911]. Fund 262. List 1. File 164.
21. Sklyarov, L.F. (1962) *Pereselenie i zemleustroystvo v Sibiri v gody stolypinskoy agarnoy reform* [Resettlement and Land Management in Siberia During the Years of the Stolypin Agrarian Reform]. Leningrad: Leningrad State University.
22. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). *Tsirkulyary Ministerstva vnutrennikh del i GUZiZ, Eniseyskogo gubernatora. Instruktsii* [Circulars of the Ministry of Internal Affairs and the Main Administration of Land Management and Agriculture (GUZiZ), the Yenisei Governor. Instructions]. Fund 262. List 1. File 185.
23. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). (1920) *Kartochki obsledovaniya pereselencheskikh uchastkov po Pirovskoy, Kazachinskoy i Bel'skoy volostyam po dannym sel'skokhozyaystvennoy perepisi 1920 g.* [Survey Cards of Resettlement Plots in the Pirovskaya, Kazachinskaya, and Belskaya Volosts According to the 1920 Agricultural Census]. Fund 262. List 1. File 159.

***Сведения об авторах*:**
Шерстова Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Sherstova58@mail.ru
Деньгина Ольга Владимировна – магистр, преподаватель Восточно-Сибирского техникума туризма и сервиса (Красноярск, Россия). E-mail: dengolga@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Sherstova Lyudmila I. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Sherstova58@mail.ru
Dengina Olga V. – Master, Teacher, East Siberian College of Tourism and Service (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: dengolga@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.07.2024; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 29.07.2024; accepted for publication 01.08.2025

Научная статья
УДК 94(470.22)"19" + 94(480)"19"
doi: 10.17223/19988613/96/13

Карельское отделение общества «СССР–Финляндия» в системе советской культурной дипломатии 1960-х гг.: от межкультурного диалога к межкультурной коммуникации

Ирина Викторовна Шорохова

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия, ivikshor@yandex.ru

Аннотация. Взаимодействие Карелии и Финляндии в области культуры в 1960-е гг. рассмотрено в контексте советской культурной дипломатии. Особенности представления финно-угорской культуры не позволяют определить его как межкультурную коммуникацию. Карельское отделение общества «СССР–Финляндия» оказалось вытесненным из традиционного поля пропаганды, но развивало неформальное общение коллег в области творчества, обеспечивало массовую вовлеченность в праздники культуры жителей по обе стороны границы. Это позволило Карелии и Финляндии перейти от межкультурного диалога к межкультурной коммуникации в 1970-е гг.
Ключевые слова: карельское отделение общества «СССР–Финляндия», межкультурная коммуникация, культурная дипломатия, А.Н. Тимонен

Для цитирования: Шорохова И.В. Карельское отделение общества «СССР–Финляндия» в системе советской культурной дипломатии 1960-х гг.: от межкультурного диалога к межкультурной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 96–107. doi: 10.17223/19988613/96/13

Original article

Karelian branch of the society “USSR-Finland” in the soviet cultural diplomacy system of the 1960s: from intercultural dialogue to intercultural communication

Irina V. Shorokhova

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation, ivikshor@yandex.ru

Abstract. The article studies the place and role of the Karelian branch of the society «USSR-Finland» in the construction of the intercultural dialogue between Karelia and Finland in the 1960s. The research is based on the wide range of sources found in the regional archive and periodical press. Consideration of exchanges in the field of culture, art and science between Karelia and Finland is impossible beyond the context of the tasks of expanding the influence of the USSR on the territory of the northern neighbor. Otherwise, it leads to the fact that the term "intercultural communication" is mistakenly used in a broader chronological framework. Meanwhile, the normalization of relations between the USSR and Suomi was hindered by the previous experience of military conflicts. Soviet cultural diplomacy since the late 1950s has set the task of overcoming the image of the enemy in the minds of the population of both states. The Finno-Ugric culture and the historical past of Karelia and Finland became the basis for intercultural dialogue and a way to expand the influence of the USSR on the territory of its northern neighbor. The leading writer of Karelia, A. N. Timonen made great efforts to actualize the Finns' interest in the cultural and historical heritage shared with the peoples of the USSR. The party and state authorities organized trips of creative figures to Finland, performances of theater and concert groups, sports competitions. The Karelian branch of the society «USSR-Finland» was created with the aim of promoting Soviet reality and the Soviet way of life. It was a public organization and did not have significant financial capabilities. Therefore, it could not fully integrate into the system of Soviet cultural diplomacy. The most popular form of work with the Finnish population has become personal connections of artists and cultural figures, as well as the organization of annual friendship holidays and intercultural exchanges. However, the forms and ways of presenting the Finno-Ugric culture in order to create a positive image of the USSR only in Suomi, the non-intensive presence of Finnish culture on the territory of Karelia allow us to characterize the cultural contacts of Karelia and Finland in the 1960s only as an intercultural dialogue. Karelian branch of the society «USSR-Finland» managed to expand the audience involved in events devoted to the friendship of the peoples of the USSR and Finland, to set up informal communication between cultural and artistic figures of Karelia and Finland. This made it possible to move from intercultural dialogue to intercultural communication in the 1970s.
Keywords: Karelian branch of the society "USSR-Finland", intercultural communication, cultural diplomacy, A.N. Timonen

© И.В. Шорохова, 2025

For citation: Shorokhova, I.V. (2025) Karelian branch of the society «USSR-Finland» in the soviet cultural diplomacy system of the 1960s: from intercultural dialogue to intercultural communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 96–107. doi: 10.17223/19988613/96/13

Современная международная ситуация продолжает оставаться крайне напряженной. Геополитические противоречия между державами заставляют многие государства пересматривать свои отношения с Российской Федерацией. Финляндия, к выстраиванию диалога с которой СССР и современная Россия прилагали немало усилий, приняла решение, расцененное правительством нашего государства как недружественный шаг. В июне 2022 г. Институт Финляндии в Санкт-Петербурге заявил о прекращении своей деятельности по поддержке и продвижению финской культуры и научного сотрудничества в России [1]. МИД РФ принял решение прекратить взаимодействие с неправительственной организацией Общество «Финляндия–Россия» [2]. Карелия с многовековыми культурными, семейными, экономическими связями с Финляндией снова оказалась в ситуации изменения контекста взаимодействия с соседним государством.

В первой половине XX столетия отношения России и Финляндии выстраивались с учетом внешнеполитического влияния европейских держав и США и не раз принимали формы вооруженных конфликтов. После завершения Второй мировой войны СССР, прилагая дипломатические усилия и используя экономические рычаги влияния, в 1948 г. смог заключить с Финляндией Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Это позволило более активно укреплять позиции просоветски настроенной политической элиты соседнего государства. Несмотря на приложенные усилия, линия «Паасикиви–Кекконена» трудно пробивала себе дорогу в политике и общественном мнении Финляндии [3]. Для обоих государств в послевоенный период стало актуальным преодоление «образа врага» [4–8]. Историческая и культурная близость населения Карелии и Финляндии предопределила особое значение культуры и искусства в решении этой задачи.

После Великой Победы в условиях биполярной системы культурный обмен, взаимодействие держав в области науки и искусства следует рассматривать как часть стратегии холодной войны. В этой связи важно уточнить применение терминов «межкультурная коммуникация», «межкультурный диалог» и «культурная дипломатия». Культурная дипломатия как использование средств и возможностей культуры для передачи идей, убеждений и ценностей иностранным гражданам является актуальным направлением научного поиска [9]. Однако ее региональный аспект, связанный с привлечением деятелей культуры и искусства Карелии к идеологическому и агитационному воздействию на население Финляндии, исследован недостаточно [10, 11]. И если зарубежных исследователей интересует политический аспект культурной дипломатии [8, 12], российские историки изучают ее разные направления, изменения во времени и дифференциацию по отношению к разным группам стран [13–15], то исследователи Карелии обращают внимание на контекст межкультурной коммуникации [16]. Знакомство с культурой, наукой и творчеством друг друга для населения Карелии и Финляндии стало возможным только с конца 1950-х гг. Его основой стало общее для народов историко-культурное наследие. При этом традиционными средствами культурной дипломатии решались задачи формирования позитивного имиджа СССР у населения Суоми. В целом для периода 1960-х гг. для характеристики отношений Карелии и Финляндии в области культуры представляется не совсем уместным использовать термин «межкультурная коммуникация» [17]. Она предполагает обоюдную заинтересованность сторон в диалоге, стремление понять «чужую точку зрения и вместе с тем сохранить свою собственную» [18. С. 93]. В 1960-е гг. собственно коммуникации и взаимодействия в области культуры, науки и искусства Карелии и Финляндии не сложилось, но открылись возможности для развития диалога в этих сферах. В последующее десятилетие активно проявились заинтересованность и возможности финнов в представлении своего творчества в культурном пространстве Карелии, появились совместные проекты в области науки, и начался новый этап взаимодействия, который может быть назван межкультурной коммуникацией. Литература, театральное искусство Карелии, средства массовой информации и личные контакты научной и творческой интеллигенции КАССР с финляндскими коллегами стали важными направлениями межкультурного взаимодействия в 1970-е гг. [16. С. 245–249].

В настоящей статье рассмотрен процесс складывания в советской культурной дипломатии на территории Суоми межкультурного диалога Карелии и Финляндии в 1960-е гг. Карельское отделение общества «СССР–Финляндия» с момента своего основания проводило значительную работу по популяризации мирных и дружественных отношений между населением Карелии и Финляндии. Их общее культурно-историческое прошлое позволило через культуру края демонстрировать неагрессивные намерения СССР в отношении северного соседа.

Между тем направления деятельности карельского отделения общества «СССР–Финляндия» по налаживанию межкультурного диалога между населением Карелии и Финляндии обозначены в историографии не вполне ясно. Формирование и деятельность этой общественной организации в полной мере отражает перипетии внешнеполитического курса СССР вообще и его финляндского направления в частности. Доктрина мирного сосуществования социалистических и капиталистических стран привела к повышению значения советской культурной дипломатии как средства распространения международного влияния СССР. Программа КПСС, принятая в 1961 г., обеспечила диверсификацию советского культурно-информационного воздействия на зарубежную аудиторию. Произошло разделение государственных и общественных инструментов советской культурной дипломатии. При Совете министров СССР в 1957 г. появился Комитет по куль-

турным связям с зарубежными странами (ГККС). Он создавался для координации деятельности советских министерств, ведомств, организаций, вовлеченных в осуществление соглашений о культурных обменах с отдельными государствами. Культурные обмены по общественной линии, вне рамок межгосударственных соглашений, продолжали контролироваться Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей (ВОКС) [13. С. 24–25]. Его правопреемником в 1958 г. стал Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) [19. С. 153], который ставил своей целью развитие и укрепление дружбы, культурного сотрудничества народов СССР и зарубежных государств. В областях и республиках Советского Союза в соответствии с утвержденным порядком стали появляться отделения обществ дружбы и культурных связей как с капиталистическими государствами, так и со странами соцлагеря. В 1958 г. отделения обществ дружбы с Финляндией были открыты в Москве, Таллине и Ленинграде [20. С. 1–2].

Несмотря на тесные культурные, этнические и исторические связи населения Карелии и Финляндии, потребовалось время для того, чтобы партийно-государственные органы власти всех уровней одобрили появление регионального отделения дружбы в приграничном с Финляндией крае. Сдерживающим фактором стали последствия Зимней и Великой Отечественной войн, а также неопределенность политического курса послевоенной Финляндии. Выжидательная позиция советского руководства видна в материалах публикаций газеты «Ленинская правда». В официальном печатном органе Карельского обкома КПСС в апрельских публикациях за 1959–1961 гг. не отмечены годовщины подписания советско-финляндского договора 1948 г. о дружбе и сотрудничестве между двумя государствами.

На рубеже 1950–1960-х гг. в отношениях с Финляндией Советский Союз стал использовать традиционные и нетрадиционные («жесткие» и «мягкие») аспекты внешней политики [14. С. 65]. Огромную роль в становлении и налаживании работы по преодолению последствий военного прошлого жителей Карелии и Финляндии проделал А.Н. Тимонен. Являясь в те годы одним из популярных писателей Карелии, он долгое время возглавлял республиканское отделение Союза советских писателей. Особенно широкую известность в Финляндии и Карелии А.Н. Тимонен получил после публикации романа «Белокрылая птица». Роман вышел в 1958 г. на финском языке в журнале Punalippu, был переведен и напечатан на русском языке в 1963 г. [21. С. 352]. Роман вызвал огромный интерес читателей и внес важный вклад в примирение народов Карелии и Суоми. На страницах прозы последний военный конфликт СССР и Финляндии представлен общей болью, через преодоление которой возможны взаимное прощение и мирное сотрудничество с целью недопущения повторения трагедии. И если в прессе в конце 1950-х – 1960-е гг. часто противопоставлялись условия жизни людей в Финляндии и Советском Союзе, делался акцент на преимуществах советской политической системы [22. С. 3; 23. С. 3], то в романе А.Н. Тимонена эти идеологические и социальные отличия между жителями Карелии и Суоми невидны. Писатель обратил внимание на объединяющее начало – стремление к добру и миру между народами по обе стороны границы.

Во второй половине 1950-х гг. советская культурная дипломатия в капиталистических государствах ориентировалась на базовую целевую аудиторию – представителей прогрессивно настроенной интеллигенции и деятелей культуры. Так, А.Н. Тимонен в составе делегации от общесоюзного общества «СССР–Финляндия» принимал деятельное участие в налаживании профессиональных связей с коллегами из Суоми, формировал у них представление о широкой поддержке финской национальной культуры в Карелии. В 1958 г. по итогам работы IV съезда общества «СССР–Финляндия» в информации, составленной для карельского обкома, А.Н. Тимонен обратил внимание на то, что финны хотели знать больше о жизни населения Карелии, при этом в отдаленных районах Финляндии «впервые советского человека видели в непринужденной обстановке» [24. Л. 11; 25. Л. 33–32]. Необходимость широкого межкультурного диалога Финляндии именно с Карелией А.Н. Тимонен обосновывал тем, что ССОД и ленинградское отделение общества «СССР–Финляндия» не имеют возможности удовлетворить культурные потребности населения, проживавшего в глубинках Суоми, а именно там довольно прочно укоренись неверные стереотипы о Советском Союзе: колхозами руководит НКВД, писателям раздают темы и развязки произведений, почти стопроцентная явка на выборы достигается массовыми репрессиями [26. Л. 14].

Борясь с пугающими самих финнов ложными стереотипами об СССР, в командировке от ССОД А.Н. Тимонен в 1959 г. почти месяц провел в Финляндии с широкой программой участия в мероприятиях общества «СССР–Финляндия». В Хельсинки, Тампере, Пааволанниеми писатель проводил литературные вечера, рассказывал о Карелии и ее жителях, развитии литературы в крае и о своих книгах [24. Л. 1–3]. Через месяц после возвращения А.Н. Тмонена из окружной организации общества «Финляндия–СССР» г. Коккола в ленинградское отделение общества дружбы пришел запрос на сотрудничество в области науки, творчества и спорта именно с организациями КАССР [24. Л. 28]. В 1960 г. по инициативе финляндского общества дружбы активно обсуждалось установление спортивных связей между г. Якобстад и спортсменами Карелии [25. Л. 2–4]. Можно говорить о том, что на рубеже 1950–1960-х гг., на этапе формирования заинтересованности в становления межкультурного диалога Карелии и Финляндии, деятели искусства и культуры края действовали в рамках сложившейся институциональной системы советской культурной дипломатии и использовали ее традиционные формы влияния, характерные для обществ дружбы с зарубежными странами и ССОД в целом.

В 1959 г. усилия А.Н. Тимонена в формировании обоюдного интереса и налаживании межкультурного диалога с Финляндией позволили ему войти в состав членов правления общества дружбы «СССР–Финляндия». В корпусе документов НА РК возрастает количество материалов, которые свидетельствуют об акти-

визации культурных контактов Карелии и Финляндии именно на рубеже 1950–1960-х гг. Декада карельского искусства и литературы в Москве в 1959 г. сыграла большую роль в популяризации финноязычного и карельского культурного наследия в Советском Союзе. Во время Декады были показаны первый национальный карельский балет «Сампо» (композитор Г.Н. Синисало, режиссер-постановщик И.В. Смирнов) и опера «Кумоха» Р. Пергамента. Ансамбль «Кантеле» и самодеятельные коллективы исполнили музыкальные произведения, созданные композиторами и участниками народных хоров Карелии [27]. Уже в 1961 г. Петрозаводский горисполком по решению Госкомитета Совета министров СССР по культурным связям с зарубежными странами направил с выступлениями в г. Куопио семь артистов ансамбля «Кантеле» и выставку изобразительного и прикладного искусства школьников Карелии [26. Л. 8]. В 1962 г. балетная труппа Музыкально-драматического театра представила балет «Сампо» на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки. Финляндские газеты разной политической ориентации опубликовали положительные отзывы о балете [11. С. 73]. Огромный интерес, который вызвал «Сампо» у жителей Суоми, позволил вывести межкультурное взаимодействие между Финляндией и Карелией на новый уровень.

Однако внутриполитические затруднения в Финляндии на рубеже 1950–1960-х гг. заставляли советское руководство «притормаживать» активность взаимодействия с северным соседом в области культуры и искусства. В 1959 г. А.Н. Тимонен обратился в Карельский обком КПСС с просьбой рассмотреть вопрос об организации в Петрозаводске отделения общества «СССР–Финляндия» [28. Л. 15]. Через полгода заместитель председателя президиума ССОД В. Горшков отметил важность развития культурных и спортивных связей Петрозаводска с теми городами Финляндии, с которыми ранее уже сложилось взаимодействие, но признал нецелесообразным пока открывать отделение общества в столице Карелии [26. Л. 5]. До урегулирования вопроса о границах между СССР и Финляндией в 1960 г. и в условиях жесткой политической борьбы в Суоми у советского руководства не было уверенности в том, что на президентских выборах 1962 г. У.К. Кекконен сможет победить и продолжить выстраивать дружественные отношения с СССР [29. С. 1; 30. С. 1; 31]. И только в 1962 г., когда благоприятный для СССР исход политических коллизий в Финляндии стал очевиден, новый контекст двусторонних межгосударственных отношений позволил говорить о долгосрочной дружественной перспективе и безопасности карельского приграничья [32. Л. 3].

Уже в 1962 г. началась работа по созданию карельского отделения общества «СССР–Финляндия». На собрании учредителей 1 декабря 1962 г. присутствовали представители общества «Финляндия–СССР», ветераны рабочего движения Суоми, представители предприятий Карелии, деятели культуры, науки и искусства края [33. С. 1]. Процедура создания карельского отделения общества «СССР–Финляндия» соответствовала правилам и не отличалась от создания других региональных подразделений обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами [20. С. 2]. В правление общества, состоявшее из 25 человек, помимо общественно-политических деятелей и рабочих вошли писатель Д.Я. Гусаров, артисты Е.С. Томберг, В.Э. Суни, В.Н. Мельников, художники С.Х. Юнтунен, Г.А. Стронк [32. Л. 5]. А.Н. Тимонен, став председателем карельского отделения общества «СССР–Финляндия», в докладе на учредительном собрании отметил, что общество как добровольная общественная культурно-просветительская организация с коллективным и индивидуальным членством ставит перед собой цель знакомства советского и финляндского народа с трудом, бытом, экономикой, культурой, искусством, наукой и языком друг друга [32. Л. 14, 16; 33. Л. 1].

Основными направлениями деятельности карельского отделения общества «СССР–Финляндия» в 1960-е гг. стали культурное и научное сотрудничество, обмен профессиональными делегациями, участие в праздничных мероприятиях, связанных с оформлением межкультурных контактов двух государств. Обмен делегациями, лекторами и туристами А.Н. Тимонен выделил как самые перспективные формы взаимодействия между Карелией и Финляндией [34. Л. 13].

Основываясь на данных финляндской прессы и собранных интервью, С. Микконен обратил внимание на важность языка коммуникации для осуществления диалога в поле культуры, науки и искусства. Финляндия в условиях холодной войны, выбора пути политического развития и международной стратегии искала способы взаимодействия с западными державами, в том числе и в области культуры. Однако немецкий, французский и даже английский языки, непонятные большинству жителей Финляндии, осложняли налаживание межкультурного диалога е Европой и США. В острой конкурентной борьбе за умы и настроения финнов только Советский Союз, используя финно-угорскую национальную культуру, смог обеспечить комфортный для жителей Суоми язык коммуникации – финский [31. P. 532–533]. Эту особенность межкультурной коммуникации с Карелией в Финляндии ценили и всегда отмечали в отзывах о проведенных мероприятиях и интервью [35. С. 1; 36. С. 4; 37. С. 3]. Интересно, что во время знакомства с культурой Карелии по ту сторону границы появился устойчивый интерес к изучению русского языка. По просьбе финской стороны карельское отделение общества «СССР–Финляндия» регулярно направляло преподавателей русского языка для работы в школах и университетах Суоми [38. Л. 5]. Представители общества принимали в 1967 г. участие в Международном семинаре преподавателей русского языка в Хельсинки [34. Л. 17].

Карельское отделение общества «СССР–Финляндия» через лекторов, которые на финском языке рассказывали жителям Финляндии о достижениях КАССР за годы советской власти в области экономики и культурного строительства, вело работу по формированию у финнов позитивного образа социально ориентированного государственного строя в СССР [38. Л. 5]. Политическая пропаганда рождала у жителей Суоми интерес к Карелии и ее жителям, желание увидеть

и самим проверить реальность красочных описаний. Приграничная Карелия, открытая для посещения финскими туристами в начале 1960-х гг., на протяжении всего десятилетия пользовалась у них постоянно возрастающим туристским спросом [39].

Важно отметить, что масштабы организации въездного и выездного иностранного туризма в Карелии росли. Карельское отделение ВАО «Интурист» в Петрозаводске уже со средины 1960-х гг. фактически взяло на себя задачи сопровождения финских туристов на территории края. При этом туробмен по линии общества «СССР–Финляндия» шел сверх плана приема, часто носил авральный характер, вызывая осложнения в работе «Интуриста». Кроме того, усиление контроля над иностранцами, находящимися на территории Карелии, требовало наличия сотрудников, специально подготовленных для работы с интуристами, значительных финансовых возможностей, чтобы показать именно достижения советской власти в Карелии, минимизировав при этом встречи иностранных гостей с советским «зазеркальем». Указанные обстоятельства стали причиной того, что к концу 1960-х гг. туристическое направление работы из планов карельского отделения общества «СССР–Финляндия» исчезло [34. Л. 17]. Члены его правления включились в работу с финскими иностранными туристами по программам пребывания «Интуриста», проводя для них встречи, главный акцент в содержании которых делался на поддержке советской властью в КАССР финноязычных театрального искусства, науки, литературы и финно-угорского художественного творчества в целом [40. Л. 1–2].

В области науки по линии карельского отделения общества «СССР–Финляндия» осуществлялось в основном сотрудничество в гуманитарной сфере (изучение языка, фольклор, филология). В этой связи хотелось бы обратить внимание на семинары советских и финских специалистов с целью совместного изучения культурного наследия Карелии. Одно из таких мероприятий по инициативе финляндской стороны проходило в 1967 г. в Йоэнсу. На семинаре А.Н. Тимонен представил коллегам доклад о влиянии Калевалы на литературу КАССР, а кандидат филологических наук У. Конкка поведала о карельских плачах [41. Л. 2–4]. В эти годы произошла актуализация у деятелей науки и культуры Финляндии прежней модели интереса к Карелии. Во второй половине XIX – начале XX в. она привела их к практике «летних путешествий» на территорию Олонецкой губернии с целью сбора карельского и финского народного фольклора. Представители науки и искусства Суоми, установив в 1960-е гг. личные и профессиональные связи с коллегами из Карелии, в последующие годы развивали именно межкультурный, а не идеологический аспект взаимодействия [8. С. 6].

С начала 1960-х гг. регулярными стали посещения Финляндии делегациями карельского отделения общества «СССР–Финляндия». План мероприятий таких поездок почти всегда был одинаков. В 1967 г. представлен подробный отчет о поездке в Варкаус и Хельсинки. Помимо обязательной части программы – посещения муниципалитетов, предприятий, встреч с рабочими и коммунистами – появились новые формы взаимодействия: посещение квартиры инженера предприятия «Рейнкамф» и большая пресс-конференция, данная участниками визита [38. Л. 1]. Эти новации, возникшие во второй половине 1960-х гг., впоследствии приобретут характер постоянных направлений деятельности карельского отделения «СССР–Финляндия» по популяризации межкультурного диалога.

В 1968 г. Петрозаводск посетила делегация мастеров и техников деревообрабатывающей промышленности Финляндии. Для них была предусмотрена традиционная программа, включавшая посещение Краеведческого музея, спектакля «Ромео и Джульетта» и Марциальных вод. Официальная часть пребывания включала беседу с профсоюзными лидерами предприятий КАССР. Встреча с руководством Петрозаводского лесопильно-мебельного комбината, осмотр цехов, общение с работниками и посещение ДК предприятия стали основными мероприятиями двухдневного пребывания финнов в Карелии [42. Л. 32]. Баня в Косалме, устроенная для финнов как способ неформального общения, была доступна только в рамках дружественных контактов карельского отделения общества «СССР–Финляндия». Благодаря деятельности этой общественной организации обмен делегациями с середины 1960-х гг., хотя и требовал по-прежнему согласования с высшими партийно-государственными инстанциями региона, допускал, в отличие от работы «Интуриста», неформальное общение финнов и жителей Карелии [25. Л. 15].

Ежегодным мероприятием карельского отделения общества «СССР–Финляндия» стало празднование очередной годовщины подписания Договора о дружбе между СССР и Финляндией. И если в 1962 г. в газете «Ленинская правда» помещена скромная заметка о том, что в Москве, Ленинграде и Таллине, где были отделения общества «СССР–Финляндия», отметили 14-ю годовщину подписания советско-финляндского договора 1948 г., то уже 5 апреля 1963 г. карельское отделение общества дружбы провело первое в Петрозаводске торжественное заседание в Доме профсоюзов [43. С. 1]. А.Н. Тимонен выступил с докладом об историческом значении Договора о дружбе между СССР и Финляндией и перспективах развития контактов именно в области культуры и искусства. Члены правления карельского отделения общества «СССР–Финляндия» провели на предприятиях Петрозаводска тематические встречи с коллективами и организовали концерты [44. Л. 3]. В 1965 г. масштаб празднования стал шире. К освещению официальных и концертных мероприятий с участием профессиональных и самодеятельных коллективов привлекались радио и пресса [45. С. 4]. В «Ленинской правде» ежегодно публиковались заметки о том, как северные соседи, включая президента, отмечали годовщины советско-финляндского договора 1948 г., информация об обмене поздравительными телеграммами между высшим руководством обеих стран [45. С. 4; 46. С. 1; 47. С. 4; 48. С. 4]. Из «общесоюзного» информационного контекста создавалось впечатление о взаимной заинтересованности сторон в развитии дружественных отношений [49. С. 4; 50. С. 4]. При этом «местный» уровень информационного поля прессы

смещал акцент празднования годовщин договора в область культуры, искусства и науки [51. С. 4; 52. С. 1; 53. С. 2; 54. С. 1; 55. С. 4]. В мероприятиях, приуроченных к торжествам в Карелии, всегда принимали участие «прогрессивные финские журналисты» [56. С. 4], по возвращении они публиковали об этом статьи в финской периодической печати и выступали по радио. Это подтверждает мысль о том, что через культуру, науку, искусство и повседневность у населения Финляндии формировался позитивный образ как минимум жителей Советской Карелии. При этом важно обратить внимание на то, что широкое использование средств массовой информации во второй половине 1960-х гг. стало следствием смены целевой аудитории воздействия: с узкого круга прогрессивной интеллигенции, деятелей культуры и искусства на массового читателя, слушателя и зрителя.

В 1963 г. карельское отделение общества «СССР–Финляндия» единственный раз смогло организовать показ в петрозаводских кинотеатрах финляндских художественных и документальных кинофильмов. Жители Карелии увидели фильм совместного производства по мотивам уже знакомого в СССР и Финляндии балета «Сампо», три киноленты режиссера В. Валла и документальный фильм «Сердечные встречи на финской земле» [57. С. 4]. В дальнейшем ни в отчетах карельского отделения общества «СССР–Финляндия», ни в газетных публикациях не встречались данные об организованных им в республике просмотрах финляндских кинолент, приуроченных к памятным датам дружбы между двумя государствами.

Месячники советско-финской дружбы, проводившиеся с начала 1960-х гг. ежегодно в ноябре–декабре, также активизировали работу карельского отделения общества «СССР–Финляндия». Из советской прессы жители Карелии могли узнать, как на самом высоком правительственном уровне отмечали в Хельсинки советско-финляндскую дружбу [58. С. 4; 59. С. 4; 60. С. 3]. Ежегодно в Карелию приезжали финляндские журналисты, работники радио и телевидения, творческие коллективы из глубинки Финляндии. Финский драматический театр Петрозаводска, ансамбль «Кантеле», артисты карельских филармонии и народных ансамблей бывали частыми гостями в Суоми во время месячника дружбы [61. С. 1; 62. С. 1; 63. С. 3]. Если карельские обкомы КПСС и ВЛКСМ, Министерство культуры края, руководящие спортом государственные учреждения занимались вопросами согласования программ выступлений и их финансирования, то общество дружбы обеспечивало живое неформальное общение представителей культуры и искусства обоих государств с общественностью и жителями. Поскольку во всех ведущих театральных, концертных, самодеятельных, научных, образовательных и спортивных учреждениях Карелии были члены карельского отделения общества «СССР–Финляндия», то общественная организация не несла финансовых расходов на участие в месячнике дружбы. Члены делегации карельского отделения общества «СССР–Финляндия» совмещали свою работу с чтением докладов и лекций о современном международном положении, успехах развития Советской Карелии, национальных культуре и искусстве края [61. С. 1; 62. С. 1; 63. С. 3; 64. С. 4]. Так, в 1967 г. в рамках месячника дружбы только А.Н. Тимонен три недели выступал с лекциями и докладами по истории советско-финляндской дружбы, о достижениях КАССР за 50 лет, карельской литературе. В Хельсинки, Турку, Каяни, Оулу его лекции посетили 1 500 человек [38. Л. 3].

В месячнике дружбы всегда участвовали самые активные коллективные члены карельского отделения общества «СССР–Финляндия». В 1966 г. коллектив Онежского тракторного завода (ОТЗ) принимал финскую делегацию, не только организовав традиционные официальные мероприятия, но и показав результаты творческой работы кружков и самодеятельности работников [65. Л. 3].

Вопрос степени и эффективности идеологического влияния советской культуры и искусства на настроения финнов в 1960–1970-е гг. исследован в зарубежной историографии. На основе устных интервью, данных периодической печати и архивных документов России и Финляндии С. Микконен пришел к выводу, что финляндская аудитория с благодарностью воспринимала возможность приобщиться к произведениям искусства и культуры, которые СССР для показа в Финляндии готовил на высоком качественном уровне. При этом идеологический подтекст оставался финляндской аудиторией фактически незамеченным [8. С. 3, 16; 12. С. 1624].

Однако отношения, сложившиеся между СССР и Финляндией в 1960-е гг. в поле культуры, можно назвать улицей с односторонним движением. Конечно, СССР определял контекст и интенсивность межкультурного диалога, стараясь не допускать проникновения на свою территорию буржуазной идеологии. Интересно, что на сценах Карелии ставили пьесы финских авторов только идеологически верной тематики (Х. Вуолийоки, А. Киви и др.). Эти же пьесы и вывозили в Суоми. В крае издавали книги исключительно «демократических писателей», на сценах выступали только идеологически неопасные ансамбли народных песни и танца, концертные группы из провинции Финляндии [66. С. 2]. В рассматриваемый период в СССР приглашались только деятели культуры и искусства Финляндии, придерживавшиеся левых политических взглядов [31. С. 540–541]. Для Карелии в 1960-е гг. также характерна, скорее, «культурная интервенция» на территорию соседа. Театральное искусство края, особенно Финский театр Петрозаводска, фольклорные ансамбли, в программе которых усиливалась финская составляющая, в 1960-е гг. активно работали на территории Финляндии. Эта сфера межкультурного диалога находилась под пристальным контролем Министерства культуры КАССР и местного обкома. Дорогостоящие выезды трупп Карелии и приглашение коллективов из Суоми требовали значительного финансирования [23. С. 3; 59. С. 4; 62. С. 1; 64. С. 4]. По указанным причинам карельское отделение общества «СССР–Финляндия» не было задействовано в этом направлении межкультурной коммуникации [66. С. 2].

Существенным затруднением в работе карельского отделения общества «СССР–Финляндия» было отсут-

ствие собственного бюджета. Приглашение творческих коллективов, лекторов, делегаций из Финляндии требовало немалых расходов. А.Н. Тимонен в 1966 г. обратился к заместителю председателя Совета министров КАССР В. Смирнову с описанием плачевной финансовой ситуации. В обращении напрямую не указано, но из контекста становится ясно, что «сложившаяся традиция», когда расходы общества оплачивает один из его коллективных членов, себя не оправдывает. А.Н. Тимонен был вынужден из личных средств оплачивать билеты в театр, на Кижи, сувениры для финских партнеров и друзей, а иногда и селить у себя дома коллег из Суоми [65. Л. 5]. Так, в 1969 г. восемь представителей общества «Финляндия–СССР» прибыли в Петрозаводск на премьеру спектакля по пьесе А.Н. Тимонена «Примешь ли ты меня, земля Карельская?» Тема борьбы за мир на примере Гражданской войны в Карелии, в которой финляндские войска принимали участие, укладывалась в задачу преодоления совместного конфликтного прошлого. Нерешенность вопросов финансирования деятельности карельского отделения общества «СССР–Финляндия» заставила А.Н. Тимонена обратиться в Совет министров КАССР с просьбой оплатить покупку финским коллегам железнодорожных билетов [67. Л. 2]. Из того же источника по просьбе писателя финансировались расходы на питание и проживание нескольких делегаций из Финляндии в 1969 г. [38. Л. 3].

Между тем не все коллективные члены карельского отделения общества «СССР–Финляндия» избегали финансового участия в мероприятиях общества. Так, в 1967 г. за счет ОТЗ неделю в качестве гостей республиканского общества в Петрозаводске провели председатель окружной организации общества «Финляндия–СССР» Сеппеля Эркки с женой Арьей [38. Л. 6].

ОТЗ активно работал по приему делегаций и гостей карельского отделения общества «СССР–Финляндия». На заводе была продумана программа приема финнов, назначены ответственные за эту работу специально обученные говорящие по-фински работники предприятия. Поскольку в 1960-е гг. ОТЗ переживал один из лучших периодов в своей истории, то иностранцам можно было смело показывать отремонтированные чистые цеха и новое современное оборудование [68. Л. 14–15. Биографии работников с позитивной социальной и профессиональной мобильностью, семейные династии, большое количество финнов по национальности в коллективе, а также активное участие рабочих завода в мероприятиях месячников дружбы делали ОТЗ востребованной площадкой для укрепления дружественных связей между Карелией и Финляндией [65. Л. 3].

Еще одним активным участником мероприятий карельского отделения общества «СССР–Финляндия» в 1960-е гг. был Шуйско-Виданский леспромхоз (ШВ ЛПХ), в котором работали более 300 рабочих-финнов. Многие из них побывали в Финляндии, вели переписку с ее жителями, тепло принимали делегации из Суоми на предприятии. Поскольку ШВ ЛПХ был передовым предприятием лесной отрасли края, то на финнов производили впечатление организация труда, высокая степень его механизации и оснащенности [68. Л. 12].

Большую работу по межкультурному диалогу в ШВ ЛПХ вел председатель бюро карельского отделения общества «СССР–Финляндия» Э. Муртола. В 1966 г. во время месячника дружбы он организовал в Чалне и лесопунктах выступления о поездке в Финляндию главного инженера предприятия А.А. Стояновского. Конечно, этот рассказ выполнял прежде всего задачи пропаганды и агитации, что не исключало знакомства слушателей с особенностями жизни и быта в соседнем государстве. В рассматриваемый период молодежь лесопунктрв не раз общалась с представителями радио и телевидения Финляндии, посещала выставку финской литературы, организованную в Чалне [65. Л. 4].

Целевой аудиторией карельского отделения общества «СССР–Финляндия» были люди среднего и старшего возраста, поэтому работа с детьми также стала важным направлением в деятельности общества дружбы. В 1960-е гг. в детском лагере «Северный орленок» при ШВ ЛПХ за счет предприятия регулярно отдыхали дети из Финляндии. Отдых был организован на высоком уровне, включал спортивные, оздоровительные, культурно-массовые и образовательные мероприятия [68. Л. 13]. В 1967 г. была организована викторина для школьников Финляндии на лучшее знание СССР. Победители викторины и еще 11 школьников Финско-русского лицея из Хельсинки получили от карельского отделения общества «СССР–Финляндия» путевки в пионерский лагерь «Артек» [34. Л. 17].

Несмотря на важность культурной и идеологической задачи, которую выполняло карельское отделение общества «СССР–Финляндия», А.Н. Тимонен вынужден был постоянно обращаться за финансовой поддержкой в республиканское Министерство культуры, Совет профсоюзов, Союз спортивных обществ и организаций, а также петрозаводский горсовет. Довольно много мероприятий как на территории Карелии, так и в Финляндии предполагали софинансирование с финляндской стороны, – об этом свидетельствуют ежегодные планы мероприятий карельского отделения общества «СССР–Финляндия». Так, в 1967 г. помимо их названий, дат проведения и количества участников указаны и источники финансирования [38. Л. 4–6].

Дублирование направлений работы по межкультурной коммуникации с Министерством культуры, спортивными учреждениями края, отсутствие бюджета, работа фактически на общественных началах привели к вытеснению карельского отделения общества «СССР–Финляндия» в сферу лекционной и развлекательно-праздничной работы с финнами. Так, например, активная работа с молодежью Карелии и Финляндии шла практически без участия карельского отделения общества «СССР–Финляндия», что отчетливо видно по отсутствию документов по этому направлению работы в архивном фонде организации. При этом большинство публикаций в газете «Комсомолец», органе Карельского обкома и Петрозаводского горкома ВЛКСМ, активно информировало о молодежном векторе межкультурного диалога [35. С. 1; 61. С. 1; 69. С. 4]. Ежегодные поезда дружбы, спортивные, научные мероприятия, обмен студенческими делегациями не использовали

возможности и ресурсы карельского отделения общества «СССР–Финляндия» [55. С. 4; 70. С. 4].

Узкий профиль идеологической и политической работы карельского отделения общества «СССР–Финляндия», недоступность самостоятельной организации широких программ в области культуры, науки и искусства, общественный статус не позволяли обществу широко освещать свою деятельность на страницах официальной прессы. Только момент создания карельского отделения общества и отчет о сотрудничестве в 1964 г. к 20-летнему юбилею финляндского отделения общества «Финляндия–СССР» были отражены на страницах печати Карелии [33. С. 1; 71. С. 1].

Налаживание исключительно политическими и экономическими средствами добрососедских отношений с Финляндией в послевоенный период наталкивалось на обоюдные стереотипы и обиды народов двух государств. Только путем активизации общего культурного наследия Карелии и Финляндии, пробуждением взаимного интереса по обе стороны границы можно было преодолеть враждебное отношение. В этом направлении со второй половины 1950-х гг. стали работать многие учреждения культуры и науки Карелии.

В 1962 г., после победы на выборах президента У.К. Кекконена, Финляндия прочно встала на путь выстраивания дружественных отношений с СССР. Для Карелии это стало поворотным моментом: приграничный регион стал доступен для широкого и разнообразного взаимодействия с жителями соседнего государства. В республике началось целенаправленное партийно-государственное стимулирование межкультурного диалога Карелии и Финляндии. В этот процесс были вовлечены все учреждения и организации, решавшие культурно-просветительские задачи. Одной из них и стало карельское отделение общества «СССР–Финляндия».

С начала 1960-х гг. шел процесс становления формата праздничных мероприятий, которые должны были показать сознательное стремление советского и финляндского народов к миру и дружественным отношениям. Театры, спортивные, общественные, научные и образовательные учреждения определяли свои возможности и степень участия в дружественных мероприятиях. Нерасчлененность функций и дублирование компетенций в органах различного уровня препятствовали выработке взаимосвязанных мероприятий культурной дипломатии. До конца 1960-х гг. карельское отделение общества «СССР–Финляндия» искало «место под солнцем» в этой системе, вырабатывало формы и методы работы с населением Финляндии. Карельское отделение ВАО «Интурист» организовывало по жестко установленным правилам программы пребывания иностранцев на территории Карелии, оттеснив общество от этой сферы деятельности. Обмен выставками, гастрольными турами театральных и концертных организаций из-за идеологической важности направлений пропагандисткой работы, сложной процедуры согласования и затратности мероприятий оказались под контролем карельского обкома и республиканского Министерства культуры. Спортивные соревнования финских команд и спортсменов из Карелии по тем же причинам не попали в сферу внимания карельского отделения общества «СССР–Финляндия». Работа с финляндской молодежью стала приоритетом студенческих организаций и молодежных структур, подконтрольных ВЛКСМ. Побратимское движение также исключило Варкаус из направления работы карельского отделения общества «СССР–Финляндия». Оно могло только «присоединиться» к участию в указанных мероприятиях. Облегчало задачу то, что члены общественной организации были широко включены в профессиональный творческий, научный, образовательный и спортивный процессы в КАССР.

Карельское отделение общества «СССР–Финляндия» к концу 1960-х гг. сосредоточило внимание на работе лекторов на территории Карелии и Финляндии. Они рассказывали об общности культуры, достижениях социально-экономического развития и особенностях быта финно-угорского населения СССР и Финляндии в разные временные периоды. Одним из самых часто выезжавших в соседнее государство и эффективно работавших лекторов стал А.Н. Тимонен. С конца 1950-х гг. он являлся «медийным лицом» Карелии в Финляндии, в задачи которого входило представление советского человека в чуждом идеологическом пространстве. Как писатель он получил в Финляндии признание, а время и статус требовали от него общественно-политической активности. Во многом благодаря усилиям А.Н. Тимонена в конце 1950-х гг. удалось активизировать межкультурное взаимодействие Карелии и Финляндии.

Задачи межкультурного диалога и преодоления общего военного прошлого решали ставшие традиционными ежегодные праздничные мероприятия. В апреле они были посвящены годовщинам заключения Договора о дружбе между СССР и Финляндией, а в ноябре–декабре проходила серия мероприятий под названием «месячник дружбы». Карельское отделение общества «СССР–Финляндия» к организации и проведению торжеств подходило основательно, что в целом позволило обоим партнерам межкультурного взаимодействия сформировать комплекс мероприятий по демонстрации друг другу достижений культуры, искусства и науки. Характер этой работы позволяет говорить о смене целевой аудитории формирующегося межкультурного диалога. Акцент с узкого круга профессионалов сместился на в целом жителей Финляндии и Карелии. Эффективность такой работы теперь можно было оценить, только получив «обратную связь» посредством отзывов, размещенных в средствах массовой информации. Они стали активно привлекаться по обе стороны границы как для осуществления, так и для контроля успешности проделанной работы.

К советской аудитории в Карелии допускались только представители финляндского коммунистического движения и демократически настроенные члены общества «Финляндия–СССР». Однако во многом импровизационный характер деятельности карельского отделения общества «СССР–Финляндия» и лакуны в сфере контроля над его работой способствовали возникновению свободных пространств взаимодействия. Если традиционные праздничные мероприятия, посвященные памятным событиям становления дружбы советского

и финского народа, работа лекторов, официальная часть программ пребывания делегаций выполняли прежде всего идеологические задачи, то посещение квартир финнов и петрозаводчан во время взаимных визитов, появление возможности проживания в семьях членов общества дружбы и коммунистов усиливало неформальный контекст взаимодействия. Именно он гораздо больше способствовал преодолению страхов и стереотипов. Возможность использования финского языка как средства коммуникации делала борьбу деятелей искусства, культуры и науки Карелии за симпатии финнов более успешной по сравнению с пропагандой западных держав.

К концу 1960-х гг. изменился контекст публикаций прессы Карелии относительно отношений с Финляндией: идея дружбы, так очевидная уже к этому времени, сменяется задачами обоюдовыгодного взаимодействия в области экономики и торговли. В 1970-е гг. возросла интенсивность и повысилось профессиональное качество присутствия финских художников, актеров, ученых в поле культуры, науки и искусства Карелии. Карельское отделение общества «СССР–Финляндия» в 1960-е гг. являлось элементом советской культурной дипломатии. Благодаря особенностям своего положения в этой системе, активно используя неформальные средства взаимодействия в области культуры, общество дружбы смогло уменьшить идеологическое влияние в этом поле, что позволило Карелии и Финляндии в 1970-е гг. при сохранении основных задач культурной дипломатии перейти к выстраиванию межкультурной коммуникации.

Список источников

1. Обращение директора Института Финляндии Сани Контула-Вебб // Институт Финляндии в Санкт-Петербурге. URL: https://instfin.ru (дата обращения: 29.06.2022).
2. МИД РФ прекращает сотрудничество с НПО Общество «Финляндия–Россия» // ТАСС. 2022. 24 июня. URL: https://tass.ru/politika/15021155 (дата обращения: 29.06.2022).
3. Казарян А.Р. «Линия Кекконена» в истории советско-финляндских отношений // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1 (167). С. 71–74.
4. Матвеевская А.С., Погодин С.Н. Представление о Финляндии в СССР (культурологический аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2015. Вып. 3. С. 112–118.
5. Вихавайнен Т. Из «рюсся» в «советикусы» – из «советикусов» в русские. Революция представления соседей // Россия и Финляндия в многополярном мире: 1809–2009 : материалы междунар. рос.-фин. науч. конф. (19–22 ноября 2009 г.). Петрозаводск, 2009. С. 305–320.
6. Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Образ Финляндии в советской прессе «хрущевского десятилетия» // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России : сб. ст. / под ред. А.Н. Цамутали и др. Новгород : Новгор. гос. ун-т, 2004. С. 340–358.
7. Сапрыкина Ю.С., Чернышов Ю.Г. Образ СССР в Финляндии в период «добрососедства и сотрудничества» // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2014. № 11. С. 61–63.
8. Mikkonen S. Interference or friendly gestures? Soviet cultural diplomacy and Finnish elections, 1945–56 // Cold War History. 2020. Vol. 20 (3). P. 1–17.
9. Gould-Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // Diplomatic History. 2003. Vol. 27 (2). P. 193–214.
10. Шорохова И.В. Организация иностранного туризма в Карелии в 1960-е гг. // Манускрипт. 2019. Т. 12, вып. 8. С. 53–60.
11. Шорохова И.В. Участие артистов Карелии в VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки в 1962 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2018. № 5 (174). С. 70–76.
12. Koivunen P. The World Youth Festival as a Soviet Cultural Product during the Cold War // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8 (5). P. 1612–1628.
13. Трегубов Н.А. Советское агитационное воздействие на целевую аудиторию в социалистических, развивающихся и капиталистических странах (вторая половина 1940-х – середина 1960-х гг.) // Управление в современных системах. 2017. № 4 (15). С. 22–31.
14. Трегубов Н.А. Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами как орган советской культурной дипломатии (1957–1967 гг.) // Управление в современных системах. 2016. № 4 (11). С. 61–67.
15. Нагорная О.С. Научное сотрудничество и образовательные контакты в системе советской культурной дипломатии эпохи «холодной войны» (1945–1990 гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 3 (42). С. 22–30.
16. Вавулинская Л.И. Межкультурная коммуникация в диалоге Карелии и Финляндии в 1950–1970-е гг. // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2018. № 3. С. 228–249.
17. Костина Н.Ю. Межкультурная коммуникация: к истории изучения проблемы // Профессиональное образование и общество. 2014. № 1 (9). С. 33–36.
18. Красильникова О.С. Межкультурная коммуникация и диалог культур как метод познания чужой культуры // Система ценностей современного общества. 2015. № 40. С. 90–94.
19. Маркушевич А.И. «СССР–Финляндия» – новое общество дружбы между народами // На рубеже. 1958. № 2. С. 153–154.
20. Захаров Г.А. Формирование и деятельность отделений обществ дружбы с зарубежными странами в Ленинграде (1958–1965 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 1 (13). С. 1–5.
21. Дюжев Ю.И. Народный писатель Карелии Антти Тимонен: очерк жизни и творчества. Петрозаводск : Сев. сияние, 2014. 544 с.
22. Косов М. Жизненный уровень в Финляндии // Ленинская правда. 1968. 15 нояб.
23. Нестеренко И. В гостях у северного соседа // Ленинская правда. 1964. 05 дек.
24. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-3. Оп. 10. Д. 64.
25. НА РК. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 59.
26. НА РК. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 88.
27. Шорохова И.В. Декада карельского искусства и литературы в Москве 1959 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 22–29.
28. НА РК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 119.
29. Коммюнике правительства Финляндии // Ленинская правда. 1961. 15 нояб.
30. Сообщение о беседах Председателя СМ СССР Н.С. Хрущева и Президента Финляндской Республики К.У. Кекконена // Ленинская правда. 1961. 26 нояб.
31. Mikkonen S. The role of Finnish leftists in Soviet-Finnish artistic exchanges during the late socialist period // Scandinavian Journal of History. 2020. Vol. 45 (4). P. 527–546.
32. НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 1/2.
33. Мир, дружба! // Ленинская правда. 1962. 2 дек.
34. НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 18.
35. Хентинен Э. Жаркое лето в Кирьява // Комсомолец. 1969. 21 окт.
36. Крохина Е. По дорогам Суоми // Комсомолец. 1965. 27 апр.

37. Штыков А. Десять дней в Суоми // Комсомолец. 1964. 23 апр.
38. НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 15.
39. Шорохова И.В. Туристическая отрасль Карелии в 1960-е годы (на примере организованного иностранного туризма в крае) // Вестник науки и образования Северо-Запада России. 2019. Т. 5, № 2. С. 71–84.
40. НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 1/9.
41. НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 17.
42. НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 19.
43. Вечер дружбы в Петрозаводске // Ленинская правда. 1963. 6 апр.
44. НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 3.
45. Поздравления народу Финляндии // Ленинская правда. 1965. 6 апр.
46. 15-летие советско-финляндского договора // Ленинская правда. 1963. 6 апр.
47. Краеугольный камень советско-финляндской дружбы // Ленинская правда. 1964. 7 апр.
48. Прочная основа дружбы // Ленинская правда. 1964. 8 апр.
49. Петрозаводск–Хельсинки // Ленинская правда. 1963. 1 мая.
50. Торжественное заседание в Хельсинки // Ленинская правда. 1965. 7 апр.
51. Вечер дружбы в Петрозаводске // Ленинская правда. 1966. 5 апр.
52. Вечер дружбы в Петрозаводске // Ленинская правда. 1963. 5 апр.
53. Вечер дружбы // Комсомолец. 1969. 8 апр.
54. Финские гости в «Комсомольце» // Комсомолец. 1966. 9 апр.
55. Штыков А. Мосты дружбы // Ленинская правда. 1964. 1 мая.
56. Петрозаводск–Хельсинки. Интервью с главным редактором «Кансан Уутисет» // Ленинская правда. 1963. 1 мая.
57. Показ финских художественных фильмов // Ленинская правда. 1963. 3 апр.
58. Праздник-советско-финляндской дружбы // Ленинская правда. 1966. 4 нояб.
59. Месячник советско-финляндской дружбы // Ленинская правда. 1963. 7 нояб.
60. Прогрессивная общественность мира отмечает годовщину Великого Октября // Ленинская правда. 1961. 7 нояб.
61. Дружбе крепнуть // Комсомолец. 1967. 5 дек.
62. Десять дней в дружественной стране // Ленинская правда. 1965. 14 нояб.
63. Дружеские встречи // Ленинская правда. 1963. 24 дек.
64. Месячник советско-финской дружбы // Ленинская правда. 1964. 10 нояб.
65. НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 13.
66. Интервью с заместителем министра культуры КАССР И. Миэттененом // Ленинская правда. 1968. 06 апреля.
67. НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 22.
68. НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 5.
69. Гости из Финляндии // Комсомолец. 1966. 12 нояб.
70. Неделя дружбы // Ленинская правда. 1963. 3 апр.
71. Конференция карельского отделения общества «СССР–Финляндия» // Ленинская правда. 1964. 10 окт.

References

1. The Finland Institute in St. Petersburg. (n.d.) *Obrashhenie direktora Instituta Finlyandii Sani Kontula-Vebb* [Address by the Director of the Finland Institute, Sani Kontula-Webb]. [Online] Available from: https://instfin.ru (Accessed: 29th June 2022).
2. *TASS*. (2022) MID RF prekrashhaet sotrudnichestvo s NPO Obshhestvo “Finlyandiya – Rossiya” [The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation terminates cooperation with the NGO Society “Finland – Russia”]. 24th June. [Online] Available from: https://tass.ru/politika/15021155 (Accessed: 29th June 2022).
3. Kazaryan, A.R. (2013) “Liniya Kekkonena” v istorii sovetsko-finlyandskikh otnosheniy [The "Kekkonen Line" in the History of Soviet-Finnish Relations]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 1(167). pp. 71–74.
4. Matveevskaya, A.S. & Pogodin, S.N. (2015) Predstavlenie o Finlyandii v SSSR (kul'turologicheskiy aspekt) [The idea of Finland in the USSR (a culturological aspect)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie*. 17(3). pp. 112–118.
5. Vihavainen, T. (2009) Iz “ryussya” v “sovetikusy” – iz “sovetikusov” v russkie. Revolyutsiya predstavleniya sosedey [From “Russ” to “Sovieticus” – from “Sovieticus” to Russian. Neighbor Representation Revolution]. *Rossiya i Finlyandiya v mnogopolyarnom mire: 1809–2009* [Russia and Finland in a Multipolar World: 1809–2009]. Proc. of the International Russian-Finnish Conference. November 19–22, 2009. Petrozavodsk. pp. 305–320.
6. Rupasov, A.I. & Chistikov, A.N. (2004) Obraz Finlyandii v sovetskoy presse “khrushchevskogo desyatiletiya” [The image of Finland in the Soviet press of the “Khrushchev decade”]. In: Tsamutali, A.N. et al. (eds) *Mnogolikaya Finlyandiya. Obraz Finlyandii i finnov v Rossii* [The Many Faces of Finland. The Image of Finland and Finns in Russia]. Novgorod: *Novgorod State University*. pp. 340–358.
7. Saprykina, Yu.S. & Chernyshov, Yu.G. (2014) Obraz SSSR v Finlyandii v period “dobrososedstva i sotrudnichestva” [The image of the USSR in Finland during the period of “good neighborliness and cooperation”]. *Trudy molodykh uchenykh Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 11. pp. 61–63.
8. Mikkonen, S. (2020) Interference or friendly gestures? Soviet cultural diplomacy and Finnish elections, 1945–56. *Cold War History*. 20(3). pp. 1–17.
9. Gould-Davies, N. (2003) The Logic of Soviet Cultural Diplomacy. *Diplomatic History*. 27(2). pp. 193–214.
10. Shorokhova, I.V. (2019) Organizatsiya inostrannogo turizma v Karelii v 1960-e gg. [Organization of foreign tourism in Karelia in the 1960s]. *Manuskript*.12(8). pp. 53–60.
11. Shorokhova, I.V. (2018) Uchastie artistov Karelii v VIII Vsemirnom festivale molodezhi i studentov v Khel'sinki v 1962 godu [Participation of Karelian Performers in the 8th World Festival of Youth and Students in Helsinki in 1962]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. 5(174). pp. 70–76.
12. Koivunen, P. (2020) The World Youth Festival as a Soviet Cultural Product during the Cold War. *Quaestio Rossica*. 8(5). pp. 1612–1628.
13. Tregubov, N.A. (2017) Sovetskoe agitatsionnoe vozdeystvie na tselevuyu auditoriyu v sotsialisticheskikh, razvivayushchikhsya i kapitalisticheskikh stranakh (vtoraya polovina 1940-kh – seredina 1960-kh gg.) [Soviet propaganda impact on the target audience in socialist, developing and capitalist countries (second half of the 1940s – mid-1960s)]. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*. 4(15). pp. 22–31.
14. Tregubov, N.A. (2016) Gosudarstvennyy komitet po kul'turnym svyazyam s zarubezhnymi stranami kak organ sovetskoy kul'turnoy diplomatii (1957–1967 gg.) [State Committee for Cultural Relations with Foreign Countries as an organ of Soviet cultural diplomacy (1957–1967)]. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*. 4(11). pp. 61–67.
15. Nagornaya, O.S. (2018) Nauchnoe sotrudnichestvo i obrazovatel'nye kontakty v sisteme sovetskoy kul'turnoy diplomatii epokhi «kholodnoy voyny» (1945–1990 gg.) [Scientific cooperation and educational contacts in the system of Soviet cultural diplomacy of the Cold War era (1945–1990)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 3(42). pp. 22–30.

16. Vavulinskaya, L.I. (2018) Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v dialoge Karelii i Finlyandii v 1950–1970-e gg. [Intercultural communication in the dialogue between Karelia and Finland in the 1950s – 1970s.]. *Al'manakh severoevropeyskikh i baltiyskikh issledovaniy*. 3. pp. 228–249.
17. Kostina, N. Yu. (2014) Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: k istorii izucheniya problemy [Intercultural communication: on the history of the study of the problem]. *Professional'noe obrazovanie i obshchestvo*. 1(9). pp. 33–36.
18. Krasilnikova, O.S. (2015) Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i dialog kul'tur kak metod poznaniya chuzhoy kul'tury [Intercultural communication and dialogue of cultures as a method of understanding foreign culture]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*. 40. pp. 90–94.
19. Markushevich, A.I. (1958) “SSSR-Finlyandiya” – novoe obshchestvo druzhby mezhdu narodami [“USSR-Finland” – a new society of friendship between peoples]. *Na rubezhe*. 2. pp. 153–154.
20. Zakharov, G.A. (2018) Formirovanie i deyatel'nost' otdeleniy obshchestv druzhby s zarubezhnymi stranami v Leningrade (1958–1965 gg.) [Formation and Activities of the Leningrad Branches of Friendship Societies with Foreign Countries (1958–1965)]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. 1(13). pp. 1–5.
21. Dyuzhev, Yu.I. (2014) *Narodnyy pisatel' Karelii Antti Timonen: ocherk zhizni i tvorchestva* [People's Writer of Karelia Antti Timonen: Essay on Life and Work]. Petrozavodsk: Severnoe siyanie.
22. Kosov, M. (1968) Zhiznennyy uroven' v Finlyandii [Living standards in Finland]. *Leninskaya pravda*. 15th November.
23. Nesterenko, I. (1964) V gostyakh u severnogo soseda [Visiting the northern neighbor]. *Leninskaya pravda*. 5th December.
24. National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). Fund P-3. List 10. File 64.
25. National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). Fund P-3. List 9. File 59.
26. National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). Fund P-3. List 11. File 88.
27. Shorokhova, I.V. (2017) Dekada karel'skogo iskusstva i literatury v Moskve 1959 goda [Decade of Karelian Art and Literature in Moscow, 1959]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7(168). pp. 22–29.
28. National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). Fund P-3. List 10. File 119.
29. *Leninskaya pravda*. (1961a) Kommyunike pravitel'stva Finlyandii [Communiqué of the Government of Finland]. 15th November.
30. *Leninskaya pravda*. (1961b) Soobshchenie o besedakh Predsedatelya SM SSSR N.S. Khrushcheva i Prezidenta Finlyandskoy Respubliki K.U. Kekkonena [Report on the conversations between the Chairman of the Council of Ministers of the USSR N.S. Khrushchev and the President of the Republic of Finland K.U. Kekkonen]. 26th November.
31. Mikkonen, S. (2020) The role of Finnish leftists in Soviet-Finnish artistic exchanges during the late socialist period. *Scandinavian Journal of History*. 45(4). pp. 527–546.
32. National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). Fund R-3141. List 1. File 1/2.
33. *Leninskaya pravda*. (1962) Mir, druzhba! [Peace, friendship!]. 2nd December.
34. National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). Fund R-3141. List 1. File 18.
35. Hentinen, E. (1969) Zharkoe leto v Kir'yava [Hot summer in Kirjava]. *Komsomolets.* 21st October.
36. Krokhina, E. (1965) Po dorogam Suomi [On the roads of Suomi]. *Komsomolets.* 27th April.
37. Shtykov, A. (1964) Desyat' dney v Suomi [Ten days in Suomi]. *Komsomolets*. 23rd April.
38. National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). Fund R-3141. List 1. File 15.
39. Shorokhova, I.V. (2019) Turisticheskaya otrasl' Karelii v 1960-e gody (na primere organizovannogo inostrannogo turizma v krae) [The tourism industry of Karelia in the 1960s (on the example of organized foreign tourism in the region)]. *Vestnik nauki i obrazovaniya Severo-Zapada Rossii*. 2(5). pp. 71–84.
40. National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). Fund R-3141. List 1. File 1/9.
41. National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). Fund R-3141. List 1. File 17.
42. National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). Fund R-3141. List 1. File 19.
43. *Leninskaya pravda*. (1963a) Vecher druzhby v Petrozavodske [Evening of friendship in Petrozavodsk]. 6th April.
44. National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). Fund R-3141. List 1. File 3.
45. *Leninskaya pravda*. (1965a) Pozdravleniya narodu Finlyandii [Congratulations to the people of Finland]. 6th April.
46. *Leninskaya pravda*. (1963b) 15-letie sovetsko-finlyandskogo dogovora [15th anniversary of the Soviet-Finnish treaty]. 6th April.
47. *Leninskaya pravda*. (1964a) Kraeugol'nyy kamen' sovetsko-finlyandskoy druzhby [The cornerstone of Soviet-Finnish friendship]. 7th April.
48. *Leninskaya pravda*. (1964b) Prochnaya osnova druzhby [A solid foundation of friendship]. 8th April.
49. *Leninskaya pravda*. (1963c) Petrozavodsk–Khel'sinki [Petrozavodsk-Helsinki]. 1st May.
50. *Leninskaya pravda*. (1965b) Torzhestvennoe zasedanie v Khel'sinki [Ceremonial Meeting in Helsinki]. 7th April.
51. *Leninskaya pravda*. (1966a) Vecher druzhby v Petrozavodske [Friendship Evening in Petrozavodsk]. 5th April.
52. *Leninskaya pravda*. (1963d) Vecher druzhby v Petrozavodske [Friendship Evening in Petrozavodsk]. 5th April.
53. *Komsomolets.* (1969) Vecher druzhby [Friendship Evening]. 8th April.
54. *Komsomolets.* (1966a) Finskiye gosti v “Komsomoltse” [Finnish guests at “Komsomolets”]. 9th April.
55. Shtykov, A. (1964) Mosty druzhby [Bridges of Friendship]. *Leninskaya pravda*. 1st May.
56. *Leninskaya pravda*. (1963e) Petrozavodsk–Khel'sinki. Interv'yu s glavnym redaktorom “Kansan Uutiset” [Petrozavodsk-Helsinki. Interview with the Editor-in-Chief of Kansan Uutiset]. 1st May.
57. *Leninskaya pravda*. (1963f) Pokaz finskikh khudozhestvennykh fil'mov [Screening of Finnish feature films]. 3rd April.
58. *Leninskaya pravda*. (1966b) Prazdnik sovet·sko-finlyandskoy druzhby [Festival of Soviet-Finnish Friendship]. 4th November.
59. *Leninskaya pravda*. (1963g) Mesyachnik sovetsko-finlyandskoy druzhby [Month of Soviet-Finnish friendship]. 7th November.
60. *Leninskaya pravda*. (1961c) Progressivnaya obshchestvennost' mira otmechaet godovshchinu Velikogo Oktyabrya [The progressive public of the world celebrates the anniversary of the Great October Revolution]. 7th November.
61. *Komsomolets.* (1967) Druzhbe krepnut' [May Friendship Grow Stronger]. 5th December.
62. *Leninskaya pravda*. (1965c) Desyat' dney v druzhestvennoy strane [Ten days in a friendly country]. 14th November.
63. *Leninskaya pravda*. (1963h) Druzheskie vstrechi [Friendly meetings]. 24th December.
64. *Leninskaya pravda*. (1964c) Mesyachnik sovetsko-finskoy druzhby [A Month of Soviet-Finnish friendship]. 10th November.
65. National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). Fund R-3141. List 1. File 13.
66. *Leninskaya pravda*. (1968) Interv'yu s zamestitelem ministra kul'tury KASSR I. Miettenenom [Interview with the Deputy Minister of Culture of the KASSR I. Miettenen]. 6th April.
67. National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). Fund R-3141. List 1. File 22.
68. National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). Fund R-3141. List 1. File 5.
69. *Komsomolets.* (1966b) Gosti iz Finlyandii [Guests from Finland]. 12th November.
70. *Leninskaya pravda*. (1963i) Nedelya druzhby [A Week of Friendship]. 3rd April.
71. *Leninskaya pravda*. (1964d) Konferentsiya karel'skogo otdeleniya obshchestva “SSSR – Finlyandiya” [Conference of the Karelian branch of the society “USSR – Finland"]. 10th October.

Сведения об авторе:
Шорохова Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: ivikshor@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Shorokhova Irina V. – PhD in History, Chair of Russian History, Institute of History, Political and Social Science, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: ivikshor@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.07.2022; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 12.07.2022; accepted for publication 01.08.2025

Научная статья
УДК 94:329.7(571.51) "1920"
doi: 10.17223/19988613/96/14

От войны к миру: становление Енисейского губернского партийного комитета РКП(б)

Юлия Викторовна Элтеко

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, yelteko@yandex.ru

Аннотация. Реконструируется процесс создания губернского комитета Российской коммунистической партии (большевиков) на территории Енисейской губернии. Выделяется ряд специфических черт, позволивших большевикам установить и поддерживать проведение единой политики в тяжелейших условиях экономической разрухи и кадрового голода после Гражданской войны. Наиболее важной чертой был военно-командный характер установления и функционирования партийной власти в губернии.
Ключевые слова: Енисейский губернский комитет РКП(б), Енгубком, Енисейская губерния, РКП(б)

Для цитирования: Элтеко Ю.В. От войны к миру: становление Енисейского губернского партийного комитета РКП(б) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 108–114. doi: 10.17223/19988613/96/14

Original article

From War to Peace: Formation of the Yenisei Provincial Party Committee of the RCP(b)

Yuliya V. Elteko

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, yelteko@yandex.ru

Abstract. In the article, the author recreates the process of organizing the Yenisei Provincial Party Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks from the moment the city of Krasnoyarsk was liberated from counter-revolutionary forces in January 1920 and the formation of the Provisional Yenisei Provincial Party Committee of the RCP (b) until the first Provincial Party Conference in June, at which a full-fledged Yenisei provincial party committee of the RCP (b) was elected. The provincial party committee was the highest party authority in the province. The study is based on published (materials of the party press) and unpublished sources (archival documents of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory). In an attempt to answer the question of how, in the most difficult conditions of devastation, the decline of industry, agriculture, famine, typhus epidemics, personnel shortages, lack of infrastructure, the Bolsheviks managed to establish, retain party power and support the implementation of a unified policy on the territory of the Yenisei province, the author highlights a number of specific features in the formation and functioning of the Yenisei Provincial Party Committee of the RCP (b). Firstly, communist power in the province was restored by military means with the direct participation of the Red Army. The political department of the 30th Rifle Division of the Red Army carried out the initial organizational work to restore the organs of party and Soviet power. Significant military formations were deployed on the territory of the province. Significant support for the communist regime was provided by emergency authorities, which had almost unlimited powers. The communists of the province underwent military training, and the authorities in the majority consisted of Red Army soldiers and partisans. Secondly, the features of personnel policy, including the transfer of senior staff from one position to another, from province to province, and appointment. Such a policy made it possible to solve not only the problems of shortage of personnel, but also to avoid local separatism, corruption, and ensure the unity of the policy of the center and the province. Thirdly, the communists, combining party posts with Soviet ones, ensured control and leadership of Soviet organizations. Fourthly, the party leadership tried to influence various categories of the population by organizing work with youth, among women, trade unions, among foreigners, former prisoners of war. Fifthly, considerable attention was paid to agitation and propaganda among the entire population, both party and non-party. Party education was also important. Thus, all of the above features together allowed the communists to achieve their goal.
Keywords: Yenisei provincial committee of the RCP(b), Yengubkom, Yenisei province, RCP(b)

For citation: Elteko, Yu.V. (2025) From War to Peace: Formation of the Yenisei Provincial Party Committee of the RCP(b). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 108–114. doi: 10.17223/19988613/96/14

© Ю.В. Элтеко, 2025

Актуальность. Текущее десятилетие (2020-е гг.) богато на юбилейные даты для территории Приенисейского края: прошло 200 лет с момента образования Енисейской губернии (1822) и 100 лет с момента ее ликвидации (1925). Свой 100-летний юбилей отмечает и Енисейская губернская партийная организация (1920–1925). В связи с этим представляется актуальным обратить взгляд в прошлое, на сто лет назад, к истории восстановления коммунистической власти и управления в Енисейской губернии в условиях перехода к миру после Гражданской войны (в данном исследовании Гражданская война рассматривается в узких хронологических рамках согласно официальной советской историографии).

После освобождения Енисейской губернии от власти контрреволюционеров социально-экономическое положение территории представляло удручающую картину. Населенные пункты вдоль железной дороги по линии отступления колчаковской армии были разорены, многие села и деревни сожжены и разграблены. Основа экономики – сельское хозяйство – оказалось подорвано: поля пришли в упадок, сократились посевные площади. Большинство промышленных предприятий также находилось в бездействии. Население окутали нищета и разруха, не хватало ни одежды, ни пропитания. Помимо всего прочего, жителей губернии настигла эпидемия тифа. Не лучше было и политическое положение губернии. Вплоть до середины 1920-х гг. продолжали действовать остатки «белых» сил. Крестьяне были недовольны политикой продразверстки. К тому же губерния располагала достаточно обширной территорией с низкой плотностью населения, большая часть которого проживала в деревнях и селах, расположенных на значительных расстояниях друг от друга, с плохой транспортной инфраструктурой, что еще больше осложняло коммуникации властей. Именно в таких обстоятельствах Енисейская губернская партийная организация, насчитывавшая в феврале-марте 1920 г. всего 982 человека [1. С. 8], должна была восстановить власть и проводить политику ЦК РКП(б) на территории губернии. К слову, и к концу существования Енисейской губернии как административно-территориальной единицы соотношение коммунистов и беспартийного населения в Сибири оставалось низким: так, на 1 октября 1925 г. на тысячу жителей приходилось всего 7 коммунистов [2. С. 101].

Как же в таких условиях удалось установить, удержать партийную власть и поддерживать проведение единой политики на территории Енисейской губернии?

Историография. В историографии образования и функционирования Енисейской губернской партийной организации можно выделить ряд работ отечественных авторов. Наиболее крупная из них – коллективная монография «Очерки истории Красноярской партийной организации» в двух томах [1, 3]. Работа целиком написана в марксистском ключе и носит ярко выраженный идеологический характер. Основное внимание авторов сосредоточивалось на демонстрации роли партийного комитета в восстановлении народного хозяйства. Становлению партийной власти, ее структуре, методам организационной работы практически не уделялось внимания. Тем не менее работа содержит некоторые ценные фактологические сведения для темы исследования. Важной при изучении проблемы является монография М.Д. Северьянова «Нэп и современность», где автором были почерпнуты ценные идеи о своеобразии партийного строительства в условиях нэпа [2]. Современные исследования охватывают различные стороны работы Енисейской губернской партийной организации. Так, О.М. Долидович рассмотрела деятельность женотделов Енисейской губернии [4]. Об особенностях формирования советской и партийной власти в Минусинском уезде Енисейской губернии, борьбе за власть между руководителями местного происхождения и губернскими «назначенцами» писал А.П. Шекшеев [5]. В.Н. Гузаровым предпринята попытка выявить общие закономерности развития всех звеньев партийного аппарата путем рассмотрения элементов партийной иерархии: Секретариата ЦК, областных бюро ЦК, губернских, уездных, районных, волостных партийных комитетов и профессиональных руководителей ячеек [6]. Автором использовались материалы архивов Сибири, в том числе в качестве примеров упоминались данные о партийных организациях Енисейской губернии. Ценным трудом при изучении личного состава партийных и советских органов власти является справочник с краткими биографическими данными руководящих кадров Сибири С.А. Папкова [7]. Отдельно стоит отметить работы, посвященные событиям Гражданской войны на территории губернии, частично охватывающие интересующую нас проблему [8, 9]. Также в последние годы в поле зрения историков попали советские органы власти и их служащие Енисейской губернии изучаемого периода [10]. Стоит отметить работы, посвященные различным вопросам региональных губернских партийных комитетов [11–13]. Что касается особенностей формирования власти РКП(б) в переходный период в Енисейской губернии, комплексных работ автором выявлено не было.

Цель. Таким образом, исходя из актуальности и историографии проблемы, целью статьи стала реконструкция процесса возникновения Енисейского губернского партийного комитета РКП(б). Хронологические рамки исследования – январь–июнь 1920 г. (от освобождения Красной Армией Енисейской губернии от контрреволюционных сил до проведения Первой Губернской партийной конференции и постановления о переходе от системы ревкомов к системе советов по всей губернии).

Основу источниковой базы составили материалы официальной партийной периодической печати: журнал «Известия Енисейского губернского комитета Р.К.П. (большевиков)» и газета «Красноярский рабочий». Также при написании статьи использовались архивные документы Государственного архива Красноярского края.

Проанализировав литературу и источники, мы выявили следующие специфические черты становления и функционирования Енисейского губернского партийного комитета РКП(б).

1. *Военно-командный характер установления и функционирования партийной власти*. *Террор.* Советская власть на территории Енисейской губернии была вос-

становлена в результате Красноярской операции в январе 1920 г. [8. С. 333]. 7 января передовые воинские части 30-й дивизии 5-й Армии вступили в Красноярск. Власть в Красноярске полностью перешла к ревкому – чрезвычайному органу власти, готовившему условия для проведения выборов в советы. Незадолго до этого подпольным коммунистическим комитетом (председатель Козлов, члены Вышковский и Фридман) был образован революционный штаб в составе Шабалина, Клешнина, Демненко, Кузнецова и Зорина. Командующим был назначен Яковлев [14. С. 69]. Большевистское подполье города готовило восстание, которое должно было начаться по решению Сиббюро ЦК, руководившего революционной борьбой Сибири из-за линии фронта, и общесибирского подпольного центра, с приближением к Красноярску Красной Армии. 2 января на нелегальной квартире Д. Зорина состоялось заседание революционного комитета, который назначил на 4 января вооруженное выступление [15. С. 214]. В ночь с 3 на 4 января в Красноярске революционный комитет взял город без единого выстрела.

Первоначальная организационная работа по восстановлению органов партийной и советской власти была возложена на Политический отдел 30-й стрелковой дивизии Красной Армии, освободившей Красноярск. В период с 8 по 15 января отделом была проведена организация Губернского ревкома, Губернского комитета РКП(б), Организационного комитета Союза коммунистической молодежи, Солдатского клуба и Агитационного пункта в Военном городке, Женской секции. Проведены организационные собрания членов РКП(б), Красноярской организации временного Губкома РКП(б), Комитета Союза коммунистической молодежи, Агитаторской коллегии. Помимо этого, Политическим отделом проводилась агитационная работа: организация митингов, концертов, спектаклей, выпуск листовок [16. С. 3].

9 января состоялось первое легальное организационное собрание Красноярской организации РКП(б), в рядах которой через 10 дней было зарегистрировано 200 членов партии [15. С. 216]. Ознакомившись со слов председателя Политотдела 30-й дивизии Красной Армии Сыркина с положением дел в России и строительством партии, собрание постановило немедленно же приступить к созданию организации [17. Л. 21]. На собрании был избран Временный губернский комитет РКП(б) в составе пяти членов (Фридман, Шабалин, Булгаков, Акулова, Шер) и двух кандидатов (Краденова, Каулин) [18. С. 6]. С 10 января Временный комитет приступил к регистрации членов и сочувствующих [17. Л. 21].

12 января 1920 г. прошло первое заседание Енисейского губернского комитета РКП(б). На нем присутствовали представитель Политического отдела 30-й дивизии Красной Армии Сыркин, члены Временного губернского комитета Фридман, Шер, Каулин (в № 6 газеты «Красноярский рабочий» указывался как кандидат), Булгаков, Акулова и кандидат Краденова. На заседании обсуждались организационные вопросы: поиск здания для комитета, регистрация членов партии, а также выбор новых членов в Енгубком, так как комитет должен был состоять не менее чем из 11 лиц. Новыми членами комитета стали Сидельников, Анисимова, Лисневский, Цена [19. С. 4].

Военно-командный метод организации партийной сети закреплялся и ее составом: коммунистами Красной Армии и партизанами. Если первые были представлены, как правило, в уездных, губернских и сибирском комитетах партии, то вторые имели подавляющее преимущество в волкомах и сельских ячейках [2. С. 86–87]. Также стоит отметить, что для борьбы с бандитизмом 60% коммунистов губернии прошли обучение военному делу [1. С. 18].

В начале 1920-х гг. губерния была буквально нашпигована различными воинскими частями. В регионе были как войска Рабоче-Крестьянской Красной Армии, так и части внутренней охраны – внутренней службы, которые дислоцировались во всех городах губернии [8. С. 274]. В Сибири раньше, чем на других фронтах, была создана система руководства партийно-политической работой Красной Армии, все ее звенья пополнились подготовленными партийными кадрами, укрепился институт военных комиссаров. При Политотделе 5-й Армии в июле 1919 г. была организована партийная школа, и к концу 1919 г. она подготовила 500 политработников различных категорий. Во главе школы стояли видные политработники Е.А. Литкенс, С.Н. Кожевников [20. С. 101]. Значительную поддержку коммунистическому режиму оказывали чрезвычайные органы власти – ЧК (чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем). Широкие и почти бесконтрольные полномочия чекистского ведомства превратили их сотрудников в орудие красного террора, заставившего считаться с советской властью по всей территории Енисейской Сибири [21. С. 217].

2. Постоянные переброски руководящего состава. Назначенство. На протяжении всего существования Енисейской губернской партийной организации в отчетах о деятельности Губернского комитета РКП(б) губернским партийным конференциям отмечался дефицит партийных работников. С первых дней существования Комитет был занят подбором и перемещением ответственных работников. Переброски и назначенство являлись не только следствием нехватки кадров, но и элементом продуманной кадровой политики, обеспечивающей избежание местного сепаратизма [6], борьбу с созданием коррумпированных схем и связей среди управленцев [22. С. 231], а также проведение единой политики центра и периферии, хотя на местах цели переброс не разъяснялись. Секретарь губкома Машкин так высказывался на IV Губернской партийной конференции о перемещении работников: «Сейчас нам говорят о плановых переброс, но до сих пор перебрасывали без всяких планов, ни с чем не считаясь, расформировывали чуть ли не весь губком» [23. Л. 1].

Ярким примером политики перемещения и назначения работников являются руководители Енисейского губернского комитета РКП(б) – высшего партийного органа на территории губернии (председатели губернского оргбюро и ответственные секретари). С января 1920 г. по октябрь 1925 г. (период существования Енисейского губернского партийного комитета) сменили друг друга семь председателей оргбюро и ответственных

секретарей губкома РКП(б): Е.А. Литкенс (с 01.1920); А.П. Спунде (06–08.1920); В.В. Хжановский (09.1920–1921); К.П. Машкин (1921–1922); А.С. Гендлин (02.1922–02.1923); Р.Я. Кисис (02.1923–05.1925); Л.Б. Денис (05–10.1925) [7. С. 17]. Все они были неместными, не знали специфики губернии и перебрасывались и назначались для неуклонного исполнения вышестоящих директив. Даже на губернской конференции в июне 1921 г. отмечалось, что «работа ведется не знающими населения людьми <…> работа в уездных и губернском масштабах возлагалась на тех товарищей, которые во время колчаковщины перебрасывались с места на место и при восстановлении советской власти в Сибири оказались случайно на местах» [23. Л. 4].

3. Направление политики советских органов через совмещение партийных и советских должностей. Р. Пайпс писал: «Партия и структура государственного управления сохранили индивидуальные черты, но одновременно переплелись на уровне исполнительной власти – не организационно, а своим персональным составом» [24. С. 216]. В начальный период существования Енисейского губернского партийного комитета главная работа губбюро заключалась в том, чтобы подчинить своему влиянию все советские организации и намечать им нужный путь. Так, например, 9 из 17 членов губкома, избранного II Губернской конференцией (декабрь 1920 г.), помимо партийной работы, были заняты советской и профессиональной (таблица) [25. С. 19]. Состав губкома был подобран таким образом, чтобы в нем сочетались важнейшие отрасли советской и профессиональной работы как губцентра, так и уездов. Губком проводил избирательные кампании в горсовет, сельские советы. За период до I Губернской конференции (июнь 1920 г.) губкомом были направлены в разные советские учреждения 60 коммунистов [26. С. 2]. Вопросы советских учреждений занимали значительное место на заседаниях пленума и президиума губкома, а также большая часть почтовой корреспонденции, как входящей, так и исходящей, приходилась на советские учреждения [25. С. 20].

Личный состав губкома, избранного II Губернской конференцией

Фамилия	Какую работу выполнял (партийная, советская, профессиональная)	В каком органе выполнял работу
Банкович	Занят советской и профессиональной работой с исполнением отдельных более или менее длительных партийных нарядов	Отдел управления ревкома, Рабкрин (РКИ)
Дубенский	Выполнял только партийную работу	Председатель Лекторской коллегии при губкоме
Кузнецов	Занят советской и профессиональной работой с исполнением отдельных более или менее длительных партийных нарядов	Знаменский завод
Каулин	Занят советской и профессиональной работой с исполнением отдельных более или менее длительных партийных нарядов	Губсоюз, Гублеском
Куфонин	Выполнял только партийную работу	Красноярское уоргбюро
Копейкин	Занят советской и профессиональной работой с исполнением отдельных более или менее длительных партийных нарядов	ГСНХ
Литвина	Выполнял только партийную работу	Зав. организационным отделом губкома, уоргбюро
Миновский	Выполнял только партийную работу	Николаевский райком
Шер	Выполнял только партийную работу	Горрайком
Яковенко	Занят советской и профессиональной работой с исполнением отдельных более или менее длительных партийных нарядов	Канский исполком
Зосе	Выполнял только партийную работу	Ачинский горуездком
Непомнящий	Выполнял только партийную работу	Минусинский горуездком
Конышев	Занят советской и профессиональной работой с исполнением отдельных более или менее длительных партийных нарядов	Енисейский уисполком
Шингаревский	Занят советской и профессиональной работой с исполнением отдельных более или менее длительных партийных нарядов	ЕРПО
Загайный	Занят советской и профессиональной работой с исполнением отдельных более или менее длительных партийных нарядов	Губпрофсовет
Хжановский	Выполнял только партийную работу	Секретарь губкома и член Николаевского райкома
Шумяцкий	Занят советской и профессиональной работой с исполнением отдельных более или менее длительных партийных нарядов	Губисполком

4. Внимание к различным категориям населения по половозрастному, социальному, национальному составу. РКСМ. Под руководством партийных комитетов стали создаваться комсомольские организации – будущие кадры РКП(б). 17 января 1920 г. в котельном цехе Главных железнодорожных мастерских состоялся митинг рабочей молодежи, на котором присутствовали 150 человек. Сразу после митинга была оформлена комсомольская организация. В нее вошли 30 человек, в том числе 4 девушки. Формирование городской комсомольской организации завершилось в феврале 1920 г. К этому времени было создано 13 ячеек, объединяющих около 1 000 комсомольцев. Вслед за Красноярском комсомол распространялся в уездные города, рабочие поселки, а затем и в сельскую местность. 7 июля 1920 г. собралась первая Енисейская губернская конференция РКСМ. К этому времени было создано 60 комсомольских организаций, насчитывающих 1 500 человек [15. С. 219].

Работа среди женщин. При конструировании отделов Енисейского губернского комитета РКП(б) одним из первых заработал отдел работницы. Первоначально в женском отделе имелись заведующий, секретарь и инструктор. Работа велась среди женщин-работниц и жен рабочих: проводились общие собрания, собрания на

предприятиях, совещания отдела, митинги-концерты, лекции, спектакли, кружки. Выпускались странички работницы (в составе газеты «Красноярский рабочий») [26. С. 2]. Большую роль в увеличении числа женщин в партийно-советском аппарате сыграли делегатские собрания, которые стали школой политического воспитания женщин-активисток, а также давали опыт работы в советских организациях и учреждениях. По окончании работы делегатского собрания наиболее политически грамотных и активных делегаток принимали в партию [27. С. 25].

Профсоюзы. Партийная организация оказывала руководящее влияние и на профсоюзы, которые являлись основной организацией рабочих. По мнению Ленина, профсоюзы должны были быть «школой коммунизма», т.е. организацией, в рамках которой рабочие могли постепенно овладевать навыками управления. Также профсоюзы должны были организовывать рабочих под контролем партии. После восстановления советской власти в губернии деятельность профсоюзов начала быстро налаживаться. Уже в январе 1920 г. в Красноярске была созвана городская конференция профсоюзов, а 5 июня 1920 г. – второй губернский съезд, на котором обсуждались формы и методы профсоюзного строительства. В июле 1921 г. в Енисейской губернии насчитывался 21 профсоюз с общей численностью членов более 30 тыс. [28. С. 7]. Через выборные органы профсоюзов коммунисты оказывали влияние на рабочий класс губернии: в 1922 г. 70% состава выборных органов профсоюзов составляли коммунисты [28. С. 9].

Работа иностранных секций. Енисейский губернский партийный комитет занимался руководством и направлением работы иностранных секций РКП(б), руководством «организации народов востока», используя в интересах партии их национальные стремления. 21 февраля 1920 г. в «Красноярском рабочем» была опубликована статья заведующего иностранной секцией Политотдела 5-й Армии Ярослава Гошека о бывших военнопленных иностранцах в Сибири и на Дальнем Востоке, численность которых достигала 400 тыс. По его словам, до 50% бывших военнопленных по мере продвижения Красной Армии вступали в ее ряды (интернациональные отряды), остальные же могли быть использованы для создания трудовой армии [29. С. 2]. В начале февраля был образован комитет беженцев «Пленбеж», там должны были зарегистрироваться все бывшие военнопленные, освобожденные советской властью, после чего им давалась работа либо они отправлялись на родину. Председателем комиссии по регистрации бывших военнопленных был назначен т. Санто Ференц – член иностранной секции Енисейского губкома РКП(б) [30. С. 3]. На 21 февраля 1920 г. на учете Губпленбежа былм зарегистрированы 16 168 чел. [31. С. 3]. Помимо «Пленбежа» при Енисейском губкоме были образованы Польская, Латышская, Немецкая, Венгерская секции, а также отделение Корейского общества [32. С. 3]. Секциями велась агитационно-пропагандистская работа по распространению коммунистических идей среди иностранцев.

5. *Агитация и пропаганда. Политическое образование.* Немаловажной составляющей распространения и удержания партийной власти являлись агитация и пропаганда. В.И. Ленин утверждал, что неграмотный человек стоит вне политики, что позволяет манипулировать его сознанием [2. С. 91], а, как известно, в 1920-е гг. уровень грамотности населения был достаточно низким. Низкий общекультурный, образовательный и политический уровень характеризовал рядовых коммунистов, что делало их прекрасными исполнителями.

Окончание Гражданской войны вызвало изменение задач и методов работы агитационно-пропагандистского отдела: переход от массовых митингов, часто проходивших с вопросами случайного характера, к систематическим концертам, спектакль-митингам, общим собраниям, конференциям по определенным вопросам. Основными задачами агитации стали восстановление народного хозяйства, проведение производственной пропаганды для привлечения рабоче-крестьянских масс, укрепление партии, политико-просветительская работа среди трудящихся [33. С. 8–9].

Агитационно-пропагандистским отделом выпускались ежедневная газета «Красноярский рабочий» и «Известия Енисейского губкома РКП». Также в губернии издавались «Крестьянская газета», «Рабочая мысль», «Енисейский кооператор», «Печатник», «Пожарник», журнал «Знамя коммунизма» и др. Кроме того, в уездах выходили газеты «Крестьянин и рабочий» (Ачинск), «Канский крестьянин», «Власть труда» (Минусинск), «Красный таежник» (Енисейск) [1. С. 36].

Для более целенаправленной работы постановлением от 14 декабря 1920 г. при агитационном отделе губкома была создана особая Лекторская группа. Входившие в нее товарищи освобождались от всех советских обязанностей. В задачи группы входили учет лекторских сил и времени их использования, подготовка к агитационным кампаниям, разработка плана их проведения, обобщение опыта, выработка новых методов работы, разработка тем докладов, конспектов и других агитационных материалов [25. С. 6].

Для распространения влияния среди коммунистов, а также решения проблемы кадров учреждались политическое воспитание и образование. В июне 1920 г. в Красноярске была организована партийная школа на 200 чел. После ее окончания курсанты поступали в распоряжение губбюро для партийной и советской работы [34. С. 2]. В дальнейшем в губернии была образована разветвленная сеть партийного образования: работали кружки политграмоты, школы политграмоты, марксистские кружки, Губпартшкола, марксистские клубы. Также занятия по политграмоте осуществлялись в гражданских школах.

Выводы. Таким образом, в ходе исследования были выявлены следующие факторы, позволившие коммунистам взять и удерживать власть, а также проводить единую политику при неблагоприятных экономических, политических условиях, кадровом дефиците, особом социальном и географическом положении Енисейской губернии: военно-командный характер установления и функционирования партийной власти, назначенство и переброски руководящего состава, направление политики советских органов через совмещение партийных и советских должностей, распространение влия-

ния через различные группы населения (по половому, возрастному, социальному, национальному составу), значительное внимание агитации и пропаганде среди всего населения. Несмотря на то, что все факторы в совокупности играли существенную роль в достижении цели, на наш взгляд, наиболее важным фактором, без которого остальные бы не имели значения, был первый, а именно военно-командные методы управления.

Список источников

1. Очерки истории Красноярской партийной организации / г. ред. В.П. Сафронов. Красноярск : Кн. изд-во, 1970. Т. 2: Героическая борьба за построение социализма и постепенный переход к коммунизму / сост. П.Н. Мешалкин, Г.А. Белоусов, Д.Б. Груш, В.А. Непомнящий. 390 с.
2. Северьянов М.Д. Нэп и современность: полемические заметки. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 238 с.
3. Очерки истории Красноярской партийной организации / г. ред. В.П. Сафронов. Красноярск : Кн. изд-во, 1967. Т. 1: Большевики во главе трех революций и гражданской войны за власть Советов (с 90-х годов XIX века до 1920 года) / сост. П.Н. Мешалкин, Г.А. Белоусов, Д.Б. Груш и др. 403 с.
4. Долидович О.М. Женотделы Енисейской губернии в 1921–1930 гг. // Женщина в Российском обществе, 2014. № 3. С. 20–27.
5. Шекшеев А.П. Борьба за власть между коммунистами и централизация партийно-советского руководства на юге Енисейской губернии в начале 1920-х гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 3 (12). С. 68–92.
6. Гузаров В.Н. Партийный аппарат российской коммунистической партии большевиков: 1917–1925 гг. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 390 с.
7. Папков С.А. Руководящие кадры Сибири 1919–1941 гг. : справочник / под ред. А.П. Деревянко. Новосибирск : Академиздат, 2021. 600 с.
8. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск : Версо, 2008. 416 с.
9. Овчаров В.В. Красное на Белом: к столетию окончания Гражданской войны в Красноярске. Красноярск : Класс плюс, 2019. 211 с.
10. Карчаева Т.Г. Социокультурный облик служащих низового советского аппарата управления Восточной Сибири в первой половине 1920-х гг. // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2021. № 14 (8). С. 1219–1230.
11. Радченко Н.Н. Якутская организация РКП(б) накануне и в период перехода к нэпу // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 10. С. 50–55.
12. Куренков А.В. Томский губернский комитет РКП(б) (1920–1925 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 113–120.
13. Булюлина Е.В. «Каста самураев»: местные партийные комитеты в 1920-е гг. (на материалах Нижнего Поволжья) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2009. № 9 (64). С. 183–191.
14. Кокоулин В.Г. Власть в Красноярске после разгрома Колчака (декабрь 1919 – январь 1920 г.) // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. Т. 6, № 1. С. 65–70.
15. Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС (1895–1980 гг.) / гл. ред. Н.П. Силкова. 2-е изд., доп. Красноярск : Кн. изд-во, 1982. 600 с.
16. Агитационно-организационная работа Политического отдела // Красноярский рабочий. 1920. 18 янв. № 7.
17. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1.
18. Протокол организационного собрания членов РКП Красноярской организации от 9 января 1920 г. // Красноярский рабочий. 1920. 14 янв. № 6.
19. Протокол заседания губернского комитета // Красноярский рабочий. 1920. 18 янв. № 8.
20. Морозов Н.Ф. Система формирования кадров политических работников Красной Армии в Сибири в 20-е годы // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири : сб. ст. ; редкол.: В.В. Алексеев (отв. ред.) и др. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1980. С. 99–104.
21. Шекшеев А.П. Чекисты и становление советского общества на территории Енисейской Сибири: итоги исследования // Мартьяновские краеведческие чтения (2019–2020 гг.) : сб. докл. и ст. Минусинск, 2020. Вып. 13. С. 215–219.
22. Туфанов Е.В. Становление и развитие советской региональной партийно-государственной номенклатуры в 1921–1939 гг. (на материалах Северного Кавказа) : дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. Ставрополь, 2018. 500 с.
23. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111.
24. Пайпс Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917–1918 гг.) // Полис. 1991. № 1. С. 215–223.
25. Известия Енисейского губернского комитета Р.К.П. (большевиков). 1921. 8 фев. № 3-4.
26. Губернская конференция РКП (первый день, 21 июня) // Красноярский рабочий. 1920. 23 июня. № 133.
27. Климанская К.Е. Вовлечение женщин Сибири в ряды коммунистической партии (1920–1925 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1971. С. 24–33.
28. Страницы истории профсоюзов Красноярского края // Горно-металлургический профсоюз России. URL: http://ppoboaz.ru/text/hist_4.pdf
29. Красноярский рабочий. 1920. 21 фев. № 36.
30. Красноярский рабочий. 1920. 6 фев. № 23.
31. Красноярский рабочий. 1920. 24 фев. № 38.
32. Красноярский рабочий. 1920. 8 фев. № 25.
33. Известия Енисейского губернского комитета Р.К.П. (большевиков). 1921. 22 янв. № 1-2.
34. Общегородская конференция РКП // Красноярский рабочий. 1920. 18 июня. № 129.

References

1. Safronov, V.P. (ed.) (1970) *Ocherki istorii Krasnoyarskoy partiynoy organizatsii* [Essays on the History of the Krasnoyarsk Party Organization]. Vol. 2. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo.
2. Severyanov, M.D. (1991) *Nep i sovremennost': polemicheskie zametki* [NEP and Modernity: Polemical Notes]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University.
3. Safronov, V.P. (ed.) (1967) *Ocherki istorii Krasnoyarskoy partiynoy organizatsii* [Essays on the History of the Krasnoyarsk Party Organization]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo.
4. Dolidovich, O.M. (2014) Zhenotdely Eniseyskoy gubernii v 1921–1930 gg. [The Women's Departments (Zhenotdely) of the Yenisei Province in 1921–1930]. *Zhenshchina v Rossiyskom obshchestve*. 3. pp. 20–27.
5. Sheksheev, A.P. (2014) Bor'ba za vlast' mezhdu kommunistami i tsentralizatsiya partiyno-sovetskogo rukovodstva na yuge Eniseyskoy gubernii v nachale 1920-kh gg. [The Power Struggle Between Communists and the Centralization of Party-Soviet Leadership in the South of Yenisei Province in the Early 1920s]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. 3(12). pp. 68–92.
6. Guzarov, V.N. (2007) *Partiynyy apparat rossiyskoy kommunisticheskoy partii bol'shevikov: 1917–1925 gg.* [The Party Apparatus of the Russian Communist Party of Bolsheviks: 1917–1925]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Papkov, S.A. (2021) *Rukovodyashchie kadry Sibiri 1919–1941 gg.: spravochnik* [Executive Cadres of Siberia 1919–1941: A Reference Book]. Novosibirsk: Akademizdat.
8. Marmyshev, A.V. & Eliseenko, A.G. (2008) *Grazhdanskaya voyna v Eniseyskoy gubernii* [The Civil War in Yenisei Province]. Krasnoyarsk: Verso.
9. Ovcharov, V.V. (2019) *Krasnoe na Belom: k stoletiyu okonchaniya Grazhdanskoy voyny v Krasnoyarske* [Red on White: To the Centenary of the End of the Civil War in Krasnoyarsk]. Krasnoyarsk: Klass plyus.

10. Karchaeva, T.G. (2021) Sotsiokul'turnyy oblik sluzhashchikh nizovogo sovetskogo apparata upravleniya Vostochnoy Sibiri v pervoy polovine 1920-kh gg. [The Sociocultural Profile of Lower-Level Soviet Administrative Personnel in Eastern Siberia in the First Half of the 1920s]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 14(8). pp. 1219–1230.
11. Radchenko, N.N. (2020) Yakutskaya organizatsiya RKP(b) nakanune i v period perekhoda k nepu [The Yakut Organization of the RCP(b) on the Eve and During the Transition to NEP]. *Manuskript*. 13(10). pp. 50–55.
12. Kurenkov, A.V. (2016) The Tomsk Provincial Committee of the RCP(b) (1920–1925). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 406. pp. 113–120. (In Russian).
13. Bulyulina, E.V. (2009) “Kasta samuraev”: mestnye partiynye komitety v 1920-e gg. (na materialakh Nizhnego Povolzh'ya) ["The Samurai Caste": Local Party Committees in the 1920s (Based on Materials from the Lower Volga Region)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya*. 9(64). pp. 183–191.
14. Kokoulin, V.G. (2017) Vlast' v Krasnoyarske posle razgroma Kolchaka (dekabr' 1919 – yanvar' 1920 g.) [Power in Krasnoyarsk After the Defeat of Kolchak (December 1919 – January 1920)]. *Interekspo Geo-Sibir'*. 6(1). pp. 65–70.
15. Silkova, N.P. (ed.) *Ocherki istorii Krasnoyarskoy kraevoy organizatsii KPSS (1895–1980 gg.)* [Essays on the History of the Krasnoyarsk Territorial Organization of the CPSU (1895–1980)]. 2nd ed. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo.
16. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1920a) Agitatsionno-organizatsionnaya rabota Politicheskogo otdela [Agitation and Organizational Work of the Political Department]. 18th January.
17. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P-1. List 1. File 1.
18. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1920b) Protokol organizatsionnogo sobraniya chlenov RKP Krasnoyarskoy organizatsii ot 9 yanvarya 1920 g. [Protocol of the Organizational Meeting of RCP Members of the Krasnoyarsk Organization, January 9, 1920]. 14th January.
19. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1920c) Protokol zasedaniya gubernskogo komiteta [Protocol of the Gubernia Committee Meeting]. 18th January.
20. Morozov, N.F. (1980) Sistema formirovaniya kadrov politicheskikh rabotnikov Krasnoy Armii v Sibiri v 20-e gody [The System of Forming Cadres of Political Workers of the Red Army in Siberia in the 1920s]. In: Alekseev, V.V. et al. (eds) *Velikiy Oktyabr' i sotsialisticheskie preobrazovaniya v Sibiri* [The Great October and Socialist Transformations in Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 99–104.
21. Sheksheev, A.P. (2020) Chekisty i stanovlenie sovetskogo obshchestva na territorii Eniseyskoy Sibiri: itogi issledovaniya [The Cheka and the Formation of Soviet Society in Yenisei Siberia: Research Results]. In: *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya (2019–2020 gg.)* [Martyianov's Local History Readings (2019–2020)]. Vol. 13. Minusinsk: [s.n.]. pp. 215–219.
22. Tufanov, E.V. (2018) *Stanovlenie i razvitie sovetskoy regional'noy partiyno-gosudarstvennoy nomenklatury v 1921–1939 gg. (na materialakh Severnogo Kavkaza)* [The Formation and Development of the Soviet Regional Party-State Nomenklatura in 1921–1939 (Based on Materials from the North Caucasus)]. History Dr. Diss. Stavropol.
23. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P-1. List 1. File 111.
24. Pipes, R. (1991) Sozdanie odnopartiynogo gosudarstva v Sovetskoy Rossii (1917–1918 gg.) [The Creation of the One-Party State in Soviet Russia (1917–1918)]. *Polis*. 1. pp. 215–223.
25. *Izvestiya Eniseyskogo gubernskogo komiteta R.K.P. (bol'shevikov)*. (1921a) 8th February.
26. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1920d) Gubernskaya konferentsiya RKP (pervyy den', 21 iyunya) [Gubernia Conference of the RCP (First Day, June 21)]. 23rd June.
27. Klimanskaya, K.E. (1971) Vovlechenie zhenshchin Sibiri v ryady kommunisticheskoy partii (1920–1925 gg.) [The Involvement of Siberian Women into the Ranks of the Communist Party (1920–1925)]. In*: Sibir' i Dal'niy Vostok v period vosstanovleniya narodnogo khozyaystva* [Siberia and the Far East During the Period of National Economic Recovery]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 24–33.
28. Mining and Metallurgical Trade Union of Russia. (n.d.) *Stranitsy istorii profsoyuzov Krasnoyarskogo kraya* [Pages from the History of Trade Unions in the Krasnoyarsk Territory]. [Online] Available from: http://ppoboaz.ru/text/hist_4.pdf
29. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1920e) 21st February.
30. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1920f) 6th February.
31. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1920g) 24th February.
32. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1920h) 8th February.
33. *Izvestiya Eniseyskogo gubernskogo komiteta R.K.P. (bol'shevikov)*. (1921b) 22nd January.
34. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1920i) Obshchegorodskaya konferentsiya RKP [City-Wide Conference of the RCP]. 18th June.

***Сведения об авторе*:**
Элтеко Юлия Викторовна – ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: yelteko@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Elteko Yulia V. – Assistant Professor at the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations at the Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: yelteko@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.05.2022; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 31.05.2022; accepted for publication 01.08.2025

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья
УДК 327.7
doi: 10.17223/19988613/96/15

Роль Европейской внешнеполитической службы в обеспечении Общей внешней политики и политики безопасности Европейского Союза

Александр Сергеевич Горбачев[1], Алексей Георгиевич Тимошенко[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] gorbachev5aleksandr@mail.ru
[2] 21timoshenko48@gmail.com

Аннотация. Рассматривается Европейская внешнеполитическая служба (ЕВПС) как одна из главных структур Европейского Союза, реализующих внешнеполитическую деятельность. Описываются история появления Службы после подписания Лиссабонского договора и этапы ее развития. Внимание уделяется возникающим противоречиям и проблемам в текущей деятельности Службы. Рассматривается взаимодействие ЕВПС с национальными правительствами, Европейской комиссией и иными институтами, структурами Евросоюза. Изучается вопрос о том, какое положение ЕВПС занимает сегодня в реализации ОВПБ ЕС.
Ключевые слова: Европейская внешнеполитическая служба, Общая внешняя политика и политика безопасности, Лиссабонский договор, Европейский Союз

Для цитирования: Горбачев А.С., Тимошенко А.Г. Роль Европейской внешнеполитической службы в обеспечении Общей внешней политики и политики безопасности Европейского Союза // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 115–124. doi: 10.17223/19988613/96/15

Original article

The role of the European External Action Service in Implementation of The Common Foreign and Security Policy of the European Union

Alexander S. Gorbachev[1], Alexey G. Timoshenko[2]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] gorbachev5aleksandr@mail.ru
[2] 21timoshenko48@gmail.com

Abstract. The article examines the activities of the European External Action Service (EEAS) within the framework of the European Union's Common Foreign and Security Policy (CFSP). The study is structured along two dimensions – chronological and structural. The chronological perspective traces the evolution of the EEAS from its establishment, marked by the signing of the Lisbon Treaty in 2009, through to contemporary developments, including the adoption of the "Strategic Compass" security strategy in 2022 and the "Readiness-2030" defense funding program in 2025. The structural perspective analyzes the hierarchy and internal organization of the EEAS, its decision-making processes, and its areas of responsibility. The article begins by outlining the key innovations introduced by the Lisbon Treaty that shaped the CFSP and subsequently influenced the EEAS's operations. It then details the Service's early years, highlighting challenges such as limited authority, insufficient staffing, distrust from national foreign ministries of EU member states, and slow decision-making and coordination processes. This is followed by an analysis of the reassessment conducted in 2012 and the subsequent reform of 2013-2014. The structural review commences with an examination of the roles of the European Council and the Council of Ministers, followed by a comprehensive list of the EEAS's duties and tasks. An overview of the leadership, bodies, and institutions within the Service, along with their respective functions and powers, is also provided. The study further explores ongoing challenges in the EEAS's work, including the status of its representation in various organizations and difficulties in coordinating its expanding scope of responsibilities. In conclusion, the article posits that the delicate balance between intergovernmental and supranational approaches remains the foundation upon which complementary mechanisms can be built. While formal decision-making processes within the

© А.С. Горбачев, А.Г. Тимошенко, 2025

EEAS have remained largely unchanged, there is a noticeable evolution in approaches driven by informal networks and accumulated experience. The EEAS must align its efforts with the collective interests of EU member states rather than fostering competition. This analysis underscores the Service's critical role in navigating the complexities of EU foreign policy amidst shifting geopolitical realities.
Keywords: European External Action Service, Common Foreign and Security Policy, Lisbon Treaty, European Union

For citation: Gorbachev, A.S., Timoshenko, A.G. (2025) The role of the European External Action Service in Implementation of The Common Foreign and Security Policy of the European Union. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 115–124. doi: 10.17223/19988613/96/15

Развитие Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) Европейского Союза (ЕС) впервые в истории европейской интеграции подошло к стадии, когда можно оценить качественные изменения в ее развитии с момента зарождения. Эволюция ОВПБ ЕС представляет собой долгий путь от подписания Маастрихтского договора в 1992 г. до принятия «Стратегического компаса» в 2022 г. и новой финансовой оборонной стратегии «Готовность–2030» в 2025 г. Современная ОВПБ ЕС – это сложная система органов и институтов, а также комплекс, включающий инфраструктуру, стратегии, программы и решения, направленные на поддержание стабильности и безопасности Евросоюза как актора мировой политики.

Начало процессу формирования ОВПБ было положено с принятием Маастрихтского договора 1992 г., в котором была заложена правовая основа для ОВПБ и сформирована вторая опора европейской интеграции [1]. С подписанием Амстердамского договора в 1997 г. учреждение должности Верховного представителя ЕС по общей внешней политике и политике безопасности (первым стал Хавьер Солана) ознаменовало первые шаги к институционализации внешней политики.

Во главе этой системы стоят Европейский Совет и Совет Европейского Союза. Главенствующая роль данных двух органов закреплена в Лиссабонском договоре: «Европейский совет и Совет ЕС определяют и внедряют ОВПБ, действуя единогласно» (разд. V, ст. 24 Лиссабонского договора) [2]. В Европейский Совет – высший политический орган ЕС – входят главы государств, президент Европейской комиссии и Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности. Заседания проводятся в среднем 4 раза в год, по итогам каждого заседания выносятся *заключения*, принимаются *решения* Европейского Совета, а также утверждаются *договоры* и поправки к ним. Заключение используется для определения конкретных вопросов, составляющих повестку политики ЕС. Решения, в дальнейшем являющиеся обязательными для исполнения в ЕС, принимаются на заседаниях Европейского Совета методом консенсуса [3].

Совет ЕС – один из двух основных законодательных органов ЕС (наряду с Европейским парламентом), однако в сфере ОВПБ он принимает не законы, а политические решения. Это один из старейших институтов, ныне действующих в Евросоюзе. В Совет ЕС входят министры из стран ЕС, каждый из которых представляет национальные интересы своего государства и участвует в поиске компромисса для всего ЕС. Конфигурация этого состава может меняться в зависимости от рассматриваемой темы. При обсуждении ОВПБ заседает Совет по иностранным делам (Foreign Affairs Council, FAC), в который входят только министры иностранных дел. Министры обороны участвуют в отдельных заседаниях по вопросам Общей политики безопасности и обороны (ОПБО).

Одним из основных результатов работы Совета является принятие стратегий и программ Евросоюза по обороне и безопасности: «Европейская стратегия безопасности: безопасная Европа в лучшем мире» (2003); «Глобальная стратегия внешней политики и политики безопасности Европейского Союза» (2016); «Стратегический компас для обеспечения безопасности и обороны» (2022); «Программа европейская оборонной промышленности», EDIP (2024); «Стратегия европейская оборонной промышленности», EDIS (2024) [4]; Белая книга европейской обороны «Готовность 2030».

Комитет по политике и безопасности (Political and Security Committee, PSC) – это комитет Совета ЕС, который состоит из послов государств ЕС, базирующихся в Брюсселе, и подчиняется секретариату Совета ЕС и Верховному представителю / Вице-президенту. Отсюда осуществляется руководство Военным комитетом ЕС, Военно-политической группой и Комитетом по гражданским аспектам кризисного регулирования, которые оказывают ему содействие в руководстве операциями и миссиями. Заседания членов Комитета проводятся два раза в неделю, а при необходимости и чаще. Комитет по политике и безопасности обеспечивает политический контроль и стратегическое руководство операциями по урегулированию кризисов. Еще одной важной функцией Комитета является подготовка решений для Совета ЕС.

Представительскую и руководящую функции в механизме ОВПБ олицетворяет Верховный представитель по иностранным делам и политике безопасности / Вице-президент Европейской комиссии, которому подчиняется Европейская внешнеполитическая служба (ЕВПС).

В конце 2024 г. состав политических лидеров ЕС сменился, и должность Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности / Вице-президента комиссии заняла Кая Каллас, сменившая Жозепа Борреля и ранее занимавшая пост Премьер-министра Эстонской Республики (2021–2024) [5]. Действующего в предыдущий период Президента Европейской комиссии Урсулу фон дер Ляйен было решено сохранить в должности на второй пятилетний срок до 2029 г. На пост Председателя Европейского совета сроком на 2,5 года (с возможностью продления) избран Антониу Кошта, занимавший ранее должность Премьер-министра Португальской Республики (2015–2024). Назначение новых руководителей повлекло за собой изменения в структурах управления ЕС и поведении ЕС как глобального актора. Наметился переход к мо-

дели «европейского суверенитета» в сфере безопасности, а также по-новому проявилось стремление к стратегической автономии, что на сегодняшний день минимизирует возможности урегулирования украинского конфликта.

Европейская Комиссия (ЕК) не имеет права законодательной инициативы в ОВПБ / ОПБО (в отличие от других областей, где 90% законов инициируется Комиссией). ЕК участвует в реализации решений Европейского Совета в сфере ОВПБ / ОПБО через финансовую и техническую поддержку и координацию гражданских аспектов оборонной политики. Также Комиссия принимала активное участие в разработке некоторых программ и стратегий в сфере ОВПБ / ОПБО, в частности Белой книги европейской обороны 2025 г. В сентябре 2024 г. для централизации управления оборонной промышленностью ЕС в структуре ЕК была учреждена новая должность – еврокомиссар по обороне и космосу (Commissioner for Defence and Space), что тоже отражает усиление милитаризации ЕС. Первым на эту должность назначен Андрюс Кубилюс (в прошлом – премьер-министр Литвы). В круг его обязанностей входит координация Программы и Стратегии европейской оборонной промышленности (EDIP, EDIS), взаимодействие с Европейским оборонным агентством (EDA) и Совместной программой закупок ЕС (EDIRPA).

Европейская внешнеполитическая служба (ЕВПС) сегодня является ключевым институтом в ЕС, всецело обеспечивающим реализацию ОВПБ. Это масштабный механизм, который координирует работу большого числа институтов, органов и ведомств. В работе Службы совмещается множество функций: дипломатическое представительство Европейского Союза за его пределами, стратегическое планирование ОВПБ, исполнение актуальной стратегии безопасности (с 2022 г. это «Стратегический компас»), координация внешних миссий и операций, а также информационно-аналитическая работа и разведывательная деятельность.

До подписания Лиссабонского договора и создания ЕВПС в ЕС уже была налажена внешнеполитическая деятельность: вплоть до 2009 г. представительством ЕС за рубежом занимались делегации ЕК, которые подчинялись двум Генеральным директоратам Европейской комиссии – по внешним связям и по развитию. Военным и стратегическим планированием, пусть и ограниченно, занимался Военный Комитет ЕС – ВКЕС (Military Committee, EUMC), подготовку военных сил быстрого реагирования ЕС проводил Военный Штаб ЕС (European Union Military Staff, EUMS), немногочисленный по штату и без полноценных возможностей планирования. Связующую и координационную роль выполнял Комитет по политике и безопасности, который занимался подготовкой будущих решений Совета ЕС и согласовывал действия между Советом ЕС, Комитетом и Штабом. Соблюдалась четкая иерархия: Военный Штаб подчиняется Военному Комитету, Военный комитет – Комитету по политике и безопасности, Комитет по политике и безопасности – Совету ЕС.

В 2000-е гг. Евросоюз получил ценный опыт организации и проведения гражданских миссий и военных операций (Конго, Сомали, Грузия, Косово и др.), активно сотрудничал с Африканским Союзом по направлению антикризисного реагирования и подготавливал собственные военные и полицейские силы для быстрого развертывания в Европе. Отдельные задачи во внешнеполитической деятельности ЕС были возложены на специальных представителей (EUSR – European Union Special Representatives), которые подчинялись Верховному представителю по общей внешней политике и политике безопасности и Совету ЕС, который утверждал их мандаты. До создания ЕВПС представители работали в более разрозненной системе, без централизованной дипломатической службы.

Ключевые для ОВПБ реформы привнес Лиссабонский договор, подписанный 13 декабря 2007 г. и вступивший в силу 1 декабря 2009 г. Данный договор обновил ОВПБ и заложил правовую и институциональную основу для появления ЕВПС в 2010 г., что стало логическим продолжением эволюции ОВПБ ЕС [3. P. 471–481]. Главные нововведения Лиссабонского договора для ОВПБ можно выделить следующим образом:

1. Изменение и усиление роли Верховного представителя. Должность Верховного представителя ЕС по общей внешней политике и политике безопасности была преобразована в Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности, а также объединена с постом Вице-президента Европейской комиссии. Это расширило полномочия и обязанности Верховного представителя и возложило на него ответственность за координацию внешнеполитической деятельности членов Комиссии, а также подотчетность Европейскому парламенту наравне с другими членами Комиссии.

2. Преобразование делегаций ЕК. Согласно ст. 221 договора, делегации Европейской комиссии за рубежом были преобразованы в делегации Европейского Союза. Эти делегации получили новый юридический и политический статус, позволяющий представлять ЕС на международной арене и частично выполнять функции посольств, что укрепило внешнеполитическое присутствие Союза.

3. Сохранение межправительственного подхода. Несмотря на институциональные реформы, Лиссабонский договор сохранил межправительственный характер ОВПБ. Статья 24 (разд. V) закрепила главенствующую роль Европейского Совета и Совета ЕС, которые определяют и реализуют внешнюю политику на основе единогласия, ограничивая наднациональные полномочия ЕВПС.

4. Улучшение координации. Введены новые процедуры для усиления координации внешней политики. Это облегчило вертикальную координацию между Брюсселем и государствами-членами, а также укрепило позиции ЕС в международных организациях.

Эти изменения отразили стремление ЕС к большей сплоченности и эффективности во внешней политике, однако сохранили баланс между наднациональными и межправительственными элементами. Лиссабонский договор не только обновил ОВПБ, но и создал институциональные предпосылки для появления ЕВПС как ключевого инструмента ее реализации.

Так, ЕВПС была создана в 2010 г. с целью обеспечения централизованного принятия решений по ОВПБ.

Правовым основанием деятельности Службы является Решение Совета 2010/427/ЕС от 26 июля 2010 г. об учреждении Европейской внешнеполитической службы [6]. Уникальность этого события подтверждается словами Кэтрин Эштон, Верховного представителя в 2009–2014 гг.: «Делегациям на местах пришлось за одну ночь перестроиться, взяв на себя новые функции, без дополнительных ресурсов и сводных инструкций или рекомендаций. Для сотрудников, базирующихся в Брюсселе, наступил период огромной неопределенности в отношении их роли в новой организации и того, как они будут относиться к ее новой культуре. Дипломатам государств-членов пришлось принять на себя новые обязательства и ожидания» [7].

В первые годы существования ЕВПС руководство службой осуществляли исполнительный генеральный секретарь (оперативное управление Службой и налаживание координации между Советом ЕС, Комиссией и дипмиссиями ЕС) и главный операционный директор (управление бюджетом, инфраструктурой и кадровой политикой), находившиеся в непосредственном подчинении у Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности / Вице-президента Европейской Комиссии. Основные департаменты делились на географические и тематические управления (в будущем этот принцип организации департаментов останется, но их перечень будет расширен). Дипломатические миссии ЕС перешли под руководство ЕВПС и заменили представительства Комиссии в третьих странах. На них была возложена задача представлять единую позицию ЕС и координировать общую политику в странах пребывания.

Высококвалифицированный персонал в ЕВПС формировался постепенно: с самого начала туда вошла значимая часть Генерального директората Комиссии по внешним связям, отдела политики Секретариата Совета, Генерального директората Комиссии по развитию, а также сотрудников национальных дипломатических ведомств. Это создавало сложности, связанные с сочетанием различных традиций и организационных культур. Как будет позже заявлено в документе 2013 г. под названием EEAS Review (обзор / пересмотр ЕВПС), «ЕВПС не является европейским министерством иностранных дел, призванным заменить министерства государств-членов. Это также не департамент внешней политики Генерального секретариата Совета или обновленная версия бывшего Генерального директората по внешним связям Комиссии с дополнительными полномочиями в области развития и ОВПБ» [6]. Уникальность этого образования сохраняется и сегодня.

Первоначальные позиции государств-членов были связаны с недоверием к ЕВПС. Даже те государства-участники, которые в наибольшей степени поддерживают принцип укрепления внешней политики ЕС, такие как Германия и Италия, подчеркивают «взаимодополняемость» ЕВПС с национальной дипломатией. В сочетании с политикой Комиссии эти национальные позиции значительно ограничили сферу деятельности Службы, подорвав ее способность выполнять ряд ожидаемых функций в качестве «дипломатического» или «политического» предпринимателя от лица всего ЕС [8]. Помимо этого, служба была недостаточно укомплектована персоналом для работы в других областях внешней политики, таких как торговля, гуманитарная помощь, изменение климата, энергетика, борьба с терроризмом.

Критической точкой стал обзор 2013 г. (EEAS Review), выявивший необходимость реформ. В обзоре подтверждается, что «существующая система ОПБО вызывает ряд вопросов с точки зрения (I) позиционирования и порядка подчинения соответствующих департаментов ЕВПС по отношению к Верховному представителю / Вице-президенту и отношений с другими подразделениями ЕВПС и (II) скорости и эффективности принятия решений, в частности в кризисных ситуациях» [7]. Среди главных предложений по изменениям были озвучены следующие:

1. Объединить должности исполнительного генерального секретаря и главного операционного директора, создав единую должность Генерального секретаря. Генеральный секретарь должен по-прежнему иметь возможность обращаться напрямую к двум заместителям, чтобы обеспечить глобальный подход, отражающий потребности организации.

2. Сократить количество руководящих должностей в бюджете на 2014 г. В рамках следующего мандата Верховного представителя число управляющих директоратов должно быть сокращено, а на уровень директоров должно быть возложено больше ответственности.

3. Интегрировать специальных представителей ЕС в структуры ЕВПС. Нынешние специальные представители должны быть полностью интегрированы в ЕВПС, сохраняя при этом тесную связь с государствами-членами через Комитет политики и безопасности. Однако это предполагает перевод их персонала и соответствующего бюджета в ЕВПС.

4. Усилить координацию внешних миссий. На момент 2013 г. в 16 миссиях и операциях уже было задействовано более 7 000 военных и гражданского персонала. Из них 12 гражданских и 4 военных операции. Для применения комплексного подхода к предотвращению кризисов необходима эффективная координация на местах между различными миссиями и делегациями.

5. Интегрировать структуры антикризисного управления. Для эффективного использования ресурсов ЕС было предложено объединить несколько антикризисных служб, обеспечивающих круглосуточный мониторинг, – Центр мониторинга и информации (Monitoring and Information Centre, MIC), созданный Комиссией, и Оперативный штаб (Situation Room), подчиняющийся ЕВПС, – в Центр реагирования на чрезвычайные ситуации (Emergency Response Centre, ERC). Это также отразилось на увеличении числа новых миссий ОВПБ за рубежом (16 действующих миссий на начало 2014 г. и 24 действующие миссии к 2025 г.) и разработке новых стратегий, основанных на так называемом «всеобъемлющем подходе» к Сахелю, Африканскому Рогу, Сирии, а также на общем стратегическом документе, в котором излагается доктрина «всеобъемлющего подхода» [9].

6. Назначить постоянных председателей для рабочих групп, которыми на тот момент руководили сме-

няющиеся председатели: группа советников по внешним связям, рабочая группа по развитию, рабочая группа по странам Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, группа по Европейской зоне свободной торговли, рабочая группа по борьбе с терроризмом, Международная рабочая группа по публичному праву и Афинский комитет.

Европейский парламент, рассмотрев все предложения из данного Обзора, опубликовал Рекомендацию Верховному представителю / Вице-президенту Европейской комиссии, Совету и Еврокомиссии от 13 июня 2013 г. по обзору организации и функционирования ЕВПС за 2013 год. Рекомендация содержала 47 пунктов с достаточно подробным изложением предстоящих изменений [10].

По итогам пересмотра было решено укрепить «междисциплинарный» подход ЕВПС к решению глобальных проблем, таких как изменение климата, глобальное экономическое управление и борьба с терроризмом.

Хотя некоторые из незначительных предложений по результатам обзора были приняты, большинство решений, требующих внесения юридических изменений в Директиву, устанавливающую ЕВПС, или в Международный договор, были перенесены в повестку дня следующего Верховного представителя / Вице-президента, назначенного осенью 2014 г. С учетом этих изменений и вопросов, включенных в повестку следующего Верховного представителя – Федерики Могерини (2014–2019), ЕВПС действительно можно рассматривать как новый этап взаимодействия между Брюсселем и национальными правительствами.

Спустя десятилетие в основе работы ЕВПС успешно применяется упомянутый выше «всеобъемлющий подход», который охватывает все регионы и ключевые направления политики, поддерживаемые сетью представительств ЕС, структур по управлению кризисными ситуациями и миссий ОПБО. На сегодняшний день основные обязанности ЕВПС можно обозначить так: реализация ОВПБ и стратегии безопасности ЕС – «Стратегического компаса» [11]; представительство ЕС на международной арене, а также укрепление диалога и сотрудничества со странами-партнерами по всему миру (Служба сотрудничает с международными и региональными партнерами, такими как НАТО, ООН, Африканский Союз и др.); регулярный мониторинг и анализ международной обстановки; организация и координация как военных, так и гражданских миссий; масштабная информационно-аналитическая работа и работа с разведданными, которая, по существу, является разведкой [12]; разработка, согласование и внедрение современных методов защиты и противодействия угрозам.

Сегодня направления деятельности ЕВПС уже заметно выходят за рамки вопросов внешней политики, безопасности и обороны и включают даже такие вопросы, как права человека, окружающая среда и гендерное равенство. Глобальный характер деятельность ЕВПС приобретает с учетом наличия таких направлений, как публичная, научная, цифровая дипломатия, миграционная политика, расширение ЕС и добрососедство, культурные отношения, борьба с дезинформацией, экономические отношения и санкционная политика [13].

Персонал Европейской дипломатической службы комплектуется Европейским советом, Европейской комиссией и государствами-членами Европейского Союза (государства ЕС назначают 33% сотрудников). Совет принимает решение по предложению Верховного представителя после консультаций с Европейским парламентом и получения согласия Комиссии. Кроме того, Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности имеет право назначать часть работников самостоятельно.

ЕВПС работает в сотрудничестве с дипломатическими службами государств ЕС и включает должностных лиц из соответствующих департаментов Генерального секретариата Совета и Европейской Комиссии, а также сотрудников, прикомандированных из национальных дипломатических служб государств-членов.

В Брюсселе в ЕВПС трудоустроено около тысячи человек, а в делегациях Европейского Совета (посольствах), которые расположены в 140 государствах, работает еще порядка двух тысяч человек. Также она представлена в ряде международных организаций (UNESCO, WTO). Исполнителями по части текущей повседневной работы ЕВПС являются сотрудники внешних дипломатических миссий. На них возложены обязанности послов и консулов: работа с гражданами ЕС, сбор и передача информации в институции ЕС.

Специальные посланники, или специальные представители, ЕС (European Union Special Representatives, EUSR), упомянутые выше, занимаются конкретными задачами за рубежом. В отличие от послов ЕС, представляющих интересы в одной стране, EUSR фокусируются на определенных проблемах, конфликтных зонах или регионах. Они подчиняются непосредственно Верховному представителю ЕС по иностранным делам и политике безопасности. На данный момент действуют мандаты более чем 10 спецпосланников, например в Персидском заливе, в Боснии и Герцеговине, по Ближневосточному мирному процессу, по правам человека и другим проблемам и регионам [14].

Непосредственное управление деятельностью ЕВПС осуществляет Генеральный секретарь [15]. Он контролирует работу некоторых подведомственных организаций и подразделений (в том числе Разведывательного и Ситуационного центра). У генерального секретаря есть три заместителя: заместитель генерального секретаря по экономическим и глобальным вопросам; заместитель генерального секретаря по политическим вопросам, он же политический; заместитель генерального секретаря по вопросам мира, безопасности и обороны.

Бюджетной и административной деятельностью департаментов руководит Главный операционный директор. Все они (Генеральный секретарь, три заместителя и Главный операционный директор) состоят в Корпоративном совете ЕВПС.

Под руководством трех заместителей работают шесть исполнительных директоров, которые управляют региональными департаментами: Департаментом по Африке; Департаментом по Южной и Северной Америке;

Департаментом по Азии и Тихоокеанскому региону; Департаментом по Европе; Департаментом по Восточной Европе и Центральной Азии (до декабря 2024 г. – Департамент по России, странам Восточной Европы и Западным Балканам), который состоит из двух подразделений: (1) Россия, Украина и Грузия; (2) Региональное Восточное партнерство, Региональное сотрудничество, ОБСЕ и Центральная Азия; Департаментом по Ближнему Востоку и Северной Африке (до декабря 2024 г. – Департамент по Ближнему Востоку и странам «Южного соседства»).

Еще три исполнительных директора ответственны за разные направления внешней политики без географической привязки:

1. Исполнительный директор по глобальной повестке и многосторонним отношениям (Global Agenda and Multilateral Relations) руководит двумя департаментами: Департаментом по ценностям и многосторонним отношениям (Values and Multilateral Relations) и Департаментом по глобальным вопросам (Global Issues).

2. Исполнительный директор по вопросам мира, безопасности и обороны (Peace, Security and Defence) руководит двумя департаментами: Департаментом по вопросам мира, партнерства и урегулирования кризисов (Peace, Partnerships and Crisis Management) и Департаментом по политике в области безопасности и обороны (Security and Defence Policy);

3. Исполнительный директор по планированию и проведению гражданских операций (Civilian Planning and Conduct Capability). Данный директорат является постоянной штаб-квартирой для планирования и оперативного проведения всех гражданских миссий, активно сотрудничая с Военным Штабом ЕС. Мандаты гражданских миссий ОПБО согласовываются со всеми государствами ЕС, которые направляют персонал для участия в этих миссиях. Общая стоимость гражданских миссий ОПБО на 2023 г. составила около 363 млн евро [16]. Исполнительный директор, он же – командующий гражданскими операциями, отвечает за проведение миссий под политическим руководством Комитета по политике и безопасности и Верховного представителя. В состав директората входит пять отделов: Отдел координации и горизонтальных связей; Отдел планирования и проведения операций; Отдел персонала миссий; Отдел оперативной поддержки миссий; Отдел безопасности и оказания медицинской помощи.

Внешние миссии и операции должны обеспечиваться большим штатом работников и экспертов разного профиля: в рамках миссий предусмотрено более 120 различных видов и направлений работы. Руководителям миссий подчиняются аудиторы, судебные археологи, транспортные службы, наблюдатели, эксперты по коммуникациям, советники, юристы, финансовые инспекторы, переводчики, менеджеры по персоналу и по логистике. Около двух тысяч сотрудников миссий задействованы на местах и примерно 120 – в Брюсселе.

Военный штаб ЕС (Military Staff, EUMS) – исполнительный директорат и в то же время военный орган, который подчиняется напрямую Верховному представителю / Вице-президенту и Военному комитету ЕС, поэтому он занимает особое место в рамках ЕВПС как преимущественно гражданской организации. Военный штаб руководит подразделениями вооруженных сил ЕС: Силами быстрого реагирования ЕС, Европейской жандармерией, Морскими силами Европы и Боевыми группами Европейского Союза. Его базовые функции включают в себя обеспечение раннего предупреждения, подготовку ситуационных оценок, проведение стратегического планирования, разработку новых концепций, планирование обучения, проведение учений, выработку рекомендаций в области информационной безопасности [17]. Помимо этого, он функционирует как основной источник военной экспертизы в ЕС главным образом посредством поддержки и консультирования Военного комитета ЕС. Кроме того, EUMS поддерживает рабочие отношения с военными партнерами из других международных организаций (ООН, НАТО, ОБСЕ, Африканский Союз).

Военный штаб с момента создания в 2001 г. был назначен в ведение Генерального секретариата Совета. Однако в 2009 г. Военный штаб начал интеграцию с ЕВПС, и с тех пор он сталкивается с трудностями из-за дублирования функций и нечеткого разграничения обязанностей в рамках ЕВПС, что может приводить к нехватке ресурсов и операционной неэффективности [18].

Решением служебных, административных, кадровых, коммуникационных и финансовых вопросов в Службе занимается Генеральный директорат по управлению ресурсами (Resource Management, DG-RM). Генеральному директору по управлению ресурсами подчиняются директор по бюджету и человеческим ресурсам, директор по безопасности и корпоративному обслуживанию и ответственный за координацию. Данный директорат занимается кадровыми вопросами, карьерой и обучением персонала, делопроизводством, цифровизацией, государственными закупками, контрактами и другими, более общими вопросами.

Работа столь масштабного механизма не была бы возможна без политических органов, которые осуществляют стратегическое планирование внешней политики, проводят информационно-аналитическую работу и координируют действия отдельных элементов системы ЕВПС – это Разведывательный и Ситуационный Центр и Военный комитет Европейского Союза.

Разведывательный и Ситуационный Центр (EU INTCEN), который осуществляет информационно-аналитическую и разведывательную деятельность, сотрудничает с национальными службами, собирая информацию от них и от внешних делегаций ЕВПС [19]. Данный центр был создан еще в 1999 г. под руководством Верховного представителя ЕС Хавьера Соланы с целью объединить усилия национальных разведслужб. Ранее он имел другие названия: Ситуационный центр Европейского Союза (SITCEN) и Центр анализа разведывательных данных ЕС (EU Intelligence Analysis Centre, EU INTCEN). С принятием Лиссабонского договора Центр был включен в систему ЕВПС через непосредственное подчинение Верховному представителю. Ситуационный Центр осуществляет мониторинг событий и возникающих угроз, сбор и анализ разведывательной и стратегической информации, которая мо-

жет повлиять на безопасность ЕС в глобальном смысле. ЕВПС, в свою очередь, предоставляет необходимые условия и инфраструктуру для работы INTCEN, а также обеспечивает защиту информации. Прямой и наиболее важной обязанностью Центра является предоставление стратегических разведывательных оценок Верховному представителю [20].

Военный комитет Европейского Союза (Military Committee, EUMC) – высший военный орган, созданный в рамках Совета ЕС, который состоит из начальников генеральных штабов или главнокомандующих вооруженными силами и их постоянных военных представителей. Он отвечает за военное планирование, консультирование и сотрудничество между государствами-членами в области предотвращения конфликтов и управления кризисами, координируя все военные действия, включая внешние миссии в рамках ОВПБ ЕС (24 действующие миссии на момент 2025 г.) [21]. Председатель назначается на трехлетний срок. Он представляет Комитет в работе ЕВПС, на заседаниях Комитета по политике и безопасности и Совета ЕС. Кроме того, Комитет формирует директивы для Военного штаба ЕС, описанного выше. Важным аспектом его работы является консенсусное принятие решений и взаимодействие с государствами за пределами ЕС и международными организациями.

Военный комитет изначально был органом Совета. После вступления в силу в 2009 г. Лиссабонского договора произошла частичная интеграция Военного Комитета ЕС и Военного Штаба ЕС в структуру будущей ЕВПС, что усилило военное измерение общей внешней политики ЕС. Это также означало обновление механизмов для проведения внешних миссий и операций ЕС.

Таким образом, структура ЕВПС представляет собой сложный и многоуровневый механизм, объединяющий как наднациональные, так и межправительственные элементы, что позволяет ей эффективно координировать внешнеполитическую деятельность Европейского Союза. Иерархия, включающая Генерального секретаря, его заместителей, исполнительные директораты, а также специализированные органы, такие как Военный штаб ЕС и Разведывательный центр, обеспечивает выполнение широкого спектра задач – от стратегического планирования до оперативного управления миссиями. Однако эта сложная организация, несмотря на свою функциональность, сталкивается с рядом внутренних и внешних вызовов, которые затрудняют реализацию ее мандата и требуют дальнейшего анализа.

В работе The European External Action Service and National Foreign Ministries: Convergence or Divergence? обращается внимание на важные вопросы взаимодействия ЕВПС и национальных министерств внутренних дел, вопросы политической культуры, согласования и координации [22]. Так, исследователи выделяют несколько проблем, с которыми сталкивается ЕВПС на постоянной основе: это проблема согласования внешней политики ЕС и ограниченные возможности и полномочия ЕВПС.

Дело в том, что ЕВПС должна аккумулировать усилия во внешнеполитической интеграции, находясь между Комиссией, Секретариатом Совета и государствами ЕС как функционально, так и физически из-за расположения штаб-квартиры ЕВПС в Брюсселе. Поэтому одним из ключевых факторов, определяющих способность ЕС к последовательным и эффективным глобальным действиям, стало взаимодействие ЕВПС с национальными министерствами иностранных дел и согласованность действий с Комиссией.

Представительство ЕС в международных организациях остается фрагментированным: в ООН статус варьирует от наблюдателя (Генеральная Ассамблея ООН) до отсутствия постоянного представительства (Совет Безопасности ООН), а во Всемирной Торговой Организации ЕС обладает полными правами. Это отражает противоречия между интеграционными амбициями и суверенитетом государств-членов. Пример с Советом Безопасности ООН показывает, что ЕВПС не обладает полномочиями координировать позиции государств ЕС, когда европейские лидеры расходятся во мнениях по ключевым политическим вопросам. Так, исследователи отмечают, что вертикальная координация между ЕВПС и национальными дипломатическими ведомствами лучше подходит для решения рутинных вопросов, которые составляют основную часть любой внешнеполитической деятельности [23].

Дебаты насчет роли ЕВПС превратили ее в своего рода поле битвы за власть и влияние между институтами и государствами ЕС [24]. Особенно активно свою позицию выражала Комиссия, которая стремилась сохранить обширные полномочия в области внешних связей, включая гуманитарную деятельность, внешнюю помощь, расширение, торговлю и политику соседства, которые оставались бы в ее ведении, хотя и в координации с ЕВПС.

С годами поменялась и расширилась структура, вместе с тем расширились полномочия и функционал подразделений, выросло число направлений работы, а персонал ЕВПС по итогам 15 лет деятельности Службы на сегодняшний день получил достаточно опыта и работает более слаженно. Эти 15 лет показывают, как проект по созданию единого европейского внешнеполитического инструмента повлек за собой трансформацию практики, процедур и динамики всей внешней политики ЕС.

Межправительственный и наднациональный подходы сегодня остаются основой, на которой могут создаваться взаимодополняющие надстройки, в равной степени дополняя оба подхода и вместе с тем усложняя существующую систему. Формальные механизмы принятия решений в ЕВПС почти не меняются, но при этом заметно на первый план выходят неформальные связи персонала и личный опыт, накопленный за годы работы.

Роль ЕВПС в обеспечении ОВПБ можно назвать ключевой, если рассмотреть деятельность Службы в двух разрезах: как суммарный результат работы всех ее подразделений, учреждений и органов и как глобальный ресурс для исполнения дипломатической, информационно-аналитической, плановой, стратегической и оперативной работы в рамках ОВПБ ЕС.

На сегодняшний день одной из главных задач Службы остается исполнение «Стратегического ком-

паса» 2022 г. – рамочного документа, определяющего приоритеты в сфере (ОПБО) на период до 2030 г. Он включает такие элементы, как силы быстрого реагирования ЕС (EU Rapid Deployment Capacity, RDC), усиление постоянного структурированного сотрудничества (PESCO) через кибероборону и спутниковые системы, разработку единого механизма реагирования на кибератаки – группы быстрого реагирования в киберпространстве (Cyber Rapid Response Teams) и др.

В Отчете о реализации Стратегического компаса в области безопасности и обороны за 2024 г. Жозеп Боррель подчеркивает, что «Стратегический компас» стал ключевым ориентиром для трансформации оборонного потенциала ЕС в условиях эскалации угроз, вызванных украинским конфликтом [25. P. 8]. Несмотря на прогресс (операция ASPIDES, миссия в Армении), сохраняются проблемы: лишь 18% оборонных расходов носят совместный характер при целевом показателе 35% [25. P. 19]. Особое внимание уделяется технологическому суверенитету, поскольку Евросоюзу необходимо адаптироваться к «усложняющейся геостратегической среде» [25. P. 30]. Жозеп Боррель отмечает, что дальнейший прогресс зависит от готовности стран ЕС выделять ресурсы, поскольку «безопасность – это непременное условие» для решения остальных социально-экономических задач [25. P. 6].

В 2025 г. ответ на эти вызовы пытается дать новый Верховный представитель ЕС и вместе с тем новый руководитель ЕВПС Кая Каллас, под руководством которой была разработана Белая книга европейской обороны «Готовность 2030», а 19 марта – представлена в рамках программы ReArm Europe [26]. Документ акцентирует необходимость перехода к комплексной европейской системе безопасности, основанной на трех ключевых принципах: совместном планировании, интеграции оборонных промышленных мощностей и ускоренном внедрении инновационных технологий. Программа подразумевает активное развитие военной и оборонной промышленности Евросоюза. 800 млрд евро – общий объем финансирования, который планируется мобилизовать к 2030 г. Эта сумма включает как прямые инвестиции стран ЕС, так и заемные механизмы ЕС. «Белая книга» подчеркивает, что достижение «стратегической автономии» ЕС к 2030 г. требует не только увеличения оборонных расходов до 2% ВВП, но и их гармонизации с общеевропейскими приоритетами. Понимая это, следует заключить: успех этой инициативы будет зависеть не только от компетенции ЕВПС, но также и от политической воли национальных государств, которым предстоит преодолеть противоречия между национальными интересами и коллективными целями.

Сегодня видно, как Европейский Союз под руководством вновь избранных руководителей все более отчетливо движется от экономического интеграционного объединения в сторону военно-политического блока. Из-за беспрецедентного по меркам Евросоюза роста финансирования ВПК, личного состава и оборонной инфраструктуры на фоне украинского конфликта сегодня туманно видится воля лидеров ЕС к урегулированию конфликта, равно как и не прослеживается их явного стремления налаживать дипломатический диалог с Российской Федерацией. С другой стороны, сам конфликт обусловливает текущее стремление ЕС к стратегической автономии. Оказание Евросоюзом военной и экономической помощи Украине с 2022 г. создает весомый мотив для развития военного и оборонного потенциала, а это, в свою очередь, противоречит задачам разрешения конфликта. Реализация программы «Готовность 2030» в период руководства Каи Каллас потребует дальнейшего наблюдения и анализа в перспективе ближайших пяти лет.

Список источников

1. Журкин В. Европейская армия: поражения и победы. Общая политика безопасности и обороны Европейского союза. М. : Междунар. отношения, 2012. 192 с.
2. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community : Signed at Lisbon, 13 December 2007 // EUR-lex : Access to European Union law. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT (accessed: 08.01.2025).
3. The European Union after Lisbon: Constitutional Basis, Economic Order and External Action / H.-J. Blanke, S. Mangiameli (eds.). Springer, 2012. doi: 10.1007/978-3-642-19507-5
4. Сероштанов А., Тимошенко Ю. Фактор Украины в развитии военно-промышленного комплекса Евросоюза // Россия в глобальной политике. 2014. URL: https://globalaffairs.ru/articles/faktor-ukrainy-seroshtanov-timoshenko/ (дата обращения: 08.06.2025).
5. About Us: High Representative / Vice President // European External Action Service. 2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/high-representative-vice-president_en (accessed: 08.01.2025).
6. Council Decision 2010/427/EU of 26 July 2010 establishing the organisation and functioning of the European External Action Service // Official Journal of the European Union. L2010/30. 3 Aug.
7. EEAS Review, Brussels, 29 July. EEAS, 2013. URL: https://www.statewatch.org/media/documents/news/2013/jul/eu-eeas-review.pdf (accessed: 04.01.2025).
8. Balfour, R. and Raik, K. (2013a) Equipping the European Union for the 21st Century. National Diplomacies, the European External Action Service, and the Making of EU Foreign Policy, Helsinki: Finnish Institute of International Affairs. Available at: http://www.epc.eu/documents/uploads/pub_3232_equip ping_the_eu_for_the_21stcentury.pdf (дата обращения: 04.01.2025).
9. CSDP between Internal Constraints and External Challenges : EU Institute for Security Studies Report No. 17 / E. Gross, A. Menon (eds). Paris, 2013.
10. European Parliament recommendation to the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy and Vice President of the European Commission, to the Council and to the Commission of 13 June 2013 on the 2013 review of the organisation and the functioning of the EEAS (2012/2253(INI)) // European Parliament. 2012. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2013-0278_EN.html (accessed: 12.01.2025).
11. A Strategic Compass for Security and Defence // European External Action Service. 2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-1_en (accessed: 30.05.2025).
12. Горбачев А.С., Тимошенко А.Г. Информационно-аналитическое обеспечение Общей политики безопасности и обороны Европейского союза // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 75–86. doi: 10.17223/19988613/92/10
13. About Us: What We Do // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/_en (accessed: 04.01.2025).

14. About Us: Special Representatives // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-special-representatives_en (accessed: 07.04.2025).
15. About Us: Structure and Organisation // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/structure-and-organisation_en?etrans=ru (accessed: 04.01.2025).
16. CSDP Structure, Instruments and Agencies: The Civilian Planning and Conduct Capability (CPCC) // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/civilian-planning-and-conduct-capability-cpcc_en (accessed: 11.01.2025).
17. EU Military Staff (EUMS) // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-military-staff-eums_und_en (accessed: 11.01.2025).
18. Lassche D. The EU Military Staff: a frog in boiling water? // Militaire Spectator. 2017. V. 186 (7/8), URL: https://militairespectator.nl/artikelen/eu-military-staff-frog-boiling-water (accessed: 11.01.2025).
19. Пожаров А.И., Карюкин С.А. Разведывательный и ситуационный центр Европейского союза в архитектуре внешней политики и политики безопасности ЕС // Вестник МГИМО-Университета. 2023. № 16 (4). С. 91–106.
20. Davis Cross M.K. A European transgovernmental intelligence network and the role of IntCen // Perspectives on European Politics and Society. 2013. V. 14 (3). P. 388–402.
21. CSDP Structure, Instruments and Agencies: European Union Military Committee European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eumc_en (accessed: 04.01.2025).
22. The European External Action Service and National Foreign Ministries: Convergence or Divergence? / R. Balfour, C. Carta, K. Raik (eds.). 1st ed. Routledge, 2015. URL: https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9781315616346/european-external-action-service-national-foreign-ministries-rosa-balfour-caterina-carta-kristi-raik (accessed: 04.01.2025).
23. Kuijper P.J., Wouters J., Hoffmeister F., de Baere G., Ramopoulos T. The Law of EU External Relations: Cases, Materials, and Commentary on the EU As an International Legal Actor. 1st ed. Oxford: Oxford University Press, 2013.
24. Balfour R., Ojanen H. Does the European External Action Service Represent a Model for the Challenges of Global Diplomacy? // IAI Working Papers. 2011. № 11/17.
25. 2024 Progress Report on the Implementation of the Strategic Compass for Security and Defence // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/2024-progress-report-implementation-strategic-compass-security-and-defence-0_en (accessed: 30.05.2025).
26. White Paper for European Defence – Readiness 2030 // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/white-paper-for-european-defence-readiness-2030_en (accessed: 30.05.2025).

References

1. Zhurkin, V. (2012) *Evropeyskaya armiya: porazheniya i pobedy. Obshchaya politika bezopasnosti i oborony Evropeyskogo soyuza* [European Army: Defeats and Victories. The Common Security and Defence Policy of the European Union]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
2. EU. (2007) *Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community: Signed at Lisbon, 13 December 2007*. [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT (Accessed: 8th January 2025).
3. Blanke, H.-J. & Mangiameli, S. (eds) (2012) *The European Union after Lisbon: Constitutional Basis, Economic Order and External Action*. Springer. DOI: 10.1007/978-3-642-19507-5
4. Seroshtanov, A. & Timoshenko, Yu. (2014*) Faktor Ukrainy v razvitii voenno-promyshlennogo kompleksa Evrosoyuza* [The Ukraine Factor in the Development of the European Union's Military-Industrial Complex]. [Online] Available from: https://globalaffairs.ru/articles/faktor-ukrainy-seroshtanov-timoshenko/ (Accessed: 8th June 2025).
5. European External Action Service. (2024) *About Us: High Representative / Vice President*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/high-representative-vice-president_en (Accessed: 8th January 2025).
6. EU. (2010) Council Decision 2010/427/EU of 26 July 2010 establishing the organization and functioning of the European External Action Service / *Official Journal of the European Union*. L2010/30. 3rd August.
7. EEAS. (2013) *EEAS Review, Brussels, 29 July*. [Online] Available from: https://www.statewatch.org/media/documents/news/2013/jul/eu-eeas-review.pdf (Accessed: 4th January 2025).
8. Balfour, R. & Raik, K. (2013a) *Equipping the European Union for the 21st Century. National Diplomacies, the European External Action Service, and the Making of EU Foreign Policy*. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs. [Online] Available from: http://www.epc.eu/documents/uploads/pub_3232_equip ping_the_eu_for_the_21stcentury.pdf (Accessed: 4th January 2025).
9. Gross, E. & Menon, A. (eds) (2013) *CSDP between Internal Constraints and External Challenges: EU Institute for Security Studies Report No. 17*. Paris: [s.n.].
10. European Parliament. (2012) *European Parliament recommendation to the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy and Vice President of the European Commission, to the Council and to the Commission of 13 June 2013 on the 2013 review of the organization and the functioning of the EEAS (2012/2253(INI))*. [Online] Available from: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2013-0278_EN.html (Accessed: 12th January 2025).
11. European External Action Service. (2024) *A Strategic Compass for Security and Defence*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-1_en (Accessed: 30th May 2025).
12. Gorbachev, A.S. & Timoshenko, A.G. (2024) Information and Analytical Support of the European Union's Common Security and Defence Policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 75–86. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/92/10
13. European External Action Service. (n.d.) *About Us: What We Do*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/_en (Accessed: 4th January 2025).
14. European External Action Service. (n.d.) *About Us: Special Representatives*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-special-representatives_en (Accessed: 7th January 2025).
15. European External Action Service. (n.d.) *About Us: Structure and Organization*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/structure-and-organisation_en? etrans=ru (Accessed: 4th January 2025).
16. European External Action Service. (n.d.) *CSDP Structure, Instruments and Agencies: The Civilian Planning and Conduct Capability (CPCC)*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/civilian-planning-and-conduct-capability-cpcc_en (Accessed: 11th January 2025).
17. European External Action Service. (n.d.) *EU Military Staff (EUMS)*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-military-staff-eums_und_en (Accessed: 11th January 2025).
18. Lassche, D. (2017) The EU Military Staff: a frog in boiling water? *Militaire Spectator*. 186(7/8). [Online] Available from: https://militairespectator.nl/artikelen/eu-military-staff-frog-boiling-water (Accessed: 11th January 2025).
19. Pozharov, A.I. & Karyukin, S.A. (2023) Razvedyvatel'nyy i situatsionnyy tsentr Evropeyskogo soyuza v arkhitekture vneshney politiki i politiki bezopasnosti ES [The European Union Intelligence and Situation Centre in the Architecture of EU Foreign and Security Policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 16(4). pp. 91–106.

20. Davis Cross, M.K. (2013) A European transgovernmental intelligence network and the role of IntCen. *Perspectives on European Politics and Society*. 14(3). pp. 388–402.
21. European External Action Service. (n.d.) *CSDP Structure, Instruments and Agencies: European Union Military Committee*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eumc_en (Accessed: 4th January 2025).
22. Balfour, R., Carta, C. & Raik, K. (eds) (2015) *The European External Action Service and National Foreign Ministries: Convergence or Divergence?* 1st ed. Routledge. [Online] Available from: https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9781315616346/european-external-action-service-national-foreign-ministries-rosa-balfour-caterina-carta-kristi-raik (Accessed: 4th January 2025).
23. Kuijper, P.J., Wouters, J., Hoffmeister, F., de Baere, G. & Ramopoulos, T. (2013) *The Law of EU External Relations: Cases, Materials, and Commentary on the EU As an International Legal Actor*. 1st ed. Oxford: Oxford University Press.
24. Balfour, R. & Ojanen, H. (2011) Does the European External Action Service Represent a Model for the Challenges of Global Diplomacy? *IAI Working Papers*. 11/17.
25. European External Action Service. (n.d.) *2024 Progress Report on the Implementation of the Strategic Compass for Security and Defence*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/2024-progress-report-implementation-strategic-compass-security-and-defence-0_en (Accessed: 30th May 2025).
26. European External Action Service. (n.d.) *White Paper for European Defence – Readiness 2030*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/white-paper-for-european-defence-readiness-2030_en (Accessed: 30th May 2025).

***Сведения об авторах*:**
Горбачев Александр Сергеевич – аспирант кафедры мировой политики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: gorbachev5aleksandr@mail.ru
Тимошенко Алексей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 21timoshenko48@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Gorbachev Alexander S. – PhD Student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gorbachev5aleksandr@mail.ru
Timoshenko Alexey G. – PhD of Historical Sciences, Associate Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 21timoshenko48@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 10.06.2025; accepted for publication 01.08.2025

Научная статья
УДК 355.01
doi: 10.17223/19988613/96/16

К вопросу о роли войны в становлении вождества

Сергей Анатольевич Давыдов

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, licurg@inbox.ru

Аннотация. Предпринимается попытка обосновать причины и выявить способы формирования ранних вертикально интегрированных социальных структур в условиях повышения уровня агрессии архаического общества. Автор находит подтверждение гипотезы о том, что процесс создания иерархических структур был инициирован необходимостью милитаризовать все стороны жизни архаических обществ в целях повышения их конкурентоспособности.
Ключевые слова: архаическое общество, вождество, военный лидер, война, иерархия, племя, социальная структура

Для цитирования: Давыдов С.А. К вопросу о роли войны в становлении вождества // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 125–134. doi: 10.17223/19988613/96/16

Original article

On the role of war in the formation of chiefdom

Sergey A. Davydov

Saint Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation, licurg@inbox.ru

Abstract. The main goal of this article is to explain the causes and methods of formation of the early vertically integrated social structures in the conditions of increasing level of aggression in archaic society. Based on the methodological assumptions of American neo-evolutionism, the author hypothesized that the process of hierarchical structures creating was initiated by the tribal elites, which came to the realization of the need to militarize the life of their groups to improve their competitiveness. This hypothesis was tested with the help of a wide archaeological and ethnographic material. It was found that as the level of aggression of archaic societies increased, military leaders increasingly formed around them new social structures, which ensured the implementation of the principle of unity of command and high vertical mobility for everyone who distinguished himself in the war. This attracted to the chief strong and determined people who were willing to take risks and act. Change of the balance of power in an archaic society under constant external pressure, stimulated the process of germination of new socially integrated structures in the social organism of the tribal system. The result of this process was the emergence of a hierarchically organized society, adapted to the effective conduct of war and based on the institutionalized power of a leader.
Keywords: Archaic society, tribe, chiefdom, war, military leader, social structure, hierarchy

For citation: Davydov, S.A. (2025) On the role of war in the formation of chiefdom. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 125–134. doi: 10.17223/19988613/96/16

Введение

Сегодня хорошо известно, что война стала печальной обыденностью уже на этапе формирования раннего стратифицированного общества. Одной из форм общественной организации доклассового общества, имплементированных в новую реальность производящего хозяйства и военного грабежа, стало вождество.

В пользу высокого уровня агрессии архаического общества на фазе вождества свидетельствуют многочисленные археологические данные. Так, историческая наука говорит о том, что в большинстве изученных на сегодня вождеств оружие наряду с украшениями становится маркером социального статуса его обладателя [1; 2. С. 163–165], военизированным становится образ жизни самых широких слоев населения, включая женщин и детей [3. С. 244; 4–7; 8. С. 75; 9. С. 36], военный лидер становится не только верховным правителем, но и носителем сакральной власти [10. P. 72; 11. P. 17; 12; 13. P. 158–161], а тема войны выходит далеко за пределы повседневности, проникая в религиозные ритуалы и погребальные культы. [4. С. 55; 14. С. 116;

© С.А. Давыдов, 2025

15. С. 276–277]. Тем самым археологические артефакты прочно связывают мир вождества с миром войны.

Но если в настоящее время связь между социальным развитием архаического общества и уровнем его агрессии мало кем оспаривается, то говорить столь же уверенно о причинной обусловленности одной из этих переменных от другой едва ли возможно. С одной стороны, сегодня широко распространена точка зрения, согласно которой войны являются не причиной, а следствием социально-экономического развития доклассового общества. Так, многие специалисты в области социальной философии, антропологии и социологии сходятся во мнении, что процесс усложнения архаического общества был тесно связан с повышением демографической нагрузки на территорию, увеличением богатства и возникновением возможности его насильственного отчуждения, что и привело к росту вовлеченности древних людей в военные конфликты [16]. С другой стороны, сегодня существует и противоположная позиция. Она обсуждается в работах политических антропологов и сводится к тому, что именно «военные действия являются горючим, движущей силой, которая приводит в действие политическую эволюцию. Они осуществляют это посредством разрушения старых мелкомасштабных структур, позволяя построение более крупных… и более сложных политических единиц…» [17. С. 172–178].

Вероятно, в ближайшее время не следует ожидать окончательного решения вопроса о том, стало ли усложнение древнего общества следствием повышения уровня его агрессии и увеличения масштабов вооруженных конфликтов или, наоборот, милитаризация жизни общества и рутинизация войны были вызваны ростом социальной дифференциации и стремлением военных лидеров укрепить свою власть. Однако даже при таком положении вещей рассмотрение войны в качестве значимого фактора социогенеза архаического общества может представляться вполне допустимым, а описание механизмов влияния этого фактора на процесс формирования вождества – имеющим определенную исследовательскую перспективу.

Почему вождества могут носить «мирный» характер

Антропологам и историкам, работающим с археологическими данными и древними текстами, хорошо известны примеры – хотя и немногочисленные – обществ, сумевших создать сложную иерархически организованную социальную структуру, но при этом не характеризовавшихся высоким уровнем агрессии. Вот тут-то на помощь и приходят гибкие аналитические инструменты, находящиеся в арсенале сторонников междисциплинарного направления. Их использование позволяет исследователю дать широкую интерпретацию несоответствия теоретической модели эмпирической реальности, объяснив его особенностями обстоятельств, при которых формировались «мирные» вождества.

Одним из таких обстоятельств принято считать соседство важдества с сильным и развитым оседлым народом. Скажем, культура Гуттиуды – страны вестготов (от готы + *wisi*, по-готски «знатные» [17. P. 406]) на Дунае и в Северном Причерноморье – к IV в. н.э. в своем социально-экономическом развитии достигла уровня римской провинции, но носила преимущественно мирный характер. В ней применялись передовые по тому времени технологии ремесленного и сельскохозяйственного производства, плотность населения была высокой, а обилие римской монеты, обращавшейся в ее границах, указывает на склонность готов к мирным способам обогащения [18. С. 122, 170, 269; 19. С. 200–206].

В объяснение этого важно иметь в виду, что такими германцы были не всегда. Так, еще двумя столетиями ранее – во II в. н.э. – Публий Корнелий Тацит писал о германцах как о народе, постоянно ведущем междоусобные войны, в ходе которых «все побежденное предается истреблению» [20. С. 57]. Написанный сто лет спустя – в 291 г. н.э. – панегирик Мамертина содержал описание беспрерывных конфликтов, в которые были вовлечены две политически независимые группы готов [21]. Хорошо известно также, что в 332 г. готский союз тервингов совершил акт агрессии против многочисленных и воинственных сарматов [22. С. 60]. Можно предположить, что своего рода переломным моментом в истории готов стало то, что в этом конфликте на стороне сарматов выступили римляне. Римская армия, ведомая кесарем Константином II, разбила готское войско, уничтожив многие тысячи готских воинов [23]. Вследствие этого, а также давления со стороны гуннов тервинги были вынуждены признать свое зависимое положение и заключить с Римом договор, согласно которому обязаны были предоставлять римлянам по требованию вооруженных бойцов, получая взамен ежегодные подарки, а также право торговать с приграничными римскими территориями [24. С. 95–96]. Именно с этого периода вестготы на время перешли преимущественно к мирному образу жизни. Племенное войско тервингов стало комплектоваться большей частью из представителей родовой аристократии и редко превышало своим числом 5 тыс. воинов, а внешний вид вестготов и их воинственность стали вызывать у римлян снисходительную насмешку [25. P. 256–284]. Интересно отметить, что едва Восточно-римская империя начала терять былое могущество, вестготы вновь обратились к агрессивной стратегии и в 410 г. под предводительством Алариха вторглись в Италию и заняли Рим [26. С. 267–290].

Отношения Рима и вестготов являются далеко не единственным примером того, как более сильному в культурном и экономическом отношении соседу удавалось вовлечь в орбиту мирной жизни приграничное вождество. Подобную роль в отношении болгарских и славянских племен Подунавья в VII–VIII вв. н.э. сыграла Византийская империя, такое же влияние в X–XII вв. н.э. она оказала на Киевскую Русь [27]. Россия – уже в XVIII–XIX вв. – сделала куда более миролюбивыми народы Северного Кавказа [28. С. 504, 578, 718] и т.д.

Другим обстоятельством, влияющим на снижение уровня милитаризации вождества, долгое время считалась его относительная изолированность от воин-

ственных соседей. Действие этого фактора рассматривалось на примере вождеств, созданных индейцами майя. Но на деле они, похоже, оказались не таким уж и мирным, а при столкновении с более агрессивными соседями не нашли в себе сил мобилизоваться и попросту прекратили свое существование.

Власть в вождествах майя, как можно судить, передавалась в рамках правящих династий. Об этом свидетельствуют некоторые археологические находки, в частности надписи, найденные в г. Яшчилан, и иероглифические блоки на стелах из Пьедрас-Неграс [29]. Однако, несмотря на высокий уровень социальной дифференциации в обществе майя, оно, по мнению некоторых исследователей, носило относительно «мирный» характер.

Например, Сильваниус Морли полагал, что культура майя в силу своей относительной изолированности от соседей не создала институтов социального контроля и армии, не имела навыков ведения войны [30. P. 144–146]. Люди занимались подсечно-огневым земледелием и проживали в небольших населенных пунктах, а обществом управляли мудрые жрецы-звездочеты [31]. Похожей точки зрения придерживается и авторитетный исследователь Центральной Америки Росс Хэссиг [32. P. 71–81]. Он, в частности, отмечал отсутствие среди памятников материальной культуры майя тех, которые недвусмысленно указывали бы на милитаризацию их жизни и военизированный характер их социальной структуры. На этой основе он делал вывод, что майя были значительно более миролюбивыми, чем окружавшие их соседи, а также представители культур Теотиуакана и ацтеков [32. P. 171–179]. Широкую известность в ряду работ, отстаивающих взгляд на мирный характер майя, получили труды Джона Эрика Томпсона. В них автор отрицал наличие прямых свидетельств, указывавших на агрессивности майя, с упорством трактуя фиксировавшиеся на археологических памятниках изображения знати с оружием в руках исключительно как ритуальные сцены из жизни правителей [33. P. 81].

Впрочем, сегодня миролюбие майя ставится под сомнение. Например, группа археологов из США под руководством Дэвида Вебстера, проводившая раскопки древнего города Бекан на западе полуострова Юкатан, подтвердила возникшие еще в 30-х гг. XX в. предположения о том, что майя возводили фортификационные сооружения. В результате раскопок было установлено, что вся центральная часть городища была окружена валом и рвом. В некоторых местах высота фортификационных сооружений составляла более 10 м, ширина насыпей была от 3,5 до 4,5 м, а их общая протяженность – 1 890 м [34. P. 99–100]. Наличие оборонительных укреплений, конечно, недвусмысленно свидетельствует, что население майя все же было знакомо с ведением военных действий, а масштаб инженерных сооружений косвенным образом указывает на интенсивность и широту вооруженных конфликтов.

В пользу такого предположения говорят и другие данные, притом весьма многочисленные. Так, надпись на деревянной балке над дверным проемом в культовое сооружение IV в. в Тикале повествует о войне между правителями Мульстского царства (столица в г. Тикаль) и царства Саиль (столица в г. Наранхо) [35. С. 209–210]. Хорошо известно также о многочисленных и ожесточенных столкновениях между царствами Баакаль (с центром в г. Паленке) и Попо (центр в г. Тонина) [36. P. 181; 37. P. 185]. Только за период с 687 по 693 г. и только на левом берегу Усумасинты было зафиксировано до семи масштабных военных конфликтов, в которые было вовлечено четыре крупных центра майя в союзе с более мелкими политиями [38. С. 87–102]. В целом за период с III по IX в. н.э. современными специалистами отмечается не более 15 лет, не оставивших свидетельств тех конфликтов, в которые вступали военно-политические центры майя. Все остальное время – это время их постоянной войны друг с другом за гегемонию в регионе [39. P. 41–46; 40].

Тем самым имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят, скорее, о достаточно высоком уровне агрессии в культуре майя. Это важно, поскольку она являет собой пример очень немногочисленной серии обществ, сумевших создать достаточно сложную иерархически организованную социальную структуру и при этом слывущих относительно мирным. Важно принять во внимание и то обстоятельство, что относительно невыраженная милитаризация общества майя рассматривается специалистами как особенность, выделяющая его среди других обществ, стоящих на схожей ступени развития. Также важно и то, что именно эта его особенность, по мнению специалистов, положила конец существованию культуры майя, сделав ее легкой добычей более агрессивных тольтеков, вторгшихся с севера в Центральную Мексику и создавших в VIII–IX вв. н.э. на руинах культуры майя свою новую империю [31. P. 551].

В целом имеющиеся в нашем распоряжении сведения о считающихся «мирными» вождествах, по-видимому, неспособны опровергнуть распространенное в современной науке представление о высокой степени милитаризованности этой формы социальной организации. В этом сходятся и археология, и история, и антропология. С одной стороны, предположения о возможности существования неагрессивных вождеств, развивающихся изолированно, не находят убедительных подтверждений. С другой стороны, случаи, когда вождества действительно не отличались высоким уровнем агрессии, хорошо объясняются силой того умиротворяющего воздействия, которое был способен оказать на них более развитый и сильный сосед. Не менее важным свидетельством принудительного миролюбия вождества является и то, что ослабление центра нередко провоцировало окружающую его варварскую периферию на агрессию по отношению к своему бывшему более сильному соседу. Исключение здесь составляли, пожалуй, только возглавлявшиеся военным предводителем союзы племен, созданные с целью противодействия цивилизующему центру. Если организация этих социальных образований не достигала уровня, соответствующего вождеству, то, как полагают Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев, созданные на их основе союзы оказывались недолговечными, а власть военного лидера уменьшалась или вовсе исчезала с ослаблением потребности в защите от влияния центра [7. С. 320]. Но подобные исключения могли бы служить подтвер-

ждением общего правила, прочно увязывающего понятие вождества с понятием войны.

Выдвижение военного лидера

Сегодня имеются основания говорить о том, что одним из значимых факторов формирования вождества явилось формирование общественного запроса на выдвижение военного лидера. Необходимость объединения усилий под предводительством решительного и удачливого воина для успешного ведения боевых действий понимали уже в древности. Например, еще в середине IV в. н.э. Марцеллин Аммиан объяснял неубедительность военных достижений готов конфедеративным характером их общества, невысокой способностью многочисленной готской знати к скоординированным действиям и перед нападением на Рим в 364 г. н.э. [41. С. 394], и в период боевых действий Атанариха против гуннов в 375 г. н.э. [42. С. 543]. Слабая способность готов к действиям в рамках иерархических структур рассматривается в качестве фактора, снижавшего их боевой потенциал, и в других источниках [24. С. 125, 194; 42. P. 107]. Впрочем, в некоторых случаях потребности в успешном проведении военных акций все же воспринимались готской верхушкой как более важные в сравнении с ее желанием сохранить в неизменности свою традиционную власть как лидеров родового строя. И тогда они были вынуждены соглашаться на свое участие в иерархической структуре, действующей в режиме единоначалия и возглавляемой так называемыми iudex [26. С. 708] или δικαστής – «судьями» [42. P. 39].

К аналогичным следствиям осознание необходимости в выдвижении лидера с широкими полномочиями для эффективного ведения войны приводило и в обществе номадов. Например, в § 123–125 «Сокровенных сказаний» монголов описывается, как, посоветовавшись между собой, представители кочевой знати Сача-бек, Алтан, Хучар и др., присягая Темучжину, обещали ему:

«На врагов передовым отрядом мчаться,
Для тебя всегда стараться
Жен и дев прекрасных добывать,
Юрт, вещей вельмож высоких,
Дев и жен прекраснощеких,
Меринов статьями знаменитых брать
И тебе их тотчас доставлять» [27. С. 42].

В целом можно согласиться с Робертом Карнейро, полагавшим, что в большинстве известных истории и антропологии случаев именно необходимость ведения боевых действий поднимала перед древним обществом проблему выдвижения военного лидера, наделенного широкими полномочиями [43. P. 17], и уже только после этого община постепенно «теряет свою автономию по отношению к военным предводителям (вследствие чего последние. – *С.Д.*) становятся во главе одного из важнейших преобразований в эволюции культуры» [5. P. 35].

Формирование военной аристократии

Если отдельные военные кампании, даже интенсивные и продолжительные и пусть даже возглавляемые авторитетными военными предводителями, не всегда приводили к разрушению племенной организации древнего общества, то в условиях, когда войны велись непрерывно, утверждение новых иерархических структур становилось практически неизбежным.

С одной стороны, новые принципы общественных отношений находили поддержку у родовой аристократии, понимавшей необходимость поступиться частью своих традиционных привилегий ради участия в функционировании вертикально-интегрированных структур, гарантировавших им сохранение высокого социального положения.

Так, к примеру, произошло в Древней Ирландии, где в V в. н.э. усиление власти верховного военного лидера коренным образом изменило социальную организацию всего общества. Если изначально туат – основная социальная единица древнеирландского общества – был независимым, объединял членов одного рода и возглавлялся выборным вождем, то с возрастанием значения войны в жизни древних ирландцев туат был переформатирован и включен в социальные структуры более высокого порядка. Из объединения родичей он превратился в привязанное к территории воинское подразделение, а лидер туата стал заключать своего рода «вассальный договор» с лидером туата более высокого порядка [6. P. 55; 44. С. 24].

С другой стороны, процесс формирования иерархических структур вождества находил опору у представителей самых широких слоев общества, притом у наиболее деятельной его части. Ведь несмотря на то, что вождество поддерживало сильную социальную дифференциацию, оно одновременно открывало широкий коридор для социальной мобильности. Высокий социальный статус теперь становился доступным не только для представителя родовой аристократии, но и для любого отличившегося в бою – вне зависимости от его происхождения.

Например, испанские хронисты Гонсало Фернандес де Овьедо и Паскуаль де Андагоя свидетельствовали, что в Панаме XVI в. «простые воины, которые совершают великие подвиги на поле боя... награждаются благородным титулом военного капитана [*çabra*]. Вождь впоследствии награждал этих выдающихся воинов женщинами, территорией и ставил под их команду подчиненных. Таким образом, война стала средством, которое простолюдины могли использовать для вхождения в элитный сектор общества» [45. P. 128]. Археолог Самуэль Лотроп, знакомый с практиками социальной мобильности в данном регионе по рассказам местных жителей, отмечал, что «позиции в военном руководстве присваивались воинам на основе их храбрости и достижений в войне. Эта стратегия военного и социального продвижения гарантировала, что в распоряжении воюющих вождей всегда был корпус амбициозных, боеспособных бойцов, жаждущих возможности совершать великие подвиги на войне» [45. P. 128].

Похожая картина наблюдалась и на Фиджи. Там до прихода европейцев боевые действия также были частым явлением и отличались ожесточенностью, а выдающиеся военные подвиги высоко оценивались. Например, воину, забившему насмерть врага, присваи-

вали почетный титул *Koroi* [46. P. 43]. Если же отличался в бою воин, который уже имел высокий ранг, то присваиваемые ему титулы были поистине грандиозными: «делитель такого-то и такого-то района», «расточитель такого-то побережья», «принесший смерть населению такого-то острова» и т.п. [46. P. 43–44].

Надо оговориться, однако, что на Фиджи все же существовал предел тому, как высоко могли вынести человека его воинское мастерство и доблесть. Происхождение воина оставалось важным фактором его социального положения [46. P. 25, 27]. Аналогичные ограничения существовали и в кочевых вождествах. Например, Н.Н. Крадин определенно фиксировал в обществе хунну существование барьеров в возможностях повышения социального статуса воина. Границы его восходящей социальной мобильности определялись происхождением и местом в кланово-родовой группе [47. С. 148–149]. Однако Крадин отмечал, что эти ограничения не были тотальными. В первую очередь статус хунна обусловливался его боевыми заслугами, доблестью и репутацией удачливого воина. Война открывала ему перспективы социального роста, но при этом не прощала провинностей и проявлений трусости: за это любой мог лишиться своего положения [47. С. 180–181].

В целом имеющиеся в нашем распоряжении данные указывают, что война формировала новый облик элит архаического общества и обеспечивала возможность быстрого социального роста для сильных, решительных и мужественных людей. Война наделяла их социальными, экономическими и символическими ресурсами, предоставляя военной аристократии все возможности для того, чтобы она смогла стать движущей силой деконструкции родового строя и встать в авангарде дальнейших социальных преобразований.

Узурпация власти военным предводителем

Особая роль в процессе социальных преобразований принадлежала верховному военному предводителю. Роль эта сильно отличалась от той, что исполнял избираемый народом на определенный срок и стесненный институтами родового строя племенной вождь. Вождь нового типа со всей решительностью осуществлял действия, выходящие за рамки привычного образа военного предводителя.

Иногда он принимал на себя исполнение новых функций, дополнявших его основную функцию военного лидера. Например, сегодня можно понять, насколько вырос авторитет военного предводителя в Древнем Израиле в период правления Давида. Вступив во власть в качестве военного вожака, Давид возложил на себя обязанности организатора строительных работ по возведению фортификационных сооружений в приграничных областях еврейской территории. Археологические исследования показывают, что в основной массе древнееврейские укрепления представляли собой каменные стены-катакомбы с сетью внутренних ходов, каковыми он были, к примеру, в городище Хирбет, располагавшемся всего в 12 км от форпоста филистимлян г. Гефа и потому требовавшем усиленной инженерной защиты [48. P. 25]. Естественно, проведение масштабных общественных работ подобного рода требовало легитимации права военного предводителя отчуждать от домохозяйств необходимые для строительства материальные и трудовые ресурсы и, следовательно, поднимало престиж военного лидера, увеличивало социальную дистанцию между ним и основной массой общинников.

Однако иногда действия вождей, направленные на укрепление их власти, отличались куда меньшей созидательностью и были связаны исключительно с принуждением и репрессиями. Действуя так и опираясь на подчиненных воинов, которые были «слабо связаны с традиционными общественными структурами и ориентированы на личную преданность своему военачальнику» [49. С. 36], вожди добивались для себя все больших привилегий. Например, военные предводители Скандинавии уже в середине XIII в. присвоили себе право самостоятельно назначать преемника, в то время как прежде престол доставался избранному вождю [50. С. 481, 501, 524, 571, 573]. Силовой ресурс применяли и военные предводители номадов. Например, по мнению В.В. Бартольда, в ранние периоды тюркского каганата «всякая власть в действительности являлась узурпацией» [51. С. 427] и лишь впоследствии была институционализирована, но уже на новых принципах. Аналогично, если лидерство первых Чингизидов легитимировалось выборами, то, укрепив свою власть, они создали удельную систему, в которой предводитель выделял старших сыновей еще при жизни, а младшему завещал собственный улус-удел [52. С. 146].

В ряде случаев действия вождей по узурпации власти носили явно провокационный характер, показывая готовность военного лидера ставить себя выше традиций. Один из них описан Григорием Турским в «Истории франков». Автор повествует о том, как в результате грабежа одной церкви из Суассона франки кроме прочего захватили чашу редкой красоты. Древний обычай требовал поделить все награбленное имущества поровну. Но вождь франков Хлодвиг попросил своих воинов помимо его доли отдать ему и эту чашу без дележа. Большинство воинов не возражали, но один из них призвал своего вождя, как это требовала традиция, получить свою долю по жребию и разрубил чашу пополам своей секирой. Дождавшись удобного момента, Хлодвиг расколол череп обидчику со ловами: «Вот так и ты поступил с той чашей в Суассоне». Когда тот умер, он приказал остальным разойтись, наведя на них своим поступком большой страх» [53. С. 160–161].

Подобные действия вождя подавляли волю к сопротивлению не только у массы не вовлеченных в военные структуры общинников, но и у его ближайшего окружения, чем открывали ему новые возможности для укрепления своей власти. Как отмечал в связи с этим Роберт Карнейро, именно «принуждение, а не просвещенная заинтересованность, есть механизм, который шаг за шагом направлял политическую эволюцию от автономных общин к государству» [54. С. 57], «только благодаря прямому использованию силы… могли возникнуть вождества…» [55. С. 165].

Но, конечно, одного желания военных лидеров и их ближайшего окружения стать во главе новой социаль-

ной организации было недостаточно. Как отмечал Калерво Оберг, в условиях преобладания социальных структур родового строя положение вождя в архаическом обществе, по сути, оставалось бы прежним. К такому выводу он пришел, анализируя социальную организацию тлинкитов, верхушка которых не сумела сломать автономию домохозяйств, в результате чего на северо-западном побережье Америки «никакой политической организации не появилось, вожди оставались церемониальными фигурами, экономическими лидерами или военачальниками родственных групп» [56. P. 476] Это дает основания полагать, что для формирования вождества требовалось еще одно условие: усилия военного лидера по созданию милитаризированных структур должны были находить свою легитимацию в том значении, которое они имели в деле обеспечения безопасности общества.

Милитаризация социальной структуры с целью защиты сообщества

Действительно, при определенных обстоятельствах осознанная большинством необходимость защиты от военных угроз служила катализатором ускоренного развития общества в рамках его новой политической организации.

Например, сегодня хорошо изучены обстоятельства, в которых формировалось вертикально интегрированное общество в Древнем Израиле. С одной стороны, создаваемые войной опасности и риски побуждали евреев искать защиты в многолюдных и хорошо защищенных центрах и развивать технологии ремесленного производства для изготовления оружия. Как полагал А. Фауст, именно «проблема безопасности вызывала отток людей из сельских поселений и концентрацию населения в больших центрах» [57. P. 155]. И действительно, в результате проведенных археологических исследований было установлено, что в период с XI по X в. до н.э. на место небольших и лишенных фортификационной защиты сельских поселений (Избет Сартах, Тель Масос, Шило, Хирбет Раддана и др.) приходят окруженные укреплениями города (Тель-эс-Цувейд, Мегиддо, Хацор, Лахиш, Танаах и др.), и именно с этого времени в городах отмечается рост производства изделий из железа [58]. Рост урбанизации населения Древнего Израиля и сопровождавший его рост профессиональной дифференциации создавали социально-экономическую основу для формирования сложного стратифицированного общества, в котором власть могла быть сконцентрирована в руках правителя, стоявшего на вершине социальной пирамиды.

С другой стороны, в этот же самый период – в XI – начале X в. до н.э.– здесь формируются и военно-политические предпосылки для формирования вождества. Так, известно, что Давид предпринял решительные меры по формированию хорошо организованной армии. Костяк ее составила профессиональная армия – дружина из «храбрых» или «сильных Давида» под предводительством Иоава, включавшая в том числе и наемников под началом Ванея [20]. Важно отметить, что этнический состав армии был неоднороден. Помимо евреев в нее входили критяне, гефяне, филистимляне, хетты и аммонитяне. Это имело важное значение, поскольку такая армия теряла свойственную народному ополчению связь с племенными структурами и, функционируя на принципах единоначалия, становилась надежной опорой военного предводителя, основой его власти над общинниками. В итоге, грамотно использовав и расширив свои возможности как военного лидера, Давид за период своего правления сумел создать в Древнем Израиле надстройку над племенными отношениями в виде стабильно работающих иерархических структур, которые организовывали людей в общество, обладающее большинством признаков вождества и даже рядом черт государства [59. P. 328].

Важно отметить, что война не только создавала предпосылки для формирования социальной структуры нового типа. Она самым непосредственным образом определяла тот облик, который в ходе преобразований принимало общество.

В ряде случаев социальная структура приобретала особенности, которые становилась прямым следствием войны и служили для победителей способом закрепить свое господствующее положение.

Наиболее известным примером здесь является общество, созданное спартиатами. Большинство исследователей сходятся во мнении, что милитаризованный характер его структуры был обусловлен не только соображениями обороны от внешней угрозы, но, прежде всего, необходимостью держать в повиновении численно превосходящих илотов – потомков греков-ахейцев, владевших югом Пелопоннеса до вторжения туда дорийцев [60. С. 84–92].

Не менее яркий пример являет собой общество, созданное проживающим в высокогорьях Папуа–Новой Гвинеи народом баруйя. По описанию Мориса Годелье, оно возникло, «по-видимому, в XVIII в. в ходе войн. Вследствие этих войн избежавшие уничтожения восемь кланов одного из племен, йуйе, оставили места своего проживания и нашли приют у другого племени, андже. В результате переселенцы изгнали приютивших их андже. В настоящее время племя включает в себя пятнадцать кланов, восемь из которых являются потомками переселенцев, захвативших чужую землю, а семь – потомками автохтонных кланов – их союзников в борьбе с андже или примкнувших к ним семей… Руководят инициациями представители кланов победителей, – и в этом состоит основа “политико-религиозной” организации системы, созданной баруйя» [61. P. 42–43].

Милитаризация социальной структуры общностей, нацеленных на военную агрессию

Говоря о прямом влиянии войны на формирование социальной иерархии, необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Похоже, что оно наблюдалось не только в случаях, когда сообщество пыталось защитить себя или закрепить результаты своих побед. Такое наблюдалось и тогда, когда группа только ставила перед собой захватнические цели. Здесь бросается в глаза явно выраженный милитаризованный

характер социальной структуры вождеств – в особенности тех, которые отличались высоким уровнем агрессии.

Один из примеров тому – социальная организация монголов. С одной стороны, Чингизидам достаточно быстро удалось побороть автономию вождей-хаанов и создать стабильно работающую вертикаль власти. Интересы централизации власти требовали принятия решительных мер, направленных на переподчинение родов, некогда подконтрольных собственной аристократии [62. С. 96], верховному предводителю. Бывшие аристократы и свободные воины – нукеры – в значительной степени утратили свою независимость и превратились в нойонов, наделяемых властью уже не силой традиции или благородством происхождения, а волей начальника. Именно начальник теперь не только утверждал их в статусе, но и узаконивал их право владеть аилами с населением, а также пользоваться кочевьями [62. С. 92, 111].

С другой стороны, бросается в глаза военизированный характер социальной структуры монголов. Так, еще Чингисхан ввел деление всего населения на «десятки», «сотни», «тысячи» и «тьмы». При этом представители монгольских родов и племен были нередко рассредоточены по разным подразделениям и соединениям, имели различную территориальную локацию. Иногда, правда, родовой аристократии удавалось сохранять в своем подчинении членов своего рода. Но и в этом случае их власть приобретала узаконенный верховным предводителем вид, принимая форму власти нойона над собственным родом или племенем [62. С. 104–105, 110–111].

Похожий облик имела социальная структура хунну. Их орда помимо ряда хуннских племен включала в себя и несколько союзнических, а фактически подчиненных племен, возглавляемых родовыми вождями.

Все кочевники объединялись в «десятки», «сотни», «тысячи» и «тумены» [63. С. 49]. В свою очередь, «тумены» являлись составными частями «крыльев» – правого, левого и центрального. «Военачальник левого крыла занимал восточную часть хуннских владений, а командующий правым крылом – западную часть. Первый из них был старшим по отношению ко второму, поскольку восточная сторона считалась более почетной, чем западная» [38. С. 107]. Каждое «крыло» делилось на две части, которыми предводительствовали сянь-ван и лули-ван, а власть над ним вершил чжуки-князь, или сянь-ван [64. С. 11]. Наивысшими привилегиями в орде обладали представители знатного хуннского рода Люанти, которые занимали ведущие позиции в административном аппарате вождества. На вершине социальной пирамиды восседал шаньюй, «одаренный небесной благодатью» и «подчиненный небу» [65. С. 10].

В целом можно согласиться с мнением Н.Н. Крадина, что социальная организация большинства объединений номадов имела много общих черт. И монголы, и хунну, и Сяньби, и Тоба, и Муюн, и каганаты тюрок и уйгуров характеризовались многоуровневой иерархией, преимущественно триадным принципом социальной дифференциации в верхних стратах общества и десятичным – в нижних [66. С. 127, 135–138]. Как представляется, это повышало уровень адаптации социальной структуры кочевников к задачам успешного ведения войны. Ведь такая структура обеспечивала быструю мобилизацию больших масс населения, быстрое прохождение и беспрекословное исполнение приказов, делегирование полномочий на нижестоящие уровни управления, открывала перспективы социального роста для тех, кто отличился в бою.

Резюме

Таким образом, результаты изучения археологических данных, литературных памятников и наблюдений антропологов позволяют определить систематическое ведение военных действий в качестве значимого фактора формирования в архаических обществах вертикально интегрированных социальных структур. Наш анализ показывает, что родовой строй не был в полной мере приспособлен для ведения войны, ставшей широко распространенным явлением на поздних этапах развития архаического общества. Рыхлые конфедерации родов и племен, не связанные принципом единоначалия и дисциплиной, были ослаблены в своей способности вести борьбу за выживание. Они неизбежно должны были или коренным образом трансформироваться, или вовсе уйти с авансцены истории, уступив место обществам, структура которых была лучше приспособлена к решению этой задачи. Обществами, структура которых оказалась весьма хорошо приспособленной для ведения войны, стали вождества.

Формирование вождеств представляло собой довольно длительный процесс. На первых этапах потребности войны выдвигали на передний план из представителей родовой аристократии военного лидера, полномочия которого все еще были ограничены институтами родового строя. Но по мере того как военные действия «подпитывали сами себя» [67. С. 219] и становились все более интенсивными, авторитет военного предводителя возрастал, а вместе с ним возрастала и его власть. Вождь окружал себя наиболее активными, сильными и решительными людьми, желавшими быстро повысить свой материальный и социальный статус «в обход» коридоров вертикальной мобильности, существовавших в их роде, фратрии или племени. Тем самым создавалась социальная организация, которая некоторое время сосуществовала параллельно со структурами родового строя. Такое сосуществование могло наблюдаться до тех пор, пока традиционные структуры оставались крепкими. Но война создавала социальные предпосылки для их коренной перестройки. С одной стороны, она способствовала разрушению социальной структуры родового строя, а с другой – стимулировала прорастание в социальный организм новых социальных структур, имеющих иерархическую организацию, реализующих принцип единоначалия и обеспечивающих высокую вертикальную мобильность для всякого отличившегося в войне. Закономерным результатом социальных трансформаций стало возникновение вождества – вертикально интегрированного общества, хорошо приспособленного для эффективного ведения войны и основанного на институционализированной власти лидера.

Список источников

1. Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М. : ИА РАН, 2004. С. 179–210.
2. Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск : ИрГТУ, 2005. С. 152–182.
3. Фиалко Е.Е. Скифские амазонки по письменным и археологическим источникам // Боспорский феномен: проблемы соотношения письменных и археологических источников : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб. : Гос. Эрмитаж, 2005. С. 242–247.
4. Богаченко Т.В., Максименко В.Е. Погребения «женщин с оружием» эпохи раннего железного века на Дону (методологические аспекты проблемы изучения) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград : ВГУ, 2008. Вып. 9. С. 48–61.
5. Haas J. Introduction to Part II // From Leaders to Rulers / J. Haas (ed.). New York : Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2001. P. 35–36.
6. O'Corrian D. Ireland before the Normans. Dublin : Gill and Macmillan, 1972. 210 p.
7. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция: генезис и трансформация Мир-Системы. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 568 с.
8. Стрижак М.С. О женских погребениях с оружием кочевников Приуралья и Поволжья в VI – начале IV вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск : ЮУрГУ, 2007. С. 71–75.
9. Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск : Челяб. дом печати, 2005. Кн. 1. 192 с.
10. Davydov S. The Chief and His Sacral Power // Wisdom. 2016. Vol. 6 (1). P. 72–78.
11. Frankfort H. La Royauté et les Dieux. Paris : Payot, 1961. 436 p.
12. Roux J. L'origine celeste de la souverainte dans les inscriptions paleolitiques de Mongolie et de Siberie // The Sacral Kingship. Leiden : E.J. Brill, 1959. P. 237–239.
13. Roux J. La religion des Turc et des Mongols. Paris : Payot, 1984. 323 p.
14. Миняев С.С. «Социальная планиграфия» погребальных памятников сюнну // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения. Кемерово : КемГУ, 1989. Ч. I. С. 114–117.
15. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
16. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. : Изд-во полит. лит., 1976. 224 с.
17. Lehmann W.P. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden : E.J. Brill, 1986. 712 p.
18. Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха: история и археология. Саарбрюккен : LAP, 2011. 444 с.
19. Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2005. 575 с.
20. Тацит К. Сочинения : в 2 т. СПб. : Л.Ф. Пантелеев, 1886. Т. 1: Агрикола. Германия. Истории. 337 с.
21. Панегирик Мамертина, произнесенный в день рождения августа Максимиана. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/panegyrici/transl3-f.htm (дата обращения: 18.02.2020).
22. Вдовиченков Е.В. Ардараганты и лимиганты (к вопросу об отношениях зависимости у сарматов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (25), ч. II. С. 59–61.
23. Аноним Валезия. Извлечения // Восточная литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Anon_Valez/text.phtml?id=10726 (дата обращения: 18.01.2019).
24. Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / пер. с нем. СПб. : Ювента, 2003. 653 с.
25. Wolfram H. History of the Goths / trl. T.J. Dunlop. Berkeley : University of California Press, 1987. 627 p.
26. Ambrosius Mediolanensis Sanctus. De Spiritu Sancto Libri Tres Ad Gratianum Augustum. Lib. 1 // Patrologia Latina. Paris, 1845. P. 703–742.
27. Козин С.А. Сокровенное Сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.–Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. Т. 1. 620 с.
28. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М. : АСТ Москва, 2008. 839 с.
29. Proskouriakoff T. Historical implications of a pattern of dates at Piedras Negras, Guatemala // American Antiquity. 1960. Vol. 25. P. 454–475.
30. Morley S., Brainerd G. The Ancient Maya. 3rd ed. Stanford : Stanford University Press, 1956. 494 p.
31. Morley S. The Maya new empire // Cooperation in Research. Washington : Carnegie Institution of Washington, 1938. P. 533–565.
32. Hassig R. War and Society in Ancient Mesoamerica. Berkeley : University of California Press, 1992. 337 p.
33. Thompson J.E.S. The Rise and Fall of Maya Civilization. Norman : University of Oklahoma Press, 1954. 287 p. (Civilizations of the American Indian; 39.)
34. Webster D. Defensive Earthworks at Becan, Campeche, Mexico: Implications for Maya Warfare. New Orleans : Tulane University, Middle American Research Institute, 1976. 134 p.
35. Сафронов А.В. Опыт и перспективы применения геоинформационных систем в реконструкции исторической политической географии древних майя // Восток, Европа, Америка в древности : сб. науч. тр. XVII Сергеевских чтений. М. : Изд-во МГУ, 2012. Вып. 2. С. 205–217.
36. Martin S., Grube N. Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya. London ; New York : Thames and Hudson, 2000. 240 p.
37. Miller M., Martin S. Courtly Art of the Ancient Maya. New York : Thames and Hudson, 2004. 303 p.
38. Сафронов А.В. Военные походы у древних майя: организация и логистика. М. : Языки славянской культуры, 2013. 252 с. (Краткие сообщения Института археологии РАН; вып. 231).
39. Houston S. Hieroglyphs and History at Dos Pilas: Dynastic Politics of the Classic Maya. Austin : University of Texas Press, 1993. 181 p.
40. Martin S., Grube N. Maya Superstates // Archaeology. 1995. № 6. P. 41–46.
41. Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни; науч. ред., вступ. ст. Л.Ю. Лукомского. 3-е изд. СПб. : Алетейя, 2000. 558 с.
42. Heather P., Matthews J. The Goths in the Fourth Century. Liverpool : Liverpool University Press, 1991. 211 p.
43. Carneiro R.L. The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Reformulation // Social Evolution and History. 2012. Vol. 11 (2). P. 5–30.
44. Шкунаев С.В. Община и общество западных кельтов. М. : Наука, 1980. 192 с.
45. Redmond E.M. Tribal and Chiefly Warfare in South America. Ann Arbor : Museum of Anthropology, University of Michigan, 1994. 128 p.
46. Williams T. Fiji and the Fijians. London : Hodder & Stoughton, 1870. 592 p.
47. Крадин Н.Н. Империя хунну. Владивосток : Дальнаука, 1996. 278 с.
48. Khirbet Qeiyafa / Y. Garfinkel, S. Ganor (eds.). Jerusalem : Israel Exploration Society and Institute of Archaeology, Hebrew University of Jerusalem, 2009. Vol. 1: Excavation Report. 2007–2008. XIX, 304 p.
49. Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М. : Вост. лит., 1995. С. 11–61.
50. Гуревич А.Я., Кузьменко Ю.К., Смирницкая О.А., Стеблин-Каменский М.И. Стурлусон. Круг Земной. М. : Ладомир-Наука, 1995. 685 с.
51. Бартольд В.В. Обозрение истории тюркских народов // Бартольд В.В. Сочинения. М. : Изд-во вост. лит., 1968. Т. V. С. 396–465.
52. Бартольд В.В. История Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. М. : Изд-во вост. лит., 1963. Т. II, ч. I. С. 107–166.
53. Григорий Турский. История франков. М. : Наука, 1987. Кн. II. 464 с.

54. Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги : сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина и др. Волгоград : Учитель, 2006. С. 55–70.
55. Карнейро Р.Л. Теория ограничения: разъяснение, расширение и новая формулировка // Политическая антропология традиционных и современных обществ : материалы Междунар. конф. (Владивосток, 16–17 апреля 2012 г.) / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: Изд. Дом Дальневост. фед. ун-та, 2012. С. 162–189.
56. Oberg K. Types of Social Structure Among the Lowland Tribes of South and Central America // American Anthropologist. 1955. № 57. P. 472–487.
57. Faust A. Abandonment, Urbanization, Resettlement and the Formation of the Israelite // Near Eastern Archaeology. 2003. Vol. 66 (4). P. 153–165.
58. McNutt P.M. The Forging of Israel. Iron Technology, Symbolism, and Tradition in Ancient Society. Sheffeld : Almond Press, 1990. 307 p.
59. Flanagan J.W. Chiefs in Israel // Community, Identity, and Ideology: Social Science Approaches to the Hebrew Bible / Ch.E. Carter, C.L. Meyers (eds.). Indiana : Eisenbrauns, 1996. pp. 311–334.
60. Беккер К.-Ф. Мифы древнего мира. М. : Эксмо, 2016. 672 с.
61. Godelier M. Les tribus dans l'Histoire et face aux Jtats. Paris : CNRS Jditions, 2010. 88 p.
62. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. Л. : Акад. наук, 1934. 223 с.
63. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы : Жалынбаспасы, 1998. Т. 1. 390 с.
64. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. М. : Наука, 1973. Вып. 2. 169 с.
65. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до манчжуров. М. : Вост. лит., 1997. 318 с.
66. Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток : Дальнаука, 1992. 240 с.
67. Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса. М.: КомКнига, 2007. 236 с.

References

1. Petrenko, V.G., Maslov, V.E. & Kantorovich, A.R. (2004) Pogrebenie znatnoy skifyanki iz mogil'nika Novozavedennoe-II (predvaritel'naya publikatsiya) [The Burial of a Noble Scythian Woman from the Novozavedennoe-II Burial Ground (Preliminary Publication)]. In: *Arkheologicheskie pamyatniki rannego zheleznogo veka Yuga Rossii* [Archaeological Monuments of the Early Iron Age in Southern Russia]. Moscow: IA RAS. pp. 179−210.
2. Matrenin, S.S. & Tishkin, A.A. (2005) Bulan-kobinskaya kul'tura Gornogo Altaya [The Bulan-Koba Culture of the Altai Mountains]. In: *Sotsial'naya struktura rannikh kochevnikov Evrazii* [Social Structure of Early Nomads of Eurasia]. Irkutsk: IrSTU. pp. 152−182.
3. Fialko, E.E. (2005) Skifskie amazonki po pis'mennym i arkheologicheskim istochnikam [Scythian Amazons According to Written and Archaeological Sources]. In: Zuev, V.Yu. (ed.) *Bosporskiy fenomen: problemy sootnosheniya pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov* [The Bosporan Phenomenon: Problems of Correlation between Written and Archaeological Sources]. St. Petersburg: Gos. Ermitazh. pp. 242–247.
4. Bogachenko, T.V. & Maksimenko, V.E. (2008) Pogrebeniya "zhenshchin s oruzhiem" epokhi rannego zheleznogo veka na Donu (metodologicheskie aspekty problemy izucheniya) [Burials of "Women with Weapons" of the Early Iron Age on the Don (Methodological Aspects of the Study Problem)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik*. 9. pp. 48–61.
5. Haas, J. (2001) Introduction to Part II. In: Haas, J. (ed.) *From Leaders to Rulers*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers. pp. 35–36.
6. O'Corrian, D. (1972) *Ireland before the Normans*. Dublin: Gill and Macmillan.
7. Grinin, L.E. & Korotaev, A.V. (2013) *Sotsial'naya makroevolyutsiya: genezis i transformatsiya Mir-Sistemy* [Social Macroevolution: Genesis and Transformation of the World-System]. 2nd ed. Moscow: LIBROKOM.
8. Strizhak, M.S. (2007) O zhenskikh pogrebeniyakh s oruzhiem kochevnikov Priural'ya i Povolzh'ya v VI – nachale IV vv. do n.e. [On Female Burials with Weapons of the Nomads of the Urals and Volga Regions in the 6th – Early 4th Centuries BC]. In: *Vooruzhenie sarmatov: regional'naya tipologiya i khronologiya* [Sarmatian Weaponry: Regional Typology and Chronology]. Chelyabinsk: YuUrSU. pp. 71–75.
9. Epimakhov, A.V. (2005) *Rannie kompleksnye obshchestva Severa Tsentral'noy Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyy Ambar-5)* [Early Complex Societies of the North of Central Eurasia (Based on Materials from the Kamenny Ambar-5 Burial Ground)]. Vol. 1. Chelyabinsk: Chelyabinskiy dom pechati.
10. Davydov, S. (2016) The Chief and His Sacral Power. *Wisdom*. 6(1). pp. 72–78.
11. Frankfort, H. (1961) *La Royauté et les Dieux*. Paris: Payot.
12. Roux, J. (1959) L'origine celeste de la souverainte dans les inscriptions paleolitiques de Mongolie et de Siberie. In: Brill, E.J. (ed.) *The Sacral Kingship*. Leiden: Brill. pp. 237–239.
13. Roux, J. (1984) *La religion des Turc et des Mongols*. Paris: Payot.
14. Minyaev, S.S. (1989) "Sotsial'naya planigrafiya" pogrebal'nykh pamyatnikov syunnu ["Social Planigraphy" of the Xiongnu Burial Sites]. In: Dobzhanskiy, V.N. (ed.) *Problemy arkheologii skifo-sibirskogo mira (sotsial'naya struktura i obshchestvennye otnosheniya* [Problems of Archeology of the Scythian-Siberian World (Social Structure and Public Relations)] Vol. 1. Kemerovo: KemSU. pp. 114–117.
15. Polosmak, N.V. (2001) *Vsadniki Ukoka* [The Horsemen of Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press.
16. Engels, F. (1976) *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Translated from German. Moscow: Izd-vo polit. lit.
17. Lehmann, W.P. (1986) *A Gothic Etymological Dictionary*. Leiden: Brill.
18. Zinkovskaya, I.V. (2011) *Korolevstvo Ermanarikha: istoriya i arkheologiya* [The Kingdom of Ermanaric: History and Archaeology]. Saarbryukken: LAP.
19. Shchukin, M.B. (2005) *Gotskiy put'. Goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura* [The Gothic Way. The Goths, Rome and the Chernyakhov Culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
20. Tacitus, C. (1886) *Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: L.F. Panteleev.
21. Mamertinus. (n.d.) *Panegirik Mamertina, proiznesennyy v den' rozhdeniya avgusta Maksimiana* [Panegyric of Mamertinus, delivered on the birthday of Augustus Maximian]. [Online] Available from: http://ancientrome.ru/antlitr/panegyrici/transl3-f.htm (Accessed: 18th February 2020).
22. Vdovichenkov, E.V. (2012) Ardaraganty i limiganty (k voprosu ob otnosheniyakh zavisimosti u sarmatov) [Ardaraganty and limiganty (on relations of dependence among the Sarmatians)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 11(25/2). pp. 59–61.
23. Anon. (n.d.) *Anonim Valeziya. Izvlecheniya* [Anonymus Valesianus. Excerpts]. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Anon_Valez/text.phtml?id=10726 (Accessed: 18th January 2019).
24. Wolfram, H. (2003) *Goty. Ot istokov do serediny VI veka (opyt istoricheskoy etnografii)* [The Goths: From their Origins to the Mid-Sixth Century (An Essay in Historical Ethnography)]. Translated from German. St. Petersburg: Yuventa.
25. Wolfram, H. (1987) *History of the Goths*. Translated from German by T.J. Dunlop. Berkeley: University of California.
26. Ambrosius Mediolanensis Sanctus. (1845) *De Spiritu Sancto Libri Tres Ad Gratianum Augustum*. Lib. 1. In: *Patrologia Latina*. Paris: [s.n.]. pp. 703–742.
27. Kozin, S.A. (1941) *Sokrovennoe Skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g.* [The Secret History of the Mongols. A Mongolian Chronicle of 1240]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
28. Gumilev, L.N. (2008) *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Old Rus and the Great Steppe]. Moscow: AST.
29. Proskouriakoff, T. (1960) Historical implications of a pattern of dates at Piedras Negras, Guatemala. *American Antiquity*. 25. pp. 454–475. DOI: 10.2307/276633

30. Morley, S. & Brainerd, G. (1956) *The Ancient Maya*. 3rd ed. Stanford: Stanford University Press.
31. Morley, S. (1938) The Maya new empire. In: *Cooperation in Research*. Washington: Carnegie Institution of Washington. pp. 533–565.
32. Hassig, R. (1992) *War and Society in Ancient Mesoamerica*. Berkeley: University of California Press.
33. Thompson, J.E.S. (1954) *The Rise and Fall of Maya Civilization*. Norman: University of Oklahoma Press.
34. Webster, D. (1976) *Defensive Earthworks at Becan, Campeche, Mexico: Implications for Maya Warfare*. New Orleans: Tulane University, Middle American Research Institute.
35. Safronov. A.V. (2012) Opyt i perspektivy primeneniya geoinformatsionnykh sistem v rekonstruktsii istoricheskoy politicheskoy geografii drevnikh mayya [Experience and prospects of using geographic information systems in the reconstruction of the historical political geography of the ancient Maya]. In: *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti* [East, Europe, America in Old Times]. Vol. 2. Moscow: MSU. pp. 205–217.
36. Martin, S. & Grube, N. (2000) *Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya*. London; New York: Thames and Hudson.
37. Miller, M. & Martin, S. (2004) *Courtly Art of the Ancient Maya*. New York: Thames and Hudson.
38. Safronov, A.V. (2013) *Voennye pokhody u drevnikh mayya: organizatsiya i logistika* [Military Campaigns of the Ancient Maya: Organization and Logistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
39. Houston, S. (1993) *Hieroglyphs and History at Dos Pilas: Dynastic Politics of the Classic Maya*. Austin: University of Texas Press.
40. Martin, S. & Grube, N. (1995) Maya Superstates. *Archaeology*. 6. pp. 41–46.
41. Ammian Marcellin. (2000) *Rimskaya istoriya* [Roman History]. Translated from Latin by Yu.A. Kulakovskiy, A.I. Sonni. 3rd ed. St. Petersburg: Aleteyya.
42. Heather, P. & Matthews, J. (1991) *The Goths in the Fourth Century*. Liverpool: Liverpool University Press.
43. Carneiro, R.L. (2012) The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Reformulation. *Social Evolution and History*. 11(2). pp. 5–30.
44. Shkunaev, S.V. (1980) *Obshchina i obshchestvo zapadnykh kel'tov* [The Community and Society of the Western Celts]. Moscow: Nauka.
45. Redmond, E.M. (1994) *Tribal and Chiefly Warfare in South America*. Ann Arbor: Museum of Anthropology. University of Michigan.
46. Williams, T. (1870) *Fiji and the Fijians*. London: Hodder & Stoughton.
47. Kradin, N.N. (1996) *Imperiya khunnu* [Xiongnu Empire]. Vladivostok: Dal'nauka.
48. Garfinkel, Y. & Ganor, S. (eds) (2009) *Khirbet Qeiyafa*. Vol. 1. Jerusalem : Israel Exploration Society and Institute of Archaeology, Hebrew University of Jerusalem.
49. Kradin, N.N. (1995) Vozhdestvo: sovremennoe sostoyanie i problemy izucheniya [Chiefdom: Current State and Problems of Study]. In: Popov, V.A. (ed.) *Rannie formy politicheskoy organizatsii* [Early Forms of Political Organization]. Moscow: Vost. lit. pp. 11–61.
50. Gurevich, A.Ya., Kuzmenko, Yu.K., Smirnitskaya, O.A., Steblin-Kamenskiy, M.I. (1995) *Sturluson. Krug Zemnoy* [Sturluson. The Circle of the Earth]. Moscow: Ladomir-Nauka.
51. Bartold, V.V. (1968) *Sochineniya* [Works]. Vol. 5. Moscow: Izd-vo vost. lit. pp. 396–465.
52. Bartold, V.V. (1963) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo vost. lit. pp. 107–166.
53. Gregory of Tours. (1987) *Istoriya frankov* [History of the Franks]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
54. Carneiro, R.L. (2006) Teoriya proiskhozhdeniya gosudarstva [Theory of the Origin of the State]. In: Grinin, L.E. et al. (eds) *Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [The Early State, Its Alternatives and Analogues]. Volgograd: Uchitel'. pp. 55–70.
55. Carneiro, R.L. (2012) Teoriya ogranicheniya: raz"yasnenie, rasshirenie i novaya formulirovka [Theory of Limitation: Explanation, Expansion, and New Formulation]. In: Kradin, N.N. (ed.) *Politicheskaya antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshchestv* [Political Anthropology of Traditional and Modern Societies]. Vladivostok: Far Eastern Federal University. pp. 162–189.
56. Oberg, K. (1955) Types of Social Structure Among the Lowland Tribes of South and Central America. *American Anthropologist*. 57. pp. 472–487.
57. Faust, A. (2003) Abandonment, Urbanization, Resettlement and the Formation of the Israelite. *Near Eastern Archaeology*. 66(4). pp. 153–165.
58. McNutt, P.M. (1990) *The Forging of Israel. Iron Technology, Symbolism, and Tradition in Ancient Society*. Sheffield: Almond Press. pp. 172–186.
59. Flanagan, J.W. (1996) Chiefs in Israel. In: Carter, Ch.E. & Meyers, C.L. (eds) *Community, Identity, and Ideology: Social Science Approaches to the Hebrew Bible*. Indiana: Eisenbrauns. pp. 311–334.
60. Bekker, K.-F. (2016) *Mify drevnego mira* [Myths of the Ancient World]. Translated from German. Moscow: Eksmo.
61. Godelier, M. (2010) *Les tribus dans l'Histoire et face aux Jtats*. Paris: CNRS Jditions.
62. Vladimirtsov, B.Ya. (1934) *Obshchestvennyy stroy mongolov: mongol'skiy kochevoy feodalizm* [Social structure of the Mongols: Mongolian nomadic feudalism]. Leningrad: Akad. nauk.
63. Bichurin, N.Ya. (1998) *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of Information about the Peoples who Inhabited Central Asia in Ancient Times]. Vol. 1. Almaty: Zhalynbaspasy.
64. Taskin, V.S. (1973) *Materialy po istorii syunnu* [Materials on the history of the Xiongnu]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
65. Kychanov, E.I. (1997) *Kochevye gosudarstva ot gunnov do manchzhurov* [Nomadic states from the Huns to the Manchus]. Moscow: Vost. Literatura.
66. Kradin, N.N. (1992) *Kochevye obshchestva (problemy formatsionnoy kharakteristiki)* [Nomadic societies (problems of formation characteristics)]. Vladivostok : Dal'nauka.
67. Grinin, L.E. (2007) *Gosudarstvo i istoricheskiy protsess. Politicheskiy srez istoricheskogo protsessa* [The state and the historical process. Political cross-section of the historical process]. Moscow: KomKniga.

***Сведения об авторе*:**
Давыдов Сергей Анатольевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: licurg@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Davydov Sergey A. – Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology and Personnel Management, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: licurg@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.05.2022; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 29.05.2022; accepted for publication 01.08.2025

Original article
UDC 94
doi: 10.17223/19988613/96/17

Nuclear energy in Russian-Saudi relations

Evgeny V. Savkovich[1], Nazar A. Volchkov[2]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] SavkovichY@yandex.ru
[2] volchkov_work@mail.ru

Abstract. The paper examines Russian-Saudi nuclear energy cooperation, highlighting Saudi Arabia's nuclear ambitions and Russia's experience in nuclear programs development. It analyzes nuclear diplomacy on both international and national levels, emphasizing nuclear energy's contribution to sustainable development and global cooperation. The authors conclude that the partnership has not yet yielded practical results. The sides have established a strong foundation for future collaboration and long-term engagement, reflecting features of nuclear projects and their importance within global energy security.
Keywords: nuclear energy, energy security, sustainable development, Russia, Saudi Arabia

For citation: Savkovich, E.V., Volchkov, N.A. (2025) Nuclear energy in Russian-Saudi relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 135–141. doi: 10.17223/19988613/96/17

Научная статья

Атомная энергетика в российско-саудовских отношениях

Евгений Владимирович Савкович[1], Назар Алексеевич Волчков[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] SavkovichY@yandex.ru
[2] volchkov_work@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу российско-саудовского сотрудничества в сфере атомной энергетики, его формированию, особенностям и перспективам. Рассматриваются ключевые этапы развития российско-саудовского сотрудничества в этой сфере. Особое внимание уделяется влиянию глобальных тенденций и международной политической обстановки на сотрудничество стран. Работа построена на публикациях международных и национальных организаций энергетического сектора, концептуальных документах российских и саудовских государственных органов, а также публикациях в российских, саудовских и западных СМИ.

В статье оценивается значимость атомной дипломатии как инструмента международного сотрудничества. Авторы рассматривают международный и национальный уровни развития атомной дипломатии. Одним из ключевых факторов сотрудничества является опыт российской корпорации *Росатом*, реализующей проекты строительства АЭС за рубежом. В условиях санкций атомная энергетика становится инструментом укрепления международных позиций России. Для Саудовской Аравии сотрудничество в атомной сфере — часть стратегии *Видение 2030*, направленной на диверсификацию экономики и развитие новых технологических отраслей. Развитие атомной энергетики в королевстве ограничено отсутствием опыта эксплуатации АЭС, капиталоемкостью их строительства и необходимостью привлечения иностранных партнеров.

История сотрудничества России и Саудовской Аравии в атомной энергетике начинается в 2015 г. с подписания межправительственного соглашения о мирном использовании атомной энергии. В последующие годы достигнуты договоренности о научно-исследовательском взаимодействии, открыт офис *Росатома* в Саудовской Аравии. В декабре 2023 г. генеральный директор *Росатома* Алексей Лихачев принял участие в переговорах в Эр-Рияде, что подчеркивает значимость атомной повестки в двусторонних отношениях в условиях санкций.

Несмотря на достигнутые соглашения, строительство АЭС в Саудовской Аравии пока не началось. Королевство рассматривает широкий круг потенциальных партнеров, включая Францию, Китай и Южную Корею. В регионе уже есть успешный пример атомного сотрудничества: первый реактор в странах-членах ССАГПЗ был построен в ОАЭ с применением южнокорейских технологий.

Авторы считают, что российско-саудовское сотрудничество, несмотря на отсутствие практических результатов, заложило основу для будущего взаимодействия в атомной энергетике. Оно отражает долгосрочный характер ядерных проектов и их значимость в международной энергетической безопасности.
Ключевые слова: атомная энергетика, энергетическая безопасность, устойчивое развитие, Россия, Саудовская Аравия

© E.V. Savkovich, N.A. Volchkov, 2025

Для цитирования: Савкович Е.В., Волчков Н.А. Атомная энергетика в российско-саудовских отношениях // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 135–141. doi: 10.17223/19988613/96/17

Introduction

The Russian Federation's relations with the Gulf states are characterized by the principle of stability and are directed towards cooperation in various domains [1]. The working visits of Russian President Vladimir Putin to Saudi Arabia and the United Arab Emirates in December 2023 underscored the role of the Gulf states as promising partners for Russia amid international sanctions pressure [2, 3].

The negative international climate surrounding Russia has allowed the nuclear sector to emerge as a means of enhancing the country's prestige and the competitiveness of its national technologies [4]. Russia possesses unique expertise in the development of overseas projects related to the construction and operation of nuclear power plants (NPP). Currently, the Russian state corporation Rosatom is implementing 7 NPP construction projects abroad, two of which are located in the Middle East – in Turkey and Egypt [5]. It is also worth considering the long-standing negotiations between Russia and Saudi Arabia on the construction of a nuclear power plant [6].

As one of the leading states in the Gulf region, Saudi Arabia represents a compelling case for analyzing Russia's foreign policy instruments. At present, Russia and Saudi Arabia are actively developing an energy partnership based on Russia's membership in *the Organization of the Petroleum Exporting Countries+ (OPEC+)* [7]. However, the similarity of their energy mix has historically limited the scope for energy diplomacy, allowing cooperation only in the field of conventional energy. Over time, however, their relations have expanded to include another component of energy policy – nuclear energy. As time passes, nuclear energy has become one of the priority areas of bilateral cooperation [8]. This willingness to cooperate in the nuclear sector has been demonstrated at the highest political level [7].

Nuclear energy in Russia-Saudi relations remains a relatively new and insufficiently studied phenomenon that requires thorough academic analysis. The relevance of this topic necessitates an examination of the factors shaping the contemporary Russian-Saudi nuclear cooperation, as well as its characteristics and prospects.

Materials and methodology

The study's source base comprises publications and statistical data from specialized international and national organizations in the energy sector, conceptual policy documents from Russian and Saudi governmental bodies, as well as publications in Russian, Saudi and Western media. Some of the sources from these categories are introduced into academic discourse for the first time.

The export of Russian nuclear technologies has primarily been examined in the context of Russian-Chinese and Russian-Iranian cooperation. Additionally, Rosatom's construction of nuclear power plants in the Middle East, particularly in Egypt and Turkey, has received considerable scholarly attention [9, 10]. The authors consider these areas of Russia's nuclear diplomacy as well-established. However, Russian-Saudi cooperation in the field of nuclear energy has not been widely analyzed in academic literature, largely due to the absence of agreements between the two countries on NPP construction.

Nevertheless, the issue of Saudi Arabia's nuclear program and Russia's potential role has been addressed by several scholars. K.P. Dudarev argues that nuclear energy could become the most significant and promising area of cooperation between Russia and Saudi Arabia, highlighting Rosatom's experience in NPP construction as a key competitive advantage. The author suggests that Saudi Arabia's efforts to diversify its energy mix create a complementary relationship between the two economies [11. P. 160, 165]. I. Rodina provides a comprehensive analysis of the Kingdom's nuclear program, examining both its historical background and its contemporary significance within *the Vision 2030*. She shares a similar perspective, affirming Rosatom's potential as a key player in Saudi Arabia's energy market [12. P. 27–33]. Conversely, A.A. Boyko approaches Saudi Arabia's nuclear program from a military perspective and asserts that Rosatom does not hold a competitive position in the Saudi market [13. P. 68]. Overall, existing scholarly works emphasize the strategic nature of the ongoing negotiations between Russia and Saudi Arabia, as well as the Kingdom's long-term objective of reducing its reliance on fossil fuels.

From a theoretical perspective, nuclear energy as an area of international cooperation can be classified under several key directions within International Relations studies. As one of the sources of electricity generation, nuclear energy is considered as a part of a state's broader energy policy and diplomacy, within which it formulates its vision for the development of conventional, renewable, and nuclear energy [14]. A. Wenger, R.W. Orttung, and J. Perovic argue that energy has already been established as a domain of cooperation in world politics [15]. A prominent scholar in Russian energy diplomacy, S.Z. Zhiznin, associates energy diplomacy with ensuring national energy security and emphasizes that it serves as an instrument for implementing foreign policy goals through established mechanisms and institutions [16].

As noted above, energy – and nuclear energy in particular – is not an isolated sector devoid of traditional mechanisms of interaction. A number of scholars classify nuclear energy under economic diplomacy. D.A. Khryapin and D.B. Kalashnikov consider the development of nuclear energy to be a task of economic diplomacy [17]. Similarly, N. Bayne and S. Woolcock argue that nuclear energy constitutes only a component of economic diplomacy [18]. Their position is based on the economic benefits associated with nuclear energy projects. However, despite the ecological safety of nuclear power plants and their long-term economic advantages, many states remain hesitant to invest in nuclear energy primarily due to economic considerations: nuclear power plant construction is capital-intensive, entails a lengthy implementation process, and does not yield immediate economic returns [19].

D.A. Mirgorod and E.F. Parubochaya identify nuclear energy as intersecting with several research domains: general energy policy, military affairs, the concept of "hard and soft power," and economic diplomacy. Moreover, they distinguish nuclear diplomacy as an independent research domain. The researchers also acknowledge the military dimension of nuclear diplomacy. Currently, this concept has increasingly been viewed in terms of cooperation rather than confrontation [4]. Chinese researchers Yu Jianhua and D. Ichen highlight similar areas within the study of general energy policy while also emphasizing the environmental dimension [20]. Overall, the authors largely agree on the classification of nuclear energy studies within International Relations research. This study follows the premise that nuclear diplomacy constitutes an independent research field, though its analysis must consider various factors arising from conventional areas of study.

Nevertheless, the theoretical studies have not addressed the classification of nuclear energy within the framework of sustainable development research. Nuclear energy fulfills a fundamental objective of states by contributing to the effective and long-term provision of energy security [21]. In this regard, nuclear energy can be considered a tool for achieving sustainable development. This direction is gaining additional relevance within the emerging field of sustainability science, which lies at the intersection of political, economic, and environmental research [22].

Based on the theoretical analysis of nuclear energy as an area of international cooperation, as well as the research objectives, it is possible to identify the theories, concepts, approaches, and methods necessary for a comprehensive study of the subject. The research draws upon the concept of sustainable development, which has become highly institutionalized at the international level and has already generated a substantial academic discourse [22]. The study also employs institutional and systems approaches, which are essential for understanding global energy policy as a network of organizations, practices, and trends shaping contemporary cooperation in the nuclear sector [23, 24]. The primary research tool is the case study method, driven by a focus on the specific field and its significance in the bilateral relations. Additionally, the research utilizes general scientific methods, as well as predictive method to identify the key stages of Russia-Saudi nuclear cooperation, analyze the current state and future trajectory of this partnership, and track its evolution over time [25].

Thus, from a theoretical perspective, the study of international cooperation in nuclear energy can be understood as a multifaceted field encompassing socio-economic, historical, and political dimensions. The scientific novelty of this research lies in its original methodological approach, which synthesizes theoretical frameworks and introduces new sources into academic circulation. Moreover, most studies on nuclear diplomacy do not integrate their analysis with the concept of sustainable development, further distinguishing the present work as a unique contribution to the field.

The Global Level of Nuclear Diplomacy Development

The integration of nuclear energy into national and global economies is a key factor in shaping energy security and achieving sustainable development at both national and international levels. *The International Energy Agency (IEA)* – a specialized international organization that facilitates energy cooperation and analyzes the structure of the global energy sector — asserts that "Nuclear energy can help make the energy sector's journey away from unabated fossil fuels faster and more secure" and "The policy landscape is changing, opening up opportunities for a nuclear comeback [in the global economy]" [26. P. 7].

Nuclear energy serves as a guarantor of global energy security, as it is not dependent on the continuous large-scale extraction of fossil resources. Moreover, the operation of nuclear power plants is not affected by natural and climatic conditions, which is particularly important in the context of climate change [27].

Specialized reports and research highlight the positive role of nuclear energy. The IEA's annual report *Electricity – 2025* notes a record-high share of nuclear energy in the global energy mix. Additionally, the agency emphasizes "nuclear power generation will reach a new high in 2025 and continue to rise steadily over the following two years, setting further records [28]. Out of 31 nuclear reactors whose construction began since early 2017, 17 are of Russian design [26. P. 17].

A distinctive feature of the current global energy policy is the strong integration of the nuclear agenda into the activities of international organizations. The case of intensified international nuclear cooperation is collaboration within United Nations institutions. *The UN* recognizes nuclear energy as a pathway toward sustainable "green" development [29]. *The International Atomic Energy Agency (IAEA)* serves as a UN partner in achieving *the Sustainable Development Goals (SDGs)* established by the global community under *the United Nations 2030 Agenda for Sustainable Development* [30]. Notably, both Saudi Arabia and Russia have signed and ratified this agreement [31].

The implementation of cooperative projects for the peaceful use of nuclear energy provides significant benefits to the international community. These advantages are reflected in the following anticipated outcomes:

– Greening the global energy sector and achieving the SDGs. According to the IAEA, nuclear energy contributes to achieving 9 SDGs by addressing key challenges primarily through the use of accessible and environmentally friendly electricity sources [27].

– Enhancing comprehensive security in the Middle East by reducing dependence on fossil fuels (primarily on oil and natural gas) and increasing the role of non-fossil and zero-carbon energy sources. Weakening the reliance on fossil fuels and reducing competition for these resources strengthens national economies, lowers the risk of confrontation among key actors, and promotes green development (a combination of economic, energy, and environmental security) [32].

Thus, at the international level, nuclear energy is positioned as a factor in the safe and environmentally sustainable generation of electricity. Nuclear energy directly contributes to sustainable development, following security demands and raising decarbonization trends. In this process, Russia as a leader in nuclear power plants construction plays a central role.

National Level of Nuclear Diplomacy Development. The Russian Federation

Russia is also experiencing trends toward low-carbon economic development through the use of nuclear energy, alongside measures to enhance international cooperation in this field. The development of the energy sector has been outlined in several strategic policies. The first of these, *the Energy Security Doctrine of the Russian Federation*, emphasizes the development of the country's current fuel and energy complex in accordance with the principles of sustainable development, while also highlighting the importance of nuclear energy in the context of exporting cutting-edge Russian technologies [33]. Another key policy, *The Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2035*, is a governmental program that prioritizes the deployment of next-generation nuclear power plants. In addition to its technological objectives, the strategy underscores the significance of international nuclear cooperation [34].

The primary policy guiding Russia's international nuclear development is the State Program *Development of the Nuclear Energy and Industrial Complex*. According to this program, the state corporation *Rosatom* – the leading governmental entity in the nuclear sector – is tasked with strengthening its position as a global leader in the nuclear energy market. Furthermore, Russia aims to intensify efforts toward a "green economy" through promoting nuclear energy and the international expansion of civilian nuclear power under the *Construction of Nuclear Power Plants Abroad* initiative [35].

All of these policies take into account the current international environment, in which many sectors of the Russian economy have been affected by sanctions. Notably, Russia's nuclear sector has not been subjected to any international sanctions, distinguishing it from other strategic industries [6].

Thus, for Russia, cooperation in the field of civilian nuclear energy serves both as a means of enhancing the global competitiveness of its technologies and as a diplomatic tool for establishing international partnerships amid sanctions.

The Russian Federation is witnessing an increasing emphasis on international collaboration in nuclear energy, while reinforcing the role of its nuclear industry as a strategically significant component of the economy on the path toward "green development".

National Level of Nuclear Diplomacy Development. The Kingdom of Saudi Arabia

Saudi Arabia's nuclear program is not a fundamentally new phenomenon and has traditionally been linked to the military dimension of the Kingdom's foreign policy. From the 1960s until 2006, the country's nuclear ambitions were primarily driven by the pursuit of nuclear weapons, with no significant connection to the peaceful use of nuclear energy [36]. The lack of practical experience in the commercial operation of nuclear facilities remains a major challenge for Saudi Arabia.

The analysis of global energy policy trends and Saudi Arabia's contemporary foreign policy highlights several economic and political advantages that could distinguish the state from other subregional and regional actors:

– Saudi Arabia's policy of developing a diversified energy base through the integration of new energy sources, and its readiness to implement long-term, capital-intensive projects;

– The country's aspiration to strengthen its image as a future technological leader in the Middle East by introducing unique, cutting-edge technologies;

– Prospects for the development of other high-tech and energy-intensive industries in Saudi Arabia based on nuclear energy, such as data centers and new computing capacities for AI technologies;

– The country's experience in successful political balancing between cooperation with both the United States and China, which positively influences its perception by the Russian government [37. P. 69];

– The presence of uranium ore deposits in Saudi Arabia and plans for its extraction and enrichment [38, 39]. While Saudi Arabia has the potential to develop uranium mining sites, this requires not only investment but also the use of foreign technologies. China has been particularly successful in the Saudi uranium market, having been engaged in uranium exploration in the Kingdom since 2017 [40]. Given the current sanctions environment, the authors believe that Russia is unlikely to compete for similar projects.

The Kingdom continues to draw upon its oil and gas resources, whose role in the national economy has only strengthened over time. As of the end of 2024, oil and petroleum products accounted for 64.8% of Saudi Arabia's total exports. Since 2023, this figure has stabilized and has not fallen below 63.8% [41]. The most recent data (2022) of the *IEA* reveals that Saudi Arabia relies on oil (64.2%) and natural gas (35.7%) in terms of total energy supply [42]. Nevertheless, efforts are being made to integrate civilian nuclear energy into the country's energy mix and contribute to sustainable development. The primary national initiative in this regard is *Vision 2030*, a project aimed at diversifying energy sources, promoting environmental sustainability, and decarbonizing the economy [43]. Currently, Saudi Arabia has only one small-scale nuclear reactor, which is not yet in commercial operation and is used exclusively for research purposes [44].

Thus, for a long time, Saudi Arabia's nuclear program was driven by aspirations to acquire nuclear weapons. Only recently has the country shifted its focus toward the development of civilian nuclear energy as part of its broader economic diversification strategy.

Russian-Saudi Nuclear Partnership

The history of nuclear diplomacy in Russian-Saudi relations is relatively recent, yet it has firmly established itself on the bilateral agenda. Saudi Arabia's interest in cooperating with Russia in the nuclear energy sector is largely driven by *Rosatom's* extensive experience in implementing nuclear power projects in politically unstable regions – in the Middle East and North Africa [45].

From Russia's perspective, Saudi Arabia represents a promising market for the future development of economic projects. While for Saudi Arabia, Russian nuclear energy projects serve as a means of diversifying its energy sources, for Russia, they offer an opportunity to expand

into new markets amid sanctions. The sanctions pressure on Russia led to the cancellation of the NPP construction project in Finland in 2022 [46]. However, this case allowed Rosatom to redirect its freed-up organizational resources toward emerging markets in Asian countries. Beyond the purely economic benefits of a potential NPP project in Saudi Arabia, Russia could strengthen its role as a technological power, whose advancements in nuclear energy and the energy sector remain at the forefront.

The history of cooperation in this area began in 2015 when the two countries signed an intergovernmental *Agreement on Cooperation in the Field of Peaceful Use of Nuclear Energy.* According to Rosatom, this agreement "for the first time in the history of Russian-Saudi relations creates a legal basis for cooperation between our countries in the field of nuclear energy, opening prospects for oncoming traffic business initiatives on both sides of a wide range of areas" [47].

Since 2017, Rosatom has been engaged in dialogue with the Saudi side regarding the construction of the first NPP in the Arab country. In 2017, Rosatom and King Abdullah City for Atomic and Renewable Energy signed *Programme for Cooperation in the peaceful use of nuclear energy* [48]. The document envisioned the creation of joint research centers and reaffirmed the commitment to nuclear power plant construction as outlined in the 2015 Agreement. These agreements led to the establishment of a *Rosatom* branch in Saudi Arabia in 2019. In December 2023, *Rosatom's* Director General, Alexey Likhachev, was part of the Russian delegation at negotiations in Saudi Arabia [49]. This event highlights the growing importance of nuclear energy in bilateral relations.

Despite the extensive negotiations between the states, there are challenges that countries need to overcome to continue a productive dialogue in the nuclear sector:

– Sanctions imposed by the European Union, the United States, and other countries on Russia's energy sector [50, 51]. Although Rosatom remains one of the few state corporations not subject to sanctions, there is a risk of increasing sanctions pressure on this strategic sector of the Russian economy.

– The concentration of institutions around traditional energy. Currently, the energy dialogue between Russia and Saudi Arabia is primarily focused on the oil sector within the *OPEC+* [52].

The history of Russian-Saudi nuclear cooperation demonstrates an increasing focus on Russia's nuclear diplomacy in the Middle East. Additionally, a solid legal foundation has been created for future practical cooperation.

One of Saudi Arabia's key economic trends is the restructuring of the national energy sector and the introduction of new industries alongside the oil sector [53. P. 23]. While traditional energy in Saudi Arabia continues to thrive, the development of nuclear energy faces significant challenges. Saudi Arabia, as a regional power, has not become a leader in the scientific and technological sector and does not possess a set of technologies that would be essential for Russia under sanctions. For Russia, Saudi Arabia serves as a means to overcome international sanctions and market losses. Other effects, such as strengthening its role in the region, are secondary. The authors admit that the likelihood of sanctions expansion on Russia's nuclear sector by the European Union, the United States, and other countries remains low, given Rosatom's critical role in global nuclear cooperation. The renewal of the Russian-American dialogue can lead to the cancellation of the sanctions, thereby fostering positive developments in nuclear diplomacy between Russia and Saudi Arabia [54].

Since the beginning of the Russian-Saudi nuclear partnership, several framework agreements have been signed, but none have yet resulted in the construction of a nuclear power plant in the country. Saudi Arabia remains dependent on oil and gas resources, and the Vision 2030 strategic plan for economic diversification has not yet met expectations [41, 42].

Despite the positive dynamics in nuclear diplomacy within Russian-Saudi relations, it is premature to speak of firm agreements between the two countries. To construct its first nuclear power plant, Saudi Arabia is considering a wide range of potential partners, including France, China, and South Korea. Furthermore, the first nuclear power plant among *Gulf Cooperation Council (GCC)* member states was built in the UAE using South Korean technology [55].

An analysis of nuclear diplomacy in Russian-Saudi relations suggests that, while the partnership has not yet yielded concrete results, it has laid a potential foundation for future cooperation. The case of the Russian-Saudi nuclear partnership reflects the long-term nature of nuclear projects and their significance in global energy security.

References

1. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2023) *Joint Statement of the 6th Russia – GCC Joint Ministerial Meeting for Strategic Dialogue*. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sovet-sotrudnicestva-arabskih-gosudarstv-persidskogo-zaliva-ssagpz-/1896567/?lang=ru (Accessed: 23rd January 2025). (In Russian).
2. The President of the Russian Federation. (2023a) *Russian-Saudi Negotiations*. [Online] Available from: http://special.kremlin.ru/events/president/news/72921 (Accessed: 20th January 2025). (In Russian).
3. The President of the Russian Federation. (2023b) *Russian-UAE Negotiations*. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/72918 (Accessed: 20th January 2025). (In Russian).
4. Mirgorod, D.A. & Parubochaya, E.F. (2023) Nuclear Energy as a Russian Foreign Policy Instrument in the Middle East. *Vestnik Volgogradskodo gosudarstvennogo universita. Seriya 4. Instoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 2(28). pp. 214–225. (In Russian).
5. Rosatom. (2025) *Nuclear Power Plants under Construction*. [Online] Available from: https://www.rosatom.ru/production/design/stroyashchiesya-aes/ (Accessed: 16th January 2025). (In Russian).
6. Arab News. (2023) *Interview: Rosatom ready to take on competition for KSA's nuclear energy requirements, says Russian exec*. [Online] Available from: https://www.arabnews.com/node/2379456/middle-east (Accessed: 2nd February 2025).
7. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2025) *Russia and OPEC interactions*. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/mezdunarodnye-organizacii-i-forumy/rossiya_i_spetsializirovannye_mezhdunarodnye_ekonomicheskie_organizatsii/1524252/ (Accessed: 18th January 2025).

8. TASS. (2023) *Russia and Saudi Arabia will expand cooperation on oil and gas — statement.* [Online] Available from: https://tass.com/economy/1717467 (Accessed: 20th January 2025).
9. Frantsuzov, V.V. (2024) Russia and Turkey: Status and Prospects for Cooperation in Science, Technology and Innovation. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*. 12. pp. 74–81. (In Russian).
10. Anikeev, V.V. & Bazavluk, S.V. (2019) Construction of Nuclear Power Plants in the Middle East with the participation of Russian Companies in the Context of Improving the Region's Energy Security. *Vestnik RUDN. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 19(3). pp. 368–376. (In Russian).
11. Dudarev, K.P. (2022) *Saudi Arabia in the XXI Century: the Revolution of the 30-years-old or the Tsunami of Modernisation*. Moscow: Institute of the Middle East.
12. Rodina, I. (2021) Development of Nuclear Energy in Saudi Arabia within the Kingdom Vision 2030 Program from the Perspective of Nuclear Energy Cooperation and Non-Proliferation Risks. *Indeks bezopasnosti.* 3(17). (In Russian).
13. Boyko, A.A. (2022) The Saudi Arabia Nuclear Program as a Potential Threat to the Nuclear Non-Proliferation. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* 66(10). pp. 65–72. (In Russian).
14. Allison, J.E. & Hancock, K.J. (2018) The Politics of Energy in a Changing Climate: An Introduction. In: *The Oxford Handbook of Energy Politics*. Oxford Academic. p. 2–21.
15. Wenger, A., Orttung, R.W. & Perovic, J. (2009) *Energy and the Transformation of International Relations: Toward a New Producer-consumer Framework*. Oxford University Press.
16. Zhiznin, S.Z. (2010) Russian Energy Diplomacy and International Energy Security (geopolitics and economics). *Baltic Region*. 1(3). pp. 7–17.
17. Khryapin, D.A. & Kalashnikov, D.B. (2022) Nuclear Energy Development as a Task of Indonesia's Economic Diplomacy. *World and National Economy*. 1(58). [Online] Available from: https://mirec.mgimo.ru/2022/2022-01/development-nuclear-energy-indonesia-economic-diplomacy (Accessed: 2nd February 2025). (In Russian).
18. Bayne, N. & Woodcock, S. (2016) *The New Economic Diplomacy: Decision-Making and Negotiation in International Economic Relations*. Routledge.
19. World Nuclear Association. (2008) *The Economics of Nuclear Power*. [Online] Available from: https://www.world-nuclear.org/uploadedfiles/org/info/pdf/economicsnp.pdf (Accessed: 16th January 2025).
20. Jianhua, Y. & Yichen, D. (2018) Energy Politics and Security Concepts from Multidimensional Perspectives. *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 6(4). pp. 91–120.
21. International Atomic Energy Agency. (2023) *Safe, Secure, Sustainable Nuclear Power*. [Online] Available from: https://www.iaea.org/sites/default/files/np0613.pdf (Accessed: 5th February 2025).
22. Shi, L., Han, L., Yang, F. & Gao, L. (2019) The Evolution of Sustainable Development Theory: Types, Goals, and Research Prospects. *Sustainability*. 24(7158).
23. Bogaturov, A.D. (2002) Systems Approach and International Relations Evolution in XX Century. In: *Essays on Theory and Political Analysis of International Relations*. Moscow: Scientific and Educational Forum on International Relations. pp. 112–128. (In Russian).
24. Hall, P.A. & Taylor, R.R. (1996) Political Science and the Three New Institutionalisms. *Political Studies*. 44(5). pp. 936–957.
25. Fomin, I.V., Kokarev, K.P., Ananyev, B.I., Silaev, N.Y., Sushentsov, A.A. & Chekov, A.D. (2018) Forecasting Practices in Academic IR: Methodological Mainstream and Unsolved Problems. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 6(63). pp. 159–193. (In Russian).
26. International Energy Agency. (2022) *Nuclear Power and Secure Energy Transitions*. [Online] Available from: https://www.iea.org/reports/nuclear-power-and-secure-energy-transitions (Accessed: 1st February 2025).
27. International Atomic Energy Agency. (2025) *Sustainable Development Goals (SDGs)*. [Online] Available from: https://www.iaea.org/about/overview/sustainable-development-goals (Accessed: 5th February 2025).
28. International Energy Agency. (2025) *Electricity 2025 Executive Summary*. [Online] Available from: https://www.iea.org/reports/electricity-2025/executive-summary (Accessed: 20th February 2025).
29. The United Nations. (2025) *Atomic Energy*. [Online] Available from: https://www.un.org/en/global-issues/atomic-energy (Accessed: 6th February 2025).
30. International Atomic Energy Agency. (2025) *Sustainable Development Goals (SDGs)*. [Online] Available from: https://www.iaea.org/about/overview/sustainable-development-goals (Accessed: 5th February 2025).
31. United Nations Treaty Collection. (2025) *Paris Agreement. Chapter XXVII Environment*. [Online] Available from: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?chapter=27&clang=_en&mtdsg_no=XXVII-7-d&src=TREATY (Accessed: 14th January 2025).
32. Stern, E.K. (1995) Bringing the Environment In: The Case of Comprehensive Security. *Cooperation and Conflict*. 30(3). pp. 211–237.
33. The Security Council of the Russian Federation. (2019) *The Energy Security Doctrine of the Russian Federation*. [Online] Available from: http://www.scrf.gov.ru/security/economic/energy_doc/ (Accessed: 25th January 2025). (In Russian).
34. The Government of the Russian Federation. (2020) *Order of the Government of the Russian Federation of June 9, 2020. On Approval of the Energy Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2035*. [Online] Available from: http://government.ru/docs/all/128340/ (Accessed: 15th January 2025). (In Russian).
35. Pravo.gov. (2014) *Resolution No. 506-12 of the Government of the Russian Federation of June 2, 2014. On Approval of the State Program of the Russian Federation "Development of the Nuclear Power Industrial Complex."* [Online] Available from: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=605638612&backlink=1&&nd=102353103 (Accessed: 13th January 2025). (In Russian).
36. Hererra, M. (2023) *Saudi Arabia's Nuclear Ambitions: Frozen Once Again?* [Online] Available from: https://www.iai.it/en/pubblicazioni/saudi-arabias-nuclear-ambitions-frozen-once-again (Accessed: 27th January 2025).
37. Melkumyan, E.S. (2024) Saudi Arabia between the USA and China in the First Decades of the 21st Century: Successful Balancing. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* 68(5). pp. 61–71. (In Russian).
38. Reuters. (2023) *Saudi Arabia plans to use domestic uranium for nuclear fuel*. [Online] Available from: https://www.reuters.com/business/energy/saudi-arabia-plans-use-uranium-entire-nuclear-fuel-cycle-minister-says-2023-01-11/ (Accessed: 18th February 2025).
39. *The Guardian*. (2020) Revealed: Saudi Arabia may have enough uranium ore to produce nuclear fuel. 17th September. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/world/2020/sep/17/revealed-saudi-arabia-may-have-enough-uranium-ore-to-produce-nuclear-fuel (Accessed: 18th February 2025).
40. China Atomic Energy Authority. (2017) *CNNC conducts mineral fieldwork in Saudi Arabia*. [Online] Available from: https://www.caea.gov.cn/english/n6759361/n6759363/c6794016/content.html (Accessed: 25th February 2025).
41. الهيئة العامة للإحصاء [General Authority for Statistics]. (2025) لتجارة الدولية لشهر ديسمبر عام [International Trade for December 2024]. [Online] Available from: https://www.stats.gov.sa/statistics-tabs/-/categories/123481?tab=436312& category=123481 (Accessed: 17th January 2025).
42. International Energy Agency. (2025) *Saudi Arabia*. [Online] Available from: https://www.iea.org/countries/saudi-arabia (Accessed: 17th January 2025).
43. 2030 السعودية رؤية [Vision 2030]. (2025) [Online] Available from: https://www.vision2030.gov.sa/ (Accessed: 16th January 2025).
44. مفاعل الأبحاث منخفض الطاقة [Low-Power Research Reactor]. (2025) [Online] Available from: https://www.vision2030.gov.sa/ar/explore/projects/the-low-power-research-reactor (Accessed: 16th January 2025).

45. Rosatom. (2024) *Rosatom in the Middle East and North Africa*. [Online] Available from: https://atommedia.online/en/reference/rosatom-na-blizhnem-vostoke-i-v-severno-2/ (Accessed: 1st February 2025).
46. RBK. (2022) *Finnish Fennovoima Terminates NPP Construction Contract with Rosatom*. [Online] Available from: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/7477.htm (Accessed: 10th February 2025).
47. Rosatom. (2015) *Russia and Saudi Arabia have initialed an intergovernmental agreement on cooperation in the field of peaceful use of nuclear energy*. [Online] Available from: https://rosatom-europe.com/en/press-centre/news/79-russia-and-saudi-arabia-have-initialed-an-intergovernmental-agreement-on-cooperation-in-the-field-of-peaceful-use-of-nuclear-energy/ (Accessed: 20th January 2025).
48. *Saudi Gazette*. (2018) Riyadh hosts workshop on Russian nuclear technology. [Online] Available from: https://saudigazette.com.sa/article/550060 (Accessed: 21th January 2025).
49. TASS. (2023) *Russia and Saudi Arabia will expand cooperation on oil and gas — statemen*t. [Online] Available from: https://tass.com/economy/1717467 (Accessed: 20th January 2025).
50. Council of the European Union. (2025) *Timeline – Packages of sanctions against Russia since February 2022*. [Online] Available from: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-russia/timeline-packages-sanctions-since-february-2022/?taxonomyId=271842c3-2535-4f5a-a049-bcdab2758865 (Accessed: 28th February 2025).
51. U.S. Department of the Treasury. (2025) *Russia-related Sanctions*. [Online] Available from: https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/russia-related-sanctions (Accessed: 28th February 2025).
52. Organization of the Petroleum Exporting Countries. (2025) *Saudi Arabia, Russia, Iraq, the United Arab Emirates, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman reaffirm commitment to market stability on healthier oil market outlook*. [Online] Available from: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/7477.htm (Accessed: 5th March 2025).
53. Kortunov, A., Kuznetsov, V., Yakovlev, A., Dunaeva, E., Gadzhiev, A., Khlebnikova, L. & Bocharov, I. (2024) *Regional Trends in the Middle East: Political and Economic Dynamics*. RIAC Non-Commercial Partnership.
54. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2025) *Press release on Russia-US consultations*. [Online] Available from: https://mid.ru/ru/maps/sa/1998279/?lang=ru&COUNTRY_CODE=sa (Accessed: 5th March 2025). (In Russian).
55. *Financial Times*. (2023) Saudi Arabia weighs nuclear power offers from China and France in bid to sway US. [Online]. Available from: https://www.ft.com/content/ec613036-86ab-479e-bedc-99d152030c34 (Accessed: 4th February 2025).

***Information about the authors*:**
Savkovich Evgeny V. – Doctor of History, Professor of the Oriental Studies Department, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: SavkovichY@yandex.ru
Volchkov Nazar A. – Student, Faculty of History and Political Studies, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: volchkov_work@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

***Сведения об авторах*:**
Савкович Евгений Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: SavkovichY@yandex.ru
Волчков Назар Алексеевич – студент факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: volchkov_work@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 10.03.2025; accepted for publication 01.08.2025

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; принята к публикации 01.08.2025

Научная статья
УДК 94(549.1)
doi: 10.17223/19988613/96/18

Значение донесений немецких военно-морских атташе в Лондоне и Петербурге для формирования морской политики Германии в 1904–1912 гг.

Станислав Николаевич Синегубов[1], Сергей Павлович Шилов[2], Николай Викторович Кудрявцев[3]

[1] Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, Ишим, Россия
[2] Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
[3] Югорский государственный университет, Сургут, Россия
[1] globus_75@inbox.ru
[2] sshilov@mail.ru
[3] nvkudryavtsev@mail.ru

Аннотация. Анализируются донесения немецких военно-морских атташе, которые были аккредитованы в столицах двух главных соперников кайзеровской Германии в Северном и Балтийском морях – Великобритании и России – в период 1904–1912 гг. Именно в это время окончательно оформилась основная стратегическая внешнеполитическая и «морская» линия официального Берлина по отношению к данным государствам. Свой вклад в подобную экспликацию внесли представители ведомства статс-секретаря А. Тирпица. Исследование помогает глубже понять, на какие основные параметры военно-морской политики немцев, касающейся англичан и русских, они оказали наибольшее влияние.
Ключевые слова: военно-морская политика, морское соперничество, военно-морские атташе, кайзеровская Германия, Великобритания, Россия

Для цитирования: Синегубов С.Н., Шилов С.П., Кудрявцев Н.В. Значение донесений немецких военно-морских атташе в Лондоне и Петербурге для формирования морской политики Германии в 1904–1912 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 142–153. doi: 10.17223/19988613/96/18

Original article

The significance of the German navigation attashes' reports from London and Petersburg for the formation of Germany's marine policy in 1904–1912

Stanislav N. Sinegubov[1], Sergey P. Shilov[2], Nikolai V. Kudryavtsev [3]

[1] Ishim P.P. Ershov Teachers Training Institute (the branch) of the University of Tyumen, Ishim, Russian Federation
[2] University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
[3] Yugra State University, Surgut, Russian Federation
[1] globus_75@inbox.ru
[2] sshilov@mail.ru
[3] nvkudryavtsev@mail.ru

Abstract. The article deals with the German naval attaches` reports from London and St. Petersburg in the period of 1904-1912 and identifies their influence on the general maritime policy of Kaiser Germany in relation to Great Britain and Russia formation. These two states were of special importance in the maritime department of State Secretary A. Tirpitz and in the Ministry of Foreign Affairs in Wilhelmstrasse. The success of the Second Reich "world policy" depended to a large extent on the achievements in the "British and Russian directions", and its actively built new battle fleet was to become its instrument. In Russian and foreign research literature, the role of the the Naval Ministry representatives` messages in the indicated time period taken in parallel comparison did not become the subject of a separate study. The ability to analyze documents from the German Military Archive (Freiburg) allows us to close this gap. The messages of the German naval attachés K. Coerper, W. Wiedenmann in the UK, P. Hintze, W. Keyserlingk in Russia are valuable and significant not only in their contents, but also to understand their importance for the German political and military authorities, who were solving difficult issues of implementing the naval strategy formulated at the turn of the century in the context of intensively transforming international relations. Unlike their colleagues in other countries, K. Coerper, W. Wiedenmann, P. Hintze due to the principal significance of the "English" and "Russian" directions, carried out not only the analysis of the current naval situation, predicted its further evolution and gave recommendations on this matter, but also projected the ongoing precedents in their area of responsibility onto "big politics". In fact, they went beyond

© С.Н. Синегубов, С.П. Шилов, Н.В. Кудрявцев, 2025

their competence, which caused great dissatisfaction on the part of the German Ministry of Foreign Affairs representatives and Reich Chancellors B. Byulov and T. Bethmann-Hollweg, which led to conflicts and even to removal from offices as it happened, for instance, with K. Coerper and W. Wiedenmann. From the very beginning of his activity in Russia, P. Hintze occupied a somewhat different, “higher” position in this sense and had the rights of personal reports to Emperor Wilhelm II, he also had a wide circle of contacts in various spheres of the Russian society and even audiences with Tsar Nicholas II. It is noteworthy that the subsequent naval attachés in London and St. Petersburg after W. Wiedenmann and P. Hintze never played such a significant role. This can be seen in the example of W. Keyserlingk's activity. Their "factual" contribution to the understanding of the general information and analytical picture of Great Britain and Russia`s maritime policy was no longer generalizing because of its overall clarity and certainty in the main points.
Keywords: naval policy, maritime rivalry, naval attaches, Imperial Germany, Great Britain, Russia

For citation: Sinegubov, S.N., Shilov, S.P., Kudryavtsev, N.V. (2025) The significance of the German navigation attashes’reports from London and Petersburg for the formation of Germany's marine policy in 1904–1912. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 142–153. doi: 10.17223/19988613/96/18

Период 1904–1912 гг. стал рубежным в истории Европы и мира в целом. Именно в эти годы окончательно сформировались два противостоящих друг другу блока – Тройственный союз и Антанта. Кроме того, провалились все попытки достижения компромисса между ними, а также усилия расколоть единство государств, входящих в то или иное объединение, одним из представителей противоположной стороны. Как итог – оформление тенденции к достижению лучших военно-политических позиций для решения обостряющихся противоречий через войну.

Спланированное статс-секретарем А. Тирпицем и всемерно поддержанное императором Вильгельмом II активное военно-морское строительство, к которому кайзеровская Германия приступила после принятия в июне 1900 г. II флотского закона для решения своих геополитических и экономических задач, неизбежно должно было ускорить ухудшение и без того непростых отношений с морской державой № 1 на земном шаре – Великобританией. О том, что это будет именно так, становилось ясно еще до того, как рейхстаг окончательно утвердил параметры нового императива. Достаточно сослаться на одну из речей рейхсканцлера Б. Бюлова в одной из парламентских комиссий в марте того же 1900 г., где он недвусмысленно говорил об опасности войны с Великобританией [1. С. 193]. И уж тем более глава немецкого правительства не скрывал намерений защититься от возможного нападения англичан, когда убеждал депутатов одобрить предложенный им законопроект [2. S. 47–48].

Осознание «немецкой морской угрозы» для самих британцев пришло не сразу. Хотя после июня 1900 г. в Лондоне отмечали, что, когда Германия создаст новейшие корабли, им потребуется всего десять часов, чтобы достигнуть устья Темзы [3. P. 57]. Более того, некоторые военные предлагали уничтожить еще только начавшийся строиться германский флот. Однако в целом настроение было более или менее спокойным, но уже с конца 1901 г. от него не осталось и следа [4. P. 106]. Дальше, как говорится, больше. После спуска на воду англичанами нового линейного корабля Dreadnought в 1905 г. и утверждения немцами флотской новеллы 1906 г., провозгласившей переход к созданию однотипных дредноутных боевых судов, гонка морских вооружений между двумя странами вступила в открытую фазу, доходившую порой до так называемых «военных паник». Попытки добиться компромиссной договоренности продолжались вплоть до весны 1912 г., когда окончательно стало ясно, что разрешить эти морские противоречия возможно только военным путем.

С Россией у Германии отношения складывались несколько иначе, не так драматично. В 1903–1904 гг. в Берлине решали вопрос о возможном морском союзе. Русско-японская война 1904–1905 гг. поставила жирную точку в дискуссиях политиков и военных по этому поводу, поскольку стало ясно, что военно-морской потенциал Российская империя восстановит нескоро, а потому ее ценность как союзника крайне невелика. Вместе с тем, учитывая подписанное «сердечное согласие» между Великобританией и «заклятым другом» немцев Францией в 1904 г., а также Англо-русское соглашение 1907 г. о разделе сфер влияния в Средней Азии, «русский фактор» по-прежнему имел большое значение в расчетах берлинских стратегов. К тому же после Потсдамского соглашения 1911 г. немецкие политики и военные окончательно смирились с мыслью о нереальности оторвать Россию от Антанты и тем самым выйти из замкнутого круга возможной «войны на два фронта». Однако еще и до этого знакового события, да и после, действия русских на Балтике и Черном море находились под их пристальным вниманием. Поэтому «российская тема» для официального Берлина была всегда актуальной.

Понятно, что на всем протяжении 1904–1912 гг. донесения представителей ведомства А. Тирпица играли определенную роль в формировании не только военно-морской, но и государственной политики кайзеровской Германии в целом в отношении британской и российской империй. В этой связи встает вопрос, насколько донесения из Лондона и Петербурга влияли на ее выработку, кто из военно-морских атташе, скажем так, был наиболее значимым для германских руководителей.

Согласно определению, представленному в «Морском биографическом словаре» А.Ф. Ткаченко, военно-морской атташе является «советником посла по военно-морским вопросам» и представляет военно-морские силы своего государства в стране пребывания. Он обладает всеми привилегиями, присущими дипломатическому работнику [5. С. 413]. Помимо сбора специальной морской информации, в том числе и разведывательного характера, он в зависимости поставленных задач и сложности переживаемого военно-политического

момента может собирать, анализировать и передавать данные политического характера.

Если говорить о Великобритании, то в рассматриваемый период там служили два представителя германского военно-морского министерства: с 5 декабря 1904 по 31 марта 1907 г. – Карл фон Керпер, а с 1 апреля 1907 до 4 апреля 1912 г. – Вильгельм Виденман. Первый был вначале в звании фрегаттен-капитана (капитан 2-го ранга), затем получил повышение до капитана цур зее (капитан 1-го ранга). Второй, соответственно, начинал с капитан-лейтенанта, а покидал Лондон, уже будучи корветтен-капитаном (капитан 3-го ранга) [6].

В период деятельности К. Керпера в Лондоне произошли значимые события, повлиявшие существенным образом на кореферентность между странами, но главное заключалось в том, что морское соперничество, со всеми ее сопутствующими политико-военными событиями, приняло открытый характер. Этому в немалой степени способствовали так называемая «дредноутная революция» 1905 г., принятие Германией второй флотской новеллы 1906 г. и начало подготовки третьей, утвержденной рейхстагом в 1908 г., когда К. Керпер уже оставил свой пост.

Военно-морской атташе приступил к исполнению своих обязанностей в начальный момент очевидного обострения германо-британских отношений. Здесь необходимо напомнить, что после Гулльского инцидента в октябре 1904 г., когда по ошибке русскими военными кораблями в составе эскадры вице-адмирала З.П. Рожественского, шедшей на Дальний Восток, были обстреляны британские рыболовецкие шхуны с человеческими жертвами, разгорелся международный дипломатический скандал. В него были вовлечены не только русская и британская стороны, что вполне понятно, но и немецкая. Однако если Лондону удалось, с посреднической помощью Парижа, уладить возникшую проблему с Петербургом путем получения компенсационной выплаты, то с Берлином все обстояло совсем иначе [7. S. 269]. Британцы предъявили немцам обвинение в нарушении ими статуса нейтральной стороны в Русско-японской войне, поскольку те снабжали русские корабли углем, а потому, как они считали, повинны в трагическом происшествии.

В ноябре 1904 г. дело дошло до прямых угроз нападения на Германию со стороны английских высокопоставленных военно-морских чинов. На другой стороне Ла-Манша все это воспринимали очень серьезно. Ведь под сокрушающий удар мог попасть только что начинающий строиться молодой германский флот, с которым связывались далекоидущие планы «мировой политики» II рейха. На одном из совещаний в ноябре 1904 г. с участием кайзера Вильгельма II и А. Тирпица было прямо заявлено, что на данный момент нельзя допустить войны с Англией по причине неготовности к ней военно-морских сил. Для последних еще требуется время, чтобы окрепнуть и превратиться в серьезный аргумент в подобного рода межгосударственных обострениях [8. S. 311].

В этих условиях германский военно-морской атташе К. Керпер также был привлечен к работе по недопущению войны между Великобританией и Германией. Его задача заключалась в предоставлении немецкому послу в Лондоне В. Меттерниху, а также А. Тирпицу информации о состоянии британских военно-морских сил, их нацеленности на атаку германского побережья, и прежде всего бомбардировку главных морских баз – Киля и Вильгельмсхафена. Именно благодаря ему в Берлине располагали точными данными о составе и численности английских боевых судов в Северном море на конец 1904 – начало 1905 г. Так, в одном из своих выступлений император Вильгельма II, страстно обличая во лжи англичан, заявлявших, что якобы немцы готовятся напасть на Британские острова, констатировал соотношение линейных и крейсерных кораблей двух стран в пропорции 43 и 140 к 14 и 20 [9. S. 374]. Несомненно, что и на совещании, созванном рейхсканцлером Б. Бюловым 21 декабря 1904 г. по причине резкого ухудшения германо-британских отношений, присутствовавший В. Меттерних располагал сведениями о мощности британского флота, почерпнутыми в том числе и из донесений К. Керпера. Правда, посол в отличие от атташе считал, что англичан можно «утихомирить» и снять угрозу войны, если дать им гарантию непринятия какого-либо дополнения к флотскому закону 1900 г., т.е. новеллы, детализация которой шла полным ходом [10. S. 315].

Следует отметить, что К. Керпер работал «не за страх, а за совесть» в тирпицевском политико-идеологическом поле. Он разделял мнение своего патрона, что с Великобританией нужно вести себя сдержанно до тех пор, пока германский флот не окреп. Он также считал, что не надо специально афишировать в обществе достижения на поприще флотского строительства не только через газеты и журналы, но и даже в приватных разговорах с представителями британских государственных структур, в первую очередь Адмиралтейства. Поэтому К. Керпер в общении со своими британскими коллегами был сдержан и немногословен, старался больше наблюдать, анализировать, слушать и меньше говорить по «больному» для них вопросу «германской угрозы», постоянно обсуждаемому с конца 1904 г. в медийном пространстве [11. S. 184]. Такая позиция себя оправдывала, поскольку вплоть до конца 1905 г. тема войны продолжала держать в определенном напряжении как обывательское население, так и руководящие военно-политические круги Великобритании и Германии. В июне 1905 г. на одной из встреч на самом высоком уровне с участием кайзера, начальника германского Генерального штаба Г. Мольтке, рейхсканцлера Б. Бюлова было засвидетельствовано, что столкновение с «туманным Альбионом» неизбежно и оно будет носить затяжной характер. Однако Германия на данный момент очевидным образом не готова к серьезным боестолкновениям не только на море, но и на суше. В этом признавался и сам кайзер в одном из писем к Б. Бюлову в декабре 1905 г. [12. S. 95].

Тем не менее ситуация развивалась таким образом, что в ноябре 1905 г. Вильгельм II вынужден был даже вызвать В. Меттерниха из Лондона для консультаций и демонстрации англичанам серьезной настроенности немцев. Более того, он акцентированно провел частичную мобилизацию флота [3. P. 131]. Потом В. Меттер-

ниху, недовольному такими действиями своего императора, как, впрочем, и К. Керперу, напротив, одобрившему такой ход монарха, пришлось давать объяснения английским визави. В целом комментарии сводились к тому, что Берлин вынужден был предпринять ответные меры на явно недружественные публичные высказывания и заявления некоторых официальных британских чинов, подкрепленные к тому же действиями по переброске боевых судов с Дальнего Востока в Северное море после заключения Англо-японского союза в августе 1905 г. В резиденции кайзера и министерстве А. Тирпица это расценивали как антинемецкую акцию [13. С. 585–586]. При этом дипломат и военно-морской атташе убеждали, что в действительности германская сторона в своей флотской политике преследует исключительно оборонительные цели, находящиеся в общих рамках обеспечения национальной безопасности, и в мыслях даже не держит оспорить морское могущество Великобритании.

1905 год закончился напряженно, но все-таки мирно. Хотя, как показали события последующих шести лет, вопрос возможной германо-британской морской войны не сходил с повестки дня в двусторонних отношениях. Начиная с «дредноутной революции», организованной англичанами в 1905 г., шансы Германии на осуществление поставленной А. Тирпицем еще в 1899 г. цели достижения германскими военно-морскими силами мощи 2/3 британских как защиты от нападения со стороны последних многократно возросли. Поэтому начатая еще до 1906 г. работа по дополнению флотского закона 1900 г. должна была получить свое завершение. Несомненно, свою лепту в это дело внес и К. Керпер. Перед ним по-прежнему стояло несколько задач. Одна из главных заключалась в сборе необходимой информации, помогающей разработке германских кораблей дредноутного типа. В частности, к осени 1906 г., когда работа в этом направлении шла полным ходом, в ведомстве А. Тирпица благодаря стараниям К. Керпера уже располагали достаточно полными данными не только о Dreadnought̓e, но и об абсолютно новом линейном крейсере Invincible, также совершившим, как и его чуть более ранний «боевой сородич», революционный прорыв в крейсерском кораблестроении [14].

При этом необходимо отметить, что сбор информации о новых типах британских судов был трудной работой. Помимо решения проблемы секретности, в том числе по каналам личных связей с высокопоставленными чинами Адмиралтейства, атташе приходилось проявлять недюжинные аналитические способности по профессии. В открытой специализированной и общедоступной печати, безусловно, с разными целями, в том числе и дезинформирующего характера, появлялось немало интересных сведений. Однако все это требовало тщательного изучения, просеивания, отделения «зерен от плевел». В августе 1906 г. германский военно-морской атташе добыл очень важные сведения, касающиеся предварительных планов развития британских военно-морских сил на период до 1917 г. и оценок соотношения их к немецкому флоту [15]. Это, безусловно, способствовало корректировке сроков принятия Германией флотской новеллы в сторону их сокращения. К тому же предоставленные атташе данные позволяли А. Тирпицу и кайзеру Вильгельму II видеть понимание англичанами германского флотского потенциала. К их удовлетворению, британцы явно недооценивали противную сторону.

Другой, не менее важной, задачей, поставленной высшим руководством и решаемой К. Керпером, было камуфлирование реализации германской флотской программы, максимальное, насколько это было возможно в тех условиях, ее затенение [16. S. 140]. Такие действия получали всемерное одобрение и поддержку кайзера Вильгельма II, поскольку полным ходом шли работы по подготовке и принятию очередной второй флотской новеллы [17. S. 35–37]. При этом, конечно же, атташе должен был в постоянном режиме уведомлять Берлин о настроениях в английском обществе, их колебаниях, изменениях, а также факторах, влиявших на этот процесс. Одной из неутешающих его констатаций являлось неспадаемое антигерманское расположение духа британцев. К. Керпер отмечал в одном из своих донесений в ноябре 1906 г., что в Лондоне прекрасно понимали обратную сторону дредноутной революции – практическую нивелировку английских морских преимуществ в этом классе боевых судов пред немцами. Как следствие этого – раздувание в обществе страхов относительно германской угрозы [18]. Поэтому неудивительно, что влиятельные круги страны вели публичные разговоры о необходимости превентивного удара, о чем сообщали и В. Меттерних, и К. Керпер. Последний доводил до сведения А. Тирпица материалы закрытого характера, влиявшие на корректировку не только флотского закона 1900 г. в виде очередной новеллы, но и планов ведения возможной сухопутной войны против коалиции Франции и Великобритании. Так, в первой декаде марта 1907 г. атташе информировал о докладах британских военных, сделанных ими в разных государственных структурах. В них шла речь о целях планируемых военных действий англичан на материковой части Европы против Германии с указанием примерной численности войск [19].

К. Керпер до конца пребывания на посту военно-морского атташе (31 марта 1907 г.) тщательнейшим образом отслеживал и анализировал все нюансы антинемецких выступлений британской политической и военной элиты. От его внимательного взгляда не ускользнуло, что возникшие в парламенте внешние разногласия между пришедшими в январе 1906 г. к власти либералами и их оппонентами консерваторами относительно морского бюджета в 1907/1908 г. (либералы выступали за сокращение расходов, а консерваторы – за увеличение) не носят принципиального характера. К. Керпер давал этому простое объяснение: «миролюбивые» либералы ни в коем случае не ставили под сомнение политику традиционного британского «двухдержавного» морского стандарта. Они полагали, что преимущество англичан настолько очевидно, что предпринимать какие-то экстраординарные меры из-за немцев в данный момент не стоит. Германский военно-морской атташе сразу понял и смысл заявленной официальным Лондоном инициативы об ограничении морских вооружений

на Гаагской мирной конференции 1907 г., на которую он призывал серьезно не реагировать, поскольку считал все это блефом. По его мнению, подтвержденному последующими событиями, критика так называемых «мирных предложений» либералов со стороны консерваторов в итоге приведет к «морской панике», и все закончится усилением флотского строительства англичан.

При всем имеющемся в британском обществе негативе к кайзеровской империи атташе фиксировал в нем и несколько другие настроения. Они, как он справедливо полагал, носили более примирительный характер и давали определенную надежду на то, что имеющиеся межгосударственные противоречия не выльются в нечто серьезное и опасное. В частности, речь шла о деловой части Лондона, Сити, где считали, что в ближайшее время войны между Великобританией и Германией не будет. Кроме того, в начале марта 1907 г. К. Керпер сообщал в Берлин, что на Британских островах распространяется информация, правда, на уровне слухов, о том, что четыре мировые державы – Великобритания, Германия, Франция и Япония – якобы готовят соглашение, касающееся Дальнего Востока. Это также косвенным образом свидетельствовало об отсутствие воинственных намерений англичан. Правда, в середине марта 1907 г. агентство Рейтер опровергло все эти толки.

31 марта 1907 г. К. Керпер официально закончил свою миссию германского военно-морского атташе в Лондоне из-за того, что создал «некоторые затруднения в дипломатии». Можно предположить, что речь шла о противоречиях между ним и послом В. Меттернихом, проводившим линию на сглаживание германо-британских разногласий, главным образом по «морским делам». А. Тирпицу в условиях подготовки очередной флотской новеллы не нужны были конфликты с иностранным ведомством, патронируемым рейхсканцлером Б. Бюловым. На тот момент глава правительства формально еще поддерживал все флотские законопроекты, но дух «фронды» в нем уже начал зарождаться.

1 апреля 1907 г. пост военно-морского атташе занял более молодой и энергичный В. Виденман. Он должен был решать те же самые задачи, что и его предшественник. Разница заключалась только в усложнении внешних условий их реализации. Это обусловливалось усилением антигерманских настроенностей в британском обществе. Там стало известно, что немцы готовят «очередной сюрприз» в виде следующей новеллы. К концу 1907 г. новость стала почти «бородатой». Высокопоставленные чины Форин Офис открыто заявляли, что подобными действиями германское правительство явно готовит войну с Великобританией [20. С. 396]. В. Виденману поручалось по своим каналам общения убеждать британских партнеров в том, что их страхи совершенно необоснованны, особенно с учетом трехкратного английского флотского превосходства над немецким и более высоких темпов военного судостроения [21].

Параллельно с этим атташе внимательнейшим образом отслеживал все перипетии предстоящих обсуждений морского бюджета на 1908/1909 г. Он доводил до сведения А. Тирпица, что в этот раз англичане не будут изображать из себя «благородных миротворцев», как это было в предшествующем году, и с учетом известных им намерений немцев явно увеличат ассигнования на флот [22]. Даже морского министра Э. Туидмаута, не пользовавшегося, мягко говоря, большим авторитетом в лондонских кругах по причине его непрофессионализма, морской атташе считал «ястребом», т.е. сторонником усиления британских военно-морских сил [23]. Увеличение морского бюджета, несмотря на критику политики либералов со стороны консерваторов, было не столь значительно по сравнению с 1907/1908 г. Однако В. Виденман отметил одно очень важное обстоятельство: с мартовских 1908 г. прений по морскому бюджету в британском парламенте между партиями утвердился консенсус по вопросу о том, что отныне Германия является фактически главным антагонистом и именно против нее будет направлена вся морская политика государства, т.е. стратегия «двухдержавного стандарта». Это же подтвердил В. Меттерних в своих посланиях к рейхсканцлеру Б. Бюлову, немало повлияв на трансформацию его взглядов относительно темпов и сроков германского флотского строительства, превратив его в чуть ли не открытого противника создания линейных кораблей. В ведомстве А. Тирпица из донесений атташе из Лондона сделали свои выводы. Там еще больше укрепилось мнение в правильности и необходимости скорейшего завершения обсуждения и принятия новеллы рейхстагом, чтобы ускорить создание современного немецкого флота.

После утверждения документа в апреле 1908 г. и фиксации нового так называемого «четырехтактного» темпа сооружения судов на Британских островах вновь поднялась волна военной истерии. В. Виденману предписывалось сообщать обо всех эволюционных тенденциях данного явления, чтобы не пропустить, что называется, критического момента, когда после слов уже могли начаться реальные действия не только политиков, но и военных. И здесь многое зависело от информированности, знаний, рассудительности, умений глубокой аналитики и в конце концов предчувствия атташе. А размышлять и делать соответствующие выводы было из чего. Идея превентивного удара по Германии летом 1908 г. просто витала в воздухе британского общества [24. P. 3–4].

С июня того же 1908 г. В. Виденман был вовлечен в работу сразу по нескольким направлениям. Одно из них касалось начавшихся попыток заключить германо-британское морское и политическое соглашение. Инициатором этого процесса с немецкой стороны стал Б. Бюлов, считавшим теперь, что Германия не может одновременно иметь и сильную сухопутную армию, и флот, потому необходимо договариваться с британцами, иначе будет война с трагическими последствиями для рейха. А. Тирпиц был категорически против такого подхода к решению флотской проблемы в межгосударственных отношениях. Он по-прежнему стоял на позициях если не замалчивания, то во всяком случае осмотрительной сдержанности в рассуждениях относительно германской строительной военно-морской программы официальных лиц, недопущения превращения этого вопроса в международный. Вместе с тем

противиться усилиям рейхсканцлера договориться с англичанами он не мог, исходя в том числе из тактических соображений: переговорный процесс давал время для продолжения сооружения современных боевых судов. Поэтому В. Виденману давалось указание не конфликтовать с В. Меттернихом как главным адептом политико-морского договора между двумя странами, быть внимательным и осмотрительным в разговорах с британскими коллегами, касающимися реализации германской флотской программы, убирать все страхи о якобы возможной угрозе германского нападения и собирать максимально возможные данные о королевских военно-морских силах.

Представляется, что последние два направления деятельности атташе были приоритетными, потому что трудно вообразить, чтобы А. Тирпиц, кайзер Вильгельм II пошли бы на соглашение с англичанами путем отказа от реализации запланированного флотского строительства. Такое, наверное, стало бы возможным только в случае отставки главы германского военно-морского ведомства и отречения императора от престола. Однако допустить подобное даже чисто гипотетически в 1908 г. после утверждения флотской новеллы, ставшей апогеем тирпицевской политики, было просто невозможно. Глава морского ведомства находился в полном расцвете «административных» сил и возможностей, его положение как государственного деятеля было как никогда прочным, влияние на формирование военно-морской и внешней политики страны признавалось не только внутри Германии, но и за ее пределами, и в первую очередь в Великобритании. В глазах ее общественности он вообще выступал в образе чуть ли ни «зловещего демона», влиявшего на все и вся.

Подтверждением тезиса о важности «разъяснительной работы» о намерениях Германии для В. Виденмана служили многочисленные встречи и интервью официальным лицам, немецким и зарубежным журналистам, которые давали в течение второй половины 1908 г. и начала 1909 г. А. Тирпиц и кайзер Вильгельм II [25. S. 69–72]. Однако все эти усилия не приводили к положительному результату, что, по мнению атташе, неизбежно должно было привести к увеличению английского морского бюджета в 1909/1910 г., причем очень заметному. В сентябре 1908 г. в одном из донесений А. Тирпицу он спрогнозировал это [26]. По его расчетам, британцы в ближайший 1908 г. станут закладывать шесть линейных кораблей, а в 1909 г. – двенадцать, в 1910 – шесть, а с 1911 по 1917 г. – по четыре. В ноябре 1908 г. он, правда, скорректировал прогноз и констатировал, что в 1909 г. англичане начнут строительство семи судов дредноутного типа. Как показали последующие события, этот расчет был несколько ошибочным, но не принципиально. Общий посыл В. Виденман отразил совершенно правильно. Великобритания находилась накануне грандиозного «морского скандала», виновником которого, безусловно, должна была выступить Германия. Так называемая «морская паника» в марте 1909 г. полностью подтвердила спрогнозированный сценарий. Кроме того, атташе, пусть и косвенно, предопределил и повод для «большого смятения». Дело в том, что В. Виденман представил добытый им анализ соотношения флотов двух стран, сделанный англичанами. Из этого документа явнл следовало, что британцы не учли все строящиеся немецкие боевые корабли. Вроде как это было и хорошо. Однако раскрытие ошибки могло повлечь серьезные внешнеполитические последствия. А. Тирпиц это прекрасно понимал и дал указание В. Виденману проинформировать В. Меттерниха о выявленных неучтенных немецких кораблях, чтобы избежать обвинения со стороны англичан в утаивании данных и не допустить раскручивания антигерманского «кликушества».

Говоря о возможном резком увеличении морского бюджета Великобритании уже в 1909 г., атташе отмечал, что находящаяся у власти либеральная партия одновременно с этим попытается решать одну из значимых внутренних социально-экономических проблем – проблему безработицы. Вряд ли подобный шаг, по его мнению, будет вызывать возражение у оппозиции. Напротив, последняя поддержит правящую партию. Таким образом, заключал В. Виденман, под знаменем борьбы с нарастающей германской морской угрозой, которая является проблемой для британских властей, произойдут усиление либералов, сплочение английской нации, появится действенный мотиватор дальнейшего экономического развития страны.

В Берлине было над чем задуматься. С одной стороны, англичане, вроде бы, по всем формальным причинам должны успокоиться. Ведь они не смогли предотвратить принятие новеллы 1908 г. Как результат – нацелили свою «двухдержавность» исключительно против «ненавистных партнеров». На Вильгельмштрассе думали, что после всего этого на Даунинг-стрит прекратят болезненно реагировать на германскую военно-морскую программу. С другой стороны, и в немецком военно-морском ведомстве, и министерстве иностранных дел на основании тех же донесений В. Виденмана вполне допускали, что официальный Лондон попытается выжать максимум позитивно возможного из сложившегося положения и на «внутреннем», и на «внешнем» фронте, т.е. будет решать собственные социально-экономические проблемы и «кошмарить» европейскую общественность не только сухопутной, но и морской «тевтонской» угрозой [27].

Здесь следует отметить, что В. Виденман был не совсем согласен с берлинским тезисом, что британцы со второй половины 1908 г. в своей военно-морской политике стали ориентироваться исключительно на германские показатели. Он считал это правдой, но не всей. И в «морской панике» 1909 г., проходившей внешне под антигерманским лозунгом, как он полагал, свою роль сыграло и «американское обстоятельство». В. Виденман указывал, что число дредноутов, заложенных на стапелях Германии и США к концу 1908 г., превосходило английские на шесть единиц. Конечно же, США не рассматривались Великобританией в качестве главного конкурента в отличие от Германии, но игнорировать военно-морской потенциал американского государства в Лондоне тоже не могли. Поэтому представляется, что довод В. Виденмана вполне обоснован и позволяет глубже понять причины разразившегося в марте 1909 г. кризиса.

Британское морское «весеннее обострение» 1909 г. уже достаточно подробно рассмотрено во многих работах, и нет смысла вдаваться в его подробности. Можно лишь отметить еще раз, что оно было спрогнозировано немецким военно-морским атташе и определено им в его результатах. «Морской панике», благодаря многочисленным заявлениям официальных и неофициальных, но авторитетных, лиц, транслируемым в народные массы, предшествовала беспрецедентная возбужденность английской общественности относительно якобы германского вторжения на Британские острова. Об этом активно писали многие зарубежные издания, в том числе и российские. Таким образом, психологически британская публика была подготовлена к «правильному» восприятию сведений об очередной «коварной уловке» немцев – досрочной закладке на стапелях двух дредноутов в 1908 г. вместо 1909 г. Все усилия того же В. Виденмана, посла В. Меттерниха, не говоря уже других высокопоставленных чинах рейха, объяснить противоположной стороне, что этот шаг никаким образом не нарушает общих показателей, предусмотренных новеллой 1908 г., были напрасными [28].

Нарастающая напряженность между двумя странами, вызванная якобы действиями немцев по ускорению реализации флотского закона 1900 г. с его дополнением в виде новеллы 1908 г., расколола германское руководство относительно перспектив военно-морского строительства и возможности договоренности с Великобританией с целью избежания войны. Условно сформировалось два лагеря. Первый составляли рейхсканцлер Б. Бюлов, статс-секретарь иностранных дел В. Шоен, посол В. Меттерних. Они выступали за ограничение темпов военного судостроения, придание ему исключительно оборонной направленности, т.е., по сути, требовали отказа от сооружения линейных кораблей, поскольку были убеждены в том, что именно германская морская программа является источником всех проблем в межгосударственных отношениях [29. S. 45–49]. На основе такого плана ограничений, по их мнению, возможно заключение договора с Великобританией о ее нейтралитете в случае европейской войны.

В другой лагерь входили кайзер Вильгельм II и А. Тирпиц, считавшие, что корни германо-британских осложнений уходят в область торгово-промышленной конкуренции. Они неукоснительно держались линии полного выполнения всех пунктов флотского законодательства и допускали вероятность соглашения с англичанами, но только на основе формулы соотношения флотов 3:4 или 2:3. В. Виденман в основном разделял эти взгляды, хотя по поводу последней формулы считал, что ее исполнение будет больше выгодно англичанам, чем немцем. В целом же он был убежденным «тирпицианцем», обеспечивал свое руководство хорошо аналитически продуманной и тщательно выверенной информацией. Атташе, несмотря внешне зашкаливающую германофобию в Великобритании в конце 1908 – начале 1909 г., без сомнений, полагал, что войны на данный момент не будет. Как, собственно говоря, он ее не прогнозировал, и когда на Британских островах стало известно о готовившейся очередной флотской новелле 1912 г. Более того, он убеждал своего шефа в скорейшем ее принятии, поскольку британцы все равно воспримут это как неизбежность [30]. Тем самым атташе подкреплял А. Тирпица в правильности выбранных им стратегии и тактики во взаимоотношениях с англичанами.

В. Виденман полагал, что предпринимавшиеся после марта 1909 г. в течение нескольких месяцев попытки добиться договоренности между Берлином и Лондоном по флоту не могут закончиться ничем, кроме как неудачей. Британцы в этом отношении, по его мнению, недоговороспособны. Они не будут жертвовать интересами Франции и России, а следовательно, и своими, чтобы решить проблему «квадратуры куба немецкой флотской угрозы». Последующие события в переговорном процессе показали правоту немецкого военно-морского атташе. Со второй половины 1909 г. В. Виденман приходит к однозначному мнению, что в глазах англичан Германия безальтернативно становится их главным соперником на море. И все усилия переубедить их в обратном обречены на провал. Немецкий представитель иллюстрировал это в своих донесениях неоднократными свидетельствами. Так, он отмечал, что в Адмиралтействе откровенно игнорировали передаваемые им данные о состоянии германского флота. Объяснение такого поведения В. Виденманом было простым и понятным: Лондон уже определился в морской стратегии и последовательно ведет ее реализацию. В этой «дорожной карте» нет места политическому и морскому договорам, которые бы отвечали интересам Германии.

Вместе с тем он не исключал пусть небольшого, но все-таки шанса на успех в очередном заходе на круг заключения германо-британского соглашения по флоту, предпринятом в ходе визита военного министра Р. Холдена в Берлин в 8–11 февраля 1912 г. Однако справедливости ради необходимо подчеркнуть, что атташе больше склонялся к отрицательному прогнозу. Он на основании своего опыта, знаний нравов и ценностей лондонских политиков, а также имеющейся в его распоряжении информации полагал, что все «переговорные потуги» англичан, в том числе и февральские 1912 г., продиктованы единственной целью – раздробить флотский закон, затормозить его выполнение. А. Тирпиц был с этим согласен. И именно в том числе и по этой причине глава германского военно-морского ведомства проявил неуступчивость на переговорах с Р. Холденом.

После провала миссии Р. Холдена В. Виденман проработал еще полтора месяца, а затем 4 апреля 1912 г. был отозван с поста военно-морского атташе. Усилия посла В. Меттерниха, добивавшегося с конца 1911 г. его отставки из-за расхождения взглядов относительно темпов флотского строительства и необходимости подписания договора с Великобританией, принесли свой результат. Несомненно, А. Тирпиц потерял в лице В. Виденмана надежного, проницательно-умного, исполнительного соратника, помогавшему ему в главном деле – реализации программы военно-морского строительства в исключительных интересах рейха.

Главным германским военно-морским резидентом в России в 1903–1908 гг. был П. Гинце. 15 июля 1903 г.

в чине капитан-лейтенанта он прибыл в Петербург для исполнения обязанностей военно-морского атташе Северных империй. Его знания и профессионализм высоко ценили в Берлине, и были разные заманчивые перспективы его дальнейшей карьеры. Однако, исходя из значимости «северного и главным образом русского направления» германской внешней и военно-морской политики, он получил назначение в столицу российского государства. О важности его миссии говорит хотя бы тот факт, что он имел право прямого обращения к императору Вильгельму II, минуя своего непосредственного начальника А. Тирпица. Он выполнял личные поручения кайзера к царю Николаю II. За короткий срок П. Гинце сумел наладить хорошие деловые и человеческие отношения с представителями российского двора, старшими морскими офицерами Балтийского и Черноморского флотов. Поэтому у него были самые разные источники информации, позволяющие ему проводить глубокое исследование российской морской и внешней политики. Соответственно, это помогало официальному Берлину выстраивать и при необходимости корректировать стратегию и тактику в отношении большого восточного соседа.

С учетом целей внешней стратегии кайзеровской Германии перед П. Гинце на разных этапах его службы стояли разные задачи. В период 1903 – до середины 1905 г. одним из главных считалось определение союзоспособности России на море, точного диагностирования боевого потенциала российского флота в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг., видов его на победу, устойчивости царского режима в условиях революции. Поэтому атташе тщательно собирал и анализировал данные, касающиеся названных аспектов. Известно, что он собирался отправиться в дальний поход со Второй Тихоокеанской эскадрой под командованием контр-адмирала З.П. Рожественского [31]. Однако А. Тирпиц отказал ему в этой просьбе, посчитав данное предприятие слишком рискованным, несмотря на безусловную военно-техническую ценность сообщений из такого «путешествия».

Анализ донесений П. Гинце 1904–1905 гг. показывает, что немецкий атташе был крайне осторожен в своих прогнозах относительно возможного успеха России в противостоянии с Японией. Хотя еще до отправки Второй Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток он констатировал определенный пессимизм у З.П. Рожественского, неверие в успех экспедиции. Это, как считал П. Гинце, не предвещало ничего хорошего. Ситуация окончательно прояснилась после Цусимского сражения в мае 1905 г. При этом он отмечал, что даже в июле 1905 г. царь Николай II, военное и военно-морское руководство страны делали заявления о намерении продолжать войну. Правда, П. Гинце оценивал их не иначе как способ психологического воздействия на переговорах с японцами по заключению мирного договора. Что касается прочности царской власти в стране, оказавшейся в пожаре революционных выступлений, в том числе в войсковых и флотских подразделениях, то здесь германский атташе был однозначно убежден, что армия и флот благонадежны и являются опорой власти [32].

Императорская Россия при всех ее поствоенных особенностях по-прежнему входила в «концерт великих держав». Вопрос корреляции ее морской и внешней политики в отношении Антанты или Тройственного союза даже после 1907 г., когда Петербург и Лондон подписали конвенцию о разграничении интересов в Азии, по-прежнему играл большую роль в германских стратегических планах. И в этом отношении донесения П. Гинце, без всякого преувеличения, помогали вырабатывать А. Тирпицу и В. Шоену «русскую» линию. На аудиенциях с Николаем II, которых удостаивался германский атташе в течение 1906 г., он ненавязчиво педалировал тему необходимости концентрации российских сил на Дальнем Востоке против «желтой угрозы». Это была своеобразная реплика довоенной стратегии внешнеполитического ведомства кайзеровской Германии переключения интересов России с Запада на Восток, чтобы спокойно решать свои европейские проблемы, не опасаясь за «восточные тылы». Впрочем, как доносил П. Гинце, царь крайне спокойно относился к подобным пассажам, понимая их истинный смысл, заверяя немецкого представителя в отсутствии намерений предпринимать враждебные действия против его государства [33]. В Берлине после таких данных приходили к выводу, что второй раз русских на «желтого живца» не поймать.

В последующем подобные разговоры не велись, поскольку России приходилось решать уже другие, более насущные и значимые для нее, внешнеполитические проблемы. Одной из них стал Боснийский кризис 1908–1909 гг., когда произошло серьезное обострение русско-германских отношений по причине аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Подвергнув всестороннему анализу настроения в русском правящем слое на разных этапах его развития, П. Гинце уже в ранге военного уполномоченного приходил к выводу, что Россия не будет воевать с австро-венграми, союзниками немцев, по внутренним и внешним причинам. Внутренняя определялась неготовностью ее сухопутных и военно-морских сил [34. S. 237], внешняя сводилась к нежеланию потенциальных союзников в этом вопросе, прежде всего Франции, Великобритании и Италии, поддерживать амбиции России в отношении проливов Босфор и Дарданеллы. К тому же твердая немецкая поддержка Австро-Венгрии также «умиротворила» русских. Как полагал П. Гинце, после событий, связанных с захватом двух балканских земель, Россия будет готовиться к противостоянию с Германией и Двуединой монархией осознано и основательно.

Значимую часть посланий атташе занимали вопросы, связанные с военно-морскими планами России после 1905 г. Это уже было важно в первую очередь для А. Тирпица, поскольку Россия теперь рассматривалась, скорее всего, как союзник Великобритании, способный оттянуть на себя в Балтийском море определенную часть немецких боевых судов, так необходимых против англичан. П. Гинце не без оснований считал, что после ощутимого поражения в войне против Японии развитие русского флота на Балтике будет носить в основном оборонный характер. Утверждение так называемой «Малой судостроительной програм-

мы» в 1907 г. не изменило его мнения в этом отношении. Он полагал, что в российском Морском министерстве прекрасно понимали, что основные линейные корабли немцев станут сосредоточиваться в Северном море, а потому строить большие корабли для Балтики не имеет смысла. Дешевле и эффективнее будет использовать береговые броненосцы, миноносцы и подводные лодки [35]. Имеющиеся порты приспособлены именно под эти типы судов, а не под линейные корабли. Общение с гражданскими и военно-морскими представителями российского истэблишмента, личная поездка на юг России, на Черное море, убедили П. Гинце в том, что Россия в строительстве флота и во внешней политике начинает ориентироваться на решение вопросов проливов. Это неизбежно приведет ее в стан Великобритании и Франции, являющихся одними из главных акторов мировой ближневосточной политики. При этом П. Гинце считал, что союз русских и англичан не может быть крепким и долгосрочным по причине их исторической «антипатии» друг к другу [36]. Оценивая же реально военно-морской потенциал России на юге, он без малейших колебаний констатировал невозможность на тот момент каких-либо активных действий русских в отношении проливов из-за отсутствия у них для этого необходимых боевых кораблей и талантливых военных руководителей, способных подготовить и провести серьезную и результативную морскую операцию [37]. Поэтому в Берлине могли быть спокойны и не отвлекать значимые силы и средства для нейтрализации «деструктивных» усилий Петербурга в Османской империи и больше концентрироваться на главном для них английском направлении.

С 10 сентября 1908 г. по 11 октября 1911 г. П. Гинце занимал должность военного уполномоченного Германии в России, и круг его обязанностей значительно возрос. После него пост военно-морского атташе Северных империй занимал В. Кейзерлинг (1 октября 1908 – 30 сентября 1912 гг.). Однако его донесения уже не несли на себе печать глубокого и всестороннего военно-политического анализа в силу целого ряда причин, в том числе и того, что новый атташе был больше «технарем», «статистом», т.е. в своих реляциях делал акцент, скорее, на военно-техническую компоненту, констатировал существующее положение дел, далеко не всегда проникая в их корневую причину. Да и в целом «русская» стратегия поведения Берлина к этому времени по главным пунктам уже определилась, и потому не требовалась гинцевская «щепетильность и тщательность» в проработки стратегических вопросов. Следует также признать, что В. Кейзерлинг не обладал той открытостью, коммуникабельностью и высочайшим профессионализмом, которые были у П. Гинце и по достоинству оценены в Берлине не только в виде достойных наград, но и предложений занять высокие должности. Подтверждением тому могут служить последующие этапы государственной службы «кайзеровского любимца». Завершив карьеру в России, П. Гинце благодаря, прежде всего, своим деловым и человеческим качествам и, конечно, протекции был отправлен послом в Мексику, а затем последовательно в Китай и Норвегию, где блестяще решал поставленные перед ним задачи. В итоге он дослужился до министра иностранных дел Германии и после окончания Первой мировой войны был чуть ли не единственным немцем – «персоной грата» на международных конференциях.

Тем не менее если давать общую оценку деятельности В. Кейзерлинга в Петербурге в период с октября 1908 по конец сентября 1912 г., то она будет положительной. Атташе вносил свою лепту в «просвещение» А. Тирпица относительно состояния дел у русских на Черном море. Он, как и П. Гинце, констатировал не очень высокую боеготовность российского флота, объясняя это множеством причин, в числе которых называл недостаточное финансирование, ошибки в боевой подготовке экипажей, доминирование теории над практикой и др. [38]. Особое внимание он уделил при этом «человеческому фактору». Германский представитель отмечал «крестьянский» дух русских матросов, привязанных скорее к земле, чем морю, а потому не особо стремившихся овладеть хорошо закрепленными навыками профессиональных моряков [39]. Значимый акцент В. Кейзерлинг делал на характеристике руководящего состава Черноморского флота. Он в этом смысле являлся последовательным продолжателем той работы, которую начал еще П. Гинце в 1905–1908 гг. – информировал А. Тирпица о качестве подготовки офицеров разных уровней к решению боевых задач. Как считал В. Кейзерлинг, в этой сфере у русских по-прежнему были большие проблемы. В частности, он отмечал слабые навыки судовождения, особенно в непростых погодных условиях, у молодых офицеров. Согласно устаревшим инструкциям, из-за боязни всякого рода неприятных инцидентов, по замечанию атташе, их держали в состоянии «урезанной практики». Такой же недостаток реальной, живой, практической деятельности В. Кейзерлинг отмечал и у назначенного в 1911 г. командующего российскими Морскими силами Черного моря вице-адмирала А.А. Эбергарда, штабного военного. От него зависела вся последующая учебно-тренировочная работа на флоте, требовавшая, несомненно, серьезного внимания и значительного усиления [40].

Подводя итог краткому анализу германских донесений военно-морских атташе в Великобритании и России в период 1904–1912 гг. и их влияния на формирование морской политики рейха, необходимо отметить, что К Керпер, В. Виденман, П. Гинце, В. Кейзерлинг были профессионалами своего дела. Их послания, главным образом первых трех, отличались глубокой и всесторонней аналитикой не только военно-морских проблем, но и политических вопросов, что, собственно, и отличало их от других атташе и создавало проблемы в их деятельности, в частности К. Керперу и В. Виденману. Их линия «за границами морских дел» не всегда совпадала с тем, что предпринимал посол В. Меттерних. Это позволяло кайзеру Вильгельму II и А. Тирпицу выстраивать продуманную стратегию морской политики по отношению к главному оппоненту на море – Великобритании, и вначале потенциальному союзнику, а затем сопернику – России. Благодаря содержательным посланиям из Лондона в 1904–1912 гг. германское руководство сумело отстоять главные положения флотского закона 1900 г. со всеми

его дополнениями в виде новелл 1906, 1908 и 1912 гг. на предварительных переговорах с англичанами по заключению морского и политического соглашений, не поддаться на угрозу войны, не уступить британскому прессингу. Если же «градировать» влияние К. Керпера и В. Виденмана на формирование морской политики кайзеровской Германии, то необходимо отметить преимущество последнего. В донесениях К. Керпера было больше статистики, чем глубокого анализа, а тем более прогнозирования, что отличало послания В. Виденмана.

Реляции П. Гинце из Петербурга в 1904–1908 гг. помогали формировать политику в отношении России на завершающем этапе ее противостояния с Японией, способствовали пониманию основанного направления ее флотской политики после 1905 г., определению готовности флота и сухопутной армии к боевым действиям в кризисный период боснийских событий 1908–1909 гг. Информация, которую предоставлял В. Кейзерлинг в 1908–1912 гг., безусловно, тоже представляла ценность для ведомства А. Тирпица. Однако она уже принципиально не меняла стратегию морской политики кайзеровской Германии в отношении России, но дополняла ее в тактических изменениях, в частности в отношении Черноморского флота, оценках его боеготовности.

В целом можно констатировать, что германские военно-морские атташе в Лондоне и Петербурге в 1904–1912 гг. являлись ответственными исполнителями директив из Берлина, а В. Виденмана и П. Гинце даже следует отнести к активными соработникам, сотворцам формирования морской и в определенной степени общеполитической стратегии кайзеровской Германии в отношении Великобритании и России.

Список источников

1. Бюлов Б. Воспоминания / пер. с нем. под ред. и с предисл. В.М. Хвостова. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 562 с.
2. Dokumente zur deutschen Geschichte, 1897/98–1914 / Hrsg. u. Bearb. von D. Fricke. Berlin : Dt. Verl. der Wissenchaften, 1976. Bd. 1: 1897/98–1904. 139 S.
3. British documents on the origins of the war, 1898–1914 / ed. by G.P. Gooch, H. Temperley. London : H.M. Stationery Off., Johnson Reprint, 1967. Vol. 6: Anglo-German tension: Armaments and negotiation, 1907–12. 867 p.
4. Marder A.J. From the Dreadnought to Scapa Flow – The Royal Navy in the Fisher era. London : Oxford University Press, 1961. Vol. 1. 464 p.
5. Ткаченко А.Ф. Морской биографический словарь. Луганск : Шико ; Виртуальная реальность, 2008. 488 с.
6. Список военно-морских атташе Германского рейха // Википедия. URL: https://deru.abcdef.wiki/wiki/Liste_der_Marineattachés_des_Deutschen_Reiches#Vereinigtes_Königreich_(Großbritannien) (дата обращения 18.04. 2022).
7. Dülffer J. Regeln gegen den Krieg. Die Hager Fridenskonferenzen von 1899 und 1907 in der internationalen Politik. Berlin ; Frankfurt a. M. ; Wien : Ullstein, 1981. 434 S.
8. Berghahn V.R., Deist W. Rüstung im Zeichen der wilhelmischen Weltpolitik. Grundlegende Dokumente 1890–1914. Düsseldorf : Droste Verl., 1988. 386 S.
9. Die Groβe Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Hrsg. von J. Lepsius. Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1927. Bd. 19/II: Der Russisch-Japanische Krieg. 674 S.
10. Quellen zur deutschen Auβenpolitik im Zeitalter des Imperialismus: 1890–1911 / Hrsg. von M. Bohnen. Darmstadt : Deutscher Verl., 1977. 443 S.
11. Schultheβ' Europäischer Geschichtskalender. 1905. Bd. 46. 388 S.
12. Herrschaftsmethoden des deutschen Imperialismus 1897/98 bis 1917. Dokumente zur innen-und auβenpolitischen Strategie und Taktik der herrschenden Klassen des Deutschen Reiches. Berlin : Akademie-Verl., 1977. 295 S.
13. Хвостов В.М. История дипломатии. / под ред. А.А. Громыко и др. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Госполитиздат, 1963. Т. 2: Дипломатия в новое время, 1871–1914. 820 с.
14. Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg. BRD; далее BA-MA), Nachlaβ Tirpitz № 253/9. S. 31–32.
15. BA-MA. RM 3/11655. Bl. 24.
16. Hopman A. Das ereignisreiche Leben eines "Wilhelminers". Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen 1901 bis 1920. München : R Oldenbourg, 2004. 1231 S.
17. Die Groβe Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Hrsg. von J. Lepsius. Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1927. Bd. 23/I: Die Zweite Haager Friedenskonferenz. Nordsee- und Ostsee-Abkommen, Erste Hälfte. 311 S.
18. BA-MA. RM 3/2974. Bl. 112.
19. BA-MA. RM 3/2974. Bl. 28.
20. Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М. : Изд-во иностр. лит., 1961. 695 с.
21. Die Groβe Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Hrsg. von J. Lepsius. Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1927. Bd. 24: Deutschland und die Westmächte 1907–1908. 516 S.
22. BA-MA. RM 3/2974. Bl. 217–225.
23. BA-MA. RM 3/2974. Bl. 212.
24. Fischer J. Memories. London : Hodder & Stoughton, 1919. 295 p.
25. Tirpitz A. Politische Dokumente. Berlin : Gotta, 1924. Bd. 1: Der Aufbau der deutschen Weltmacht. 460 s.
26. BA-MA. RM 3/2974. Bl. 245–246, 251.
27. BA-MA. RM 3/2791. Bl. 48.
28. BA-MA. RM 3/2974. Bl. 305–316.
29. Die Groβe Politik der europäischen Kabinette. 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Hrsg. von J. Lepsius. Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1927. Bd. 28: England und die Deutsche Flotte 1908–1911. 442 S.
30. BA-MA. RM 3/2975. Bl. 28.
31. BA-MA. RM 3/2847. Bl. 43–45.
32. BA-MA. RM 3/41. Bl. 28–29.
33. BA-MA. RM 5/1505. Bl. 196.
34. Hintze v. P. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / Hrsg. von J. Hürter. München : Haraldt Boldt Verl. im R. Oldenburg Verl., 1998. 754 S.
35. BA-MA. RM 2/1755. Bl. 21–23.
36. BA-MA. RM 3/2852. Bl. 28–30.

37. BA-MA. RM 5/1438. Bl. 23.
38. BA-MA. RM 3/2855. Bl. 18–20.
39. BA-MA. RM 3/2855. Bl. 33–35.
40. BA-MA. RM 3/2856. Bl. 34.

References

1. Bülow, B. (1935) *Vospominaniya* [Memories]. Translated from German. Moscow; Leningrad: Gos. sots.-ekon. izd-vo.
2. Fricke, D. (ed.) (1976) *Dokumente zur deutschen Geschichte, 1897/98-1914.* Bd. 1. 1897/98–1904. Berlin: Dt. Verl. der Wissenchaften.
3. Gooch, G.P. & Temperley, H. (eds) (1967a) *British documents on the origins of the war, 1898–1914.* Vol. 6. London: H. M. Stationery Off., Johnson Reprint.
4. Marder, A.J. (1961) *From the Dreadnought to Scapa Flow – The Royal Navy in the Fisher era.* Vol.1. London: Oxford University Press.
5. Tkachenko, A.F. (2008) *Morskoy biograficheskiy slovar'* [Marine Biographical Dictionary]. Lugansk: Shiko; Virtual'naya real'nost'.
6. Wikipedia. (n.d.) *Spisok voenno-morskikh attashe Germanskogo reykha* [List of naval attaches of the German Reich]. Translated from German. [Online] Available from: https://deru.abcdef.wiki/wiki/Liste_der_Marineattachés_des_Deutschen_Reiches#Vereinigtes_Königreich_(Großbritannien) (Accessed: 18th April 2022).
7. Dülffer, J. (1981) *Regeln gegen den Krieg. Die Hager Fridenskonferenzen von 1899 und 1907 in der internationalen Politik*. Berlin; Frankfurt a. M.; Wien.: Ullstein.
8. Berghahn V.R. & Deist, W. (1988) *Rüstung im Zeichen der wilhelmischen Weltpolitik. Grundlegende Dokumente 1890–1914.* Düsseldorf: Droste Verl.
9. Lepsius, J. (ed.) (1927a) *Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes*. Bd. 19/II. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte.
10. Bohnen, M. (ed.) (1977) *Quellen zur deutschen Außenpolitik im Zeitalter des Imperialismus: 1890–1911*. Darmstadt: Deutscher Verl.
11. Germany. (1905) *Schultheß' Europäischer Geschichtskalender.* Bd. 46. Berlin: Heinrich Schulthess.
12. Germany. (1977) *Herrschaftsmethoden des deutschen Imperialismus 1897/98 bis 1917. Dokumente zur innenund außenpolitischen Strategie und Taktik der herrschenden Klassen des Deutschen Reiches*. Berlin: Akademie-Verl.
13. Khvostov, V.M. (1963) *Istoriya diplomatii* [History of Diplomacy]. Vol. 2. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat.
14. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA), Nachlaβ Tirpitz № 253/9. pp. 31–32.
15. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM3/11655. Bl. 24.
16. Hopman, A.(2004) *Das ereignisreiche Leben eines "Wilhelminers." Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen 1901 bis 1920*. München: R Oldenbourg.
17. Lepsius, J. (ed.) (1927b) *Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes.* Bd. 23/I. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte.
18. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM3/2974. Bl. 112.
19. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM. 3/2974. Bl. 28.
20. Halgarten, G. (1961) *Imperializm do 1914 goda. Sotsiologicheskoe issledovanie germanskoy vneshney politiki do pervoy mirovoy voyny* [Imperialism before 1914. A sociological study of German foreign policy before the First World War]. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
21. Lepsius, J. (ed.) (1927c) *Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871-1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes.* Bd. 24. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte.
22. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2974. Bl. 217–225.
23. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2974. Bl. 212.
24. Fischer, J. (1919) *Memories.* London: Hodder & Stoughton.
25. Tirpitz, A. (1924) *Politische Dokumente.* Bd. 1. Berlin: Gotta.
26. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2974. Bl. 245–246, 251.
27. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2791. Bl. 48.
28. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2974. Bl. 305–316.
29. Lepsius, J. (ed.) (1927d) *Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871-1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes.* Bd. 28. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte.
30. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2975. Bl. 28.
31. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2847. Bl. 43–45.
32. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/41. Bl. 28–29.
33. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM5/1505. Bl. 196.
34. Hintze, P. (1998) *Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918.* München: Haraldt Boldt Verl. im R. Oldenburg Verl.
35. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 2/1755. Bl. 21–23.
36. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2852. Bl. 28–30.
37. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 5/1438. Bl. 23.
38. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2855. Bl. 18–20.
39. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2855. Bl. 33–35.
40. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RM 3/2856. Bl. 34.

***Сведения об авторах*:**
Синегубов Станислав Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и методик их преподавания Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова (филиала) Тюменского государственного университета (Ишим, Россия). E-mail: globus_75@inbox.ru
Шилов Сергей Павлович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории социально-гуманитарного института Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: sshilov@mail.ru
Кудрявцев Николай Викторович – кандидат исторических наук, директор филиала Югорского государственного университета (Сургут, Россия). E-mail: nvkudryavtsev@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Sinegubov Stanislav N. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Humanities and Methods of Their Teaching at the P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (a branch) of Tyumen State University (Ishim, Russian Federation). E-mail: globus_75@inbox.ru
Shilov Sergey P. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History at the Social and Humanities Institute of the University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: sshilov@mail.ru
Kudryavtsev Nikolai V. – Candidate of Historical Sciences, Director of a branch of Yugra State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: nvkudryavtsev@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.05.2022; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 23.05.2022; accepted for publication 01.08.2025

Научная статья
УДК 94(4 + 7)
doi: 10.17223/19988613/96/19

Эволюция радикального афроамериканского аболиционизма в первой трети XIX в.

Андрей Андреевич Шумаков

Тульский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Тула, Россия, takamori@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается развитие негритянского освободительного движения в США в первой трети XIX в. В ходе исследования автор приходит к выводу о целесообразности выделения трех этапов эволюции радикального афроамериканского аболиционизма, характеризуя каждый из них на примере анализа ключевых событий рассматриваемого периода. При этом основное внимание уделяется рассмотрению причин качественных изменений в освободительной риторике, а также сходства и различий в сценариях крупнейших рабских восстаний на Юге США в указанный период.
Ключевые слова: аболиционизм, восстания рабов, Габриэль Проссер, Денмарк Визи, Нат Тернер

Для цитирования: Шумаков А.А. Эволюция радикального афроамериканского аболиционизма в первой трети XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 154–162. doi: 10.17223/19988613/96/19

Original article

The evolution of radical African-American Abolitionism in the first third of the XIX century

Andrey A. Shumakov

Tula Branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Tula, Russian Federation, takamori@rambler.ru

Abstract. This article is devoted to the problem of the development of the African-American liberation movement in the first third of the XIX century. Its relevance is due to the actual lack of research on this topic in Russian historiography. The work is based on the works of leading American researchers Douglas Egerton, Herbert Apteker, Daniel Rasmussen, Stephen Oates, David Allmendinger and Gerald Horn. The main sources are the materials of court cases following the slave uprisings in the United States.

The research is conducted in accordance with the principle of historicism. The main methods are the narrative method, which is manifested in the description of the events of African-American history of this period, the comparative historical method, which allows for historical parallels and comparisons, the historical genetic method, which allows us to identify the properties of phenomena (in this case, we are talking about slave uprisings) and consider them in their development, and the method of periodization.

The purpose of the study is to examine the history of radical African-American abolitionism in the first third of the XIX century, which can be called the period of the highest development of this phenomenon. The main tasks are to determine the main stages of the development of African-American abolitionism and the causes of the changes. The first part is devoted to the period from 1800 to 1815. In the course of the narrative, the author examines the slave conspiracies in Virginia in 1800 and 1802, as well as the uprising on the German coast in Louisiana in 1811. As a result, he comes to the conclusion that at this stage, the idea of achieving liberation by accomplishing a social revolution prevails in abolitionist rhetoric. The Great French Revolution and the Haitian Revolution were clear examples of such liberation. The next period is associated with the disappointment of the African-American population in the ideology of the French Enlightenment and the appeal to the idea of repatriation, which appeared at the end of the XVIII century and was supported by the American Colonization Society. However, attempts to implement it in practice were unsuccessful, because there were few free Blacks willing to go to Africa, and slaves could not take advantage of this opportunity because of enslavement. This situation led to the slave conspiracy of 1822 under the leadership of Denmark Vesey. In the late 1820s, the situation changed, the idea of repatriation was losing popularity among the African-American population. The latter can be observed by the example of the appearance and relevance of the famous pamphlet by the African-American abolitionist David Walker. But the central event of this period was the legendary uprising of Nat Turner.
Keywords: abolitionism, slave revolts, Gabriel Prosser, Denmark Vesey, Nat Turner

© А.А. Шумаков, 2025

For citation: Shumakov, A.A. (2025) The evolution of radical African-American Abolitionism in the first third of the XIX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 154–162. doi: 10.17223/19988613/96/19

Введение

Начало XIX в. в мировой истории было временем большого перелома и больших надежд. Эхо произошедших революций и иных коренных социально-экономических изменений, связанных с началом промышленного переворота, отозвалось почти на всех континентах, приведя к небывалому подъему общественного движения, неотъемлемой частью которого стала борьба против рабства. Соединенные Штаты не были исключением. Первая треть XIX в. в этой стране ознаменовалась целой серией попыток организации массовых рабских восстаний. Каждая из них имела все шансы повторить сценарий Гаитянской революции 1791–1804 гг., ставшей для многих невольников наглядным примером успешного освобождения. Несмотря на то, что все эти попытки в итоге закончились провалом, они во многом предопределили развитие данного государства и послужили дальнейшему политическому и социально-экономическому обособлению Севера и Юга, а также прологом к Гражданской войне 1861–1865 гг.

В данной работе автор попытается затронуть важную тему радикального афроамериканского аболиционизма, столь популярную сегодня на Западе, но при этом практически не освещенную и не представленную в современной отечественной историографии. Цель исследования – проследить историю борьбы низового негритянского движения против рабства на Юге США, выделить основные этапы его развития и причины происходивших качественных изменений.

Революция

Начало XIX в. ознаменовалось раскрытием крупнейшего заговора рабов под предводительством 24-летнего чернокожего кузнеца Габриэля – раба Томаса Генри Проссера. Масштабное вооруженное выступление должно было начаться вечером 30 августа 1800 г. Повстанцы при помощи заранее заготовленного оружия планировали уничтожить своих господ и разграбить близлежащие плантации, после чего в ходе скоординированной атаки тремя группами захватить Ричмонд и навязать белым жителям свои условия. Аналогичные восстания одновременно должны были вспыхнуть и в Норфолке и Питерсберге [1. P. 64–65], где также были сформированы крупные ячейки, готовые восстать по сигналу. Однако случайное стечение обстоятельств в виде внезапно разразившегося сильнейшего ливня заставило организаторов перенести выступление, а предательство одного из рабов в тот же день фактически поставило крест на замысле заговорщиков. Узнав о раскрытии их плана, ключевые участники попытались скрыться, но были задержаны.

Масштабы планируемого действа по меркам того времени оказались весьма впечатляющими. Всего, по словам одного из рабов, в заговоре оказалось задействовано до 10 тыс. человек [2]. Правда, к этой цифре большинство исследователей относится скептически, так как перед судом предстало всего лишь порядка 65–70 рабов [3. P. 20], 26 из которых (по другой версии – не менее 35) [4. P. 138] были приговорены к повешению.

В контексте данного события примечательно, что организаторы заговора не просто хотели поднять восстание, а намеревались изменить господствующий социально-экономический уклад Юга США, интегрировав огромные массы рабов в американское общество. На это прямо указывают показания свидетелей. Так, по словам участника заговора Бена Проссера, «Габриэль говорил, что будет пировать с торговцами города в тот же день, как только они сдадутся и согласятся на освобождение» [2]. В случае же непринятия требований планировалось подвергнуть истреблению всех белых, за исключением «методистов, квакеров и французов» [2], а также «бедных белых женщин, у которых не было рабынь» [1. P. 49]. По всей видимости, своим выступлением Габриэль рассчитывал запустить цепную реакцию по всему Югу США и всерьез надеялся на поддержку городской бедноты, которая, по его мнению, также вполне могла присоединиться к восстанию [2]. Еще одной важной деталью было то, что восставшие предполагали разместить на своем знамени революционный лозунг «Смерть или свобода», являвшийся инверсией знаменитой фразы первого губернатора Вирджинии и одного из отцов-основателей США Патрика Генри.

Таким образом, революционный характер несостоявшегося восстания 1800 г. вполне очевиден. Речь шла именно о попытке изменения социально-политического устройства и системы производственных отношений белого Юга, построенной на эксплуатации рабов. Стоит отметить, что в американской историографии за Габриэлем довольно прочно закрепился ярлык «черного якобинца» [5. P. 90]. Крупнейший американский специалист по указанной теме профессор Д. Эгертон допускает, что организатор заговора вполне мог входить в один из местных якобинских клубов, как тогда называли себя некоторые ремесленные сообщества Вирджинии [1. P. 41], а ключевую роль в его предприятии играли два белых француза – Шарль Керси и Александр Бедденхерст [1. P. 182–185]. По мнению американского историка, именно они являлись «первыми заговорщиками», подтолкнувшими чернокожего кузнеца к активным действиям [1. P. 44]. Данная версия опирается на слова одного из ключевых участников заговора Джека Дитчера и целый ряд косвенных свидетельств.

При этом религиозная составляющая в мотивации повстанцев прослеживается достаточно слабо. К примеру, сам Габриэль, судя по свидетельским показаниям, практически не использовал евангелистскую риторику в обоснование своих эгалитаристских и аболиционистских идей, хотя вырос в баптистской семье и прекрасно знал Священное писание. Собственно, это «знание» и спасло ему жизнь в октябре 1799 г., когда раб Томаса Генри Проссера впервые предстал перед судом по

обвинению в нападении на белого человека. Избежать сурового наказания Габриэлю тогда удалось, воспользовавшись так называемой «привилегией духовенства», а для этого требовалось процитировать наизусть отрывок из Библии [6. P. 284].

Спустя два года в штате был раскрыт еще один заговор под руководством некоего Санчо – раба Джона Букера, который трудился шкипером на р. Роанок на границе штатов Вирджиния и Северная Каролина. По некоторым свидетельствам, Санчо входил в состав питерсбергского крыла участников заговора 1800 г. [1. P. 124]. Подготовка нового восстания отличалась более высокой степенью конспирации и децентрализации, а основную роль в нем играли сельские рабы. Однако во всем остальном сценарий выступления напоминал замысел Габриэля. В частности, основной акцент все так же делался на захвате власти в результате всеобщего восстания в нескольких центрах, а затем на его стихийном распространении по всему Югу. Примечательно, что и в этот раз организаторы рассчитывали на поддержку или как минимум нейтралитет городской и сельской бедноты [1. P. 125].

Согласно материалам дела, заговор распространился на округа Галифакс, Ноттоуэй, Динуидди, Поухатан, Роанок, города Норфолк, Виндзор, Питерсберг, Ричмонд, а также южное побережье р. Роанок (штат Северная Каролина). Там повстанческую ячейку возглавили грамотные рабы Кинг Браун и Фрэнк Самнер, которые разработали свой собственный план восстания. Датой выступления они назначили 10 июня, в то время как остальные группы рассчитывали начать в понедельник, 18 апреля, на Пасху. Основных ячеек было несколько. В округах Ноттоуэй и Динуидди руководство перешло к рабам Джо Джонсу и Бобу Ройаллу, в округе Поухатан оно осуществлялось грамотными рабами Фрэнком Гудом, Ролингом Пойнтером и Джейкобом Мартином, в Норфолке предполагаемыми организаторами являлись Нед Ингрэм и Йеремия Корник.

Однако, несмотря на все принятые меры, удержать подготовку в тайне все же не удалось. Уже в январе слухи о готовящемся восстании дошли до властей, после чего начались задержания, суды и казни. Первыми – 1 января 1802 г. – были задержаны руководители ноттуэйской ячейки, спустя две недели та же участь постигла их сподвижников из Поухатана, в середине апреле «обезглавлено» норфолкское крыло, а затем и галифакское. 15 мая Санчо вместе с пятью рабами был повешен в Галифаксе. В июне перед судом предстали уже руководители «автономной» каролинской ячейки.

Как и в случае с событиями 1800 г., заговор 1802 г. в качестве основных целей предполагал освобождение рабов, а также наделение их равными имущественными и гражданскими правами, что можно трактовать как попытку осуществления революционных преобразований снизу в духе французских событий 1789–1794 гг. В случае же непринятия их требований организаторы были готовы перейти к более жесткому гаитянскому сценарию с неизбежной резней белого населения. И в первом, и во втором заговоре ключевую роль играли грамотные и квалифицированные рабы, обладавшие существенной степенью автономности и высоким авторитетом в афроамериканской общине, который позволял им опираться на широкие массы.

Еще одним важным сходством событий 1800 и 1802 гг. было то, что религиозная мотивация у участников Пасхального заговора практически отсутствовала. Выбор даты выступления объясняется не христианским символизмом, а, скорее, желанием застать врасплох белое население, занятое в этот день праздничными приготовлениями, а следовательно – меньше всего готовое к массовому негритянскому восстанию.

Примерно так же обстояло дело и с восстанием на Немецком побережье 1811 г. в Луизиане, которое можно с полным основанием назвать одним из наиболее малоизученных событий в американской истории. Последнее вполне объяснимо. Несмотря на то, что речь идет о самом масштабном вооруженном выступлении американских рабов, информации о нем сохранилось относительно немного, а главное – в материалах полностью отсутствуют какие-либо упоминания о социально-политических требованиях повстанцев. Тем не менее обстоятельства все же дают основания полагать, что они были во многом схожи с целями Вирджинских заговоров 1800 и 1802 гг. В частности, в случае с восстанием 1811 г. можно видеть тот же комплекс причин и предпосылок, способствовавших складыванию аналогичной революционной ситуации в Луизиане. Основную роль в восстании на Немецком побережье играли франкоговорящие рабы, часть которых прибыла из Сан-Доминго, а сама территория на тот момент готовилась к вступлению в Союз на правах отдельного штата, тем самым предоставляя невольникам отличную возможность, воспользовавшись внутренними противоречиями, добиться как минимум его свободного статуса в составе США.

Историк Джеральд Хорн полагает, что главный организатор выступления Шарль Деслонд был выходцем с Сан-Доминго, равно как другие лидеры восстания [5. P. 121], хотя прямых подтверждений этой версии нет. Зато влияние Французской и Гаитянской революции в событиях 1811 г. просматривается еще более отчетливо, чем в вирджинских заговорах 1800 и 1802 гг. Оставаясь французской колонией на протяжении долгого времени, Луизиана по понятным причинам имела теснейшие связи с метрополией и Сан-Доминго, которые не были разорваны и после ее покупки США. Это дает все основания полагать, что французское политическое влияние на этих землях оставалось достаточно сильным, а учитывая статус восставших, можно предположить, что влияние было якобинским. Впрочем, в США подобным определением в то время обозначались любые революционные устремления, даже вполне умеренные. К примеру, Демократическо-республиканскую партию Томаса Джефферсона в федералистской прессе часто именовали якобинской.

Бунт вспыхнул ночью 8 января в самый разгар празднования сбора урожая. Помимо Шарля Деслонда, работавшего надсмотрщиком в имении своего хозяина, организаторами восстания выступили рабы Джеймса Брауна Куамана и Кук и мулат Гарри Кеннер. Сценарий, по всей видимости, заключался в одновременном восстании на нескольких плантациях и стремительном

марше на Новый Орлеан вдоль левого берега Миссисипи. Силы повстанцев составляли от 180 до 500 человек [7. P. 76]. Пройдя в общей сложности 25 миль, 10 января рабы встретились с наскоро собранным отрядом полковника Мануэля Андре и майора Шарля Перре, насчитывавшим до 80 ополченцев [7. P. 73]. Интересным фактом является то, что плантация Андре к тому моменту была разграблена, а сам он несколькими часами ранее получил серьезное ранение и чудом избежал смерти, добравшись до плантации Перре. Вместе с последним они решили выступить против восставших, не дожидаясь подхода основных сил. В ходе столкновения на плантации Бернуди силы повстанцев были вынуждены отступить, потеряв, по словам плантатора Шарля Перре, от 40 до 45 человек убитыми [8. P. 94]. Еще вечером 9 января губернатор Уильям Клэйборн отправил навстречу восставшим из Нового Орлеана отряды армии (до 30 человек) и ВМС США (до 40 человек), а также две роты ополченцев под командованием генерала Уэйда Хэмптона. Впрочем, из-за отступления повстанцев и последующего разгрома на плантации Бернуди их усилия были сосредоточены в основном на выслеживании и ловле разбежавшихся рабов. 10 января Клэйборн объявил о подавлении мятежа, а уже на следующий день пришла новость о гибели Шарля Деслонда.

По версии историка Джона Кенделла, всего в столкновениях рабы потеряли убитыми 66 человек, еще 16 были взяты в плен и казнены на военной площади перед собором Святого Людовика в Новом Орлеане [9. P. 146]. Другой американский историк Дэниел Расмуссен настаивает на дополнении данного списка именами еще 18 повстанцев, которых перед этим судили на плантации Жана Ноэля Дестреана и расстреляли неподалеку [8. P. 106]. 86 рабов были возвращены хозяевам. Стоит отметить, что части мятежников удалось скрыться в болотистых лесах, где они присоединились к маронам. Последние, судя по всему, также принимали активное участие в восстании.

Таким образом, в результате анализа указанных событий можно прийти к однозначному выводу, что в начале XIX в. революционные настроения среди рабов в США были достаточно сильны. Часть из них искренне верила в возможность достижения поставленных целей после «демонстрации силы». Разочаровавшись в Американской революции, многие грамотные невольники обратили внимание на события Великой Французской революции с ее идеями о равенстве, братстве и естественных правах. Как правило, главными распространителями подобных настроений были местное французское население, свободные негры, рабы, прибывшие из Сан-Доминго, и мароны. Многие надеялись добиться аналогичным способом освобождения и построения «общества равных». Катализатором данных процессов, безусловно, выступила Гаитянская революция, которая воспринималась как некий наглядный и наиболее близкий пример успешного обретения свободы. При этом здесь следует сделать важную оговорку: речь идет исключительно о романтизированном представлении невольников, а не о реальном положении вещей.

Исход

Идея репатриации в начале XIX в. в США также приобрела особую популярность как среди негров (свободных и рабов), так и среди белых. Еще в январе 1773 г. будущий основатель Африканской масонской ложи Принс Холл вместе с 73 негритянскими делегатами обратился в Сенат штата Массачусетс с ходатайством об эмиграции, сославшись на неподходящие для представителей его расы местные климатические условия. Вскоре несколько свободных негров предприняли попытку самостоятельно покинуть Новый Свет, которая была жестко пресечена местными властями [10. С. 438–439]. После определенного разочарования в Американской революции Холл возвращается к идее репатриации, что не помешало ему до конца своих дней оставаться сторонником ненасильственного сопротивления, призывая рабов набраться терпения и бороться с угнетением исключительно мирными и законными методами.

То же самое можно сказать и о чернокожем квакере капитане Поле Каффи, первым попытавшимся реализовать на практике идею репатриации свободных афроамериканцев на их «историческую родину» при содействии американских властей. В 1811 г. он отправился в Сьерра-Леоне, чтобы договориться с тамошними предпринимателями об основании колонии свободных афроамериканцев. Спустя 4 года Каффи из Уэстпорта, штат Массачусетс, перевез на Африканский берег 38 переселенцев. В том же году он предложил организацию массового переселения негритянского населения из США в Африку или на Гаити [11. С. 56]. Идея чернокожего капитана была горячо поддержана Американским колонизационным обществом и лично президентом Джеймсом Мэдисоном, но серьезного продолжения так и не получила. Желающих покинуть пределы США среди свободных цветных оказалось явно немного, а на широкие массы рабов данная инициатива не распространялась изначально.

Тем не менее идея массового переселения на «свободные земли» завладела умами многих невольников. Не последнюю роль в этом играли евангелистские проповеди, особое место среди которых занимала история Исхода. Она давала рабам еще один наглядный пример выхода из сложившейся ситуации, да еще и освященный христианской традицией. Правда, в отличие от знаменитого библейского сюжета, «отпускать негритянский народ» в Южных Штатах никто не планировал, а значит, единственным способом массового переселения оставалось восстание. При этом следует понимать, что к 1815 г. профранцузские настроения среди невольников заметно ослабли. Причинами стали нормализация американо-французских отношений, восстановление рабства, попытка Наполеона I задушить Гаитянскую революцию и продажа Луизианы. Это привело к окончательному разочарованию в идеалах Французской революции и нарастанию скептических настроений в отношении возможности скорого освобождения и окончательного преодоления расовой дискриминации в США путем революционного переворота. На этом фоне идея массового исхода начинает приобретать все большую популярность среди рабов.

Летом 1822 г. ее попытался воплотить в жизнь бывший невольник Денмарк Визи, проживавший в столице американской работорговли – г. Чарлстоне (Южная Каролина). Им был разработан план организации массового побега чернокожих рабов на Гаити после захвата и разграбления города в результате восстания.

В течение 4 лет Визи вел скрытую подготовку к вооруженному выступлению. Являясь прихожанином Африканской методистской епископальной церкви, он принимал самое активное участие в общественной жизни Чарлстона и был известен своими радикальными проповедями, основное место в которых, разумеется, занимал сюжет Исхода [12. P. 147]. Постоянным местом этих собраний стали церковь на Коу-Эллей и дом Денмарка на Булл-стрит [13. P. 288]. В конце 1821 г. Визи начинает непосредственную подготовку к выступлению, приступив к вербовке участников восстания [14. P. 145]. Несмотря на то, что сам Денмарк являлся свободным негром, он не доверял этой группе населения, по всей видимости, справедливо полагая, что идея массового побега не найдет среди них широкого отклика. В качестве его основных доверенных лиц выступили рабы Питер Пойас, Джек Причард, Мондэй Гелл, Минго Харт, Ролла и Нед Беннеты. Согласно свидетельским показаниям, заговорщикам удалось привлечь к заговору в общей сложности порядка 9 тысяч человек. Список имен хранился у Питера Пойаса [13. P. 173]. Однако он так и не был найден, что дает основания считать данную цифру сильно завышенной.

В целом замысел Визи во многом напоминал план Габриэля. Суть его заключалась в скоординированной атаке на Чарлстон с трех направлений. Восставшие должны были захватить арсеналы, здание городской стражи, резиденцию губернатора, после чего придать город огню и разграблению. Главным же отличием от замыслов предшественников – Габриэля, Санчо и Шарля Деслонда – являлось то, что Визи задумал вырезать все белое население без исключения. В материалах дела сохранилось немало свидетельств, прямо говорящих о готовящейся расправе. Разумеется, ни о каком соглашении или же участии в восстании городской бедноты речи уже не шло. При этом Денмарк, по всей видимости, надеялся какое-то время удерживать город, приказав перекрыть мосты и основные подходы.

Итогом мятежа должно было стать отплытие рабов на захваченных кораблях на Гаити. В материалах дела содержится несколько свидетельств о том, что повстанцы всерьез рассчитывали на помощь со стороны островного государства и даже пытались наладить дипломатические сношения с тамошним правительством. В частности, в своем признании Мондэй Гелл отрыто заявлял, что Визи через третьи руки отправлял письмо президенту Жану-Пьеру Буайе [13. P. 335]. Стоит отметить, что предположения о помощи с Гаити не выглядят надуманными, если учесть, что в том же 1822 г. Буайе открыто призывал свободных чернокожих граждан США переселяться в его республику [13. P. XX], а в следующем даже обратился к Американскому колонизационному обществу с просьбой способствовать данному процессу [13. P. 14–15]. Таким образом, можно видеть, что идея Визи об исходе на Гаити имела под собой вполне реальные основания.

Первоначальной датой восстания должно было стать 14 июля, но после ареста Уильяма Пола, одного из вербовщиков, Визи ускорил подготовку и перенес выступление на 16 июня. Однако времени не хватило. 14 июня – после получения повторного сигнала о готовящемся восстании от раба Джорджа Уилсона – меры безопасности в городе и на плантациях были усилены, начались задержания предполагаемых участников заговора. 22 июня был арестован и сам Денмарк Визи.

Всего перед судом по этому делу предстал 101 человек, 7 из были свободными неграми, остальные – рабами. 35 впоследствии были казнены, 37 проданы за пределы штата, 3 подверглись порке, 2 скончались в заключении, один освобожден при условии, что навсегда покинет Южную Каролину, 23 оправданы [14. P. 212].

В отличие от несостоявшегося восстания Габриэля, заговор Визи имел куда более серьезные последствия как непосредственно в Южной Каролине, так и на всем белом Юге. После раскрытия плана грандиозного восстания последовали многочисленные законодательные ограничения для рабов. Так, в Южной Каролине в 1822 г. был принят закон, по которому практика самонайма невольников оказалась под полным запретом, а сдача в аренду существенно ограничена. Изменения коснулись и свободных негров. Теперь каждому из них предписывалось иметь белого поручителя, гарантировавшего его лояльное поведение. Другой закон запрещал повторный въезд свободных негров под страхом физического наказания или порабощения (при повторном нарушении). Свободным чернокожим гражданам, решившим остаться в Чарлстоне, предписывалось дважды в год проходить обязательную регистрацию у интенданта и платить ежегодный «налог в пятьдесят долларов». Наконец, 22 декабря 1822 г. Генеральной ассамблеей Южной Каролины был принят Закон о неграх-моряках, согласно которому любое судно из другого «штата или иностранного порта, имеющее на борту свободных негров, должно подвергаться карантину» [14. P. 227–228]. Разумеется, все это привело к еще большей радикализации негритянского освободительного движения. Идею исхода постепенно сменяет сценарий священной расовой войны.

Священная война

В 1829 г. в свет выходит брошюра свободного чернокожего аболициониста из Бостона Дэвида Уокера под названием «Обращение в четырех статьях, вместе с преамбулой, к цветным гражданам мира, но в особенности к тем, что проживают в Соединенных Штаты Америки» [15]. В этой работе автор, отталкиваясь в своих рассуждениях, по сути, от все того же библейского Исхода, приходит к выводу, что положение американских негров является гораздо более ужасным и невыносимым, чем положение «сынов Израилевых» в Египте, а также рабов в Древнем Риме или илотов в Спарте. Апеллируя к естественному праву и христианской теологии, Уокер, пусть и несколько завуалиро-

ванно, де-факто обосновывает необходимость организации восстания в США по примеру Гаити. «Именно так обстоит дело с черными мужчинами, – пишет он, – восемь белых могут напугать пятьдесят из них. В то время как, если вы только сможете вселить мужество в чернокожих, я заявляю, что один негр запросто может уничтожить шестерых белых мужчин. И я даю это как факт: двенадцать черных мужчин, хорошо вооруженных для битвы, убьют и обратят в бегство пятьдесят белых» [15. P. 36]. Бостонский аболиционист призывает всех белых американцев к покаянию, а также называет их «естественными врагами», нарушившими ключевое положение собственной Декларации независимости, гласящее, что все люди созданы равными. По мнению Уокера, освобождение является не просто правом, а священной обязанностью каждого чернокожего, томящегося под гнетом рабства. «Не бойтесь числа и образования наших врагов, с которыми нам придется бороться за наше законное право, гарантированное нам самим Создателем. Ибо чего мы должны страшиться, если Бог есть и будет оставаться (если мы будем продолжать смиренными) на нашей стороне? Человек, который не стал бы сражаться под руководством нашего Господа и Учителя Иисуса Христа за славное и небесное дело свободы и Бога, чтобы освободиться от самого жалкого, унизительного и рабского рабства, от которого когда-либо страдал народ со времен основания мира и по сей день, должен быть оставленным со всеми своими детьми или семьей в рабстве или в цепях, чтобы быть убитым своими жестокими врагами» [15. P. 22–23].

К самой идее репатриации Уокер относится двояко. С одной стороны, вслед за преподобным Робертом Алленом, на которого автор ссылается в своем обращении, он критикует инициативу Американского колонизационного общества по возвращению свободных негров на Черный континент, но при этом допускает переселение своих собратьев на территорию Британской империи или на Гаити. «Если кто-то из нас сочтет нужным уйти, идите к тем, кто в течение многих лет и по сей день является нашими величайшими земными друзьями и благотворителями, – к англичанам. Если это не так, идите к нашим братьям гаитянам, которые, по их собственным словам, обязались защищать и утешать нас», – писал Уокер [15. P. 66]. Однако вместе с этим чернокожий аболиционист называет Соединенные Штаты «своей страной», призывая соплеменников остаться и бороться за освобождение. «Америка больше наша страна, чем белых, – заявлял он, – мы богато полили ее своей кровью и слезами. Величайшие богатства во всей Америке возникли из наших крови и слез. И теперь они выгонят нас из наших собственных домов, которые мы заработали своей кровью? Пусть будут настороже, иначе именно это приведет к их быстрому уничтожению. Американцы так разжирели на нашей крови и стонах, что почти забыли о воинстве Господнем» [15. P. 76]. Таким образом, можно видеть, что в работе Уокера фактически речь идет о каре, которую Всевышний нашлет на всех белых американцев, если те не одумаются.

Примечательно, что историк Дуглас Эгертон допускает знакомство выходца из Южной Каролины Дэвида Уокера, перебравшегося в Бостон в 1821 г., с Денмарком Визи, который, возможно, повлиял и на формирование его собственных идейно-политических воззрений [14. P. 131]. В «Обращении…» можно найти два отрывка, прямо намекающих на участие автора в чарлстонских событиях 1817–1821 г., хотя непосредственно имя Денмарка Визи нигде не упоминается.

Выход данного памфлета вызвал едва ли не больший общественный резонанс, чем заговор 1822 г. Почти во всех Южных Штатах данная брошюра оказалась под строгим запретом, а ее хранение и распространение карались штрафом и телесными наказаниями. Например, в Вирджинии сумма штрафа составляла 100 долларов для белых, в то время как негры наказывались двадцатью ударами плетью [16. P. 30]. Аналогичные ограничения были приняты и в других штатах Юга. Джорджия даже назначила награду в 10 тыс. долларов за поимку Дэвида Уокера живым и 1 тыс. долларов за мертвого. Но куда более болезненной мерой для чернокожего населения стали ужесточение контроля и фактическое закрытие доступа к образованию. Так, в Вирджинии 1 июня 1831 г. вступил в силу закон, предусматривающий наказание в виде штрафа от 10 до 100 долларов для любого белого человека, обучающего рабов грамоте, свободные негры за аналогичное преступление карались 20 ударами плетью [16. P. 31]. Все это, разумеется, вызвало ответную реакцию активной части чернокожего населения.

Безусловной кульминацией радикализации негритянского освободительного движения стало Вирджинское восстание 1831 г. Подготовка к этому выступлению заняла по меньшей мере шесть лет [17. P. 141]. Во главе заговора встал чернокожий проповедник Нат Тернер, считавший себя пророком. По его собственным словам, именно Святой Дух направил его на путь восстания. «И 12 мая 1828 года я услышал громкий шум на небесах, и Дух сказал, что Христос снял иго, которое он нес за грехи человеческие, и что я должен принять его и сразиться со Змеем, потому что скоро придет время, когда первые станут последними, а последние – первыми», – заявлял Тернер в своем интервью адвокату Томасу Грею [18. P. 6]. За три года до этого у Ната было видение грандиозного сражения с участием черных и белых духов, и тот же голос сказал: «Такова твоя судьба, это ты призван видеть, и пусть она придет грубой или гладкой, ты должен беспрекословно следовать ей» [18. P. 5].

После получения очередного знамения в феврале 1831 г. в виде солнечного затмения Нат Тернер приступил к непосредственной подготовке восстания, доверив свой план лишь четырем рабам. Вообще заговору Тернера присуща высочайшая степень конспирации. Вполне возможно, это вызвано провалами предыдущих попыток вооруженных выступлений, о которых Нат знал и постарался учесть все ошибки предшественников, отказавшись от активной вербовки и аболиционистских проповедей. Вместо этого он сделал ставку на небольшую группу доверенных лиц. Они должны были стать ядром или даже военным советом восстания, чтобы помочь в подготовке и осуществлении плана на начальном этапе. Тернер, безусловно, рассчитывал, что по мере продвижения численность его отряда будет стихийно увеличиваться за счет

освобожденных рабов, разделяющих общие стремления. Поэтому основной задачей на подготовительной стадии являлось не привлечение как можно большего числа сторонников, а сохранение замысла в строжайшем секрете.

Первоначально выступление было назначено на 4 июля, но затем перенесено на вечер 21 августа. Примерно в 2 часа ночи Нат и пятеро заговорщиков приступили к воплощению задуманного. Двигаясь скрытным и стремительным маршем от плантации к плантации, они истребляли всех белых жителей, освобождали рабов, захватывали оружие и боеприпасы. Конечной целью должен был стать небольшой городок под названием Иерусалим, который предполагалось сделать центром восстания. Однако сохранить продвижение в тайне, несмотря на все принятые меры, не удалось. Через несколько часов весть о бунте облетела местные плантации, дав возможность землевладельцам собрать силы и подготовиться к отражению наступления. Решающее сражение произошло в имении Джеймса Паркера, где рабы столкнулись с небольшим отрядом (16–18 человек) [19. P. 158] под командованием капитанов Александра Пита и Джеймса Брайанта. Повстанцам поначалу удалось потеснить ополченцев, но на помощь последним вскоре подоспел другой отряд добровольцев во главе с адвокатом Уильямом Паркером и конгрессменом Джеймсом Трезвантом, насчитывавший до 40 человек [20. P. 85], который рассеял силы рабов.

Тернер, оставшийся с несколькими бойцами, попытался перегруппироваться, совершить обходной манер и пробиться в Иерусалим с юго-востока по Кипарисовому мосту, но затем повернул на север в надежде собрать свою разбежавшуюся «армию» перед решительным броском к городу. Отчасти ему это удалось, вновь доведя численность отряда до 40 человек [18. P. 12]. Ночью – после случайной тревоги – половина повстанцев дезертировала, а утром 23 августа оставшиеся попали в засаду у дома доктора Сэмюеля Бланта. Разгром был завершен подоспевшим кавалерийским отрядом из Гринсвилла. Сам Нат Тернер бежал и какое-то время скрывался, пока 30 октября его не обнаружил местный фермер Бенджамин Фиппс. 5 ноября лидер повстанцев предстал перед судом и был приговорен к смерти на виселице. Через 6 дней приговор привели в исполнение.

Всего по делу о восстании были осуждены 30 рабов, 18 из которых отправились на виселицу, 12 вывезены за пределы штата и проданы, еще один умер в тюрьме [19. P. 239–240]. Однако основной эффект заключался не в общем количестве повстанцев, которое, как можно видеть, заметно уступает даже восстанию 1811 г., а в количестве белых жертв. За 28 часов рабами было убито от 55 до 62 человек. Это вызвало шок не только на Юге, но и на Севере США. Для сравнения, во время январского марша на Новый Орлеан по подтвержденным данным мятежники уничтожили лишь двух человек.

Заключение

Восстание Ната Тернера стало высшей точкой радикализации негритянского аболиционистского движения в первой трети XIX в. и одновременно последним крупным вооруженным выступлением чернокожих невольников в США. Следующая попытка организации масштабного рабского восстания будет предпринята белым американским аболиционистом Джоном Брауном лишь спустя 28 лет. Отчасти этот спад связан с наступлением жесткой реакции. Принятие целого ряда дополнительных ограничений и усиление контроля со стороны властей существенно затруднили возможность организации массового выступления рабов, тем более что жестокая расправа над участниками служила грозным напоминанием чернокожему населению о тщетности подобного рода действий. Кроме того, в это время евангелистские церкви теряют свой революционный потенциал и постепенно отходят от аболиционистской риторики. Также многие невольники в указанный период разочаровываются в Гаитянской революции, что напрямую связано действиями тамошних властей по закабалению местного населения и фактическим разрывом связей ввиду иссякания потока беженцев с Карибского острова. Еще одной причиной стали запрещение практики самонайма рабов, а также введение максимальных ограничений на свободное передвижение и получение образования.

Что касается самой эволюции радикального афроамериканского аболиционизма в первой трети XIX в., то можно говорить о трех этапах, характеризующихся существенными качественными изменениями. На первом – с 1800 по 1815 г. – наблюдается преобладание революционной и эгалитаристской риторики в духе идеологии французского просвещения. Катализатором этого процесса, несомненно, послужила Гаитянская революция, также вызванная французскими событиями 1789–1793 гг. В указанный период сценарий революционного переворота становится довольно популярным среди рабов, многие из которых верили в возможность успешной интеграции в американское общество. Второй этап связан с разочарованием в идеалах Великой Французской революции и обращением к идее репатриации. Последняя активно продвигалась как американскими аболиционистами, так и крупными рабовладельцами, рассчитывавшими, что путем переселения свободного цветного населения можно снизить социальную напряженность и изменить демографическую ситуацию в США. Данная инициатива не нашла серьезной поддержки из-за недостаточного количества желающих из числа свободных негров. Зато с рабами ситуация обстояла принципиально иначе: многие из них оказались заинтересованы в подобном сценарии, хотя и не имели легальной возможности покинуть страну. Идеологическим обоснованием стало обращение к библейскому сюжету Исхода, популярному среди черных проповедников. Это спровоцировало попытку организации крупного восстания в Чарлстоне в 1822 г. Падение цен на хлопок и вызванное им усиление эксплуатации в совокупности с регулярно вводимыми ограничениями и ужесточением законодательства в отношении цветного населения привели к радикализации афроамериканского аболиционизма, сделав популярной идею священной расовой войны, которую можно рассматривать как высшую форму радикализации негритянского освободительного движения в США.

Таким образом, всю первую треть XIX в. можно с полным основанием назвать периодом расцвета во-

инствующего афроамериканского аболиционизма. По грустной иронии судьбы, все эти попытки организации массовых восстаний не только не привели к отмене рабства или хотя бы к ослаблению гнета и расового неравенства в США, но и, напротив, во многом ужесточили положение негритянского населения и, возможно, даже отсрочили момент освобождения. Впрочем, как бы то ни было, все рассматриваемые события и выделенные тенденции следует воспринимать как проявление объективных исторических процессов.

Список источников

1. Egerton D.R. Gabriel's Rebellion: The Virginia Slave Conspiracies of 1800 and 1802. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1993. 281 p.
2. Testimony in the Trial of Gabriel (October 6, 1800). URL: https://encyclopediavirginia.org/entries/testimony-in-the-trial-of-gabriel-october-6-1800/ (accessed: 14.08.2022).
3. Gabriel's Conspiracy: A Documentary History / ed. by Ph.J. Schwarz. Charlottesville : University of Virginia Press, 2013. 260 p.
4. Aptheker H. American Negro Slave Revolts, new edition, New York : International Publishers, 1974. 415 p.
5. Horne G. Confronting Black Jacobins. The United States, the Haitian Revolution, and the Origins of the Dominican Republic. New York : Monthly review press, 2015. 424 p.
6. Schwarz P.J. Gabriel's Challenge: Slaves and Crime in Late Eighteenth-Century Virginia // Virginia Magazine of History and Biography. 1982. Vol. 90 (3). P. 283–309.
7. Buman N.A. To kill whites: the 1811 Louisiana slave insurrection A Thesis Submitted to the Graduate Faculty of the Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College In partial fulfillment of the Requirements for the degree of Master of Arts In The Department of History : LSU Master's Theses. 2008. 98 p.
8. Rasmussen D. American Uprising: The Untold Story of America's Largest Slave Revolt. New York : Harper Perennial, 2011. 200 p.
9. Kendall J.S. Shadow Over the City // Louisiana Historical Quarterly. 1939. 22 Jan. P. 142–165.
10. Шумаков А.А. Принс Холл: у истоков движения «Назад в Африку» и черного масонства // Historia provinciae : журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 2. С. 433–458.
11. Шумаков А.А. Проблема появления «Черного национализма» в США // Приднепровский научный вестник. 2020. Т. 8, № 3. С. 53–63.
12. Robertson D. Denmark Vesey: The Buried History of America's Largest Slave Rebellion and the Man Who Led It. New York : Knopf, 1999. 234 p.
13. The Denmark Vesey Affair: A Documentary History / D.R. Egerton, R.L. Paquette (eds.). Gainesville : University Press of Florida, 2017. 859 p.
14. Egerton D.R. He Shall Go Out Free: The Lives of Denmark Vesey. 2nd ed. Lanham : Rowman and Littlefield, 2004. 286 p.
15. Walker's appeal, with a brief sketch of his life. By Henry Highland Garnet. And also Garnet's address to the slaves of the United States of America. New York : J.H. Tobitt, 1848. URL: https://www.gutenberg.org/files/16516/16516-h/16516-h.htm (accessed: 14.08.2022).
16. Aptheker H. Nat Turner's Slave Rebellion: Including the 1831 «Confessions», New York : Dover, 1966. 184 p.
17. Шумаков А.А. Вопросы ранней биографии Ната Тернера // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 4 (50). С. 133–144.
18. The Confessions of Nat Turner, the leader of the late insurrection in Southampton, Va., as fully and voluntarily made to Thomas R. Gray, in the prison where he was confined, and acknowledged by him to be such when read before the Court of Southampton; with the certificate, under seal of the Court convened at Jerusalem, Nov. 5, 1831, for his trial. Also, an authentic account of the whole insurrection, with lists of the whites who were murdered, and of the negroes brought before the Court of Southampton, and there sentenced, etc. Baltimore : Thomas F. Gray, Lucas & Deaver, 1831. 18 p.
19. Allmendinger D.F. Nat Turner and the Rising in Southampton County. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2014. 422 p.
20. Oates S. The Fires of Jubilee: Nat Turner's Fierce Rebellion. New York : Harper & Row, 1975. 222 p.

References

1. Egerton, D.R. (1993) *Gabriel's Rebellion: The Virginia Slave Conspiracies of 1800 and 1802*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
2. Encyclopediavirginia.org. (n.d.) *Testimony in the Trial of Gabriel (October 6, 1800)*. [Online] Available from: https://encyclopediavirginia.org/entries/testimony-in-the-trial-of-gabriel-october-6-1800/ (Accessed: 14th August 2022).
3. Schwarz, P.J. (ed) (2013) *Gabriel's Conspiracy: A Documentary History*. Charlottesville: University of Virginia Press.
4. Aptheker, H. (1974) *American Negro Slave Revolts*. New York: International Publishers. pp. 219–226.
5. Horne, G. (2015) *Confronting Black Jacobins. The United States, the Haitian Revolution, and the Origins of the Dominican Republic*. New York: Monthly review press.
6. Schwarz, P.J. (1982) Gabriel's Challenge: Slaves and Crime in Late Eighteenth-Century Virginia. *Virginia Magazine of History and Biography*. 90(3). pp. 283–309.
7. Buman N.A. (2008) *To kill whites: the 1811 Louisiana slave insurrection*. A Thesis Submitted to the Graduate Faculty of the Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College In partial fulfillment of the Requirements for the degree of Master of Arts in The Department of History. LSU Master's Theses.
8. Rasmussen, D. (2011) *American Uprising: The Untold Story of America's Largest Slave Revolt*. New York: Harper Perennial.
9. Kendall, J.S. (1939) Shadow Over the City. *Louisiana Historical Quarterly*. 22nd January. pp. 142–165.
10. Shumakov, A.A. (2021) Prins Kholl: u istokov dvizheniya "Nazad v Afriku" i chernogo masonstva [Prince Hall: at the origins of the "Back to Africa" movement and black Freemasonry]. *Historia provinciae*. 5(2). pp. 433–458.
11. Shumakov, A.A. (2020) Problema poyavleniya "Chernogo natsionalizma" v SShA [The Problem of the Emergence of "Black Nationalism" in the USA]. *Pridneprovskiy nauchnyy vestnik*. 8(3). pp. 53–63.
12. Robertson, D. (1999) *Denmark Vesey: The Buried History of America's Largest Slave Rebellion and the Man Who Led It*. New York: Knopf.
13. Egerton, D.R. & Paquette R.L. (eds) (2017) *The Denmark Vesey Affair: A Documentary History*. Gainesville: University Press of Florida.
14. Egerton, D.R. (2004) *He Shall Go Out Free: The Lives of Denmark Vesey*. 2nd ed. Lanham: Rowman and Littlefield.
15. Highland Garnet, H. (1848) *Walker's appeal, with a brief sketch of his life. By Henry Highland Garnet. And also Garnet's address to the slaves of the United States of America*. New York: J.H. Tobitt. [Online] Available from: https://www.gutenberg.org/files/16516/16516-h/16516-h.htm (Accessed: 14th August 2022).
16. Aptheker, H. (1966) *Nat Turner's Slave Rebellion: Including the 1831 "Confessions."* New York: Dover.
17. Shumakov, A.A. (2021) Voprosy ranney biografii Nata Ternera [Issues in Nat Turner's Early Biography]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(50). pp. 133–144.
18. Turner, N. (1831) *The Confessions of Nat Turner, the leader of the late insurrection in Southampton, Va., as fully and voluntarily made to Thomas R. Gray, in the prison where he was confined, and acknowledged by him to be such when read before the Court of Southampton; with the certificate, under seal of the Court convened at Jerusalem, Nov. 5, 1831, for his trial. Also, an authentic account of the whole insurrection, with lists of the whites who were murdered, and of the negroes brought before the Court of Southampton, and there sentenced, etc.* Baltimore: Thomas F. Gray, Lucas & Deaver.

19. Allmendinger, D.F. (2014) *Nat Turner and the Rising in Southampton County*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
20. Oates, S. (1975) *The Fires of Jubilee: Nat Turner's Fierce Rebellion*. New York: Harper & Row.

***Сведения об авторе*:**
Шумаков Андрей Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Тульского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Тула, Россия). E-mail: takamori@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Shumakov Andrey A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, The Tula Branch of the Plekhanov Russian University of Economics (Tula, Russian Federation). E-mail: takamori@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 15.08.2022; accepted for publication 01.08.2025

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/19988613/96/20

Скифы и гунны в русской истории: евразийский взгляд

Владимир Юрьевич Быстрюков

Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия, bystryukov@pgsga.ru

Аннотация. Рассматривается формирование исторической концепции евразийства, в частности проблема преемственности «евразийских государств». На примере анализа работ Г.В. Вернадского и Н.П. Толля, а также других представителей движения, посвященных истории домонгольской Евразии, показана идеологическая ангажированность теоретических постулатов евразийской концепции, в частности сквозное влияние двух основных векторов евразийства – антизападничества и доказательства особых путей развития России-Евразии.
Ключевые слова: евразийское движение, Россия-Евразия, «месторазвитие», евразийство, кочевниковедение, Н.П. Толль, П.Н. Савицкий

Для цитирования: Быстрюков В.Ю. Скифы и гунны в русской истории: евразийский взгляд // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 163–171. doi: 10.17223/19988613/96/20

Original article

Scythians and Huns in Russian History: a Eurasian View

Vladimir Yu. Bystryukov

Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russian Federation, bystryukov@pgsga.ru

Abstract. Eurasianism, which arose in the early 1920s in the Russian emigration, became a unique phenomenon in the history of Russian science as the Eurasians created a detailed and well-reasoned concept that represented Russia as a special civilization. Two key points underlay the Eurasian ideology - anti-Westernism and the establishment of special ways or Russia-Eurasian development. It was the historical concept that became the most important component of Eurasianism, since it provided the arguments that support these points. The Eurasianists, and, in particular, P.N. Savitsky, studied the history of Russia and the Russian people through the prism of a geopolitical approach - in direct connection with the «local development» in which people lived and developed. The key myth of Eurasianism was the Mongol stage and the positive influence of the Mongol Empire on the formation of the Russian state. The assertion of special ways of Russia-Eurasian development and the geopolitical approach involved the study of other states that existed in Eurasia in the pre-Mongolian period, as well as the identification of common forms for all types of "Eurasian statehood" to justify their continuity. Being in the same «local development» made such continuity an obligatory fact of historical evolution. But at the initial stages of the development of the movement, there were simply no authors among the Eurasians who could research these issues. For instance, N.S. Trubetskoy argued that the empire of Genghis Khan was the first attempt to create a pan-Eurasian statehood.

The purpose of the article is to analyze the discourse of Eurasian authors regarding the states of pre-Mongolian Eurasia, taking into account the influence of the ideological attitudes of the Eurasian concept. The sources are the works published in the Eurasian editions connected with this topic. The greatest contribution was made by the works of G.V. Vernadsky and N.P. Toll. «The Inscription of Russian History» by G. V. Vernadsky outlines a vision of the evolution of «Eurasian statehood», tries to identify its general principles and creates a tradition of "Eurasian statehood" from the Scythian state to the USSR. «Scythians and Huns» by N.P. Toll was the most significant attempt to close this gap in Eurasian literature. However, the creation of "Eurasian statehood" turned out to be rather complicated and contradictory. The theoretical construction presented in the work of G.V. Vernadsky was too abstract, and in some points the data presented in the work of N. P. Toll did not correspond to it. The ideological component of the Eurasian discourse turned

© В.Ю. Быстрюков, 2025

out to be stronger than the scientific one. Therefore, the history of pre-Mongolian Eurasia remained underdeveloped in Eurasianism, especially in comparison with the problems of the Mongolian stage.
Keywords: Eurasian movement, Russia-Eurasia, «local development», Eurasianism, Nomadic studies, N.P. Toll, P.N. Savitsky

For citation: Bystryukov, V.Yu. (2025) Scythians and Huns in Russian History: a Eurasian View. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 163–171. doi: 10.17223/19988613/96/20

Евразийская концепция базировалась на двух постулатах – антизападничестве и особом пути развития России-Евразии. Они определяли переоценку различных этапов истории страны, придавали особое значение связям с неевропейскими народами и культурами. Геополитический подход, т.е. видение исторической эволюции в связи с месторазвитием, которое занимал русский народ, предполагал актуализацию традиции, в которой русская государственность являлась продолжательницей держав, занимавших евразийские пространства до нее. Создание нового исторического мифа, основывавшегося на антизападничестве и видении особых путей развития России-Евразии, почти автоматически ставило во главу угла монгольский этап, поскольку именно тогда русские княжества были прямо включены в систему евразийского государства. Тезис о положительном влиянии монголов на становление и развитие России был обозначен во всех манифестах движения и рассматривался в трудах многих его представителей. Наиболее яркое воплощение он получил в работе Г.В. Вернадского «Начертание русской истории», в которой автор писал, что русский народ получил два богатых исторических наследства: византийское и монгольское, облегчившее русскому народу «создание плоти евразийского государства» [1. С. 17].

Однако Монгольская империя была не первой в ряду держав, существовавших на просторах Евразии и на определенное время объединявших большие или меньшие ее части. Традиция кочевых государств и народов периодически упоминается в ранних евразийских текстах, и частота этого напрямую связана с развитием самого евразийства, поскольку, например, в первой половине 1920-х гг. специалистов, которые могли бы изложить связный текст, посвященный домонгольской Евразии, в движении просто не было. Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский и П.Н. Савицкий могли рассуждать о значении революции 1917 г., роли Православия или «туранском психологическом типе» и даже о «наследии Чингисхана», но создание более или менее целостного нарратива по ранней истории Евразии могло бы стать или компиляцией, или профанацией, на что лидеры евразийства пойти не могли. Да и сам концепт «евразийское государство» требовал создания определенных разъяснительных установок для фиксации эволюционирующих структур и определения их положительного влияния на Россию. То есть было необходимо определить, какие именно кочевые государства создавали традицию и какие именно черты их организации переходили от одного государства к другому. Без этого тезис о положительном влиянии монголов был несколько однобоким, и эволюция «евразийской государственности» как бы замыкалась в системе отношений «Русь–монголы». Однако географические особенности Евразии, ее предопределенность к единству предполагала неизбежность этого процесса, который мог прерываться только из-за политического ослабления потенциальных центров. Проблема выстраивания традиции «евразийской государственности», проистекавшая из тезиса о положительном влиянии монголов на формирование русского государства, должна была занимать достаточно важное место в евразийской системе взглядов в силу ключевого значения самого тезиса. В рамках данной статьи мы попробуем определить, как представители евразийства пытались решить эту проблему в своих текстах, посвященных истории домонгольской Евразии, и насколько эти попытки соответствовали положениям собственно евразийской концепции.

Отметим, что в серьезных исследованиях, посвященных исторической концепции евразийцев, эта тема упоминается вскользь и во многом сводится к пересказу мыслей Г.В. Вернадского о периодической ритмичности государствообразующего процесса в Евразии. А.В. Антощенко считает, что у Г.В. Вернадского история русского народа отождествлялась с историей государства и представляла собой ряд попыток создать единую государственность. Ее отличительными чертами выступали форма военной империи, целостное миросозерцание «правящей верхушки» и «народной массы», гибкость социально-государственного строя и осознание народом своего месторазвития [2. С. 207]. М.Г. Вандалковская процитировала упомянутые строки Г.В. Вернадского, но рассмотрение собственно исторической концепции евразийства начала с непосредственно с Древнерусского государства, указав на форму военной империи, целостное миросозерцание и гибкую социально-государственную организацию как отличительные качества «евразийской государственности [3. С. 85]. М. Ларюэль отмечала, что евразийцы относили начало евразийской истории к скифам и сарматам, считая эти народы евразийскими, поскольку они относились к срединному миру, что определяло самобытность Евразии: «Евразийцы, в частности Г.В. Вернадский и Н.П. Толль, делали в своей историографии акцент на великие переселения народов от сарматов до готов и гуннов, отмечая при этом, что в то время Евразия продвинулась к Западу» [4. С. 196]. В рамках историографического обзора можно указать существенное количество авторов, которые упоминали взгляды представителей движения на историю домонгольской Евразии, но все они ограничивались цитатами из Г.В. Вернадского и иногда Н.П. Толля и практически никак не пытались определить место и роль «скифов и гуннов» в евразийской концепции. Такое несущественное внимание в историографии, контрастирующее с изучением взглядов евразийцев на монгольскую эпоху, объясня-

ется тем, что в самом евразийстве оказалось немного специалистов, которые смогли бы профессионально охарактеризовать домонгольскую Евразию исходя из постулатов движения.

В истории евразийской литературы первые упоминания о кочевом домонгольском мире появились в статье П.М. Бицилли, опубликованной во втором евразийском сборнике «На путях». Самого П.М. Бицилли сложно отнести собственно к евразийцам, тем не менее на заре развития движения он опубликовал две статьи в их изданиях и даже оказал определенное влияние на идейную эволюцию евразийства. Концепции противостояния Востока и Запада он противопоставлял концепцию «взаимодействия центра и окраин как не менее постоянного исторического факта» [5. С. 321]. Он писал об особом мире, лежащим между «окраинно-приморскими мирами» Старого Света, – аморфном мире «кочующих степняков, турков или монголов», где давление в одной точке степи сказывалось во всех ее точках. Этот мир не обладал самостоятельным культурным значением, имея характер восприимчивой и передаточной стихии. Творческая роль принадлежала окраинно-приморским мирам, «пространство от Урала до Куньлуня, от Ледовитого океана до Гималаев» было поприщем их скрещения, фактором их распространения и внешним условием «для выработки культурного синкретизма» [5. С. 332]. П.М. Бицилли упоминал тюркского кагана Бу-Мина и его попытку создать совместно с Византией и Китаем антииранскую коалицию в VI в., считая, что таким образом могло быть осуществлено единство Старого Света, устранена необходимость постоянной борьбы с персидским миром и предполагая, что «средиземноморские центры древности, может быть, были бы спасены» [5. С. 321].

В том же сборнике П.Н. Савицкий писал о противоположении «окраинно-приморских областей Старого Света и центрального мира, «заполненного «эластичной массой» кочующих степняков, «турок» или «монголов», обладающих «передаточной в своем значении… степной культурой» [6. С. 341–342]. После этого пассажа в духе П.М Бицилли в адрес домонгольской Евразии П.Н. Савицкий огорошивал своего читателя знаменитой фразой: «…без татарщины не было бы России», – и все его внимание сосредоточивалось на проблеме влияния монголов. В своей знаменитой работе, имевшей в большей степени пропагандистское значение, нежели научное, Н.С. Трубецкой писал, что государственное объединение Евразии было с самого начала исторической необходимостью, народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии, и это «впервые осуществлено туранцами в лице Чингисхана» [7. С. 283].

В следующий раз эта тема появилась в редакционном примечании к статье «Иран, Туран и Россия», опубликованной в 5-м Евразийском временнике [8]. Автором самой статьи был Василий Петрович Никитин, русский дипломат и исследователь Ирана и Ближнего Востока, примыкавший к евразийскому движению во второй половине 1920-х гг. Автор примечания (у М. Байссвенгера указано, что это был П.Н. Савицкий в соавторстве с Н.С. Трубецким [9. С. 60]) делил иранцев на две группы: южную – мидо-персидскую, и северную – скифо-сарматскую. Последняя стала «народом-всадником», «властителями степи», а следовательно, «евразийцами в географическом смысле слова». В качестве таковых они были предшественниками туранцев, в частности тюрков, и оказали сильнейшее влияние на племена Евразии [10. С. 75]. Автор видел аналогии между походами персидских царей на скифов, немецким «натиском на восток» и походами Наполеона и Карла XII и указывал на сходство евразийской оборонительной стратегии от скифо-сарматов до Кутузова [10. С. 76]. В примечании также указывалось на культурные контакты предков славян с предками северных иранцев в конце эпохи индоевропейского единства.

В самой статье В.П. Никитин писал об истории Ирана – династиях Аршакидов, Сасанидов, эпохе арабских завоеваний и Халифата. Основная канва повествования – это история противостояния Ирана и туранских народов, в основном кочевников, которые, если им удавалось завоевать персидские территории, достаточно быстро иранизировались и часто вели борьбу уже против своих степных сородичей. «Вновь повторяется с все той же закономерностью уже не раз нами отмеченное на протяжении долгих веков явление: обиранившиеся представители Турана стоят на страже Ирана, защищая его от своих вчерашних родственников, которые еще не подпали под культурное иранское влияние» [8. С. 94]. В статье упоминались гунны, в частности гунны-эфталиты. Периодически рассматривались взаимоотношения с евразийскими кочевниками, теми же гуннами, но основной упор был сделан именно на истории Ирана. Интересно, что практически впервые в евразийской литературе (впрочем, весьма кратко) характеризовалась империя тюрков как государство от Японского моря до Каспия и их отношения с государством Сасанидов. Но в целом статья была посвящена именно Ирану, туранские народы, населявшие евразийские пространства, рассматривались как внешняя сила. Автор делал интересный вывод: «Вся наша устойчивость и все наше преимущество в упоре на Азию, в факте нахождения на путях евразийских. Упор на Азию, мы гораздо сильнее им, чем окном в Европу, которое так легко заколотить нашим противникам. Упор на Азию, в нем чувствуется сознание мощи, ощущается нечто срединное, крепкое, исконное. Сейчас больше, чем когда-либо, видно, что если Запад с нами должен, не может не считаться, то это именно благодаря нашему выгодному положению в Азии. Мы в Азии у себя…» [8. С. 87].

В 1927 г. вышло первое большое историческое сочинение «евразийского» характера – книга Г.В. Вернадского «Начертание русской истории». Он писал, что до образования русского государства «главными деятелями» Евразии были народы монголо-турецкого и отчасти иранского корня. Г.В. Вернадский обозначал особую традицию эволюции государственности, считая, что именно в рамках Евразии «могли образовываться такие крупные социальные единицы, как скифская, гуннская или монгольская империя, а позже империя Российская», и история Евразии виделась ему как ряд

попыток создания «единого всеевразийского государства», к чему была направлена деятельность «скифов, гуннов, хазар, турко-монголов и славяно-руссов» (в евразийских текстах «тюрки» назывались «турками», «государство тюрков» – «государством турков», мы также будем придерживаться такой терминологии). Около V в. до н.э. начался скифский период, в ходе которого скифы объединили Западную Евразию, в том числе степи северного Причерноморья и прилегающие лесные пространства. Скифы были разбиты сарматами, часть их государства собрали готы, которых сменило государственное объединение общеевразийского масштаба – гуннская империя IV–V вв. После ее распада образовались аварская и хазарская державы, государства западных и восточных турок, болгарские царства на Дунае и на Каме, империя Святослава, Киевское княжество, степь захватили печенеги и половцы. Скифское, гуннское государство и империя Святослава сделали попытку объединить лесные и степные пространства. В общей схеме периодической ритмичности государствообразующего процесса, в которой система государств сменялась единой государственностью, к последней принадлежали Скифская держава, Гуннская, Монгольская и Российская империи и СССР, а к системе государств – авары, хазары, камские болгары, Русь, печенеги, половцы, а также государства, образовавшиеся в процессе и после распада Монгольской империи [1. С. 16]. Интересно, что здесь выпали дунайские болгары и турки, хотя в схеме начальных фаз развития евразийской государственности они были.

Г.В. Вернадский характеризовал составляющие традиции евразийских государств, считая, что они имеют общие черты внутреннего политического строя: крепкую государственную организацию и сильную и жесткую правительственную власть. «Необходимость освоения больших степных и лесостепных пространств требовала создания исключительно крепкой государственности» [1. С. 17]. Устойчивой евразийской формой государства и власти, присущей скифской, гуннской, монгольской державам, Московскому царству и Российской империи, была военная империя. Но существовали еще важные факторы – наличие единого и целостного миросозерцания и гибкая социально-государственная организация, это было характерно для Монгольской империи и русского государства [1. С. 18].

Первый этап русской истории, согласно Г.В. Вернадскому, условно длился до 972 г. и состоял в попытках объединения леса и степи. Развитие русского государства началось с крайнего западного угла Евразии, поэтому для России имеет значение история кочевых народов в северном Причерноморье. «В этом смысле историческая подпочва русского государства была создана скифами» [1. С. 25], которые появились здесь в VII в. до н.э. и совместно с турками держали соединительную связь между Китаем и греческим Черноморьем. С IV до II в. до н.э. скифов вытеснили сарматы, которых во II–III вв. н.э. сменили готы, перенявшие материальную культуру кочевников и ставшие народом конных воинов. В конце IV в. их сменила гуннская держава, достигшая своего расцвета при Атилле, подчинившего себе и большую часть Европы. В VI в. здесь появились авары, вытесненные из Средней Азии турками. После распада государства западных турок, также бывших посредниками между Китаем и Черноморьем, их место заняли хазары. В дальнейшем определенный аналог гуннской державы был воссоздан при князе Святославе [1. С. 41]. После этого, достаточно краткого, изложения ранней истории Евразии, Г.В. Вернадский переходит уже собственно к истории восточных славян, русских княжеств, Московского царства и Российской империи.

В приложении к книге Г.В. Вернадского П.Н. Савицкий сразу начинал свой текст с монгольской эпохи, упомянув гуннов только в примечаниях, считая, что итальянскому походу А.В. Суворова 1799 г. и заграничным походам русской армии в 1813–1815 гг. соответствуют походы Атиллы «в смысле движения организованных воинских сил из глубин Евразии вглубь Европы» [11. С. 236]. Отметим также, что в рецензии на 2-томную «Историю России», вышедшую под редакцией П.Н. Милюкова, П.Н. Савицкий советовал авторам книги следовать примеру Г.В. Вернадского (имея в виду книгу «Начертание русской истории») в установлении непосредственной связи между дорусским прошлым позднейших русских территорий и собственной русской историей и сетовал, что авторы не упоминали о «гуннской проблеме» [12. С. 393].

Таким образом, тезис о принадлежности России к традиции евразийской государственности оказывался неполным. О том, что Россия – наследница империи Чингисхана, писали многие евразийцы. Но о домонгольских кочевых державах в евразийских текстах было написано очень мало, хотя это не совсем соответствовало заявленным идеологическим установкам. Определенным решением этого вопроса стала книга человека во многом уникальной судьбы, оставившего заметный след в истории и русской эмиграции и русской науки в целом, – Николая Петровича Толля (1894–1985). Он родился в Лодзи в семье военного, учился в Нижегородской губернской 1-й мужской классической гимназии, в 1916 г. закончил Константиновское артиллерийское училище в Петрограде, после чего служил в Кавказской Армии. В 1918 г. попал в Добровольческую Армию, был участником 1-го Кубанского (Ледяного) похода, воевал в бронепоездных частях Вооруженных сил Юга России и Русской армии, дослужившись до чина подполковника артиллерийского дивизиона, в составе которого с ноября 1920 по сентябрь 1921 г. находился в Галлиполи, а затем выехал в Афины, где некоторое время работал на газовом заводе [13. С. 216] (отметим, что в этой статье приведены и другие весьма интересные данные биографии Н.П. Толля).

Н.П. Толль прибыл в Афины вместе со своим близким другом Б.Ф. Ромбергом – художником и участником Белого движения, познакомившим его с Г.В. Вернадским [14. С. 128]. В ноябре 1922 г. Н.П. Толль переехал в Прагу, где окончил философский факультет Карлова университета и впоследствии стал одним из организаторов и директором Семинария (позднее – Института) им. Н.П. Кондакова, образованного в 1925 г. [14. С. 149]. В 1927 г. он принял участие в Междуна-

родном византологическом конгрессе в Белграде, а в июне того же года защитил в Праге диплом под руководством профессора Янко и продолжил активную научную деятельность в рамках Кондаковского семинария [15. С. 208]. Его хвалил сам Н.П. Кондаков, отмечая его уровень понимания археологии как науки. «Тонко определенное академиком “чувство материала” сыграло главную роль в том, что на многие годы “Ник” стал ближайшим помощником академика М.И. Ростовцева по археологической экспедиции Йельского университета в Дура-Эуропас (Сирия)» [13. С. 212].

Ключевыми событиями его жизни стали знакомство и дружба с Г.В. Вернадским. Еще в 1924 г. Н.П. Толль совместно с ним и Н.М. Беляевым работали над переводом книги Константина Багрянородного «О чинах византийского двора» [14. С. 160]. В начале 1926 г. Н.П. Толль женился на сестре Георгия Владимировича Нине Владимировне Вернадской (1898–1986), младшей дочери академика В.И. Вернадского. Свадьбе предшествовала почти детективная история, поскольку в августе 1917 г. перед уходом на фронт Н.П. Толль венчался в Самарканде с Ольгой Петровной Сыромятниковой, в то время слушательницей московских Высших женских курсов. В эмиграции было очень непросто получить бракоразводное свидетельство, однако благодаря помощи Епархиального управления русскими православными заграничными церквами в Европе к концу ноября 1925 г. это удалось, и уже вскоре состоялось венчание «в присутствии старших Вернадских, которые почти сразу после этого события вернулись в СССР» [13. С. 219]. Этот брак продлился почти 60 лет, а 9 мая 1929 г. у четы родилась дочь Татьяна, ставшая единственной внучкой академика В.И. Вернадского» [13. С. 212]. В 1939 г. чета Толлей переехала в США, где и прожила всю жизнь. Интересно, что в 1971 г. Н.П. Толль писал Н.Е. Андрееву, бывшему после него директором Кондаковского института: «Из сов<етских> историков читал только Гумилева (сына) и преклоняюсь до земли» [15. С. 221].

Близкое знакомство с Вернадскими обусловило не только счастье в личной жизни, но и участие в деятельности евразийской организации. Н.П. Толль стал активным участником не только Кондаковского, но и Пражского евразийского семинара. Так, 30 декабря 1925 г. он выступил в нем с докладом о русской иконе по книге П. Муратова, подчеркнув ее огромную религиозную и культурную ценность [16. С. 66]. В письме П.П. Сувчинскому 9 августа 1927 г. П.Н. Савицкий предлагал обсудить покупку для евразийской организации собственной типографии под руководством Н.П. Толля [17. С. 484].

В деятельности движения принимал участие не только Н.П. Толль, но и его супруга. М. Байссвенгер называет Нину Владимировну Вернадскую-Толль представителем «эпизодических евразийцев» [18. С. 172]. Неудивительно, что Нина Владимировна, в частности, опубликовала одну статью в «Евразийской Хронике» [19]. Ее появление было связано с поворотом евразийства во второй половине 1920-х гг. от философских и метафизических текстов к более практичным и «наукообразным» статьям, что в первую очередь связано с именем П.Н. Савицкого. Статья достаточно близко подошла к расистским концепциям, и эта тема не получила дальнейшего развития в евразийских текстах [18. С. 175]. Тем не менее супруги Толли выполняли отдельные поручения: например, летом 1927 г. во время поездки в Берлин раздавали евразийскую литературу в берлинские книжные киоски. Участие Н.В. Вернадской-Толль в евразийстве объясняется как семейными обстоятельствами и родственными связями, так, возможно, и «ее собственными идейными поисками» [18. С. 176]. Сам Н.П. Толль свои работы в основном публиковал в изданиях Кондаковского семинария, но одна из них была опубликована на страницах «Евразийской хроники». В ней он отмечал, что «легкомысленное и тупое» нежелание изучать Восток, свойственное русской интеллигенции, привело к переходу первенства в этом к европейским ученым. «Необходимо, чтобы изучение истории искусства и археологии Востока шло в России несколько более крупными шагами. Иначе нам придется просить объяснения истории развития русского искусства, так часто выходящего из истории искусства Востока, – у Европы» [20. С. 42].

Именно Н.П. Толль стал автором небольшой по объему книги, которая должна была изложить в «евразийском» ключе историю домонгольской Евразии и включить ее в общую канву истории России. П.Н. Савицкий отмечал, что в 1927 г. евразийцы в своей научной работе перешли от отдельных статей к публикации монографий и общих курсов, в том числе называя книгу Н.П. Толля [21. С. 375]. Она должна была восполнить пробел в познании истории скифов и гуннов в силу ее неизвестности широкому кругу русских читателей. Достоинством книги является использование греческих, римских и китайских источников, а также всего материала, собранного археологией. В центре книги стоит преимущественно история гуннов [22].

В принципе, вся «евразийская» часть книги содержится в небольшом вступлении, где автор фактически говорит о степном месторазвитии, на котором много раз «меняла свое лицо кочевая культура, но основные формы и уклад кочевой жизни сохранялись тысячелетиями». Также автор писал об этом в самом начале первой главы книги. Единство культуры степей определялось не только общим укладом жизни, но и «общим характером быта, общественного строя, художественных вкусов, политических форм и религиозных представлений» [23. С. 1]. В этом кочевые народы глубоко отличались от земледельческих и оседлых культур. Целостность кочевого мира также обусловливалась общей исторической судьбой, и связное рассмотрение истории кочевых народов является возможным только с учетом всех событий на пространстве от Манчжурии до Венгрии. Н.П. Толль считал, что история кочевых народов важна не только сама по себе, но и как «начало государства Российского», поскольку этнические и культурные связи с кочевым миром для России гораздо крепче, нежели полагали ранее. Кроме того, кочевые народы приносили с собой культурные влияния стран Азии – Китая, Индии и Персии. Ссылаясь на М.И. Ростовцева, Н.П. Толль указывал на важность этих культурных влияний, без которых история

нашей страны не будет понята и оценена [23. С. 2]. Во введении автор делал ремарку об отказе от археологического материала, ограничении изложения политическими сюжетами, избегании гипотез и обобщений и писал, что обзор «не представляет ничего нового и лишь является попыткой изложить известные историкам факты в общей их связности» [23. С. 2].

Географические границы степного месторазвития Н.П. Толль характеризовал, ссылаясь на работы П.Н. Савицкого. Он делил его на три части: восточные, Арало-Каспийские и причерноморские степи. История последних наполнена борьбой кочевников с западным миром и известна несколько лучше, чем прошлое остальных частей. Автор давал краткое описание археологических культур и указывал, что история кочевого мира известна начиная с появления скифов в Причерноморье в VIII в. до н.э. Опираясь на китайские, иранские и греческие источники, Н.П. Толль излагал данные по истории скифов, считая, что в VI–V вв. до н.э. они создали большую кочевую державу, в которой стало возможным безопасное путешествие грека Аристея «от Черного моря до Семиречья или Алтая и обратно», и установили оживленные торговые отношения с соседями [23. С. 8]. Отметим, что возможность путешествия по степным просторам и особенно безопасность торговых путей в евразийской литературе относились к положительным последствиям создания Монгольской империи в XIII в.

Анализ археологических данных скифских памятников и сопоставление их с данными китайских источников позволяли сделать вывод, что на всем пространстве кочевого мира существовала единая культура. Н.П. Толль описывал скифские и другие кочевые племена, делая предположение, что под одним из них, а именно «неврами», скрываются предки восточных славян. Кочевники вовлекали в товарооборот население лесных племен, проживавших большей частью к северу от них. Также они влияли на орнамент и типы их бронзовых изделий, увеличивая внутренне сходство лесных и кочевых культур. Н.П. Толль находил следы влияния ассирийской и иранской культур на кочевников и характеризовал отношения между скифами и греческими колониями в Причерноморье. Экономика кочевых племен полностью зависела от скотоводства, требующего сухого климата и больших пространств. Поэтому нажим одного племени на другое приводил в движение весь кочевой мир. Самостоятельные племена легко объединялись в орды-империи, в случае появления талантливого вождя становились грозной силой и также легко распадались. Характерной особенностью таких империй было «отсутствие племенного или этнического единства… общность кочевой жизни и культуры были сильнее племенных различий» [23. С. 17]. Н.П. Толль писал об общности организации власти у скифов, Хазарского каганата и Золотой Орды, а также о культе храбрости и военной доблести. Описывая войны с Персией, он говорил о тактике «заманивания» вглубь страны, считая, что она не раз спасала Россию от разгрома и позволила победить Наполеона [23. С. 22].

Главы книги со II по V посвящены в большей степени гуннским племенам. Автор кратко характеризовал отношения Александра Македонского и эллинистических государств и кочевого мира и рассказывал о появлении гуннской державы на северных границах Китая. Он писал об отношениях гуннов с Ханьским Китаем и окрестными кочевыми племенами. В ходе различных политических перипетий одно из кочевых племен – юечи, в западных источниках известное как индоскифы, во II в. до н.э. вторглось на территорию Персии и поделило ее вместе с парфянами, уничтожив политические результаты завоеваний Александра Македонского. «Под властью кочевников Персия вновь стала оплотом против попыток запада проникнуть в Азию» [23. С. 37]. Одновременно начали свое продвижение в причерноморские степи сарматские племена, существенно ухудшив положение греческих колоний в регионе.

В III и IV главах Н.П. Толль описывал сложную историю взаимоотношений Китая и гуннов, а также ситуацию на Ближнем Востоке и в причерноморских степях, связанных с движением кочевых племен и германских народов. Он отмечал, что Китай заимствовал определенные моменты тактики ведения боевых действий, вооружение и костюмы кочевников, серьезное на влияние на искусство Ханьского Китая оказала гуннская материальная культура. И наоборот, следы более развитой китайской культуры обнаруживались во всех отраслях жизни гуннов. В V главе описывались возникновение державы гуннов во главе с Атиллой и различные политические события III–V вв. н.э. на пространстве от Китая до Римской империи. В небольшом заключении автор анонсировал новую книгу, посвященную истории проникновения русских на громадный материк Евразии [23. С. 77].

В приложении к книге Н.П. Толля П.Н. Савицкий выдвигал следующие задачи новой науки – кочевниковедения: исследование кочевого мира в его единстве и целостности в связи с его месторазвитием, отношений с окрестными народами и цивилизациями, а также военной истории кочевников, в том числе ее цикличности и борьбы с Китаем, изучение истории укрепленных линий, опоясывавших степные пространства, материальной культуры кочевников, связи культурной среды степного мира с культурами северно-лесной зоны, этнографических особенностей кочевых народов, историософского самопротивопоставления степного мира окраинно-периферическим мирам. Он считал, что в изучении степи возможны две научно-плодотворные трактовки: «степилюбивая» и «окраиннолюбивая». Русская наука имеет призвание к исследованию степи, что должно раскрыться в новой науке кочевниковедения, которая может стать соразмерной таким дисциплинам, как синология, индианистика, ирановедение [24. С. 340].

Следует сказать об откликах в эмигрантской среде на работу Н.П. Толля. А.А. Кизветтер в своей рецензии писал, что автор ставил и успешно решал компилятивно-популяризационную задачу: познакомить читателя с известными фактами истории скифов и гуннов без гипотез и обобщений. Недостаток работы состоит в отказе от археологических источников, что привело к однообразной картине бессистемного передвижения различных племен, несмотря на заявления автора о же-

лании уяснить причины этих процессов [25]. Еще более критично А.А. Кизеветтер оценивал очерк П.Н. Савицкого, считая, что его неоспоримые мысли о развитии кочевого мира не являются новыми, а размышления о «степилюбии» и о том, что изучение кочевого мира должно быть отправной точкой для решения «историософской проблемы России и Европы», называл «пустопорожней словесностью, не имеющей ничего нового с серьезным пониманием научных задач» [25].

Последним крупным произведением евразийцев, в котором так или иначе затрагивалась проблема домонгольских государств Евразии, стала книга Г.В. Вернадского «Опыт истории Евразии с половины VI в. до настоящего времени», вышедшая в 1934 г. Стремление евразийских народов к созданию единого государства он объяснял «единством географического лика Евразии» и объединительными экономическими факторами. В то же время действовали и центробежные силы, поскольку экономические факторы часто оказывались недостаточно сильными. Это порождало ритмичность создания и жизни государственных образований в Евразии [26. С. 8]. В тексте книги Г.В. Вернадский указывал нижнюю хронологическую границу – вторая половина VI в., ссылаясь на то, что предыдущим эпохам жизни кочевников Евразии посвящена книга Н.П. Толля. Г.В. Вернадский писал, что в истории кочевого мира племена и роды легко объединялись под давлением природных условий, например засухи, или экономических стимулов и так же быстро распадались. Такой характер носила держава гуннов и турков, создание которой стало исходным моментом для дальнейшего политического развития Евразии [26. С. 17]. Некоторое время восточные и западные турецкие каганы контролировали караванный путь из Китая в Средиземноморье. Г.В. Вернадский кратко характеризовал политическую историю домонгольских государств Евразии: державы аваров, Хазарского каганата, давал оценку событиям в Средней Азии после арабского завоевания, а также отношениям Китая и кочевого мира.

Таким образом, проблема преемственности России и кочевых государств подавалась в евразийской литературе достаточно неравномерно. Ключевой точкой нового исторического мифа стал «монгольский этап» истории страны. Геополитический подход предполагал, что евразийское месторазвитие являлось не только полем деятельности различных народов, но и своего рода системой, обусловливавшей родство их политических, экономических и социально-психологических характеристик, поэтому история домонгольской Евразии также требовала своей актуализации в рамках евразийского дискурса. Отметим, что в первые годы развития движения евразийцы не могли решить эту проблему, поскольку в их составе отсутствовали профессиональные историки, и, например, Н.С. Трубецкой писал, что впервые Евразию объединили «туранцы во главе с Чингисханом». Это стало возможным после появления в рядах движения Г.В. Вернадского и Н.П. Толля.

Г.В. Вернадский создал схему государствообразующего процесса в Евразии, в которой Монгольская империя оказывалась третьим образованием, пытавшимся объединить евразийское пространство. Помимо нее к этапам создания единой государственности в Евразии были отнесены Скифская держава и Гуннская империя. Г.В. Вернадский также обозначил три элемента, присущих «евразийской государственности» – крепкую государственную организацию, сильную и жесткую правительственную власть и форму военной империи; также он указывал на «единое и целостное миросозерцание», но относил его только к монгольскому и московскому обществу XIV–XVII вв. Существование этих элементов в Монгольской империи и Московском княжестве не является предметом данной статьи, по умолчанию согласимся с мнением евразийцев, что они там присутствовали. Но были ли они характерны для предыдущих форм «евразийской государственности»? В работе Г.В. Вернадского такое положение только декларировалось. В книге Н.П. Толля Скифская держава не предстает «империей с сильной и жесткой правительственной властью и крепкой государственностью». Ее нельзя даже назвать единой державой, скорее, конгломератом племен и этносов, контролировавших как степные, так и часть лесных пространств. Гуннская держава эпохи Атиллы обладала «жесткой правительственной властью», но распалась практически сразу после его смерти, чем ставила под сомнение «крепость государственной организации». Н.П. Толль отмечал, что скорость создания и быстрота распада были характерны для всех кочевых государств. Напомним, что сохранение империи и продолжение завоеваний после смерти Чингисхана было для евразийцев доказательством устойчивости этой формы «евразийского государства».

Интересно, что в состав «евразийской государственности» не включались Держава Хунну на Дальнем Востоке и Тюркская империя (а также Западный и Восточный Каганаты) в Центральной Азии, хотя Г.В. Вернадский упоминал их. По форме государственной организации и силе «правительственной власти», а также контролируемой территории Евразии они никак не уступали ни Скифской державе, ни Гуннской империи. Тюрки в схеме государствообразующего процесса в Евразии Г.В. Вернадского даже не фигурировали, хотя в схеме начальных фаз развития евразийского государства они были на одном уровне с хазарами и аварами. Возможно, здесь хронология вступила в противоречие с исследовательским дискурсом, поскольку небольшой временной разрыв между распадом Гуннской империи и образованием Тюркского каганата не позволял выделить между ними формы, характерные для системы государств, и, таким образом, формы единой государственности должны были следовать одна за другой, что ставило под сомнение периодичность государствообразующего процесса в Евразии. Впрочем, и Г.В. Вернадский и Н.П. Толль пытались дать этому объяснение. Первый писал о том, что близость Северного Причерноморья к крайнему западному углу Евразии, где началось развитие русского государства, ставило этот регион в особое положение, а Н.П. Толль просто указывал, что его история лучше освещена источниками. Но в любом случае такие объ-

яснения ставили под вопрос восприятие истории Евразии как целого. Следует отметить присутствие в работах, посвященных домонгольской Евразии, антизападнического вектора. Поэтому статья В.П. Никитина о противостоянии Ирана и Турана написана с симпатией и к первому, и ко второму и указывает на Азию как на ресурс в противостоянии с Западом. В книге Н.П. Толля иногда появляются неожиданные антизападнические пассажи, как, например, оценка Персии под властью кочевников как оплота против попыток Запада проникнуть в Азию.

Традиция, столь ярко обозначенная при рассмотрении преемственности Монгольской империи и Московского государства при включении в нее других форм «евразийской государственности», оказывалась достаточно противоречивой и не наполненной существенным историческим содержанием, что говорит об идеологической мотивированности дискурса евразийских авторов. Книга Н.П. Толля, представлявшая определенную компиляцию работ различных историков, не соответствовала теоретическим выкладкам, представленным у Г.В. Вернадского, и в отличие от его работ и приложения П.Н. Савицкого «О задачах кочевниковедения» в подавляющей своей части серьезной идеологической нагрузки не несла. В силу этого исследователи исторической концепции евразийства ссылаются на нее гораздо реже, нежели на их труды. Автор после небольших рассуждений о степном месторазвитии добросовестно пересказал набор известных научных данных о скифах и гуннах, пообещав в следующей книге изложить историю проникновения русских в Евразию. Однако значение книги Н.П. Толля этим не исчерпывается. В одном из своих интервью Л.Н. Гумилев заявлял, что первыми «евразийскими» книгами, которые он прочел, были работы Н.П. Толля «Скифы и гунны» и Э. Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие» [27. С. 26] (хотя последнего сложно отнести к евразийцам). Книга Н.П. Толля стала своего рода «мостиком» между Л.Н. Гумилевым и евразийцами. Идеи П.Н. Савицкого о «степилюбивой» традиции в русской науке и развитии отечественного кочевниковедения получили свое практическое воплощение в деятельности Л.Н. Гумилева во второй половине XX в.

Список источников

1. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага : Евразийское книгоизд-во, 1927. 235 с.
2. Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь» (российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск : Карельский науч. центр РАН, 2003. 392 с.
3. Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М. : Памятники исторической мысли, 1997. 350 с.
4. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М. : Наталис, 2004. 287 с.
5. Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории старого света // На путях. Берлин : Геликон, 1922. С. 317–340.
6. Савицкий П.Н. Степь и оседлость // На путях. Берлин : Геликон, 1922. С. 341–356.
7. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана: взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М. : Аграф, 1999. С. 223–292.
8. Никитин В.П. Иран, Туран и Россия // Евразийский временник. Париж : Евразийское книгоизд-во, 1927. Кн. 5. С. 79–120.
9. Петр Николаевич Савицкий (1895–1968) : библиография опубликованных работ / сост. и авт. введения М. Байссвенгер. Прага : Нац. б-ка Чешской Республики, 2008. 111 с.
10. Редакционное примечание [к статье: Никитин В.П. Иран. Туран и Россия] // Евразийский временник. Париж : Евразийское книгоизд-во, 1927. Кн. 5. С. 75–78.
11. Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага : Евразийское книгоизд-во, 1927. Ч. 1. С. 234–260.
12. Савицкий П.Н. Проблемы русской истории // Русский узел евразийства : Восток в русской мысли. М. : Беловодье, 1997. С. 389–402.
13. Сорокина М.Ю., Стоюхина Н.Ю. К биографии историка Николая Петровича Толля (1894–1985): новые архивные данные // Ежегодник дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. № 4. С. 209–220.
14. Дворниченко А.Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб. : Евразия, 2017. 724 с.
15. Андреева Е.Н., Сорокина М.Ю. Нет утешения в разлуке... : переписка Н.П. и Н.В. Толлей и Н.Е. Андреева (1948–1980) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2018. № 8. С. 203–234.
16. Текущее // Евразийская хроника. 1925. Вып. 3. С. 54–66.
17. Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства : статьи и письма. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына ; Викмо-М, 2018. 680 с.
18. Байссвенгер М. Н.В. Вернадская-Толль и становление «научного» евразийства (конец 1920-х гг.) // Ежегодник дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. № 4. С. 172–176.
19. В.Т. [Вернадская-Толль Н.В.]. Понятие Евразии по антропологическому признаку // Евразийская хроника. 1927. Вып. 8. С. 26–31.
20. Толль Н.П. Рецензия на: Б. Денике. Искусство востока. Казань, 1923. 250 стр., 11 таблиц // Евразийская хроника. 1927. Вып. VI. С. 41–42.
21. Савицкий П.Н. Идеи и пути евразийской литературы // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. М. : Беловодье, 1997. С. 369–388.
22. Лубенский Степан [Савицкий П.Н.]. Евразийская библиография, 1921–1931: путеводитель по евразийской литературе // Тридцатые годы : утверждение евразийцев. - Париж : Изд-во Евразийцев, 1931. С. 285–317.
23. Толль Н.П Скифы и гунны : из истории кочевого мира. Прага : Евразийское книгоизд-во, 1928. 77 с.
24. Савицкий П.Н. О задачах кочевниковедения (почему скифы и гунны должны быть интересны для русского) // Савицкий П.Н. Избранное. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. С. 312–340.
25. Кизеветтер А.А. Рецензия на: Толль Н.П. Скифы и гунны. Из истории кочевого мира. Опыт истории Евразии. Вып. 1. Прага, 1928. 77 с. Савицкий П.Н. О задачах кочевниковедения. Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского. Евразийское книгоиздательство, 1928. 106 с. // Руль. 1928. № 2364. С. 4.
26. Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. М. : Т-во науч. изданий КМК, 2005. 339 с.
27. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М. : Экопрос, 1993. 576 с.

References

1. Vernadskiy, G.V. (1927) *Nachertanie russkoy istorii* [The Outline of Russian History]. Prague: Evraziyskoe knigoizd-vo.
2. Antoshchenko, A.V. (2003) *“Evraziya” ili “Svyataya Rus’” (rossiyskie emigranty v poiskakh samosoznaniya na putyakh istorii)* [“Eurasia” or “Holy Rus’” (Russian émigré in search of self-consciousness on the paths of history)]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

3. Vandalkovskaya, M.G. (1997) *Istoricheskaya nauka rossiyskoy emigratsii: "evraziyskiy soblazn"* [History of Russian emigration: "Eurasian temptation"]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
4. Laruelle, M. (2004) *Ideologiya russkogo evraziystva, ili Mysli o velichii imperii* [Ideology of Russian Eurasianism or Thoughts about the greatness of the Empire]. Moscow: Natalis.
5. Bicilli, P.M. (1922) "Vostok" i "Zapad" v istorii starogo sveta ["East" and "West" in the history of the Old World]. In: *Na putyakh* [On the tracks]. Berlin: Gelikon. pp. 317–340.
6. Savitskiy, P.N. (1922) Step' i osedlost' [Steppe and settlement]. In: *Na putyakh* [On the tracks]. Berlin: Gelikon. pp. 341–356.
7. Trubetskoy, N.S. (1999) *Nasledie Chingishana* [The Legacy of Genghis Khan]. Moscow: Agraf. pp. 223–292.
8. Nikitin, V.P. (1927) Iran, Turan i Rossiya [Iran, Turan, and Russia]. In: *Evraziyskiy vremennik* [Eurasian Timeline]. Vol. 5. Paris: Evraziyskoe knigoizd-vo. pp. 79–120.
9. Beisswenger, M. (ed.) (2008) *Petr Nikolaevich Savitskiy (1895–1968): bibliografiya opublikovannykh rabot* [Petr Nikolaevich Savitsky (1895–1968): Bibliography of Published Works]. Prague: National Library of the Czech Republic.
10. Anon. (1927) Redaktsionnoe primechanie [k stat'e: Nikitin V.P. Iran. Turan i Rossiya] [Editorial [to the article by V.P. Nikitin "Iran, Turan, and Russia]. In: *Evraziyskiy vremennik* [Eurasian Timeline]. Vol. 5. Paris: Evraziyskoe knigoizd-vo. pp. 75–78.
11. Savitskiy, P.N. (1927) Geopoliticheskie zametki po russkoy istorii [Geopolitical notes on Russian History]. In: Vernadskiy, G.V. *Nachertanie russkoy istorii* [The Outline of Russian History]. Prague: Evraziyskoe knigoizd-vo. pp. 234–260.
12. Savitskiy, P.N. (1997) Problemy russkoy istorii [Problems of Russian History]. In: Klyuchnikov, S. (ed.) *Russkiy uzel evraziystva : Vostok v russkoy mysli* [Russian Knot of Eurasianism: The East in Russian Thought]. Moscow: Belovod'e. pp. 389–402.
13. Sorokina, M.Yu. & Stoyukhina, N. Yu. (2013) K biografii istorika Nikolaya Petrovicha Tollya (1894–1985): novye arkhivnye dannye [On the Biography of the Historian Nikolai Petrovich Toll (1894–1985): New Archival Data]. *Ezhegodnik doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna*. 4. pp. 209–220.
14. Dvornichenko, A.Yu. (2017) *Russkiy istorik Georgiy Vernadskiy. Puteshestviya v mire lyudey, idey i sobytiy* [Russian Historian Georgy Vernadsky. Travels in the World of People, Ideas, and Events]. St. Petersburg: Evraziya.
15. Andreeva, E.N. & Sorokina, M.Yu. (2018) Net utesheniya v razluke... : perepiska N.P. i N.V. Tolley i N.E. Andreeva (1948–1980) [There is No Consolation in Separation...: Correspondence of N. P. and N. V. Toll and N. E. Andreeva (1948–1980)]. *Ezhegodnik doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna*. 8. pp. 203–234.
16. Anon. (1925) Tekushchee [Current]. *Evraziyskaya khronika*. 3. pp. 54–66.
17. Savitskiy, P.N. (2018) *Nauchnye zadachi evraziystva : stat'i i pis'ma* [Scientific tasks of Eurasianism: articles and letters]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna; Vikmo-M.
18. Beisswenger, M. (2013) N.V. Vernadskaya-Toll' i stanovlenie "nauchnogo" evraziystva (konets 1920-kh gg.) [N. V. Vernadskaya-Toll and the formation of "scientific" Eurasianism (late 1920s)]. *Ezhegodnik doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna*. 4. pp. 172–176.
19. V.T. [Vernadskaya-Toll, N.V.] (1927) Ponyatie Evrazii po antropologicheskomu priznaku [The concept of Eurasia on an anthropological basis]. *Evraziyskaya khronika*. 8. pp. 26–31.
20. Toll, N.P. (1927) Retsenziya na: B. Denike. Iskusstvo vostoka. Kazan', 1923. [Review of: B. Denike. Art of the East. Kazan, 1923]. *Evraziyskaya khronika*. VI. pp. 41–42.
21. Savitskiy, P.N. (1997) Idei i puti evraziyskoy literatury [Ideas and ways of Eurasian literature]. In: Klyuchnikov, S. (ed.) *Russkiy uzel evraziystva: Vostok v russkoy mysli* [Russian Knot of Eurasianism: The East in Russian Thought]. Moscow: Belovod'e. pp. 369–388.
22. Lubenskiy Stepan [Savitskiy, P.N.]. (1931) Evraziyskaya bibliografiya, 1921–1931: putevoditel' po evraziyskoy literature [The Eurasian Bibliography, 1921–1931: A guide to Eurasian literature]. In: *Tridtsatye gody: utverzhdenie evraziytsev* [The Thirties: The Statement of the Eurasians]. Paris: Eurasian Publishing House. pp. 285–317.
23. Toll, N.P (1928) *Skify i gunny: iz istorii kochevogo mira* [Scythians and Huns: From the History of the Nomadic World]. Prague: Eurasian Publishing House.
24. Savitskiy, P.N. (2010) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 312–340.
25. Kizevetter, A.A. (1928) Retsenziya na: Toll' N.P. Skify i gunny. Iz istorii kochevogo mira. Opyt istorii Evrazii. Vyp. 1. Praga, 1928. 77 s. Savitskiy P.N. O zadachakh kochevnikovedeniya. Pochemu skify i gunny dolzhny byt' interesny dlya russkogo. Evraziyskoe knigoizdatel'stvo, 1928. 106 s. [Review of: Toll N.P. Scythians and Huns. From the history of the nomadic world. Experience of the history of Eurasia. Issue 1. Prague, 1928. 77 p. Savitsky P.N. On the tasks of nomadic studies. Why the Scythians and Huns should be interesting for a Russian. Eurasian book publishing house, 1928. 106 p.]. *Rul'*. 2364. p. 4.
26. Vernadskiy, G.V. (2005) *Opyt istorii Evrazii. Zven'ya russkoy kul'tury* [Towards the history of Eurasia. Links of Russian culture]. Moscow: T-vo nauch. izdaniy KMK.
27. Gumilev, L.N. (1993) *Ritmy Evrazii: epokhi i tsivilizatsii* [Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations]. Moscow: Ekopros.

***Сведения об авторе*:**
Быстрюков Владимир Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара, Россия). E-mail: bystryukov@pgsga.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Bystryukov Vladimir Yu. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History, the law and teaching methods of Samara State Socio-Pedagogical University (Samara, Russian Federation). E-mail: bystryukov@pgsga.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.07.2022; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 21.07.2022; accepted for publication 01.08.2025

Научная статья
УДК 93/94(570)
doi: 10.17223/19988613/96/21

Анализ материалов периодического издания «Нефтяник Приполярья» как метод восстановления истории города Губкинского в начале 1990-х гг.

Ольга Руслановна Фадеева

Томский государственный университет, Томск, Россия, tomichkitomsk@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу газеты «Нефтяник Приполярья» (1990–1995) как источника по истории становления и развития г. Губкинского. Выявлены особенности отражения в издании социально-экономических, экологических и общественно-политических процессов. Применены методы контент-анализа и историко-сравнительного подхода. Выделены ключевые темы публикаций. Сделан вывод о высокой ценности издания для изучения локальной истории при дефиците архивных данных.
Ключевые слова: локальная история, Губкинский, периодическая печать, «Нефтяник Приполярья», контент-анализ, реконструкция исторического контекста

Для цитирования: Фадеева О.Р. Анализ материалов периодического издания «Нефтяник Приполярья» как метод восстановления истории города Губкинского в начале 1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 172–179. doi: 10.17223/19988613/96/21

Original article

Analysis of the Materials of the Periodical Neftyanik Pripolyarya as a Method for Reconstructing the History of the City of Gubkinsky in the Early 1990s

Olga R. Fadeeva

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, tomichkitomsk@mail.ru

Abstract. This article examines the periodical ‘Neftyanik Pripolyarya’ as a key historical source for reconstructing the early development of Gubkinsky, one of the youngest settlements in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug. Founded in 1986 as a settlement, Gubkinsky was granted city status in 1996, experiencing rapid growth due to the expansion of the oil and gas industry. As one of the leading local periodicals of the time, Neftyanik Pripolyarya documented socio-economic transformations, political changes, and public sentiments that shaped the town during its formative period.

The study employs content analysis of newspaper publications to identify key themes and issues influencing the development of Gubkinsky. These include housing construction, the establishment of social infrastructure, environmental consequences of industrial activity, crime rates, and challenges in food supply. Given the limited availability of archival documents and official reports from the early 1990s, this periodical serves as a valuable source for reconstructing the historical landscape of Gubkinsky’s urbanization. The newspaper provides insights into the daily lives of residents, revealing the dynamics of economic development, demographic shifts, and social adaptation in the context of industrial expansion in the North.

An examination of the newspaper’s materials demonstrates that ‘Neftyanik Pripolyarya’ not only recorded key events but also contributed to the formation of local identity and the professional community. It served as a platform for public discussions on pressing social and economic issues, with contributors including representatives from the oil and gas industry, local authorities, and the cultural sector. The publications highlighted the adaptation of new residents to the extreme northern climate, the implementation of innovative construction technologies for housing and industrial facilities, and the organizational challenges associated with providing social services in an economically unstable environment.

The findings emphasize the importance of local periodicals as sources documenting socio-economic and cultural aspects of history that may not be reflected in official government reports. The newspaper preserved information about key events, management decisions, and public initiatives that influenced the development of Gubkinsky. The materials highlight issues of social cohesion, problem-solving efforts, and the formation of an urban community amid intensive industrial growth.
Keywords: local history, Gubkinsky, periodical press Neftyanik Pripolyarya, content analysis, reconstruction of historical context

For citation: Fadeeva, O.R. (2025) Analysis of the Materials of the Periodical Neftyanik Pripolyarya as a Method for Reconstructing the History of the City of Gubkinsky in the Early 1990s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 172–179. doi: 10.17223/19988613/96/21

© О.Р. Фадеева, 2025

Периодические издания – один из важнейших источников для исторических исследований в контексте изучения локальной истории. Газетные публикации отражают не только хронологию событий, но и общественные настроения, социально-экономические трансформации, политическую ситуацию и культурное развитие городов. В условиях недостаточной документальной базы и ограниченного количества архивных источников периодические издания приобретают особую значимость.

История освоения Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) неразрывно связана с развитием нефтегазового комплекса. С конца 1960-х гг. этот регион стал одним из ключевых центров нефтегазодобычи в РСФСР. Масштабное строительство производственных и жилых объектов, организация инфраструктуры и активное привлечение трудовых ресурсов способствовали появлению новых населенных пунктов. Одним из них стал Губкинский.

Поселок Губкинский был основан в 1986 г. в рамках активного освоения нефтегазовых месторождений центральной части Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Его возникновение было обусловлено промышленной необходимостью создания опорного населенного пункта для обеспечения деятельности нефтедобывающих предприятий, в первую очередь объединения «Пурнефтегаз». С момента основания Губкинский развивался ускоренными темпами: велось масштабное жилищное строительство, формировалась система социальной инфраструктуры, развивались сферы здравоохранения, образования и культуры. Несмотря на сохранявшийся в 1990–1995 гг. статус поселка, населенный пункт фактически функционировал как развивающийся городской центр, обладающий признаками сложившейся урбанистической среды.

Административный статус Губкинского был изменен в 1997 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 1519 «О преобразовании поселка Губкинский Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа в город окружного подчинения» [1]. В связи с этим, несмотря на юридически закрепленный статус поселка в исследуемый период, в статье используется определение «город» как отражающее динамику развития, характерную для городских образований, и подчеркивающее процесс становления городской среды.

В рассматриваемый период Губкинский входил в состав Тюменской области, одновременно являясь частью Ямало-Ненецкого автономного округа. В научной и административной традиции того времени оба понятия – «Тюменский Север» и «Ямальский Север» – использовались параллельно.

Научные исследования Губкинского охватывают широкий спектр направлений, включая социально-экономическое развитие, экологические аспекты, стратегическое планирование и влияние нефтегазовой промышленности на жизнь города. Исторические аспекты формирования Губкинского подробно рассматриваются в работе Р.Г. Шаймарданова, В.Ю. Манченко и Г.Ю. Колевой «К истокам биографии: город Губкинский», где авторы исследуют ключевые этапы становления города в контексте освоения северных территорий [2. С. 222]. Вопросы развития малого и среднего бизнеса в условиях наличия предприятий по глубокой переработке углеводородного сырья анализируются в исследовании Е.А. Сергеевой, Л.А. Ельшиной и А.С. Брысаевой «Оценка потенциала развития малого и среднего бизнеса в регионе с предприятием по глубокой переработке углеводородного сырья» [3. С. 316]. Экологические аспекты, связанные с деятельностью нефтегазового комплекса, изучены в работах И.А. Голубевой и Е.В. Родиной «Газоперерабатывающие предприятия России. Муравленковский и Губкинский ГПЗ» [4. С. 19], Ю.В. Васильева и М.С. Мимеева «Анализ многолетних наблюдений за загрязнением атмосферного воздуха на территории Губкинского нефтегазоконденсатного месторождения» [5. С. 58], Т.Б. Сродных «Влияние интразональных факторов на рост и состояние зеленых насаждений сибирских городов крайне северотаежной зоны» [6. С. 68]. Стратегическое управление развитием города в условиях северных территорий России рассматривается в исследовании Н.А. Серовой «Основные тенденции стратегического управления в городах российского севера» [7. С. 26].

В условиях ограниченного доступа к архивным фондам и дефицита официальной документации в 1990-х гг. периодическая печать становится важным источником реконструкции локальной истории. Периодические издания позволяют выявить не только хронологию событий, но и особенности социально-экономической трансформации, обусловленной функционированием градообразующего предприятия. В случае Губкинского речь идет о формировании городской среды в тесной связи с деятельностью нефтедобывающей компании «Пурнефтегаз», что делает анализ местной прессы особенно значимым для понимания повседневной жизни и общественных настроений в условиях Севера.

Периодическое издание «Нефтяник Приполярья», основанное 15 июля 1989 г., является одним из ключевых источников, фиксировавших процессы становления и развития Губкинского. В начале 1990-х гг. оно оставалось единственным печатным средством массовой информации поселка. Учредителями выступили Администрация населенного пункта и нефтедобывающая компания «Пурнефтегаз», которой принадлежало издание. Издание выходило раз в неделю по субботам и освещало ключевые аспекты социально-экономического и инфраструктурного развития Губкинского. Значительное внимание в публикациях уделялось вопросам нефтегазодобывающей отрасли, что обусловило активное участие нефтяников в качестве авторов статей. Помимо информационной функции, газета выполняла важную социально-культурную роль, способствуя формированию локальной идентичности, укреплению профессионального сообщества и развитию общественного диалога.

В рамках исследования проведен анализ газеты «Нефтяник Приполярья» за период с 1990 по 1995 г. Основная цель работы – выявление особенностей освещения в издании процессов развития поселка Губкинского в начале 1990-х гг. В ходе исследования использовались методы контент-анализа, сравнительного анализа и исторического метода, что позволило определить

ключевые темы публикаций, выявить тенденции жизни будущего города и оценить значимость периодического издания как инструмента для воссоздания исторического контекста данного периода.

С 1990 по 1995 г. было опубликовано 302 выпуска газеты, что составляет значительную часть всего массива издания за десятилетие, включающего 510 номеров. Анализ выявил ряд особенностей, связанных с публикационной практикой. В отдельных номерах встречаются повторяющиеся статьи, что может объясняться ограниченным количеством новостных событий в поселке. В праздничные периоды или при нехватке информационного материала издание выпускало сдвоенные и объединенные номера, например № 19-20 за 1993 г. или № 34-35, датированный 1 сентября 1990 г. Зафиксирован случай дублирования: восьмой выпуск 1993 г. содержит идентичные материалы седьмого. Исследование архивных данных выявило отсутствие нескольких выпусков, что могло быть вызвано различными причинами, включая утрату вследствие ненадлежащего хранения, изъятие пользователями или возможное отсутствие выпуска по организационным причинам. В 1990 г. не сохранились номера 30, 31, 36, 42, 44 и 45. В 1991 г. – 9, 17, 33, 34, 43 и 44. В 1993–1994 гг. отсутствует выпуски под номером 27.

На протяжении всего периода издания газета выпускалась в классическом формате. Однако в 1993 г. произошли значительные изменения в ее оформлении. 21-й номер заметно отличался от предыдущих выпусков за счет обновленного визуального стиля. Издание стало более наглядным, появилось больше иллюстраций, общий характер материалов приобрел публицистическую направленность. В этот период газета начала печататься в издательстве «Интерком», что повлияло как на ее содержание, так и на общий облик. В 1994 г. в рамках празднования пятилетия издания был выпущен 35-й номер, ставший единственным цветным выпуском за весь исследуемый период.

В рамках исследования выявлено около 60 рубрик, которые можно классифицировать по различным направлениям в зависимости от их тематики. Периодическое издание охватывало широкий спектр общественной жизни, включая политические события, экономику, социальные вопросы, культуру, спорт и безопасность.

Одним из ключевых направлений являлись политика и общественная жизнь, здесь освещались деятельность партийных и комсомольских организаций, работа профсоюзов и советов трудовых коллективов. В данной категории представлены рубрики «В парткоме объединения», «В профкоме объединения», «В совете трудового коллектива», «Партийная хроника» и «Комсомол: каким ему быть». Кроме того, газета уделяла внимание значимым политическим событиям, таким как выборы президента России и годовщина создания комсомола, что отражено в материалах рубрик «12 июня – день выборов президента России» и «29 октября – день рождения комсомола».

Важное место в тематической структуре издания занимала экономика, охватывающая вопросы нефтегазового производства, социального обеспечения и организации труда. Среди рубрик данного направления выделяются «Пурнефтегаз-Коноко», «Харампур: день за днем», «Обустройству месторождений – комплексный подход» и «Хозяйствовать эффективно». Анализ содержания публикаций, размещенных в рамках указанных рубрик, позволяет проследить, каким образом в местной прессе отражались как производственные достижения, так и реальные трудности, с которыми сталкивались предприятия и их сотрудники в начале 1990-х гг. В статье 1990 г. «Трудная нефть Харампура» Р. Сибагатуллиной представлены проблемы освоения месторождений, включая сложности транспортной доступности, климатические ограничения и необходимость прокладки инфраструктуры в условиях отсутствия устойчивых логистических маршрутов. Публикация А. Мамаладзе «Трудный путь к Харампуру» акцентирует внимание на бытовых трудностях вахтовиков, включая низкие температуры, изолированность и нехватку снабжения.

Помимо вышеперечисленного, в издании уделялось внимание анализу эффективности экономических программ и контролю их реализации, что нашло отражение в рубриках «Социальная программа в действии», «Рабочий контроль действует», «Потенциал не реализован» и «Контакты и контракты».

Отдельное место в публикациях занимает формирование образа труженика Севера. Тенденция к героизации труда прослеживается в цикле материалов «Люди нефтяного края», включающем биографические очерки о производственниках, достигших значимых результатов. Подобные публикации выполняли не только информативную, но и мобилизующую функцию, укрепляя локальную идентичность и подчеркивая ведущую роль нефтегазовой отрасли в развитии Губкинского.

Сравнительный анализ социально-экономического содержания периодических изданий Губкинского и Ноябрьска в начале 1990-х гг. позволяет выявить существенные различия в логистических возможностях и уровне инфраструктурного развития двух промышленных центров. Губкинский в этот период характеризовался ограниченной транспортной доступностью, сезонным характером поставок и слаборазвитой дорожной сетью. В это же время Ноябрьск, где базировалась крупная нефтяная компания «Ноябрьскнефтегаз», имел прямое железнодорожное сообщение, развитую автотранспортную инфраструктуру и устойчивые каналы снабжения, что обеспечивало большую экономическую устойчивость в условиях постсоветской трансформации.

Показательно, что в публикациях газеты «Нефтяник Приполярья» регулярно встречаются сравнения с Ноябрьском, где, как подчёркивали авторы, «уже всё налажено», «нет перебоев с поставками», «работают дома культуры и бассейны», в то время как в Губкинском подобная инфраструктура только начинала формироваться. Такие сопоставления отражали не только объективную разницу в уровне развития, но и стремление местных журналистов и жителей к моделям, продемонстрированным в более зрелых северных городах. На страницах издания Ноябрьск часто фигурировал как ориентир и пример для подражания, в том числе в сфере организации производства, социальной политики и условий труда.

Городские новости и локальные события составляли значительную часть содержания газеты. Материалы, посвященные жизни поселка, включали такие рубрики, как «Город готовится к зиме», «Горячие точки Губкинского», «Наш поселок – наша забота». Кроме того, особое внимание уделялось образовательным вопросам, что выразилось в материалах о подготовке к учебному году, праздновании Дня знаний и школьной жизни, освещаемых в рубриках «Готовимся к учебному году», «Школьная страничка» и «Школьные каникулы».

Культурно-историческая тематика находила отражение в публикациях, посвященных памятным датам и юбилеям. В этом направлении можно выделить рубрики «К 60-летию Пуровского района», «К юбилею округа» и «Литературный цех». Вопросы культуры и образования затрагивались в таких рубриках, как «Новости культурной жизни» и «Субъективные заметки о хорошем учителе».

Социальные вопросы, семейные и бытовые аспекты освещались в рубриках «Вопрос–ответ», «Женсовет: дела и заботы», «Взрослые и дети», «Общежитие – мой дом» и «Подсобное хозяйство». Эти публикации затрагивали различные аспекты повседневной жизни, включая бытовые условия, семейные ценности и социальную поддержку.

Актуальные вопросы безопасности и правопорядка нашли отражение в материалах рубрик «По милицейским сводкам», «Служба ОБХСС сообщает», «Острый сигнал» и «Кричащая проблема». В этих материалах рассматривались преступность, правонарушения и работа правоохранительных органов.

Одним из значимых тематических блоков стало освещение вопросов здоровья и экологии, включающее материалы о медицинских работниках, общественном здоровье и нравственных аспектах отношения к окружающей среде. В данном разделе представлены рубрики «Завтра день медицинского работника» и «16 июня – день медицинского работника», посвященные профессиональному сообществу врачей и их роли в обществе. Вопросы взаимодействия человека с природой и морально-этические аспекты социального поведения рассматривались в рамках рубрик «Экология и нравственность» и «Человек, общество, мораль».

Сфера спорта и досуга освещалась в рубриках, направленных на популяризацию активного образа жизни и раскрытие увлечений и интересов различных групп населения. Рубрики «Спорт» и «В мире увлечений» содержали материалы о физической культуре, спортивных достижениях и досуговых практиках, тогда как в рубрике «Твои люди, Север» рассказывалось о людях, внесших вклад в развитие поселка.

Важное место в структуре периодического издания занимала общественная дискуссия, разворачивавшаяся в рубриках, основанных на обмене мнениями, обращениях граждан и интерпретации актуальных вопросов социальной жизни. Так, материалы рубрики «Из достоверных источников» содержали официальные сведения, аналитические данные и комментарии представителей администрации и предприятий. В то же время рубрика «Письма в редакцию» предоставляла возможность жителям поселка выражать собственную точку зрения, поднимать волнующие темы и инициировать обсуждение конкретных проблем. Разделы «Только факты» и «Есть мнение» балансировали между фактической информацией и субъективными интерпретациями, тем самым создавая пространство для формирования локального общественного мнения.

Особый интерес представляют дискуссионные материалы, в которых находили отражение не только индивидуальные переживания, но и коллективные представления о положении дел в поселке. Анализ текстов, опубликованных в указанных рубриках, позволяет выделить наиболее острые вопросы, волновавшие местное сообщество: жилищная проблема, нехватка мест в детских садах и школах, дефицит медицинской помощи, перебои с продовольственным снабжением, а также неудовлетворенность деятельностью местных органов управления. Существенное место занимали обращения, касающиеся перспектив развития Губкинского, его преобразования в полноценный городской центр, благоустройства территории, сохранения трудовых коллективов и создания новых рабочих мест.

В ряде публикаций граждане предлагали конкретные пути решения обозначенных проблем – от введения механизмов справедливого распределения жилья до создания местных социальных программ и поддержки семей с детьми и пенсионеров. При этом значительная часть материалов носила критический или полемический характер, отражая рост гражданской активности и попытки населения участвовать в обсуждении векторов будущего развития поселения.

Помимо тематических направлений газета содержала материалы общего характера, объединенные в рубриках, отражающих широкий спектр информационных поводов. Раздел «Немного статистики» представлял аналитические и количественные данные, связанные с различными аспектами жизни региона. В рубрике «Новости» публиковалась информация о текущих событиях, в «Наши гости» рассказывалось о визитах значимых персон, а в «По соседству живем» поднимались темы взаимодействия между жителями различных населенных пунктов. Освещение итогов прошедших периодов находило отражение в рубрике «Финиш прошлого, старт нового», в то время как материалы, посвященные вопросам благоустройства и культурного развития, были представлены в разделе «За город высокой культуры и образцового порядка». Важной частью контента стали сатирические и критические заметки, публиковавшиеся в рубрике «Сатирическим пером».

Редакционная деятельность осуществлялась как штатными, так и внештатными сотрудниками, включая профессиональных редакторов, специалистов различных областей знаний, представителей нефтяной отрасли и учащихся общеобразовательных учреждений. В отдельных случаях подготовка материалов велась авторами, не имеющими редакционного опыта, но представляющими различные профессиональные сферы, что способствовало расширению тематического диапазона периодического издания. В результате проведенного анализа за 1990–1995 гг. было установлено 117 авторов, писавших статьи по направлениям: образование и воспитание, спорт и физическая культура, культура

и искусство, медицина и здравоохранение, нефтегазовая отрасль и промышленность, строительство и архитектура, администрация и управление, экология и охрана окружающей среды, журналистика и СМИ.

Авторы, представлявшие направление «Образование и воспитание», освещали вопросы педагогической деятельности, воспитательной работы и формирования образовательной среды. А. Афашагова, Т. Киселева, А. Смелова, Е. Авилова и Н. Писарева как руководители образовательных учреждений и заместители директоров школ поднимали темы повышения качества образования, совершенствования методик преподавания и воспитания учащихся. А. Цыпляева, работая воспитателем, делилась опытом формирования нравственных и социальных качеств у детей [8].

В сфере «Спорт и физическая культура» авторы акцентировали внимание на развитии массового спорта, подготовке юных спортсменов и организации спортивных мероприятий в Губкинском. Л. Карнаущенко освещала вопросы методики обучения плаванию [9]. В. Кондауров, помимо тренерской деятельности, анализировал развитие мини-футбола и спортивной инфраструктуры в регионе [10]. С. Кривицкий, мастер спорта по спортивной гимнастике, делился профессиональным опытом подготовки спортсменов [11].

Авторы, представляющие сферу культуры и искусства, освещали вопросы организации культурно-массовых мероприятий, сохранения традиций, развития библиотечного дела и национального самосознания в Губкинском. Л. Артамонова, работая инструктором профсоюзного комитета, координировала проведение культурных мероприятий на предприятиях, способствовала развитию творческой активности работников [12]. Л. Васина и Н. Дымова, руководители КСК «Олимп», занимались организацией досуга, поддержкой самодеятельных коллективов и развитием художественной самореализации населения. Значительный вклад в развитие библиотечного дела внесли С. Реенчинова и Т. Романенко, занимающиеся вопросами пополнения библиотечного фонда, организации литературных вечеров и повышения интереса к чтению среди населения. Р. Кашапов как представитель татаро-башкирского центра, писал о национально-культурной деятельности, межэтническом взаимодействии и сохранении традиционного наследия народов, проживающих в поселке.

Авторы, работающие в сфере медицины и здравоохранения, акцентировали внимание на вопросах профилактики заболеваний, охраны здоровья населения, санитарно-эпидемиологического надзора и медицинской реабилитации. Н. Озерная, врач-эпидемиолог Губкинского филиала ЦСЭН, в своих публикациях рассматривала актуальные вопросы санитарной безопасности, профилактических мероприятий и борьбы с инфекционными заболеваниями. Значительный вклад в освещение вопросов медицинской профилактики и восстановления здоровья населения внесли З. Антонова, Г. Миллис и Г. Журавлева, сотрудники профилактория. Их публикации касались реабилитации и оздоровления работников промышленных предприятий, внедрения методик профилактики профессиональных заболеваний и организации медицинских программ, направленных на укрепление здоровья.

Большинство авторов периодического издания «Нефтяник Приполярья» работали в нефтегазодобывающей отрасли. Именно поэтому наибольшее число публикаций было посвящено предприятию Пурнефтегаз. Статьи отражали как производственные процессы, так и деятельность профсоюзов, управление социальными программами и вопросы промышленной безопасности на месторождениях.

Значительное внимание уделялось производственным процессам. М. Лукашенок, заместитель управляющего трестом Пурнефтеспецстрой, освещал темы строительства объектов для нефтегазовой отрасли. В. Терехин и А. Бурдель, работая инженерами в различных подразделениях нефтегазовых компаний, анализировали технологические аспекты добычи и переработки нефти. В. Заволжский, занимая должность заместителя главного геолога АО ПНГ, рассматривал геологические исследования и разведку новых месторождений. В. Тунский, заместитель генерального директора АО ПНГ по капитальному строительству, акцентировал внимание на стратегическом развитии инфраструктуры предприятий.

Социальное развитие и профсоюзная деятельность играли немаловажную роль на нефтегазодобывающем предприятии. А. Меркушев и В. Бутько, представители профсоюзных организаций объединения Пурнефтегаз, рассматривали вопросы защиты прав работников, улучшения условий труда и социальных гарантий. Ю. Оленев и М. Сибирмовская, курируя социальное развитие предприятий, освещали корпоративные программы поддержки сотрудников, вопросы жилья и досуга. Г. Коженкова, инженер отдела социального развития, анализировала влияние социальной политики на эффективность труда и удовлетворенность работников.

В начале 1990-х гг. Губкинский сталкивался с рядом серьезных проблем, обусловленных его активным развитием на фоне нефтегазодобычи. Основными вопросами, освещаемыми в периодическом издании «Нефтяник Приполярья», стали нехватка жилых помещений, вызванная стремительным демографическим ростом, ухудшение экологической обстановки вследствие промышленного загрязнения, высокая криминальная активность, перебои с поставками товаров и продовольствия и недостаточное развитие социальной инфраструктуры, включающей школы, медицинские учреждения, спортивные секции. Эти проблемы нашли отражение в публикациях периодических изданий, где подробно рассматривались их причины, последствия и предпринимаемые меры.

Одной из ключевых тем газетных публикаций стало жилищное строительство. Интенсивный прирост населения, обусловленный развитием нефтегазового комплекса, привел к значительному дефициту жилых помещений. Так, в статье В. Тунского, заместителя генерального директора «Пурнефтегаз» по капитальному строительству, «Строительство: тактика выживания» от 14 мая 1994 г. описываются проблемы, связанные с задержками в строительстве новых жилых объектов и нехваткой инженерных коммуникаций, что препят-

ствовало своевременному заселению введенных в эксплуатацию зданий.

Экологическая ситуация в городе вызывала серьезную обеспокоенность. В № 41 от 13 октября 1990 г. в статье по названием «Бездумность», автором которой являлся заместитель главного инженера объединения «Пурнефтегаз» Р. Багалов, были освещены факты промышленного загрязнения окружающей среды в результате деятельности предприятий нефтегазового сектора, подчеркивалась необходимость внедрения природоохранных мероприятий. Однако реализация этих мер на практике сталкивалась с определенными затруднениями, что усиливало экологические риски.

Криминогенная обстановка в Губкинском характеризовалась высокой степенью напряженности и сохраняла сложный характер. Анализ публикаций в средствах массовой информации свидетельствует о значительном количестве материалов, посвященных данной проблематике. Была даже введена специализированная рубрика «Человек, общество, мораль», в рамках которой акцентировалось внимание на росте преступности. В частности, отмечалось увеличение числа краж и случаев нападений, что, по мнению авторов, было обусловлено совокупностью факторов, включая экономические трудности и недостаточную численность личного состава правоохранительных органов. В публикациях подчеркивалась необходимость реализации дополнительных мер, направленных на укрепление общественной безопасности, и расширения штатной численности сотрудников правоохранительных структур. Так, в статье «Голыми руками не возьмешь» от 12 мая 1990 г. приводится детальный анализ криминальной ситуации в городе.

Снабжение населения товарами первой необходимости и продовольствием представляло собой одну из наиболее острых проблем в Губкинском. В № 17 от 28 апреля 1990 г. сообщалось о систематических перебоях в поставках продовольственных товаров, что приводило к хроническому дефициту основных продуктов в магазинах и, как следствие, вызывало рост социального недовольства среди жителей. Основной причиной этих перебоев были серьезные трудности с логистикой. Губкинский, расположенный в Ямало-Ненецком автономном округе, находился в значительной удаленности от крупных транспортных узлов и центров снабжения. Суровый климат, экстремально низкие температуры зимой, отсутствие развитой дорожной инфраструктуры или полное отсутствие дорог в некоторых направлениях существенно затрудняли доставку товаров. Эти факторы в совокупности создавали дополнительные барьеры для обеспечения поселка необходимыми ресурсами, усугубляя и без того сложную социально-экономическую ситуацию.

Проблема снабжения усугублялась недостаточным развитием социальной инфраструктуры, что значительно влияло на уровень жизни населения. В Губкинском остро ощущалась нехватка образовательных и медицинских учреждений, что находило отражение в публикациях того времени. В выпуске № 6 за 1995 г. поднимался вопрос о дефиците мест в школах и детских садах, затруднявшем доступность образования в условиях роста численности населения. Недостаток медицинских учреждений и квалифицированных кадров ограничивал качество и своевременность оказания медицинской помощи, что становилось еще одной серьезной социальной проблемой. В связи с этим возникала необходимость привлечения специалистов в сферу образования и здравоохранения. Однако удаленность города, суровый климат и недостаточная инфраструктура затрудняли этот процесс, поскольку не все специалисты были готовы к переезду и долгосрочной профессиональной деятельности в условиях Крайнего Севера, что, в свою очередь, способствовало дальнейшему усугублению кадрового дефицита.

На фоне указанных проблем значимую роль в развитии Губкинского играло нефтегазодобывающее предприятие «Пурнефтегаз», которое не только обеспечивало его экономический рост, но и активно участвовало в решении социальных и инфраструктурных вопросов. Предприятие выступало инициатором строительства жилых домов, образовательных и медицинских учреждений, спортивных объектов. В частности, в 1994 г. нефтяники финансировали строительство спортивного зала для детей, что способствовало развитию физической культуры среди подрастающего поколения [13].

Развитие нефтегазовой отрасли оказывало всестороннее влияние на социально-экономическое положение Губкинского. Благодаря деятельности предприятий в поселке появлялись новые рабочие места, что привлекало специалистов из различных регионов страны. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, проблемы социальной сферы сохранялись, поскольку темпы роста численности населения опережали развитие инфраструктуры. Тем не менее вклад нефтегазового сектора способствовал постепенному улучшению условий жизни в городе, созданию необходимых объектов для обеспечения социальной стабильности и развитию Губкинского как одного из ключевых центров нефтегазодобычи в Ямало-Ненецком автономной округе.

Анализ периодического издания «Нефтяник Приполярья» за 1990–1995 гг. подтвердил его значимость как важного источника для реконструкции исторического контекста становления и развития Губкинского в начале 1990-х гг. Газета не только фиксировала ключевые события, но и отражала социально-экономические трансформации, общественные настроения, наиболее острые проблемы, с которыми сталкивались жители поселка в условиях политической и экономической нестабильности. В условиях ограниченной доступности архивных документов и недостаточной сохранности официальных источников материалы издания представляют собой ценный исторический ресурс, позволяющий глубже понять процессы формирования городской среды и влияние нефтегазового сектора на развитие региона.

Результаты исследования показали, что «Нефтяник Приполярья» освещал широкий спектр актуальных вопросов, включая жилищное строительство, развитие социальной инфраструктуры, экологическую ситуацию, криминогенную обстановку и продовольственное обеспечение. Особое внимание периодическое издание уделяло деятельности предприятия «Пурнефтегаз», играющего ключевую роль в социально-экономической

жизни поселка. Публикации содержат сведения о строительстве жилых объектов, школ, медицинских учреждений и спортивных комплексов, а также об экономических механизмах, использовавшихся для обеспечения будущего города товарами первой необходимости. В частности, значительное место в материалах издания занимала информация о бартерных сделках с различными регионами России и странами ближнего зарубежья, что подчеркивает важность нефтегазового комплекса как основного фактора социально-экономической устойчивости Губкинского. Таким образом, периодическое издание выполняло не только информационную, но и координирующую функцию, способствуя формированию локальной идентичности и укреплению профессионального сообщества.

Дальнейшее изучение материалов «Нефтяника Приполярья» открывает перспективы для более глубокого анализа отдельных аспектов развития Губкинского. В частности, углубленное исследование рубрик и авторских публикаций позволит уточнить степень влияния нефтегазовой отрасли на социальные процессы, проследить динамику общественных настроений и выявить основные направления градостроительной политики в 1990-е гг. Кроме того, сопоставительный анализ публикаций «Нефтяника Приполярья» с материалами других изданий может способствовать расширению представлений о социально-экономических тенденциях освоения нефтегазоносных территорий на территории Ямало-Ненецкого автономного округа и России в целом в период постсоветской трансформации.

Список источников

1. Об изменении административно-территориального устройства Ямало-Ненецкого автономного округа путем преобразования населенных пунктов в форме присоединения, об организации местного самоуправления на территории городского округа город Губкинский Ямало-Ненецкого автономного округа и изменении его границ : закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 23.04.2021 № 34-ЗАО // Электронный фонд правовых и нормативно- технических документов. URL: http://www.https://docs.cntd.ru/document/574706420 (дата обращения: 25.05.2022).
2. Шаймарданова Р.Г., Манченко В.Ю., Колева Г.Ю. К истокам биографии: город Губкинский // Новые технологии – нефтегазовому региону : материалы всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Тюмень : Тюмен. гос. нефтегаз. ун-т, 2011. С. 222–224.
3. Сергеева Е.А., Ельшина Л.А., Брысаева А.С. Оценка потенциала развития малого и среднего бизнеса в регионе с предприятием по глубокой переработке углеводородного сырья // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 4. С. 316–319.
4. Голубева И.А., Родина Е.В. Газоперерабатывающие предприятия России. Муравленковский и Губкинский ГПЗ // Нефтепереработка и нефтехимия. Научно-технические достижения и передовой опыт. 2015. № 12. С. 19–26.
5. Васильев Ю.В., Мимеев М.С. Анализ многолетних наблюдений за загрязнением атмосферного воздуха на территории губкинского нефтегазоконденсатного месторождения // Академический журнал Западной Сибири. 2016. № 3 (64). С. 58–60.
6. Сродных Т.Б. Влияние интразональных факторов на рост и состояние зеленых насаждений сибирских городов крайне северотаежной зоны // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2007. № 8. С. 68–70.
7. Серова Н.А. Основные тенденции стратегического управления в городах российского севера // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 47 (188). С. 26–30.
8. Цыпляева А. Дадим шар земной детям // Нефтяник Приполярья. 1990. 16 июня. С. 3.
9. Карнаущенко Л. Купайтесь для здоровья детям // Нефтяник Приполярья. 1990. 17 нояб. С. 2.
10. Кондауров В. Успех юных футболистов // Нефтяник Приполярья. 1991. 2 февр. С. 3.
11. Кривицкий С. Первые в районе // Нефтяник Приполярья. 1995. 11 марта. С. 7.
12. Артамонова Л. Почем культура // Нефтяник Приполярья. 1990. 6 окт. С. 3.
13. Иванов И. Для здоровья ребятишек // Нефтяник Приполярья. 1994. 1 янв. С. 1.

References

1. The Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. (2021) *Ob izmenenii administrativno-territorial'nogo ustroystva Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga putem preobrazovaniya naselennykh punktov v forme prisoedineniya, ob organizatsii mestnogo samoupravleniya na territorii gorodskogo okruga gorod Gubkinskiy Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga i izmenenii ego granits: zakon Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga ot 23.04.2021 № 34-ZAO* [On changing the administrative-territorial structure of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug by transforming settlements in the form of annexation, on the organization of local self-government on the territory of the urban district of the city of Gubkinsky of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug and changing its borders: Law of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug of April 23, 2021 No. 34-ZAO]. [Online] Available from: http://www.https://docs.cntd.ru/document/574706420 (Accessed: 25th May 2022).
2. Shaymardanova, R.G., Manchenko, V.Yu. & Koleva, G.Yu. (2011) K istokam biografii: gorod Gubkinskiy [To the origins of the biography: the city of Gubkinsky]. *Novye tekhnologii – neftegazovomu regionu* [New technologies – to the oil and gas region]. Proc. of the Conference. Tyumen: Tyumen State. Oil and Gas University. pp. 222–224.
3. Sergeeva, E.A., Elshina, L.A. & Brysaeva, A.S. (2013) Otsenka potentsiala razvitiya malogo i srednego biznesa v regione s predpriyatiem po glubokoy pererabotke uglevodorodnogo syr'ya [Assessment of the development potential of small and medium-sized businesses in the region with an enterprise for deep processing of hydrocarbon raw materials]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*. 4. pp. 316–319.
4. Golubeva, I.A. & Rodina, E.V. (2015) Gazopererabatyvayushchie predpriyatiya Rossii. Muravlenkovskiy i Gubkinskiy GPZ [Gas processing enterprises of Russia. Muravlenkovsky and Gubkinsky GPP]. *Neftepererabotka i neftekhimiya. Nauchno-tekhnicheskie dostizheniya i peredovoy opyt*. 12. pp. 19–26.
5. Vasiliev, Yu.V. & Mimeev, M.S. (2016) Analiz mnogoletnikh nablyudeniy za zagryazneniem atmosfernogo vozdukha na territorii gubkinskogo neftega-zokondensatnogo mestorozhdeniya [Analysis of long-term observations of atmospheric air pollution in the territory of the Gubkinskoye oil and gas condensate field]. *Akademicheskiy zhurnal Zapadnoy Sibiri*. 3(64). pp. 58–60.
6. Srodnykh, T.B. (2007) Vliyanie intrazonal'nykh faktorov na rost i sostoyanie zelenykh nasazhdeniy sibirskikh gorodov krayne severotaezhnoy zony [Influence of intrazonal factors on the growth and condition of green spaces of Siberian cities in the extreme northern taiga zone]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa – Lesnoy vestnik*. 8. pp. 68–70.
7. Serova, N.A. (2012) Osnovnye tendentsii strategicheskogo upravleniya v gorodakh rossiyskogo severa [Main trends in strategic management in the cities of the Russian north]. *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'*. 47(188). pp. 26–30.
8. Tsyplyaeva, A. (1990) Dadim shar zemnoy detyam [Let's give the globe to children]. *Neftyanik Pripolyar'ya*. 16th June. p. 3.
9. Karnaushchenko, L. (1990) Kupaytes' dlya zdorov'ya detyam [Swim for the health of children]. *Neftyanik Pripolyar'ya*. 17th November. p. 2.
10. Kondaurov, V. (1991) Uspekh yunykh futbolistov [Success of young football players]. *Neftyanik Pripolyar'ya*. 2nd February. p. 3.
11. Krivitskiy, S. (1995) Pervye v rayone [First in the region]. *Neftyanik Pripolyar'ya*. 11th March. p. 7.

12. Artamonova, L. (1990) Pochem kul'tura [How much does culture cost]. *Neftyanik Pripolyar'ya*. 6th October. p. 3.
13. Ivanov, I. (1994) Dlya zdorov'ya rebyatishek [For the health of children]. *Neftyanik Pripolyar'ya*. 1st January. p. 1.

***Сведения об авторе*:**
Фадеева Ольга Руслановна – аспирант кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Tomichkitomsk@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Fadeeva Olga R. – PhD Student the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Tomichkitomsk@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.03.2025; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 05.03.2025; accepted for publication 01.08.2025

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Научная статья
УДК 070.1(571.16):656.8(091)
doi: 10.17223/19988613/96/22

«Много, очень много жалоб»: томская журналистика о проблемах почтовой службы и телеграфной связи в конце XIX – начале XX в.

Наталия Вениаминовна Жилякова[1], Владимир Алексеевич Морев[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] retama@yandex.ru
[2] morev.vladimir52@mail.ru

Аннотация. Анализируются особенности освещения в томских дореволюционных газетах проблем почтовой службы и телеграфной связи. Выявляются основные проблемно-тематические блоки, способы донесения до аудитории важной информации, связанной с почтовым и телеграфным делом, определяется жанровый спектр публикаций. Делается вывод о том, что сведения о развитии почты и телеграфа в Сибири были важной частью региональной новостной повестки, поэтому газеты постоянно публиковали материалы по исследуемой теме в разных жанрах и форматах.
Ключевые слова: почтовая служба, телеграф, журналистика, Томск

Для цитирования: Жилякова Н.В., Морев В.А. «Много, очень много жалоб»: томская журналистика о проблемах почтовой службы и телеграфной связи в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 180–188. doi: 10.17223/19988613/96/22

Original article

“There are many, many complaints”: Tomsk journalism about the problems of the postal service and telegraphic communications in the late 19th and early 20th centuries

Natalia V. Zhilyakova[1], Vladimir A. Morev[2]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] retama@yandex.ru
[2] morev.vladimir52@mail.ru

Abstract. Various aspects of pre-revolutionary journalism in Russian regions have been considered by such researchers as A.P. Shinkareva, N.V. Zhilyakova, V.A. Esipova, V.V. Shevtsov, E.I. Orlova, and others. Periodicals have paid much attention to the issue of assessing the interaction and mutual influence of journalism and the postal and telegraph service of the Russian Empire. The works of historians investigating communication problems in Siberia also often include local periodicals as sources of empirical material (for example, the works of O.N. Razumov, Ya.A. Yakovlev, Yu.K. Rassamakhin, V.V. Mirkin, V.A. Morev, etc.). In this case, researchers are usually not interested in the specifics of the coverage of the topic by journalists, and the actual data that was published in the periodicals.

The purpose of this study is to identify the main problem-thematic blocks related to the coverage of the work of the post and telegraph in the periodical press of the Tomsk province, and to determine the specifics of their presentation on the pages of leading Tomsk newspapers. Research material: the first private newspaper in Tomsk, “Sibirskaya Gazeta” (1881–1888) and the first Tomsk illustrated newspaper, “Tomsky Listok” (1895–1896). Research methods: frontal analysis of the annual files of these newspapers, problem-thematic, genre, historical and typological analysis.

The authors came to the following conclusions. The increased attention to postal and telegraphic communications in Siberia, which was shown by local journalism, was due to the direct dependence of the newspaper and magazine business on the uninterrupted operation of the post office and the existence of constant telegraphic communication between Russian cities.

The analysis of newspaper publications allows us to identify such problem-themed blocks: subscription and delivery of periodicals; the internal life of the post office; the development of telegraphic communications.

The specific features of the presentation of information about the post and telegraph in Siberia were:

1) the involvement of not only regular newspaper staff, but also freelance correspondents in covering the issue;

© Н.В. Жилякова, В.А. Морев, 2025

2) combining both factual and emotionally colored materials covering events related to the postal service, as well as the use of statistical data;
3) presentation of information in the format of detailed plots formed on the basis of publication in several issues of materials on the same topic, covering it from different angles.
Keywords: postal service, telegraph, journalism, Tomsk

For citation: Zhilyakova, N.V., Morev, V.A. (2025) “There are many, many complaints”: Tomsk journalism about the problems of the postal service and telegraphic communications in the late 19th and early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 180–188. doi: 10.17223/19988613/96/22

Введение

История дореволюционной журналистики российских регионов рассматривается исследователями в самых разных аспектах: указывается ее зависимость от развития типографского дела в регионе (см., напр.: [1]), оценивается влияние цензурных условий на журналистику [2], утверждается неразрывная связь литературы и публицистики в изданиях, которые служили «творческой лабораторией» для авторов [3] и т.д. При этом анализ тематического спектра публикаций показывает, что периодические издания уделяли довольно много внимания вопросу, который редко попадает в сферу исследовательского внимания: оценке взаимодействия и взаимовлияния друг на друга журналистики и почтово-телеграфной службы Российской империи.

Работы историков, исследующих проблемы связи в Сибири, также нередко включают в себя местные периодические издания как источники эмпирического материала (см., напр.: [4–7] и др.). Но в этом случае исследователей, как правило, интересуют не особенности освещения тематики журналистами, а фактические данные, которые публиковались в периодике.

Цель настоящего исследования – выявить основные проблемно-тематические блоки, связанные с освещением в периодической печати Томской губернии работы почты и телеграфа, и определить специфику их представления на страницах ведущих томских газет. Материал исследования: первая частная газета Томска «Сибирская газета» (1881–1888) и первая томская иллюстрированная газета «Томский листок» (1895–1896). Выбор изданий обусловлен тем, что «Сибирская газета» издавалась в то время, когда еще не было Транссибирской железнодорожной магистрали и почта доставлялась на лошадях (по суше) и пароходами (по воде), а «Томский листок» уже получал и отправлял почтовые отправления по железной дороге.

Методы исследования: фронтальный анализ годовых подшивок указанных газет, проблемно-тематический, жанровый, историко-типологический анализ.

Почтовая служба в Томской губернии и журналистика в 1880-е гг.

С 1880-х гг. в Российской империи продолжились реформы, связанные с объединением почты и телеграфа. В 1886 г. телеграф был окончательно объединен с почтой, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке образовалось пять новых почтово-телеграфных округов, из них в Западной Сибири было два округа – Омский и Томский. Первым начальником Томского почтово-телеграфного округа был назначен коллежский советник Хрисанф Хрисанфович Петичинский [4. С. 21].

Процессы, связанные с реформами в сфере почтовой службы и телеграфной связи, постоянно освещались на страницах томской периодической печати, однако чаще всего эта информация появлялась в частных газетах. Большая часть публиковавшихся в 1880–1890-х гг. изданий носила официальный и узкоспециализированный характер: выходили официальные газеты «Томские губернские ведомости» (1857–1917), «Томские епархиальные ведомости» (1880–1917), «Известия томского городского общественного управления» (1887–1889), журналы «Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу» (1886–1912), «Известия Императорского Томского университета» (1889–1916) (подробнее см: [8]), в них не было места анализу проблем в сфере почты и телеграфа. Поэтому основная информация публиковалась в первой частной томской «Сибирской газете» (1881–1888), затем в «Томском листке» (1895–1896), частично дублировалась в «Сибирском вестнике» (1985–1905). В указанных изданиях можно выделить следующие тематические блоки:

– подписка и доставка периодики;
– внутренняя жизнь почтового ведомства;
– развитие телеграфной связи.

Подписка и доставка периодики: критические оценки

Существовало несколько серьезных причин, по которым журналисты с особым вниманием относились к почтовому делу. Прежде всего – подписка: ведь от того, сколько человек узнает об органе периодики, выразит желание его читать и выписывать, в прямом смысле слова зависела судьба редакции. Если подписка на газетно-журнальную периодику шла хорошо, подписчиков было много, и они не выражали претензий в адрес доставки, то эта часть редакционной жизни была в основном скрыта от глаз читателей (разве что газета периодически рапортовала об увеличении тиража). Но возникающие проблемы немедленно отражались на страницах изданий.

Особенно частыми жалобы на работу почты были в 1880-х гг., до постройки Сибирской железной дороги. Журналисты отслеживали случаи неполучения отдельных номеров изданий, на которые были подписаны читатели: «Особый чиновник по крестьянским делам Д. Покровский сообщил нам из Зырянского рудника, что он не получил двух последних номеров “Сибирской газеты”, и прислал копию с заявления в Бухтарминское почтовое отделение, в котором, между про-

чим, пишет, что кроме “Сибирской газеты” он не получил еще “Недели”, но получил с последнею почтою из книжного магазина Михайлова и Макушина в Томске посылку на 3 р. с сорванною со шнура и холста печатью» [9].

При этом редакция подчеркивала, что такие ситуации грозили ей потерей подписчика: «В этом заявлении г. Покровский горько жалуется на то, что подобная небрежность почтовых учреждений отбивает у них, захолустных жителей, всякую охоту к выписке газет и журналов и напрасной трате на них денег» [9].

Автор заметки выражал полную солидарность со своим читателем, подтверждая: «И в самом деле, такое отношение почтовых учреждений к своим клиентам возмутительно. Мы не в первый раз говорим об этом, получая со всех сторон справедливые жалобы то на недоставление газет, то на хроническое их задержание в захолустных станциях разным чиноначалием и на доставление затем в растрепанном виде, с выкраденными премиями и т.д.» [9].

С точки зрения газеты, подобные ситуации были недопустимы и потому, что почтовые учреждения работали не бесплатно – плата за их работу составляла значительную часть в стоимости подписки:

«Недавно, например, мы получили жалобу от одного подписчика из Семипалатинска на то, что под бандеролью “Сибирской газеты” от получил старый номер “Нового времени” – явное мошенничество. Между тем почтовые учреждения взымают с газет и журналов порядочную сумму за доставку и пересылку и должны… быть ответственными за целость и аккуратность их доставки, иначе для подписчика действительно нет никакой гарантии в получении его собственности, действительно отбивается охота иметь дело с почтовыми учреждениями, когда в них такие чудовищные порядки, такие понятия о чужой собственности» [9].

Критические публикации не всегда были развернутыми. Иногда это был краткий эмоциональный отклик на очередное происшествие: «Небрежность, с которой сортируются в Омске почтовые пост-пакеты, поистине изумительна! То и дело корреспонденция засылается не туда, куда следует. На этой неделе, например, в Томске опять не получен московский пост-пакет с газетами и письмами от 26 января (эта информация была опубликована в газете от 21 февраля 1882 г. – *Н.Ж., В.М.*). Недурно бы обратить внимание на эту небрежность» [10].

Однако это был не предел. Иногда, свидетельствовали подписчики, почта «путешествовала» и по полгода: «Нам пишут из Албазина: “Все мы, подписчики “Сибирской газеты”, поставлены в крайнее недоумение, каким способом был отправлен нам № 32 от 8 августа, полученный здесь в 20-х числах декабря. Мы никак не можем допустить, чтобы означенный номер путешествовал почтой около 5 месяцев! Уж не был ли он отправлен с обозом или, скорее, с переселенцами из России?!! Как хотите, а читать августовские новости в декабре не особенно интересно! С этой же почтой получена июльская книжка “Отечественных записок”, тогда как в первых числах декабря была уже получена октябрьская книжка!» [11].

Газетные публикации свидетельствовали, что в первые годы существования «Сибирской газеты» у конторы редакции, которая занималась делами подписки, и томского почтового ведомства были довольно конфликтные отношения. В разделе «Хроника» в конце 1882 г. был помещен объемный материал, автор которого вновь указывал на прямую заинтересованность газеты в аккуратной работе почтовиков: «Жалобы на недоставление газет и журналов подписчикам раздаются очень часто. Некоторые из подписчиков, и в особенности почтовые конторы, склонны сваливать такую небрежность и неаккуратность на конторы редакций. Так как всякая газета или журнал, помимо разных других целей, которые они преследуют, есть в то же время предприятие и коммерческое, то аккуратность доставки и вообще соблюдение интересов подписчика составляет прямой расчет этих редакций и часто обеспечивает больший или меньший успех их изданий. Поэтому недоставка подписчикам номеров тех или других газет и журналов, за самыми ничтожными исключениями, зависит именно от почтовых контор и их служащих и должна лежать на их ответственности» [12].

Однако на практике оказывалось, что почта не несет никакой серьезной ответственности за своевременную и верную доставку периодики: «Рассылка бандерольных отправлений у нас так поставлена, что за утрату их почтовое ведомство не отвечает, а бывает, что почтальоны или кто другой из почтовых чиновников затаскивают чужие номера газет и журналов, рвут и пачкают их, задерживают доставку, пока сами насладятся чтением, уворовывают премии (об этом у нас были напечатаны жалобы из Нарыма и некоторых мест Алтайского горного округа), все эти неудобства и убытки терпит один подписчик, иногда, после горького опыта, совсем отказывающийся от выписки каких-либо изданий» [12].

Призывая почтовое ведомство, которое «берет деньги за рассылку и доставку», к компенсации за «утерянные отправления, как простые, так и бандерольные», «Сибирская газета» ссылалась, в частности, на жалобу своего подписчика капитана Попова, который, «подписавшись в 1882 году на журнал “Библиотека исторических и уголовных романов”, получил только 3 книжки; причиной невысылки ему журнала он считает его прекращение, а возбудил жалобу теперь только потому, что увидел об этом журнале публикации на 83 год». Не повезло капитану Попову и с газетами «Новости», «Гражданин», «Телеграф»: он, «послав за них деньги, не получил их» [12].

Журналист также делал акцент на том, что «особенно неаккуратно доставляют газеты, адресованные политическим ссыльным, которые в течение года получат не более десятка номеров ежедневной газеты; этот последний случай прямо указывает на соображение почтовых чиновников о полной безнаказанности, с которою можно присвоить газету ссыльного» [12]. Для редакции «Сибирской газеты», которая к этому времени наладила тесное сотрудничество с политическими ссыльными, присылавшими свои материалы для публикации и выписывавшими газету, этот момент был особенно важен.

В заключение автор добавлял: «Наконец, мы сами, выписывая французскую газету Temps, не получили почти половину номеров, чего ни в каком случае нельзя приписать всецело цензуре» [12]. Тем самым газета подчеркивала свою солидарность с читателями, демонстрируя, что она сама вынуждена терпеть убытки, не получая оплаченные номера.

Продолжая тему, газета обращала внимание на то, что у нее нет «механизмов» компенсации утраченных номеров: «Мы получили из Кимильтея и с. Зиминского жалобы на недоставление многим из наших подписчиков № 47 “Сибирской газеты”, получили также жалобу из Ташкента от Москвина на неполучение в течение года восьми номеров. Кроме этих жалоб к нам поступает много и других жалоб на недоставление отдельных номеров. Что тут делать? Подписчикам мы можем сказать только, что **не имеем возможности удовлетворять их двойными номерами** (выделено нами. – *Н.Ж., В.М.*)» [13]. По-видимому, это замечание было вызвано предложением подписчиков высылать газеты, если их не получали на местах.

«Сибирская газета» подчеркивала, что о проблемах с доставкой она знает не понаслышке, и в публикациях старалась опираться на факты, изложенные в письмах своих читателей: «Много, очень много жалоб приходится выслушивать на крайне небрежное доставление корреспонденции адресатам, много раз и мы об этом заявляли. На днях мы получили от одного подписчика из Минусинска следующее письмо: “Хотя я и состою подписчиком, но прошу выслать на мое имя другой экземпляр газет, для крестьянина Тесинской волости; проходящие чрез руки писарей Тесинского волостного правления газеты очень часто теряются вовсе, а в большинстве случаев адресату приходится самому ходить по домам писарей и их приятелей и разыскивать газету, которая и получается от них истертою и часто изорванною. Поэтому адресат, выписывающий в село какую-либо газету, испытав такой порядок доставки раз, на следующий год уже не решается выписывать газету и старается подыскать знакомых лиц в городе, которые могли бы взять на себя доставку газеты в село”» [14].

Журналисты констатировали: «Словом, все – и почтовые чиновники, и разные заседали, и писари, через чьи руки может идти корреспонденция, без всякого стеснения пользуются ей как собственностью». Но у них был выработан свой «рецепт», который относился как раз к организации почтовых доставок: «Ждать, когда в сознание людей проникнет, что это есть воровство, подлость, – очень долго, особенно в Сибири. Нам кажется, необходимо установить, что вскрытие, задержание и утрата чужой корреспонденции есть воровство, которое и должно караться как таковое. Мы уже обращали внимание на то, что почтовое ведомство сняло с себя ответственность за утрату простых и бандерольных отправлений. Это несправедливо: почта существует для пользы и удобства жителей целого государства, а потому почтовое ведомство обязано отвечать за всякий ущерб, нанесенный кому-либо из жителей» [14].

Итак, первый проблемно-тематический блок публикаций был связан с существованием целого ряда проблем доставки газетных номеров читателям: их теряли, воровали, «зачитывали», пачкали, портили, тем самым отбивая охоту выписывать газету в дальнейшем. Но для газеты был важен каждый подписчик: в 1885 г. был выпущен «Указатель статей», в котором указывалось, из чего складывался тираж в 1 250 экземпляров: Акмолинская обл.: Омск 15, Петропавловск 4, Каркаралы 3, Кокчетав 3. Всего 25. Амурская обл.: Харабовка 5, Албазин 9, Благовещенск 7, Черняево 2. Всего 23. Енисейская губ.: Красноярск 66, Енисейск 52, Минусинск 51, Ачинск 17, Канск 22, Туруханск 1; в селах 93 (и т.д.).

В этих условиях становится понятна «борьба» с почтовой доставкой и стремление внушить чувство ответственности за работу почты. Однако эти проблемы не исчерпывали весь спектр «почтовых» тем, которые рассматривались на страницах томской периодики.

Внутренняя жизнь почтового ведомства

Необходимо отметить, что у газеты были основания для критического отношения к почтовой службе, которая временами халатно относилась не только к доставке газет. Например, журналист сообщал о следующем происшествии:

«Почту, отправленную из Томска 7 июня, начиная от Мариинска сопровождал почтальон Мариинской почтовой конторы Фальков. По приезде в Красноярск почта была раскупорена, причем один из денежных пакетов на 5 000 р. по наружному осмотру возбудил некоторое сомнение, почему почтмейстер в присутствии местных властей пакет этот вскрыл; по вскрытии в паркете вместо денег оказалась простая бумага» [15].

Однако в этом случае преступников удалось выявить: «Произведенным дознанием обнаружено, что деньги из пакета (2 000 именными билетами и 3 000 кредитными билетами) были выкрадены почтальоном Фальковым с помощью фальшивой печати, сделанной арестантами ачинского тюремного замка. Печать эта была заказана одним из ачинских почтальонов по предварительному соглашению с Фальковым. Посредником между арестантами и почтальонами называют одного сидельца питейного заведения в Ачинске. Часть денег уже отобрана, а именные билеты, как показал Фальков, были сожжены. Сумка, в которой лежал этот пакет, была весьма искусно подрезана. Вообще кража задумана и исполнена удачно, и если бы не был изменен вес пакета, что и возбудило сомнение, то, вероятно, преступление было бы скрыто» [15].

Со временем количество «негативных» публикаций о почте в «Сибирской газете» заметно снизилось. Возможно, это произошло из-за усиления областнических и народнических тенденций в издании: с 1883 г. официальным редактором стал убежденный сторонник «сибирефильства» А.В. Адрианов, а «негласным редактором» – ссыльный народник Ф.В. Волховский. Проблемы почтовой службы отошли на «задний план», вытесненные дискуссиями о необходимости проведения железной дороги, материалами о возведении зданий будущего Императорского Томского университета, многочисленными корреспонденциями из всех уголков Сибири, фельетонами и т.д.

Показательно, что в 1883 г. газета обратила внимание на положение почтовых служащих, рассказав об особенностях организации касс взаимопомощи и существующих в этом деле проблемах: «При почтовых конторах, как известно, существуют кассы, в которые все служащие вносят ежемесячно известный процент из своего жалованья (в Томске 4%). Полезное учреждение, если дело ведется хорошо: из кассы всякий нуждающийся член ее может получить ссуды, а в случае его перевода куда-либо, смерти и проч. получает он или семья весь вклад, накопленный за все время его участия в этом деле» [16].

Однако это полезное «в теории» дело оказалось источником незаконного обогащения для отдельных личностей: «К сожалению, дело этих касс ведется не везде, как бы следовало. В Барнауле, как нам передавали, почтмейстер соединяет в своем лице обязанности и председателя, и казначея и будто бы выдает деньги только своему помощнику; остальным же служащим не только не выдает ссуд, но даже удерживает и вклады их, как это случилось, например, с одним из служащих, перешедшим на службу из Барнаула в Семипалатинск, и вклад которого достиг значительной для мелкого почтового чиновника суммы в 100 р. Каждый из членов кассы и все они вместе имеют право требовать ревизии сумм, но, вероятно, они на это не решаются» [16].

В заключение автор предлагал свое видение решение этой проблемы: «Поэтому весьма желательно было бы назначение ревизии кассы Барнаульской почтовой конторы и непременное удовлетворение тех глухих жалоб, которые, как мы знаем, доходили и до почтового начальства. Ввиду того, что членами касс состоят не одни местные почтовые чиновники, а и служащие при почтовых отделениях в маленьких городках и селах, капитал кассы, составленный из грошей бедняков, может достигать значительных размеров, а потому контроль за кассами и ревизия сумм должны быть поставлены на более надежной почве» [16].

В 1886 г. в «Сибирской газете» было размещено объявление от начальника Томского почтово-телеграфного округа, которое свидетельствовало, что почта начала заботиться о получателях своих услуг. Текст объявления гласил: «До сведения начальника Томского почтово-телеграфного округа дошло, что получатели телеграмм изъявляют неудовольствие на причиняемое им беспокойство при доставлении телеграмм ночью, а многие из них даже не отворяют дверей и не допускают в дом рассыльных с телеграммами.

Вследствие этого он [начальник округа Х.Х. Петичинский] просит адресатов в случае нежелания получать телеграммы в ночное время прислать об этом письменные заявления на имя начальника Томской телеграфной станции с обозначением, с какого часа ночи и до какого часа утра прием депеш для них нежелателен» [17].

Здесь же можно было удостовериться, что почтовое начальство прислушалось к жалобам на то, что почтовые ящики переполняются из-за обилия почты, которую редко вынимают: «Озаботившись доставлением публике возможно больших удобств, начальник Томского почтово-телеграфного округа со дня своего вступления в управление округом сделал распоряжение, чтобы корреспонденция, опускаемая в городские ящики в г. Томске, вынималась три раза в день: в 8 ч. утра, 12 ч. дня и 7 ч. вечера, а не один раз в день – в 6 вечера, как это делалось до сих пор.

Вынутая из ящиков в упомянутые сроки корреспонденция через час будет отправляться с отходящими в то время почтами» [17].

До проведения Транссиба газета обращала также внимание на организацию почтовой доставки и инициативы по ее улучшению [18]. К сожалению, несмотря на проведение Транссибирской железнодорожной магистрали, иногда ситуация с доставкой почты до Томска доходила до абсурда. Так, в газете «Томский листок» от 24 сентября 1895 г. было отмечено, что почта из Омска, следовавшая в Томск, была доставлена железнодорожным путем до Кривощекова, отстоящего от Томска всего на 200 верст. Однако от местного почтово-телеграфного ведомства пришел отказ доставлять корреспонденцию до Томска, поскольку в Кривощекове тогда еще не было почтового отделения. В итоге решено было возвратить почту из Кривощекова снова в Омск, а оттуда привезти ее в Томск на лошадях прежним порядком. Журналист по этому поводу заметил, что в интересах города Томское почтово-телеграфное ведомство должно воспользоваться услугами управления Средне-Сибирской железной дороги по безвозмездной доставке в Кривощеково почты железнодорожным путем, для чего необходимо ходатайствовать об открытии в Кривощекове почтового отделения. К тому же с проведением железной дороги Кривощеково все больше и больше развивалось. Здесь было немало агентов торговых фирм и железнодорожных агентов, которые вели активную переписку. Журналист «Томского листка» назвал все произошедшее «случаем рутинной канцелярщины» [19]. Впрочем, такой эпизод оказался вполне закономерным, так как перевозка корреспонденции по железным дорогам составляла самостоятельную часть почтового ведомства, не подчинявшуюся почтово-телеграфным округам [20. С. 124].

В сентябрьском номере за 1896 г. журналист «Томского листка» указал на очередной недостаток работы почты: во многих, даже крупных, городах отправка почтовой корреспонденции совершалась один раз в день, что создавало препятствия для развития торговли. В связи с этим в газете была помещена просьба о том, чтобы отправка почты, по крайней мере из крупных и промышленных центров, осуществлялась не менее двух раз в день. Кроме того, журналист писал о необходимости доставки на дом всякой корреспонденции без предварительной посылки повесток, об установлении выдачи простой корреспонденции из почтовых отделений на железнодорожных станциях сразу по прибытии поездов и об установлении новых видов корреспонденции, приспособленных к потребностям торгового класса [21].

Наконец, в томской прессе выражалась озабоченность по поводу невыносимых условий труда почтово-телеграфных служащих: «Имея почти ежедневные наблюдения над местным муравейником, носящим название Томской почтово-телеграфной конторы, мы

в сотый раз должны сказать: что это за несчастные люди почтово-телеграфные чиновники! Кроме непосильной работы, благодаря малочисленности штата, служащие в здешней почтово-телеграфной конторе обречены с наступлением зимы на полугодовое сидение в душном крохотном помещении конторы при температуре настолько низкой, что нужно всегда иметь на плечах шубу. А как удобно помещение для сортировщиков корреспонденции в передней конторы, почти около входных дверей, всякому понятно без комментариев». Журналист требовал от местного почтово-телеграфного начальства возбудить ходатайство и настоять на постройке дома для новой почтово-телеграфной конторы [22]. После этой заметки прошло еще шесть лет, и, наконец, в ноябре 1901 г. новое здание почтово-телеграфной конторы было принято «в казну» и передано почтово-телеграфному ведомству [5. С. 356].

Сюжеты о телеграфной связи

Сибирская телеграфная линия начала строиться в 1860 г., после того как в 1859 г. император Александр II утвердил положение Сибирского комитета о проведении изысканий для устройства телеграфа сначала от Казани до Иркутска, а затем до Дальнего Востока [23. С. 621–622]. В январе 1868 г. телеграф заработал в Чите, Нерчинске и Сретенске [24. С. 14]; в 1870 г. телеграфная связь проведена в Благовещенск и Хабаровск, а в 1871 г. – во Владивосток [25. С. 16–17]. Шло строительство ответвлений от основной линии, подвешивались дополнительные провода. В 1871 г. телеграф был проведен в Тару, в 1872 г. – от Омска до Семипалатинска [26. С. 390, 397]. Наконец, как указано выше, в 1886 г. произошло окончательное объединение почты и телеграфа Российской империи.

Строительство сибирской телеграфной линии постоянно находилось в поле внимания томских газет, на страницах которых публиковалась чуть ли не хроника развития телеграфной связи: «Министерством внутренних дел определено провести новую телеграфную линию, соединяющую Семипалатинск с Томском. Линия эта пойдет в Барнаул, Змеиногорск и Пьяногорский выселок» [27]. «По известиям из Петербурга решено соединить телеграфом Иркутск с Якутском» [28]. «Телеграфную линию из Якутска в Верхоленск решено строить в 1882 году, потом будут соединены Верхоленск и Иркутск» [29]. «На время навигации по озеру Байкалу открыта телеграфная станция в Боярске Забайкальской области» [30] и т.д.

Кроме небольших новостных сообщений газеты помещали и более развернутую информацию о том, откуда появлялись деньги на проведение телеграфной связи: «Пути и средства сообщения в Восточной Сибири, в особенности в Забайкалье и Якутской области, можно сказать, вовсе не устроены. Есть немало окружных городов в Якутской области, с которыми почтовое сообщение происходит два или несколько раз в год. Население, конечно, терпит все неудобства таких сообщений. В последнее время разные лица, а по преимуществу золотопромышленники Восточной Сибири, заявляя о необходимости проведения телеграфа до Якутска, дали правительству и средства на устройство его. В газетах есть известие, что телеграфный департамент приступает к проведению телеграфа и испрашивает 15 600 руб. на устройство линии от Верхноленска до Жигаловой пристани из пожертвованной суммы» [31].

По газетным сообщениям также можно было понять, что сибиряки были очень были заинтересованы в появлении учреждения, которое аккумулировало бы телеграфные новости и занималось их рассылкой, хотя и опасались, что эта услуга обойдется дорого подписчикам в Сибири: «В Петербурге учреждается Русское телеграфное агентство, которое обещает высылать подписчикам ежедневные телеграммы в 50 слов <…> “Семипалатинские ведомости” предполагают, что размеры и число телеграфных известий будут зависеть от числа собранных денег. Ввиду таких же соображений мы открыли подписку на специальные телеграммы “Сибирской газеты” и надеемся, насколько позволят условия, от нас независящие, удовлетворить своих подписчиков, несмотря на то что телеграммы не составляют для газеты доходной статьи» [32].

Опасения подписчиков были не напрасны; газета писала: «Некоторые из лиц, подписавшихся в конце прошлого года на ежедневные телеграммы в 50 слов Русского телеграфного агентства, спрашивают нас, когда же, наконец, будут они получаться, или, в случае неудачи предприятия, когда будут возвращены обратно деньги? Ответ на этот вопрос подписчики найдут в № 14 “Томских губернских ведомостей”» [33].

«Ответ от Начальника Томской губернии» действительно был размещен в «Томских губернских ведомостях», а затем напечатан в том же виде в «Сибирской газете» [34]: в нем губернатор подробно описал ситуацию с открытием нового агентства и обещал немедленно возвратить деньги тем подписчикам, которые решили не дожидаться окончания этой истории.

В газете не делали секрета из движения финансовых средств в почтовом деле. Были опубликованы данные о «движении телеграфной корреспонденции по Томской и Семипалатинской областям» за 1881 г.: «На 11 станциях Томской губернии было принято в этом году для отправки 60 131 депеш на сумму 93 630 рублей 70 к. и на 8 станциях Семипалатинской области – 24 396 депеш на сумму 26 143 рубля 64 копейки. Всего более принято депеш на станциях: Томской (34 979) и Семипалатинской (11 811), далее по количеству депеш следуют станции: Барнаульская (7 436), Мариинская (4 535), Колыванская (3 879) и Павлодарская (3 717); на остальных станциях количество принятых депеш колебалось между 514 (Каргатская) и 2 997 (Усть-Каменогорская). Таким образом, в обеих губерниях принято 84 527 депеш на сумму 119 774 рубля 34 копейки. Затрачивается же правительством на содержание 12 станций Томской губернии – 30 381 рубль 84 копейки и 8 станций Семипалатинской области – 14 082 р. 96 к., а всего 44.464 р. 80 коп. Отсюда видно, что телеграфный сбор в названных губерниях приносит на затрачиваемый капитал более 169%. Такой значительный перевес прихода над расходом служит, по нашему мнению, прямым доказательством полной возможности уменьшить тарифную плату, которая в настоящее

время слишком высока и недоступна для большинства населения» [35]. Подобные материалы повышали доверие к органам периодической печати, имевшим доступ к важной информации, служили важных источником сведений для читателей.

Выводы

Повышенное внимание к почтовой и телеграфной связи в Сибири, которое проявляла местная журналистика, было обусловлено прямой зависимостью газетно-журнального дела от бесперебойной работы почты и существования постоянного телеграфного сообщения между российскими городами. Однако осуществление этих задач до начала работы Сибирской железной дороги было делом дорогим и сложным, что вызывало постоянные нарекания читателей и журналистов, отражавшиеся в газетных публикациях. С введением железнодорожной почты положение несколько улучшилось, хотя условия работы служащих оставались по-прежнему непростыми.

Анализ газетных публикаций позволяет говорить, что в выявленных тематических зонах существовало несколько проблемных блоков, которые освещались журналистами. Так, информируя читателей о вопросах подписки и доставки периодики, газеты делали акцент на проблемах неполучения номеров читателями либо их порче, несоблюдении сроков доставки почты, отмечали отсутствие ответственности за срывы доставки, при этом подчеркивая важность работы почтовой связи, существующей «для пользы и удобства жителей целого государства». Освещая внутреннюю жизнь почтового ведомства, журналисты обращали внимание на далеко не всегда благоприятные условия труда почтово-телеграфных служащих, организацию «обратной связи» с получателями почты, проблемы, связанные с организацией перевозки почты по железной дороги и т.д. Темы развития телеграфной связи разворачивались в сюжеты о строительстве сибирской телеграфной линии, взаимодействии сибиряков со столичными телеграфными агентствами, организации «движения» телеграфной корреспонденции.

Специфическими чертами представления информации о почте и телеграфе в Сибири были:

1) привлечение к освещению проблематики не только постоянных сотрудников газет, но и внештатных корреспондентов (часть материалов составлялась по сообщениям жителей различных городов и населенных пунктов Сибири);

2) совмещение как фактологических, так и эмоционально окрашенных материалов, освещающих события, связанные с почтовой службой, а также использование статистических данных (о количестве телеграфных депеш, о финансовой стороне почтово-телеграфного дела и т.д.);

3) представление информации в формате развернутых сюжетов, формирующихся на основе публикации в нескольких номерах материалов на одну и ту же тему, освещающих ее с разных сторон: от лица почтовых служащих, получателей почты, официальных лиц и т.д.

С точки зрения жанровой палитры проблемно-тематические блоки составляли в основном публикации информационных жанров (заметки, отчеты, корреспонденции), однако встречались и аналитические и аналитико-статистические материалы. Это позволяет сделать вывод о том, что сведения о развитии почты и телеграфа в Сибири являлись важной частью региональной новостной повестки, поэтому газеты постоянно публиковали материалы по исследуемой теме в разных жанрах и форматах.

Список источников

1. Шинкарева А.П. Очерки истории издательского дела и печати Иркутска (1785–1920 гг.). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2010. 433 с.
2. Жилякова Н.В., Есипова В.А., Шевцов В.В. «Секретно. Конфиденциально»: цензурная история журналистики Томской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2022. 374 с.
3. Орлова Е.И. Литература, журналистика, филология: поле взаимодействия // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2012. № 5. С. 77–85.
4. Разумов О.Н. Этапы развития электрической связи Томской области // История электросвязи Томской области (от прошлого к настоящему) / редкол.: В.С. Десятский и др. Томск : Спектр, 2000. С. 5–174.
5. Яковлев Я.А., Рассамахин Ю.К. Рассказы о томской почте. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 780 с.
6. Миркин В.В., Морев В.А. К истории железнодорожной почты Западной Сибири (конец XIX – середина XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 79–84.
7. Морев В.А. Почтово-телеграфные реформы в Западной Сибири в 1860–1880-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 190–195.
8. Журналистика Томска и Томской губернии в фондах Российского государственного исторического архива и Государственного архива Томской области : справочные материалы / авт.-сост. Н.В. Жилякова, В.А. Есипова, В.В. Шевцов, М.В. Могилатова. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2021. 59 с.
9. Хроника // Сибирская газета. 1882. 24 янв. № 4. Стб. 76.
10. Хроника // Сибирская газета. 1882. 21 фев. № 8. Стб. 182.
11. Хроника // Сибирская газета. 1883. 20 фев. № 8. Стб. 206.
12. Хроника // Сибирская газета. 1882. 19 дек. № 51. Стб. 1316–1317.
13. Хроника // Сибирская газета. 1882. 26 дек. № 52. Стб. 1349.
14. Хроника // Сибирская газета. 1883. 13 фев. № 7. Стб. 180–181.
15. Хроника // Сибирская газета. 1883. 17 июня. № 29. Стб. 746–747.
16. Хроника // Сибирская газета. 1883. 23 окт. № 43. Стб. 1087.
17. Петичинский Х.Х. От начальника Томского почтово-телеграфного округа // Сибирская газета. 1886. 20 июля. № 29. Стб. 911–912.
18. Хроника // Сибирская газета. 1882. 7 фев. № 6. Стб. 130.
19. Городская хроника // Томский листок. 1895. 24 сент. № 205. С. 4.
20. Базилевич К.В. Почта в России в XIX веке. М. : Связь, 1927. Ч. 2. С. 97–176.
21. Русские известия. К реформе почтового дела // Томский листок. 1896. 11 сент. № 195. С. 3

22. Городская хроника // Томский листок. 1895. 24 окт. № 228. С. 3.
23. Шедлинг М. Телеграфы в Сибири // Почтово-телеграфный журнал. 1899. № 6. С. 621–634.
24. Бурухин А.М. Сибирский телеграф: историко-статистический очерк // Почтово-телеграфный журнал. 1892. № 1. С. 12–34.
25. Электросвязь Томской области. 1863–2003 гг. Томск : Курсив, 2003. 128 с.
26. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут : Северный дом, 1993. 463 с.
27. Хроника // Сибирская газета. 1881. 13 дек. № 42. Стб. 1177.
28. Хроника // Сибирская газета. 1882. 17 янв. № 3. Стб. 55.
29. Хроника // Сибирская газета. 1882. 7 марта. № 10. Стб. 235.
30. Хроника // Сибирская газета. 1882. 20 июня. № 25. Стб. 593.
31. Хроника // Сибирская газета. 1884. 8 янв. № 2. Стб. 37.
32. Хроника // Сибирская газета. 1881. 20 дек. № 43. Стб. 1212–1213.
33. Хроника // Сибирская газета. 1882. 11 апр. № 15. Стб. 350.
34. Хроника // Сибирская газета. 1882. 18 апр. № 16. Стб. 374.
35. Хроника // Сибирская газета. 1882. 25 апр. № 17. Стб. 397.

References

1. Shinkareva, A.P. (2010) *Ocherki istorii izdatel'skogo dela i pechati Irkutska (1785–1920 gg.)* [Essays on the history of publishing and printing in Irkutsk (1785–1920)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
2. Zhilyakova, N.V., Esipova, V.A. & Shevtsov, V.V. (2022) *"Sekretno. Konfidentsial'no": tsenzurnaya istoriya zhurnalistiki Tomskoy gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* ["Secret. Confidential": The censorship history of journalism in Tomsk province (second half of the 19th – early 20th century)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Orlova, E.I. (2012) Literatura, zhurnalistika, filologiya: pole vzaimodeystviya [Literature, journalism, philology: field of interaction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 5. pp. 77–85.
4. Razumov, O.N. (2000) Etapy razvitiya elektricheskoy svyazi Tomskoy oblasti [Stages of development of electrical communications in Tomsk region]. In: Desyatskiy, V.S. et al. (eds) *Istoriya elektrosvyazi Tomskoy oblasti (ot proshlogo k nastoyashchemu)* [History of electrical communications in Tomsk region (from past to present)]. Tomsk: Spektr. pp. 5–174.
5. Yakovlev, Ya.A. & Rassamakhin, Yu.K. (2003) *Rasskazy o tomskoy pochte* [Stories about the Tomsk post service]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Mirkin, V.V. & Morev, V.A. (2012) K istorii zheleznodorozhnoy pochty Zapadnoy Sibiri (konets XIX – seredina XX v.) [On the history of railway post in Western Siberia (late 19th – mid 20th century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 356. pp. 79–84.
7. Morev, V.A. (2020) Postal and telegraph reforms in Western Siberia in the 1860–1880s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 66. pp. 190–195. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/66/23
8. Zhilyakova, N.V., Esipova, V.A., Shevtsov, V.V. & Mogilatova, M.V. (2021) *Zhurnalistika Tomska i Tomskoy gubernii v fondakh Rossiyskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva i Gosudarstvennogo arkhiva Tomskoy oblasti: spravochnye materialy* [Journalism of Tomsk and Tomsk Province in the Collections of the Russian State Historical Archive and the State Archive of Tomsk Oblast: Reference Materials]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
9. *Sibirskaya gazeta*. (1882a) Khronika [Chronicle]. 24th January. Column. 76.
10. *Sibirskaya gazeta*. (1882b) Khronika [Chronicle]. 21st February. Column 182.
11. *Sibirskaya gazeta*. (1883a) Khronika [Chronicle]. 20th February. Column 206.
12. *Sibirskaya gazeta*. (1882c) Khronika [Chronicle]. 19th December. Column 1316–1317.
13. *Sibirskaya gazeta*. (1882d) Khronika [Chronicle]. 26th December. Column 1349.
14. *Sibirskaya gazeta*. (1883b) Khronika [Chronicle]. 13th February. Column 180–181.
15. *Sibirskaya gazeta*. (1883c) Khronika [Chronicle]. 17th June. Column 746–747.
16. *Sibirskaya gazeta*. (1883d) Khronika [Chronicle]. 23rd October. Column 1087.
17. Petichinskiy, Kh.Kh. (1886) Ot nachal'nika Tomskogo pochtovo-telegrafnogo okruga [From the Chief of the Tomsk Post and Telegraph District]. *Sibirskaya gazeta*. 20th July. Column 911–912.
18. *Sibirskaya gazeta*. (1882e) Khronika [Chronicle]. 7th February. Column 130.
19. *Tomskiy listok*. (1895a) Gorodskaya khronika [City Chronicle]. 24th September. pp. 4.
20. Bazilevich, K.V. (1927) *Pochta v Rossii v XIX veke* [Mail in Russia in the 19th Century]. Vol. 2. Moscow: Svyaz'. pp. 97–176.
21. *Tomskiy listok*. (1896) Russkie izvestiya. K reforme pochtovogo dela [Russkie Izvestia. Towards the Reform of the Postal Service]. 11th September. pp. 3
22. *Tomskiy listok*. (1895b) Gorodskaya khronika [City Chronicle]. 24th October. pp. 3.
23. Shedling, M. (1899) Telegrafy v Sibiri [Telegraphs in Siberia]. *Pochtovo-telegrafnyy zhurnal.* 6. pp. 621–634.
24. Burukhin, A.M. (1892) Sibirskiy telegraf: istoriko-statisticheskiy ocherk [Siberian Telegraph: Historical and Statistical Essay]. *Pochtovo-telegrafnyy zhurnal*. 1. pp. 12–34.
25. Desyatskiy, V.S. et al. (eds) (2003) *Elektrosvyaz' Tomskoy oblasti. 1863–2003 gg*. [Electrical Communications of Tomsk Oblast. 1863–2003]. Tomsk: Kursiv.
26. Shcheglov, I.V. (1993) *Khronologicheskiy perechen' vazhneyshikh dannykh iz istorii Sibiri: 1032–1882 gg.* [Chronological list of the most important data from the history of Siberia: 1032–1882]. Surgut: Severnyy dom.
27. *Sibirskaya gazeta*. (1881a) Khronika [Chronicle]. 13th December. Column 1177.
28. *Sibirskaya gazeta*. (1882f) Khronika [Chronicle]. 17th January. Column 55.
29. *Sibirskaya gazeta*. (1882g) Khronika [Chronicle]. 7th March. Stb. 235.
30. *Sibirskaya gazeta*. (1882h) Khronika [Chronicle]. 20th June. Column 593.
31. *Sibirskaya gazeta*. (1884) Khronika [Chronicle]. 8th January. Column 37.
32. *Sibirskaya gazeta*. (1881b) Khronika [Chronicle]. 20th December. Column 1212–1213.
33. *Sibirskaya gazeta*. (1882i) Khronika [Chronicle]. 11th April. Column 350.
34. *Sibirskaya gazeta*. (1882j) Khronika [Chronicle]. 18th April. Column 374.
35. *Sibirskaya gazeta*. (1882k) Khronika [Chronicle]. 25th April. Column 397.

***Сведения об авторах*:**
Жилякова Наталия Вениаминовна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории и практики журналистики факультета журналистики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: retama@yandex.ru
Морев Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: morev.vladimir52@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Zhilyakova Natalia V. – Doctor of Philology, Head of the Department of Theory and Practice of Journalism, Faculty of Journalism, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: retama@yandex.ru
Morev Vladimir A. – Candidate of Historical Sciences, associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: morev.vladimir52@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 20.02.2025; accepted for publication 01.08.2025

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Научная статья
УДК 141.2; 304.2
doi: 10.17223/19988613/96/23

Обратная связь в образовательном пространстве вуза как форма управления рисками студентов (на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУРа))

Валентина Ивановна Зиновьева[1], Маргарита Юрьевна Раитина[2], Елена Михайловна Покровская[3], Анна Олеговна Пустоварова[4]

[1, 2, 3, 4] Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия
[1] valentina.zinoviyeva@gmail.com
[2] raitina@mail.ru
[3] pemod@yandex.ru
[4] anna.o.pustovarova@tusur.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению актуальных вопросов вузовского образовательного пространства. На примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) рассматривается роль обратной связи (от студента к вузу) как форма управления рисками студентов. Анализ результатов ежегодных мониторингов в вузе, который проводился с 2021 по 2024 г. в форме интернет-опросов методом стихийной выборки, показывает, что системная фиксация обратной связи участников образовательного процесса способствует не только выявлению рисков, но и улучшению взаимодействия заинтересованных сторон, может выступать инструментом образовательного процесса.
Ключевые слова: образовательное пространство, университет, мониторинг, обратная связь, риски студентов, заинтересованные стороны

Благодарности: Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», FEWM-2023-0013.

Для цитирования: Зиновьева В.И., Раитина М.Ю., Покровская Е.М., Пустоварова А.О. Обратная связь в образовательном пространстве вуза как форма управления рисками студентов (на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУРа)) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 189–197. doi: 10.17223/19988613/96/23

Original article

Feedback in the university educational environment as a form of students' risk management (on the example of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR))

Valentina I. Zinoviyeva[1], Margarita Yu. Raitina[2], Elena M. Pokrovskaya[3], Anna O. Pustovarova[4]

[1, 2, 3, 4] Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics, Tomsk, Russian Federation
[1] valentina.zinoviyeva@gmail.com
[2] raitina@mail.ru
[3] pemod@yandex.ru
[4] anna.o.pustovarova@tusur.ru

Abstract. Currently, the article puts forward many issues related to the risks in the field of applicants' choice of a specialty for subsequent employment that are currently relevant. Risk is the young people's decision making in a situation of uncertainty. Firstly, no one can guarantee an applicant that after completing the studies, the chosen profession will be in demand. Secondly, a choice that can be made is of key importance for professionalization. At the same time infantilism, lack of life experience can give rise to doubts and crisis states. Reflection on challenges and problems leads to an understanding of the need to establish feedback with students as a tool of the educational process. The purpose of this

© В.И. Зиновьева, М.Ю. Раитина, Е.М. Покровская, А.О. Пустоварова, 2025

article is to study the role of feedback as a form of student risk management in the educational space on the example of Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics (TUSUR), using one of its effective forms – annual monitoring (2021-2024). The authors provided the monitoring in the form of online surveys, and students of 1-5 full-time courses from all faculties of TUSUR, as well as undergraduates, participated in it. The total number of respondents was 274 in 2021, 235 in 2022, 312 in 2023, and 366 in 2024. Spontaneous sampling became the method of forming the survey. According to the surveys, students' priorities included the need to acquire analytical skills, working in a digital environment, research skills, developing critical thinking, the ability to structure texts, and teamwork (a total of 729 respondents' responses). They have a request for the development of communication skills: public speaking, effective interpersonal communication, public speaking and discussion, understanding and managing emotions (a total of 622 respondents' responses). Extracurricular activities, in which more than half of the students participate, in their opinion, contribute to their comprehensive development, the formation of personal qualities, a sense of responsibility and an active civic position. Thus, monitoring to identify feedback from participants in the educational environment can be not only a means of assessment, but also a tool that will make the management of the educational process more effective. Studying feedback captures the interests, views, and assessments of students of the entire dynamics of the educational process and extracurricular activities.

Keywords: quality of education, stakeholders, university, students, educational process

Acknowledgements: The work is performed in the framework of the base part of the state assignment “Science”, scientific project code is FEWM-2023-0013.

For citation: Zinovieva, V.I., Raitina, M.Y., Pokrovskaya, E.M., Pustovarova, A.O. (2025) Feedback in the university educational environment as a form of students’ risk management (on the example of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR)). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 189–197. doi: 10.17223/19988613/96/23

Ход социально-экономических процессов в стране, эволюция цифровых технологий во многом определяют динамику современной социальности, связанную с реакцией на воздействие угроз и вызовов объективного характера (информационных, социокультурных, интеллектуальных, инновационных, технологических и т.п.). Как следствие, это детерминирует и те изменения, которые происходят сегодня в высшем образовании, в частности поиск инструментов и способов преодоления кризисных фаз в условиях перестройки технологического уклада, а также актуализирует вопросы переосмысления содержания образования в области управления образовательным процессом.

В настоящее время многие вопросы, связанные с рисками в области выбора абитуриентами специальности для последующего устройства на работу, связанную с направлением подготовки, вновь выдвигаются в число актуальных. Риски студентов – это принятие решений в ситуации неопределенности. Во-первых, никто, в том числе вуз, не может дать гарантий студенту после завершения его обучения относительно востребованности той или иной профессии на рынке труда, и он должен думать самостоятельно. Во-вторых, решения принимаются в ситуации, когда абитуриент недостаточно точно оценивает собственные способности по тому или иному направлению обучения. В-третьих, подсознательно у молодого человека может появиться желание переложить ответственность за выбор на окружение, друзей, товарищей, родителей. В-четвертых, он делает такой выбор, который имеет ключевое значение для профессионализации, а недостаточная ответственность, инфантильность, отсутствие жизненного опыта также могут порождать сомнения и кризисные состояния.

В образовательной среде высшего учебного заведения, в свою очередь, есть свои риски, связанные с изменением политики государства в сфере образования, внедрением новых методических систем обучения (дистанционной, модульной и т.д.), изменением внутренней структуры (слияние кафедр, факультетов), нововведениями в области подготовки в рамках смежных инженерных специальностей и т.д.

Проблемы рисков в образовательной сфере широко освещаются в научных публикациях. Так, в статье Н.А. Пашкус, В.Ю. Пашкус, Ю.В. Лоевой «Риски в сфере образования: классификации и влияние на субъекты рынка» приводится классификация рисков в высшей школе и описывается их влияние на субъекты рынка [1]. Содержание и характеристики рисков студентов в образовательном процессе рассматриваются в статье М.В. Шманцарь [2], коллективной монографии «Социально-культурная сфера в новой экономике: от развития образования до арт-рынка» [3. С. 23–27], работе Е.В. Егорова «Особенности мотивации студентов поколения Z при смешанном обучении» [4].

Вопросы удовлетворенности студентов организацией дистанционного обучения исследовали О.Н. Вишневская, А.В. Воронцова, Д.Б. Воронцов, А.Г. Самохвалова, Е.В. Тихомирова [5]. На фоне анализа уроков пандемии появились предложения и публикации, обосновывающие эффективность массового внедрения дистанционного обучения в России, в том числе в высшей школе. Однако переход к такому обучению в массовом масштабе как участниками образовательного процесса, так и в социальных сетях оценивался преимущественно негативно, так как количество возникающих проблем превышало возможные выгоды новой технологии. Так, Т.А. Ольховая, Е.В. Пояркова делают вывод, что массовое применение онлайн-обучения формирует ряд рисков для страны, критическими из которых являются разрушение системы высшего образования и падение эффективности подготовки кадров [6]. Разделяя позицию авторов о рискогенности повсеместного использования онлайн-формата, отметим, что зарубежные ученые Б. Алден-Риверс (2016), Р.М. Расмуссен (2016), Р. Жиль-Фернандес, Р. Калдерон-Гарридо (2023), Р.Д. Альварес, Дж. Бобо-Пиниллья, К. Перера, (2023),

С. Мухамадуллин, Я. Андреева, Ф. Ратнер, И. Расходова (2023) рассматривают риски цифровизации, социальные и технологические инновации и акцентируют внимание на связи между распространением информационных потоков и возможностью манипулирования людьми. Изменения восприятия и редукции смыслов в этом управляемом процессе негативно сказываются на социальном оптимизме и провоцируют социальные конфликты [7–11].

Рефлексия научно-образовательным сообществом современных вызовов, проблем в управлении образованием приводит к пониманию необходимости регулярной обратной связи со стороны студентов как субъектов образовательных отношений. Как известно, управление – это воздействие в целях сохранения, упорядочения или преобразования чего-либо. В данном случае обратную связь мы рассматриваем как такой инструментарий образовательного процесса, который позволяет работать с рисками. Риск, в свою очередь, – это не только препятствие, но и возможность, своего рода «точка роста», позволяющая системно, гибко и своевременно реагировать на вызовы. Постоянное взаимодействие, системная работа всех субъектов ведут к конкретным результатам и пониманию путей достижения удовлетворенности качеством образования для всех заинтересованных сторон, что будет обеспечивать его развитие.

Цель данной статьи – изучить роль обратной связи как формы управления рисками студентов в образовательном пространстве на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУРа).

Одной из эффективных форм обратной связи для профессорско-преподавательского состава и администрации вуза стали ежегодные мониторинги, которые позволяют узнать мнение студенческой аудитории по принципиальным вопросам обучения, использования тех или иных форм в учебном процессе, влияния внеаудиторной работы и т.д. Управление образовательным процессом включает взаимодействие всех заинтересованных сторон.

В ТУСУРе мониторинги стали проводиться регулярно с 2021 г. К настоящему времени их прошло уже четыре (последний в 2024 г.). Мониторинги проводятся административными службами вуза в форме интернет-опросов, их участниками стали студенты 1–5-го курсов очной формы обучения всех факультетов ТУСУРа, а также магистранты. Общая численность опрошенных составила в 2021 г. – 274 человека, в 2022 г. – 235 человек, в 2023 г. – 312 человек, в 2024 г. – 366 человек. Методом формирования опроса стала стихийная выборка. Вопросы были унифицированы, их характер не менялся. Помимо закрытых вопросов в отдельных разделах содержались вопросы с возможностью открытого ответа, где студенты могли высказать свое мнение.

В самом начале респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Удовлетворены ли Вы качеством получаемого Вами образования?» Результаты опроса представлены на рис. 1, где отражен рост удовлетворенности качеством образования за последние 4 года с 47 до 59,7%, т.е. на 12,7%. При этом численность тех, кто был удовлетворен получаемым образованием лишь частично, снизилось с 45 до 37,5%. Таким образом, можно сделать вывод, что за последнее время произошел положительный сдвиг архитектуры образования в вузе, появились новые формы обучения, расширились возможности в области приобретения новых навыков, совершенствовался процесс предоставления образовательных услуг. При этом доля тех, кто выбрал вариант «не удовлетворен» ежегодно не превышала 10% и снизилась почти в 3 раза. Таким образом, численность всех студентов, положительно оценивших качество получаемого образования в вузе, составляет ежегодно абсолютное большинство (на 2024 г. – 98,2%).

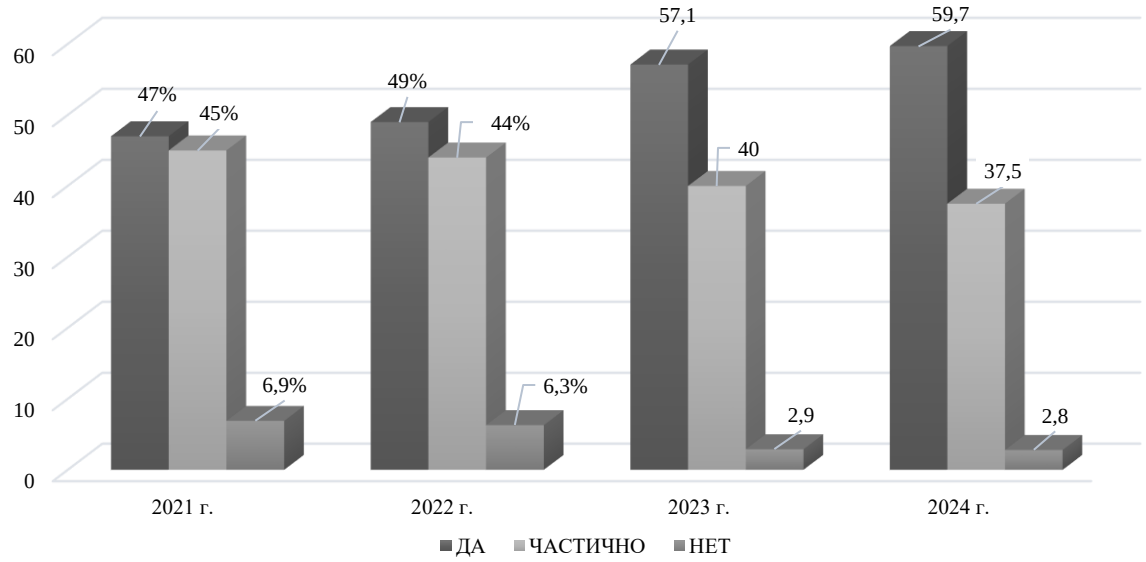

Рис. 1. Удовлетворенность качеством получаемого образования

После оценки качества получаемого образования респондентам предлагался следующий вопрос: «Если Вы удовлетворены качеством своего обучения, то каковы, на Ваш взгляд, его преимущества?» Во время пандемии короновируса (2019–2020) занятия в вузах проводились преимущественно онлайн, и студенты отметили

в 2021 г. удобство обучения из дома (17,1%), доступность доносимой преподавателем информации, возможность посмотреть лекцию в записи (7,6%), гибридный формат онлайн- и офлайн-коммуникации с преподавателями (5,8%) и т.д. Эти цифры нельзя назвать высокими, но в целом примерно треть студентов положительно оценила тот выход, который был предложен вузами, так как обучение не прерывалось. В 2022–2024 гг., когда карантин закончился, появились новые акценты в ответах респондентов: были выделены индивидуальный подход к студентам (20,4%), широкий спектр образовательных программ (это был период составления новых программ, перехода на некоторых специальностях на модульную систему обучения), новые интересные дисциплины (5,5%), наличие электронного сопровождения учебного процесса, доступность информации (5,5%), т.е., в целом эти преобразования нашли положительный отклик у студентов.

Именно в это время в ТУСУРе наряду с классической системой семестрового обучения стала развиваться модульная система. Отметим, что эта форма обладает достаточно гибкой структурой. Учебный материал разделяется на модули, каждый из которых посвящен определенной дисциплине или специальному блоку знаний. Студенты могут выбирать последовательность изучения модулей в зависимости от своих интересов и потребностей. Успеваемость оценивается по итогам каждого модуля, что позволяет студенту отслеживать свой прогресс и своевременно выявлять пробелы в знаниях. Такой подход зарекомендовал себя как актуальный и релевантный современным образовательным запросам. Использование в учебном процессе различных форм его организации направлено на создание гибких и структурированных образовательных программ по направлениям подготовки, которые позволяют студентам осваивать знания и навыки в удобном для них темпе, и, таким образом, повышается эффективность образовательного процесса, доступность и привлекательность его для студентов.

В интернет-опросы мониторингов 2022–2024 гг., наряду с вопросом о преимуществах обучения, был включен вопрос об удовлетворенности выбором направления подготовки в вузе и желании в дальнейшем работать по выбранной специальности (рис. 2). Ответы респондентов распределились следующим образом: были довольны и собирались работать в дальнейшем по выбранной специальности в 2022 г. только 42,1%; в 2023 г. – 41%, в 2024 г. – 41,8%, т.е. менее половины опрошенных. Это – прямое отражение риска колебаний и неуверенности в правильности выбора направления. С другой стороны, примерно столько же опрошенных студентов были довольны своим выбором, но не были уверены, что буду работать по выбранной специальности: в 2021 г. – 40,8%; в 2022 г. – 42,1% в 2023 г. – 46,8%, в 2024 г. – 41,5%. Возможно, это было связано с осложнением внешнеполитической обстановки и ее последствиями, однако это отражает риск неопределенности относительно устройства на работу по специальности, и этот риск довольно высокий. Вместе с тем число прямо пожалевших о своем выборе в 2022 г. составило всего 8,5%, в 2023 г. – 4,8%, в 2024 г. – 7,9%, что отражает низкий показатель риска в оценке своих способностей у основной массы студентов (менее 10% респондентов начали пересматривать свои взгляды на ключевой выбор в отношении будущего). Затруднились ответить на данный вопрос в 2022 г. 8,55%, в 2023 г. – 7,4%, в 2024 г. – 8,7%, что в совокупности с теми, кто пожалел о своем выборе, свидетельствует, что от 12 до 18% – это студенты, кто потенциально может уйти из вуза. Поэтому принятые в ТУСУРе решения об открытии Передовой инженерной школы, обучении высококвалифицированным профессиям в рамках вуза, совершенствовании языковой подготовки и тому подобные были своевременными. Приобретение дополнительных знаний, расширение компетенций повышает у студентов уверенность в завтрашнем дне, расширяет их возможности на рынке труда и смягчает риски.

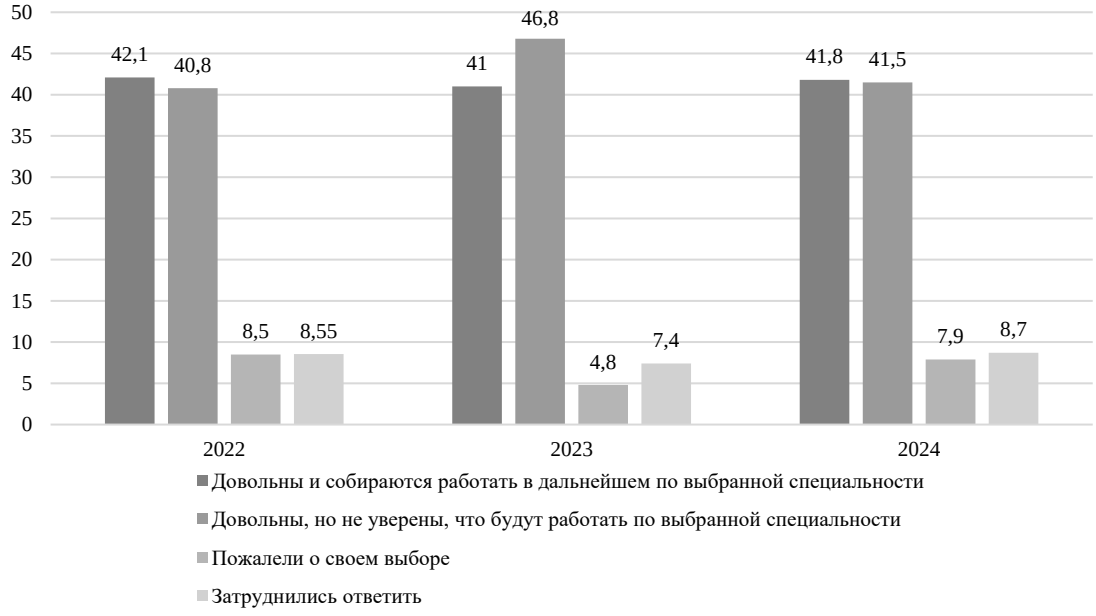

Рис. 2. Преимущества обучения

Таким образом, подавляющее большинство студентов (более 83%) в целом были довольны своим выбором и направлением подготовки, однако лишь около 42% были уверены в работе по выбранной специальности после окончания университета.

На следующий вопрос: «С какими трудностями Вы столкнулись при адаптации к образовательному процессу?» – были представлены ответы, из которых видно, что в 2021 и 2022 гг. (период пандемии короновируса) больше половины респондентов (55 и 61% соответственно) не испытывали трудности в учебном процессе, а с 2023–2024 гг., после отмены карантина и возврата к очной системе, численность тех, кто не имел проблем в обучении, резко сократилась: до 19% в 2023 г. и 15,8% в 2024 г. Соответственно, быстро выросла численность лиц, имеющих проблемы и трудности, – до 40,7% (более чем в 2 раза).

Основными трудностями, обозначенными респондентами на протяжении четырех лет, выступили те, которые принято называть классическими: самодисциплина, мотивация, взаимодействие с преподавателями (успеваемость и коммуникация), посещаемость. Если эти проблемы волновали 4% студентов в 2021 г. и 8,4% в 2022 г., то в 2023 г. – уже 42,6%, в 2024 – 40,7%. Это отражает факт быстрого роста риска неопределенности у студентов в оценке своих способностей и самоорганизации. Изменение формата занятий – переход только к очному режиму – требовал больших усилий в подготовке и работе на занятиях. Студенческая аудитория привыкла к онлайн-процессу в период пандемии, когда в силу обстоятельств возможно было перекладывание ответственности с себя на других (в том числе по посещаемости), но обстоятельства вновь изменились. Возврат к традиционной модели, занятиям в очном режиме стал актуальным, это привело к трудностям адаптации, проблемами самоорганизации студентов (рис. 3). Как известно, адаптация происходит в трех основных формах: деятельности, коммуникации и самосознании. Немаловажно, что респонденты, зафиксировавшие трудности самоорганизации, осознавали это, а значит, искали конструктивные решения.

Заметную долю в определении трудностей образовательного процесса составляют проблемы, связанные с преподавателями и отдельными дисциплинам, которые выросли с 13–16% в 2021–2022 гг. до 38,1% и 40,7% ц 2023 и 2024 гг. соответственно, что указывает, с одной стороны, на необходимость совершенствования учебных программ и методик преподавания. С другой стороны, на этапе дистанционного обучения выросла роль цифровых сервисов во многих сферах университетской жизни, в том числе в индивидуализации образовательных траекторий студентов, что также требовало от них соответствующих усилий и адаптации. Особое значение среди проблем студентов в это время приобрели проблемы коммуникативного взаимодействия на разных уровнях, связанные с восстановлением и расширением контактов. Трудности взаимопонимания с преподавателями по поводу освоения дисциплин существенно возросли в очном формате обучения в связи с требованиями новых программ и расширением числа дисциплин, это вело к усилению ответственности студентов в учебном процессе.

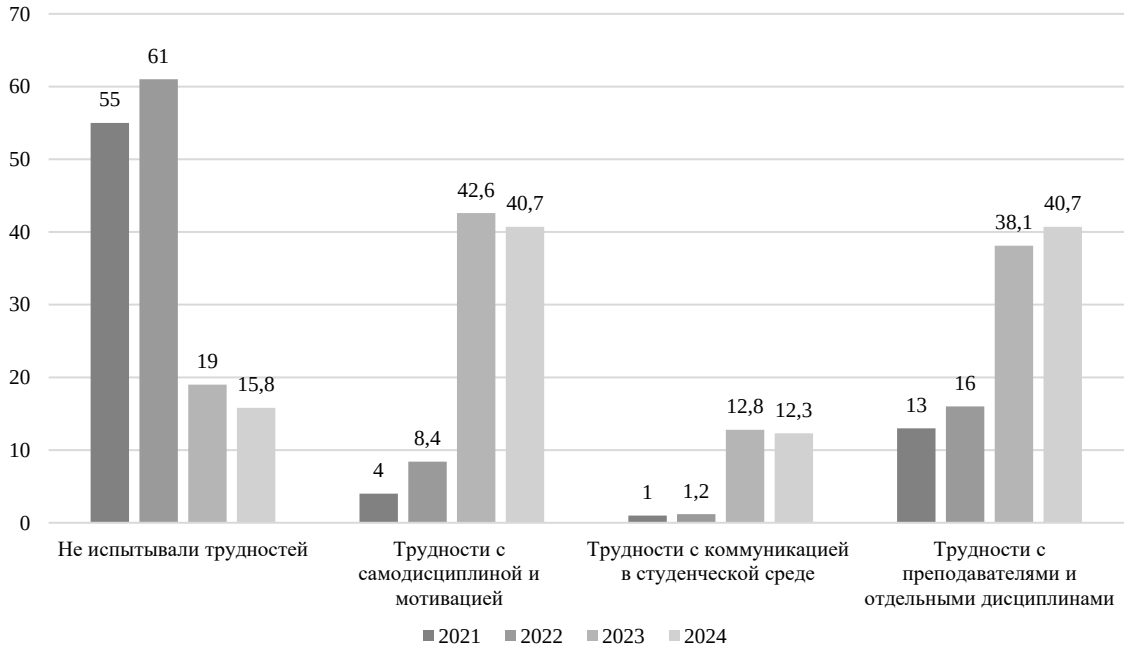

Рис. 3. Трудности при адаптации к образовательному процессу

В 2023 и 2024 гг. тематическое содержание мониторинга было расширено за счет включения блока вопросов, связанных с формированием навыков для освоения будущей профессии и мотивации к обучению, как то: «Какие навыки Вы бы хотели получить, обучаясь вашей будущей профессии в университете?», «Способствует ли, на Ваш взгляд, процесс обучения в вузе раскрытию Ваших индивидуальных способностей?», «Какими мотивами Вы руководствуетесь в Вашем обучении?» – это были вопросы, связанные с собственной самоактуализацией в учебной сфере, поясняющие целостность образовательного процесса.

Ответы на вопрос «Какие навыки Вы бы хотели получить, обучаясь вашей будущей профессии в университете?» после обработки данных представлены за указанные годы в порядке убывания популярности у респондентов (опрошенные могли выбрать все актуальные для них варианты; рис. 4).

Рис. 4. Навыки для освоения будущей профессии

В числе приоритетов у студентов оказались аналитические навыки, которые непосредственно связаны работой в цифровой среде – 55,9 %, в исследовательской деятельности – 31,6%, по развитию критического мышления – 50,3%, умению структурировать тексты и оформлять презентации – 38,4%, совместной работе в команде – 38,5% (всего 729 ответов респондентов). Как оказалось, в немалой степени у студентов есть запрос на развитие коммуникативных навыков: публичного выступления – 46,5%, эффективного межличностного общения – 43,1% публичных выступлений и дискуссий – 46,5%, понимания и управления эмоциями – 46,7% (всего 622 ответа респондентов). Таким образом, современный студент, будущий специалист с высшим образованием, владеет акмеологическим подходом и понимает, что необходимы как глубокие профессиональные знания и навыки, так и умения межличностной коммуникации и межличностного взаимодействия (управления групповой динамикой). Таким образом, риски студентов, связанные с неопределенностью в области освоения навыков вербального и невербального общения, коммуникативного взаимодействия, продолжают расти.

Ответы на следующий вопрос: «Какими мотивами Вы руководствуетесь в Вашем обучении?» (рис. 5) – также прошли обработку в усредненном варианте за те же годы, расположены по степени популярности выбора и рассчитаны в процентах.

Рис. 5. Мотивы обучения

Среди мотивов обучения студентов выражен *материальный*: перевод на бюджет, получение стипендии, диплома, дальнейшее трудоустройство – по этим сферам получено 563 ответа. В свою очередь, *интеллектуальный мотив* как акмеологический был отражен в совокупности в 630 ответах (овладение будущей профессией, саморазвитие, самосовершенствование, получение новых знаний и полезных навыков), и, следовательно, его надо признать ведущим. Это является отражением «ценности знания» в системе ценностей личности студентов ТУСУРа. В целом данная позиция характерна для российских студентов, что подтверждается исследовательскими материалами ряда авторов, в котором утверждается, что в отличии от зарубежных студентов «…многие из отечественных студентов поступили в университет ради интереса к знаниям и образованию» [12].

Результаты мониторинга подтверждают, что стремление студентов развивать дополнительные интеллектуальные и коммуникативные навыки является мощным стимулом для их роста и профессионализации.

Немаловажным аспектом в образовательном процессе выступает внеучебная деятельность, которая сегодня занимает позиции важного вектора и фокуса внимания к молодежи, она способствует всестороннему развитию студентов и формированию их личностных качеств, формирует у молодежи чувство ответственности и активной гражданской позиции. К ее результативности отнесем развитие патриотизма, гражданской активности, социальных навыков, баланса между учебой и досугом и пр.

Активность студентов как в учебной, так и во внеучебной деятельности также способствует формированию лидерских качеств, креативности и уверенности в себе, помогает молодежи развивать коммуникативные навыки, умение работать в команде и строить социальные связи. В анкетах мониторинга периода 2023–2024 гг. были предусмотрены вопросы об участии студентов во внеучебных мероприятиях. Так, было выявлено, что участвуют постоянно 14% респондентов, периодически – 45%, не участвуют – 39%. В дальнейшем в проведении мониторингов необходимо предусмотреть изучение интересов групп студентов с тем, чтобы расширить тематику проводимых мероприятий.

При проведении мониторингов в вузе учитывались высказывания студентов в прямой форме. Вопросы открытого типа, связанные с внеучебной деятельностью, выявили позитивные результаты понимания ими задач расширения эрудиции и развития компетенций для снижения личностных рисков, которые имеют ключевое значение для профессионализации.

В завершение опроса респондентам было предложено высказать свои конструктивные предложения по усовершенствованию организации обучения в вузе за период 2021–2024 гг. Ответы респондентов были сгруппированы следующим образом: «*более активное внедрение в образовательный процесс современных технологий, цифровых сервисов, электронных курсов, совершенствование цифровой среды*»; пожелания в части дополнения учебных планов дисциплинами, «*формирующими надпрофессиональные компетенции, гибкие навыки*». Некоторые высказывания респондентов были посвящены вопросам организации и проведения научных и внеучебных мероприятий. Отмечая значение научных сессий, конференций, чтений и т.п., которые регулярно проходят в вузе, студенты обращали внимание, что прямое участие в них способствует получению новых навыков, заряда бодрости: *появление «чувства, что я часть команды*»; «*на мероприятии Стартап-конструктор я узнал, как запускаются стартапы и чем они продвигаются*»; «*как делать не надо и как можно сделать, чтобы прийти к лучшему результату*»; «*получаю бесценный опыт, провожу время с пользой*»; «*возможно, могу заметить ошибки в организации того или иного мероприятия и учесть для себя*»; – а также преференций: «*повышенная стипендия и шанс попасть в общежитие № 1*».

В своих ответах респонденты указывали на эмоциональное воздействие патриотических и культурно-просветительских мероприятий: «*высоко оцениваю мероприятия патриотического характера*»; «*новые эмоции*»; «*прокачиваю свои надпрофессиональные навыки*»; «*я это делаю не ради результатов, а ради удовольствия*»; «*новые знакомства*»; «*прокачивание тимбилдинга и личностных навыков*», «*знакомства с старшекурсниками*» и т.д.

На наш взгляд, дополнительно к мониторингам и изучению обратной связи также нужны регулярные маркетинговые исследования, направленные на изучение потребностей рынка в образовательных услугах (требования работодателей, удовлетворенность сформированностью компетенций выпускника, анализ трендов и состояния рынка труда).

Таким образом, регулярные мониторинги по изучению обратной связи в вузовском пространстве ТУСУРа фиксируют интересы, взгляды, оценки студентами всей динамики образовательного процесса и внеучебной деятельности. Обратная связь позволяет не только оценить качество образовательных услуг, но и выявить потребности и ожидания студентов, что способствует более точному и эффективному управлению образовательными процессами. Заметим, немаловажно, чтобы управление образованием продолжало быть динамичным и адаптивным, учитывающим изменения в обществе, технологии и требования рынка труда.

Кроме того, взаимодействие всех участников образовательного процесса – студентов, преподавателей, администрации вуза – создает среду для совместного обучения и развития. Это взаимодействие может принимать различные формы: от анкетирования и опросов до открытых дискуссий и фокус-групп.

Полученные результаты показали высокую оценку не только уровня преподавания дисциплин, но также тех изменений в расширении образовательных услуг, использовании новых методов и методик, которые стали распространяться в вузе с 2021 г. В этот период существенно расширилось применение электронных ресурсов в учебном процессе, что стало важным шагом к модернизации образования. Внедрение цифровых технологий позволило улучшить доступ к учебным материалам, использовать интерактивные платформы, онлайн-курсы и электронные библиотеки, разнообра-

зить формы обучения. Кроме того, использование электронных ресурсов способствовало развитию навыков самостоятельного обучения у студентов, повышению уровня их вовлеченности в учебный процесс. В это время улучшилось благоустройство учебных корпусов, появились новые элементы безбарьерной среды, произошло оснащение учебных аудиторий современным оборудованием, что создало более комфортную среду для обучения. Анализ опросов показал, что большинство респондентов рассматривают ТУСУР как университет, который выступает площадкой для эффективной реализации их собственных профессиональных и личностных ресурсов. Расширение взаимодействия всех участников образовательного процесса произошло также во внеучебной деятельности за счет перестройки управления воспитательной работы, расширения волонтерской деятельности, проведения массовых мероприятий. В целом проведение мониторингов по выявлению обратной связи участников образовательной среды может быть не просто средством оценки, а тем инструментом, который позволит сделать управление образовательным процессом более эффективным.

Список источников

1. Пашкус Н.А., Пашкус В.Ю., Лоева Ю.В. Риски в сфере образования: классификации и влияние на субъекты рынка // Проблемы современной экономики. 2023. № 4 (88). С. 172–175.
2. Шманцарь М.В. Образовательные риски студентов вузов: содержание и основные характеристики // Дискуссионный журнал научных публикаций. Социологические науки. 2016. № 7 (70). С. 101–103.
3. Социально-культурная сфера в новой экономике: от развития образования до арт-рынка / под ред. Н.М. Старобинской. СПб. : КультИнформ-Пресс, 2020. 164 с.
4. Егоров Е.В. Особенности мотивации студентов поколения Z при смешанном обучении // Международный журнал экспериментального образования. 2022. № 6. С. 20–25.
5. Вишневская О.Н., Воронцова А.В., Воронцов Д.Б., Самохвалова А.Г., Тихомирова Е.В. Удовлетворенность студентов организацией дистанционного обучения в вузе в период самоизоляции // Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 2. С. 74–82.
6. Ольховая Т.А., Пояркова Е.В. Новые практики инженерного образования в условиях дистанционного обучения // Высшее образование в России. 2020. № 8-9. С. 142–154.
7. Alden-Rivers B. Social innovation education: Designing learning for an uncertain world // Advances in Digital Education and Lifelong Learning. Emerald Group Publishing Limited, 2016. P. 75–90.
8. Rasmussen R.M. Assessment for learning in innovation and entrepreneurship education // Advances in Digital Education and Lifelong Learning. Emerald Group Publishing Limited, 2016. P. 3–29.
9. Gil-Fernández R., Calderón-Garrido D. Percepción de los docentes ante los retos de la sociedad digital // Bordón, Revista de Pedagogía. 2023. T. 75 (4). P. 93–108. doi: 10.13042/Bordon.2023.97600
10. Álvarez R.D., Bobo-Pinilla J., Perera, C.J.L. La competencia digital docente en los maestros en formación: autoconstrucción de materiales digitales // Bordón. Revista de Pedagogía. 2023. T. 75 (4). P. 135–150. doi: 10.13042/Bordon.2023.97999
11. Mukhamadullin S., Andreeva Y., Ratner F., Raskhodova I. University information policy as a tool for supporting civic engagement of student youth. November 2023 // E3S Web of Conferences. 2023. Vol. 449. Art. 07017. URL: doi: 10.1051/e3sconf/202344907017
12. Дунбинский И.А., Кашпур В.В., Хрущева П.Д. Ценностные ориентации: сравнительный анализ исследований студентов славянских стран. // Русин. 2024. № 77. С. 216–232.

References

1. Pashkus, N.A., Pashkus, V.Yu. & Loeva, Yu.V. (2023) Riski v sfere obrazovaniya: klassifikatsii i vliyanie na sub"ekty rynka[Risks in the field of education: classifications and impact on market entities]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 4(88). pp. 172–175.
2. Shmantsar, M.V. (2016) Obrazovatel'nye riski studentov vuzov: soderzhanie i osnovnye kharakteristiki [Educational risks of university students: Content and main characteristics]. *Diskussionnyy zhurnal nauchnykh publikatsiy. Sotsiologicheskie nauki*. 7(70). pp. 101–103.
3. Starobinskaya, N.M. (2020) *Sotsial'no-kul'turnaya sfera v novoy ekonomike: ot razvitiya obrazovaniya do art-rynka* [Socio-cultural sphere in the new economy: from education development to the art market]. St. Petersburg: Kul'tIn-formPress.
4. Egorov, E.V. (2022) Osobennosti motivatsii studentov pokoleniya Z pri smeshannom obuchenii [Motivation of generation Z students in blended learning]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 6. pp. 20–25.
5. Vishnevskaya, O.N., Vorontsova, A.V., Vorontsov, D.B., Samokhvalova, A.G. & Tikhomirova, E.V. (2021) Udovletvorennost' studentov organizatsiey distantsionnogo obucheniya v vuze v period samoizolyatsii [Students' Satisfaction with the Organization of Distance Learning at the University during the Self-Isolation Period]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*. 27(2). pp. 74–82.
6. Olkhovaya, T.A. & Poyarkova, E.V. (2020) Novye praktiki inzhenernogo obrazovaniya v usloviyakh distantsionnogo obucheniya [New Practices of Engineering Education in the Context of Distance Learning]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 8-9. pp. 142–154.
7. Alden-Rivers, B. (2016) Social innovation education: Designing learning for an uncertain world. *Advances in Digital Education and Lifelong Learning*. Emerald Group Publishing Limited. pp. 75–90.
8. Rasmussen, R.M. (2016) Assessment for learning in innovation and entrepreneurship education. *Advances in Digital Education and Lifelong Learning*. pp. 3–29.
9. Gil-Fernández, R. & Calderón-Garrido, D. (2023) Percepción de los docentes ante los retos de la sociedad digital. *Bordón, Revista de Pedagogía*. 75(4). pp. 93–108. DOI: 10.13042/Bordon.2023.97600
10. Álvarez, R.D., Bobo-Pinilla, J. & Perera, C.J.L. (2023) La competencia digital docente en los maestros en formación: autoconstrucción de materiales digitales. *Bordón. Revista de Pedagogía*. 75(4). pp. 135–150. DOI: 10.13042/Bordon.2023.97999
11. Mukhamadullin, S., Andreeva, Y., Ratner, F. & Raskhodova, I. (2023) University information policy as a tool for supporting civic engagement of student youth. *E3S Web of Conferences*. 449. Art. 07017. DOI: 10.1051/e3sconf/202344907017
12. Dunbinskiy, I.A., Kashpur, V.V. & Khrushcheva, P.D. (2024) Value orientations: a comparative analysis of studies of students from Slavic countries. *Rusin*. 77. pp. 216–232. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/77/14

***Сведения об авторах*:**

Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и социальной работы, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра ИСР Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

Раитина Маргарита Юрьевна – доктор философских наук, доцент кафедры философии и социологии Томского университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: raitina@mail.ru
Покровская Елена Михайловна – кандидат философских наук, заведующая кафедрой иностранных языков, доцент кафедры философии и социологии Томского университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: pemod@yandex.ru
Пустоварова Анна Олеговна – старший преподаватель кафедры философии и социологии Томского университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: anna.o.pustovarova@tusur.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Zinoviyeva Valentina I. – Candidate of History, Professor of History and Social work Department, Senior Researcher of the Scientific-Educational Centre of ISR, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valintina.zinoviyeva@gmail.com
Raitina Margarita Yu. – D. Phil. In Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raitina@mail.ru
Pokrovskaya Elena M. – Candidate of Philosophy, Head of the Department of Foreign Languages, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pemod@yandex.ru
Pustovarova Anna O. – Senior Lecturer, Department of Philosophy and Sociology, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anna.o.pustovarova@tusur.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.04.2025; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 30.04.2025; accepted for publication 01.08.2025

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

Научная статья
УДК 39; 930
doi: 10.17223/19988613/96/24

Всероссийская научная конференция «Советское этнографическое североведение в диалогах со временем» о развитии этнографических научных центров российского сибиреведения

Николай Аркадьевич Томилов

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Омск, Россия, n.a.tomilov@gmail.com

Аннотация. Рассматривается история создания и развития российских научных центров этнографического сибиреведения, раскрытая в докладах Всероссийской научной конференции «Советское этнографическое североведение в диалогах со временем». Этот форум прошел 11–13 ноября 2024 г. в Москве и был посвящен 70-летию отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии (ИЭА) РАН и 120-летию со дня рождения Б.О. Долгих. В статье характеризована представленная в докладах деятельность этнографических центров Москвы, Ленинграда / Санкт-Петербурга, Томска и Омска.
Ключевые слова: этнографическое сибиреведение, история науки, этнографические научные центры, научные конференции, подготовка кадров этнографов

Благодарности: Работа выполнена по госзаданию FWZG 2025-0014.

Для цитирования: Томилов Н.А. Всероссийская научная конференция «Советское этнографическое североведение в диалогах со временем» о развитии этнографических научных центров российского сибиреведения // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 198–201. doi: 10.17223/19988613/96/24

Original article

All-Russian scientific conference “Soviet ethnographic Northern Studies in dialogues with time” about the development of ethnographic research centers of Russian Siberian studies

Nikolai A. Tomilov

Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russian Federation, n.a.tomilov@gmail.com

Abstract. The history of the creation and development of Russian scientific centres of ethnographic Siberian studies, revealed in the reports of the All-Russian scientific conference ‘Soviet Ethnographic North Studies in Dialogues with Time’ is considered. This forum was held on 11-13 November 2024 in Moscow and was dedicated to the 70th anniversary of the North and Siberia Department of the Institute of Ethnology and Anthropology (IEA) of the Russian Academy of Sciences and to the 120th anniversary of the birth of B.O. Dolgikh. The conference was held in three sessions – ‘The Scientific World of B.O. Dolgikh and the Moscow Ethnographic School: Time and Fates’, ‘Ethnographic Northern Studies Yesterday and Today: Schools, Personalities, Methods and Directions of Research’, ‘Current Problems of Ethnological Research and Interdisciplinary Dialogues’. A total of 46 reports were presented. Of these, 20 papers were devoted to topics on the history of ethnographic research with historiographical inclusions, including 8 papers on the life and scientific works of B.O. Dolgikh. The article describes in more detail the activities of the ethnographic centres of Moscow, Leningrad/St. Petersburg, Tomsk and Omsk presented in the reports. The keynote of the conference was E.A. Pivneva's report ‘The Department of the North and Siberia of IEA RAS: Stages and Results of 70 Years of History’. Established in 1954 as a sector for the study of socialist construction in the small peoples of the North, the Department has successfully combined applied and fundamental research throughout its activity, as the author of the report noted. The Leningrad / St. Petersburg Ethnographic Centre was the subject of reports by E.M. Tyushlyaev ‘The History of the Institute of

© Н.А. Томилов, 2025

the Peoples of the North in Leningrad in the 1930s' and S.V. Bereznitsky 'The Department of Ethnography of Siberia of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences: Past, Present, Future'. Since the 1960s, the process of formation of ethnographic research centres in Siberia itself began, namely, they appeared in Barnaul, Vladivostok, Novosibirsk, Omsk, Tomsk, Ulan-Ude, and Yakutsk. The report of N.A. Tomilov 'The Department of the North and Siberia of IEA RAS and its contribution to the creation and development of ethnographic centres in Tomsk and Omsk' was devoted to this topic. It characterised the main directions of cooperation between the Department and Siberian institutions in the development of ethnographic Siberian studies.
Keywords: ethnographic Siberian studies, history of science, ethnographic research centers, scientific conferences, training of ethnographers

Acknowledgements: The work was carried out according to the state task FWZG 2025-0014.

For citation: Tomilov, N.A. (2025) All-Russian scientific conference "Soviet ethnographic Northern Studies in dialogues with time" about the development of ethnographic research centers of Russian Siberian studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 198–201. doi: 10.17223/19988613/96/24

В структуре исследований каждой науки наряду с эмпирическими (фундаментальными и прикладными), источниковедческими методическими разработками необходимым звеном является изучение ее истории и историографии. Такие исследования дают возможность охарактеризовать и оценить достигнутые результаты и полученные выводы проведенных исследований в направлениях конкретной научной дисциплины, выявить динамику ее исторического пути, определить тенденции современного состояния научных поисков, прогнозировать и наметить дальнейшие научные изыскания.

Все более значимым в актуализации такого рода исследований по истории науки с историографическими экскурсами становится обсуждение тематики данного направления на научных форумах. В этом и состояла важность проведенной в Москве 11–13 ноября 2024 г. Всероссийской научной конференции «Советское этнографическое североведение в диалогах со временем». Она была посвящена 70-летию отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН) и 120-летию со дня рождения выдающегося историка и этнографа, одного из основателей вышеназванного отдела Бориса Осиповича Долгих (1904–1971). В конференции приняли участие ученые из 14 городов России – от Санкт-Петербурга до Якутска, и из г. Тарту (Эстония).

На открытии конференции с приветственными речами выступили и.о. директора ИЭА РАН профессор РАН А.Е. Загребин, директор Научно-исследовательского института «Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)» РАН член-корреспондент РАН, профессор А.В. Головнев (Санкт-Петербург) и заведующий отделом археологии и этнографии Красноярского краевого краеведческого музея профессор Н.П. Макаров. Последний фактически представил доклад о сибирском периоде деятельности Б.О. Долгих.

Работа конференции проходила по трем сессиям – «Научный мир Б.О. Долгих и московская этнографическая школа: время и судьбы», «Этнографическое североведение вчера и сегодня: школы, личности, методы и направления исследований», «Актуальные проблемы этнологических исследований и междисциплинарные диалоги». Всего было представлено 46 докладов. Из них темам по истории этнографических исследований с историографическими включениями были посвящены 20 докладов, в том числе 8 докладов о жизни и научных работах Б.О. Долгих. Часть докладов освещала историю создания и развития этнографических научных центров в области российского сибиреведения. Дать информацию о них с некоторыми комментариями и является задачей данной статьи.

Этнографическому сибиреведению, истории его становления, развития и современному состоянию посвящен ряд работ ведущих российских ученых [1–4]. В статье «Российское этнографическое сибиреведение XX века» нами предложена периодизация этого научного направления [5. С. 92–95]. Для советского и постсоветского времени выделено два периода: 1920–1950-е гг., когда научно-практическое изучение народов Сибири проводилось с целью решения национальных проблем в основном ленинградскими и московскими этнографическими центрами, и период с 1960-х гг., продолжающийся в настоящее время [6. С. 8], который характеризуется появлением новых научных направлений на стыке этнографии и других наук, становлением и развитием ряда этнографических научных центров в самой Сибири.

На конференции несколько докладов было посвящено московскому этнографическому центру. Так, его функционирование в первом из двух вышеназванных периодов было освещено в докладе А.А. Сириной (Москва) и В.Н. Давыдова (Санкт-Петербург) «Московское сибиреведение в 1920–1950-е годы». В нем очерчен круг ведущих исследования в этом направлении учреждений – это созданный в 1933 г. Институт этнографии АН СССР с группой североведов и затем сектор Севера этого института, Московский государственный университет, Центральный музей народоведения. Также отмечен вклад в этнографию и антропологию народов Сибири таких московских ученых, как Б.А. Васильев, Г.Ф. Дебец, Б.О. Долгих, А.М. Золотарев, Б.А. Куфтин, В.И. Левин, М.Г. Левин, С.А. Токарев. Характерными чертами московского сибиреведения указанного периода авторы доклада назвали универсальную подготовку ученых, проведение экспедиций комплексного типа, постановку и разработку теоретических направлений в изучении этнической истории, социальной организации, народной культуры.

Стержневым в конференции был прозвучавший первым на пленарном заседании доклад Е.А. Пивневой

(Москва) «Отдел Севера и Сибири ИЭА РАН: этапы и итоги 70-летней истории». Созданный в 1954 г. как сектор по изучению социалистического строительства у малых народов Севера, отдел на протяжении всей своей деятельности, как отметила автор доклада, успешно совмещал прикладные и фундаментальные исследования. В состав его тематики входили изучение современных процессов, связанное с управленческими потребностями государства, изучение традиционной культуры народов Севера и Сибири, исследования этногенетических и культурологических проблем.

Е.А. Пивнева отметила также, что советский этап истории отдела связан с именами таких известных ученых, как С.И. Вайнштейн, В.И. Васильев, И.С. Гурвич, Б.О. Долгих, М.Я. Жорницкая, Т.В. Лукьянченко, Ю.Б. Симченко, А.В. Смоляк, З.П. Соколова, В.А. Туголуков. Более подробно о деятельности этих ученых, а также об основателях отдела Г.Ф. Дебеце, Б.О. Долгих и М.Г. Левине рассказала Е.П. Батьянова (Москва) в докладе «Сотрудники сектора /отдела Севера 1950-х – начала 1990-х годов». В блок об истории и работах вышеназванного отдела народов Севера и Сибири вошли также доклады И.В. Октябрьской (Новосибирск) «Борис Осипович Долгих и его место в российском сибиреведении» и Н.П. Москаленко (Москва) «Б.О. Долгих: наставник, учитель и гражданин (по воспоминаниям С.И. Вайнштейна)».

Ленинградскому / Санкт-Петербургскому этнографическому научному центру были посвящены доклады Е.М. Тюшляева (Санкт-Петербург) «История Института народов Севера в Ленинграде в 1930-е гг.» и С.В. Березницкого (Санкт-Петербург) «Отдел этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии (МАЭ) РАН: прошлое, настоящее, будущее». В первом докладе речь шла о подготовке национальных кадров интеллигенции для народов Севера и сложностях в формировании нового мировоззрения учащихся Института народов Севера.

В докладе С.В. Березницкого приводятся сведения об участии в создании в МАЭ (Кунсткамера) отдела этнографии Сибири выдающихся ученых В.Г. Богораза, В.И. Иохельсона, В.В. Радлова и Л.Я. Штернберга. Очерчен и вклад в создание и развитие в Ленинграде / Санкт-Петербурге центра этнографического сибиреведения и отечественной школы этнографии начинавших свои этнографические исследования с 1920-х гг. Г.М. Василевич, С.В. Иванова, Н.К. Каргера, А.А. Попова, Л.П. Потапова и далее ученых следующего поколения, таких как Е.А. Алексеенко, В.П. Дьяконова, Л.Р. Павлинская, Ч.М. Таксами, Е.Г. Федорова и др. В докладе уделено внимание как научно-исследовательской деятельности отдела, так и его достижениям в соединении научных изысканий с музейной работой в Кунсткамере.

Развернувшийся с 1960-х гг. процесс формирования в Сибири этнографических научных центров привел к созданию их в Барнауле, Владивостоке, Новосибирске, Омске, Томске, Улан-Удэ, Якутске. Небольшие группы этнографов-сибиреведов имеются также в Анадыре, Горно-Алтайске, Екатеринбурге, Казани, Кемерове, Красноярске, Магадане, Салехарде, Тюмени, Ханты-Мансийске. Такому значительному увеличению этнографических центров и групп в Сибири способствовали ведущие научные учреждения Москвы и Ленинграда / Санкт-Петербурга.

Этой теме был посвящен доклад Н.А. Томилова (Омск) «Отдел Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН и его вклад в создание и развитие этнографических центров Томска и Омска». В нем определены и охарактеризованы основные направления сотрудничества отдела с сибирскими учреждениями в деле развития этнографического сибиреведения. Главным направлением обозначена подготовка кадров этнографов для сибирского региона: состоялись защиты кандидатских диссертаций томичей Н.В. Лукиной (н.р. З.П. Соколова), Э.Л. Львовой (н.р. С.И. Вайнштейн), С.М. Малиновской (н.р. Васильев), Н.А. Томилова (н.р. И.С. Гурвич), М.С. Усмановой (н.р. С.И. Вайнштнйн), омичей Л.М. Кадыровой (н.р. З.П. Соколова, Н.А. Томилов), С.Н. Корусенко (н.р. В.И. Васильев). М.Я. Жорницкая помогла в подготовке работы по этнохореографии омичке Н.А. Левочкиной. Также с поддержкой со стороны сотрудников отдела проходили защиты ряда докторских диссертаций – томичей В.М. Кулемзина, Н.В. Лукиной, омичей И.В. Лоткина, Н.А. Томилова.

В докладе отмечено, что в повышении квалификации этнографов-сибиреведов, развитии их научных исследований заметную роль играют научные форумы. Омскими учреждениями совместно с Институтом этнографии – с 1990-х гг. это Институт этнологии и антропологии (ИЭА) РАН, в последней четверти XX – начале XXI в. было проведено более 20 таких мероприятий с активным участим в них сотрудников отдела. Названы наиболее крупные из этих форумов: конференции по этнической истории тюркских народов (1979, 1984, 1992, 1998) и самодийских народов (1982, 1992), всесоюзные конференции «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний» (1897), «Этническая история и культура народов Советской страны» (1991), всероссийская конференция «Региональные проблемы межнациональных отношений в России» (1993), V Конгресс этнографов и антропологов России» (2003).

В докладе Н.А. Томилова названо еще одно направление сотрудничества – исследования по общим темам и проектам, прежде всего в изучении этнической истории, в том числе современных этнических процессов, у народов Сибири – приоритетном направлении этнографического сибиреведения второй половины XX – начала XXI в. [7]. Омские и томские этнографы провели такого рода исследования среди десятков народов и национальных групп Сибири и Северного Казахстана. Результаты исследований, в том числе и по программе отдела ИЭА РАН «Селькупы» (рук. В.И. Васильев) публиковались в сборниках трудов московских, омских и томских ученых, монографиях (ответственными ряда изданий омских этнографов были москвичи В.И. Васильев, И.С. Гурвич, Ю.П. Симченко), а также в томе «Тюркские народы Сибири» издаваемой ИЭА РАН серии «Народы и культуры». В целом ИЭА РАН внес существенный вклад в создание и развитие омского и томского этнографических центров в российской науке.

Список источников

1. Вдовин И.С. Актуальные проблемы этнографии аборигенного населения Сибири и Севера // Этнографические перспективы изучения современности. Л. : Наука, 1980. С. 16–28.
2. Гурвич И.С. Основные направления этнографических исследований Сибири // Гуманитарные исследования в Сибири: итоги и перспективы. Новосибирск : Наука, 1984. С. 130–138.
3. Соколова З.П. Актуальные проблемы сибиреведения // Советская этнография. 1989. № 6. С. 6–46.
4. Таксами Ч.М. Вклад научных предшественников – этнографов-сибиреведов в изучение культуры народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Культура народов Сибири : материалы Третьих сибирских чтений (22–24 ноября 1995 г.). СПб. : Музей антропологии и этнографии, 1997. С. 5–15.
5. Томилов Н.А. Российское этнографическое сибиреведение XX века (к постановке проблемы) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 92–101.
6. Томилов Н.А. 60 лет в научном сообществе: гуманитарные исследования, российские ученые и их окружение (вторая половина XX – первые десятилетия XXI века) : в 2 т. / отв. ред. А.П. Деревянко, В.П. Корзун, С.Н. Корусенко. Омск : Наука, 2021. Т. 2, ч. 1. 538 с.
7. Томилов Н.А. Этническая история народов Сибири в трудах российских ученых второй половины XX в. / отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2024. 282 с.

References

1. Vdovina, I.S. (1980) Aktual'nye problemy etnografii aborigennogo naseleniya Sibiri i Severa [Current issues of ethnography of the indigenous population of Siberia and the North]. In: Abramzon, S.M. et al. (eds) *Etnograficheskie aspekty izucheniya sovremennosti* [Ethnographic aspects for studying modernity]. Leningrad: Nauka. pp. 16 – 28.
2. Gurvich, I.S. (1984) Osnovnye napravleniya etnograficheskikh issledovaniy Sibiri [Main directions of ethnographic research in Siberia]. In: Vasilevskiy, R.S. (ed.) *Gumanitarnye issledovaniya v Sibiri: itogi i perspektivy* [Humanitarian Research in Siberia: Results and Prospects]. Novosibirsk: Nauka. pp. 130–138.
3. Sokolova, Z.P. (1989) Aktual'nye problemy sibirevedeniya [Current issues of Siberian studies]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 6–46.
4. Taksami, Ch.M. (1997) Vklad nauchnykh predshestvennikov – etnografov-sibirevedov v izuchenie kul'tury narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka [The contribution of scientific predecessors – ethnographers-Siberianists to the study of the culture of the peoples of the North, Siberia, and the Far East]. *Kul'tura narodov Sibiri* [The Culture of the Peoples of Siberia]. Proc. of the Third Siberian Readings (November 22–24, 1995). St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography. pp. 5–15.
5. Tomilov, N.A. (2001) Rossiyskoe etnograficheskoe sibirevedenie XX veka (k postanovke problemy) [Russian Ethnographic Siberian Studies of the 20th Century (towards the formulation of the problem)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3. pp. 92–101.
6. Tomilov, N.A. (2021) *60 let v nauchnom soobshchestve: gumanitarnye issledovaniya, rossiyskie uchenye i ikh okruzhenie (vtoraya polovina XX – pervye desyatiletiya XXI veka): v 2 t.* [60 Years in the Academic Community: Humanities, Russian Scholars and Their Milieu (Second Half of the 20th – First Decades of the 21st Century): in 2 vols]. Vol. 2(1). Omsk: Nauka.
7. Tomilov, N.A. (2024) *Etnicheskaya istoriya narodov Sibiri v trudakh rossiyskikh uchenykh vtoroy poloviny XX v.* [The ethnic history of the peoples of Siberia in the works of Russian scholars of the second half of the 20th century]. Novosibirsk: SB RAS.

***Сведения об авторе*:**
Томилов Николай Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Омск, Россия). E-mail: n.a.tomilov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Tomilov Nikolai A. – Doctor of History, Professor, Leading Researcher of the Omsk Laboratory of Archeology, Ethnography and Museology of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russian Federation). E-mail: n.a.tomilov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 19.03.2025; accepted for publication 01.08.2025

Рецензия
УДК 001.8:325.111(571)(–05)
doi: 10.17223/19988613/96/25

Города Сибири в Новое время в дискурсе современных исторических исследований (по итогам конференции «Города Сибири в Новое время: экономическое и социокультурное измерения», Новосибирск, 18–19 марта 2025 г.)

Евгения Владиславовна Комлева

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, feodal@history.nsc.ru

Аннотация. Представлен обзор Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Города Сибири в Новое время: экономическое и социокультурное измерения», приуроченной к 80-летию известного ученого, доктора исторических наук, профессора Дмитрия Яковлевича Резуна (1945–2012), прошедшей в марте 2025 г. в Институте истории Сибирского отделения Российской академии наук. Охарактеризованы основные направления работы форума, вынесенные на обсуждение проблемы.
Ключевые слова: сибирская урбанистика, Д.Я. Резун, научно-практическая конференция «Города Сибири в Новое время»

Для цитирования: Комлева Е.В. Города Сибири в Новое время в дискурсе современных исторических исследований (по итогам конференции «Города Сибири в Новое время: экономическое и социокультурное измерения», Новосибирск, 18–19 марта 2025 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 202–206. doi: 10.17223/19988613/96/25

Book review

Cities of Siberia in New Times in the Discourse of Modern Historical Research (based on the results of the conference “Cities of Siberia in Modern Times: Economic and Socio-cultural dimensions”, Novosibirsk, March 18–19, 2025)

Evgeniya V. Komleva

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, feodal@history.nsc.ru

Abstract. The article presents an overview of the All-Russian scientific and practical conference with international participation “Cities of Siberia in New Times: Economic and socio-cultural dimensions”, dedicated to the 80th anniversary of the famous scientist, Doctor of Historical Sciences, Professor Dmitry Yakovlevich Rezun (1945–2012), held in March 2025 at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The main directions of the forum’s work and the issues put forward for discussion are described. Among the latter are: the genesis and evolution of urban settlements in Siberia, the composition and daily life of the urban population, the interaction of state and public structures, the preservation, study and popularization of the historical and cultural heritage of Siberian urban planning. It is concluded that this event can be considered as a kind of cross-section of modern, primarily Russian, historical research in the field of Siberian urbanism of the 17th – early 20th centuries. It reflected the current situation, emphasizing both the most relevant and actively developing topics, as well as a clear disparity in the interests of researchers, in particular, a shift in emphasis to a later, post-reform period.
Keywords: Siberian urban studies, D.Ya. Rezun, scientific and practical conference “Cities of Siberia in New Times”

For citation: Komleva, E.V. (2025) Cities of Siberia in New Times in the Discourse of Modern Historical Research (based on the results of the conference “Cities of Siberia in Modern Times: Economic and Socio-cultural dimensions”, Novosibirsk, March 18–19, 2025). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 202–206. doi: 10.17223/19988613/96/25

В последние годы в отечественной историографии становится все более очевидной тенденция к снижению интереса к истории Сибири конца XVI – первой половины XIX в.: старые профессиональные кадры отходят от дел, а молодежь предпочитает выбирать для специализации темы, обеспеченные более доступ-

© Е.В. Комлева, 2025

ными (и проще читаемыми) источниками. Сказывается и практические полное прекращение практики издания тематических сборников научных статей, объединявших исследователей данного хронологического периода (еще совсем недавно выпускались такие серийные издания, как «Сибирский город XVIII–XX веков» (Иркутск), «Города Сибири XVII – начала XX в. История повседневности» (Барнаул), «Енисейский Север» (Красноярск), «Енисейская провинция» (Красноярск) и др.). Между тем именно к этому времени восходят корни многих сибирских городов и крупных экономических центров, именно тогда закладывается региональная инфраструктура, развиваются экономические связи между отдельными районами огромной территории Северной Азии, и происходившие процессы заслуживают самого пристального внимания. На этом фоне важным событием стало проведение 18–19 марта 2025 г. на базе Института истории Сибирского отделения Российской академии наук Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Города Сибири в Новое время: экономическое и социокультурное измерения», приуроченной к 80-летию известного ученого, доктора исторических наук, профессора Дмитрия Яковлевича Резуна (1945–2012).

Творческая биография Д.Я. Резуна была связана в первую очередь с изучением историографии, социальной структуры и эволюции сибирского города в конце XVI – XVIII в. [1–3; 4. С. 129–140. 5–7]. Среди оставленного им обширного печатного наследия несколько соответствующих монографий, научно-справочных и документальных изданий [8]. Интересы Д.Я. Резуна как ученого обусловили и формулировку проблемного поля посвященной его памяти конференции, что же касается хронологических рамок, то они были расширены до начала XX в. В результате полученный отклик превзошел ожидания организаторов: на одной дискуссионной площадке удалось объединить около 70 исследователей (историков, этнографов, экономистов, архитекторов, политологов) из 17 городов Российской Федерации и столицы Республики Казахстан [9].

Не будет преувеличением утверждать, что форум стал своего рода срезом современных, прежде всего отечественных, исторических исследований в области сибирской урбанистики XVII – начала XX в., достаточно полно отразив существующие направления. В центре внимания оказались такие актуальные проблемы изучения сибирского города, как генезис и эволюция городских поселений в Сибири, состав и повседневная жизнь городского населения, взаимодействие государственных и общественных структур, сохранение, изучение и популяризация историко-культурного наследия сибирского градостроительства. При этом, как, впрочем, и предполагалось, из всех представленных докладов лишь небольшая часть (8 из 65) относились к XVII – первой половине XIX в., основная же часть охватывала рубеж XIX–XX вв.

Учитывая тематику конференции и ее мемориальный характер, особое внимание было уделено анализу историографии по истории сибирского города на разных временных этапах и вклада Д.Я. Резуна в развитие сибирской урбанистики, разработку концепции сибирского фронтира, организацию исторических исследований. В таком ключе прозвучали доклады директора научно-исследовательского центра отечественной истории Байкальского государственного университета, доктора исторических наук Л.М. Дамешека и профессора Иркутского государственного университета, доктора исторических наук И.Л. Дамешек, профессора Байкальского государственного университета, доктора исторических наук В.П. Шахерова, профессора Тюменского государственного университета, кандидата исторических наук И.Н. Стася, профессора Алтайского государственного университета, доктора исторических наук Ю.М. Гончарова, доцента Алтайского государственного университета, кандидата исторических наук Д.С. Боброва. То, что фигуру Дмитрия Яковлевича можно считать знаковой в области сибирского городоведения, подчеркнули представители Тюмени, сообщившие, что уже два года в Тюменском государственном университете проводится конкурс научных трудов по истории сибирского города на соискание премии его имени.

Специальный акцент пришелся на характеристику Д.Я. Резуна как организатора изучения истории первых русских колонистов Сибири – служилых и промышленных людей, купечества, «иноземцев», участия и роли различных групп городского населения в освоении Северной Азии. Его бывшие коллеги и ученики, ныне доктора и кандидаты наук, поделились своими воспоминаниями о Дмитрии Яковлевиче как об ученом и человеке, охарактеризовали оставленное им печатное и рукописное наследие (сотрудники Института истории СО РАН доктора исторических наук С.А. Красильников и Н.П. Матханова, кандидаты исторических наук С.Г. Петров, И.П. Каменецкий, И.Р. Соколовский, доктор исторических наук Е.В. Комлева). И здесь хотелось бы обратить внимание на доклад Н.П. Матхановой, основанный на изучении переписки Д.Я. Резуна и известного специалиста по истории России XVII в., источниковеда и историографа Е.В. Чистяковой, сохранившейся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Выявленные письма свидетельствуют о важном значении обмена корреспонденцией в развитии научной мысли, поиске исследователями верных путей и оригинальных идей. Новые интерпретации, разногласия, споры, сомнения, удивление – все это сполна отразилось в дошедших до наших дней текстах. Неменьший интерес вызвало и выступление С.Г. Петрова, который заострил внимание на такой разновидности письменных источников, как дарственные надписи на книгах. Автор охарактеризовал целый ряд подобных, кратких и развернутых, записей, оставленных Д.Я. Резуном, соотнес их с разными периодами и событиями в жизни ученого.

Одно из ключевых направлений в работе конференции было связано с анализом эволюции городских поселений на территории Сибири, их типологией, региональной спецификой, топографией и топонимией. Особенности возникновения и застройки некоторых сибирских острогов и городов нашли отражение в выступлениях ведущего специалиста Алтайского государственного педагогического университета В.Б. Бородаева, младшего научного сотрудника Тюменского

государственного университета А.В. Кердивара, старшего научного сотрудника Новокузнецкого краеведческого музея А.Е. Сорокина, магистранта Новосибирского национального исследовательского государственного университета А.А. Кононова, ученого секретаря Института истории СО РАН, кандидата исторических наук И.А. Шипилова. Во многом определяющий вклад купечества в формирование городского пространства на примере Якутска подчеркнула профессор Иркутского государственного университета, доктор исторических наук М.Д. Кушнарева. Факторы, определявшие городскую топонимию, традиции и новации в этой области были обозначены в выступлениях заведующего сектором истории второй половины XVI – начала XX в., доктора исторических наук М.В. Шиловского и доцента Новосибирского национального исследовательского государственного университета, кандидата исторических наук Р.В. Оплаканской. Надо сказать, что изучение топонимии в наши дни приобрело особую актуальность и оказалось востребованным в обществе, поскольку «обозначение улиц, присваивание им названий – это не только языковое явление… но и социально-культурный феномен, важнейшее “место памяти” людей» [10. С. 6]. Основываясь на дневниках монголоведа О.М. Ковалевского, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, кандидат исторических наук О.Н. Полянская проанализировала особенности городов российско-монгольского трансграничья в первой половине XIX в. Еще один интересный регион – Урянхайский край – и развитие в нем градостроительства были представлены в докладе старшего научного сотрудника Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, кандидата исторических наук В.А. Василенко. Наконец, не остался без обсуждения и вопрос о влиянии на городскую сеть Сибири развития инфраструктуры региона, в частности кардинальные изменения, обусловленные строительством Транссибирской железнодорожной магистрали. На этом сосредоточил внимание доцент Тюменского государственного университета, кандидат экономических наук С.А. Пахомчик. Небольшой сюжет из развития сибирского речного транспорта, связанный с деятельностью инженера-полковника X округа путей сообщения Ф.Ф. Риддера, был представлен в докладе аспиранта Института истории СО РАН И.Д. Долгушина.

Следующий вектор работы конференции – обсуждение эволюции структуры городского населения Сибири. Здесь необходимо выделить доклады старшего научного сотрудника Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова Е.В. Леонтьева о демографической ситуации в Красноярске по материалам первой податной ревизии 1722 г. и независимого исследователя, кандидата философских наук Н.П. Гуляевой, сопоставившей домохозяйства городских и сельских жителей Красноярского уезда в 1785 г. Интересная подача материала, использование ранее неизвестных источников и новизна результатов применительно к изучаемой тематике – все это можно было наблюдать как в данных работах, так и в выступлениях заведующей сектором истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, кандидата исторических наук Т.А. Кискидосовой (о населении Ачинска), старшего научного сотрудника Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН А.И. Архиповой (о чиновничестве в социальной структуре городов Северо-Восточной Сибири), научного сотрудника Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, кандидата исторических наук А.Д. Васильева (о якутских городничих), ученого секретаря Научного изучения Улуса Джучи, PhD К.Г. Аканова (о казахской диаспоре в сибирских городах).

Хорошо представленным оказался ставший уже традиционным блок исследований, связанных с изучением истории предпринимательства. Прозвучали доклады о сибирских купцах, их семьях, вкладе в развитие экономики региона и участии в общественной жизни (доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета, кандидат исторических наук Л.Н. Воробцова, член Союза архитекторов России Т.Ю. Тайченачева, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, кандидат исторических наук П.П. Петров, ведущий научный сотрудник Забайкальского научного центра Института истории, археологии и этнографии народов дальнего Востока ДВО РАН, доктор исторических наук И.Н. Мамкина, доцент Байкальского государственного университета, кандидат исторических наук Н.И. Гаврилова, доцент Сибирского федерального университета, кандидат исторических наук Л.Е. Мариненко, независимый исследователь из Новосибирска Н.А. Минина).

При этом неизбежно был поднят вопрос о взаимодействии частного капитала с органами государственной власти и общественными структурами, обсуждение которого подчас принимало неожиданные повороты. Так, например, в докладе Н.И. Гавриловой подчеркивалось стремление купечества к активному участию в деятельности органов городского самоуправления, а в прозвучавшем перед тем выступлении И.Н. Мамкиной фигурировал уникальный факт попытки одного читинского купца выставить занимаемую им должность на продажу. Дискуссии развернулись также при обсуждении функциональности словесного суда и степени политизации общества в дореволюционной России, чему поспособствовали выступления И.Н. Мамкиной, Н.А. Мининой, а также заведующей кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Бийского технологического института Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, доктора исторических наук Е.А. Дегальцевой и представленный на пленарном заседании доклад профессора Национального исследовательского Томского государственного университета, доктора исторических наук В.П. Зиновьева. Историкам было весьма полезно послушать теоретические рассуждения доцента Новосибирского национального исследовательского государственного университета, кандидата политических наук Ю.А. Пустовойта о структуре местной власти в контексте теории ассамбляжа М. Деланды.

Важный момент, ярко проявившийся в ходе работы конференции, – ориентация исследователей на изучение истории повседневности, когда на основе самых разнообразных по видовой принадлежности источников на первый план выводится жизнь рядовых участников исторического процесса, характеризуются их мировоззрение и нормы поведения. В частности, большой интерес вызвал доклад доцента Новосибирского национального исследовательского государственного университета А.А. Бродникова о быте жителей Енисейского острога в первой половине XVII в. и остро стоявшем в то время в Сибири «женском вопросе». Целый ряд выступлений был посвящен реконструкции повседневности разных слоев сибирского социума пореформенного периода: практикам жизнеобеспечения жителей малых городов (доцент Алтайского филиала РАНХиГС, кандидат исторических наук О.А. Тяпкина), трудовой повседневности европейских общин (профессор Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, доктор исторических наук В.Н. Шайдуров), организации городской торговли и выявлению потребностей населения в товарах и услугах (магистрант Тюменского государственного университета Е.В. Чураков, аспирант Алтайского государственного университета С.В. Аброськин), быту учителей (ученый секретарь Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника им. А.И. Кытманова Н.Г. Харитонова), бытовым новациям на примере читинской радиостанции (член Российского общества историков-архивистов Забайкальского края М.В. Забровская). Необычный ракурс представил в своем сообщении старший научный сотрудник Института истории СО РАН, кандидат исторических наук А.К. Кириллов, который проанализировал представления горожан о деньгах, исходя из установления цен на аренду квартир. Очевидно, что реконструкция различных аспектов повседневности, уточнение биографий и обыденного сознания, обогащая нас конкретным фактическим материалом, в то же время способствует и выведению исследований на более высокий обобщающий уровень, позволяет по-новому взглянуть на обычных, на первый взгляд ничем не примечательных людей, которые, собственно, и определяли дух времени.

Обращение к изучению повседневности связано с расширением источниковой базы исследований – и это хорошо видно из прозвучавших на конференции докладов, построенных на анализе и разнообразных архивных документов, и периодической печати, и устных рассказов, передававшихся из поколения в поколение и письменно зафиксированных уже в наше время. И здесь чрезвычайно большую роль играют новые возможности, открывающиеся в связи с развитием современных информационных технологий. В этой связи особо хотелось бы отметить выступление доцента Алтайского государственного университета кандидата исторических наук Е.А. Брюхановой о достигнутых на сегодняшний день результатах по созданию и наполнению информационной системы о населении городов Сибири рубежа XIX–XX вв. Автором был представлен алгоритм работы по выявлению необходимых источников, их интерпретации и сопоставлению полученных данных. Плоды этого длительного труда, несомненно, могут оказать существенную помощь всем исследователям, занимающимся изучением сибирского города.

Исследование прошлого сибирских городов неизбежно влечет за собой включение в повестку дня вопрос о сохранении и популяризации дошедшего до наших дней историко-культурного наследия. Все это требует объединения усилий специалистов из разных областей – историков, этнографов, архитекторов. Актуальность данной задачи и существующий в обществе запрос отразили заслушанные в ходе работы конференции выступления магистранта Московского архитектурного института (государственной академии) М.В. Федосовой, магистранта Тюменского государственного университета П.В. Вялкова, заместителя директора Енисейского музея-заповедника им. А.И. Кытманова С.П. Худышкиной. В частности, М.В. Федосова вынесла на обсуждение план реконструкции малых городов, сформировавшихся в ходе переселенческого движения начала XX в. и ныне входящих в состав Новосибирской области. Как можно сохранить памятники истории и градостроения – разрушающиеся заводские корпуса – и одновременно сделать город комфортным для жителей и привлекательным для туристов – обо всем этом шла речь в ее докладе, вызвавшем множество вопросов и оживленную дискуссию.

Завершая обзор конференции, отметим, что, конечно, научный съезд – это всегда новые встречи, возможность из первых рук узнать о самых свежих результатах исследований, взглянуть на, казалось бы, хорошо известные факты с иного ракурса, обменяться суждениями, наконец, наметить или скорректировать перспективы для дальнейшего развития собственных изысканий. И с этой точки зрения прошедшая конференция полностью выполнила свою задачу – все остались довольны и полны творческих замыслов. По словам модератора одной из секций О.А. Тяпкиной, «конференция прошла динамично, насыщенно, академично и в то же время очень уютно». Возможно (а такие пожелания звучали), научный съезд по истории городов Сибири в Новое время стоит сделать регулярным, с периодичностью раз в два-три года, что, несомненно, могло бы способствовать объединению усилий специалистов из разных областей знания и всех заинтересованных лиц в изучении процесса градообразования на территории Северной Азии.

Список источников

1. Каменецкий И.П. Д.Я. Резун – ученый, педагог, человек: к 60-летию со дня рождения историка // Культурологические исследования в Сибири. 2005. № 1 (15). С. 5–10.
2. Ивонин А.Р. Сибирский историк Дмитрий Яковлевич Резун (к 60-летию со дня рождения) // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. : сб. науч. тр. Новосибирск : РИПЭЛ, 2005. С. 3–11.
3. Комлева Е.В. Вклад Дмитрия Яковлевича Резуна в Сибирскую урбанистику // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. Новосибирск : Гео, 2013. Т. 2: М–Я. С. 462–464.

4. *Каменецкий И.П., Комлева Е.В., Туманик Е.Н.* Последний проект историка: к биографии Дмитрия Яковлевича Резуна // Исторический курьер. 2018. № 2. Ст. 14. URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-14.pdf (дата обращения: 14.05.2025).
5. Гончаров Ю.М., Климова О.Г. Д.Я. Резун как организатор изучения истории предпринимательства в дореволюционной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 3. С. 5–9.
6. Климова О.Г. Историография истории предпринимательства в дореволюционной Сибири в лицах. Барнаул : Изд-во С.-Петерб. ун-та технологий управления и экономики, 2019. 207 с.
7. Каменецкий И.П. Жизнь и научное творчество // Резун Д.Я. Библиографический указатель / сост. И.Р. Соколовский; отв. ред. И.П. Каменецкий. Новосибирск : Апостроф, 2025. С. 4–17.
8. Резун Д.Я. Библиографический указатель / сост. И.Р. Соколовский; отв. ред. И.П. Каменецкий. Новосибирск : Апостроф, 2025. 96 с.
9. Города Сибири в Новое время: экономическое и социокультурное измерения. К 80-летию доктора исторических наук Дмитрия Яковлевича Резуна : всерос. с междунар. участием науч.-прак. конф. Новосибирск, 18–19 марта 2025 г. : программа / Ин-т истории СО РАН. URL: https://bsk.nios.ru/sites/default/files/pamyati_d_ya_rezuna_itogovaya_programma.pdf (дата обращения: 14.05.2025).
10. Афинская З.Н., Кулаженкова Л.Н. Городская топонимика как семиотическая проблема // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Сер. Филологические науки. 2015. № 11 (20). С. 6–8.

References

1. Kamenetskiy, I.P. (2005) D.Ya. Rezun – uchenyy, pedagog, chelovek: k 60-letiyu so dnya rozhdeniya istorika [D.Ya. Rezun – Scholar, Educator, Person: On the 60th Anniversary of the Historian's Birth]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. 1(15). pp. 5–10.
2. Ivonin, A.R. (2005) Sibirskiy istorik Dmitriy Yakovlevich Rezun (k 60-letiyu so dnya rozhdeniya) [Siberian Historian Dmitry Yakovlevich Rezun (On the 60th Anniversary of His Birth)]. In: *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya Sibiri XVII–XX vv.* [Problems of Socio-Economic and Cultural Development of Siberia in the 17th–20th Centuries]. Novosibirsk: RIPEL. pp. 3–11.
3. Komleva, E.V. (2013) Vklad Dmitriya Yakovlevicha Rezuna v Sibirskuyu urbanistiku [Dmitry Ya. Rezun's contribution to Siberian Urban Studies]. In: REzun, D.Ya. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic Dictionary on the History of Merchantry and Commerce in Siberia: In 2 vols]. Vol. 2. Novosibirsk: Geo. pp. 462–464.
4. Kamenetskiy, I.P., Komleva, E.V. & Tumanik, E.N. (2018) Posledniy proekt istorika: k biografii Dmitriya Yakovlevicha Rezuna [The Last Project of the Historian: Towards a Biography of Dmitry Yakovlevich Rezun]. *Istoricheskiy kur'er*. 2. Col. 14. [Online] Available from: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-14.pdf (Accessed: 14th May 2025).
5. Goncharov, Yu.M. & Klimova, O.G. (2018) D.Ya. Rezun kak organizator izucheniya istorii predprinimatel'stva v dorevolyutsionnoy Sibiri [D.Ya. Rezun as an Organizer of the Study of the History of Entrepreneurship in Pre-Revolutionary Siberia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 25(3). pp. 5–9.
6. Klimova, O.G. (2019) *Istoriografiya istorii predprinimatel'stva v dorevolyutsionnoy Sibiri v litsakh* [Historiography of the History of Entrepreneurship in Pre-Revolutionary Siberia in Personalities]. Barnaul: Altai Institute of Economics.
7. Kamenetskiy, I.P. (2025) Zhizn' i nauchnoe tvorchestvo [Life and Scientific Work]. In: Kamenetskiy, I.P. (ed.) *Rezun D.Ya. Bibliograficheskiy ukazatel'* [D.Ya. Rezun: Bibliographic Index]. Novosibirsk: Apostrof, 2025. pp. 4–17.
8. Kamenetskiy, I.P. (ed.) (2025) *Rezun D.Ya. Bibliograficheskiy ukazatel'* [D.Ya. Rezun: Bibliographic Index]. Novosibirsk: Apostrof.
9. Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. (2025) *Goroda Sibiri v Novoe vremya: ekonomicheskoe i sotsiokul'turnoe izmereniya. K 80-letiyu doktora istoricheskikh nauk Dmitriya Yakovlevicha Rezuna* [Cities of Siberia in the Modern Era: Economic and Sociocultural Dimensions. To the 80th Anniversary of Doctor of Historical Sciences Dmitry Yakovlevich Rezun]. Conference with International Participation, Novosibirsk, March 18–19, 2025. [Online] Available from: https://bsk.nios.ru/sites/default/files/pamyati_d_ya_rezuna_itogovaya_programma.pdf (Accessed: 14th May 2025).
10. Afinskaya, Z.N. & Kulazhenkova, L.N. (2015) Gorodskaya toponimika kak semioticheskaya problema [Urban Toponymy as a Semiotic Problem]. *Evraziyskiy Soyuz Uchenykh (ESU). Ser. Filologicheskie nauki*. 11(20). pp. 6–8.

***Сведения об авторе*:**
Комлева Евгения Владиславовна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: feodal@history.nsc.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Komleva Evgeniya V. – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: feodal@history.nsc.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.06.2025; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 05.06.2025; accepted for publication 01.08.2025

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2025 № 96

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 15.10.2025 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 25,8. Усл. печ. л. 23,9. Тираж 50 экз. Заказ № 6446. Цена свободная.

Дата выхода в свет 25.09.2025 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru